

Бендин Александр Юрьевич

ПРОБЛЕМЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(1863–1914 гг.)

Научное издание

Минск 2010

УДК 2-9(476)+348(476)(091)
ББК 86.3(4Бел)+67.3(4Бел)
Б46

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета
Белорусского государственного университета*

Рецензенты:

профессор кафедры публичного права Российского
государственного социального университета (Минский филиал)
доктор исторических наук *К. В. Шевченко*;
доцент кафедры истории Беларуси нового
и новейшего времени исторического факультета БГУ
кандидат исторических наук *В. А. Теплова*

Бендин, А. Ю.

Б46 Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) / А. Ю. Бендин. – Минск : БГУ, 2010. – 439 с. : ил.
ISBN 978-985-518-440-0.

Монография посвящена истории веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи, а также взаимоотношениям, которые складывались в этом регионе между государством, православием и католичеством в период после польского восстания 1863 г. вплоть до начала Первой мировой войны. На основе новых методологических подходов рассматриваются религиозные конфликты и противоречия, которые возникали в крае по причинам политического, правового и религиозно-этнического характера. Особое внимание уделено эволюции законодательства о веротерпимости, и в частности, императорскому указу от 17 апреля 1905 г. Новый виток религиозно-этнической напряженности и конфликтов, наступивший после издания указа, исследуется в контексте модернизированного религиозного законодательства.

Для научных работников, преподавателей и студентов исторических специальностей, религиоведов, богословов, правоведов и этнологов.

**УДК 2-9(476)+348(476)(091)
ББК 86.3(4Бел)+67.3(4Бел)**

ISBN 978-985-518-440-0

© Бендин А. Ю., 2010
© БГУ, 2010

ВВЕДЕНИЕ

К началу XX в. Северо-Западный край характеризовался особенным религиозно-этническим многообразием среди других регионов Российской империи¹. Отношения, складывавшиеся между приверженцами различных конфессий и общин, нередко приводили к конфликтам, делавшим этот край проблемным религиозным пространством наряду с Царством Польским, Юго-Западным краем и Поволжьем. Ведущее место в сложной системе межрелигиозных отношений на территории края занимали отношения между католичеством и православием, имевшие долгую историческую традицию.

С включением белорусско-литовских земель в состав Российской империи на ее западных окраинах на протяжении XIX – начала XX в. происходила сложная борьба за установление политических, конфессиональных и этнолингвистических границ. Результаты этой борьбы должны были определить принадлежность территории и населения этих земель к Речи Посполитой или к Российской империи. Противоборство, в котором столкнулись интересы российского правительства и Православной церкви, с одной стороны, и интересы Католической церкви и польского национального движения, с другой, после подавления польского восстания 1863 г. продолжилось в новых формах и в новых социально-культурных условиях пореформенного развития. Задачами правительства в этот период становились меры по ослаблению позиций Католической церкви, сужению сферы влияния польского языка и польской культуры в обществе, ограничения польского землевладения.

Указанные меры в той или иной степени распространялись на весь Западный край. Западные губернии, губернии Западного края, под таким общим названием имелись в виду три Северо-Западные губернии (белорусско-литовские): Виленская, Ковенская и Гродненская, три Западные губернии (белорусские): Минская, Могилевская и Витебская, три Юго-Западные (малорусские): Киевская, Волынская и Подольская губернии².

Регион, который стал ареной наиболее острого политического и религиозно-этнического противоборства, получил официальное название Северо-Западный край. В качестве административно-территориальной единицы Российской империи в начале 60-х гг. XIX в. регион имел в своем составе шесть губерний: Ковенская, Виленская, Гродненская, Витебская, Минская и Могилевская. Северо-Западный край находился в ведении генерал-губернатора, резиденция которого находилась в г. Вильно. В учебном отношении шесть указанных губерний составляли Виленский учебный округ, во главе которого стоял попечитель. В последующие десятилетия, в связи с территориальными изменениями в составе Виленского генерал-губернаторства, упраздненного в 1912 г., Северо-Западным краем стали называть преимущественно три белорусско-литовские губернии: Виленскую, Ковенскую и Гродненскую, оставшиеся в его составе, а за губерниями Витебской, Минской и Могилевской закрепилось название белорусских³.

¹ Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890. С. 1, 373; Сб. статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. 2; сост. и изд. С. Шолокович. Вильна, 1887. С. XXXV.

² Бабин В. Г. Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. / Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы науч.-теоретич. конф. 8–10 дек. 2003 г. СПб., 2004. С. 221.

³ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 244.

В официальных изданиях, периодической печати и научных исследованиях той эпохи эта территориально-административная единица получала различные названия: Западная Россия, Западно-Русский край, Литва и Белоруссия¹. В исследовании употребляются только исторические названия региона.

Польское восстание 1863 г. на территории Северо-Западного края кардинально изменило отношение правительства к местному римско-католическому духовенству, которое начало восприниматься в качестве политического врага империи. Опыт вооруженных выступлений показал, что действия и мотивы отдельных групп католических священнослужителей перестали соответствовать своим религиозным целям и приобрели противоправный политический характер. Деятельность таких ксендзов была связана с пропагандой восстания, разжиганием религиозной и этнической розни, созданием антиправительственных вооруженных формирований и посягательством на целостность Российского государства.

Участие ксендзов и монашествующих в вооруженной борьбе в качестве идеологов и непосредственных участников восстания повлекло за собой аресты, ссылки и казни духовных лиц, виновных в тяжких государственных преступлениях, закрытие в административном порядке ряда монастырей и сотен костелов и часовен². Католические костелы, как правило, вместе с церковным имуществом передавались в ведение православного ведомства, а затем перестраивались и освящались духовенством как православные храмы.

Участие в борьбе за независимость Польши в форме вооруженной борьбы и противоправная прозелитическая деятельность отдельных групп духовенства привели к тяжелым негативным последствиям для Католической церкви как социального и религиозного института. В результате предпринятых правительством чрезвычайных мер по закрытию костелов и монастырей институциональные позиции католичества на территории края – религиозные, социальные, экономические и этнокультурные – к началу 70-х гг. XIX в. были значительно ослаблены³.

Следует отметить, что политические репрессии против ксендзов за преступления против государства, закрытие костелов, часовен и монастырей, кампания по обращению католиков в православие, т. е. чрезвычайная конфессиональная политика, были продиктованы непосредственной реакцией правительства на вооруженный мятеж. Несмотря на столь впечатляющие проявления политической враждебности части католической иерархии и клира к российскому государству и православию, эта политика не исходила из общей правовой оценки Католической церкви как религиозно нетерпимой или преступной политической организации. Предпринятые меры, несмотря на их масштабы и жесткость, носили *ситуативный и ограниченный* характер. Они не изменили и не могли изменить легального положения Католической церкви как религиозного института, продолжавшего функционировать на основе статей 44–45 «Основных законов» Российской империи и действовавшего законодательства о веротерпимости. Католическая церковь в государстве по-прежнему сохраняла правовой статус «терпимой», государственной, находившейся

¹ Виленский календарь на 1905 г. Вильна, 1905. С. 112; Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1914. № 12. С. 264; *Батюшков П. Н.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890. С. 1.

² *Извеков Н. Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. М., 1889. С. 364; Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА) (Политическое отделение). Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Л. 11–12, 18, 19, 33, 50; Ф. 378. Оп. 1869. Д. 946. Л. 1–29; Ф. 604. Оп. 5. Д. 329. Л. 59; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 4 об.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 62–68; ЛГИА (Политическое отделение). Ф. 378. Оп. 1867. Д. 147. Л. 7, 13, 22; Ф. 378. Оп. 1869. Д. 1289. Л. 1–26.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 16. Д. 51. Л. 13. *Брянцев П. Д.* Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1892. С. 67.

под покровительством императора, ее духовенство и епископат получали жалование из казны, пользовались всеми установленными законом правами и сословными привилегиями¹.

По мнению губернаторов Северо-Западного края, выраженному в политических отчетах императору Александру II в 1865–1866 гг., католическое духовенство, усилившее свои позиции в крае в предшествующие десятилетия, в решающей степени подготовило религиозно-этническую и идейную мобилизацию повстанцев 1863 г.

На этом основании делался вывод о том, что ревностная приверженность к католицизму значительных групп местного населения, и прежде всего помещиков и шляхты, идентифицирующих себя в качестве поляков, явилась тем условием, без которого антироссийское восстание на этих традиционно русских землях с преобладающим численно православным населением было бы невозможно. Сохранение же на территории края в существующем виде силы, влияния, масштабов и методов распространения католического вероучения с его польской этнокультурной составляющей представлялось политически опасным для сохранения целостности государства. Администрация исходила из того, что сформированный местной католической традицией антиправительственный и миссионерский потенциал духовенства, опирающийся на социальную элиту местного общества – польских помещиков и шляхту, несет в себе реальную угрозу возникновения новых сепаратистских выступлений и требует введения системы соответствующих ограничительных мер².

Политика правительства в решении вопроса об отношении к местному католицизму заключалась в том, чтобы, не отказываясь от соблюдения правовых норм веротерпимости, разъединять исторически сложившуюся сопряженность религиозных и национально-политических задач, характерную для деятельности части католического духовенства в Северо-Западном крае, и ввести эту деятельность в сугубо религиозное и законопослушное русло. Политическим инструментом такого разъединения стала практика администрирования, особая сложность применения которой заключалась в том, чтобы при осуществлении мер ограничительного характера не давать повода духовенству и местному населению для обвинения правительства в противозаконном преследовании католической веры³.

Для этого, в дополнение к существующим законам, регулировавшим деятельность Римско-католической церкви в империи, в Северо-Западном крае вводился ряд административных распоряжений, которые ограничивали религиозное влияние духовенства на канонически подвластное ему население. Введение не предусмотренного законом постоянного административного надзора над католическим духовенством мотивировалось тем, что во время восстания ксендзы и монашествующие использовали данную им правительством духовную власть над паствой в качестве инструмента политической мобилизации политических врагов российского государства. Необходимо было не допустить повторения ситуации, в которой *духовная* власть католического клира вновь смогла трансформироваться во власть *политическую*, способную мобилизовать и объединить политических врагов империи в Северо-Западном крае. Правительству было хорошо известно, что практически все участники восстания 1863 г. принадлежали к Римско-католической

¹ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. СПб., 1857. Ст. 44–45; Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. СПб., 1857.

² ЛГИА (Политическое отделение). Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 5.
Политические записки графа М. Н. Муравьева // Русский архив. 1886. № 6. С. 187–199; *Граф М. Н. Муравьев*. Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем польского мятежа 1863–1864 гг. // Русская старина. 1883. № 1. С. 134–139; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 46. Л. 9–56; Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1340. Л. 62–63.

³ ОР РНБ. Ф. 16. Д. 51. Л. 23–28; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 5.

церкви. Возникали вполне обоснованные опасения, что в случае попытки новой вооруженной сессии из состава империи «фанатическая» приверженность части католиков к своей Церкви может получить недопустимый приоритет перед светским законом и политической лояльностью к российской монархии.

Установленный в условиях военного положения 1863–1868 гг. контроль губернской администрации над римско-католическим духовенством фактически подменял собой каноническую власть местного епископата, законный характер которой подтверждался действующим законодательством о статусе Римско-католической церкви в империи¹.

Указывая на это очевидное противоречие, следует учесть, что появление чрезвычайного административного нормотворчества было вызвано недоверием администрации к политической лояльности епископата и местного католического духовенства, часть которого участием в восстании и прозелитизмом среди православных дискредитировала себя в качестве законопослушных христианских пастырей. Государство с помощью льгот и привилегий учитывало особый духовный и правовой статус профессии священнослужителей, но оно не могло примириться с их проступками, несовместимыми с христианским профессиональным призванием и нормами российского законодательства. Поэтому действовавшие имперские правовые нормы регламентации деятельности этого духовенства, с точки зрения безопасности государства и защиты прав «господствующей» Православной церкви, представлялись администрации края недостаточными и неэффективными².

В системе административных мер, введенных правительством и генерал-губернаторами в Северо-Западном крае, можно выделить три основных направления. Первое – надзор губернаторов над римско-католическим духовенством в форме контроля над поездками духовенства и монашества за пределы своих приходов и монастырей, назначением ксендзов на приходы и административные церковные должности, поступлением в монастыри и духовные семинарии, содержанием проповедей священников и т. д. В качестве мер административного наказания за правонарушения со стороны духовенства губернаторы применяли практику наложения денежных штрафов, отстранения ксендзов от должности или перемещения их на другие приходы³. Второе – меры по ограничению ритуально-обрядовой составляющей римско-католического культа. Были упразднены католические братства при костелах, запрещены крестные ходы вне костелов, самовольная постановка римско-католических крестов на полях и дорогах и т. д.⁴ Третье – контроль губернских властей за ремонтом и строительством костелов и часовен⁵.

Одновременно с региональным чрезвычайным нормотворчеством были приняты имевшие силу закона высочайшие повеления, ограничивавшие правовой статус Римско-католической церкви в Западном крае⁶.

Цель нового политического курса по отношению к местному католицизму, принятому в 1864–1868 гг., заключалась в том, чтобы с помощью чрезвычайных мер упразднить потенциальную опасность появления новых антироссийских выступлений с участием представителей католического клира. Более того, памятуя, что ведущей социальной силой

¹ Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 11, ч. 1. Ст. 30–31.

² *Миловидов А. И.* Заслуги графа М. Н. Муравьева для православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 34; РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 2986. Л. 64.

³ ОР РНБ. Ф. 629. Д. 177. Л. 2–10, 14, 16; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1865. Д. 1360. Л. 16, 91; Ф. 378. Оп. 1864. Д. 1333. Л. 1–2.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1349. Л. 3; Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 1–7.

⁵ ОР РНБ. Ф. 629. Д. 177. Л. 1, 12.

⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 2986. Л. 75 об; ОР РНБ. Ф. 629. Д. 177. Л. 1–2; РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 298а. Л. 112, 118.

восстания была местная шляхта, правительство, с помощью указанных превентивных мер, стремилось предотвратить возможность участия в будущих сепаратистских выступлениях белорусского католического крестьянства, что придало бы польскому национальному движению массовый характер. Для этого необходимо было не допустить «смещения» функций духовенства в сферу политической пропаганды и прозелитизма, направляя их на выполнение установленных законом и каноническим правом сугубо профессиональных религиозных обязанностей.

Складывалась непростая для имперского государства ситуация, когда светская власть вынуждена была настойчиво, включая различные формы уголовных и административных наказаний, указывать католическому духовенству, чтобы оно не выходило за правовые рамки веротерпимости и канонического права и сосредоточило свои усилия только на выполнении пастырского долга. Совмещение религиозного служения духовенства с пропагандой польского этнического сепаратизма, с точки зрения МВД, было недопустимо не только российскими законами, но и с универсальным содержанием христианского благовестия, с его проповедью любви и милосердия, спасения для жизни вечной, воскресения и Царства Божьего¹.

В 1868 г. в Северо-Западном крае империи начался процесс отмены военного положения, завершившийся в 1872 г. Следовательно, правительство признало, что основные задачи по ликвидации непосредственных причин восстания и наказания его участников были уже решены. Однако базовые направления конфессиональной и этнической политики правительства в Северо-Западном крае империи, сформированные в чрезвычайный период, оставались неизменными. Они были сформулированы М. Н. Муравьевым, рассмотрены Западным комитетом и одобрены Александром II 27 мая 1864 г. Комитет признавал «неподлежащим никакому сомнению признание Северо-Западного края русским, составляющим древнее достояние России»².

Это означало, что правительство в противовес требованиям польского национально-го движения подтверждает российский суверенитет над шестью губерниями края и русскую идентичность входящих в него белорусских земель. Преимущество указанного политического курса была подтверждена Александром II в указах об изъятии из ведения главного управления Северо-Западным краем трех губерний: Могилевской – 27 июня 1869 г., Витебской – 2 ноября 1869 г. и Минской – 25 декабря 1870 г. – и подчинении их непосредственно МВД.

В условиях наступившего мирного времени правительство по-прежнему ставило своей целью: «Упрочение русской народности в Западном крае, ограничение преобладания польской национальности и преграждение польской пропаганды путем религиозным»³. Для выделенных из состава Северо-Западного края губерний сохраняли силу закона названные выше высочайшие повеления и ряд распоряжений генерал-губернаторов относительно Римско-католической церкви, принятых в условиях военного положения (1863–1868 гг.)⁴. Аналогичные правовые и административные ограничения деятельности Католической церкви сохранялись и в трех губерниях Северо-Западного края (Виленской, Ковенской и Гродненской), оставшихся в составе генерал-губернаторства⁵.

На протяжении последующих десятилетий каких-либо существенных изменений в действовавшую систему административных ограничений религиозной жизни католиков,

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 2.

² ЛГИА (Политическое отделение). Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 3.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1869. Д. 66. Л. 48 об; Ф. 378. Оп. 1869. Д. 97. Л. 6; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 58.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1869. Д. 66. Л. 50–52; Ф. 378. Оп. 1869. Д. 97. Л. 7–10; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 58–61.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 298а. Л. 8.

их духовенства и иерархии внесено не было. В итоге введенные по чрезвычайным политическим обстоятельствам региональные административные меры в отношении местного католичества приобрели долговременный характер и, за некоторыми исключениями, продолжали действовать в крае вплоть до начала XX в.¹

Следует отметить, что меры, предпринятые правительством по отношению к Католической церкви, явились составной частью политики системного обрусения Северо-Западного края, начатого администрацией М. Н. Муравьева в целях упразднения социокультурного, религиозного и экономического доминирования польского католического меньшинства над православным крестьянским большинством. Представление о польской идентичности Северо-Западного края определялось не только его историей, т. е. бывшей принадлежностью к Речи Посполитой. Местная элита – дворянство, католическое духовенство и интеллигенция – состояла в основном из поляков и ополяченных белорусов и литовцев. Составляя не более 6 % населения западных губерний, польское меньшинство занимало доминирующие позиции в крае². Предполагалось, что осуществление этой политики существенно сократит степень воздействия Католической церкви и польской культуры на местное белорусское население и ослабит тем самым постоянную угрозу польского сепаратизма на западных окраинах Российской империи.

Политика системного обрусения края в той или иной степени затрагивала все этнические группы, населявшие Северо-Западный край. Но только по отношению к доминировавшему польско-католическому меньшинству обрусение рассматривалось как административно-правовая, экономическая, социальная, религиозная и культурная *реконкиста*, призванная повернуть вспять польско-католическую экспансию, достигшую своего высшего пика к 1863 г.

Однако эта реконкиста имела свои границы, определенные действующим законодательством о веротерпимости, что гарантировало сохранение католичества на территории Северо-Западного края. Объектом реконкисты после событий 1863–1868 гг. стала не Римско-католическая церковь с ее структурами управления и приходами, а польская традиция этой церкви. Начавшаяся системная борьба с польской идентичностью костела и края преследовала общую цель – модернизацию региона и постепенную интеграцию его в состав Российской империи.

Религиозной составляющей политики обрусения стала государственная поддержка миссии Православной церкви, предполагавшей ее территориальный рост, активное строительство новых храмов и расширение границ «русской народности» – т. е. религиозно-этнической общности белорусов, великороссов и малороссов – путем обращения белорусов-католиков в православие. Вооруженные выступления польской шляхты в 1863 г. убедили правительство, что отмена крепостного права и принадлежность крестьян-белорусов к православию стали идейно-социальным иммунитетом против революционной и польской националистической пропаганды местных руководителей восстания – В. Калиновского и др.

Усиление позиций Православной церкви в западных епархиях должно было способствовать формированию устойчивой русской идентичности православного крестьянского

¹ ЛГИА. Ф. 604. Оп. 5. Д. 748. Л. 1–3 об; Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023, Л. 1–9; Ф. 378. Оп. 1877. Д. 13. Л. 18, 33.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; под ред. Н. А. Тройницкого. V. Витебская губерния. Тетрадь 3. 1903. С. X; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; под ред. Н. А. Тройницкого. XXII. Минская губерния. 1904. С. IX; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; под ред. Н. А. Тройницкого. XXIII. Могилевская губерния. 1903. С. VII.; *Бабин В. Г.* Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. / Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы науч.-теоретич. конф. 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 199–200.

населения, которое рассматривалось после восстания 1863 г. в качестве главной социальной опоры правительства в западном регионе империи. Создаваемые православием и правительством идентификационные механизмы формирования русского самосознания одновременно преследовали цель интеграции белорусов в религиозно-этническую общность русских. Следует отметить, что понятие «русский», бытовавшее в этот период, не являлось этнонимом в его современном значении. Для этого понятия было характерно двойственное этническое и конфессиональное содержание, делавшее его инклюзивным, расширительным. Принадлежность к православию означала включение этнического самосознания (идентичности) белорусов в более широкую категорию русского. Согласно традиционным представлениям, существовавшим до первой советской переписи населения 1926 г., все «народности», принадлежавшие к Православной церкви – малороссы, великороссы и белорусы, – считались русскими. По словам В. А. Тишкова, «...те, кто сегодня называются русскими, в те времена назывались великороссами, украинцы, в свою очередь, назывались малороссами, а вместе с белорусами они считались русскими. Но русскими могли считать или считали себя также представители других национальностей и вероисповеданий, в случае, если они принимали или были от рождения православными»¹.

Поэтому понятия «русский», «западнорусский», «белорус», употребляемые в официальных документах светских и церковных и периодической печати Северо-Западного края второй половины XIX – начала XX в., не исключали друг друга, а, наоборот, являлись синонимами. В таком же синонимическом смысле указанные понятия используются и в данной работе.

Указанные идентичности, формирующиеся на основе общей православной традиции, русского языка и церковнославянского языка богослужения, свидетельствовали о принадлежности к религиозно-этнической общности русских, в то время как белорусский язык служил средством для этнической самоидентификации внутри этой общности.

В Российской империи при переписях население разбивалось на группы по религиозному и языковому принципу. При распределении населения по «народностям» за основание принимался родной язык. Из религиозно-этнической общности русских белорусы выделялись в качестве «народности» с помощью государственных процедур – переписей населения. В таком случае вероисповедный критерий отходил на второй план, и на основе общего языка православные и католики выделялись в единую народность – белорусов². На этом основании правительство идентифицировало католиков, говорящих на белорусском языке, в качестве белорусов, принадлежавших к этнической общности русских.

Политика системного обрусения края не ставила своей целью насильственно ассимилировать белоруса, переделать его в великоросса, как это бездоказательно утверждает белорусская «национальная» историография³. Подобные архаические представления це-

¹ www.valerytishkov.ru. *Тишков В. А. И русский, и российский // Вестник Российской нации. 2009. № 2 (4).*

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; под ред. Н. А. Тройницкого. XXIII. Могилевская губерния. 1903. С. VII; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; под ред. Н. А. Тройницкого. XXII. Минская губерния. 1904. С. VIII; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; под ред. Н. А. Тройницкого. V. Витебская губерния. Тетрадь 3. 1903. С. IX–X; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; под ред. Н. А. Тройницкого. XI. Гродненская губерния. 1904. С. VII; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г.; под ред. Н. А. Тройницкого. IV. Виленская губерния. Тетрадь 3. 1903. С. IX.

³ *Біч М. Беларускае адраджэнне ў XIX – пачатку XX ст.: гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. Мінск, 1993. С. 4; Снапкоўская С. У. Гісторыя адукацыі і педагагічнай думкі Беларусі (60-я гг. XIX – пачатак XX ст.). Мінск, 2001. С. 132; Яноўская В. Гісторыя хрысціянскай царквы на Беларусі. Мінск, 2002. С. 140; Грыгор’ева В. В., Завальнюк У. М., Навіцкі У. І., Філатава А. М. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.). Мінск, 1998. С. 71.*

ликом укладываются в рамки примордиализма. Историкам, разделяющим эти взгляды, свойственна вера в социальный конструкт одномерной и взаимоисключающей этнической идентичности как некоего базового архетипа человеческого бытия. Этническую идентичность они рассматривают как неотъемлемую психологическую часть «Я», а ее изменения как неестественные и навязанные человеку извне. Господствующее в «национальной» историографии примордиалистское понимание этничности приводит к утверждению жесткой нормы единственной, обязательной и кровной национальной принадлежности¹. Неудивительно, что политика системной русификации Северо-Западного края интерпретируется с точки зрения этой «предписанной» историками «единственной», идеологически препарированной белорусской идентичности.

В действительности речь шла о процессах интеграции этнически родственных белорусов в состав религиозно-этнической общности русских. Этот процесс протекал на основе либо общих конфессиональных и культурных ценностей, как это было в случае с православными белорусами, либо на основе только ценностей культурных, как это было в случае с белорусами-католиками. В иерархии идентичностей два уровня этнического сознания белорусский – русский не исключали друг друга, а составляли множественность, включавшую в себя все более высокие уровни. В этом случае самоидентификация осуществлялась через осознаваемую отличительность как один из элементов множественной идентичности². В случае с белорусами, проживавшими в Российской империи, эта иерархия идентичностей выстраивалась по принципу: «я – белорус, и я – русский».

В результате политики обрусения русское самосознание белорусов не приобретало иноэтничное содержание, как это зачастую происходило в результате католического присутствия и связанного с ним влияния польской культуры. По мысли известного русского лингвиста Н. С. Трубецкого, в силу изначально высокой степени этноязыковой однородности восточнославянского культурного пространства это русское самосознание включалось в совместные цивилизационные усилия великороссов, малороссов и белорусов по созданию «высокой» русской культуры³.

Осуществляя политику системного обрусения края, государство с разной степенью интенсивности и последовательности конструировало ответы на польско-католические вызовы в экономике, религиозно-этнической и социокультурной областях. Опираясь на местные исторические традиции русского самосознания, оно с помощью системы образования, Православной церкви, других социальных институтов и групп формировало этническую самоидентификацию белорусов как взаимоисключающую оппозицию идентичности польской. В сознании населения начало утверждаться имперское представление о том, что принадлежность к «русской народности» (термин, употребляемый в официальных документах) в отношении белорусов означала этническую общность с двухуровневой самоидентификацией: «я – белорус, и я – русский». Учитывая конфессиональный критерий русскости, самоидентификация усложнялась: «я – православный, я – белорус, и я – русский».

В свою очередь, католическое духовенство, за отдельными исключениями, предпочитало идентифицировать свою белорусскую, малороссийскую и частично литовскую паству в качестве польской или, если воспользоваться удачным термином Д. Сталюнаса,

¹ Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 111, 232.

² www.valerytishkov.ru. Тишков В. А. И русский, и российский // Вестник Российской нации. 2009. № 2 (4); Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 114–115.

³ Шевченко К. В. Исторический поиск Беларуси. Альманах. Минск, 2006 // Русский сборник. Исследования по истории России; ред.-сост. О. Р. Айрапетов, Мирослав Йованович, М. А. Колеров, Брюс Менниг, Пол Чейсти. Т. V. М., 2008. С. 328–329.

«потенциально» польской. Настаивая на польской идентичности своей непольской паствы, католическое духовенство конструировало этническое самосознание не только своих прихожан, но также и своих религиозных противников-православных. Польская идентичность католических прихожан формировалась в качестве оппозиционной идентичности белорусов-православных, которые воспринимались католиками как русские. В повседневной жизни при определении этнической принадлежности низших сословий, прежде всего крестьян-белорусов, критерием служила конфессиональная принадлежность.

В народной среде католики считались поляками (или, по крайней мере, «потенциальными поляками»), а православные – русскими («потенциальными русскими»)¹. Самоидентификацию католиков-белорусов, формируемую польскоязычным костелом, можно было выразить в терминах: «я – католик, значит, я – поляк».

Интересы местного католицизма, поддерживаемого Римской курией в последовательном и настойчивом отстаивании своей традиционной польской идентичности, и политика интеграции, осуществляемая российским правительством, находились в постоянном противоречии. В связи с этими обстоятельствами модернизация, в форме системного обрусения края, и проблемы веротерпимости оказались взаимосвязанными².

Для непримиримо настроенной части католических священнослужителей и паствы правовые и административные ограничения придавали новый импульс для сохранения настроений религиозного и национального протеста. Для этих настроений было характерно негативное отношение к православию не только как чуждой религии, но и как олицетворению российской государственности и «русской народности». На практике это означало противодействие ксендзов заключению смешанных браков католиков с православными, незаконное преподавание св. Таинств лицам, формально числившимся православными, прозелитизм, создание тайных польских школ для обучения Закону Божьему, запрещение католикам посещать православные церковно-приходские школы, порицание православия и русофобию³.

Религиозной основой нелегального прозелитизма являлось догматическое учение, утверждавшее, что единственной истинной и непогрешимой Церковью, вне которой никто не может достигнуть вечного спасения, является Церковь Римская. Позиция сoterиологического и экклезиологического эксклюзивизма позволяла рассматривать православных как «схизматиков», т. е. раскольников, отпавших от истинной Церкви. Этим людям необходимо было для их же спасения возвратиться в лоно католицизма⁴.

Миссионерские приемы, к которым прибегали ксендзы для обращения «схизматиков» в католицизм, являлись противоправными, так как законы Российского государства карали виновных в прозелитизме среди православного населения. Совращение православных подданных империи в инославию, иноверие и «раскол» означали посягательство на права «господствующей» в империи Православной церкви и расценивались российским законодательством в качестве противоправных действий, наказуемых в уголовном порядке. Поэтому существовавшее противоречие между вероучением Католической церкви, вменяющей миссию среди «схизматиков-православных» в обязанность духовенству, и рос-

¹ Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // *Ab imperio*. 2003. № 1. С. 279.

² Сборник статей, разъясняющий польское дело по отношению к Западной России. Вып. 1. Сост. и изд. С. Шолкович. Вильна, 1885. С. 325.

³ ЛГИА. Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023. Л. 1–9; Ф. 604. Оп. 5. Д. 1104. Л. 1–4; Ф. 604. Оп. 5. Д. 2542. Л. 17–21; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1077а. Л. 194; Ф. 821. Оп. 10. Д. 256. Л. 167; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35609. Л. 13–29; Ф. 295. Оп. 1. Д. 1973. Л. 25–27; Литовские епархиальные ведомости. 1902. № 12. С. 100–102.

⁴ Юдин А. Исторические этапы взаимных отношений церквей Востока и Запада // Введение к книге: Православие и католичество: от конфронтации к диалогу. Хрестоматия. М. 2001. С. 76.

сийским законодательством о веротерпимости, каравшим за подобную практику, рассматривалось ксендзами как проявление религиозной нетерпимости со стороны православного государства. Против священников, занимавшихся прозелитизмом, предпринимались меры уголовного и административного характера¹.

Веротерпимость, сформировавшаяся в XVIII – первой половине XIX в. в качестве симбиоза западноевропейских и византийско-московских правовых норм, можно рассматривать в качестве особого правового института, регулировавшего государственно-религиозные и межрелигиозные отношения в России².

Главные принципы имперской веротерпимости нашли свое законодательное воплощение в статьях 44 и 45 «Основных законов Российской империи» (далее – «Основные законы»). Так, статья 44 гласила: «Все, не принадлежащие к господствующей Церкви подданные Российского государства, природные (а) и в подданство принятые (б), также иностранцы, состоящие на российской службе или временно в России пребывающие (в), пользовались каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной». В статье 45 «Основных законов» говорилось, что: «Свобода веры присвоается не токмо христианам иностранных исповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам (а): да все народы славят Бога по закону и исповеданию праотцев своих»³.

Правовой институт веротерпимости являлся базовым по отношению к правовому статусу его *объектов* – неправославных конфессий и общин. «Правила веротерпимости» устанавливали границы религиозной свободы для деятельности «терпимых» религиозных организаций, в частности Римско-католической церкви, а также нормы взаимоотношений между ними, Православной церковью и государством.

Конфессиональная политика империи, осуществляемая в рамках института веротерпимости, была неразрывно связана с защитой прав и интересов Православной церкви. Власть охраняла Церковь от расколов и посягательств на ее паству со стороны легальных и нелегальных конкурентов. Государство в этой ситуации выступало в качестве *непосредственного субъекта* веротерпимости, определявшего правовые нормы функционирования этого института, политические решения и бюрократические методы управления религиозными организациями. В качестве *опосредованного субъекта* веротерпимости выступала Православная церковь. Исключительный правовой статус русского православия в иерархии религиозных институтов империи наделял эту Церковь положением «*первенствующей и господствующей*». В силу своего статуса Церковь обладала возможностью различными способами (административными и правовыми) воздействовать на конфессиональную политику правительства и решения местной губернской администрации⁴.

Особая взаимосвязь двух разноуровневых субъектов веротерпимости в форме союза «господствующей» Церкви и монархического государства придавала этому российскому институту черты, качественно отличавшие его от аналогичных религиозно-правовых институтов Западной Европы и США. Последние в значительной степени были основаны

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 255. Л. 1; Ф. 821. Оп. 3. Д. 258. Л. 1; Ф. 821. Оп. 3. Д. 262. Л. 1; Ф. 821. Оп. 3. Д. 264. Л. 4; Ф. 821. Оп. 3. Д. 265. Л. 6–7; Ф. 821. Оп. 10. Д. 1077а. Л. 194, 209.

² Веротерпимость – свобода иноверцам исповедовать веру свою. Веротерпимое государство – государство, не стесняющее иноверцев в отправлении обрядов. См.: *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 1: А–З. С. 333.

³ Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. СПб., 1857. Ст. 44–45.

⁴ Ст. 40 «Основных законов Российской империи» гласила, что «первенствующая и господствующая в Российской империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания» // Свод законов Российской империи. Основные государственные законы. СПб., 1892. Т. 1. Ч. 1; РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 62–80; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35792. Л. 23, 32; Ф. 136. Оп. 1. Д. 35795. Л. 29–30; Ф. 136. Оп. 1. Д. 35766. Л. 1–2; Ф. 136. Оп. 1. Д. 35888. Л. 1–12.

на принципах «свободы совести», которые исключали участие государства в религиозном принуждении граждан для утверждения позиций одной главенствующей конфессии¹.

Веротерпимость в качестве правового института включала в себя и элементы нетерпимости, происхождение и существование которых было обусловлено воздействием на светское полицейское и уголовное законодательство отдельных норм канонического права Русской церкви. Как правовое понятие нетерпимость или, точнее, дискриминация означала непризнание государством религиозных общин «раскольников» – старообрядцев и сектантов в качестве организаций, обладавших правом юридического лица².

К атрибутам государственной нетерпимости, проявляемой по религиозным мотивам, следует отнести также меры уголовного преследования, применяемые за «сворачивание» из православия в неправославные и нехристианские конфессии и общины, «сворачивание» в «раскол» и пропаганду «раскола».

Существовавшая практика вероисповедных отношений свидетельствовала о серьезных ограничениях и даже отсутствии «свободы веры» для определенных групп русского населения России в связи с действовавшими мерами государственного принуждения и дискриминации в религиозно-правовой сфере³.

Таким образом, в правовом пространстве Российской империи субъектом веротерпимости являлась монархия, объектом – лояльные, не принадлежавшие к господствующей Церкви, подданные Российского государства. В соответствии с «Основными законами» империи все они получали равные права на публичное отправление традиционного религиозного культа, которыми пользовались сообща в рамках своей религиозной конфессии или общины, объединявшей одну или несколько этнических групп. Однако степень публичности отправления культа (особенно в отношении религиозных процессий) могла быть неодинаковой⁴. Монархия, признав неправославные религиозные общины в качестве терпимых, взяла тем самым на себя обязательство соблюдения гражданских прав своих подданных, никогда не принадлежавших к православию. Они являлись, согласно общему праву, полноправными гражданами России⁵.

Институт веротерпимости, охватывая все многообразие правовых норм и бюрократических взаимоотношений среди признанных законом исповеданий, предусматривал охраняемое законом соблюдение церковных установлений. Или, иными словами, духовной дисциплины. Более того, внутренняя духовная дисциплина религиозных сообществ, т. е. «твердый порядок власти и подчинения среди самого духовенства, с одной стороны, и

¹ Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Ч. 1: О государственном устройстве // Собр. соч. Т. 7. СПб., 1901. С. 333; Справка о свободе совести. СПб., 1906 // РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 3–41; Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 11, ч. 1. Ст. 3.

² Нетерпимость. Невозможность терпеть, допускать, сносить более того, кого; свойство нетерпимого; // свойство и действия нетерпящего, преследующего; особенно о делах веры, об исповедании. *Римская нетерпимость противна духу христианства*. См.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 2: И–О. С. 539.

³ Ограничительные узаконения и особые законоположения, изданные по соображениям национального или вероисповедного свойства либо обусловленные различием полов. СПб., 1906 // РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 215. Л. 16–22; Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 476; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 215. Л. 17–20; Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. СПб., 1890. Т. 14. Ст. 70; Коркунов Н. М. Русское государственное право. 3-е изд., перераб. Т. 1. СПб., 1899. С. 517–518; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издано проф. Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб., 1886. Т. 15. Ст. 184, 185, 186, 187, 196; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 256. Л. 141, 161–167.

⁴ Суворов Н. Учебник церковного права. Ярославль, 1898. С. 591.

⁵ Коркунов Н. М. Русское государственное право. 3-е изд., перераб. СПб., 1899. Т. 1. С. 495–496; РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7, Л. 36.

верующих – с другой), была закреплена в уставах «иностранных и иноверных» исповеданий и поддерживалась с помощью мер административно-полицейского контроля. Механизмы государственной власти оказались встроенными в механизмы поддержания духовной дисциплины, которая, в свою очередь, рассматривалась законодательством как часть дисциплины социальной.

Наряду с реализацией своих непосредственных задач – выполнением духовенством и мирянами их религиозно-нравственных обязанностей – духовная дисциплина терпимых исповеданий действовала также в качестве инструмента государственного контроля над подданными Российской империи. Государственные и духовные механизмы права и дисциплины должны были преследовать общую цель – поддержание религиозного и общественного порядка. Исполнение религиозного долга подданными становилось одновременно свидетельством их политической лояльности российской монархии. Поддерживая духовную дисциплину «иностранных и иноверных» исповеданий, государство вместе с тем обязывало духовенство быть не только верноподданным к монархии, но и воспитывать свою паству как политически лояльную¹.

Для Римско-католической церкви, учитывая ее непростые, в том числе и откровенно конфликтные, отношения с Российской империей, требования соблюдать духовную дисциплину, действующие законы и «высочайший интерес» были особо предписаны государственным законодательством о веротерпимости².

Правовой институт веротерпимости выполнял важные социальные функции. Конфессиональная политика, осуществляемая в рамках этого института, была потенциально направлена на поддержание религиозно-этнической стабильности российского общества и разрешение конфликтов, возникавших в империи на религиозной почве. Но на практике цели и результаты этой политики не всегда совпадали. В Северо-Западном крае столкновение двух политических проектов, соперничавших в борьбе за определение религиозно-этнической идентичности региона, подвергло институт веротерпимости серьезным испытаниям.

В течение указанного периода качественные изменения претерпел и сам правовой институт веротерпимости. Начиная с периода «Великих реформ» Александра II правовая система вероисповедных отношений, построенная частично на канонической основе, начала эволюционировать в сторону расширения религиозных свобод. Результатом этой эволюции в начале XX в. стало издание Манифеста от 26 февраля 1903 г. и именного высочайшего указа от 12 декабря 1904 г. Тем самым верховная власть недвусмысленно свидетельствовала об окончательном выборе в пользу расширения правовых границ традиционной веротерпимости, преследуя цель упрочения «легальной формы власти»³.

Последовавший затем 17 апреля 1905 г. высочайший указ Сенату «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости» впервые сократил часть статей, защищавших исключительные права православия на сохранение неприкосновенности его конфессиональных границ. Введение новых религиозных свобод рассматривалось правительством в качестве инструмента укрепления традиционной религиозности и политической лояльности как среди духовенства и мирян терпимых исповеданий, так и среди ранее дискриминируемых групп российского общества. Это была попытка правового решения проблем, вызванных мерами государственного принуждения в религиозной сфере. Указы от 26 декабря 1905 г. урегулировали отношения с Римско-католиче-

¹ Подробнее см.: *Бендин А. Ю.* Эволюция понятия веротерпимости и указ от 17 апреля 1905 г. // Исторические записки: международный альманах. Вып. 9 (127) / отв. ред. Б. В. Ананьич. М., 2006. С. 113–136.

² Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 11. Ч. 1. Ст. 49; Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. СПб., 1890. Т. 14. Ст. 66.

³ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 151–152.

ской церковью, заменив систему ограничительных административных распоряжений нормами права¹.

История веротерпимости в Северо-Западном крае в качестве нового направления в современной белорусской историографии еще не стала специальной исследовательской проблемой. В настоящее время это направление исторической науки пребывает в стадии становления. Немногочисленные публикации и исследования, появившиеся в последние годы, касаются лишь отдельных аспектов изучения этого сложного исторического феномена. В настоящее время в белорусской историографии практически отсутствуют исторические исследования, в которых на концептуальном уровне осмысливается феномен имперской веротерпимости в Северо-Западном крае как совокупность взаимоотношений религиозного законодательства, религиозной политики и межрелигиозных отношений, развивающихся поэтапно, под воздействием политических и религиозных причин общероссийского и регионального характера.

Практическое отсутствие работ, специально посвященных изучению проблем веротерпимости, не в последнюю очередь связано со сложностью содержания понятия «веротерпимость» для исследовательской работы историков. Многомерность предмета исследования предполагает междисциплинарный характер работ, включающих различные исторические и специальные дисциплины. К ним следует отнести историю Церкви, историю государства и права, каноническое право Православной и Римско-католической церквей, историческую этнологию, религиоведение и др. Применение специальных дисциплин обусловлено спецификой предмета исследования, предполагающего изучение законодательства, религиозных и этнических мотивов межконфессиональных противоречий и конфликтов, следовательно, церковного вероучения, канонического права и феномена этничности.

Кроме того, исследователи, работающие с религиозной проблематикой, как правило, ставят своей целью создание работ, которые следует отнести к такому разделу историографии, как конфессиональная история. Это направление в белорусской историографии после длительного перерыва начало формироваться сравнительно недавно.

Предшественниками современных авторов в этой области исторического знания были известные дореволюционные историки и публицисты западнорусского направления, положившие начало профессиональному изучению не только конфессиональной истории, но межконфессиональных и церковно-государственных отношений. Поэтому в более широком смысле этих историков можно отнести к категории первопроходцев в изучении проблем веротерпимости на территории Северо-Западного края. Из них в первую очередь следует назвать М. О. Кояловича, А. И. Миловидова, Г. Я. Киприановича, Е. Ф. Орловского, Н. Д. Извекова, А. В. Жиркевича, А. П. Владимирову, А. В. Белецкого, А. А. Станкевича, Ю. Крачковского и др.²

¹ За первый год вероисповедной свободы в России. СПб., 1907. С. 1–7, Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. 3-е изд., пересм. и доп. по 1 сентября 1908 г.; под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1908. С. 34–38, 219–228.

² *Коялович М. О.* История воссоединения западнорусских униатов. СПб., 1873; *Миловидов А. И.* Меры, принятые графом М. Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латинопольской пропаганды в Северо-Западном крае. Вильна, 1900; *Миловидов А. И.* Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900; *Киприанович Г. Я.* Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Минск, 2006; *Орловский Е. Ф.* Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX в. (1794–1890). Гродно, 1903; *Извеков Н. Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии с 1839–1889 гг. М., 1889; *Владимиров А. П.* История располочения Западно-Русского костела. М., 1896; *Жиркевич А. В.* Из-за русского языка. На родине Белоруссии // Минская старина. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. Вып. 3. Ч. 1. Вильна, 1911; *Жиркевич А. В.* Из-за русского языка. В изгнании // Минская старина. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. Вып. 3. Ч. 2. Вильна, 1911; *Белецкий А. В.* Римско-католические епархиальные семинарии: Виленская и Тельшевская. Вильна, 1887; *Станкевич А. А.* Католическая церковь в современном движении русского общества. Вильна, 1906; *Крачковский Ю.* Отзыв о сочинении пресвитера Извекова: Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии с 1839–1889 гг. Вильна, 1900.

В советский период исследования, которые в той или иной степени затрагивали конфессиональную проблематику, носили ярко выраженный тенденциозный характер, обусловленный воздействием господствующей марксистско-ленинской, атеистической идеологии¹.

Первые публикации по проблемам церковной истории появились в Беларуси в конце 80-х гг. XX в. Больше всего исследований в этой области посвящено истории основных христианских конфессий – православной, греко-католической, римско-католической, а также различных старообрядческих общин. В последние годы появился ряд работ по истории иудейских и мусульманских общин, существующих на территории современной Беларуси².

Проблематика, традиционно исследуемая в работах по конфессиональной истории, включает в себя такие аспекты, как:

- ✎ описание деятельности епархиальных структур христианских конфессий и устройства нехристианских общин;
- ✎ территориальное расположение конфессий и общин, деятельность духовенства и численность паствы;
- ✎ описание храмов, монастырей, молитвенных зданий и религиозных общественных объединений;
- ✎ функционирование системы религиозного и духовного образования;
- ✎ участие духовенства и паствы в политических событиях конца XVIII – начала XX в.

В этих работах рассматриваются вопросы церковно-государственных и межконфессиональных прежде всего в сфере православно-католических отношений, существовавших в дореформенный период, изменения в них, произошедшие после восстания 1863 г., влияние указа от 17 апреля 1905 г. на состояние этих взаимоотношений и т. д. При этом сами указанные отношения играют роль исторического контекста и не выступают в качестве самостоятельного предмета исследования. К сожалению, не все указанные работы свободны от методологических упрощений, тенденциозности и идеологических пристрастий, которые свойственны «национальной» историографии. Особенно в интерпретации имперской религиозно-этнической политики, получившей название «русификация»³.

Конфессиональная проблематика как предмет исследования в этих работах становится, как правило, компонентом «национально-государственной концепции истории Беларуси», а сами христианские конфессии нередко рассматриваются инструментально, сквозь призму представления авторов о политике «русификации». Этот политический и публи-

¹ Документы обличают: Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. Минск, 1964; *Докторов В. Г.* Католицизм сегодня. Минск, 1984; *Самбук С. М.* Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в. Минск, 1980; *Корзун М. С.* Русская Православная церковь на службе эксплуататорских классов. Минск, 1984; *Мараш Я. Н.* Из истории борьбы народных масс Белоруссии против экспансии Католической церкви. Минск, 1869; *Мараш Я. Н.* Католическая церковь в истории Белоруссии. Минск, 1981.

² Католицизм в Белоруссии: традиции и приспособление. Минск, 1987; *Яноўская В. В.* Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. Мінск, 2002.; *Грыгор’ева В. В., Завальнюк У. М., Навіцкі У. І., Філатава А. М.* Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.). Мінск, 1998; *Гарбацкі А. А.* Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX ст. Брэст, 1999; *Марозова С. В.* Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гг.). Дысертация на атрыманне вучонай ступені доктара гістарычных навук. Гродна, 2001; *Смалянчук А. Ф.* Паміж краевасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. СПб., 2004; *Думін С. У., Канапацкі І. Б.* Беларускія татары. Мінскае і сучаснасць. Мінск, 1993.

³ Подробнее см.: *Бендин А. Ю.* Проблемы этнической идентификации белорусов 60-х гг. XIX – начала XX в. современной историографии // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А. Ю. Бендин. Минск, 2006. С. 8–35.

цистический термин, характерный для второй половины XIX – начала XX в., наполняется современным идеологическим содержанием, служащим для объяснения религиозно-этнической политики Российской империи. Под русификацией понимается этническое насилие, принудительная ассимиляция, которая, согласно указанным представлениям, осуществлялась российским правительством и Православной церковью по отношению к белорусскому населению. В рамках «национально-государственной концепции» конструируется искусственный этнический конфликт между «самостоятельным белорусским этносом» и Российской империей. На этом основании оценки событиям конфессиональной истории даются от имени конфликтующего «этноса». Взятые на себя полномочия говорить от имени белорусского «этноса» обосновывают претензии историков на объективное изложение событий. Например, «Православная церковь, и Католический костел, и все другие конфессии играли весьма заметную роль (как положительную, так и отрицательную) в истории народа Беларуси». Или «религиозную пестроту населения Беларуси, враждебность между духовенством разных конфессий власти использовали в своих целях»¹. Тем самым конфессиональная история, имеющая специальный предмет исследования, подчиняется интересам «национального» дискурса, а претензии на объективизм сводятся к субъективным оценочным характеристикам.

В последние годы список научной литературы по конфессиональной истории пополнился рядом диссертационных исследований, позволивших более подробно рассмотреть положение и проблемы Римско-католической церкви на территории Северо-Западного края во второй половине XIX – начале XX в. Из них следует назвать работы Ю. А. Бачище и А. И. Ганчара².

К сожалению, методология, которой пользуются исследователи, не всегда приводит их к выводам, которые с научной точки зрения представляются убедительными. В частности, Ю. А. Бачище утверждает, что «... империя, подчинив себе другие народы с другими верами, решила превратить их в русский православный, а где это было невозможно – поставить угнетенные народы на службу русской народности». Абсурдность подобных высказываний становится очевидной, если прочесть работы таких известных исследователей российской национальной политики, как А. Каппелер и Б. Н. Миронов³. В сущности, автор использует примитивный тезис советской историографии о политике русификации как тотальной ассимиляции всех нерусских народов. О научной несостоятельности подобных методологических приемов, характерных до сих пор для некоторых «национальных» историографий, убедительно писал А. Миллер⁴. К сожалению, склонность к некритическому восприятию советских идеологических штампов впитала в себя и «национальная» белорусская историография.

Приверженность Ю. А. Бачище к симбиозу объяснительных моделей советской историографии с положениями «национально-государственной концепции» заставляет его делать выводы, неадекватные конкретно-историческим реалиям. Например, «поскольку вся внутренняя политика была пропитана консерватизмом и реакционностью, то очевидно, что такой она была и в национально-религиозной сфере». Или бездоказательные обвинения «царизма», кстати, еще один неувыдающий советский штамп, в том, что он

¹ Яноўская В. В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. Мінск, 2002. С. 4.

² Бачышча Ю. А. Католическая царква ў нацыянальна-рэлігійнай палітыцы царызму ў Беларусі (1900–1914 гг.): аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук. Мінск, 2003; Ганчар А. И. Деятельность Римско-католического костела по сохранению позиций католицизма на территории Беларуси (1864–1905 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2007.

³ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999; Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000.

⁴ Миллер А. Русификации: классифицировать и понять // *Ab imperio*. 2002. № 2.

якобы «стремился превратить белорусов в русских». Столь некорректные с научной точки зрения утверждения о религиозно-национальной политике Российской империи выводят это исследование из области сугубо научной в область идеологическую. В частности, в сферу идеологии белорусского этнического национализма.

Диссертационному исследованию А. И. Ганчара свойственно не столько идеологизация темы, сколько методологическое невнимание к правовым и политическим реалиям Российской империи, к этническим, лингвистическим и социально-правовым особенностям поведения Римско-католической церкви в Северо-Западном крае. Автор говорит о «беззащитности» церкви от «произвола, преследований в случае неповиновения или оппозиционности к политике, проводимой царизмом». Очевидно, А. И. Ганчар питает уверенность в том, что российское правительство, в случае правонарушений со стороны католического духовенства, должно было с христианским смирением забыть о своей обязанности поддерживать установленный правопорядок и позволять безнаказанно нарушать законы и нормативные акты, не прибегая к наказанию виновных. Довольно странное понимание функций государства, даже современного, демократического.

Не менее странным выглядит тезис о том, что «на первый план для римско-католического духовенства выступала задача выживания». Достаточно напомнить, что российское законодательство создало необходимые правовые условия для привилегированного сословного положения этого духовенства в империи, имевшего статус государственных служащих¹. К этому высокому социально-правовому положению следует добавить экономическую поддержку, которую оказывали ксендзам помещики и шляхта. Указанные факторы ставили ксендзов в особую социальную категорию носителей правовых привилегий и престижного потребления. Реальные проблемы для духовенства заключались не в биологическом «выживании» как таковом, а в уровне светского правосознания, в законопослушности, в необходимости соблюдения российских законов и административных норм, которым часть этого духовенства упорно отказывалась следовать по политическим, каноническим и этническим мотивам.

Бездоказательным представляется утверждение автора о том, что «начальная школа использовалась с целью вытеснения Римско-католического костела из сферы воспитания и образования и для оправославливания детей-католиков». А как же тогда следует понимать предписанную законом практику обязательного преподавания ксендзами католического Закона Божьего в государственной школе? Или, например, отсутствие православного прозелитизма в школе церковноприходской? А. И. Ганчар уверяет, что «вопрос о языке преподавания Закона Божьего на русском языке имел принципиальное значение для сохранения традиций католицизма на белорусских землях». В Северо-Западном крае речь могла идти только о польской католической традиции. Но для существования самого костела и чистоты католического вероучения русский язык, используемый ксендзами в школе, никакой опасности не представлял.

Более выверенными в методологическом отношении представляются диссертационные исследования, существенным образом приближающиеся к тематике веротерпимости. Как правило, это исследования, связанные с изучением проблем межконфессиональных отношений и конфессиональной политике правительства в отношении христианских конфессий. Этим темам были посвящены диссертационные исследования В. Н. Линкевича и В. В. Табунова².

¹ Законы о состояниях. Раздел второй: о духовенстве // Свод законов Российской империи. Т. 9. СПб., 1899. Ст. 393–400, 460–465; РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 8. Л. 51.

² Линкевич В. Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2004; Табунов В. В. Политика российского правительства в отношении христианских конфессий в Беларуси (1895–1907). Минск, 2008.

Данные работы также содержат спорные утверждения, основанные на недостатках применяемых методологических подходов. В частности, В. Н. Линкевич утверждает, что «взаимоотношения вероисповеданий напрямую зависели от конфессиональной политики царской администрации... а насильственное и некомпетентное вмешательство властей в дела конфессий создавали благоприятную почву для проявлений религиозной нетерпимости и враждебности». Такая точка зрения представляется односторонней, так как не учитывает, во-первых, законодательную основу правительственных решений, а во-вторых, наличие нетерпимости в самих конфессиональных традициях соперничавших вероисповеданий. Что со всей очевидностью проявилось после издания указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г.

К сожалению, оба автора разделяют принятую частью белорусских историков популярную точку зрения, что отождествление религиозной и этнической принадлежности, как и разделение белорусов по религиозному признаку, стало в этот период препятствием для их национального становления. Однако подобные утверждения не имеют убедительного научного доказательства и относятся к сфере идеологических построений. В сущности, стойкая приверженность к идеологической интерпретации истории свидетельствует о том, что изучение религиозно-этнической проблематики XIX – начала XX в. в современной белорусской историографии все еще находится под влиянием идеологии этнического национализма, или так называемой «национально-государственной концепции истории Беларуси».

Отечественным исследователям, не потерявшим «волю к истине», следует прислушаться к методологически актуальным словам известного российского историка В. П. Булдакова: «... сегодня даже серьезные авторы не могут осознать, что обновление исторического знания происходит не «само собой» через новые пласты источников, а с помощью качественно иных методов их анализа, не с помощью заимствованных доктрин, а в процессе создания теорий, изоморфных российской действительности»¹.

В этой связи становится очевидным, что разделяемые рядом историков положения «национально-государственной концепции» и ее современные интерпретации не принадлежат к разряду теорий, изоморфных региональной действительности Северо-Западного края Российской империи.

Среди исследователей, занимающихся изучением конфессиональной истории и занимающих взвешенные методологические позиции, следует назвать В. А. Теплоу, Т. П. Короткую, В. М. Черепицу, священника Ф. Кривоноса, внесших весомый вклад в изучение истории Православной церкви на белорусских землях².

В современной российской историографии спектр работ, посвященных изучению проблем веротерпимости и свободы совести в XIX – начале XX в., представлен более основательно. Исследования современных историков и правоведов опираются на работы дореволюционных специалистов по государственному и церковному праву, принадлежавших к различным направлениям общественной мысли России.

В дореволюционной правовой литературе, посвященной изучению проблем института российской веротерпимости, существовали два направления общественной мысли. Консервативное направление было представлено именами известных канонистов и правоведов: М. Е. Красножена, И. С. Бердникова, И. Г. Айвазова, А. Попова, Н. Суворова,

¹ Булдаков В. П. Феномен российской революции: между мифом и реальностью // Вестник Российского университета дружбы народов. 2005. № 4. С. 25.

² Короткая Т. П., Осипов А. И., Теплова В. А. Христианство в Беларуси: история и современность. Минск, 2000; Черепица В. Н. Очерки истории Православной церкви на Гродненщине. Ч. 1. Гродно, 2000.

Г. П. Добротина и др.¹ В своих работах эти исследователи настаивали на правовой, политической и религиозной необходимости сохранения существующего господствующего статуса православия в Российской империи и связанных с ним правовых ограничений инославия, иноверия, старообрядчества и сектантства.

Необходимость либерального подхода к решению вероисповедных проблем Российской империи на основе упразднения правовых привилегий и ограничений в религиозной жизни предлагали властям и российскому обществу В. Д. Спасович, А. Кистяковский, Ф. Г. Тернер, К. К. Арсеньев, М. А. Рейснер, С. В. Познышев, В. Н. Ширяев, Н. С. Тимашев и др.².

В советской историографии действовавший в Российской империи институт веротерпимости и попытки правительства по его реформированию рассматривались тенденциозно, с идеологических позиций, что приводило, как правило, к негативным оценкам правительственной политики в этой области³.

На рубеже XX–XXI вв. вышел ряд работ российских исследователей, в которых рассматривались различные аспекты правительственной политики по модернизации законодательства о веротерпимости. Историко-правовой анализ законопроектов о свободе совести, предпринятый авторами, позволяет выяснить сложную и противоречивую эволюцию законодательства, в ходе которой с 1904 по 1917 г. произошел переход от традиционной российской веротерпимости к западному либеральному стандарту правового регулирования отношений государства с религиозными организациями в форме свободы совести. Среди исследователей этой тематики следует назвать А. А. Дорскую и А. А. Сафонова, В. К. Пинкевича и др.⁴

В этот период появляется ряд работ, в которых исследуется правительственная политика Российской империи по отношению к инославным и иноверным конфессиям и общинам в рамках законодательства о веротерпимости. Исследование А. К. Тихонова посвящено изучению политики российских властей в отношении трех основных неправославных исповеданий в Российской империи: Римско-католической церкви, мусульманства и иудаизма. Свой выбор в пользу указанных религиозных сообществ автор объясняет тем

¹ *Красножен М. Е.* Положение неправославных христиан по действующему российскому законодательству. Юрьев, 1901; *Бердников И. С.* Наши новые законы и законопроекты о свободе совести. М., 1914; *Айвазов И. Г.* Новая вероисповедная система русского государства. М., 1908; *Попов А.* Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904; *Суворов Н.* Учебник церковного права. Ярославль. 1898; *Добротин Г. П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896.

² *Спасович В. Д.* О преступлениях против веры // Юридическое общество при Санкт-Петербургском университете. Протоколы 1881 г. Т. III. Заседания уголовного отделения. СПб. 1882; *Кистяковский А.* О преступлениях против веры // Наблюдатель. 1882. № 10; *Тернер Ф. Г.* Свобода совести и отношение государства к Церкви // Сб. государственных знаний; под ред. В. П. Безобразова. СПб., 1877. Т. III; *Арсеньев К. К.* Свобода совести и веротерпимость. Сб. статей. СПб., 1905; *Рейснер М. А.* Государство и верующая личность: сб. ст. СПб., 1905; *Познышев С. В.* Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. К реформе нашего законодательства о религиозных преступлениях. М., 1906; *Ширяев В. Н.* Уголовно-правовая охрана религиозной свободы. СПб., 1907; *Тимашев Н. С.* Религиозные преступления по действующему русскому праву. Пг. 1916.

³ *Клочков В. В.* Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР. М., 1982; *Куров М. Н.* Проблема свободы совести в дореволюционной России // Вопросы научного атеизма. Вып. 27. М., 1981.

⁴ *Дорская А. А.* Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001; *Дорская А. А.* Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния. СПб., 2004.; *Сафонов А. А.* Свобода совести и модернизации вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в. Тамбов, 2007; *Пинкевич В. К.* Вероисповедные реформы в России в период думской монархии (1906–1917 гг.). М., 2000.

влиянием, которое представители данных исповеданий оказывали на политику правительства в последней четверти XVIII – начале XX в.¹

Важный вклад в научное осмысление религиозно-политических проблем Северо-Западного края в XIX в. внесли работы А. А. Комзоловой и С. В. Римского².

Ю. С. Белов в своем диссертационном исследовании рассматривает конфессиональную политику государства по отношению к неправославным вероисповеданиям в контексте указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г.. Особое внимание автор уделяет положению Римско-католической церкви в Северо-Западном крае накануне и после издания указа от 17 апреля 1905 г.³ В монографии Л. Е. Горизонтова анализируются проблемы польско-католического населения на западных окраинах Российской империи и положение русских в Царстве Польском⁴.

Богатый фактографический материал о положении католического костела в Северо-Западном крае собрали и изучили польские историки. В опубликованных исследованиях содержатся материалы об организации церковной жизни на местах, т. е. устройства и функционирования римско-католических епархий, деканатов и парафий, сведения о деятельности епископата, белого духовенства и монашеских орденов, религиозных обычаях и традициях мирян. Объектом исследования становились также события и процессы, определявшие отношения местного католичества относительно российского господства в крае, различные формы конфронтации Церкви и государства. В разное время был опубликован ряд работ об участии духовенства в восстании 1863–1864 гг., в которых дается негативная оценка реакции российских властей на роль религиозного фактора в организации политических выступлений. Веротерпимость, существовавшая в Российской империи, рассматривается в работах польских авторов как система государственно-церковных отношений, не соответствующая нормам религиозной свободы, а Римско-католическая церковь в Северо-Западном крае признается в качестве угнетенной⁵.

В последнее время появился ряд публикаций современных литовского и американских исследователей – Д. Сталюнаса, П. Верта, Т. Вика – по вопросам конфессиональной политики М. Н. Муравьева, присоединения католиков к православию в 60-х гг. XIX в., реализации указа от 17 апреля 1905 г. в Северо-Западном крае и т. д. В отличие от проблематики, характерной для историков конфессионального направления, работы этих исследователей имеют своей непосредственной целью изучение отдельных проблем веротерпимости, которые хронологически связаны с важнейшими политическими событиями исследуемого периода. Они базируются в основном на материалах Виленской, Ковенской и Гродненской губерний и не претендуют на целостный анализ проблем ве-

¹ Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2008.

² Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху великих реформ. М., 2005; Римский С. В. Православная церковь и государство в XIX веке. Ростов н/Д., 1998.

³ Белов Ю. С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.

⁴ Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.

⁵ Wojnowicy kapłani za sprawe kościoła i ojczyzny w latach 1861–1915. Sandomierz, 1936. Kościół katolicki w Rosji: materiały do ego historii i organizacji. Warszawa, 1932; Kumor B. Ustroj i organizacja kościoła Polskiego w okresie niewoli narodowej. 1772–1918. Krakow, 1980; Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire (1863–1905). Lublin, 1998; Wasilewski J. Arcybiskupi i administratorowie archidiecezji Mohilowskiej. Pinsk, 1930; Wazyński A. Litwa pod względem przesławowania w niej rzymsko-katolickiego kościoła. Poznan, 1872.

ротерпимости в Северо-Западном крае и белорусских губерниях в пореформенный пятидесятилетний период¹.

Подводя итоги, можно сказать, что в белорусской и зарубежной историографии вопрос о взаимоотношениях между государством, православием и католичеством Северо-Западного края во второй половине XIX – начале XX в. как проблемы веротерпимости не получил должного научного рассмотрения.

История веротерпимости, в отличие от конфессиональной истории, ставит своей целью изучение *совокупности отношений*, которые складывались между религиозными институтами и органами управления государства, между самими религиозными институтами и отношениями внутри институтов. Тем самым процесс изучения проблем веротерпимости в Северо-Западном крае выходит за рамки конфессиональной истории и становится самостоятельной исследовательской проблемой. Формируются особый предмет исследования, своя методология, свои познавательные границы. Поэтому объективная научная интерпретация исторического феномена веротерпимости как сложного комплекса административно-правовых, государственно-конфессиональных и межконфессиональных *взаимоотношений*, характерных для Северо-Западного края империи в 1863–1914 гг., вызывает необходимость применения *системного подхода* в качестве основы методологии исследования, с сочетанием элементов подхода институционального.

Учитывая эволюционные перемены, произошедшие в имперском законодательстве в связи с названными указами, следует перечислить те проблемы веротерпимости, которые были характерны для взаимоотношений государства, католичества и православия на территории Северо-Западного края во второй половине XIX – начале XX в., классифицируя их по правовым, политическим и религиозно-этническим критериям.

Во-первых, это различные противоправные формы прозелитизма, пропаганды своего вероучения или «сворачиваний», предпринимаемые представителями католического духовенства и мирянами с целью посягательства на права и привилегии «господствующей» Православной церкви.

В-вторых, применение на практике комплекса административных распоряжений, не опирающихся на законы о веротерпимости, которые ограничивали символическое воздействие католических обрядов на верующих и степень влияния католического духовенства на свою паству.

В-третьих, миссионерская практика местной администрации и православного духовенства по обращению католиков в православие в местностях со смешанным населением во второй половине 60-х гг. XIX в. Появление нелегального движения «упорствующих в латинстве» и практика противодействия ему со стороны администрации и Православной церкви.

¹ Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // *Ab imperio*. 2003. №1; Сталюнас Д. Этнополитическая ситуация Северо-Западного края в оценке Н. М. Муравьева (1863–1865) // Балтийский архив. Вып. 7. Вильнюс, 2002; Сталюнас Д., Долбилов М. «Обратная уния». Проект присоединения католиков к Православной церкви в Российской империи (1860–1865 гг.) // *Славяноведение*. 2005. № 5; Сталюнас Д. Может ли католик быть русским? О введении русского языка в католическое богослужение в 60-х годах XIX века / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология; сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005; Сталюнас Д. Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // *Lietuviu kataliku mokslo akademijos. Metrastis XXVI*. Vilnius. 2005; Верт П. Трудный путь к католицизму. Вероисповедная принадлежность и гражданское состояние после 1905 г. // *Lietuviu kataliku mokslo akademijos. Metrastis XXVI*. Vilnius. 2005; Виск Т. Р. «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 / Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология; сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М., 2005; Weeks T. R. Defining Us and Them: Poles and Russians in the «Western Provinces», 1863–1914 // *Slavic review*, 1994. № 1; Weeks T. R. Nation and State in Late Imperial Russia. Nationalism and Rusification on the Western Frontier, 1863–1914. DeKalb, 1996.

В-четвертых, сопротивление со стороны католической иерархии, духовенства и мирян мерам, предпринятым администрацией и частью католического духовенства по реализации указа от 25 декабря 1869 г. Особенности политики обрусения костела в Виленской римско-католической епархии и Минской губернии. Сопротивление «упорствующих» в сохранении польского языка костела.

В-пятых, попытки католической иерархии установить «двоевластие» в вопросах переходов из православия в католичество после указа от 17 апреля 1905 г. Рост католического прозелитизма и нетерпимости к православным в 1905–1907 гг.

В-шестых, борьба за возвращение католической церковной собственности и строительство новых костелов. Попытки насильственного захвата церковных зданий и правовые способы решения спорных имущественных вопросов, предпринимаемых после указа от 17 апреля 1905 г.

В-седьмых, религиозно-этнические конфликты в области народного просвещения после 1863 г. и их эволюция после указа о веротерпимости. Борьба с католическим «двоевластием» в народной школе. Появление тайных польских школ и борьба с ними как политическая и правовая проблема.

В-восьмых, проявления религиозного насилия и нетерпимости между православными и католиками в приходах и семьях после указа от 17 апреля 1905 г.

В-девятых, конфликты и противоречия между администрацией и римско-католическим духовенством, вызванные адаптацией указов от 26 декабря 1905 г. к реалиям Северо-Западного края и белорусских губерний.

В-десятых, взаимосвязь между религиозным служением и пропагандой польского этнического национализма и сепаратизма со стороны католических священнослужителей. Конфликты, вызванные правительственной политикой противодействия формированию польской идентичности белорусов-католиков.

В настоящее время в белорусской историографии отсутствуют исторические исследования, в которых на концептуальном уровне осмысливается феномен имперской веротерпимости в Северо-Западном крае как совокупность взаимоотношений религиозного законодательства, религиозной политики и межрелигиозных отношений, развивающихся поэтапно, под воздействием политических и религиозных причин общероссийского и регионального характера. В этой работе автор делает попытку изучения проблем веротерпимости в качестве темы специального исторического исследования, широко используя исследования правоведов и специалистов по каноническому праву.

Изучение проблем веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи вызывает необходимость в привлечении двух групп источников – опубликованных и архивных.

Из опубликованных источников особую группу составляют законодательные акты, которые регулировали правовое положение «господствующей» Православной церкви и «терпимой» Римско-католической церкви, а также область религиозных запретов и преступлений. Они были включены в Полное собрание законов Российской империи и Свод законов Российской империи. К числу правовых источников следует отнести и нормы канонического права Римско-католической и Православной церквей.

Положение Православной церкви и оценка действий католического духовенства в Северо-Западном крае представлена в ежегодных отчетах обер-прокурора Святейшего Синода, в журналах и протоколах Предсоборного Присутствия и отзывах епархиальных архиереев о церковной реформе. В работе использовались воспоминания церковных и политических деятелей той эпохи – митрополита Евлогия (Георгиевского), протоиерея Г. В. Шавельского, С. Ю. Витте и др.

Важную группу источников составляют периодические издания, светские и церковные. Из них следует назвать светские издания: «Новое время», «Речь», «Русь», «Виленский вестник», «Минское слово», «Kurjer Litewski» и др. В исследовании используются материалы церковных изданий: «Церковные ведомости», «Церковный вестник», «Вестник

Виленского Православного Свято-Духовского братства», Литовские, Минские, Могилевские, Гродненские и Полоцкие епархиальные ведомости.

В исследовании использованы статистические данные об этническом и религиозном составе населения Северо-Западного края, содержащиеся в материалах первой всероссийской переписи населения 1897 г.

Ко второй группе источников следует отнести документы делопроизводства государственных и церковных учреждений. В РГИА находятся фонд МВД, в котором отложились материалы Департамента духовных дел (Ф. 821), Департамента общих дел (Ф. 1284), а также фонд канцелярии римско-католических митрополитов (Ф. 826) и (Ф. 796) канцелярии Святейшего Синода Православной церкви. Документы, находящиеся в этих фондах, позволяют изучить правительственную политику по разработке законодательства о веротерпимости и конкретные политические решения по реализации отдельных законодательных актов, затрагивавших интересы католической и православной иерархии, духовенства и населения.

Необходимые для нашего исследования источники находятся также в ГАРФ. Это фонд Особого отдела Департамента полиции МВД (Ф. 102), фонд III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии (Ф. 109), фонд министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского (Ф. 1729), коллекция рукописей Царскосельского дворца (Ф. 543). Документы, находящиеся в указанных фондах, позволяют рассмотреть политические и международные аспекты региональных проблем веротерпимости в Северо-Западном крае и белорусских губерниях.

В ОР РНБ содержатся личные фонды лиц, игравших различные роли в конфессиональной политике на территории Северо-Западного края. Это фонд В. Ф. Ратча (Ф. 629), фонд П. П. Альбединского (Ф. 16), фонд П. Н. Батюшкова (Ф. 52), фонд И. П. Корнилова (Ф. 377). Дополнительные сведения о конфессиональной политике на западных окраинах империи содержатся в фонде К. П. Победоносцева, обер-прокурора Святейшего Синода (Ф. 230), которые находятся в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ).

Большой массив документов, необходимых для изучения проблем веротерпимости в Северо-Западном крае, выявлен в НИАБ. Это материалы Минского губернского правления (Ф. 295, 299), Витебского губернского правления (Ф. 1430) и Могилевского губернского правления (Ф. 2001). В НИАБ находятся необходимые для исследования документы православных духовных консисторий: Минской (Ф. 136), Полоцкой (Ф. 2531) и Могилевской (Ф. 2301).

Важную роль в изучении темы сыграли документы, хранящиеся в ЛГИА. Это прежде всего архивные материалы канцелярии Виленского генерал-губернатора (Ф. 378), позволившие выяснить вопросы конфессиональной политики и взаимодействия светских и духовных властей в решении религиозно-этнических проблем трех губерний – Гродненской, Виленской и Ковенской. Для изучения положения Православной церкви в северо-западных губерниях привлекались документы Литовской православной духовной консистории (Ф. 605).

В фондах Виленской римско-католической духовной консистории (Ф. 604, 694) и Тельшевского римско-католического епархиального управления (Ф. 696) содержатся документы о поведении католического епископата и духовенства в конфликтах со светской властью и Православной церковью. Ценные сведения о религиозно-этнических проблемах школьной политики содержатся в фонде канцелярии попечителя Виленского учебного округа (Ф. 567).

В монографии используются данные из отчетов губернаторов Северо-Западного края, которые находятся в Государственной публичной исторической библиотеке (г. Москва). Значительная часть архивных источников, использованных для изучения заявленной проблематики, впервые вводятся в научный оборот.

Автор выражает глубокую признательность и искреннюю благодарность протоиерею Святославу Левицкому, академику РАН Борису Васильевичу Ананьичу, Александру Викторовичу Артюховичу, Виктору Павловичу Хавроничеву, Ирине Петровне Лагушко и Владимиру Всеволодовичу Грозову за оказанную ими поддержку в процессе сбора материалов и создания рукописи.

ФЕНОМЕН «УПОРСТВУЮЩИХ» В ЛАТИНСТВЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА ИНСТИТУТА ВЕРОТЕРПИМОСТИ

1. Конфессиональная политика вцпенского генерал-губернатора М. Н. Муравьева и его преемников

Восстание 1863 г. и последовавший за ним комплекс административных мер, направленных на существенное ограничение влияния Римско-католической церкви на белорусское население Северо-Западного края, осуществляемый администрацией генерал-губернаторов М. Н. Муравьева, К. П. фон Кауфмана и Э. Т. Баранова, стали переломным моментом в формировании новой системы межконфессиональных отношений в этом регионе империи. Эти перемены оказали решающее воздействие на формирование такого феномена, как «упорствующие» в латинстве, определили его содержание и эволюцию, придав ему известный церковный и общественно-политический резонанс. Наряду с политическим фактором в возникновении феномена «упорствующих» основную роль сыграл фактор юридический, связанный с «господствующим» положением Православной церкви в статусной иерархии признанных законом религиозных сообществ империи. В связи с указанным обстоятельством правовая сторона рассматриваемой проблемы требует дополнительного юридического комментария относительно вопросов легальных переходов из одного религиозного сообщества в другое.

В целом российское законодательство не предусматривало возможности свободного перехода из одного признанного законом вероисповедания в другое. Правовая регуляция таких переходов выстраивалась иерархически. Перемены в области религиозных предпочтений были возможны только в следующем порядке. Закон разрешал переходить в терпимые христианские конфессии из мусульманства, иудаизма, буддизма и язычества, но никак не наоборот, а также из одной терпимой христианской конфессии в другую. При этом в каждом отдельном случае такого перехода требовалось разрешение министра внутренних дел. Духовенству терпимых религиозных сообществ было запрещено оказывать воздействие на религиозный выбор верующих¹.

Только господствующая Православная церковь в силу своего особого положения в государстве обладала монополией на миссионерство и, следовательно, имела исключительное право свободно принимать в свою юрисдикцию всех без исключения инославных

---

¹ Суворов Н. Учебник церковного права. 2-е изд. М., 1902. С. 521–522.

и иноверных подданных империи. Более того, закон запрещал чинить препятствия тем, кто пожелал присоединиться к Православной церкви¹. Свобода перехода в православие из других вероисповеданий отнюдь не означала возможность *выхода* из этой Церкви. Институт членства в «господствующей» Церкви определялся положениями Устава о предупреждении и пресечении преступлений. Статья 47 Устава гласила: «Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер запрещается отступить от нее и принять иную веру, хотя бы то и христианскую»².

Таким образом, чтобы оказаться причисленным к «господствующей» Церкви следовало быть или «рожденным в православной вере», или «обратившимся к ней из других вер». Причисленными к Православной церкви считались не только те, которые родились в семье, где оба или один супруг в момент рождения ребенка были православными, но и те, которые родились от лиц, когда-либо бывших причисленными к православию.

Что же касается тех, кто «обратился к православной вере», то таковыми считались не только лица, в одиночку или семьями перешедшие в православие по собственной воле, но и лица, массовое присоединение которых было санкционировано верховной властью без личного опроса верующих или выражения согласия с их стороны³.

Так происходило, например, при воссоединении с православием униатов Литвы и Белоруссии на Полоцком соборе в 1839 г. и присоединении холмских униатов к православию в 1875 г.

По разъяснению обер-прокурора Святейшего Синода, сделанному в отчете за 1886 г.: «Вероисповедная принадлежность православных определяется посредством выписок из православных метрических книг о рождении, крещении или присоединении известного лица к Православной церкви, *так как закон российского государства не признает отпадения от православия*»⁴. Закон не допускал перехода православного лица в другое, хотя бы христианское вероисповедание, и Православная церковь не переставала считать отпавшего своим членом, сохраняя его в ведении православного духовного начальства. Православное духовенство обязано было увещать отпавших впредь до возвращения их в Церковь. «Законодательство наше, по мнению Правительствующего Сената, смотрит на отступление от православия, как на состояние не только воспрещенное законом, но и преступное, которое никогда не может сделаться состоянием законным; а следовательно, присоединение православного к другому вероисповеданию, являясь действием преступным, как со стороны присоединившего духовного лица, так и присоединенного, не может создать законной принадлежности последнего к сему вероисповеданию со всеми проистекающими от таковой принадлежности законными последствиями»⁵.

На практике отказ от исполнения христианского долга в форме уклонения от участия в обрядах и таинствах Православной церкви рассматривался законом как вероотступничество. Это преступление было актом, не только посягающим на истинность православия, но и угрожающим основам духовной дисциплины всей Церкви и поэтому требующим уголовного преследования со стороны государства⁶.

¹ Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. СПб., 1890. Т. 14. Ст. 70, 77; Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 11, ч. 1. Ст. 6.

² Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 14. Ст. 47.

³ Рейснер М. А. Государство и верующая личность: сб. ст. СПб., 1905. С. 206–207.

⁴ Арсеньев К. К. Свобода совести и веротерпимость: сб. ст. СПб., 1905. С. 233.

⁵ Красножен М. Иноверцы на Руси. Т. 1: Положение неправославных христиан в России. Юрьев, 1900. С. 163.

⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / изд. проф. Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб., 1886. Т. 15. Ст. 188.

В основе светского правового подхода лежало церковное мировоззрение, в соответствии с которым выбор единственной истинной веры – православия – может быть сделан один раз и вся последующая религиозная жизнь может осуществляться только в стенах Церкви. Отпадение от истинной Церкви означало принятие заблуждения в виде чужой веры, ереси или раскола, губительных для спасения души. Поэтому существовала противоречивая с точки зрения светского права ситуация. Обращение в православие из других религий юридически должно было стать актом свободного выбора, исключавшего какое-либо принуждение, но столь же свободный выход из православия, рассматриваемый уже как вероотступничество, законом был запрещен.

Существование признанного законодательством пожизненного и наследственного членства в «господствующей» Церкви стало историческим результатом признания ее государством в качестве единственно истинного хранителя христианской веры, вне которой невозможно божественное спасение человека для вечной жизни¹.

Правовое закрепление экклезиологического эксклюзивизма православия, опиравшееся на историческую традицию, являлось, таким образом, основой утверждения его «господствующего» статуса, по отношению к которому все остальные традиционные вероисповедания народов России определялись юридически как «иностранные» и «терпимые». В частности, Римско-католическая церковь, имевшая согласно польской конституции 3 мая 1791 г. статус «господствующей», в Своде законов Российской империи 1832 г. получала статус «терпимой» и «покровительствуемой». Закон предоставлял Римско-католической церкви свободу отправления культа, религиозного обучения в государственных и частных школах и поддержке школ для обучения духовенства. Вместе с тем Свод законов недвусмысленно запрещал Римско-католической церкви всякую миссионерскую и пропагандистскую деятельность среди инаковерующих².

Необходимость законодательной защиты особого статуса православия имели также традиционное этническое и политическое обоснование. Мотивацией такой защиты служил бесспорный исторический факт, что православие является традиционной религией русского народа, которое «создавало и охраняло единую Россию». Это давало основание официально рассматривать переход из православия в другие вероисповедания «как торжество нерусских начал над русскими, и на русских людей, переходящих в другие вероисповедания, культ которых отправляется на иностранных языках, как на лиц, недостаточно твердых в государственном патриотизме»³.

Закон, защищая достоверность Русской церкви как эксклюзивной религии спасения, сохранял тем самым ее монопольное право на исключительную власть над находящимся в ее юрисдикции населением, прежде всего – над этнической группой русских – великороссов, малороссов и белорусов. Законодательная защита исключительной претензии православия выступать в качестве единственной истинной религии русского большинства населения являлась краеугольным камнем системы вероисповедных отношений в России⁴.

Анализируя причины восстания, администрация генерал-губернаторов края М. Н. Муравьева – К. П. фон Кауфмана – Э. Т. Баранова (1863–1868 гг.) пришла к убеждению, что

¹ «Из всех современных христианских обществ, называющих себя церквами, достоинство истинной церкви Христовой принадлежит только церкви Греко-восточной, справедливо усвоившей себе наименование *православной*, в состав которой входит и наша Русская церковь». См.: *Петропавловский Н. И.*, священник. Христианство, Церковь и православие // Душеполезное чтение. 1894. № 5–6. С. 369–370.

² *Смолич И. К.* История Русской церкви. 1700–1917. Кн. 8. Ч. 2. М., 1997. С. 297.

³ *Добротин Г. П.* Закон и свобода совести в отношении к лжеучению и расколу. Киев, 1896. С. 92.

⁴ Там же. С. 89.

местный католицизм исторически представлял собой явление, религиозно, этнически и политически враждебное православию, «русской народности» и российскому государству. Длительная миссионерская экспансия католического духовенства на западнорусских землях рассматривалась как деятельность, преследовавшая прежде всего политические цели – вытеснение традиционного православия с его канонической территории, с последующим «окатоличиванием» и «ополячением» местного русского населения для расширения социальной базы польского сепаратизма¹.

Администрация Северо-Западного края в политизированных терминах своего времени, таких как «окатоличивание» и «ополячение», осмысливала процессы, именуемые в современной научной литературе социальным производством этничности. Пользуясь новой терминологией и конструктивистским подходом к изучению этничности, предлагаемым В. А. Тишковым², эти процессы можно описать следующим образом. С XVII в. прозелитическая миссия католического духовенства среди православных белорусов начиналась со строительства костелов, монастырей и организации приходских общин. Римско-католические приходы, находившиеся среди греко-католического (до 1839 г.) и православного населения, принадлежавшего к «русской вере» и говорившего на белорусском наречии, становились точками роста и формирования польского этнического самосознания прихожан, никогда не являвшихся этническими поляками.

Двойственный характер католической миссии заключался в том, что она включала в себя не только распространение церковного вероучения, введение латинской мессы и нового канонического строя, но и элементы инкультурации, т. е. пропаганду польского языка и культуры. Отождествление католицизма с польской идентичностью, осуществляемое духовенством в повседневной жизни приходов, применение польского языка в проповеди и дополнительном богослужении, в молитвословах, а значит, и в повседневной молитвенной практике, конструировали новое этническое самосознание бывших приверженцев «русской веры». Происходила смена идентификационных механизмов, формировавших традиционный культурный код белорусов, который постепенно превращался в иноэтничный, польский.

Новый культурный код в форме национального языка, поведенческих и ценностных стереотипов был усвоен прежде всего местной элитой – помещиками и шляхтой, что придавало польской идентичности, а следовательно, и католицизму, высокий социальный престиж среди крестьянского населения³.

Территориально-контактная среда, жесткая централизация церковного управления и сильная духовная власть ксендзов над прихожанами способствовали формированию высокого уровня внутренней консолидации католических общин. Эти приходы, находившиеся среди белорусского униатского, а после 1839 г. православного населения, являлись эффективной формой организации религиозной жизни прихожан, интегрируя иноэтничных представителей различных сословий в новую конфессионально-этническую общность с польской самоидентичностью. В таких приходах структура народной жизни все больше определялась польской церковной традицией. Тем самым принадлежность к Католической церкви способствовала формированию новой этнической самоидентификации прихожан, а местный католицизм приобретал тем самым *этноцентрический* и *политизированный*

¹ Миловидов А. И. Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. Харьков, 1900. С. 34.

² Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. <http://www.valerytishkov.ru>.

³ «Католическая вера ... есть действительно вера «панская», а православие – «вера хлопская». См.: Миловидов А. И. Меры, принятые графом М. Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латино-польской пропаганды в Северо-Западном крае. Вильна, 1900. С. 17.

характер¹. Католические приходы стали теми религиозными институтами, которые формировали новые этнические традиции, осуществляли межпоколенную преемственность этих традиций и обеспечивали действенный социальный и религиозный контроль над их соблюдением. Инструментами такого контроля со стороны духовенства были, по словам А. И. Миловидова: «Костел, конфессионал, кафедра, кляштор и школа»².

Развернутая политическая концепция, характеризующая позицию администрации в отношении местного католицизма, содержится в материалах Ревизионной комиссии по делам римско-католического духовенства Северо-Западного края, созданной при генерал-губернаторе К. П. фон Кауфмане в Вильно в январе 1866 г. В записке о деятельности этой комиссии, составленной ее председателем А. П. Стороженко, в частности, отмечалось: «Особенность здешнего католицизма заключается в его политическом характере и в стремлении к расширению и религиозной пропаганде... Католицизм с первого появления его в здешнем крае явился главнейшим рычагом и пособником полонизма. Это обусловило политическую враждебность русскому государству и русским началам... Это определило особую религиозную враждебность здешнего католицизма к православию... Католицизм Северо-Западного края давно переступил за пределы свои как религия. Политически враждебная деятельность его против России, фанатическая нетерпимость и пропаганда против православия не требуют доказательств. Ввиду этого не обязано ли государство сдерживать католицизм в законных границах и, не касаясь его сущности как религии, не посягая на его догматы – изъять из него и преобразовать в нем все, что он включил в себя враждебного и антигосударственного?»³.

Констатация политической враждебности местного католицизма поставила перед администрацией стратегическую задачу – расширить и укрепить социальную и религиозно-этническую опору правительства в этом регионе, т. е. создать прочные гарантии окончательного закрепления Северо-Западного края в составе Российской империи. События 1863 г. показали, что православное белорусское крестьянство и великорусские старообрядцы не только не поддержали восстание, но и вместе с правительственными войсками приняли участие в его подавлении⁴.

Политическая лояльность католического крестьянского населения, после усвоения уроков восстания, рассматривалась как проблематичная. Особое опасение администрации вызывала степень религиозности значительной его части, расцениваемой как «фанатизм». Это предполагало высокую степень подчинения духовенству католического крестьянского населения, которое администрация рассматривала как русских, перешедших в римский католицизм из православия и Греко-католической церкви. Возвращение этих русских к «вере отцов», т. е. обращение в православие, должно было сократить потенциальную социальную опору польского сепаратизма в крае, упрочить позиции в нем и правительства, и Православной церкви.

¹ В начале 90-х гг. XIX в. православный священник Иосиф Фудель, анализируя проблемы религиозно-этнического противостояния в Северо-Западном крае, отмечал: «Рознь вероисповедная, конечно, не имела бы того острого характера, как теперь, если бы то или другое вероисповедание в крае не было знаменем той или другой народности. Эта связь элемента национально-политического с религиозным так сильна, что понятия «православный» и «католик» стали синонимами понятий «русский» и «поляк», и в народном, обычном словоупотреблении совсем исчезли названия *православная вера* и *католическая*, а заменились словами *русская вера* и *польская*». См.: Фудель И., священник. Наше дело в Северо-Западном крае. СПб., 1893. С. 2.

² Миловидов А. И. Меры, принятые графом М. Н. Муравьевым к ограждению православного населения от латинопольской пропаганды в Северо-Западном крае. Вильна, 1900. С. 5.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1340. Л. 64.

⁴ Мосолов А. Н. Виленские очерки 1863–1864 гг. (Муравьевское время). СПб., 1898. С. 8; Граф М. Н. Муравьев. Записки о мятеже в Северо-Западном крае 1863 г. // Русская старина. 1882. № 11. С. 422–423; Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел: в 2 т. Т. 1. 1861–1864 гг. М., 1961. С. 221. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1863. Д. 1393. Л. 1–10.

Литовский исследователь Д. Сталюнас в своей работе «Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия» проанализировал мотивы светских инициаторов обращений, указав на идеологические аргументы и методы, которые применялись местной администрацией по организации процессов перехода католиков в «господствующую» Церковь. Вывод, к которому приходит автор, сформулирован следующим образом: «можно утверждать, что особенно при генерал-губернаторах К. П. фон Кауфмане и Э. Т. Баранове местные чиновники и отчасти православное духовенство стремились к обращению в православие всех белорусов-католиков. При этом использовались не только поощрительные, но и принудительные меры»¹.

Учитывая выводы, сделанные Д. Сталюнасом, следует заключить, что причины формирования общины «упорствующих» следует искать в реакции части населения, обращенного в православие, на методы присоединения, которые не соответствовали принципам православной миссии. Однако необходимо отметить и сохранявшуюся связь этого явления с бюрократическими процедурами упразднения римско-католического наследия унии. Достаточно указать, что массовые обращения в православие происходили параллельно с возобновлением административно-церковных мер по завершению разбирательства прихожан и возвращению в православие бывших униатов, ранее «совратившихся в латинство».

М. Н. Муравьев, создавая в 1864–1865 гг. систему административных мер, ограничивавших роль и влияние католического духовенства в Северо-Западном крае, не был инициатором массовых обращений католиков в православие. Этот вывод, сделанный в свое время западнорусским историком А. И. Миловидовым, вполне подтверждается современными исследователями². Одной из задач своей этнорелигиозной политики, принципиально совпадавшей с позицией митрополита Иосифа (Семашко), М. Н. Муравьев считал восстановление позиций Православной церкви и «русской народности» в крае, «который всегда был и есть русский». По его мнению, эти позиции в значительной степени были утрачены в результате длительного польско-католического прозелитизма среди униатского и православного населения, а также превратно понимаемой политики веротерпимости и уступчивости, присущей прежним администрациям края³. В переводе с языка идеологии на язык конкретной политики это означало издание Муравьевым целого ряда административных указаний о немедленном завершении затянувшихся дел относительно определения конфессиональной принадлежности бывших униатов.

Наглядным примером такой последовательной административной практики, давшей импульс для массового присоединения «совратившихся» к православию, стало распоря-

¹ Сталюнас Д. Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия // *Lietuviu kataliku mokslo akademijos. Metrastis XXVI*. Vilnius. 2005. С. 344.

² Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 186–187; Сталюнас Д. Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия. *Lietuviu kataliku mokslo akademijos. Metrastis XXVI*. Vilnius, С. 314–315. Миловидов приводит весьма характерную цитату из циркуляра Муравьева, направленного губернаторам: «Принять надлежащие меры к ограждению крестьян от вредного влияния ксендзов и других лиц, могущих противодействовать принятию православия, но иметь секретное за этим делом наблюдение, отнюдь не допуская какого бы то ни было насилия или настойчивости в обращении их в православие, помимо чистосердечного собственного их желания». См.: *Миловидов А. И. Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае*. Харьков, 1900. С. 68–69.

³ Четыре политические записки графа М. Н. Муравьева Виленского // *Русский архив*. 1885. № 6. С. 186, 198–199.

жение М. Н. Муравьева от 24 июня 1864 г., сделанное архиепископу Минскому и Бобруйскому Михаилу (Голубовичу). Генерал-губернатор сообщал, что, по сведениям, предоставленным ему военным начальником Пинского уезда, жители ряда деревень, несмотря на принадлежность их к Православной церкви, числятся в списках Римско-католической консистории. Муравьев предлагал архиепископу Михаилу «сделать распоряжение относительно скорейшего окончания дела»¹. Однако генерал-губернатору пришлось еще дважды напоминать архиепископу о своем указании, дать распоряжение Минскому губернатору П. Н. Шелгунову и римско-католическому епископу А. Войткевичу, прежде чем процесс разбирательства стронулся с мертвой точки и захватил, по инициативе православного духовенства, население ряда населенных пунктов, не упомянутых в письме Муравьева².

Итоги этого дела, инициированного генерал-губернатором 24 июня 1864 г., были подведены Минской духовной консисторией в справке, датированной 29 июля 1865 г. В ней были подробно зафиксированы результаты дел о возвращении «латинизантов» в православие по Пинскому уезду. Всего из католицизма в православие было возвращено 4683 человека. Все эти лица были исключены из списков Минской римско-католической консистории и включены в списки православных приходов. Формально эти затянувшиеся на десятилетия разбирательства были завершены. Однако, как выясняется из анализа церковного документа, далеко не все воссоединенные дали подписки на верность православию, часть из них не приняла участие в церковных таинствах исповеди и причастия. Это относилось прежде всего к жителям местечка Логишин и восьми окрестных деревень, которые в числе 1887 человек были признаны следственной комиссией, действовавшей на основании правил 17 апреля 1842 г., подлежащими воссоединению с Православной церковью³.

Мотивами восстановления законных прав Церкви на «совратившуюся» паству было продиктовано обращение М. Н. Муравьева к архиепископу Могилевскому и Мстиславскому Евсевию (Орлинскому). В июне 1864 г. генерал-губернатор сообщал архиепископу, что в Могилевском и Быховском уездах многие обыватели из бывших униатов совратились в католицизм и уклоняются от исполнения обрядов Православной церкви. «Ваше слово как архипастыря, – писал Муравьев, – внушит духовенству способы и средства действовать на таких нравственной силой, которая в подобных случаях сильнее и успешнее понудительных полицейских мер, ибо от духовенства и от образа его действий, а не от светской полицейской власти зависит ускорение в народе глубокого сознания религиозных обязанностей и утверждения в нем веры на незыблемых основаниях... При обнаружении случаев совращения, – добавлял Муравьев, – а также по получении о том сведений от Вас немедленно доносить мне для поступления с виновными по всей строгости законов»⁴.

Настойчивые административные усилия, предпринимаемые генерал-губернатором в этом направлении, преследовали цель окончательного завершения процесса юридического распределения всех бывших униатов по конфессиям. Его действия подчинялись формальной целесообразности, продиктованной, в свою очередь, совпадением политических и миссионерских интересов правительства и Православной церкви в данном регионе. Муравьев принципиально не предпринимал мер административно-полицейского принуждения в качестве аргумента для обращения католиков и убеждения «совратившихся», предоставляя инициативу в делах миссионерства и «увещания» духовенству. Но это отнюдь не умаляло непоколебимой решимости генерал-губернатора применять администра-

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30813. Л. 1–3.

² Там же. Л. 8.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30813. Л. 29–33.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 1331. Л. 17–18.

тивно-правовое воздействие по отношению к тем, кто упорно отстаивал свой незаконный религиозный выбор.

Кампания по массовому обращению католиков в православие, как уже упоминалось выше, достигла своего апогея при генерал-губернаторах К. П. фон Кауфмане (17 апреля 1865 г. – 9 октября 1866 г.) и Э. Т. Баранове (9 октября 1866 г. – 2 марта 1868 г.)¹.

Именно в этот период в сложившуюся при Муравьеве практику добровольных переходов в православие привносятся инициированные сверху методы административного давления, политической агитации и материального поощрения, применяемые местными властями – уездными военными начальниками, исправниками, становыми приставами и мировыми посредниками, которые стали выступать в качестве инициаторов православной миссии. Складывалась ситуация, когда использование нецерковных мер идеологического, административного и материального характера придавало светскому миссионерству политический характер². Известная парадоксальность ситуации заключалась в том, что светские миссионеры использовали в качестве пропагандистского инструмента муравьевскую концепцию государственно-церковного отношения к «латинско-польскому» присутствию в крае. Однако методы, которые они применяли при обращении католиков в православие в 1866–1867 гг., противоречили тем принципам, которым следовал сам генерал-губернатор.

Еще одним парадоксом являлось то обстоятельство, что духовенство принимало в приходы новообращенную паству из рук светских миссионеров, которые нередко действовали методами, противоречащими христианским принципам, правилам и канонам Православной церкви. Следует добавить, что указанные методы противоречили и нормам российского законодательства о веротерпимости. Относительно методов миссионерской практики православия в законе недвусмысленно указывалось: «... господствующая Церковь не дозволяет себе ни малейших понудительных средств при обращении последователей иных исповеданий и вер к православию, и тем из них, кои приступить к нему не желают, отнюдь ничем не угрожает, поступая по образу проповеди Апостольской»³. Общепринятой целью миссии, осуществляемой, как правило, духовенством, является увеличение численности паствы Православной церкви и наставление новообращенных в догматах принятой веры. Методы миссии считаются эффективными в том случае, если ее результатом становится постоянный количественный рост новообращенных, а не просто фиксированное число обращений⁴.

Следует отметить, что в Северо-Западном крае миссионерские усилия православного духовенства традиционно были направлены на воссоединение с Церковью великорусских старообрядцев, с XVIII в. проживавших компактными группами на этой территории. В Российской

¹ Согласно данным церковной статистики, приводимой Д. Сталюнасом, процесс обращений начался в период генерал-губернаторства М. Н. Муравьева. В 1865 г. число католиков, присоединившихся к православию, составляло 4254 человека, в 1866 г. – 49498, в 1867 г. – 13698, а в 1868 г. – 9115. В последующие годы число перешедших в православие снизилось еще значительней. Эти статистические данные, несомненно, свидетельствуют о том, что наибольших успехов в умножении своей паствы Православная церковь достигла в период с 1866 по 1868 г., и особенно в 1866 г. Больше всего неофитов насчитывалось в Северо-Западном крае. Несомненным «лидером» здесь была Минская губерния, в которой только в 1866 г. число католиков, перешедших в православие, составляло 20705. Хотя среди перешедших в православие встречались также дворяне, шляхта и мещане, однако абсолютное большинство составляли крестьяне. Отечественная церковь по статистическим данным с 1840–1841 по 1890–1891 гг. / сост. И. Преображенский. СПб., 1897. С. 46. *Сталюнас Д.* Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия. *Lietuviu kataliku mokslo akademijos. Metrastis XXVI.* Vilnius, 2005. С. 310.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31411. Л. 1.

³ Устав о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. СПб., 1890. Т. 14. Ст. 70.

⁴ *Стамулис И.* Православное богословие миссии сегодня. М., 2003. С. 129.

империи не существовало специальной духовной миссии Русской церкви по обращению в православие католиков западных губерний – белорусов, малороссов, литовцев и поляков.

Появление светского миссионерства 1865–1868 гг. стало результатом политики, направленной на радикальное сокращение польско-католического влияния на белорусское население края. Поэтому главным мотивом миссионерской кампании по обращению католиков явилось стремление к максимальному увеличению численного роста православных белорусов, так как конфессиональные границы православия, в понимании светских и духовных инициаторов «обращений», должны были совпадать с этническими границами «русской народности», с которой белорусы исторически идентифицировались. А это, в свою очередь, мотивировало стремление отождествлять новые конфессионально-этнические границы, создаваемые в западных губерниях, с границами прочной политической лояльности к российской монархии. При этом, за исключением нередких случаев подлинно добровольных обращений, инициаторы миссии, как священники, так и чиновники, не учитывали «качество» присоединенных прихожан, т. е. их внутреннюю убежденность в преимуществе принимаемого православия перед католичеством¹.

Епископ Александр (Добрынин), в качестве викария Литовской епархии посещая в 1866 г. церкви Виленского и Ошмянского уездов, отмечал в своем отчете, что: «При общем движении народа к православию присоединение делалось поспешно, без должного приготовления и сознательного усвоения истин православной веры со стороны присоединяемых, почему, с переменной обстоятельностью, благоприятствовавших быстрому движению в народе к воссоединению с Православной церковью, когда шляхетско-ксендзовская пропаганда стала действовать с особой силой и дерзостью, употребляя все противозаконные средства к возвращению в латинство присоединенных, народ темный, неразвитой – бессознательно поддавался обману и лжи, ибо привычка к прежним обрядам слишком была сильна, чтобы вдруг ее оставить»².

Возникновение феномена «упорствующих» начиналось тогда, когда лица, юридически добровольно причисленные к православию, отказывались выполнить канонически необходимую часть процедуры присоединения, т. е. исповедаться и причаститься у православного священника. В этой ситуации духовенство, опираясь на закон, должно было либо собственными усилиями, либо с помощью административно-судебного принуждения добиваться обращения всех бывших католиков, юридически причисленных к православию, в канонически православных.

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 7371. Л. 12; Ф. 136. Оп.1. Д. 30813. Л. 29–30.

Процедура присоединения к православию состояла из двух этапов – канонического и юридического. Желающих присоединиться к православию священник должен был, согласно статье 25 Устава духовных консисторий, утвердить в учении православной веры. Само же присоединение совершалось после взятия у желающих подписки в том, что они «изъявляют решительное намерение присоединиться к православной католической восточной церкви и обещают пребывать в послушании ей всегда неизменно». Затем присоединение вносилось в метрическую книгу. См.: Устав духовных консисторий. СПб., 1898. С. 9.

Воссоединение считалось окончательным, когда новообращенный был на исповеди и причащался у приходского священника, что и фиксировалось в исповедных списках приходов. Соблюдение канонических норм присоединения делало пребывание новообращенных в православии законным и с точки зрения светского права. В Северо-Западном крае в связи с массовыми обращениями последовательность и каноническая составляющая процедуры присоединения часто не соблюдались. Но бюрократически-правовая сторона дела соблюдалась практически всегда. По получении списков «новообращенных», православные консистории, не дожидаясь воцерковления последних, требовали от Виленской и Минской католических консисторий вычеркивать указанных лиц из своих списков и прекращать, на основании закона, преподавать им духовные требы. С этого момента присоединение к православию считалось свершившимся и юридически необратимым.

² Извеков Н. Д. Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. ... С. 287.

2. Драммы присоединения к православию: формирование сообщества «упорствующих»

Процесс формирования компактных групп «упорствующих», чаще всего на территории одного или нескольких рядом расположенных приходов, можно описать на примерах политики восстановления законных прав «господствующей» Церкви на «совершившуюся в латинство» паству.

Очаги движения «упорствующих» за возвращение в Римско-католическую церковь начали формироваться уже в 1864 г. Прихожане Логишинского костела отказались признать результаты разбирательства, завершено по прямому указанию М. Н. Муравьева, и не дали требуемые духовенством подписки на верность православию. Попытки организаторов движения, мещан Юшкевича и Петриковича, обратиться к Минскому римско-католическому епископу А. Войткевичу, императору Александру II и генерал-губернатору от имени прихожан с просьбами об оставлении их в римско-католической вере завершились арестом этих прихожан. Епископ Войткевич, который пытался добиться повторного разбирательства паствы, за противоправные действия в форме «подстрекательства против православной веры» по указанию М. Н. Муравьева был оштрафован на 500 рублей. С целью церковного обращения «упорствующих» архиепископ Минский Михаил в ноябре 1864 г. направил М. Н. Муравьеву просьбу о закрытии Логишинского костела и передаче его в православное ведомство. Распоряжением генерал-губернатора от 16 февраля 1865 г. костел был закрыт¹.

Однако организованное противодействие обращению в православие еще более усилилось. В марте 1867 г. Минской палатой уголовного и гражданского суда начался судебный процесс над его инициаторами – депутатами от логишинских мещан М. Лукашевичем, И. Лукашевичем, Ф. Чечоткой, В. Королевичем, П. Юшкевичем и А. Припутневичем. В августе 1870 г. подсудимые были признаны виновными в «подстрекательстве общества к неповиновению властям и вредном влиянии на общество в отношении возвращения в православие» и приговорены к заключению в смирительном доме². Однако эти меры не повлияли на дальнейшую решимость логишинцев сохранять верность католичеству и не признавать формально правильные результаты разбирательства прихожан по «Правилам 17 апреля 1842 г.».

В Волковысском уезде Гродненской губернии с января по август 1866 г. присоединилось к православию более 11 тысяч римо-католиков. По свидетельству местного благочинного, присоединение столь значительного числа прихожан было совершено православным духовенством «по указанию народа на лиц, происходящих от смешанных браков и от православных предков, при содействии того же народа духовенству в увещании указанных лиц». В общем количестве новообращенных, сообщал далее благочинный, насчитывалось около тысячи «чистых католиков, принявших православие по собственным убеждениям в превосходстве этого исповедания над другими». Он отмечал, что содействовал духовенству в деле присоединения мировой посредник П. М. Щербов³.

По мнению Гродненского губернатора И. Н. Скворцова, присоединение к православию в Волковысском уезде было осуществлено «без всяких принудительных мер», и только в редких случаях духовенство «принуждено было весьма немногих указанных народом и подлежащих возврату в православие высылать на увещание в другие приходы»⁴.

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2169. Л. 17, 108.

² Там же. Л. 5, 12, 15.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1152. Л. 51–52.

⁴ Там же. Л. 51–52.

Тем не менее движение «упорствующих» в Гродненской губернии началось осенью того же 1866 г. Началу движения предшествовала кампания по написанию жалоб группами крестьян Шимковского и Юшковского обществ на имя генерал-губернатора, министра внутренних дел, министра государственных имуществ и самого императора. Авторы жалоб обвиняли Яловского священника Гловацкого, чиновника Шевагина, мирового посредника П. М. Щербова в насильственных действиях по обращению их в православие. В частности, в прошении на имя министра государственных имуществ писалось, что: «Нет в уезде католика, который бы не был побит за то, что не желает принять православие и что после побоев велят выдавать подписку о добровольном принятии православия, многих держат под арестом в разных местах и морят голодом, а Волковская тюрьма и гауптвахта наполнена подобными людьми»¹.

Согласно данным расследования, проведенного гродненским губернатором И. Н. Скворцовым, обвинения в насильственном обращении в православие не подтвердились. Оказались ложными и сведения об избияниях и многочисленных арестах, якобы произведенных властями в Волковском уезде, и вымогательстве денег у крестьян православными священниками. Кампания по организации прошений в высшие инстанции, основанная на фальсификации фактов, диффамации и использовании подложных подписей просителей, стала формой борьбы активистов-католиков против массовых переходов в православие, которые теперь активно поддерживались светской властью. Очевидно, католические активисты пытались повторить опыт 50-х годов, когда с помощью аналогичных прошений им удалось добиться от генерал-губернатора В. И. Назимова наказания неугодного священника Станкевича, перевода окружного начальника Новицкого из Волковского уезда и прекращения судебных преследований за незаконную приверженность «упорствующих» католичеству².

Однако на этот раз отношение властей к противникам обращения в православие было принципиально иным. Гродненский губернатор генерал-майор И. Н. Скворцов, по указанию К. П. фон Кауфмана, предпринял «меры к обнаружению подстрекателей, распространителей ложных слухов и совратителей». В результате по Волковскому уезду было произведено десять следственных дел – четыре по жалобам крестьян и шесть по «возникшим на них обвинениям»³. Последние шесть дел были переданы в Волковский уездный суд для вынесения решений.

Подводя итоги рассмотрения указанных прошений, генерал-губернатор Э. Т. Баранов 25 июля 1867 г. принял решение о том, чтобы жалобы крестьян на насильственное обращение их в православие, как не подтвержденные результатами расследования, были оставлены без внимания. При этом финансовые затраты, понесенные государством при организации расследования, были возложены на инициаторов обращений в высшие инстанции. Таким образом, для обороняющейся католической стороны первый этап борьбы за паству с властью и православным духовенством завершился безрезультатно. В свою очередь, и генерал-губернатор не спешил применить на практике статьи 206 и 209 «Уложения о наказаниях» относительно тех «упорствующих», «подстрекателей и распространителей слухов», которые подпадали под их действие⁴.

Новый этап противостояния католической стороны дальнейшему воцерковлению «упорствующих» начался с открытого неповиновения последним распоряжению военного начальника и волостным властям. События разворачивались следующим образом. В

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1152. Л. 40.

² Орловский Е. Судьбы православия в связи с историей латинства и унии в Гродненской губернии в XIX столетии (1794–1900 гг.) // Гродненские епархиальные ведомости. 1901. № 26. С. 207–208.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1152. Л. 128.

⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 15. Ст. 206, 209.

местечке Яловка, находившемся в центре Юшковского общества, по распоряжению генерал-губернатора фон Кауфмана, изданному 21 мая 1866 г., был закрыт приходской костел. Оставшиеся в меньшинстве крестьяне, не принявшие православие, были причислены к соседнему Свислочскому костелу. В то же время костел, строившийся в Яловке на средства местных жителей, был передан в ведение православного духовенства. Предпринятые администрацией меры вызвали общее недовольство крестьян – тех, кто присоединился к православию, и тех, кто остался верен католичеству.

Следующей причиной, подтолкнувшей «упорствующих» к выступлению, послужило обращение Волковысского благочинного к военному начальнику уезда с просьбой доставить 165 крестьян, присоединившихся к православию в апреле 1866 г., для исповеди, причастия и крещения детей у православного духовенства. Военный начальник сделал соответствующее распоряжение, которое крестьяне не выполнили. Тогда волостные власти, собрав 30 июля 1867 г. воссоединенных прихожан Шимковской и Юшковской волостей, принадлежавших Яловскому приходу, попытались заставить их подчиниться требованиям духовенства, зачитывая перед толпой слова Александра II, сказанные им 13 июня 1867 г. в Вильно крестьянам, принявшим православие. «Очень рад видеть Вас православными; уверен, что Вы перешли в древнюю веру края с убеждением и искренно; знайте, что раз принявшим православие я ни под каким видом не позволю и не допущу возвратиться в католичество; знайте это и скажите это от меня всем своим; слышите ли? Повторяю, рад видеть Вас православными»¹. После того как слова Александра II были зачитаны, в толпе раздались крики: «Мы не желаем быть православными». Как видно, слова императора оказали на собравшихся крестьян совсем не тот эффект, какой устроители сбора ожидали.

Последовали дальнейшие уговоры, а затем и угрозы со стороны представителей местной власти, однако собравшиеся продолжали возмущаться и выказывать неповиновение. Тогда мировой посредник Щербов приказал отделить от толпы наиболее активных протестующих, в числе которых оказалось 52 человека. По приказанию посредника, двое из них были арестованы. Предпринятые меры не принесли успокоения. Крестьяне по-прежнему продолжали кричать: «Берите нас всех под арест». Инцидент завершился тем, что толпа устремилась за арестованными и, окружив дом, куда их посадили, еще долго продолжала волноваться².

Посланный гродненским губернатором для расследования происшествия жандармский офицер пришел к выводу, что источник «упорства» крестьян Яловского прихода кроется в их недовольстве действиями конкретных лиц. В частности, священником Гловацким, якобы вымогавшим деньги за требы, и мировым посредником Щербовым, принимавшим, по словам крестьян, «крутые меры» по обращению их в православие. Однако столь тривиальное объяснение причин крестьянского неповиновения ясно выраженной воле императора показалось неудовлетворительным для генерал-губернатора Э. Т. Баранова. Для расследования происшествия в Волковысский уезд был направлен чиновник особых поручений министра внутренних дел А. П. Стороженко. Произведенное им расследование выявило совершенно иные источники и мотивации протестного поведения крестьян.

Стороженко не был склонен усматривать выступление прихожан Яловского прихода в качестве локального инцидента, вызванного недовольством крестьян действиями отдельных представителей администрации и православного духовенства. По его мнению, речь шла об организованном движении, эпицентром которого: «... стали местечки Порозово и Яловка Волковысского уезда, откуда оно распространилось на Пружанский и Слонимский уезды Гродненской губернии, Новогрудский и Слуцкий Минской губернии, Вилейский и Свенянский уезды Виленской губернии». В донесении о результатах рас-

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп.1. Д. 35812. Л. 206.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1152. Л. 102–103.

следования, направленном генерал-губернатору 23 августа 1867 г., А. П. Стороженко утверждал, что инициаторами движения являлись члены костельных братств из местечек Порозово и Яловка, которые: «Пользуясь рекрутским набором, взволновали в упомянутых уездах присоединившихся к православию крестьян, и волнение это достигло таких пределов, что, кроме неповиновения властям, упорного требования возврата упраздненных костелов, подачи кляузных прошений, крестьяне дошли до открытого восстания, как, например, в Кривошине и Липске». Выступление новообращенных крестьян Яловского прихода А. П. Стороженко рассматривал как результат подстрекательских действий инициаторов этого движения – настоятеля Порозовского костела ксендза Липки и членов костельных братств. Стороженко убеждал генерал-губернатора, что: «Самые ярые братчики-фанатики и полонизаторы Гродненской губернии сосредоточились в Порозовском приходе, в котором насчитывается их около 500 человек, а в Яловском – более 100»¹.

Следствие выявило имена восьмерых «пропагандистов-братчиков» и четверых наиболее «вредных» крестьян, которых А. П. Стороженко предлагал выслать за пределы Гродненской губернии. По его мнению, «руководителем всех бывших в последнее время смут оказался настоятель Порозовского прихода ксендз Липка». Как выяснилось, ксендз заставлял крестьян отречься от православия, незаконно преподавал им требы и призывал с амвона приходить к нему на исповедь. При этом ксендз, по утверждению следствия, прибегал к откровенным подлогам, уверяя крестьян, «что он может их принимать, потому что имеет крест от государя и был с государем в одном училище». В связи с данным обстоятельством Стороженко предлагал костел в Порозове закрыть и обратить в православную церковь, а прихожан приписать к Свислочскому костелу.

Однако и на этот раз Э. Т. Баранов не спешил прибегнуть к мерам, рекомендованным А. П. Стороженко в отношении «пропагандистов-братчиков» и «вредных» крестьян. Оставался на свободе и ксендз Липка. Взысканию подверглась лишь небольшая часть наиболее стойких приверженцев католичества. Из 52 крестьян, принявших наиболее активное участие в выступлении 30 июля 1867 г., 33 покаяться и были прощены, остальные 19, как продолжавшие упорствовать, были наказаны небольшим денежным штрафом. Покаявшиеся крестьяне обратились к А. П. Стороженко со следующим письмом: «Не оставьте нас преступников, орошающих слезами своими сии незрелые строки, мы все русские, мы православные, больно нам будет услышать когда-нибудь слова: послушники воли царя. Мы чувствуем и сознаем себя виновными и умоляем о прощении»².

В Слуцком уезде Минской губернии процесс присоединения крестьян-католиков к православию начался в 1864 г. На этом этапе случаи присоединения к православию носили еще единичный характер и осуществлялись добровольно, по «внушению» местных православных священников, ободренных действиями администрации М. Н. Муравьева в защиту «православия и русской народности». Но уже в 1865–1866 гг. число крестьян, покинувших католичество, начало измеряться сотнями. Это обстоятельство не в последнюю очередь было связано с изменениями в приемах миссионерской работы православного духовенства. С этого времени к миссионерской проповеди стали присоединяться действия гражданских должностных лиц и представителей охраны правопорядка.

Высокий авторитет верховной власти, давшей крестьянам свободу и землю, подавившей польское восстание в крае, использовался для убедительности проповеди православных священников о необходимости возвращения католиков в лоно истинной Церкви, к вере их православных предков. Присутствие представителей этой власти на церковной проповеди, обращенной к католикам, недвусмысленно давало понять, что это не только личное желание священников, но и политический интерес самого государства. В лице императора, выразившего свое желание видеть католиков Северо-Западного края право-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1866. Д.1152. Л. 84.

² Там же. Л. 94.

славными, власть воспринималась крестьянами и как сакральное начало, олицетворявшее господствующее православие в качестве «царской веры», так и торжествующая сила российского государства, сокрушившего польский мятеж. Участвовавшие в присоединениях к православию светские миссионеры в пропаганде православия основной упор делали на социально-политический аспект, должный послужить побудительным мотивом для оставления католичества.

Сущность проповеди чиновников муравьевского призыва к белорусам А. П. Владимиров выражал в следующих словах: «Крестьяне! Вы недавно были рабами панов, которые считали вас своим скотом, быдлом. Русский царь освободил вас от панского рабства, сделал вас опять людьми, наделил вас в вечное владение землей. Будете ли вы после этого оставаться в панской вере? Переходите в царскую веру, в веру вашего освободителя и благодетеля»¹. Слова императора, как и политизированные тезисы светских миссионеров, обращенные к католикам, должны были стать стимулом для осознанного религиозного выбора. И действительно, ряд обращений в православие, проведенных с помощью указанной аргументации, имели бесспорный успех, и крестьяне целыми приходами окончательно переходили в «царскую веру»². Однако не всегда социально привлекательная политическая аргументация оказывала эффективное воздействие на традиционное религиозное сознание крестьян. Менее удачные миссионерские приемы, не принесшие в итоге долговременных результатов, выглядели следующим образом.

В октябре 1866 г. священник Савичской церкви Гахович, представляя военному начальнику Слуцкого уезда ведомость о лицах, перешедших из католичества в православие, оговаривал в ней, что внесенные в список крестьяне приняли православие по его внушению, сделанному «совместно с жандармским унтер-офицером Аввакумом Горевым». А священник Грозовской церкви Иоанн Мигай в ведомости, присланной военному начальнику в ноябре того же года, отмечал, что присоединение перечисленных им лиц состоялось по его внушению и «при содействии жандармского унтер-офицера Власова». Священник просил начальника выслать из пределов Грозовского прихода управляющего именем Грозово Лиходиевского и жителя застенка Ужи Франца Шпака, которые противодействовали православной миссии среди местных католиков³.

В деле присоединения к господствующей Церкви использовались и материальные стимулы. Минский губернатор П. Н. Шелгунов 8 декабря 1864 г. издал циркуляр мировым посредникам, в котором, на основании указаний М. Н. Муравьева, предписывал им оказывать помощь в «водворении благонадежнейших из присоединенных на казенных и свободных землях с оказанием им льгот и пособий». Сведения об этом распоряжении стали известны населению, так как одновременно возникли слухи, что каждому, кто оставит католичество, будет отводиться по одной десяatine земли. Возможно, что распоряжение Шелгунова также могло повлиять на развитие движения в пользу присоединения к православию⁴.

С 1867 г. процесс присоединения к православию принимает более интенсивные формы и «совершается в целых селениях и крестьянских обществах». В частности, в Ляховичской волости Слуцкого уезда Католическую церковь покинули ксендз Гирдвойн и вместе с ним 3120 прихожан. В сентябре 1867 г. Ляховичский костел был обращен в Православную церковь. Энергично действовавший местный священник при содействии эскадрона гусар 14-го Митавского полка, квартировавшего в этой местности, привел новообращенных к исповеди и св. Причастию. Приобщенная таким образом к церковным

¹ Владимиров А. П. История располичения Западно-Русского костела // Русское обозрение. 1896. № 6. С. 570.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 1331. Л. 1–3.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7292. Л. 59 об.

⁴ Там же.

таинствам часть крестьян начала обращаться за своими духовными требами к православному священнику, и они «постепенно стали беспрекословно исполнять обряды православной веры»¹.

Однако в нескольких деревнях волости – Перекрестье, Пашковцах, Рачканах и Зублевичах – православного воцерковления католиков так и не произошло, что привело к появлению нового очага «упорствующих» в уезде.

Не во всех местностях Слуцкого уезда светское содействие церковной миссии имело реальный успех при массовых присоединениях к православию. Привнесение в православную миссию несвойственных ей целей и методов осуществления вызывало протесты у части католического населения. И если в Ляховичской волости процесс воцерковления новообращенных в целом прошел без инцидентов, то в Медведичской волости протесты присоединенных к православию привели не только к появлению устойчивого очага «упорствующих», но и вызвали острую форму религиозного протеста.

В 1867 г. обращение крестьян-католиков этой волости произошло по инициативе мирового посредника И. П. Татлина. Собрав крестьян в волостном правлении, он обратился к ним со словами о том, что предки их исповедовали православную веру, что по происхождению они русские, и предложил им возвратиться в древнюю веру своих отцов. В ответ на призыв посредника крестьяне не стали возражать. Тогда настойчивый посредник, приняв молчание собравшихся за изъявление согласия, приказал волостному писарю Жабяку составить и записать т. н. «приговоры» о желании крестьян присоединиться к православию. В составленные «приговоры» были внесены только главы хозяйств, но при этом было зафиксировано, что они изъявляют согласие и на присоединение их семей, причем за отсутствием грамотных среди крестьян, от имени которых были составлены «приговоры», за них расписывались либо старосты приложением своих должностных печатей, или наставник местного училища Изотов. Таким образом, в один день были составлены «приговоры» от крестьян деревень: Русиновичи, Жарские, Тальминовичи, Ососы, Куршиновичи, Смоляники, Мазурки и Гончары. Несколько позднее жители Медведич и указанных деревень – всего 1919 человек – были внесены в исповедные росписи Голдовичского православного прихода.

Подписанные документы о присоединении к православию И. П. Татлин увез с собой для предоставления виленскому генерал-губернатору Э. Т. Баранову. По сведениям писаря Жабика, в волостном правлении крестьянских «приговоров» не сохранилось, так как в волостные книги они записаны не были. Над крестьянами, записанными в православие, не было совершено чина присоединения к Церкви. В Церковь к православному священнику на исповедь и к св. Причастию они не пошли и по-прежнему считали себя католиками. Настроение крестьян резко изменилось, когда в начале 1868 г. настоятель Медведичского костела ксендз Лазаревич сообщил крестьянам о том, что они исключены из его приходских списков и отныне причислены к Голдовичскому православному приходу. На этом основании ксендз отказался исполнять для них духовные требы.

Вызванное этим известием недовольство местных жителей вылилось в массовые волнения, в результате чего была сделана попытка уничтожить «приговоры», по которым они были присоединены к православию. Разъяренная толпа крестьян, во главе с организмом Медведичского костела Колесинским, ворвалась в волостное правление, предполагая, что там хранятся документы о присоединении, избили волостного старшину Юруца и писаря Жабика, которые вынуждены были скрыться, а затем перерыли все дела и бумаги. Так как «приговоров» и списков обнаружено не было, религиозные волнения продолжались. Для их подавления потребовалась военная сила. По предписанию Слуцкого уездного исправника в конце апреля 1868 г. в Медведичи для восстановления порядка было

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7292. Л. 60.

направлено 30 казаков, которые разместились в крестьянских домах. Продовольственное снабжение казаков и поставка фуража их лошадям были возложены на крестьян¹.

Экономически обременительное присутствие казаков возымело эффективное воздействие на протестующих жителей, и волнение постепенно улеглось. Однако крестьяне продолжали «упорствовать» и отказывались посещать Православную церковь. Они считали, что в присоединении к православию главную роль сыграли местные волостные власти, которые, по «лжеусердию» желая получить награду, обманом приписали несколько католических деревень к «господствующей» Церкви. Минский губернатор А. А. Мусин-Пушкин, сообщавший о существовании и происхождении этого внецерковного сообщества в отчете императору Николаю II за 1902 г., отмечал, что «присоединенные таким способом крестьяне Медведичской волости энергичнее других отстаивают поныне принадлежность свою к католичеству»².

С этого времени население Медведичской волости разделилось на «чистых католиков» и «меченых католиков». К числу последних местные жители относили тех лиц, против фамилии которых в волостных списках стояла отметка о принятии православия.

В соседней с Медведичской Кривошинской волости участие администрации в процессе присоединения к православию также вызвало реакцию отторжения части новообращенных от Церкви, которое выросло в местное движение за возвращение в католичество. События в Кривошино и Липске (Новогрудский уезд Минской губернии) произошли в конце января – феврале 1867 г. Несколько ранее, в конце августа 1866 г., католический костел в местечке Кривошино, по приказанию генерал-губернатора фон Кауфмана, был закрыт и обращен в Православную церковь. В связи с этим крестьяне в количестве более 1000 человек перешли из католичества в православие. Особенности этого массового присоединения раскрываются в донесении Стволовичского благочинного протоиерея Николая Савича Минскому епископу Александру, отправленном в октябре 1869 г. Как выяснилось, главную роль в присоединении кривошинцев к православию сыграл становой пристав Осип Рыхлицкий. «В 1866 г., – сообщал благочинный, – в его стане и под его личным и усиленным содействии присоединилось к православию более 8000 душ, и в том числе весь римско-католический Кривошинский приход, т. е. более чем в других местностях Новогрудского уезда»³.

Несколько позднее в селе Кривошино из числа бывших католиков был организован православный приход. В церкви, бывшем костеле, перешедшем в ведение православного духовенства, была помещена памятная доска с надписью о добровольном присоединении кривошинцев к православию⁴.

То, что не все крестьяне приняли православие добровольно, выяснилось из дальнейших событий. 30 января 1867 г. начальник Новогрудского уездного жандармского управления и мировой посредник 3-го участка Новогрудского уезда получили тревожные известия. Волостные власти сообщали, что крестьяне из местечка Липск Кривошинской волости Антон Дудышко, Викентий Супринович и братья Солодкие «подстрекают» местных крестьян, принявших православие, обратиться к генерал-губернатору с прошением о возвращении в католичество.

Агитация возымела явный успех. Из восьми окрестных деревень в Липск прибыло более 200 новообращенных крестьян. Выполнить свой замысел крестьянам не удалось, так как в местечке не нашлось грамотного человека, способного составить желаемое прошение. Съехавшиеся крестьяне, прожив два дня в Липске, на третий день всей толпой отправились в Кривошинское волостное правление, где пытались уговорить волостного

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7292. Л. 60–61.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 252. Л. 108.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1973. Л. 22.

⁴ Там же. Д. 7371. Л. 10.

писаря, чтобы тот написал прошение о возвращении их в католичество. Однако писарь, переписав имена собравшихся крестьян, от составления прошения отказался. После этого крестьяне в тот же день разъехались по деревням. На этом, собственно говоря, и завершилось это локальное и мирное религиозное движение.

Но уже 17 февраля военный начальник Новогрудского уезда командировал в Кривошино двух казаков с приказанием доставить подозреваемых в организации движения А. Дудышко и В. Суприновича в Несвиж. Узнав об этом, Дудышко сумел скрыться, а собравшаяся толпа народа силой освободила Суприновича из волостного правления и не позволила казакам доставить его в город.

О событиях, произошедших в Кривошинской волости, был поставлен в известность генерал-губернатор Э. Т. Баранов. По его указанию в Кривошино был послан действительный статский советник А. П. Стороженко, который возглавил следственную комиссию по рассмотрению дела «О беспорядках, происшедших в Кривошинской волости Новогрудского уезда». Тщательно изучив дело и опросив десятки свидетелей, комиссия пришла к выводу, что причиной движения по возвращению в католичество «было не собственное желание принявших православие крестьян, а единственно подстрекательство со стороны нескольких неблагонамеренных личностей из крестьян местечка Липск». В дело оказались вовлеченными также и двое местных ксендзов – Дешкленич, бывший настоятель Кривошинского костела, и Олехневич, викарий Новогрудского костела. Из них первого обвиняли в порицании православной веры, а второго – в сочувствии этим взглядам. Обвинения ксендзов строились на показаниях Антона Дудышко, признанного главным фигурантом в организации движения за возвращение в католичество.

При подведении итогов расследования крестьяне обратились с прошениями к генерал-губернатору, в которых, «сознавшись в своей опрометчивости и увлечении», ходатайствовали перед генерал-губернатором о помиловании. Прошения были удовлетворены, и подписанное Э. Т. Барановым 4 апреля 1867 г. помилование было торжественно объявлено кривошинским и липским крестьянам на волостном сходе. Тем же, кого комиссия в результате расследования сочла виновными в подстрекательстве крестьян к выходу из православия, генерал-губернатор утвердил следующее наказание. Ксендз Дешкленич и крестьянин Антон Дудышко с семьей в октябре и ноябре 1867 г. были высланы в Томскую губернию. Первый – на жительство под строгий надзор полиции, второй – на водворение. Крестьяне – двое братьев Солодких, В. Супринович, а также и дворянин Новицкий – были приговорены к краткосрочному заключению в тюрьму, а ксендз Олехневич подвергнут штрафу в размере 50 рублей¹. Однако спустя два года тот же Стволовичский благочинный прот. Николай Савич направил к епископу Александру списки лиц, не бывших у исповеди и св. Причастия по «упущениям и упорству», согласно которым в 1869 г. по Кривошинскому приходу таких лиц насчитывалось 141 человек².

Еще одним средоточием «упорствующих» в Минской губернии стало местечко Волма Минского уезда. Римско-католические прихожане Волмянского костела были присоединены к православию в 1866 г. совместными усилиями местного благочинного Петра Трусовского, прибегавшего к помощи военного начальника уезда и мирового посредника Мясоедова. Процесс присоединения развивался следующим образом. Начавшиеся миссионерские усилия православных священников Станьковского благочиния, проводивших беседы с католиками Волмянского прихода о «превосходстве православия перед католичеством» с июня по август 1866 г., привели к тому, что подписки о присоединении к православию дали около 300 человек. Затем к процессу обращения католиков в православие присоединился мировой посредник Мясоедов. По его указанию волмянские католики были собраны на праздник освящения Православной церкви в местечко Николаев-

¹ ЛГИА. Политическое отделение. Ф. 378. Оп. 1867. Д. 321. Л. 63–78, 284.

² НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 1973. Л. 27.

щина. Здесь перед католиками выступали духовные лица и гражданские чиновники, внушая собравшимся волмянцам, что «здешний край, искони русский, искони православный, ополячен и что нужно со стороны здешних жителей, чтобы и православие, и русская народность восстали здесь в прежней силе»¹.

К ноябрю 1866 г. в результате усилий православного духовенства и светских должностных лиц к православию присоединилось более 2400 католиков, что составило подавляющее большинство прихожан Волмянского прихода. Это обстоятельство и предопределило ходатайство архиепископа Минского Михаила о закрытии Волмянского костела и обращения его в Православную церковь на основании указа от 1 февраля 1800 г. В мае 1867 г. по распоряжению генерал-губернатора Э. Т. Баранова костел был закрыт. В декабре того же года по указу Святейшего Синода был организован Волмянский православный приход. Несмотря на то что присоединение волмянцев к православию не вызвало открытого протеста, уже в 1868 г. из примерно 1300 присоединившихся к православию жителей Волмы участие в таинствах Церкви приняло всего 126 человек².

В целом по Минской губернии самые многочисленные группы «упорствующих» сложились в Новогрудском, Слуцком, Борисовском, Минском и Пинском уездах.

Еще более драматичная ситуация складывалась в Виленском уезде, где основное количество «упорствующих» сосредоточилось в Быстрицком, Островецком, Шумском и Подберезском приходах. В этой преимущественно католической местности многие костелы после восстания 1863–1864 гг. были закрыты. По инициативе военного начальника Виленского уезда князя Н.Н. Хованского начали осуществляться массовые обращения католиков с помощью бесплатной раздачи казенных земель.

Следует заметить, что подобная практика материального поощрения при обращении в православие применялась и в других губерниях. В частности, генерал-губернатор К. П. фон Кауфман в январе 1866 г. предлагал Могилевскому губернатору А. П. Беклемишеву наделять безземельную шляхту, перешедшую в православие, казенными участками и освобождать ее от предстоящего рекрутского набора³.

В Виленском уезде в районе указанных приходов находилось много казенных и секвестрированных правительством земель. Когда выяснилось, что правительство хочет раздать эти земли для русских поселенцев, губернские власти задумали поселить в Виленском уезде тех из местных крестьян-католиков, которые захотят перейти в православие. Безземельные крестьяне устремились в Быстрицкий, Островецкий, Шумский и другие приходы, устраиваясь в этих местах в качестве «русских поселенцев». Процедура присоединения из католицизма к православию носила сугубо формальный характер: выдавалась лишь подписка с обязательством исповедовать православную веру. Знакомление новоприсоединенных поселенцев с основами православного вероучения не происходило, так как главную роль в присоединении играла администрация. Имя инициатора такого упрощенного способа присоединения князя Н. Н. Хованского стало весьма популярно среди православного духовенства и крестьян⁴. Многие из католиков, уже имевших свои наделы, охотно выдавали подписки с обязательством исповедовать православную веру за дополнительную прирезку земли к их участкам. Впоследствии среди этих «русских поселенцев» оказалось немало людей, совершенно не способных к ведению сельского хозяйства (бывшие дворовые) и, судя по откровенному обману властей, весьма сомнительной нравственности.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в этих приходах после издания указа 17 апреля 1905 г., советник Виленского губернского правления В. Пугавко вынужден был ре-

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31411. Л. 1.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2015. Л. 23, 139.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 1331. Л. 240.

⁴ О памятнике полковнику Дееву // Литовские епархиальные ведомости. 1902. № 37. С. 302.

зюмировать: «Таким образом, хорошее по замыслу решение окружить Вильно, центр католической пропаганды в крае, кольцом православных приходов, с величественными православными храмами, в самой важной части было выполнено крайне плохо... Вместо водворения здесь коренных православных, хотя бы, например, белорусов из Витебской и Гродненской губерний, весьма близких к местному населению по языку и складу жизни, в приходах были водворены почти исключительно жители Виленского уезда, тесно связанные с коренным католическим населением родством, близким знакомством и т. п. Православное духовенство получило эти приходы из рук светской власти лишь на бумаге¹.

В результате усилий светских миссионеров в 1868 г. в Быстрицком приходе из 850 присоединившихся прихожан не было у исповеди 370. В Островецком – из 700 присоединившихся у исповеди не было более 500 человек. В Шумском приходе – из 600 новообращенных не было у исповеди более 300. В Подберезском приходе, настоятелем которого являлся бывший ксендз этого прихода Стрелецкий, принявший православие, уклонилось от исповеди 150 человек. Во всех этих приходах насчитывалось более 100 некрещенных младенцев².

Процесс формирования компактных групп «упорствующих» сопровождался явлениями дисперсного характера, когда отдельные семьи или члены семей в православных приходах не желали подчиняться канонической дисциплине «господствующей» Церкви. В таких случаях, как правило, причинами «упорства» становились принудительные меры, предпринимаемые духовенством и администрацией по соблюдению привилегий Церкви в смешанных браках православных с католиками, дети от которых должны были по закону стать православными³.

В Гродненской губернии уездные комитеты, учрежденные для «исчисления православного и католического населения», и отдельные военные начальники уездов, не вдаваясь в подробности правового обоснования своих решений, требовали от деканов и приходских ксендзов исключения из списков прихожан лиц, которых администрация и православное духовенство считали принадлежащими «господствующей» Церкви. Правовой основой притязаний на католическую паству являлись положения статьи 67 закона о смешанных браках, в соответствии с которыми дети, родившиеся от таких браков, должны быть православными. Методы административного принуждения, применяемые для решения столь сложных юридических вопросов, требующих тщательной проверки, вызывали протесты верующих, приходских ксендзов и деканов. Виленская римско-католическая духовная консистория сообщала о таких случаях, произошедших в ряде уездов губернии – Слонимском, Бельском и Пружанском⁴.

Военный начальник Пружанского уезда Гродненской губернии в июне 1866 г. потребовал от настоятеля Наревского костела «немедленно исключить из числа прихожан 393 души мужского и женского пола, происходящие от смешанных браков и совратившиеся из православия в католицизм». Ксендз вынужден был подчиниться. Однако часть указанных в списке прихожан настаивала на своей принадлежности к Католической церкви. Эти лица, вызванные к военному начальнику для объяснения, выказали желание «оставаться в своей римско-католической вере, в которой и крещены и родились от родителей, бракосочетавшихся еще при бывшей унии»⁵.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1905. Д. 404. Л. 45–46.

² *Извеков Н. Д.* Некоторые черты деятельности митрополита Макария (Булгакова) по управлению Литовской епархией. Сергиев Посад, 1893. С. 17–18.

³ Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 10, ч. 1. Ст. 67.

⁴ ЛГИА. Ф. 604. Оп. 5. Д. 689. Л. 8–9, 13, 53–54, 114.

⁵ Там же. Л. 31–35.

В свою очередь, виленский губернатор С. Ф. Панютин 16 октября 1866 г. приказал управляющему Виленской римско-католической епархией прелату Жилинскому ввести в епархии новый упрощенный порядок причисления к православию. Теперь одного официального требования местного православного священника оказывалось достаточно для того, чтобы ксендзы обязаны были исключать из приходских списков лиц, присоединившихся к православию, не ожидая решения своего епархиального ведомства. Губернатор находил существовавший прежде порядок делопроизводства «слишком медленным» и мотивировал свое решение желанием предупредить возможность нарушения ксендзами закона о запрещении преподавания духовных таинств православным в тех случаях, когда, долго не получая соответствующего разрешения консистории об исключении присоединившихся из своих списков, они «могут даже и неумышленно преподавать требы своим бывшим прихожанам»¹.

На практике такой порядок позволил православному духовенству, опираясь на указания администрации, в одностороннем порядке решать вопросы присоединения, нарушая при этом законные права католиков, родившихся от браков с униатами до 1839 г., пользоваться таинствами своей Церкви. Однако рапорты католических деканов о нарушениях законодательства о смешанных браках со стороны православного духовенства не получали ответа со стороны Виленской римско-католической консистории².

Другим источником появления малых групп «упорствующих», рассеянных по приходам, стали дальнейшие усилия, предпринимаемые администрацией и православным духовенством в 1866–1868 гг. по окончательному присоединению бывших униатов, «совратившихся в латинство». В Минской епархии волна повторных разбирательств прихожан-католиков на основании правил 17 апреля 1842 г. началась, как уже отмечалось, в 1864 г. по инициативе М. Н. Муравьева.

В июле 1867 г. минский губернатор П. Н. Шелгунов, обеспокоенный тем, что «римско-католическое духовенство преподает духовные требы по латинскому обряду семействам, признанным по разбирательству православными», в июле 1867 г. обратился к архиепископу Михаилу с просьбой прислать ему отдельные по каждому уезду именные списки всех без исключения семейств, которые по разбирательству «окончательно признаны подлежащими возврату в православие». Эти списки должны были проверить местные власти и обязать подписками приходских ксендзов, чтобы этим семействам «не преподавать никаких треб под опасением строгой ответственности по законам». Изданный вследствие инициативы губернатора указ Минской духовной консистории вызвал новую волну разбирательств «о прихожанах, совратившихся в латинство» в 38 благочиниях епархии, длившейся на протяжении 2 лет. В результате разбирательств были выявлены «совращенные, коснеющие в латинстве», по отношению к которым приходское духовенство должно было «продолжать убеждения касательно возврата их в православие»³.

Таким образом, дальнейшее развитие общности «упорствующих» приобретало новую форму устойчивого существования в виде как крупных компактных групп, сосредоточенных в основном в Виленской, Гродненской и Минской губерниях, так и малых, рассеянных по православным приходам всего Северо-Западного края. Их появление стало результатом действия трех взаимосвязанных политических кампаний – закрытия католических костелов, массовых обращений в православие и возобновления бюрократических процедур по восстановлению правовых привилегий православия в отношении бывших униатов и в области смешанных браков.

¹ ЛГИА. Ф. 604. Оп. 5. Д. 689. Л. 49–50.

² Там же. Л. 5, 31–35, 80, 106, 130.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп.1. Д. 31686. Л. 3, 8–9, 26, 28, 32, 49, 90.

3. Проблемы воцерковления «упорствующих» в папизме

Появление в Северо-Западном крае неформальной общности «упорствующих», противившихся перемене своей конфессионально-этнической идентичности, явилось результатом перманентного нарушения законов Российской империи о членстве в Православной церкви. Принадлежность к этой общности влекла за собой серьезные социально-правовые последствия. В результате своего нелегального конфессионального выбора эти люди теряли ряд гражданских прав, в частности, не могли заключать законные браки, поэтому их дети не вносились в метрические книги приходов и считались незаконно-рожденными, у них появлялись проблемы с наследованием имущества, принесением присяги с участием православного духовенства и т. д. Эти лица с точки зрения светского закона оказывались вне церковных стен, следовательно, вне религии¹.

Таким образом, неподчинение канонической дисциплине Православной церкви приводило на практике к появлению внецерковной, т. е. нелегальной, религиозной общности людей, объединенных верностью католической традиции. Эта незаконная форма существования приверженцев терпимой в империи Католической церкви явилась результатом ситуативного совпадения политических и религиозных интересов администрации и православно-го духовенства, определивших на короткий период цели и методы миссионерства.

С назначением в 1868 г. на пост генерал-губернатора Северо-Западного края А. Л. Потапова (2 марта 1868 г. – 22 июля 1874 г.) современники единодушно связывали решительный поворот в правительственной политике по отношению к польскому населению и католицизму Северо-Западного края². К этому мнению присоединялись и политические деятели новой Николаевской эпохи. Так, министр внутренних дел И. Л. Горемыкин в записке «О необходимости дальнейшего сохранения генерал-губернаторского управления в шести губерниях Западного края» писал императору Николаю II, что в конце 1860-х гг., т. е. в период правления А. Л. Потапова, административная деятельность в крае подверглась изменению, «в смысле неблагоприятном для русского дела». Министр охарактеризовал деятельность Потапова как «резкое уклонение правительственной деятельности от исторически верного национального пути во внутренней политике»³.

С приходом нового генерал-губернатора практика политизированного миссионерства уходит в прошлое. Новый генерал-губернатор не был сторонником участия администрации в миссионерских усилиях по обращению католиков, предоставляя эту инициативу православному духовенству. Упразднение политической составляющей миссионерства свидетельствовало о существенных переменах в религиозно-этнической политике новой администрации. Прекращение практики политизированного миссионерства, широко применяемого администрацией К. П. фон Кауфмана и Э. Т. Баранова по отношению к Римско-католической церкви, поставило православное духовенство в приходах с новообращенной паствой в сложное положение. Число лиц, отмечаемых духовенством в ведомостях как «не бывших у исповеди по упорству», в таких приходах начало быстро расти.

¹ Невозможность для «упорствующих» пользоваться семейным законодательством объясняется тем, что с церковной точки зрения брак является таинством, которое совершает Православная церковь, и только такой брак государство считало законным. Исключение было сделано для т. н. «раскольников», которые по Закону от 19 апреля 1874 г. получили возможность заключать законные браки, невенчаные в Православной церкви. *Е. П. Русский раскол и законодательство // Вестник Европы. 1880. № 5. С. 88–90.*

² *Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху великих реформ. М., 2005. С. 241.*

³ ГАРФ. Ф. 543. Оп.1. Д. 470. Л. 14.

Возникла проблема: как удержать новообращенных от возвращения в католичество? Кому должна была принадлежать приоритетная роль в предотвращении обратного движения в католицизм, духовенству или администрации? В подходах к решению этой проблемы обозначились резкие расхождения между епископатом и генерал-губернатором А. Л. Потаповым.

В январе 1869 г. епископ Минский Александр (Добрынин) обратился к губернатору Е. А. Касинову с предложением об организации следствия с целью выяснения причин «охлаждения прихожан местечка Волма к обрядам Православной церкви». Он считал также необходимым, чтобы представители администрации и духовенства сделали совместное «внушение» «упорствующим», что они «никогда не могут быть возвращены в латинский обряд и Волмянская церковь никогда не будет обращена в католический костел». Опираясь на юридическую необратимость принятых решений о переходе в православие, епископ полагал неуместным производить следствие о том, как совершалось присоединение волмянских прихожан, считая в этих условиях наиболее целесообразным выявление подстрекателей и внушение новообращенным, что они «навсегда должны сделаться православными»¹.

В ходе специального расследования, проведенного осенью 1869 г. уездным жандармским управлением и чиновником для особых поручений Степановым, причинами неповиновения новообращенных были названы: деятельность ксендзов, нелегально преподающих требы «упорствующим», и агитация «подстрекателей» из местных крестьян. Вывод, сделанный Степановым, сводился к следующему: «В настоящее время только самые энергичные меры со стороны администрации, как-то – предание уголовному суду лиц римско-католического духовенства, оказавшихся виновными в этом деле, и высылка административным порядком лиц, подстрекающих эту отуманенную массу, – могли бы положить предел так быстро распространяющемуся в той местности злу и вывести из того грустного заблуждения многочисленные семейства, вредно влияющие на окружающее население Минской губернии»². Утверждение чиновника, активно поддерживаемое Минским епископом Александром, свидетельствовало о том, что управление углубляющимся религиозным конфликтом с «упорствующими» вышло из-под контроля православного духовенства, и его окончательное разрешение предлагалось возложить на местную администрацию. Впрочем, упования духовенства на действия администрации не привели к реальным результатам. К 1878 г., по данным МВД, в Минской губернии насчитывалось 10662 православных, «совратившихся» в латинство³.

Аналогичная ситуация складывалась в Виленской и Гродненской губерниях, входивших в состав Литовской православной епархии. В частности, А. Е. Зуров, гродненский губернатор, сообщал императору Александру II «о неблагонадежном образе действий ксендзов», в котором находит «значительную поддержку» существующий в губернии «сепаратизм». Так, А. Е. Зуров называл поведение бывших католиков, которые, приняв православие, начали уклоняться от исполнения обрядов Православной церкви. «Не говоря уже об единичных явлениях, есть несколько целых селений, жители которых предпочитают или вовсе обходиться без всяких духовных треб, или отправляют таковые домашним порядком с помощью избранных из своей среды грамотных женщин, которые тайным образом совершают по чиноположению Католической церкви крещение младенцев, браки, погребения и пр. Пример этот, конечно, не остается без соблазнительно вредного влияния на соседнее население». Появление религиозного «сепаратизма» губернатор связывал с тем «несколько прискорбным направлением, которому следовали в здешнем

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2015. Л. 23, 139.

² Там же. Л. 55.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 256. Л. 164.

крае в 1864–1865 годах некоторые лица, увлеченные ревностью к православию и при этом ложно понимавшие свои обязанности»¹.

Следует добавить, что действия самого Потапова, завершившие, по словам А. А. Комзоловой, целую эпоху «муравьевских деятелей»², оказали самое непосредственное влияние на поведение «упорствующих». Среди них стали распространяться упорные слухи, что: «... костелы, обращенные в церкви, возвратятся к католикам. Все перевороты, т. е. присоединившиеся к православию, со стыдом должны будут возвратиться в католичество, будто бы не только священники, но и власти гражданские ничего не сделают с возвращающимися опять в католичество, и что это разрешено теперь высшим начальством и т. п.»³.

Надежды на то, что с приходом новой администрации завершается эпоха М. Н. Муравьева, привели к росту различных проявлений неприязни и враждебности католиков, сохранивших верность своей Церкви, к прихожанам, перешедшим в православие. В этой связи православное духовенство и администрация неоднократно отмечали, что «тяготение к латинству» среди обращенных в православие, особенно в местностях с преимущественно католическим населением, не в последнюю очередь было связано с различными проявлениями нетерпимости со стороны окружающих.

По воспоминаниям одного православного священника в 1870-х гг. в Эржепольском приходе Полоцкой епархии: «Православные вращались в среде католиков, которые составляли в общей сложности большинство, подвергались постоянно различным личным оскорблениям, наносимым католиками. Действительно было грустное положение православных, которые не имели иного названия как «оборотные волки», «веропродавцы» и тому подобное, да и притом еще были подвергаемы различным наказаниям и стеснениям. Мало того, что их ругали, высмеивали за исповедание православия, кроме того, волостные власти видели в них источник обогащения, грабили в буквальном смысле слова, надеясь на полную безнаказанность»⁴.

Епископ Ковенский Иосиф, объезжая в 1871 г. православные приходы, образовавшиеся во второй половине 1860-х гг. в Виленской губернии, вынес из своей поездки «тяжелое и грустное впечатление». По его словам: «Новоприсоединившиеся тяготели к латинству, между прочим, вследствие оскорблений и притеснений со стороны соседней католиков, которые не допускали скот православных на воду и пастбища, причем православные женихи не находили себе невест, а православных невест не брали в католические дома». Последствия религиозной нетерпимости к новообращенным православным не заставили себя ждать. «В Быстрицком, Островецком и Шумском приходах не желавшие оставаться в православии обступали епископа Иосифа толпами, иные – со слезами, ломая пальцы на руках, иные – с неистовством, требуя увольнения их в латинство. Возбужденные против православия, они не слушали священников, не впускали их в свой дом, пугали ими своих детей, называя священника «медведем», «злой бородастой чучелой». И дети, при виде священника, или прятались, или убегали с криком ужаса»⁵.

Еще более впечатляющие факты морального и физического террора католиков по отношению к новообращенным приводит А. П. Владимиров, обращаясь к событиям в Порозовском и Яловском приходах. По его сведениям, члены Порозовского костельного

¹ Всеподданнейший отчет Гродненского губернатора за 1871 г. Государственная публичная историческая библиотека России.

² Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху великих реформ. М., 2005. С. 252.

³ Извеков Н. Д. Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. ... С. 266.

⁴ Зайц К., священник. Среди католиков // Полоцкие епархиальные ведомости. 1907. № 5. С. 171–172.

⁵ Извеков Н. Д. Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. ... С. 321.

братства угрожали смертью тем, кто не хотел отступать от «московской веры». Братчики Порозовского костела Гродненской губернии насильно заставляли православных отречься от своей веры, «именно, связавши назад им руки, водили их по местечку с боем в костельный барабан и в конце улиц наносили им удары палкой... Ставя на головах православных распятия и осеняя их знамением креста, они разрешали людей от исповедания православной веры»¹. Нетерпимость к отступникам от католичества проявлялась не только среди представителей низших сословий. В той же Гродненской губернии учитель Дрогичинского дворянского училища Маркелл Янушевич просил перевести его на службу в другую губернию, так как со дня принятия православия начал испытывать много неприятностей от местного польского общества².

Учитывая сложившуюся для Церкви тревожную ситуацию, архиепископ Макарий (Булгаков), преемник митрополита Иосифа на Литовской кафедре, обратился в 1869 г. к генерал-губернатору А. Л. Потапову. В своем обращении архиепископ отмечал, что «новоприсоединившиеся» прихожане начали уклоняться от исповеди и св. Причащения у своих приходских пастырей. С просьбами о крещении детей и об отправлении других духовных треб они обращаются теперь к латинскому духовенству. Одной из главных причин этого негативного явления архиепископ считал отсутствие поддержки, которую оказывали ранее православному духовенству, служащему в таких приходах, представители местной администрации.

Архиепископ Макарий выказывал уверенность, что «одно православное духовенство в означенных приходах своими только духовными силами не имеет возможности удержать в православии всех недавно присоединившихся к нему из латинства». Выход из создавшейся ситуации, который предлагал Макарий, предусматривал двойную ответственность администрации и духовенства, необходимую для закрепления результатов чиновничьего миссионерства. «Как самое присоединение этих христиан к Православной церкви совершено не одним православным духовенством силою его проповеди, а преимущественно при содействии гражданской власти, так и удержание их в православии, по крайней мере, до полного утверждения в нем, может и должно совершаться духовенством при содействии же гражданской власти»³.

Ответы генерал-губернатора архиепископу, выражавшие его последовательную позицию в этом вопросе, сводились к тому, что администрация будет выполнять только те требования православного духовенства в отношении «упорствующих» и «отступивших» от православия, которые предусмотрены нормами российского законодательства о веротерпимости. В случае нарушения законных прав «господствующей» Церкви администрация будет преследовать виновных – духовных и светских лиц – в судебном и административном порядке⁴.

Правовой подход, предлагаемый генерал-губернатором в качестве наиболее эффективного при решении межконфессиональных проблем и конфликтов, вызывал определенное непонимание у части православного епископата и духовенства. Для них оказался неожиданным отказ администрации от активного участия светской власти в кампании по расширению конфессионально-этнических границ Православной церкви и «русской народности», не исключавшей практики администрирования в религиозных вопросах.

¹ *Владимиров А. П.* О положении православия в Северо-Западном крае. М., 1893. С. 63.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп.1864. Д. 1621. Л. 3.

³ *Извеков Н. Д.* Некоторые черты деятельности митрополита Макария (Булгакова) по управлению Литовской епархией. Сергиев Посад, 1893. С. 4–5. Сам митрополит Макарий не был сторонником политизированной миссии, «не всегда согласным с духом Православной церкви». См.: Слова и речи Макария, бывшего архиепископа Литовского и Виленского. СПб., 1880. С. 7–9.

⁴ *Извеков. Н. Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. ... С. 326.

Еще большее непонимание и даже возмущение вызвало у духовенства отношение А. Л. Потапова к католическим священнослужителям. Спустя много лет православные священники вспоминали, как они «в глубине своего православного русского духа были оскорблены генерал-губернатором во время объезда вверенного ему края, когда он публично заявлял свое уважение латинским ксендзам и ставил деятельность их как образец для деятельности тут же присутствовавшего православного духовенства»¹.

Воспоминания о правлении А. Л. Потапова стали для православной иерархии и духовенства коллективной психологической травмой, неизжитой к началу XX в. В вину Потапову ставились неудачи в политике обрусения Северо-Западного края и «воцерковления» уклонившихся в латинство. По мнению автора «Записки по вопросу о так называемых «упорствующих» в Минской епархии»: «Пока существовал и был в действии в крае режим, установленный графом Муравьевым и его ближайшими преемниками, ни католические ксендзы, ни послушная им латинская паства не смели выступать со своими кознями, направленными против православия и русских начал. И, несомненно, если бы условия политической и гражданской жизни края, возникшие после польского мятежа, были поддержаны, то латинство в этом крае, как сила враждебная православию и русскому народу, по крайней мере, для крестьянского и мещанского народонаселения, было бы ослаблено и стало бы безвредным. Вновь воссоединенные окрепли бы в православии, слились бы душой со своими православными родичами, стали бы русскими и по племени, и по духу»².

Следует отметить, что изменения в политической практике, внесенные А. Л. Потаповым в решение проблем межконфессиональных отношений, являлись составной частью общей политики «примирения» с польским дворянством, осуществляемой генерал-губернатором. В русле этой новой политики с 1868 г. в крае начался процесс отмены военного положения, завершившийся к апрелю 1872 г. Следовательно, правительство признало, что основные задачи по ликвидации непосредственных причин восстания были решены. Завершение периода чрезвычайных мер по умиротворению края создало необходимые политические и правовые условия для возвращения к практике решения конфессиональных проблем в рамках действовавшего законодательства о веротерпимости.

Теперь вопросы возвращения «упорствующих» в православие уже не должны были решаться духовенством с помощью открытой административной поддержки со стороны должностных лиц. Однако А. Л. Потапов, в случаях, когда речь шла о лицах, выступавших в качестве руководителей и организаторов массового нарушения статьи 49 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, решительно использовал административную власть для внесудебного наказания виновных. Об этом свидетельствует история затянувшегося конфликта в Порозово и Яловке Волковысского уезда Гродненской губернии. Новому гродненскому губернатору князю Д. Н. Кропоткину стало известно донесение священника Яловской церкви Гловацкого, написанное им епископу в конце мая 1868 г. Священник сообщал, что в текущем году не явилось на исповедь до 1200 прихожан. По его мнению, уклонение от обрядов присоединившимися к православию крестьянами происходит «от зловредных подстрекателей, которые, оставаясь без наказания и усиливая свое влияние на народ, с каждым днем угрожают важнейшими еще последствиями, а именно отпадением всех возвратившихся».

Старшины Шимковской волости подтвердили, что названные священником крестьяне «волнуют народ распространением ложных слухов о возврате католикам Яловского костела». На основании этих сообщений губернатор Д. Н. Кропоткин, в качестве «самых решительных мер к прекращению волнений и беспорядков по Яловскому приходу, столь

¹ Записка по вопросу о так называемых «упорствующих» в Минской епархии. См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 101. Л. Г. Л. 39.

² Там же. Л. 38 об.

долго продолжающихся», предложил генерал-губернатору А. Л. Потапову: «Крестьян Шимковской волости Михаила Гонтаря и Михаила Мелько, Тарнопольской волости Ивана Тарасевича, Юшковской волости Степана Грика, Осипа Домбровского, Казимира Соловья и Ивана Казберука с семействами, как положительно вредных и опасных в обществе, выслать в Томскую губернию для водворения на казенных землях»¹.

На этот раз меры наказания, предложенные губернатором, последовали незамедлительно. По решению генерал-губернатора А. Л. Потапова, принятого 12 июля 1868 г., ксендз Липка был выслан в Архангельскую губернию под строгий надзор полиции, а 15 сентября этого же года последовало распоряжение о высылке указанных крестьян. В феврале 1869 г. епископ Брестский Игнатий сообщал гродненскому губернатору, что меры, предпринятые А. Л. Потаповым, «принесли уже в Яловском приходе самые благоприятные результаты и большая часть опавших уже возвратилась в православие»².

Однако оптимистический вывод, сделанный епископом Игнатием, оказался преждевременным. По сведениям Литовской духовной консистории, в Порозовском приходе в 1872 г. «явно уклонилось в латинство» более 490 человек из числа новоприсоединившихся. Многие прихожане этой церкви по-прежнему отказывались от участия в православных обрядах и тайно обращались за исполнением своих духовных треб к ксендзам. Комиссия, назначенная консисторией для разбора этого дела, выяснила, что все «уклонившиеся» прихожане юридически считаются православными, так как еще в 1866 г. они выдали подписки о присоединении к православию, а затем в 1866–1867 гг. исповедовались и причащались в Порозовской церкви. Комиссия решила оставить «упорствующих» в том же состоянии, «в каком они находились, не объявляя им об этом официально». Расчет строился на том, что: «Время делает свое, стерев с них фанатизм и недоверие к православному духовенству, если же они останутся в латинстве, то этот факт, оставшийся без огласки, не будет служить соблазном для нетвердых в убеждениях». Местному священнику комиссия поручила вести списки упорствующих и вести за ними «тщательное наблюдение»³. Пассивное сопротивление новообращенных крестьян Волковысского уезда даже спустя десятилетия так и не было преодолено ни миссионерскими, ни административными усилиями. Яловский и Порозовский приходы оставались местом сосредоточения «упорствующих» в латинстве» вплоть до издания указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г.⁴

Столь же решительные административные меры по отношению к лицам, обвиняемым в агитации против участия присоединившихся крестьян к участию в обрядах Православной церкви, были приняты А. Л. Потаповым в Витебской губернии. Судебное расследование, проводимое по отношению к крестьянам Ляховского общества Дриссенского уезда Витебской губернии, «совратившимся из православия в католицизм», выявило, что крестьяне этого общества, продолжали следовать обрядам Римско-католической церкви. В ответ на запреты, к которым прибегли православное духовенство и местная администрация, крестьяне ответили сопротивлением, которое и составило сущность феномена, известного в этот период как «упорство в латинстве». По сообщению губернатора П. П. Кошаговского: «Эти люди не только отказались от крещения младенцев и таинства брака, но даже тела покойников своих предадут земле без всякого отпевания». Судебный следователь, занимавшийся производством этого дела, выяснил, что в роли организаторов религиозного сопротивления «упорствующих» Ляховского общества выступали двое кре-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1152. Л. 137.

² Там же. Л. 152.

³ *Извеков Н. Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г. ... С. 266–267.

⁴ *Драгун Н.*, священник. Слово, сказанное при освящении Порозовской церкви 1 ноября сего года // Гродненские епархиальные ведомости. 1903. № 47. С. 458–459.

стьян – Протасий Войнилович и Иван Кострица. Следователь утверждал, что эти лица «крайним своим фанатизмом», который придает им авторитет в обществе, «решительно препятствуют крестьянам подчиняться требованиям закона и возвращению к своей вере».

В свою очередь, епископ Полоцкий и Витебский Савва (Тихомиров) обратился к Витебскому губернатору с просьбой принять «особые» меры против «фанатизма крестьян Ляховского общества», в особенности «против зловредных действий Войниловича и Кострицы, виновных не только в отступничестве от веры отцов своих, но и в возмущении общественного спокойствия». Факты, приведенные епископом Саввой, были подтверждены губернатору уездным исправником Дриссенского уезда. В конце марта 1868 г. губернатор П. П. Косаговский, поддерживая просьбу епископа Саввы, предложил генерал-губернатору А. Л. Потапову применить к названным крестьянам распоряжение графа Э. Т. Баранова от 17 ноября 1867 г. и выслать Войниловича и Кострицу в одну из внутренних губерний империи по усмотрению начальника края. В августе 1868 г. министр внутренних дел А. Е. Тимашев утвердил решение Потапова о высылке названных крестьян на жительство в Уфимскую губернию¹.

Все «упорствующие» в латинстве лица с правовой точки зрения подпадали под действие статьи 206 Уложения о наказаниях и статьи 49 Устава о предупреждении и пресечении преступлений. Первая гласила, что «отступившие от православного в иное христианское вероисповедание отсылаются к духовному начальству для увещания, вразумления их и поступления с ними по правилам церковным». Вторая – «Кто уклонился в иную веру от православия, или жену свою православную принудит или попустит принять иную веру, или детей своих будет крестить в иную же веру, а наипаче ежели принудит или попустит, оставив православие, быть в иной вере, того отсылать к суду»².

Однако судебные процессы, начатые в Северо-Западном крае в конце 1860-х – начале 1870-х г. заканчивались, как правило, без вынесения обвинительного приговора.

В марте 1870 г. в Минске было начато судебное расследование по делу логишинских мещан, обвиняемых в «безбрачной жизни, не крещении детей своих и погребении умерших без священника». Обвинение логишинцев в «отступлении» от православия, предусмотренное статьей 188 Уложения о наказаниях Сенатом, рассматривавшим это дело, было отклонено в апреле 1878 г. В конечном итоге МВД, убедившись в том, что «нет способов к устранению ненормальностей быта логишинских прихожан», согласилось с мнением минского губернатора, что следует разрешить им «в делах избрания религии руководствоваться убеждениями собственной совести». Впрочем, в 1889 г. в официальном ответе на прошение логишинцев о разрешении исповедовать римско-католическую веру, отправленное на имя императора, было сказано, что ходатайство их «не может быть удовлетворено». Святейший Синод направил в Логишин священника Проваловича «для увещания и духовно-нравственного воздействия на «упорствующих». Однако его миссия и на этот раз оказалась безрезультатной. Прихожане по-прежнему предпочитали исполнять таинства крещения, брака, а также различные требы сами или же тайно в соседних костелах. По данным МВД, среди «упорствующих» в этой местности насчитывалось около 300 незаконных браков³.

В 1864 г. по распоряжению М. Н. Муравьева было начато разбирательство о вероисповедной принадлежности бывших униатов Докудовской волости Лидского уезда Виленской губернии. А в 1866 г. по обвинению в «отступлении из православия в католицизм» 776 крестьян этой волости было предано суду. Виленская судебная палата, на основании

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1868. Д. 1612. Л. 1–8.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 15. Ст. 206; Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 14. Ст. 49.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1865. Д. 1564. Л. 5; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 256. Л. 164–165.

заклучения о принадлежности данных крестьян к православию, предоставленного Литовской духовной консисторией, признала подсудимых «совратившимися» и подлежащими возврату в православие. Приговором от 1 июня 1871 г. на основании статьи 188 Уложения о наказаниях палата определила: отослать «совратившихся» к духовному начальству «для увещания и поступления с ними по правилам церковным». Виленский губернатор предоставил приговор, вынесенный судебной палатой, на рассмотрение Сената¹. Решение, вынесенное Сенатом 28 января 1876 г., освобождало всех «совратившихся» от суда и следствия. Аргументы, выдвинутые в пользу данного решения, были следующие. Религиозные убеждения крестьян приобрели такую твердость, что они, несмотря на судебное преследование и не имея возможности совершать требы по римско-католическому обряду, по-прежнему не желают пользоваться требами от православных священников. Поэтому невозможно надеяться на успех предполагаемых увещаний, а значит, следует отказать от «дальнейшего развития вредных последствий возбуждения судебного преследования»². Свидетельством рациональности такого решения стало незначительное число «упорствующих», сохранившихся в Лидском уезде к моменту издания указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г.³

В этот период правительство по отношению к «упорствующим» практически отказывается, за исключением особых случаев, от уголовного наказания родителей за крещение и воспитание детей в католической вере. За указанные проступки губернские судебные органы приговаривали виновных родителей к наказанию, предусмотренному статьей 190 Уложения о наказаниях⁴. Прошения министра внутренних дел об освобождении виновных от ответственности, направляемые Комитетом министров на имя императора, как правило, удовлетворялись. В прошениях императору министр внутренних дел А. Е. Тимашев, согласовав свою позицию с министром юстиции, использовал стереотипную формулировку: «Не находя полезным в делах веры и совести, относящимся к отдельным лицам, не проявляющим особенных и чуждых религии побуждений к подобным карательным и тягостным мерам, как тюремное заключение и отобрание детей от родителей, полагаю ввиду неоднократно бывших уже примеров обратиться к монаршему милосердию и т. д.»⁵.

В это же время происходит освобождение из монастырей тех «упорствующих», которые были направлены туда для «вразумления» в начале 1860-х гг. В частности, в декабре 1874 г. по решению Святейшего Синода была освобождена из Минского Варваринского монастыря дворянка Елизавета Фадеева, которая была помещена туда 23 августа

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1870. Д. 842. Л. 38–39.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1465. Л. 3–28.

³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного вероисповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 30.

⁴ «Родители, которые быв по закону обязаны воспитывать детей своих в вере православной, будут крестить их или приводить к прочим таинствам и воспитывать по обрядам другого христианского исповедания, присуждаются за сие: к заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев. Дети их отдаются на воспитание родственникам православного исповедания или, за неимением оных, назначаемым для сего правительством опекунам, также православной веры. Тому же наказанию подвергаются и опекуны, которые будут воспитывать вверенных им детей православного исповедания в правилах другого вероучения. При сем они немедленно устраняются от опеки» // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных с разъяснениями по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. 4-е изд., доп. СПб., 1873. Ст. 190.

В феврале 1878 г. император Александр II утвердил предложение МВД об исключении из ст. 190 Уложения о наказаниях правила об отобрании совращенных детей от родителей. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 252. Л. 223.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1454. Л. 15–20; Ф. 821. Оп. 1. Д. 1557. Л. 9–16.

1863 г. за «уклонение в католицизм». Несмотря на увещания о необходимости возвращения в православие, которые делались ей духовенством на протяжении 10 лет, Фадеева продолжала упорствовать в приверженности к Римско-католической церкви. Учитывая проявленную ею непреклонность в отстаивании своих религиозных убеждений, по предложению А. Е. Тимашева, указом императора Е. Фадеевой было предоставлено право свободно исповедовать римско-католическую веру, «предоставляя дело это ее совести»¹.

Таким образом, губернские власти и правительство, по существу, отказались подвергать «упорствующих» мерам церковного наказания и судебного преследования за «отпадения» от православия, оставляя решение вопроса об их каноническом подчинении Церкви в компетенции духовного ведомства. В новой ситуации православное духовенство должно было рассчитывать в первую очередь на собственные миссионерские усилия для канонического воссоединения с Церковью части своей непокорной паствы, опираясь при этом на правовые и административные преимущества, связанные с ее господствующим положением.

4. Сопротивление «упорствующих»

и «патнопопльская» пропаганда

С точки зрения администрации и православного епископата, одной из важнейших причин существования «упорствующих» являлась противозаконная деятельность ксендзов, которые по-прежнему преподавали своим формально бывшим прихожанам духовные требы. Закон предусматривал, что католические священники, уличенные в посягательствах на паству Православной церкви, подвергались судебным преследованиям в соответствии со статьями Уложения о наказаниях². Практика уголовных наказаний римско-католического духовенства за преподавание духовных треб присоединенному православному населению стала правовым инструментом, применяемым администрацией и православным епископатом в борьбе с незаконной миссионерской деятельностью. Судебные преследования за указанные проступки активизировались одновременно с появлением движения «упорствующих», которые пытались сохранять свою sacramентальную связь с Католической церковью с помощью нелегального участия в ее таинствах.

Римско-католическое духовенство оказалось в сложном положении. Текст присяги, принимаемой каждым священником, содержал догмат католического вероучения, гласивший, что вне Римской церкви нет спасения. Этот догмат священник произносил и при вступлении в должность на приходе. В соответствии с принятым вероучением священник не мог, не преступая требований присяги, отказать в духовных требах тем, кто добровольно просил его об этом³. Однако в случае с «упорствующими» долг религиозной совести священника вступал в противоречие с нормами российского законодательства о веротерпимости и правах «господствующего» православия. Последовательное выполнение пастырского долга влекло за собой предусмотренное законом наказание.

Губернские палаты уголовного и гражданского суда с 1866 г. в Вильно, Гродно и Минске начали рассматривать дела священнослужителей, обвиняемых в противозаконном преподавании духовных треб новоприсоединенным православным. По приговорам судов ксендзов временно отрешали от должности, объявляли строгий выговор или присуждали

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1556. Л. 6–8.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издано проф. Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. / Свод законов Российской империи. СПб., 1886. Т. 15. Ст. 187, 193.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 774. Л. 181.

к денежному штрафу. Римско-католические консистории направляли осужденных светскими судами ксендзов для «исправления» в монастыри Минской (до 1869 г.), Виленской епархии и Могилевской архиепархии¹.

В октябре 1869 г. епископ Минский Александр (Добрынин) обратился к губернатору с сообщением, что «упорствующие» крестьяне Слуцкого и Новогрудского уездов, присоединившиеся к православию в 1866–1867 гг., пользуются духовными требами у священников Несвижского доминиканского монастыря. Он просил губернатора «прекратить самоуправство ксендзов, взволновавших почти всех присоединившихся к православию». Минский губернатор, после проведенного расследования, подтвердившего факты, указанные епископом Александром, поручил Минской палате уголовного и гражданского суда ускорить судебное расследование этого дела². Вскоре Несвижский доминиканский монастырь был закрыт. По приказанию губернатора, в декабре 1870 г. судебному преследованию был подвергнут ксендз минского костела Анджеевский за то, что преподавал требы своим бывшим прихожанам из Волмянской волости, которые присоединились к православию в 1866 г.³

К середине 1870-х гг. правовые меры, предпринимаемые администрацией по инициативе православного епископата, приводят к снижению нелегальной активности римско-католического духовенства среди «упорствующих». Однако православная иерархия и духовенство не испытывали уверенности в прочных конфессиональных предпочтениях своей новоприобретенной паствы. Добиться приверженности этих лиц к Православной церкви оказалось очень трудной, а в случае в «упорствующими», и просто невыполнимой задачей. Следует сказать, что представители православной иерархии осознавали суть проблемы и сложность ее решения. Архиепископ Литовский Александр (Добрынин) в отчете Синоду за 1879 г. отмечал, что «особых попечений требовали присоединенные в 1865–1866 годах из католичества, так как некоторые из них обнаруживали стремление к возвращению в католичество». Главную причину этого явления архиепископ усматривал не в тайной пропаганде ксендзов, а в «самом способе присоединения их, без должного приготовления и сознательного усвоения ими истин православной веры»⁴.

В начале 1880-х гг. нелегальная миссионерская работа римско-католического духовенства среди православных вновь оживилась. Виленский губернатор Н. А. Гревениц в своем отчете императору за 1882 г. вынужден был признать, что «римско-католическое духовенство исподволь стремится при всяком удобном случае к совращению в католицизм присоединившихся к православию и недопущению смешанных браков». В отчете за 1883 г. Виленский губернатор еще раз повторил, что в воссоединенных приходах римско-католическое духовенство стало чаще совершать незаконные венчания, принимать к исповеди совратившихся из православия и крестить детей православных родителей. Император Александр III на этом месте доклада сделал отметку «обратить внимание министра внутренних дел». На этом основании Комитет министров заслушал 31 июня 1884 г. доклад министра Д. А. Толстого о деятельности римско-католического духовенства⁵. Несколько позже, 6 июля 1884 г., МВД разослало секретный циркуляр губернаторам, в котором указывалось, что «в последнее время в деятельности римско-католических священников замечается направление, враждебное правительству и православию»⁶.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп.1. Д. 1250. Л. 1; ЛГИА. Ф. 604. Оп. 5. Д. 1023. Л. 1–2, 9; Ф. 604. Оп. 5. Д. 1104. Л. 1–4; Ф. 604. Оп. 5. Д. 1016. Л. 38.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1973. Л. 3, 15, 20–22, 27, 35.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2176. Л. 1–4.

⁴ *Извеков Н. Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 г. ... С. 287–288.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп.10. Д. 1077а. Л. 194, 209.

⁶ НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 3971. Л. 145.

Об усилении духовенством польско-католической пропаганды среди «упорствующих и стремящихся к возврату в католичество» Новогрудского уезда сообщал епископу Варлааму (Чернявскому) в июне 1884 г. минский губернатор А. И. Петров. Губернатор отмечал: «Если римско-католическое духовенство никогда не было благорасположено к православному народу и к Православной церкви, то причиной этому открытое подстрекательство митрополита Гинтовта, о чем я доводил до сведения министра внутренних дел. Оно стало к ней в такое враждебное отношение, какое не замечается в прежнее время. Несомненно, что такой образ действий митрополита Гинтовта грозит такими серьезными последствиями, которые могут вызвать поголовное отпадение в католичество целой массы народа, неокрепшего в православии и поэтому легко поддающегося всякому зловредному влиянию»¹.

Православные священники Минского уезда вынуждены были признаваться в том, что «присоединившиеся остаются и доселе при прежнем упорстве, ... несмотря на все старания и рвение православного духовенства». Причины своих миссионерских неудач в «ведении православного, русского дела» священники усматривали «в польской пропаганде, которая усиленно работает во вред оному в среде крестьянского населения, которое веками пропиталось до костей и мозгов полонизмом и католицизмом». По мнению духовенства, ксендзы, чтобы «убить симпатии католиков к православию и в то же время вооружить принявших уже православие против Греко-Восточной церкви» развернули нелегальную пропагандистскую кампанию, в которой в качестве агитаторов выступали костельная прислуга и католики-помещики².

Результаты этой пропаганды усматривались в переменах, происходивших в поведении их паствы. «Вновь присоединившиеся и не утвердившиеся в православной вере колебались, и многие не начали исполнять христианские обязанности по православному обряду. А ксендзы начали тайно принимать таких людей на исповедь и внушать им, чтобы они не покидали католической веры, что факты присоединения будут рано или поздно уничтожены, так как сами россияне скоро оставят православную веру, ибо и царь русский намерен принять католицизм»³.

В это же время в православную консисторию стали поступать сведения, что и в других уездах Минской епархии ксендзы снова начали совершать духовные требы для православных и принимать их к исповеди и причастию⁴. Об этих же явлениях упоминалось и в отчете обер-прокурора за 1883 г. «В Минской губернии, – сообщал К. П. Победоносцев, – враждебная деятельность латинского духовенства проявляется преимущественно в тайных подстрекательствах той части населения, которая присоединилась к православию из латинства в шестидесятых годах. Из этих лиц одни, официально считаясь в православном исповедании, в действительности, благодаря тайному подстрекательству ксендзов и некоторых польских агитаторов, продолжают оставаться в латинстве; другие же, хотя исполняют обряды и постановления Православной церкви, но делают это неискренно, продолжают питать в настроении своем тяготение к латинству и весьма чутки ко всякому соблазну, клонящемуся в сторону католичества»⁵.

Неблагополучно обстояло дело и в Литовской епархии. В отчете обер-прокурора за 1885 г. говорилось что: «Особенно вредно католическое духовенство действует на присоединившихся к православию в шестидесятых годах, нередко исполняя у них христианские требы. Поощряемые и возбуждаемые им, таковые лица обращаются к духовенству и гражданскому начальству с просьбами об оставлении их в латинстве»⁶.

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 3971. Л. 104 об.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35945. Л. 1–3.

³ Там же. Л. 4–6.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3971. Л. 91, 104–105.

⁵ *Арсеньев К. К.* Свобода совести и веротерпимость: сб. ст. СПб., 1905. С. 221.

⁶ Там же. С. 203.

В отчете за 1888–1889 гг. Победоносцев доводил до сведения императора, что: «Главным врагом, могущественным и опасным для успехов утверждения и распространения православной веры в западных епархиях ныне, как и прежде, является католическое духовенство, с его упорной нетерпимостью ко всему русскому и православному. Настойчиво преследуя свои цели, оно пользуется даже весьма неблагоприятными средствами для достижения этих целей. Так, по поводу слухов о переговорах, происходивших в 1888 году между русским правительством и Римской курией, ксендзами была распространена молва, что этими переговорами установлена свобода для римско-католической пропаганды в России, и затем уже они стали вести свою пропаганду почти открыто»¹.

Очередное усиление «латинопольской пропаганды» со стороны католического духовенства «среди не укрепившихся в православии и преимущественно так называемых «упорствующих» в латинстве прихожан православных церквей» отмечал в 1899 г. епископ Минский Симеон (Линьков)².

Таким образом, многолетние попытки администрации и православного духовенства с помощью действовавшего законодательства пресечь нелегальную деятельность римско-католического духовенства по выполнению своего пастырского долга в отношении к «упорствующим» не увенчались успехом. Принимая во внимание сведения, систематически сообщаемые представителями администрации и Православной церкви, нельзя не учитывать и ряд обстоятельств, вызывающих следующие вопросы. А именно: каковы же были реальные масштабы «латинопольской пропаганды» и ее миссионерская эффективность? Как известно, миссионерская деятельность католического духовенства расценивалась как уголовное преступление и каралась соответствующими статьями Уложения о наказаниях, что уже само по себе негативно влияло на распространение религиозной пропаганды и попыток покушений на права господствующей Церкви. Известный правовед и общественный деятель той эпохи К. К. Арсеньев предлагал на первый вопрос следующий ответ: «В начале 1890-х гг. суды остзейских губерний были завалены делами о протестантских пасторах, судимых за проступки против православной веры; между тем о подобных процессах против ксендзов Западного края не было слышно. Если их не было, то не было, значит, и пропаганды, сколько-нибудь серьезной»³.

С утверждением Арсеньева трудно целиком согласиться. Были судебные разбирательства проступков ксендзов, как существовали и случаи наказания виновных путем помещения их в Виленский кармелитский монастырь⁴. Следовательно, нельзя недооценивать тайного распространения такого явления, как сакраментальная и духовно-нравственная поддержка своей бывшей паствы со стороны католического духовенства, настойчиво осуществляемой вопреки грозящим уголовным наказаниям. Несомненно, что примеры религиозной солидарности ксендзов, граничившей с личным самопожертвованием, оказывали серьезное воздействие на сохранение «упорствующими» верности католической традиции. Точно так же как нельзя недооценивать и эффективность нелегального применения пропагандистских приемов, содержание которых представляло собой синкретическое сочетание идеологических фальсификаций с примитивизированным богословием для крестьян-простцев.

Свидетельством же эффективности «латинопольской пропаганды» служило не только длительное и устойчивое существование такого явления, как «упорствующие», но и появление, после присоединений 1860-х гг., новых групп верующих, открыто демонстрировавших свою приверженность католицизму. Духовные и светские власти традиционно

¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1888–1889 годы. СПб., 1891. С. 138.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6796. Л. 4.

³ Арсеньев К. К. Свобода совести и веротерпимость. СПб., 1905. С. 204.

⁴ ЛГИА. Ф. 604. Оп. 5. Д. 2542. Л. 17, 21; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35609. Л. 18, 29.

усматривали в качестве подстрекателей к отступлениям от господствующей Церкви римско-католических священников. Об этом еще раз напомнил обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, сообщая о случае совращения в католичество крестьян деревни Селявичи в Переволоцком приходе Слонимского уезда Гродненской губернии. В отчете за 1891 г. говорилось, что ксендзы в последнее время с особенной энергией стали возбуждать и поддерживать в местном населении настроение, враждебное России и Православной церкви. При всяком удобном случае, – отмечал обер-прокурор, – они превозносят римско-католическую веру, указывая на ее мнимое превосходство над православием, и порицают православие как веру «хлопскую». Под влиянием ксендзов в Гродненской губернии распространился соблазнительный слух о том, что будто бы правительство, признав превосходство римского католичества перед православием, будет всех обращаться в католичество, что в Петербурге уже многие обратились в латинство, и раньше других правительственные особы, и что православными останутся только «попы» и «хлопы». По замечанию обер-прокурора – подобные нелепости смущают народ и повергают его в недоумение. Посещая же чаще и чаще своих прихожан, ксендзы убеждают их чуждаться православных и не входить с ними ни в какие отношения, как со схизматиками, обреченными на вечную гибель¹.

Нельзя не отметить, что предпринимаемые обер-прокурором описание и оценка пропагандистских приемов и содержательных аспектов тайной миссионерской работы католического духовенства имели свои методологические особенности. Такой подход был доминирующим и разделялся православной иерархией и духовенством Северо-Западного края. В соответствии с ним лица, присоединившиеся к православию, а также «упорствующие» и «совратившиеся» представлялись в своей совокупности в качестве некоего пассивного объекта подпольной пропаганды, который охотно воспринимает самые нелепые и лживые слухи в силу своей «темноты», «невежества» и тайной предрасположенности к католицизму. Учитывая, что начавшаяся со второй половины 1860-х гг. практика распространения дискредитирующих православие слухов стала не только устойчивой, но и усилилась в 1880-е гг., можно сказать, что такая точка зрения имела под собой реальные практические основания. Стоит только добавить, что нередко предосудительные по своему содержанию и примитивные по форме пропагандистские приемы, которые применялись с учетом неграмотности, специфики сознания и религиозной психологии сельского населения, можно рассматривать как своеобразные технологии низовой пропагандистской защиты конфессиональных интересов католичества в Северо-Западном крае².

Применение указанных технологий в повседневной приходской жизни способствовали формированию архаических интегральных механизмов перманентного сохранения религиозного единства «упорствующих», рассеянных и компактно проживавших на территории края. Эти механизмы, противостоявшие диктату светского законодательства и канонической дисциплины Православной церкви, возникавшие как спонтанно, так и в результате целенаправленных пропагандистских усилий католического духовенства, под-

¹ Извеков Н. Д. Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. ... С. 267–268.

² «Изумительно, какими инсинуациями, клеветами и баснями поддерживается здесь фанатизм латинского населения», говорит литовский преосвященный. «Один из униатов, уклоняющихся от Православной церкви, между прочим, с полнейшим убеждением наивно высказал увещевавшему его священнику, что Папа носит в своем кармане ключи от царствия Божия и ежедневно утром под подушкой у себя находит письмо от самого Господа». Один экземпляр такого рукописного на русском языке листа или письма, посланного на землю от самого бога Льву, Папе Римскому, с обещанием за чтение его наставлений (общего характера) стодневного отпущения грехов, представлен Коссовским благочинным, Слонимского уезда, Литовскому преосвященному; лист этот благочинному поднесли ученики его школы в классе, прося объяснений». / Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1888–1889 годы. СПб., 1891. С. 139–140.

держиваемых местными активистами, приводили к появлению своеобразных религиозных резерваций. Особенность этих замкнутых религиозных групп заключалась в их оппозиционной религиозности в парадоксальной для правил российской веротерпимости форме неканонического католицизма. Устойчивость прежних анклавов неканонического католичества и спорадическое появление новых не всегда свидетельствовали в пользу убедительности подхода к пониманию феномена «упорствующих», предлагаемых представителями «господствующей» Церкви.

5. Мотивы и тактика религиозного противостояния «господствующей» Церкви

Примером активной позиции отдельных групп и личностей из числа «упорствующих», пытавшихся, пусть не всегда удачно и нравственно допустимо, сформулировать свои аргументы в пользу возвращения в католичество, стали многочисленные прошения, посылаемые в различные инстанции – МВД, Святейший Синод, митрополиту римско-католических церквей, императору и императрице. Используя этот официально дозволенный способ решения своих проблем на высшем административном уровне, «упорствующие» пытались использовать действовавшие имперские механизмы соблюдения норм веротерпимости для защиты своих религиозных интересов.

С 1867 по 1880 г. в министерстве внутренних дел было зафиксировано 37 коллективных и личных прошений, поступивших из Северо-Западного края. МВД, в случаях, когда на имя министра подавались прошения бывшими униатами, перешедшими в католичество до 1839 г., или крещеными в католических костелах, получив сведения о бесполезности увещаний, осуществляемых по отношению к ним со стороны православного духовенства, обращалось с ходатайством через Комитет министров к императору о прекращении судебного преследования этих лиц. Мотивация была прагматичной – не возбуждать «рopot в населении и не подавать повод к толкам о гонениях за веру». Просители получали от императора возможность «беспрепятственно исполнять обряды Римско-католической церкви»¹.

Прошения о «нестеснении в исповедании римско-католической веры», непрерывно поступающие в государственные структуры и Святейший Синод вплоть до издания указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г., отклонялись в тех случаях, когда формальная принадлежность «упорствующих» к Православной церкви была доказана местными духовными консисториями². Как правило, решения об отказе принимались МВД и Святейшим Синодом по отношению к лицам, причисленным к приходам Православной церкви в 1865–1867 гг. Сложность рассмотрения таких дел заключалась в том, что крестьяне, дав подписки на верность православию в указанный период, спустя годы утверждали в своих прошениях, что были причислены к Церкви не добровольно, а вследствие насилия, применяемого военными и гражданскими властями³.

Первые прошения с жалобами на насильственное принуждение к принятию православия начали поступать в Виленскую римско-католическую консисторию еще в 1864 г. Однако эти прошения оставались без ответа, так как рассмотрение этих вопросов членами консисторий было запрещено, согласно требованиям Устава о предупреждении и пре-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 1. Д. 1453. Л. 22–24; Ф. 821. Оп. 10. Д. 256. Л. 102.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 256. Л. 164.

³ Там же. Л. 161.

сечении преступлений¹. Прошения, поступавшие в губернские правления и МВД во второй половине 1860-х – начале 1870-х гг., содержат многочисленные обвинения местных властей и духовенства в применении насилия при принятии просителями православия. Проведенные расследования, как правило, обвинения не подтверждали. Бывали случаи, когда просители заведомо прибегали к откровенным подлогам, чтобы добиться возвращения в Римско-католическую церковь. Обвинения властей в нарушение законности всегда подвергались расследованию губернской администрацией, и виновные в преднамеренных фальсификациях наказывались².

Ярким примером применения заведомо ложных сведений для возвращения в католичество служит дело «упорствующих» в латинстве Минского и Игуменского уездов. В 1868–1869 гг. на имя минского губернатора Е. А. Касинова стали поступать жалобы жителей этих уездов о якобы насильственном присоединении их к православию. Жалобы «упорствующих» Минского уезда из Волмянского прихода содержали стереотипный набор тяжких обвинений в том, что казаки, размещенные в этой местности в 1866 г., умышленно разоряли своими поборами хозяйства просителей, не желавших присоединиться к православию. Затем те же казаки в пьяном виде гнали католиков нагайками в Православную церковь, где их заставляли исповедоваться и причащаться у православных священников. В насилиях над католиками в Игуменском уезде обвинялись мировой посредник Болотин и становой пристав Плахов, а также казаки, которые, принуждая принять православие, «били нас беспощадно». Указав на недопустимые меры, предпринимаемые для принятия господствующей веры, жалобщики просили вернуть их в католичество. Произведенное по указанным делам расследование выявило, что автором этих леденящих душу историй был писарь Коломенского пехотного полка К. Зубков, который за деньги сочинял крестьянам жалобы, призванные убедить начальство в незаконности присоединения их к православию. За свое небескорыстное литературное творчество писарь был посажен в карцер на 8 суток, а жалобы крестьян, после внушения в полиции, оставлены без последствий³.

В июне 1869 г. более 30 «упорствующих» Ляховичской волости Слуцкого уезда из деревень Пашковцы, Рачканы, Потаповичи, Зублевичи, Перекрестья обратились к Минскому римско-католическому епископу Адаму Войткевичу с жалобой на то, что присоединение к православию «последовало не по нашему согласию и желанию, а через насилие, грабительства нашего имущества, наказания телесного и ареста. Разве человек может быть допущен к исповеди и святому причастию по принуждению?» – риторически вопрошали «упорствующие». На этом основании крестьяне просили епископа исключить их из списков Ляховичской Православной церкви и возвратить в римско-католическую веру, которую исповедовали их предки. На дознании по поводу утверждения о насильственном обращении в православие, которое проводил слуцкий исправник, выяснилось, что крестьяне, упоминаемые в прошении епископу, «никакого прошения никуда не посылали». Жалобщики также получили внушение от полиции, а прошение было отклонено по недоказанности фактов насильственного принуждения⁴.

¹ «...Члены римско-католических духовных консисторий, которые будут уличены в потворстве и принятии посредничества относительно желающих отступить от православия, удаляются от присутствия». Свод законов Российской империи. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. Раздел первый. О предупреждении и пресечении преступлений против веры // Свод законов Российской империи. СПб., 1890. Т. 14. Ст. 79.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1919. Л. 1–15; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2016. Л. 2–7; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2019. Л. 1.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2015. Л. 30–38; Ф. 295. Оп. 1. Д. 1919. Л. 1,14; Ф. 295. Оп. 1. Д. 1920. Л. 1.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2016. Л. 2, 7.

«Упорствующие» Медведичской волости, в апреле 1875 г., собрав деньги, отправили в Санкт-Петербург двух представителей Людвиг Коршуна и Юрия Гавдуся для подачи прошения на высочайшее имя. В прошении говорилось о религиозных гонениях на жителей волости и о том, что их насильственно отлучили от Римско-католической церкви и присоединили к православию. Крестьяне просили императора назначить следствие по этому делу. Однако их прошение было отклонено по причине «незаконности», так как нормы действовавшего законодательства о членстве в Православной церкви не позволяли решить проблему возвращения их в католичество легальным путем¹.

Торжество формального подхода к конфессиональной принадлежности, в соответствии с которым «упорствующие» «подлежат пребыванию в православию», продемонстрировал отказ в прошениях 130 бывших католиков местечка Илия Виленской губернии. Кампанию за возвращение в католичество жители этого местечка начали еще в 1868 г., когда обратились с жалобой к Виленскому генерал-губернатору на насильственное обращение их в православие. При расследовании факт принуждения не получил убедительного подтверждения. Тогда жалобщики начали обращаться в Святейший Синод и на «высочайшее имя». В 1886 г. их просьбы о возвращении в католичество были окончательно отклонены на том основании, что они «значились по исповедным записям у православного священника, как бывшие на исповеди»².

Как следует из многочисленных прошений, свое формальное пребывание в православии «упорствующие» объясняли различными формами принуждения, примененными к ним полицией, казаками, гражданскими чиновниками и православными священниками в 1865–1867 гг. При этом они приводили и факты обмана со стороны местных властей, получавших таким образом подписки о присоединении к православию. Однако такие, зачастую голословные, приемы обвинения не приносили ожидаемого эффекта. Крестьяне не могли усвоить силу действия юридических норм. Данная ими под воздействием авторитета представителей власти, страха, уговора или просто непонимания подписка о принадлежности к православию делала такое решение юридически необратимым. Идея правовой ответственности за окончательно сделанный конфессиональный выбор усваивалась ими с трудом. Крестьяне не считали нужным соблюдать взятые на себя правовые обязательства перед Православной церковью, если были уверены, по разным причинам, в превосходстве католицизма над православием. Но азы имперской веротерпимости были им известны, они знали, что насилие при выборе веры является незаконным. Поэтому им казалось, что можно ввести власть в заблуждение и спустя годы путем обвинения полиции, казаков и чиновников в принуждении к принятию православия добиться возвращения в католичество.

Принадлежность к господствующей Церкви «упорствующие» демонстрировали как религиозно-психологическую травму, полученную ими в результате принудительной смены конфессиональности. Приводимые в жалобах описания различных форм религиозного насилия становились морально-психологическим обоснованием обращений к высшим властным инстанциям с целью восстановления законности, погранной якобы в свое время местными чиновниками.

Выработался даже своеобразный канон, по которому составлялись прошения в различные структуры духовной и светской власти – МВД, Святейший Синод и российскому

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2797. Л. 1–3.

² *Извеков Н. Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. ... С. 269. Так же как и в предыдущем случае, правовой основой отказа служило действие статьи 47 Свода уставов о предупреждении и пресечении преступлений, гласившей: «Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер запрещается отступить от нее и принять иную веру, хотя бы то и христианскую» // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 14. Ст. 47.

императору. Появились и люди, которые за деньги писали такие прошения за неграмотных, как правило, крестьян. Деньги собирались и для просителей, которые ездили в столицу с составленными жалобами.

К сожалению, сложная правовая ситуация, в которую попадали «упорствующие» с их зачастую элементарной неграмотностью, делала их соблазнительным объектом для различного рода проходимцев. Как отмечалось в одном из отчетов минского губернатора: «они (упорствующие) подвергаются всевозможной эксплуатации как местных вожаков, так и приезжих, которые, являясь под видом то адвокатов, то консисторских чиновников, выманивают у них нередко весьма значительные деньги»¹. Чиновник особых поручений Степанов, расследовавший причины неповиновения православному духовенству в Волынянском приходе Минского уезда, отмечал, что между крестьянами есть такие личности, которые: «... из корыстных видов занимаются сочинением разных нелепых просьб, привлекая таким образом доход для существования своих семейств»².

Встречались случаи корыстолобивых действий и со стороны православного духовенства. Так, например, в Виленском уезде бывший ксендз Стрелецкий, приняв православие и став настоятелем Подберезкого прихода, пил и охотно «увольнял» присоединившихся к православию за деньги. Для некоторых предприимчивых людей религиозно-правовые проблемы «упорствующих» становились выгодным бизнесом. В Вильно в 1877–1878 гг. некий Валуевич начал фабриковать подложные указы Литовской православной консистории и Святейшего Синода. Уплатив соответствующую сумму денег, «упорствующие» получали фальшивые документы, гласившие об исключении их из списков православных приходов. После 2 лет успешной деятельности разбогатевший Валуевич начал строительство каменного дома на Антокольской улице. Мошенник был арестован, осужден и выслан на жительство в Архангельскую губернию³.

Для католиков, ставших юридически православными, ссылки на принудительный характер перевода из католичества в православие служили в качестве одного из мотивов для отказа в исполнении обрядов и таинств Православной церкви. Другим распространенным мотивом неприятия православия становилась верность католицизму как освященной историей религиозной традиции местного населения. «Упорствующие» своим поведением и формами сопротивления давали своего рода асимметричный ответ официальной идеологии, использовавшейся чиновниками и духовенством для обращения их в православие. Светские и духовные миссионеры использовали для этих целей директивный тезис М. Н. Муравьева о необходимости восстановления в крае господства «православия и русской народности»⁴.

Утверждение легитимности государственной, конфессиональной и этнической идентичности края, как русской территории, осуществлялось в парадигме восстановления разрывов в исторической преемственности Российской империи с традицией Древней Руси, прерванной длительной польско-католической экспансией. С этой точки зрения обращение католиков-белорусов в православие рассматривалось в парадигме «возвращения» к вере своих православных предков как разрыв с польской католической верой, рассматриваемой в качестве «чуждой», «пришлой», «враждебной» и «временной»⁵.

Обращение миссионеров к авторитету исторического конфессионального и этнического первородства православия и «русской народности» в крае вызвало ответную реакцию «упорствующих». В заявлениях о своем желании оставаться католиками «упор-

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7292. Л. 62.

² Там же. Д. 2015. Л. 54.

³ ЛГИА.Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 46.

⁴ *Муравьев М. Н.* Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края // Русский архив. 1885. № 6. С. 186–193.

⁵ Там же. С. 186, 199.

ствующие» в качестве мотива также указывали на традицию верности «своей старинной вере», которую «передали нам деды и отцы наши» и которой «не согласны изменить до смертного одра»¹. Повторяющиеся высказывания «упорствующих», добивавшихся возвращения в католичество, о том, что они желают умереть в своей вере, перекликались с популярным утверждением старообрядцев: «В какой вере мы родились, в той и помереть должны». Как отмечал К. К. Арсеньев, эти слова выражали собой настроение, «устрашающее, для большинства его последователей, всякую мысль о переходе в другую веру»².

Подтверждением устойчивости подобных настроений служит поведение «упорствующих» Волмянского прихода Минской губернии. По свидетельству приходского священника Волочковского, в семье Варсомских, когда младший брат сказал старшему, что будет венчаться в Православной церкви, старший брат ответил: «Если будешь венчаться в церкви, то я тебя не пушу в хату». Другой крестьянин Казимир Мягкий, пожелавший сочетаться браком, получил от матери невесты такой ответ: «Нужно ждать Польши, а тем временем поживите так, я не хочу, чтобы в церкви брали шлюб»³. В 1881 г. Минский епископ Варлаам во время посещения Ляховичской волости Минской губернии беседовал с «упорствующими» и убеждал их «отказаться от своего упорства». В виде уступки епископ обещал исходатайствовать старикам разрешения остаться в католичестве с условием, чтобы дети крестились и воспитывались в православной вере. Однако предложение епископа не встретило никакого сочувствия⁴.

Администрация края, для того чтобы присоединившиеся к православию бывшие католики не пополняли ряды «упорствующих», использовала авторитет императора Александра II, почитаемого крестьянами за освобождение от крепостного права. Слова императора, произнесенные им в Вильно 13 июня 1867 г. на встрече с крестьянской депутацией, были напечатаны и вывешены во всех волостных правлениях Северо-Западного края. Однако и эти весомые правовые аргументы о невозможности возврата из православия, подкрепленные монаршим волеизъявлением видеть их православными, не оказали какого-либо воздействия на изменения в воззрениях «упорствующих». Те из них, которые не были у исповеди в Православной церкви, объясняли чиновникам и духовенству, что слова императора к ним не относятся, так как они по-прежнему считают себя католиками⁵.

6. Меры по преодолению сопротивления «упорствующих» миссионерским усилием православного духовенства

К кардинальным переменам в православном воцерковлении «упорствующих» не привела и пастырская миссия духовенства, служившего в приходах, составленных из паствы, присоединенной в 1860-х гг. По признанию самого духовенства, миссия в таких приходах не была поставлена на должную высоту. Часть священников смотрели на место своего служения как на временную ссылку и не проявляли требуемого в этих условиях миссионерского усердия⁶.

¹ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 130. Л. 178, 214; ЛГИА. Ф. 604. Оп. 5. Д. 689. Л. 24, 27–28.

² Арсеньев К. К. Свобода совести и веротерпимость ... С. 283.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2015. Л. 60.

⁴ Там же. Д. 7292. Л. 61 об.

⁵ Там же. Л. 61 об.

⁶ Скворцов В. Со скрижалей сердца // Миссионерское обозрение. 1905. № 5. С. 1265–1266.

Приходские священники, проживавшие в приходах, населенных «упорствующими», ссылались на особую трудность пастырского служения. На практике они сталкивались с тем, что увещания их не слушали и даже не впускали в дома для собеседования. В Литовской епархии, по словам священника Иоанна Никифоровича: «Ни один из католиков-мирян не пропитан такой ненавистью к православной вере и ее обрядам, какою бывают пропитаны “упорствующие”. Это в высшей степени печальное явление, по нашему мнению, основанному на опыте, объясняется не чем иным, как теми неблагоприятными средствами, какие употребляют ксендзы для соращения православных в католичество. Они-то, пользуясь темнотою и невежеством соращаемого в знании им вероисповедных разностей, при помощи иногда неправды и даже клеветы поселяют в душе его отвращение к его вере и ее духовным представителям – православным пастырям»¹.

В Полоцкой епархии один из священников, служивший в приходе с «упорствующими», так описывал начало своего служения: «Мое первое посещение этих деревень было встречено гиком и свистом деревенских мальчишек, а в хатах при моем вступлении на порог либо все разом начинали горланить польские песни и не давали мне ни одного слова сказать, либо молчаливо выходили все из хаты, оставляя меня одного. Были случаи, когда мне грубо кричали: “Чего ты ходишь к нам, убирайся отсюда”. Одна соращенная даже ударила меня однажды кнутом». Описывая религиозное состояние своих «упорствующих» прихожан, этот же священник отмечал: «В редком доме не имеется изображения Папы Льва XIII, почитаемого, как и все Папы, святым. Что же касается молитвословов католических, то смело можно утверждать, что едва ли найдется дом, в котором не было бы таковых по несколько и разных калибров. Это достаточно говорит, что духовная связь населения с католичеством почти не прерывалась, и малейшее торжество Католической церкви (приезд бискупа, юбилейные папские торжества, юбилеи местных ксендзов и т. п.) находило живой отклик в сердцах населения, *официально считающегося православным* (так в тексте. – А. Б.)»².

Сложность проповеди среди «упорствующих» заключалась также еще и в том, что, отстаивая свое право быть католиками, они иногда подчеркивали свою польскую идентичность, отделяя себя от православия и «русской народности» прочной этнической границей³. Нелегальная приверженность католичеству способствовала формированию польского этнического самосознания в качестве дополнительного средства противостояния православному миссионерству. Отдельные священники, отличавшиеся личным благочестием и бескорыстием, служа по многу лет в таких приходах, добивались известных успехов в воцерковлении части «упорствующих» и удерживали «колеблющихся» в лоне Церкви с помощью сугубо пастырского воздействия.

Об этом свидетельствуют, например, характеристики ряда священников Гродненской епархии. Вот что писал о них протоиерей И. Корчицкий: «Яловской церкви Волковысского уезда священник Владимир Слаута, выдающийся по исполнению пастырских обя-

¹ *Никифоровский И.* Особая трудность пастырского служения в приходах со смешанным населением // Литовские епархиальные ведомости. 1902. № 28–29. С. 233.

² *Зайц К.*, священник. Воинствующий католицизм // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 12. С. 292.

³ Во время переписи 1897 г. «упорствующие» Медведичской волости Слуцкого уезда Минской губернии требовали записывать их католиками и настаивали, что их родной язык польский: «Пиши, пан, польский, а не белорусский, потому что нас после могут принуждать принять «православу»; паны говорят деликатнее, мы проще, но все-таки наш язык простой польский». См.: НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 7371. Л. 11. «Упорствующие» из деревни Селявичи Слонимского уезда Гродненской губернии «оказались настолько враждебными ко всему русскому и православному, что совершенно отрешились от сложившегося веками строя русской жизни и устроили свою жизнь на польских началах и католическом вероучении». *Извеков Н. Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. ... С. 267–268.

занностей приходской священник. Он пользуется большим влиянием в приходе, что в особенности важно, потому что местечко Яловка – центр «упорствующих», многие из которых укрепились в православии благодаря ревностным трудам о. Слауты. Он хороший и усердный проповедник, законоучитель в приходских школах.

Священник Владимир Карский Девятковской церкви Слонимского уезда. Отличный и усердный проповедник, любимый приходом, заботливый организатор начального школьного дела в приходе. Благодаря его влиянию в приходе, несмотря на смежность с Селявичами, где до 1000 душ в последние 15 лет совертились в католичество, нет ни одного соращения, в то время как в других соседних приходах такие соращения есть»¹.

Однако пастырские усилия этих усердных священников не могли существенным образом изменить общую ситуацию в регионе².

Еще одним важным, на этот раз объективным, обстоятельством, существенно затруднявшим эффективность миссионерской работы православного духовенства, было религиозно-этническое окружение, в котором проживала часть православного населения Северо-Западного края. Об этом писал один из исследователей положения православия в крае А. П. Владимиров: «Живи воссоединенные и обращенные где-нибудь в глубине России, окруженные со всех сторон православной массой, они были бы ассимилированы православием; но живя на окраине государства, где они соприкасаются с массой польско-католического населения, даже на самом месте своего жительства перемешанные с польско-католиками, где польское католичество, кроме других средств, имеет бытовые традиции и привычки, где орудут польские патриоты, справедливо считающие костел единственным польским учреждением в крае, а религиозную почву единственным местом успешной борьбы с Москвой, – в такой местности и при таких условиях не только не удивительно, что «обращаемые» и «воссоединяемые» не ассимилируются православием, но было бы удивительно, если бы они ассимилировались. А ввиду прошедшего и остающихся неизменными бытовых отношений и условий края, мы и в будущем не можем разумно и логично ждать лучшего успеха для православия в крае»³.

Сложность условий и низкая результативность душеспастырских усилий православного духовенства подвигала его обращаться за помощью к губернской администрации. Особое неприятие духовенства вызывали римско-католические костелы и каплицы, расположенные рядом с приходами, в которых компактно проживали присоединившиеся к православию и «упорствующие». Воздействие этих костелов на окружавшее православное население расценивалось как «вредное», т. е. препятствующее воцерковлению «неокрепших в православии», или «упорствующих» в принятии таинств и обрядов Православной церкви. Прошения иерархии о закрытии таких «вредных» для православия костелов и каплиц стали частыми с начала 1880-х гг., когда особую остроту приобрело противостояние администрации и католического духовенства в вопросе о введении русского языка в дополнительное католическое богослужение. В этот период часть католических костелов Минской губернии, в которых должен был использоваться русский язык, долгое время не имели настоятелей или викарных священников в связи с нежеланием митрополита римско-католических церквей А. Гинтовта назначать ксендзов на эти приходы.

На волне возросшего взаимного противостояния Минский епископ Варлаам, по ходатайству местных священников, неоднократно обращался к губернатору А. И. Петрову о закрытии ряда католических храмов, препятствующих, по мнению духовенства, успеш-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 16.

² *Серебренников К.*, священник. Некролог // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 35–37. С. 309.

³ *Извеков Н. Д.* Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. ... С. 507; *Владимиров А. П.* История располычения Западно-Русского костела // Русское обозрение. 1896. № 9. С. 166.

ной православной миссии среди своей «колеблющейся» и «упорствующей» паствы. Так, в августе 1882 г. епископ Варлаам обратился к минскому губернатору с просьбой о закрытии Медведичского костела в Слуцком уезде и передаче его здания вместе с колоколами, постройками и земельными угодьями в ведомство православного исповедания. Свою просьбу епископ мотивировал тем, что бывшие прихожане Медведичского костела, присоединенные в 1866 г. к православию, «еще не вполне утвердились в нем и при возбуждении местных и соседних ксендзов продолжают свое упорство в латинстве». Так как по ряду причин просьба епископа не была удовлетворена, в апреле 1885 г. преосвященный Варлаам возобновил свое ходатайство, которое, в конечном итоге, и привело к закрытию костела¹.

В декабре 1882 г. епископ Варлаам, по просьбе благочинного 3-го округа Минского уезда священника Даниила Смолича, предлагал А. И. Петрову закрыть каплицу в имении Куль «ввиду вредного влияния, производимого через богослужения». Отягчающим вину аргументом было использование ксендзом польского языка в дополнительном богослужении. Благочинный желал закрытия этой каплицы, так как она была расположена рядом с приходом Тоново-Слободской церкви, большинство прихожан которой, присоединенных в 1866–1867 гг., продолжали упорствовать. Расследование, произведенное по указанию губернатора, показало, что опасения благочинного были преувеличены, и закрытие каплицы не состоялось².

В ноябре 1885 г. Минский епископ Варлаам обратился к А. И. Петрову с предложением о закрытии Першайского и Каменского костелов Минского уезда. Мотивация была такой же, как и в предыдущих случаях, – стремление оградить «упорствующую» и «колеблющуюся» паству Ивенецкого, Волмянского, Рубежевичского и Тоново-Слободского приходов от «подстрекательства ксендзов». Попытка епископа использовать преимущества правового статуса «господствующей» Церкви путем обращения за помощью к светской власти объяснялось тем, что православное духовенство Минского уезда оказалось бесильным перед нелегальным миссионерством католического духовенства. Минская духовная консистория в марте 1887 г. вынуждена была признать, что в указанных приходах «дело православия не улучшилось, а значительно ухудшилось, и в присоединившихся проявляется еще больше упорства и фанатизма вследствие усилившейся в последнее время пропаганды»³. Однако доводы епископа показались МВД неубедительными, и предложение было отклонено.

Нужно сказать, что не только православная иерархия и духовенство видели в закрытии костелов действенное средство борьбы за души своей паствы с гибким, изворотливым и настойчивым конфессиональным конкурентом. К подобным мерам прибегало и правительство, когда видело в деятельности духовенства этих костелов перманентные правонарушения, приносящие явный ущерб миссионерским интересам «господствующей» Церкви. В частности, указом императора, принятым по докладу министра внутренних дел Д. А. Толстого, о мерах по уменьшению римско-католической пропаганды, 5 июня 1886 г. были упразднены пограничные костелы Гродненской губернии – Следзяновский и Гранонский. Костелы были закрыты по причине их «вредного влияния» на «упорствующих» униатов соседней Седлецкой губернии Царства Польского. Отмеченный «вред» заключался в «фанатической и упорной проповеди ксендзов, совращавших униатов и всячески препятствовавших окончательному обращению их в православие». Прихожанам упраздненных костелов были объявлены причины, побудившие правительство к таким чрезвычайным мерам, так как сами прихожане и ксендзы этих костелов были заранее

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7371. Л. 27, 68.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35802. Л. 1–2, 5–7.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35945. Л. 54.

предупреждены о том, что в случае допущения униатов в костелы и удовлетворения их духовных нужд, костелы будут немедленно закрыты¹.

Следует отметить, что непосредственно после воссоединения униатов Царства Польского с православием в октябре 1875 г. управляющим Виленской римско-католической епархией прелатом Жилинским всем деканам епархии был направлен специальный циркуляр, составленный по указанию генерал-губернатора П. П. Альбединского. В нем говорилось, чтобы духовенство епархии «ни под каким предлогом не осмеливалось исполнять вовсе никаких духовных треб для греко-униатов под неизбежной строжайшей за то ответственностью»². Однако соображения религиозной солидарности со страдающими единоверцами оказались для духовенства сильнее угрозы наказания, что и привело к негативной реакции правительства. Костелы были закрыты, и здания их снесены.

К применению столь радикальных мер, серьезно ущемлявших «свободу веры» католического населения, правительство относилось довольно осторожно. Далеко не все прошения православной иерархии о закрытии костелов получали одобрения МВД. С 1883 г. в связи с произошедшей договоренностью с Римской курией о замещении вакантных епископских кафедр в Царстве Польском и Западном крае решение о закрытии костелов происходило только по особому императорскому повелению. Тем не менее эта неприемлемая для католического населения практика продолжалась вплоть до событий, заставивших власть внести коррективы в религиозно-этническую политику на западных окраинах империи. Поводом для этого послужил драматический инцидент, связанный с закрытием Крожского костела в Росиенском уезде Ковенской губернии. В декабре 1891 г. указом императора был упразднен существовавший в местечке Кроже с середины XVII в. женский бенедиктинский монастырь вместе с принадлежавшим ему костелом и кладбищем. Закрываемый по формальному поводу – количество монахинь было меньше, чем это предусматривалось монастырскими штатами, – в действительности монастырь упразднялся по религиозным причинам. Обитель пользовалась особым авторитетом в глазах литовского католического населения и являлась, по мнению губернской администрации, «рассадником религиозного фанатизма». Жившие в обители 9 монахинь были переведены в Ковенский женский монастырь.

Несколько позже, 10 июня 1892 г., последовал новый императорский указ, в котором предусматривалось снесение костельного здания. Ковенский губернатор Н. М. Клингенберг возложил исполнение императорского указа о передаче костела властям на римско-католическое епархиальное начальство. Местное население, чрезвычайно взволнованное судьбой своего костела, начало подавать прошения на имя императора. Сложилось общее мнение – не отдавать костел до получения ответа на возбужденные ходатайства. Попытки ксендзов вынести из костела Святые Дары встретили энергичное сопротивление прихожан. Ни уговоры, ни аресты, ни угрозы репрессий не действовали на решимость жителей Кроже отстоять свою древнюю святыню. Католическое духовенство и полиция оказались бессильны выполнить указ императора. Тогда для исполнения императорской воли в ночь с 9 на 10 ноября 1893 г. в Кроже прибыл ковенский губернатор в сопровождении чиновников, местного римско-католического духовенства, полиции и жандармов. На случай открытого сопротивления были вызваны три сотни казаков, расположенных в соседнем местечке. Предложение губернатора прихожанам, заполнившим костел, разойтись было встречено возражениями. В результате вспыхнувшего ожесточенного столкновения губернатору пришлось запереться в костеле и до утра выдерживать осаду разъяренных прихожан. Утром в местечко прибыли казаки, появление которых заставило осаждавших разбежаться. Губернатор был освобожден, и католическое духовенство смогло приступить к закрытию костела³.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 394. Л. 25, 38.

² ЛГИА. Ф. 604. Оп. 5. Д. 1570. Л. 2.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 373. Л. 4–7.

Завершением Крожского дела стал громкий судебный процесс. Крестьян, обвинявшихся в сопротивлении властям, защищали такие выдающиеся юристы, как В. Д. Спасович и С. А. Андриевский. Виленская судебная палата приговорила обвиняемых к каторжным работам, но затем инициировала ходатайство об их почти полном помиловании¹. Годы спустя МВД признавало, что «отчасти» под влиянием кровопролитного столкновения войск с населением при упразднении Крожского монастыря и костела в Ковенской губернии закрытие костелов с 1893 г. «совершенно прекратилось»².

Следовательно, с этого времени православное духовенство практически утратило один из мощных инструментов для административного подавления своих нелегальных конкурентов в борьбе за реальный конфессиональный выбор формально принадлежавшей ему паствы. Но администрация располагала другими рычагами поддержки притязаний господствующей Церкви на души «упорствующих». В частности, вопрос об открытии новых католических кладбищ требовал разрешения епархиального православного начальства. Получив от губернатора запрос, духовные консистории запрашивали местных благочинных, будет ли положительным решением этого вопроса «дан повод к отпадению от православия новоприсоединившихся от латинства». Так, на прошение графини Марии Тышкевич об устройстве римско-католического кладбища в местечке Острошицкий Городок Минская духовная консистория ответила отказом. Причиной отказа было опасение местного духовенства, что открытие нового кладбища может дать «повод к отпадению от православия» лиц, присоединившихся к православию в 1866 г.³ Мнение консистории было учтено минским губернатором, в чьей компетенции находилось конечное решение этого вопроса.

Таким же отрицательным был ответ минской духовной консистории на прошение католиков Ляховичской волости Слуцкого уезда, которые начиная с 1879 г. обращались к Минскому епископу Варлааму и губернатору с просьбой хоронить своих умерших с участием ксендзов на Ляховичском православном кладбище. Епископ Варлаам в сентябре 1888 г. не признал возможным удовлетворить просьбу католиков, так как: «Разрешение ксендзам хоронить на православном кладбище католиков может служить для не вполне утвердившихся в православии прихожан Ляховичской церкви соблазном и давать основание надеяться на возвращение их обратно в латинство»⁴. На этом основании минский губернатор отказал католикам в их прошении.

Для православной иерархии еще одним инструментом минимизации рисков возможного влияния римско-католического духовенства на неустойчивую часть паствы стало предоставленное законом право давать заключение о целесообразности построения новых римско-католических церквей⁵. Наличие «упорствующих» в местности, католические жители которой ходатайствовали об открытии нового храма, становилось мотивом для отказа со стороны православной иерархии. Мнение иерархии становилось определяющим для принятия решения гражданской властью. Примером тому служит судьба прошения католиков местечка Своятычи Новогрудского уезда о постройке нового костела взамен закрытого в 1866 г. по политическим мотивам. На требуемый законом запрос губернатора Н. Н. Трубецкого о целесообразности строительства нового костела в этом местечке Минский епископ Симеон (Линьков) ответил отрицательно. В прошении жителей местечка епископ усматривал не только «подпольную затею приверженцев польщизны». Он признавал постройку костела «положительной опасной и вредной» для православия, в

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 2920. Л. 5–7; Речь. 24 августа 1910 г.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 62.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35792. Л. 23, 32.

⁴ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35795. Л. 29–30.

⁵ Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. 11, ч. 1. Ст. 124.

связи с усилившейся «латинопольской пропагандой» среди «упорствующих» в разных уездах Минской губернии. На основании мнения епископа, которое было представлено губернатором, МВД в июне 1899 г. не признал прошение католиков местечка Своятычи подлежащим удовлетворению¹.

Таким образом, действие статьи 36 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, запрещавшей легальный выход из православия, подкреплялось действием других, как правовых, так и административных, преимуществ, которыми располагала «господствующая» Церковь. В условиях Северо-Западного края действовавшие правовые нормы и сложившаяся политическая практика, призванные в совокупности создать благоприятные условия для защиты интересов Православной церкви, формировали у духовенства упования на внешнюю принудительную власть и силу закона в решении сугубо миссионерских проблем. Однако постоянно действующая светская составляющая православной миссии, юридически защищавшая «упорствующих» от попыток легального перехода в католичество, имела для духовенства негативный побочный эффект. Административно-правовой механизм поддержки господствующей Церкви создавал такое давление извне, которое формировало перманентную ситуацию осажденного пространства. Тем самым создавались положительные условия для процессов самоидентификации и самоутверждения различных групп «упорствующих» в своей приверженности к католичеству, что, в свою очередь, снижало результативность миссионерской работы православного духовенства.

7. Попытки решения проблемы «упорствующих» на государственном уровне

Перманентный конфликт «упорствующих» с каноническими правилами Православной церкви и нормами административного и уголовного законодательства в своем правовом измерении не выходил за рамки т. н. «религиозных посягательств» или отпадений. Однако в силу действующих формальных правил и социальных и правовых обязательств эти лица вынуждены были вступать в различные взаимоотношения с официальными структурами, вольно или невольно демонстрируя свое негативное отношение к пребыванию в «господствующей» Церкви. В этом случае протестное религиозное поведение неизбежно принимало черты протеста политического, который не являлся, по сути дела, таковым.

С такими явлениями власти столкнулись еще в начале 1870-х гг., когда некоторые новобранцы из Северо-Западного края отказывались принимать воинскую присягу у православных священников². Однако эта локальная проблема, решаемая время от времени военным начальством, без применения принуждения, принимала совершенно иные масштабы во время восшествия на престол новых российских монархов. Следует отметить, что в этом случае губернаторы, стремясь избежать поводов к политическому выражению недовольства населения своей формальной конфессиональной принадлежностью, поступали прагматично. Минский губернатор А. И. Петров уже 11 марта 1881 г. направил секретный циркуляр уездным исправникам и полицмейстерам, в котором указывал порядок действий в случае, если крестьяне, которые считают себя «неправильно причисленными к православию», захотят воспротивиться принесению присяги императору Александру III по православному обряду. Губернатор поручал полиции: «Поступать к помянутым крестьянам в сем случае самым снисходительным и осторожным образом, наблюдая,

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6796. Л. 3–6.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1871. Д. 1197. Л. 1–2.

чтобы присяга была принесена в установленном порядке по христианскому обряду, и отнюдь ни под каким видом, не принуждая, не заставляя и вообще не влияя на них в духе, могущем раздражить их религиозные верования. Исполнение присяги по православному или католическому обряду таковых крестьян, кои по тем или другим причинам считают себя неправильно записанным в православную веру, имеете предоставить вполне их усмотрению»¹.

После принятия присяги жителями Минской губернии, по данным полиции, волнений среди населения замечено не было. Недовольство решением светской власти выказали только некоторые православные священники, которые сообщали в консисторию о том, что поводом к усилению упорства в латинстве среди лиц, присоединившихся к православию, послужило распоряжение губернатора о приведении их к присяге на верность императору в костелах, а не в православных храмах².

О том, что прагматический подход в отношении волеизъявления «упорствующих» в столь ответственном деле как государственная присяга является наиболее целесообразным, убедились последующие минские губернаторы. Попытка минского губернатора Н. Н. Трубецкого при восшествии на престол в 1894 г. Николая II заставить «упорствующих» присягать на верность новому императору по православному обряду вызвала нежелательные для властей эксцессы. Когда в Медведичское волостное правление Слуцкого уезда для принесения присяги вызвали православного священника, «упорствующие», подкараулив на дороге, избили его. В своем отчете за 1902 г. губернатор Мусин-Пушкин сообщал императору, что «упорствующие» в нескольких деревнях этой волости отказались принять присягу у православного священника. «Хотя, — замечал он, — подозревать их в то же время в какой бы то ни было политической неблагонадежности не было ни малейших оснований»³. До издания указа от 17 апреля 1905 г. властям так и не удалось заставить этих крестьян присягнуть на верность российскому монарху. Но и в этом случае администрация не прибегала к каким-либо наказаниям виновных. Ей приходилось терпеливо сносить отсутствие формального заверения о политической благонадежности, продиктованное религиозными мотивами.

В 1896 г. проблема «упорствующих» Северо-Западного края, бывшая дотоле в основном предметом внутрицерковного и административного беспокойства, получила не только широкий общественный резонанс, но и вызвала интерес у нового монарха. «Санкт-Петербургские ведомости» опубликовали статью «Савле, Савле, за что мя гониши?», в которой сообщалось, что в столице находится ходатай от прихожан Медведичской церкви Слуцкого уезда Минской губернии, который просит слуг царя, чтобы прихожан этой церкви не лишали духовной жизни. «Неужели же, — спрашивала газета, — страдания этой паствы не разжалобят каменных сердец в светлые дни наступающих великих празднеств?»⁴. Газета имела в виду предстоящее коронование Николая II в Москве. Усилившийся интерес российской общественности к проблемам веротерпимости в Северо-Западном крае вынудил минского губернатора князя Н. Н. Трубецкого в июле 1896 г. направить в редакцию «Московских ведомостей» текст речи, сказанной Александром II 13 июня 1867 г. в Вильно перед крестьянами, принявшими православие. Это было сделано губернатором «по случаю особенно обострившегося за последнее время в печати вопроса о жителях Северо-Западного края, принявших православие в шестидесятых годах»⁵. Приведенные в письме губернатора слова императора должны были свидетельствовать общественности о том, что Александр II был сторонником добровольного присоединения крестьян к православию.

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3543. Л. 6–7.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35945. Л. 54 об.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7292. Л. 20.

⁴ Санкт-Петербургские ведомости. № 115. 1896.

⁵ Извеков Н. Д. Исторический очерк состояния Православной церкви в Литовской епархии за время с 1839–1889 гг. ... С. 289.

В отчете за 1896 г. Н. Н. Трубецкой поставил нового императора в известность о существовании такого «весьма печального явления в духовной жизни населения», как «упорствующие». Губернатор объяснял Николаю II, что: «Под этим именем в Минской губернии, как и во всем Северо-Западном крае, разумеются такие лица, которые в 1864–1867 гг., будучи проникнуты глубокой благодарностью к царю Освободителю за уничтожение крепостной зависимости и возмущенные участием римско-католического духовенства в восстании 1863 г., приняли православие, но впоследствии, благодаря продолжающемуся воздействию на них ксендзов и соседей католиков, начали проявлять желание возвратиться в католичество и, заимствуясь тайно духовными требами у римско-католических священников, перестали с течением времени исполнять обряды Православной церкви. Таких именно лиц касались высочайшие слова, сказанные блаженной памяти Государем Императором Александром II 13 июня 1867 г. в Вильно местным крестьянам...

Несмотря на то что приведенные Высочайшие слова, как вывешенные во всех волостных правлениях Минской губернии, небезызвестны ее населению, «упорствующие» не перестают обращаться с просьбами о дозволении им свободно исповедовать римско-католическую веру. Особенно много ходатайств было заявлено ими в отчетном 1896 г. по случаю Священного коронования Вашего императорского величества и всемилостивой государыни Александры Федоровны.

Хотя «упорствующие» находятся под назиданием местных православных священников, но последние, будучи обременены исполнением своих обязанностей по совершению богослужений и отправлению духовных треб, лишены возможности оказывать на них должное содействие. Ввиду сего крайне необходимо, по моему мнению, назначение в помощь православному духовенству нескольких миссионеров. Их деятельность на поприще религиозного просвещения народа, в связи с открытием потребного числа народных училищ в местах жительства «упорствующих», значительно ускорит возвращение их в лоно Православной церкви¹.

На предложения, высказанные в отчете минского губернатора, последовала «высочайшая отметка» Николая II, направленная для исполнения к обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву. Одновременно управляющий Комитетом министров обратился к Минскому епископу Симеону (Линькову) с просьбой дать отзыв относительно предложений губернатора, на которые обратил внимание новый император. Ответственность за решение проблемы «упорствующих» в Минской губернии была возложена на Святейший Синод.

Практически же выполнять предложение губернатора пришлось уже новому епископу Михаилу (Темнорусову). В декабре 1900 г. епископ обратился за содействием к обер-прокурору, предлагая принять на счет казны или специальных средств Святейшего Синода содержание минского епархиального миссионера. Он полагал, что эти деньги, в количестве 1200 рублей, могли быть обращены на содержание окружных миссионеров, вакансии которых следовало открыть для привлечения «упорствующих» в латинстве в лоно Православной церкви.

Ответ К. П. Победоносцева, последовавший в марте 1901 г., был неутешительным. Обер-прокурор высказал епископу свою точку зрения на решение проблемы возвращения «упорствующих» в православие. Он справедливо полагал, что: «Упорство в латинстве нельзя сломить прениями или увещаниями время от времени появляющихся миссионеров. Расположить «упорствующих» к Православной церкви может только настойчивое, проникнутое отеческой любовью к заблуждающимся слово приходского пастыря и нравственно безупречная жизнь его как результат принадлежности к истинной Христовой церкви». Для такого глубокого знатока русской церковной жизни, как К. П. Победоносцев, утопич-

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35812. Л. 207.

ность губернаторского проекта, призванного разрешить вопрос о воцерковлении «упорствующих» с помощью усилий нескольких штатных миссионеров, не вызвала сомнений.

Скептическое отношение К. П. Победоносцева к одобренному императором предложению минского губернатора нашло свое практическое воплощение. Обер-прокурор отказал епископу Михаилу в централизованном выделении средств на содержание штатного епархиального миссионера, мотивируя свое решение тем, что казна и бюджет Святейшего Синода «и так обременены значительными расходами»¹. Таким образом, финансирование инициированного бюрократией миссионерского проекта возлагалось на скудный епархиальный бюджет. Причем в связи с ограниченностью средств можно было рассчитывать только на одну миссионерскую вакансию, что не соответствовало в полной мере предложению губернатора. После некоторых бюрократических проволочек и кадровых перемен стабильное исполнение профессиональных миссионерских обязанностей в Минской епархии началось только в сентябре 1902 г. В эту должность вступил бывший миссионер Пензенской епархии, опытный и активный священник Константин Попов. Этот священник традиционно усматривал главную свою задачу не в работе с «упорствующими», но в обращении в православие местных старообрядцев и сектантов, а также инославных и иноверных жителей Минской губернии².

Как видно из приведенных данных, введение должности епархиального миссионера не решило, да и в принципе не могло решить, проблемы обращения «упорствующих» в православие даже частично. Что, собственно, и подтверждало правоту обер-прокурора, считавшего, что основную тяжесть борьбы за души и умы «упорствующих» следует возложить на плечи приходского духовенства. Последнее же должно было в полной мере соответствовать своему высокому пастырскому призванию. Основанное на опыте и знании церковной традиции требование К. П. Победоносцева о повышении эффективности повседневной приходской миссии, призванной к активному служению среди «упорствующих» и «колеблющихся», вызывало на практике немалые затруднения. Но, как видно из приведенного выше примера, решения, принимаемые «сверху», также не отличались согласованностью и эффективностью. Было заметно отсутствие со стороны Синода системности и координации миссионерской практики в масштабах края. В конечном итоге, меры, предлагаемые администраторами светского и духовного ведомств, были направлены скорее на устранение симптомов, но отнюдь не на упразднение реальных причин, вызвавших появление этого локального кризиса российского института веротерпимости. Следует отметить, что многолетнее существование проблемы «упорствующих», чрезвычайно обострившейся после воссоединения с православием униатов Царства Польского в 1875 г., еще не воспринималось как кризисное явление институционального характера. Описание самого явления, объяснение причин его возникновения и предлагаемые варианты решения вопроса свидетельствуют не столько о желании реформирования института веротерпимости, сколько о поисках удачных бюрократических решений, призванных помочь местному духовенству в его малоэффективной миссионерской работе.

Симптоматическое понимание проблемы «упорствующих» продемонстрировал в это время и сам Николай II. Прочитав в отчете Н. Н. Трубецкого за 1897 г., что: «Римско-католическое духовенство, придав ложное толкование последовавшему 3 апреля 1897 г. высочайшему разрешению совершать дополнительное богослужение и духовные требы на латинском языке в незамещенных приходах, стало распространять среди так называемых «упорствующих» слухи, что правительство отказалось от мысли считать их православными и что они могут свободно возвратиться в лоно Римско-католической церкви», император сделал отметку: «Возмутительно»³.

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35812. Л. 213.

² Там же. Л. 317.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6444. Л. 40 об.

Преемник Н. Н. Трубецкого на губернаторском посту граф А. А. Мусин-Пушкин еще раз обратил внимание императора на то, что «весьма печальное явление», отмеченное его предшественником, продолжает существовать. В своем отчете за 1902 г. Мусин-Пушкин дал развернутое описание истории возникновения и анализ современного положения «упорствующих» в Минском, Борисовском, Новогрудском и Слуцком уездах подведомственной ему губернии. Особое внимание Мусин-Пушкин уделил негативным аспектам административно-правового и религиозно-нравственного существования этой специфической группы верующих. Обращаясь к императору, губернатор писал, что: «Положение этих лиц представляется крайне тяжелым. Приписанные против воли к числу прихожан Православной церкви, они в таковую не ходят и обрядов ее не исполняют. С другой же стороны, католическое духовенство, в силу официального присоединения, треб для них не исполняет, в силу чего дети «упорствующих» в целых деревнях и поселках остаются некрещеными, а мертвые – без христианского погребения.

Эта жизнь вне Церкви и даже вне христианства представляется ужасной с не только нравственной стороны, но и вызывает весьма серьезные административные и юридические осложнения. Это и отсутствие венчанных браков, метрических записей, появление незаконнорожденных детей, отказы принимать присягу в 1894 г. у православного священника. В лучшем случае, крестьяне в поисках какой-либо веры обратятся к сектантству, как уже есть пример тому в Слуцком уезде, где появились последователи штунды. Во избежание всего вышеизложенного, в целях дать возможность 9500 человеческим душам помолиться Господу Богу и вернуть их Церкви, будет она православная или римско-католическая, мне представлялось бы крайне нужным вопрос этот рассмотреть и установить в деле «упорствующих» какой-либо порядок¹.

Эмоциональность изложения и объективный анализ реального положения дел этой религиозной группы получили ожидаемый верховный отклик. На изложенную часть доклада последовала очередная отметка императора. Министр внутренних дел должен был выяснить причины возникновения религиозной проблемы и предложить способ ее решения. В апреле 1904 г. В. К. Плеве подготовил доклад императору, в котором сообщалось следующее: «Представленное графом Мусиным-Пушкиным современное положение «упорствующих» подтверждается имеющимися в министерстве внутренних дел сведениями по этому предмету... Явление это, впрочем, не единичное и наблюдается во всех почти местностях западных окраин России, где коренное русское население, целыми веками непосредственно соприкасаясь с польским, не устояло перед сильным натиском латинского духовенства и польской культуры... Не подлежит сомнению, – писал он, – что исследование положения, хотя бы столь незначительной группы «упорствующих» в Минской губернии, не только вызвало бы брожение в их среде, но и не замедлило бы отозваться новой вспышкой присмирившей пока пропаганды среди колеблющейся 100-тысячной массы бывших униатов Привисленского края, где лишь недавно успели стихнуть последние отголоски печальных народных волнений 1897 г.». Плеве предлагал императору, сохраняя общее направление политики, инициированной в Северо-Западном крае генерал-губернатором М. Н. Муравьевым и решениями Западного комитета, не прибегать к мерам административного давления на «упорствующих» Минской губернии и предоставить решение этой проблемы «испытанным борцам за православие и русскую народность», – светским учителям и пастырям Православной церкви².

Реалистичность предлагаемого подхода в решении указанной проблемы, рассматриваемой министром как «предстоящая упорная борьба со злом»³, не вызывает доверия прежде всего тем обстоятельством, что сорокалетний опыт применения различных мер

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 252. Л. 108.

² Там же. Л. 111–112.

³ Там же. Л. 113.

как репрессивного, так и просветительно-миссионерского характера, со стороны администрации, системы народного образования и Православной церкви, не принес заметных результатов. В сложившейся ситуации длительного религиозно-этнического противостояния «упорствующих», с одной стороны, администрации и православного духовенства – с другой, политический расчет на успешную результативность миссионерской и просветительской деятельности духовенства и учителей народных училищ представляется нереальным. Миссионерская активность местного духовенства среди старообрядцев, сектантов и «упорствующих» по оценке самих епархиальных миссионеров была чрезвычайно низкой¹. Не было никаких оснований предполагать, что и в обозримом будущем она станет более эффективной. Тем более что в западных епархиях отсутствовала специальная церковная миссия для обращения католиков в православие. Столь же нерациональным представляется и предполагаемый расчет министра на просветительскую деятельность русских народных училищ. «Упорствующие» последовательно и настойчиво демонстрировали свою польскую идентичность². Они рассматривали русские школы в качестве инструмента обрусения польского населения, которому они сопротивлялись столь же настойчиво, как и православному миссионерству.

Поэтому решение этого, столь затянувшегося вопроса, предлагаемого императору министром внутренних дел, трудно назвать решением в полном смысле этого слова. Это скорее ситуативная попытка смягчить проблему веротерпимости, болезненную для правительства и православия, но отнюдь не решить ее по существу, т. е. в интересах самих «упорствующих». Познакомившись с докладом министра внутренних дел, император 22 апреля 1904 г. поручил В. К. Плеве поставить в известность минского губернатора, что «принятие каких-либо мер в отношении современного положения «упорствующих» в латинстве не благовременно»³.

Факт существования «упорствующих», ставших формально православными, но не желавших подчиниться государственно-церковному принуждению к принятию православия и продолжавших отстаивать свое право на возвращение в католичество, свидетельствовал о сложившемся противоречии между принципом «свободы веры» для неправославного населения империи, закрепленном в Основных законах, и привилегированным статусом «господствующей» Церкви. Выход из этого противоречия можно было осуществить только с помощью реформирования существовавшего законодательства о веротерпимости.

---

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35812. Л. 339; Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 28–29. С. 257.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7371. Л. 11.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 252. Л. 111.

ОБРУСЕНИЕ КОСТЕЛА КАК ПРОБЛЕМА ВЕРОТЕРПИМОСТИ

1. Подготовка указа от 25 декабря 1869 г. и создание механизма по его реализации

Формальным толчком к переменам в церковно-лингвистической политике правительства стала инициатива католической стороны. Осенью 1865 г. епископ Иосиф Станевский сообщил министру внутренних дел П. А. Валуеву о ходатайстве нескольких ксендзов Витебской и Могилевской губерний, в которых население говорило на белорусском языке, о разрешении во вверенных им приходах переводить «на это наречие» сборники польских проповедей Бялобржеского и Филипецкого. Епископ уверял министра, что духовные поучения, сказанные на белорусском наречии, были бы полезнее для народа, чем проповеди на польском языке, тем более, подчеркивал он, что в этих приходах проповеди всегда произносились на белорусском языке, на котором прихожанам преподаются первоначальные правила веры и катехизические поучения.

Министр запросил мнение на этот счет генерал-губернатора Северо-Западного края фон Кауфмана, который незамедлительно высказался в пользу того, чтобы проповеди, первоначальные правила веры и катехизические поучения произносились ксендзами не на белорусском, а на государственном русском языке. К. П. фон Кауфман полагал, что не только местное белорусское население хорошо понимает русский язык, но и ксендзы тоже «достаточно» говорят по-русски. Так как вопрос о языке католической проповеди касался интересов «господствующей» Церкви, генерал-губернатор предложил П. А. Валуеву выяснить мнение Святейшего Синода. Для выполнения этого поручения обер-прокурор Синода Д. А. Толстой потребовал от правящих архиереев Западного края экспертного заключения по поводу целесообразности переводов польских проповедей Бялобржеского и Филипецкого на белорусский язык, а также возможности введения русского языка в дополнительное католическое богослужение¹.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1864. Д.1360. Л. 72–74.

В это время католическое богослужение в Северо-Западном крае осуществлялось на двух языках – латинском и польском. Каноническим языком являлась латынь, на которой служилась месса и сопровождавшие ее молитвы, а также церковные службы: утренняя, часы, вечерня и повечерие. Дополнительное богослужение состояло из государственного гимна «Te Deum laudamus», песнопений и 45-го псалма. Это богослужение могло совершаться кроме латинского и на *народном* языке, т. е. на польском. Преподавание таинств – крещения, покаяния, причащения и елеосвящения – относилось к дополнительному богослужению и осуществлялось на польском языке. В дополнительном богослужении помимо канонической части существовали и обиходные элементы – молитвы и песнопения, которые пелись братчиками и девотками на польском языке между утреней и мессой, а также во время религиозных процессий. Это так называемые «годзинки», «рожанцы» и «коронки». Для повседневной молитвенной жизни и разъяснения богослужений, совершаемых на латыни, существовали многочисленные молитвенники также на польском языке.

Особый раздел дополнительного богослужения – «Magisterium sacrum» – занимали проповеди и религиозные поучения. Они произносились на польском языке и, иногда, на белорусском наречии. См.: *Владимиров А.* История располычения Западно-Русского костела // Русское обозрение. 1896. № 5. С. 292–302; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 20–21; РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 278. Л. 20.

В июне 1866 г., собрав и систематизировав отзывы епархиальных архиереев Западного края, Д. А. Толстой сообщил К. П. фон Кауфману о позиции Синода. В интерпретации обер-прокурора обобщенные выводы архиереев Западного края указывали на «... неудобства и неблагоприятные для интересов русской народности в крае последствия, могущие произойти от дозволения переводить проповеди Бялобержского и Филипецкого на белорусское наречие».

Поэтому Синод, с церковной точки зрения, признавал ходатайства римско-католического духовенства двух указанных губерний не подлежащими удовлетворению. «Что же касается до возбуждения вами вопроса о введении русского языка для произношения проповедей, а равно преподавания первоначальных правил веры и катехизических поучений народу римско-католическими ксендзами, то Святейший Синод находит возможным и сообразным с видами правительства относительно большего сближения Западного края с Россией, осуществление этого предположения». Правда, это решение Синода предусматривало известные оговорки. В частности, рекомендованные духовной и светской цензурой сборники проповедей на русском языке должны были издаваться ограниченным тиражом, предназначенным только для духовенства. Предполагалось, что распространение сборников среди гражданского населения представляет собой опасность для православия, так как ими могут воспользоваться прихожане и ксендзы для пропаганды католического вероучения не только в Западном крае, но и во всей империи¹.

Узнав о мнении Святейшего Синода по обоим затронутым вопросам, генерал-губернатор фон Кауфман для всестороннего обоснования своей позиции решил привлечь чиновников-экспертов, входивших в состав созданной по его указанию «Ревизионной комиссии по делам римско-католического духовенства». Вопрос «Об изъятии польского языка из Римско-католического исповедания в России и о замене его русским в проповедях, добавочном к литургии богослужении и молитвенниках» обсуждался на заседаниях Комиссии в июле 1866 г.²

При обсуждении вопроса мнения членов Ревизионной комиссии разделились. Сторонники изъятия польского языка из католического богослужения и сторонники сохранения его в местном костеле исходили из общего политического императива – не допустить повторения событий 1863 г, угрожавших целостности Российской империи.

Итоги дискуссии среди экспертов были подведены председателем Ревизионной комиссии А. П. Стороженко. С его точки зрения: «...первые – все зло здешнего края полагают в полонизме; в нем же, т. е. в польских началах, польской цивилизации и польском языке, видят главную причину внутреннего отторжения и обособления этого края от России. Полонизм привел сюда за собой и католичество; оно само по себе здесь не опасно и не сильно. Справившись с полонизмом, легко будет достигнуть и религиозного объединения этого края с остальной Россией.

Вторые – полагают наоборот, что политическая враждебность здешнего края находит свою главную причину в религиозной розни его с остальной Россией; что и в историческом движении религиозное отторжение этого края предшествовало его полонизации и что, следовательно, только в разрешении религиозного вопроса, в смысле полного и непосредственного торжества православия, можно видеть разрешение политической задачи правительства по отношению к здешнему краю»³.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 1360. Л. 87–88. В Российской империи до конца 60-х гг. XIX в. употребление русского языка при богослужении и проповеди признавалось исключительным правом «господствующей» Православной церкви, и всякая попытка других терпимых конфессий пользоваться в делах их религии языком русским считалась посягательством на права Православной церкви. На основе резолюции Николая I Римско-католическая духовная коллегия 15 июля 1848 г. приняла решение о запрещении произношения проповедей на русском языке. См.: *Чихачев Д. Н.* Вопрос о распоряжении костела в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 16.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 1360. Л. 89.

³ Там же. Л. 79–80.

Как видно из материалов Комиссии, сложность обсуждаемого вопроса не позволила добиться консенсуса, необходимого для принятия взвешенного политического решения. А. П. Владимиров, принимавший в это время непосредственное участие в разработке концепции располячения костела, оставил об этих событиях интересные воспоминания. По его словам, позиция К. П. фон Кауфмана в отношении Католической церкви заключалась в следующем: «Мы не можем оставлять польский костел *свободно* ополячивать западнорусское население. Мы не можем сойти с пути, по которому шли, пока пред нами будет стоять в крае польский костел – единственное польское учреждение, вошедшее в русское государство и враждующее с ним. Он есть *крепость*, далеко вдавшааяся в русскую народность, разрушающая ее и заменяющая ее польской народностью»¹.

А. П. Владимиров представил генерал-губернатору «Записку о располячении Западнорусского костела через введение русского языка вместо польского в дополнительное богослужение и проповедь», представив свой политический план как «лучшее средство» оградить и утвердить русскую народность в крае. Этим планом, – писал А. П. Владимиров, – в Западной России католицизм *разъединялся* с полонизмом, отделялся от него, ослаблялся в большой степени и обезвреживался по отношению к русскому государству и русской народности. Этим планом восстанавливалось и священное право западнорусского народа молиться на своем родном языке»².

Парадоксально, но реализация инициативы фон Кауфмана по располячению костела выпала на долю генерал-губернатора А. Л. Потапова³. Этому человеку выдающийся деятель муравьевской эпохи попечитель Виленского учебного округа И. П. Корнилов давал исключительно негативную характеристику: «Потапов был доверчиво расположен к польской аристократии или так называемой партии «белых» и был, разумеется, безусловным противником русской исторической политики графа Муравьева. Все служащие русские, заявившие себя решительными сторонниками муравьевского направления, подверглись опале и гонениям»⁴.

В июне 1869 г. А. Л. Потапов вернулся к проекту К. П. фон Кауфмана, поддержанного в свое время обер-прокурором Д. А. Толстым. Политическому решению А. Л. Потапова предшествовали преобразования, осуществленные руководителями Виленского учебного округа, т. е. теми лицами, которые были уволены тем же Потаповым за приверженность политике М. Н. Муравьева, – И. П. Корниловым, П. Н. Батюшковым, И. Я. Шульгиным, В. П. Кулиным и Н. Н. Новиковым.

Усилиями вышеупомянутых руководителей округа, выполнявших решения генерал-губернаторов – М. Н. Муравьева, К. П. фон Кауфмана и Э. Т. Баранова, польский язык был практически устранен из учебного процесса. Препятствием для полного упразднения

¹ Владимиров А. История располячения Западно-Русского костела // Русское обозрение. 1896. № 6. С. 574.

² Там же. № 5. С. 292.

³ Непосредственным продолжателем инициативы К. П. фон Кауфмана выступил Э. Т. Баранов, который в августе 1867 г. обратился в МВД с проектом, который подготовила виленская Ревизионная комиссия. Э. Т. Баранов предлагал упразднить молитву за императора и августейший дом, которая читалась ксендзами на латинском или польском языках. Взамен следовало ввести обязательную молитву на русском языке «во всех костелах Северо-Западного края, где католицизм исповедуется белорусским населением». Генерал-губернатор просил МВД выяснить у Римско-католической духовной коллегии мнение по поводу его предложения. В июне 1868 г. Коллегия вынесла решение, что молитвы за государя императора и августейший дом, которые читаются на польском языке, можно заменить молитвой на языке латинском. А. Л. Потапов, которому, как генерал-губернатору, было сообщено решение Римско-католической духовной коллегии, решительно с ним не согласился. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 2, 25–31, 34–40. Это и послужило началом политики обрусения костела в Северо-Западном крае.

⁴ ОР РНБ. Ф. 377. Д. 11. Л. 1; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 43. Д. 40. Л. 1–11.

этого языка в системе народного просвещения оставалось преподавание ксендзами Закона Божьего на польском языке. Попечитель Виленского учебного округа П. Н. Батюшков так описывал сложившуюся ситуацию: «Если молитвенники на польском языке допускались к чтению в костелах и дети, католики русского происхождения, обязаны были заучивать по ним молитвы, то не было логической причины не допускать того же в классах, а между тем в стенах учебных заведений воспрещался польский язык. Циркулярами минувших генерал-губернаторов он преследовался повсюду как политическая манифестация»¹.

В это время ксендзы-законоучители, включая тех, которые свободно владели русским языком, не пользовались им ни в проповедях, ни в дополнительном богослужении в костеле. Поэтому учащиеся, белорусы католического вероисповедания, чтобы понять церковные службы, должны были учить польский язык. С целью «отделения полонизма от католичества» в учебных заведениях Виленского учебного округа, по решению П. Н. Батюшкова, были переведены на русский язык, напечатаны и распространены среди учащихся-католиков следующие книги: краткий римско-католический катехизис, краткий молитвенник и полное собрание молитв под названием «Алтарик для юношества», «Воскресные и праздничные Евангелия», переведенные с Вульгаты. Изданные молитвенники были розданы ксендзами-законоучителями своим воспитанникам взамен находившихся у них польских молитвенников. По словам П. Н. Батюшкова: «Совершая, таким образом, без малейшего понуждения замену польских молитвенников русскими, управление Виленского учебного округа не только не возбудило в учащихся или их родственниках неудовольствия, но имело утешение видеть, что они приняты были сочувственно. Доказательством служит весьма значительное требование русских молитвенников, катехизиса, Евангелия и других духовных книг, а равно добровольное посещение костелов учениками гимназий и других учебных заведений с русским молитвенником»².

С точки зрения руководителей Виленского учебного округа, перевод и раздача учебников и молитвенников не решали проблем преподавания католического Закона Божьего на русском языке. В это время в учебных заведениях округа все еще преподавало много ксендзов, плохо владевших русской речью. Дело в том, что в римско-католических семинариях, несмотря на требования Устава, утвержденного Николаем I, и предписания МВД 1853 г., предусматривавших преподавание небогословских предметов на русском языке, указанные предметы по-прежнему преподавались на языке польском.

Зная об этом, попечитель округа обратился в министерство народного просвещения с предложением о необходимости усилить знание русского языка католическим духовенством в связи с введением преподавания Закона Божьего для учеников-католиков на русском языке. Так как римско-католические семинарии находились в ведении МВД, это министерство, по согласованию с министерством народного просвещения, разработало правила, которые были утверждены Александром II 21 февраля 1869 г.

Согласно этим правилам клирики, окончившие римско-католические семинарии, для получения, после рукоположения, права быть назначенными на должность законоучителей в учебных заведениях обязаны были выдержать экзамены по русскому языку, российской истории и географии в гимназии того города, где находится семинария, по программе, утвержденной министерством народного просвещения для домашних учителей³.

Начавшийся процесс преподавания католического Закона Божьего на русском языке и введение правил 21 февраля 1869 г. в семинариях практически совпали с событиями, свидетельствовавшими о переменах в поведении ксендзов-законоучителей.

¹ ОР РНБ. Ф. 52. Д. 55. Л. 3.

² Там же. Л. 4 об.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1869. Д. 897. Л. 1–2.

В Ковенской губернии в двух народных школах Поневежеского уезда по инициативе ксендзов-законоучителей в высокотожественные и праздничные дни 19 февраля и 4 апреля 1869 г. для учеников и родителей были отслужены на русском языке благодарственные молебны за государя императора и весь царствующий дом. Александр II наградил ксендзов-законоучителей Рубажевича и Рубиса наперсными крестами¹. Движение, начатое в Ковенской губернии, распространилось на Литву и Белоруссию. 25 мая 1869 г. в день освящения в Минской гимназии Православной церкви ксендзом Брониславом Заустиным для учеников-католиков был совершен в костеле монахинь-бенедиктинок молебен на русском языке.

В г. Игумен после мессы законоучитель народной школы ксендз Ф. Сенчиковский прочитал проповедь, в которой высказал мысль, что язык польский есть наследие иезуитской пропаганды, чуждой чистого дела религии, и что белорусам следует возносить молитвы на родном языке. Он закончил проповедь словами: «Ты, Господи, не желаешь смерти грешников и ожидаешь их исправления. Освяти умы белорусов, детей нашего русского отечества, дай им силу соблюдать святые заповеди твои, доказать на деле, что в груди их бьется русское сердце»².

В Мозырской гимназии законоучитель каноник Александр Копцегович перед открытием учебного года отслужил молебен на русском языке. В связи с началом учебного года молебны на русском языке были отслужены законоучителями в Гродненской и Слуцкой гимназиях. П. Н. Батюшков, сообщавший о начавшемся среди духовенства движении в пользу русского языка в дополнительном богослужении в учебных заведениях округа, особенно подчеркивал то обстоятельство, что: «Во всех этих, крайне замечательных, случаях не было ни малейшего вмешательства власти. Русская речь оживала благодаря собственному почину законоучителей. Ввиду беспримерности такого удивительного явления попечитель округа считал своей обязанностью довести до сведения министра народного просвещения и главного начальника края, и одновременно оглашая эти факты на столбцах «Виленского вестника»³.

Получившие общественный резонанс действия ксендзов-законоучителей вступали в противоречие с введенным в 1848 г. запретом на употребление в костеле русского языка. В сложившейся ситуации генерал-губернатор А. Л. Потапов выступил с ходатайством об отмене действовавшего повеления Николая I в форме указа Римско-католической духовной коллегии от 15 июля 1848 г.

«Согласно подходу Потапова, – отмечает А. А. Комзолова, – “российский” верноподданный мог не исповедовать православия, но обязан был знать русский язык. Введение русского языка в дополнительное католическое богослужение подразумевало, что именно язык, а не вера должен был стать одним из главных факторов русификации Северо-Западного края... При этом в деятельности администрации в отношении Католической церкви, по словам Потапова, «должно быть принято неуклонным правилом полное уважение к верованию, святыне и обычаям, не заключающим в себе политического значения, а только религиозное»⁴.

Понимание сущности церковно-государственных отношений, высказанное генерал-губернатором, было достаточно традиционно. Оно целиком находилось в русле правовых представлений о веротерпимости, нормы которой были установлены действовавшим российским законодательством. В то же время предложение, с которым выступил А. Л. Потапов, выглядело по-своему революционным. Оно означало решительный разрыв с тра-

¹ ОР РНБ. Ф. 52. Д. 58. Л. 6.

² Там же. Д. 55. Л. 8.

³ ОР РНБ. Ф. 52. Д. 58. Л. 7–10.

⁴ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху великих реформ. М., 2005. С. 320–321.

дицией, которая была утверждена Николаем I, и на деле означало продолжение политики М. Н. Муравьева по обрусению Северо-Западного края в новом направлении, в новых условиях и новыми средствами.

Мотивы, которыми в данном случае руководствовался А. Л. Потапов, можно выяснить из его письма в МВД от 5 июня 1869 г., в котором генерал-губернатор критикует решение Римско-католической духовной коллегии. Потапов считал, что русский язык в католическое дополнительное богослужение необходимо ввести в «белорусских приходах» Северо-Западного края, так как: «...значительное большинство коренного населения Могилевской и Витебской губерний, за исключением лифляндских уездов, говорит языком белорусским... Необходимо введение в католическое богослужение русского языка доказывает и опыт прошедшего, – утверждал генерал-губернатор. – Развитию тяготения здешнего населения к Польше в значительной степени зависело от употребления в католическом богослужении польского языка, так как для массы религия и язык – единственные ассимилирующие начала. Этими же началами необходимо, по возможности, пользоваться и ныне в деле обрусения Западного края и ввода исподволь во все дополнительное богослужение в костелах русского языка вместо польского, соединением русского языка с религиозными обрядами возвысить значение его в глазах народа и скрепить родственную связь населения здешнего края с остальной Россией»¹.

Доказывая министру внутренних дел А. Е. Тимашеву политическую целесообразность своей инициативы, Потапов ссылаясь на движение в пользу введения русского языка, которое началось «снизу», со стороны самого римско-католического духовенства. Управляющий Виленской епархией прелат П. Жилинский уверял генерал-губернатора, что совершение дополнительного богослужения на русском языке не противоречит догматам Римско-католической церкви. Прелат ручался в том, что если «последует распоряжение правительства о замене в римско-католическом богослужении польского языка русским, то мера эта будет введена в Виленской епархии без малейших препятствий»².

Решимость генерал-губернатора не поколебала и мнение Римско-католической духовной коллегии, которая полагала, что: «По церковным правилам недозволительно делать переводы молитв из литургических книг на какой-либо общенародный язык, тем более когда таковой не был еще употреблен в Римско-католической церкви. Подобные переводы, доколе они не будут одобрены Папой и конгрегацией Rituum, воспрещено вводить в богослуженное употребление даже под страхом отлучения от церкви». В противовес Коллегии, Потапов доказывал А. Е. Тимашеву, что мнением Коллегии можно пренебречь. С его точки зрения, введение в католическое богослужение русского языка не является нововведением. Если Папа Римский разрешил употреблять славянский язык в униатских церквях, то на введение «русского языка в католическое богослужение белорусских приходов следует смотреть как на одну из отраслей того языка, который допущен уже с разрешения Папы к употреблению в богослужении»³.

Аргументация А. Л. Потапова выглядела убедительной, и министр дал дальнейший ход инициативе Виленского генерал-губернатора по осуществлению «одной из важнейших задач правительства в Западном крае, а именно, к разобращению католицизма от вопроса о национальности»⁴.

Для обсуждения вопроса об отмене указа 1848 г. был создан Особый комитет под председательством князя П. П. Гагарина. В него вошли: обер-прокурор Святейшего Синода граф Д. А. Толстой, главный начальник III Отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии граф П. А. Шувалов, главноуправляющий II Отделением

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 34–38.

² Там же. Л. 64.

³ Там же. Л. 25–31, 39–40.

⁴ Там же. Л. 55.

той же канцелярии князь С. Н. Урусов, министр внутренних дел А. Е. Тимашев, управляющий департаментом духовных дел иностранных исповеданий МВД граф Э. К. Сиверс и генерал-губернаторы: виленский А. Л. Потапов и киевский А. М. Дондуков-Корсаков.

Рассматривая вопрос об отмене повеления Николая I, Особый комитет ставил своей целью «устранить вред, происходящий от отождествления какой-либо иноверческой религии с какой-либо определенной национальностью, вред, проявившийся столь положительно в Западном крае».

На заседании 16 декабря 1869 г. обер-прокурор Святейшего Синода Д. А. Толстой высказался в пользу отмены запрета на использование русского языка в католическом богослужении. Он убеждал членов Комитета: «Что хотя допущение употребления русского языка в иноверческих церквях есть меч обоюдоострый, тем не менее... польза, которую можно и должно ожидать для государства от разведения вопросов религиозного и национального, так велика, что не следует останавливаться опасениями, будто такое разрешение послужит средством к иноверческой, а в особенности р-к пропаганде, опасениями, в сравнении с той пользой, ничтожными. Существовавший доселе порядок устранения иностранных исповеданий от употребления в делах их религии языка русского повел к тому, что в Западном крае сделаться русским значит то же, что переменить свою веру... желательно, чтобы, напротив того, вошло в сознание тамошнего населения, что можно быть католиком и, вместе с тем, и русским»¹.

Позиция обер-прокурора в данном вопросе выглядит вполне объяснимой, учитывая мнения, высказанные в свое время епархиальными архиереями Западного края и членами Виленской Ревизионной комиссии по делам римско-католического духовенства. Суть ее заключалась в попытке остановить и повернуть вспять процессы формирования польского этнического самосознания в иноэтничной белорусской среде. Предполагалось, что с помощью русского языка в проповеди, молитвах и дополнительном богослужении можно будет снять установленные этнокультурные барьеры в форме польского языка богослужения, разединяющего единый белорусский народ, проживающий в Литве и Белоруссии, и начать процесс формирования русского этнического самосознания крестьян-католиков. Если польский язык костела объединял белорусов-католиков с иноэтничной Польшей, то теперь появлялась возможность с помощью того же костела начать процесс интеграции белорусов-католиков в этническую общность русских.

Комитет поддержал мнение обер-прокурора и единогласно признал необходимость отмены запрещения употреблять русский язык для проповедей в иноверческих церквях.

Несколько позже, в полемике с виленским генерал-губернатором И. С. Кахановым будучи уже министром внутренних дел Д. А. Толстой указывал своему оппоненту, что: «Особое совещание ... согласившись с мнением о целесообразности разрешения употреблять русский язык в дополнительном р-к богослужении, безусловно, отринув мысль о придании этой мере обязательного характера, как не отвечающую началам веротерпимости, положенной в основание нашего законодательства»².

Ведущие участники Особого комитета – А. Е. Тимашев и Д. А. Толстой – оценивали принятое решение как решительный поворот в религиозно-этнической политике на территории Северо-Западного края. Спустя полтора десятка лет Д. А. Толстой прямо высказывался о важном политическом значении отмены указа 1848 г.: «Только в конце 60-х гг. ... проявляется новое течение, исходной точкой которого ставятся интересы населения наших западных окраин, говорящего на русских наречиях, но пребывающего в католицизме»³. Объективности ради стоит отметить, что появление этого «нового течения» или, по словам А. Е. Тимашева, «новой совершенно системы, противоположной прежне-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 69.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 298а. Л. 262–263.

³ Там же. Л. 263.

му в сем отношении взгляду и направлению», не является исключительной заслугой А. Л. Потапова и Особого комитета. Поворот в религиозно-этнической политике был подготовлен усилиями М. Н. Муравьева, К. П. фон Кауфмана, Э. Т. Баранова, И. П. Корнилова, П. Н. Батюшкова и Виленской Ревизионной комиссии.

Решение Особого комитета было утверждено императором Александром II 25 декабря 1869 г. Механизм реализации указа был разработан министром внутренних дел А. Е. Тимашевым и директором Департамента духовных дел иностранных исповеданий Э. К. Сиверсом. Ключевым звеном в этом механизме было МВД, на которое была возложена ответственность за «развитие и применение высочайше утвержденного государем императором принципа допущения русского языка в делах религии иностранных исповеданий». Документ, созданный в Департаменте духовных дел, 20 января 1870 г. был представлен А. Е. Тимашевым на рассмотрение императору. В нем говорилось, что исполнение принятого решения: «Не должно быть предоставлено произволу р-к духовенства, а поставлено под надзор главного местного гражданского начальства и министерства внутренних дел. С другой стороны, для того чтобы мера эта, согласно заключению Комитета, не имела принудительного характера и не давала повода к справедливым нареканиям и противодействию со стороны р-к духовного начальства, необходимо, чтобы инициатива употребления языка русского исходила или от духовенства или же от самих прихожан. Нельзя надеяться, чтобы р-к духовенство повсеместно, без постороннего побуждения, согласилось осуществить настоящую меру, хотя бы этого требовали и цели правительства, и польза населения». На докладе министра Александр II начертал резолюцию «исполнить»¹.

Текст указа был направлен Римско-католической духовной коллегии для сообщения подведомственным ей епархиальным начальникам. В указе говорилось: «Государь император в отеческом попечении о своих верноподданных, без различия вероисповеданий, — желая, чтобы те из них, которые родным языком своим считают русский, в том или другом его наречии, не были лишены права пользоваться им в делах своей религии, — всемилостивейше разрешить соизволил, — произносить в иноверческих церквях проповеди и совершать дополнительное богослужение и молитвы на русском языке, не делая, однако, такое употребление языка русского для иностранных исповеданий обязательным, и с тем, чтобы разрешение на употребление этого языка, в применении к Римско-католической церкви, установившей литургическим языком своим язык латинский, относилось только к дополнительному богослужению или к тем частям оногo, для которых, вместо языка латинского, употребляются уже другие языки и наречия, как-то: немецкий, французский, польский, латышский и т. п.»².

В разъяснении к указу, данном коллегии, А. Е. Тимашев подчеркивал добровольный характер мер, разработанных правительством в «отмену высочайшего повеления от 15 июля 1848 г.», и предлагал католической стороне сотрудничество в их реализации. «Так как настоящая мера имеет целью удовлетворение потребностей местного населения, — указывал министр, — то на духовном начальстве будет лежать обязанность содействовать применению ее там, где она будет соответствовать нуждам и желаниям прихожан». Однако установление границ этого сотрудничества, как и окончательные решения вопросов применения указа, должны были оставаться исключительной прерогативой МВД. Об этом недвусмысленно писал А. Е. Тимашев, завершая свое разъяснение. «Епархиальные начальники, усмотрев пользу введения русского языка в проповеди и дополнительное богослужение в данной местности или в случае поступления к ним ходатайств от приходского духовенства о применении этой меры, имеют представить свои соображения и заключения по всем таковым ходатайствам в министерство внутренних дел, на которое означенным высочайшим повелением возложено окончательное их разрешение»³.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 133.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2185. Л. 3.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 139.

В этот же день, 31 января 1870 г., А. Е. Тимашевым была подписана секретная Инструкция по реализации указа от 25 декабря 1869 г. административными органами и направлена для исполнения губернаторам. Получив ее вместе с указом, А. Л. Потапов 12 февраля 1870 г. разослал секретный циркуляр начальникам губерний, в котором сообщал о предписаниях министра. В соответствии с ними следовало поставить в известность прихожан Северо-Западного края о том, что в случае желанья большинства из них слушать молитвы и проповеди на русском языке они могут ходатайствовать об этом перед гражданскими властями. В случае получения таких прошений от прихожан и настоятелей костелов губернаторам предлагалось направлять их вместе с собственным заключением генерал-губернатору, который, в свою очередь, должен был поставить в известность МВД¹.

Губернаторами, по указанию А. Л. Потапова, были разосланы циркуляры уездным исправникам, мировым и посредникам с изложением указа и разъяснением, что прошения о совершении дополнительного богослужения и молитв на русском языке можно подавать через этих представителей власти. Тексты указа, с практическими разъяснениями, были напечатаны и вывешены в волостных правлениях для ознакомления с ними католического населения края.

18 февраля 1870 г. последовал указ Римско-католической духовной коллегии управляющему Виленской епархией прелату П. Жилинскому, в котором повторялись основные положения, высказанные министром внутренних дел. В указе особо отмечалось, что разрешение использовать русский язык в Римско-католической церкви распространяется только на дополнительное богослужение: «В тех частях оно, для которых вместо языка латинского употребляются уже другие языки и наречия, как-то: немецкий, французский, польский, латышский и т. п.»².

По распоряжению П. Жилинского, в ведении которого находились также и приходы упраздненной в 1869 г. Минской епархии, римско-католическая консистория, спустя несколько дней, довела указ коллегии до сведения римско-католического духовенства.

В свою очередь, управляющий Могилевской архиепархией епископ Иосиф Станевский официально распорядился, чтобы ксендзы в приходах Могилевской и Витебской губерний объявили о разрешении произносить проповеди и молитвы на русском языке. В предписании духовенству епископ Станевский объяснял, что предусмотренное указом введение русского языка вовсе не противоречит каноническим правилам и догматам Римско-католической церкви и служит доказательством особого благоволения и заботливости императора о благе его подданных. В особом послании, которое последовало за изданием указанного предписания, говорилось: «Я как пастырь могу заверить вас, что введение русского языка в дополнительное богослужение не составляет никакой опасности для нашей святой римско-католической веры и что истинные католики могут без вреда для их совести, как на всех прочих, так и на русском языке, возносить молитвы ко Всевышнему и слушать поучения своих пастырей, утверждающих их в правилах нашей святой римско-католической веры и чистой христианской нравственности»³.

Таким образом, к началу марта 1870 г. в Северо-Западном крае был выстроен механизм реализации указа от 25 декабря 1869 г. Он предполагал вертикальную координацию и совместные действия администрации и римско-католического епархиального начальства в осуществлении процедуры реализации инициатив прихожан и духовенства, которые должны были поступать «снизу». Политический проект обрусения костела, начатый в свое время генерал-губернатором фон Кауфманом и реализованный усилиями А. Л. Потапова и членов Особого комитета, получил правовое и функционально-бюрократическое оформ-

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2185. Л. 1–2.

² ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2290. Л. 1–2.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6444. Л. 28; ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2290. Л. 235–239.

ление. Бюрократия, светская и церковная, создали только процедуру, необходимую для выполнения царского повеления. Но реальный успех указа целиком зависел от того, насколько прихожане и духовенство захотят участвовать в политике обрусения костела, есть ли у них серьезные мотивации для того, чтобы принять русский язык католической молитвы, проповеди и церковных треб вместо традиционного польского. На этом пути для правительства возникал ряд серьезных проблем.

Прежде всего речь шла о сломе глубоко укоренившейся церковной практики, прочность которой поддерживалась не только многолетней традицией, но и мотивами политического, канонического и этнического характера. Для части католического духовенства, помещиков и шляхты, понесших серьезные потери после неудачного восстания 1863 г., костел оставался единственной легальной основой их польской самоидентичности, утрачивать которую, в угоду правительству и без санкции Римской курии, они категорически не хотели. Проводимый А. Л. Потаповым политический курс на смягчение отдельных функций установленной М. Н. Муравьевым «системы» управления краем не мог заглушить свежую память о поражении восстания и жертвах, понесенных в национальной борьбе за восстановление независимой Польши. Русофобские и антиправославные настроения, как механизмы формирования польской самоидентификации, продолжали действовать в католической среде, изредка проявляя себя в открытой политической или религиозной форме.

Поэтому существовал реальный риск, что правительство, стремившееся на основе введения русского языка в костеле остановить процессы ассимиляции белорусов католическим духовенством, должно было встретить неизбежное сопротивление. И прежде всего со стороны социальной опоры польской идентичности костела – католического духовенства, помещиков и шляхты, стремившихся удержать в орбите своего религиозного, идейного и экономического влияния крестьянские массы.

Замысел правительства сводился к тому, чтобы расширить этнические границы русского народа за счет полонизируемых костелом католиков-белорусов, или, говоря языком той эпохи, осуществить постепенное «разъединение в крае католицизма от полонизма»¹. Речь шла о формировании такого религиозно-этнического явления, как русские католики. Сущность его заключалась в том, чтобы белорусское католическое крестьянство, традиционно идентифицировавшее себя по принадлежности к Католической церкви в качестве поляков, сменило воспринятую в костеле польскую самоидентификацию на историческую, русскую.

Введение русского языка в костел должно было стать еще одним инструментом этнической и социальной модернизации белорусов наряду с такими институтами, как система народного просвещения, печать, делопроизводство и т. д. Цель этой модернизации – формирование русского этнического самосознания католиков-белорусов, общего с этническим самосознанием белорусов-православных. Разумеется, что о формировании этнического самосознания в эти годы можно говорить с определенной долей условности. Этот процесс находился в начальной стадии, когда представления о природе русской этничности ограничивались универсальной и неотрефлексированной категорией «русская народность». Практика реализации указа и участие местного католического духовенства в обрусении костела позволили воспринимать русское самосознание дифференцированно как множественную идентичность: «я – католик, я – белорус, и я же – русский».

¹ Вот как разъяснял А. Е. Тимашев минскому губернатору В. И. Чарыкову сущность политики «располячения» костела: «Вам известна цель, которую преследует правительство в своем стремлении заменить польский язык русским при дополнительном богослужении в римско-католических костелах. Цель эта чисто политическая – деполонизация Римско-католической церкви и через ее посредство и края; но эта цель отнюдь не должна иметь характер посягательства на верования католического населения. Католицизм как религиозная доктрина не представляется для нас вредным, но в соединении с полонизмом, и только в этом случае, он принимает для нас враждебный характер». См.: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3107. Л. 22 об.

Интеграция католиков-крестьян в состав «русской народности», т. е. в широкую этническую общность белорусов, малороссов и великороссов, должна была существенно ослабить массовый социальный потенциал польского сепаратизма и упрочить позиции правительства на западной окраине Российской империи. Иными словами, католики-крестьяне с русским самосознанием не должны были принять участие в очередном польском восстании против России¹.

Своим указом правительство начинало довольно рискованный политический эксперимент, делая ставку на этническое самосознание и солидарность белорусов-католиков с белорусами-православными, которая должна была проявить себя поверх жестких конфессиональных границ между церквями – Православной и Католической. Светский этнический фактор общерусской солидарности должен был соперничать с религиозно-этнической сплоченностью католических приходов, причем борьба эта должна была вестись внутри самих приходов, ксендзами и прихожанами.

Вопрос ставился так, что окажется сильнее, поощряемый авторитетом монарха фактор этнической общности белорусов как русских или же сформированный польским костелом фактор религиозной обособленности белорусов-католиков, отделявший их от общерусского этнического и культурно-языкового пространства и соединявший с этнической Польшей. Польский этнонационализм как религиозно-политическая идеология показал свою способность к мобилизации католической шляхты в восстании 1863 г. Но могли ли сыграть мобилизационную роль объединительные идеи, заложенные в указе, да еще в ту пору, когда эпоха М. Н. Муравьева с ее ярко выраженной русской идеологической доминантой уже уходила в прошлое? И наконец, возможна ли была реализация указа без риска религиозного принуждения, нарушавшего принципы имперской веротерпимости и способного вызывать обратный эффект, т. е. недоверие к правительству со стороны католического духовенства и мирян?

2. Начало реализации указа: победы и поражения правительства

Для того чтобы ксендзы смогли начать введение русского языка в дополнительное богослужение, прелат А. Немекша перевел с польского на русский язык римско-католический «Требник» (*Rituale Sacramentorum*), «Молитвенник» и «Круг воскресных и праздничных проповедей на целый год»². Перевод «Требника» был одобрен Римско-католической духовной коллегией и управляющим Могилевской римско-католической архиепархией епископом И. Станевским. «Требник», получивший вышестоящую каноническую санкцию, был напечатан тиражом в 2000 экземпляров. По указанию А. Л. Потапова, богослужебные книги в марте 1870 г. начали бесплатно рассылаться ксендзам Северо-Западного края Виленской римско-католической консисторией. Книги были разосланы также ксендзам Витебской и Могилевской губерний³.

Генерал-губернатор, инициируя перевод и издание русского «Требника», исходил из убеждения, что: «Язык есть сильнейший проводник национальности и сильнейшее выражение ее и, по преимуществу, язык, употребляемый при богослужении, делающийся для народа языком священным. Пока русское население Западного края будет в духовных

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3099. Л. 42 об.

² *Владимиров А.* История располичения Западно-Русского костела // Русское обозрение. 1896. № 10. С. 583.

³ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2290. Л.15, 27, 152.

требях употреблять польский язык, до тех пор это население будет иметь необходимое тяготение к Польше, будет считать себя польским, как и теперь в белорусских губерниях, не говоря уже о литовских, крестьянин-католик называет исповедуемую им веру польской, а себя поляком»¹.

В Вильно решение А. Л. Потапова встретило решительное сопротивление местного духовенства. По словам А. П. Владимиров, по городу разнесся слух, оказавшийся впоследствии совершенно верным, что в сакристии (ризнице) Виленского римско-католического собора собралось несколько ксендзов, которые положили проклятие на всякого, кто примет «Требник» на русском языке, издевались над ним, плевали на него, рвали на куски и топтали ногами. И этим ксендзы не удовольствовались. Они решили сделать скандал и сделали. В том же 1870 г., в праздник Благовещения, 25 марта в костеле св. Рафаила при огромном стечении народа ксендз (один из сборища, бывшего в сакристии кафедры) вышел на амвон с русским «Требником» в руках, показал его народу и сказал: «Московское правительство повелевает совершать требы по этой книге; но это противно святой католической вере, потому что эта книга схизматическая и достойна сожжения». При этих словах ксендз взял приготовленную заранее свечу, и зажегши на ней «Требник», держал его горящим на виду народа и, наконец, бросил его с амвона на пол, где затоптал его ногами костельный служака»².

Этим ксендзом был декан г. Вильно Станислав Пиотрович, который, пользуясь духовной властью, данной ему правительством, в тот же день, 25 марта 1870 г., обратился с циркуляром к духовенству и католическому населению города. В этом официальном документе ксендз создал яркий и запоминающийся образ врага католической веры – «схизмы». Под этим сугубо церковным термином у Пиотровича скрывается и российское государство, и Православная церковь, и русский народ, одним словом, Россия. Пиотрович обрушился с резкой критикой не только на действия «схизмы», но и на священников-единоверцев, помогавших якобы «схизме» бороться с католической верой.

Содержание циркуляра дает наглядное представление о том, как создавалось идеологическое обоснование и демонизация образа врага для практического противодействия выполнению указа от 25 декабря 1869 г. Религиозно-политическая мифология, создаваемая Пиотровичем, строилась вне богословской аргументации, если не учитывать в качестве таковой эмоциональных обвинений «схизмы» и ее «пособников» в служении дьяволу. Идеологическое, насыщенное негативными эмоциями содержание этой мифологии покоилось на трех китах. Во-первых, это яркий образ непримиримого врага католической веры – «схизмы», которая является порождением ада. Во-вторых, образ невинной жертвы – мучеников за веру в лице католического духовенства, страдающего в Сибири после 1863 г. В-третьих, образ предателей римско-католической веры из числа духовенства, сотрудничающих со «схизмой», а следовательно, заключивших сделку с дьяволом ради получения мирских благ и почестей.

Декан Пиотрович убеждал читателей, что российское государство всегда стремилось и будет стремиться уничтожить в Литве истинную католическую веру и заменить ее «схизматическим» православием. В его изложении меры, предпринятые государством в отношении католичества, являются порождением иррациональной, дьявольской злобы. Вот как об этом пишет он сам: «Самый жестокий враг костела – турок и тот смягчил нрав свой и протягивает руку истинной нашей вере. Одна только «схизма», как лютей зверь или, лучше сказать, бешеная собака, бросается на все то, что встретит римско-католическое. Епископы и священники оторваны от стад своих, разогнаны по обширным степям, коими «схизма» владеет. Многие не достигли места назначения от голода и хо-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 99 об.

² Владимиров А. История располычения Западно-Русского костела // Русское обозрение. 1896. № 10. С. 589.

лода, а также от зверского обращения». Священники и епископы, – утверждал Пиотрович, – отбывающие наказание, страдают за приверженность к истинной вере, а не за политические преступления перед государством. При этом он сравнивал наказания, постигшие ксендзов, с гонениями на христиан, свидетельствовавших об истинной вере во времена императора Нерона. По мысли Пиотровича, «схизма» коварно воспользовалась светскими восстаниями 1830 и 1863 гг. для того, чтобы шаг за шагом уничтожить римско-католическую веру за ее истинность и духовное превосходство над православием. Главную роль в страданиях Церкви сыграл М. Н. Муравьев – «главный апостол схизмы», «кровавое существо», проливший кровь невинных ксендзов¹.

Ненависть к российскому государству и православию сконцентрировалась у Пиотровича на личностях членов Виленского римско-католического капитула, сформированного при М. Н. Муравьеве, – это ксендзы П. Жилинский, А. Немеша и Э. Тупальский². «Вы волки в овечьих шкурах. Вы орудие в руках дьявола, – кликушески восклицал Пиотрович. – Враги света, сыновья тьмы, душегубцы, хриstopродавцы». На основании того, что эти ксендзы «давно прокляты, о чем известно целому духовенству и всему народу», Пиотрович заявлял: «Проклятые книги под заглавием «требники» (Rituale), признанные посредством проклятого муравьевского капитула в числе 142 экземпляров для раздачи духовенству вверенного мне деканата, я публично предал пламени, что должен сделать с ними всякий римско-католический священник». После призыва к всеобщему книжному аутодафе Пиотрович, используя широко известный ветхозаветный сюжет, пытался пророчествовать о том, как католический Давид, в конце концов, победит Голиафа «схизмы»³.

Представленный документ являет собой яркий образчик тех негативных настроений и чувств, которые испытывала по отношению к российскому государству, православному духовенству и русскому народу в целом часть католического духовенства Северо-Западного края. Из его содержания становилось ясно, с какими трудностями неизбежно столкнется правительство, делая ставку на русское этническое самосознание ксендзов и белорусов-католиков при реализации указа в Северо-Западном крае.

Из документа следует, что никаких претензий догматического или канонического характера к русскому «Требнику» у виленского декана не имелось. Причинами неприятия этой богослужебной книги являлись в первую очередь мотивы политического характера. В основе их – иррациональные страхи перед очередными происками «схизмы», которая изобрела новый прием для достижения своей конечной цели – уничтожения католичества, и на этот раз с помощью обрусения костела. Следовательно, духовенству и верующим необходимо во имя спасения Церкви идти на жертвы и противодействовать выполнению императорского указа от 25 декабря 1869 г.

Для этого и понадобились религиозно-политическое мифотворчество, демонизация своего политического и религиозного врага, рассчитанные на то, чтобы вызвать у читателей – духовенства и мирян, необходимую реакцию – ненависть к «лютотой схизме», сострадание к ее безвинным жертвам и негодование в отношении предателей истинной веры в лице лояльных правительству ксендзов. Профессионально формируемый страх перед происками дьявола, действующего через «схизму» и ее подручных, должен был усиливать пропагандистский, суггестивный эффект этого церковного документа. Произведенная Пиотровичем намеренная фальсификация предшествовавшей государственной политики, целей указа и методов его реализации в совокупности с предлагаемой им идеологией сопротивления русскому языку в костеле означали на деле объявление пра-

¹ ЛГИА. Ф. 604. Оп. 5. Д. 992. Л.1–2 об.

² Указанные духовные лица по ходатайству М. Н. Муравьева были назначены прелатами Виленского кафедрального капитула «как постоянно противодействовавшие мятежной партии». См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 11. Д. 38. Л. 33–34.

³ ЛГИА. Ф. 604. Оп. 5. Д. 992. Л. 3–7 об.

вительству информационной войны. В начавшейся борьбе за этнические предпочтения ксендзов и их белорусской паствы правительству был брошен пропагандистский, политический по сути вызов, со своими специфическими церковными приемами и риторикой, присущими для той среды и эпохи.

Генерал-губернатор А. Л. Потапов не мог не оценить циркуляр виленского декана как открытое антиправительственное выступление, рассчитанное на то, чтобы с помощью идеологических фальсификаций ввести в заблуждение верующих и клир, цель которого – бойкот указу от 25 декабря 1869 г.

Реакция властей оказалась незамедлительной, и уже 28 марта 1870 г. ксендз Пиотрович, «пребывание которого в крае по политической его неблагонадежности признано положительно вредным», по распоряжению А. Л. Потапова, был выслан на постоянное жительство в Архангельскую губернию¹. Циркуляр, разосланный Пиотровичем, подвергся конфискации и впоследствии был издан за границу. Управляющий епархией потребовал от ксендзов деканата вернуть послание Пиотровича епархиальным властям. Однако не все ксендзы выполнили указание администратора.

Следственная комиссия по политическим делам, продолжавшая действовать в это время в Вильно, начала разбирать дела о ксендзах, которые утаили от начальства циркуляр Пиотровича. В Вильно в мае 1870 г. комиссия сочла виновным «в непредставлении начальству возмутительного возвания, полученного им от ксендза Пиотровича, в ложном показании в неполучении возвания управляющему Виленской Р.К. епархией, а также в упорном заперательстве о сем при производстве дела» настоятеля костела Петра и Павла ксендза Р. Фиалковского. По указанию А. Л. Потапова, ксендз Фиалковский был заключен в Несвижский доминиканский монастырь сроком на один год².

В деле Пиотровича не обошлось без эффекта саморазоблачения, очевидного для администрации и не приемлемого для сторонников польскоязычного костела. Своим инквизиторским жестом декан фактически перечеркивал высказанные им в циркуляре утверждения о ксендзах, пострадавших, подобно древним христианам, за свидетельство истинной веры. Сам Пиотрович, разумеется, не мог не представлять себя местному польскому обществу в качестве мученика за веру, но наказан он был за проступок политического характера. Точно так же не за веру, а за политические преступления были наказаны и ксендзы, принявшие участие в вооруженном мятеже против Российской империи.

Выступление декана Пиотровича, демонстративно принесшего себя в жертву польской идентичности костела, и начавшиеся в связи с этим случаи отказа ксендзов принимать русский «Требник» вызвали беспокойство у сторонников правительственной политики. Управляющий Виленской римско-католической епархией прелат П. Жилинский в мае 1870 г. обратился к генерал-губернатору А. Л. Потапову с предложением, что для успеха в деле обрусения костела было бы желательно получить на русский перевод «Требника» каноническую санкцию Римской курии. Замещающий в то время генерал-губернатора его помощник генерал П. Р. Багратион объяснил прелату Жилинскому, что в одобрении Рима русский перевод «Требника» не нуждается. В подтверждение своей точки зрения П. Багратион сослался на то, что речь не идет о каком-либо изменении в догматах или обрядах Римско-католической церкви.

По мнению генерала, употребление в костелах Западного края молитв и книг духовного содержания, а также чтение проповедей на одном народном языке (русском), вместо другого (польского), введенного в прежнее время в этом крае самим духовенством, зависело и зависит от местного духовенства и епархиальных начальников. Эти облеченные духовной властью лица, рассмотрев переводы и убедившись, что в них нет ничего, что противоречило бы учению и обрядам Римско-католической церкви, утверждают перево-

¹ ЛГИА. Ф. 604. Оп. 5. Д. 992. Л. 8.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2153. Л. 1.

ды для употребления в костелах. В качестве примера Багратион приводил исторический факт, когда перевод латинского «Ритуала» на латышский язык был издан в 1764 г. в Митаве с одобрения администратора Курляндской римско-католической епархии. К тому же в Северо-Западном крае уже существовала практика одобрения епархиальным начальством переводов на русский язык «Катехизиса», «Ритуала» и «Евангелички», т. е. Евангелия на воскресные и праздничные дни, применявшихся в учебных заведениях Виленского учебного округа¹.

Поэтому светское начальство Северо-Западного края не отнеслось тогда с должным вниманием к предложению прелата Жилинского, как в свое время и к мнению Римско-католической духовной коллегии, не усматривая какой-либо опасности в существовавшей практике одобрения переводов богослужебных книг местным епископатом. В тот период для администрации представлялось более актуальной организация поддержки со стороны управляющего епархией тем ксендзам и прихожанам, которые решили воспользоваться правом, предоставленным им указом от 25 декабря 1869 г.

Действия эти представлялись все более очевидными в связи с тем что, информационная война, начатая деканом Пиотровичем и его сторонниками, стала приносить свои первые, нежелательные для правительства, результаты. В крае начали упорно циркулировать слухи о том, что употребление русского языка в костеле равносильно принятию православия, что это не что иное, как подготовка к обращению всех католиков в «московскую веру». В ответ администрация потребовала от П. Жилинского и его сотрудников, чтобы они объясняли духовенству и пастве, что введение русского языка в костеле не является посягательством на догматы и обряды Римско-католической церкви, а, напротив, представляет собой льготу, дарованную католикам российским монархом².

Следует отметить, что в начальный период реализации указа в число его сторонников входили влиятельные римско-католические священники. Помимо вышеупомянутых – прелата П. Жилинского, ректора Виленской римско-католической семинарии Э. Тупальского, прелата А. Немекши, ксендзов Ф. Сенчиковского, А. Копцеговича, Заустинского, можно назвать еще ксендзов И. Юргевича, С. Макаревича, М. Олехновича, И. Пиотровского и М. Кулаковского.

Прелат П. Жилинский, управлявший епархией вместо сосланного в Вятку, по распоряжению М. Н. Муравьева, Виленского епископа А. Красинского, активно содействовал выполнению указа от 25 декабря 1869 г. Прелат совершал в костелах дополнительное богослужение на русском языке и предлагал ксендзам епархии поддержать выполнение правительственного распоряжения, так как оно не противоречит католическому вероучению. Помимо призывов к введению русского языка в костелах, использовались и методы административного внушения. В случае если приходские ксендзы уклонялись от введения русского языка в дополнительное богослужение, Жилинский предписывал деканам «убедить подведомственное им духовенство и своим примером и содействием склонить нерешающихся». От всех ксендзов епархии были взяты расписки в том, что они получили указ консистории от 3 марта 1870 г. о высочайшем повелении, разрешающий употреблять русский язык в «делах религии иностранных исповеданий»³. Были составлены списки всех приходов епархии с определением основного языка, на котором говорили их прихожане. Введение русского языка предполагалось в тех приходах, жители которых употребляли в основном белорусский язык.

Однако действия управляющего епархией не получили ожидаемой поддержки приходского духовенства и паствы. П. Жилинский не пользовался авторитетом среди ксендзов в епархии, так как его назначение на этот пост, сделанное только по распоряжению

¹ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2290. Л. 124.

² Там же. Л. 125.

³ Там же. Л. 153, 163.

правительства и без согласования с Римом, с канонической точки зрения не воспринималось как легитимное.

Тем не менее, в результате усилий, предпринятых администрацией, П. Жилинским, Ф. Сенчиковским и их сторонниками наметилась тенденция к появлению и росту числа желающих ввести в костеле русский язык как среди мирян, так и духовенства. Уже в мае – июне 1870 г. в Виленскую римско-католическую консисторию начали поступать прошения прихожан о необходимости введения в их приходских костелах дополнительного богослужения на русском языке. Но такие случаи были довольно редкими. Чаще всего деканы направляли в консисторию расписки ксендзов, изъявивших желание служить дополнительное богослужение по русскому «Требнику» и произносить проповеди на русском языке.

Вот, например, что писал в такой расписке в августе 1870 г. настоятель Пуньского приходского костела Виленской губернии Иоанн Заштовт: «Я как ксендз Римско-католического костела, по долгу моей совести, исполняя все обряды, присвоенные нашей Римско-католической церкви, вместе с тем считаю священным долгом как русский верноподданный, в добавочное богослужение, как равно и при всех обрядах, где был употребляем польский язык, употреблять природный русский язык. Присовокупляю при сем, что священной моей обязанностью есть, и будет, направлять моих прихожан в народном русском духе»¹.

Одновременно с первой тенденцией, в противовес ей, выросло и окрепло движение, ставящее своей целью не только не допустить дальнейшего распространения русского языка в костелах, но и активное вытеснение его из тех приходов, где он уже был введен. Первыми конкретными проявлениями неприятия указа 25 декабря 1869 г. в среде католического духовенства стали отказы ксендзов принимать рассылаемый консисторией русский «Требник». К началу января 1871 г. в Виленской губернии объявили о том, что они стали использовать «Требник» для проведения богослужений на русском языке 56 ксендзов, в то время как отказалось от его применения в своих приходах 256 католических священников². По сообщению гродненского губернатора А. Е. Зурова, вопрос о введении русского языка в дополнительное католическое богослужение разрешался в вверенной ему губернии также «неудачно». Из 130 ксендзов, служивших в Гродненской губернии, требники, переведенные на русский язык, принял только 41 священник. «Лишь в двух костелах, – отмечал губернатор, – единственных на пространстве Кобринского уезда, русский язык получил практическое применение»³.

В результате сопротивления ксендзов и части паствы в Виленской римско-католической епархии правительство не смогло добиться введения русского языка в дополнительное богослужение. Причины этой неудачи пытался осмыслить генерал-губернатор Северо-Западного края П. П. Альбединский. В своем отчете за 1874–1877 гг., он сообщал императору, что: «Некоторые из ксендзов начали совершать на русском языке дополнительное богослужение, но не дружелюбно, а иногда даже враждебно встреченные со стороны прихожан, отказались от того, так что ныне, ни в одном из костелов трех подчиненных мне губерний дополнительное богослужение на русском языке не совершается»⁴.

П. П. Альбединский усматривал причину враждебности населения этой правительственной мере не только в противодействии ксендзов, которые «всеми силами» внушали недоверие прихожан к новому закону. Причины неприятия указа населением, по его мнению, лежали глубже, а именно, в практике массовых обращений католиков в православие,

¹ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2290. Л. 128.

² Там же. Л. 221, 223–226, 240а.

³ Всеподданнейший отчет начальника Гродненской губернии за 1870 год / Государственная публичная историческая библиотека России.

⁴ ОР РНБ. Ф. 16. Д. 51. Л. 26.

когда в роли миссионеров выступили, «не останавливаясь ни перед чем, становые приставы, мировые посредники и другие лица, вовсе к тому не призванные». Негативный опыт административного миссионерства второй половины 1860-х гг. заставлял, по его мнению, «фанатически настроенные народные массы» относиться к указу с крайним недоверием¹.

Объяснения причин неудач правительственной политики, предложенные генерал-губернатором, являются поверхностными и далеко не исчерпывают реальных мотивов отторжения русского языка в костелах Северо-Западного края.

Протесты ксендзов и прихожан против введения русского языка в дополнительное богослужение, поступавшие на имя управляющего Виленской епархией прелата П. Жилинского в начале 1870 гг., содержали мотивы канонического и правового характера. Часть ксендзов, отказывавшихся по требованию деканов служить по русскому «Требнику», объясняли свое решение нежеланием нарушать каноническую дисциплину Католической церкви. Они заявляли своему духовному начальству, что изменения в богослужении не могут происходить по желанию самого духовенства или даже с одобрения епископа. По их мнению, решения об этом должны исходить от духовных властей более высокого иерархического уровня – Синодов, Соборов или главы Церкви – Папы Римского. Как писал простодушно в объяснении один из них, что больше недовольства декана Ф. Сенчиковского: «Боюсь греха и клятвы Папы Римского»².

Прихожане в своих прошениях об отмене русского языка в костелах, введенного ксендзами без их согласия, обвиняли таких священников в том, что они самовольно нарушали устоявшуюся церковную традицию и что их действия противоречат принципам веротерпимости и положениям указа от 25 декабря 1869 г., который предусматривал добровольный выбор языка богослужения самими прихожанами³.

Вскользь упомянутая Альбединским вражда прихожан к ксендзам, служившим на русском языке, не ограничивалась только угрозами и истеричными хулиганскими выходками. 8 мая 1871 г. был зверски убит один из активных деятелей по обрусению католичества ректор римско-католической семинарии Э. Тупальский. Хотя внешне это преступление носило бытовой характер, для современников было очевидно, что убийство заказное. По словам А. П. Владимирова, известие о трагической гибели Э. Тупальского (преступник отрубил ему голову): «Произвело удручающее впечатление на ксендзов в Вильно и по всему краю...

Виленские поляки громко говорили, что ректор Тупальский умерщвлен за то, что хотел ввести русский язык в костелы края, и что будет то же всякому ксендзу, осмелившемуся в своем служении заменить польский язык русским. Действительно, положение ксендзов, служивших по-русски, становилось тяжелее и опасней. Местные «девотки», подзадориваемые «виленской расправой», как тогда называли поляки убийство ректора Тупальского, и сами принялись чинить расправу с ксендзами, провинившимися «москальством». При встрече с ними плевали на них, бросали в них грязью и камнями, рвали на них платье, даже скопом нападали на них и наносили им побои»⁴. Столь агрессивные формы психологического и физического террора, применяемые против немногочисленных сторонников правительственной политики, провоцировались «низовой» пропагандой, которая производила сильный мобилизующий эффект. Поэтому провалы правительственной политики в исполнении указа от 25 декабря 1869 г. вызывали необходимость их

¹ ОР РНБ. Ф. 16. Д. 51. Л. 27.

² ЛГИА. Ф. 694. Оп.1. Д. 2290. Л. 173, 182.

³ Там же. Л. 259–260, 270.

⁴ *Владимиров А.* История располячения Западно-Русского костела // Русское обозрение. 1896. № 10. С. 591.

более глубокого и детального осмысления, нежели тот уровень понимания проблем, который предлагал генерал-губернатор Александру П.

П. П. Альбединский должен был признать, что правительство, решившись на реализацию принципиально нового политического проекта, рассчитанного на решительный слом польской католической традиции в регионе, недавно пережившем вооруженный мятеж, не смогло обеспечить его реализацию должными средствами, ресурсами и исполнителями. В этом случае правительство действовало обычными бюрократическими методами, в то время как в борьбе за этнические предпочтения белорусов-католиков в области богослужения следовало прибегнуть к иным, более эффективным политическим технологиям. Проект явно опережал свое время. Нацеленный на этническую модернизацию католиков-белорусов, он явно нуждался в продуманной и мощной информационной и организационной поддержке, в авторитетных светских и духовных исполнителях, в канонической безупречности предлагаемых богослужебных перемен. Не учтя в должной степени возможности, которыми располагали местные исполнители, а также настроения прихожан и ксендзов, формируемых нелегальной «черной» пропагандой, и, что оказалось принципиально важным, проблем с каноничностью богослужебных текстов, правительство неизбежно должно было столкнуться с серьезными неудачами своего политического курса.

Встретив упорное противодействие введению указа от 25 декабря в Виленской епархии, МВД начало искать другие подходы в осуществлении политики обрусения костела. Директор департамента духовных дел МВД Э. К. Сиверс в апреле 1876 г. встретился в Вильно с прелатом П. Жилинским. Во время встречи был подписан протокол, согласно которому: «Для поддержания дела введения русского языка в римско-католическое богослужение... признано необходимым, чтобы законоучителям в светских учебных заведениях было вменено в обязанность: при совершении богослужения и произнесении проповедей в костелах для воспитанников употреблять русский язык, употребляемый ими уже при преподавании в классах учебных заведений Закона Божия». Предложение Э. К. Сиверса было принято П. Жилинским к «обязательному исполнению»¹.

Со своей стороны, министр внутренних дел А. Е. Тимашев обратил внимание управляющего епархией на необходимость организовать в Виленской римско-католической семинарии подготовку ксендзов, способных служить по русскому «Требнику». Министр предлагал организовать в семинарии обучение и воспитание таким образом, чтобы устранить: «Возможность нелепых и лишенных всякого основания воззрений, неоднократно проявлявшихся в среде римско-католического духовенства, будто бы русский язык не может быть употребляем в костелах, где, однако, употребляются все языки, как-то: польский, французский, немецкий и т. п.»².

Однако П. Жилинский, на запрос виленского губернатора Е. П. Стеблин-Каменского о том, как выполняются данные ему поручения, дал понять, что проведение этих требований в жизнь практически невозможно³.

Вслед за свертыванием практики применения русского языка в костелах Северо-Западного края правительству не удалось добиться положительных результатов и в Могилевской губернии. Как отмечает А. А. Комзолова, римско-католический епископ И. Станевский на деле препятствовал осуществлению этой правительственной меры в Могилевской губернии. Подведомственное ему приходское духовенство бойкотировало высочайшее повеление 25 декабря 1869 г. Примером такого бойкота стали действия местных ксендзов и поддерживавших их помещиков. Примером негативного отношения к указу от 25 декабря 1869 г. стал Радомльский приход Чаусского уезда, в котором допол-

¹ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2360. Л. 333.

² Там же. Л. 335–336.

³ Там же. Л. 334, 341.

нительное богослужение на русском языке было прекращено. Для того чтобы заставить римско-католическое духовенство оказаться от противодействия правительственной политики «деполонизации края», в апреле 1876 г. по указу императора был закрыт Бельничский костел. В конечном итоге, опыт введения русского языка в дополнительное католическое богослужение в Могилевской губернии оказался неудачен, несмотря на то, что министр внутренних дел А. Е. Тимашев продолжал настаивать на необходимости применения этой меры¹.

О трудностях, с которыми столкнулось правительство, со всей полнотой свидетельствуют и драматические события, развернувшиеся в Минской губернии. Для правительства сложность реализации закона о русском языке заключалась в том, что реальными исполнителями его могли быть только ксендзы и прихожане. От их позиции напрямую зависело – принять или отвергнуть русский язык в своем приходе. Светская администрация и управляющие епархиями формально не могли принудить их сделать первоначальный выбор в пользу русского языка. Правительство и католические епархиальные начальники создали организационно-бюрократические условия «сверху» для реализации инициативы, которая должна была исходить «снизу». Следовательно, успех правительственной политики в этой сфере целиком зависел от активности и силы влияния его духовных и светских сторонников из самой католической среды.

В Минской губернии такие люди нашлись, и это определило ее исключительное положение среди остальных административно-территориальных единиц Северо-Западного края, в которых начала осуществляться политика обрусения костела. Активным проводником этой политики в губернии выступил минский декан Фердинанд Евстафьевич Сенчиковский, человек искренне и глубоко веривший в то, что: «... ополяченный русский народ возвратится к родной России... Ибо то, что представляют теперь из себя Белоруссия, Литва и Малороссия, – это то же самое, что бывшая уния: ни православие, ни католицизм. Надо же устроить так, чтобы было что-либо одно. Так как Северо-Западный край – русский край, и народ здесь только ополяченный, а не польский, то и надо возвратить все русское, удалив все чужое, навязанное этому русскому народу»².

Благодаря совместным усилиям администратора Виленской епархии П. Жилинского и декана Ф. Сенчиковского в ряде костелов Минской губернии был введен русский язык. По настоянию Ф. Сенчиковского, ксендзы Минского, Борисовского и Игуменского деканатов начали давать подписки о введении русского языка в дополнительное католическое богослужение³. В таких случаях МВД предпринимало меры, чтобы принятое настоятелями костелов решение принимало характер *обязательный* и *необратимый* для данных приходов. Механизм правоприменения указа 25 декабря 1869 г. в Минской губернии работал следующим образом. МВД, получив от губернатора сведения о введении в костелы Минской губернии русского языка, предписывал управлявшему Виленской римско-католической епархией прелату П. Жилинскому осуществить ряд необходимых распоряжений. Следовало указом консистории вменить в обязанность декану «иметь неослабное наблюдение», чтобы в указанном костеле дополнительное богослужение, молитвословие

¹ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 325.

² Жиркевич А. В. Из-за русского языка. В изгнании // Минская старина. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. Вып. 3. Ч. 2. Вильна, 1911. С. 549.

³ Вот, например, какую подписку давал 26 января 1871 г. заштатный ксендз Альфонс Маткевич.: «Я, нижеподписавшийся, даю сию подписку в том, что дополнительное богослужение, которое отправлял на польском языке по костелам, буду исполнять на русском языке и придерживаться требников свято и ненарушимо. В том собственноручно подписываюсь. С подлинным верно. Декан Ф. Сенчиковский». См.: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2235. Л. 2.

и проповедь согласно распоряжению правительства и «впредь совершались на русском языке». Епархиальное начальство должно было «иметь неослабное наблюдение» за соблюдением приходскими ксендзами изданного консисторией указа. Одновременно министр внутренних дел требовал от губернатора принятия мер по разъяснению прихожанам этих костелов, что «употребление русского языка ни сколько не может влиять на догматическую сторону исповедуемой ими веры»¹.

Но не только Ф. Сенчиковский и его последователи среди духовенства начали «снизу» процесс реализации указа в Минской губернии. Следует отметить инициативу самих прихожан в желании слушать молитвы и проповедь на русском языке. В Минском уезде прихожане Першайского костела «составили приговор», обязывающий настоятеля совершать дополнительное богослужение и молебны за царствующий дом на русском языке. Крестьяне Слуцкого уезда Огородницкого сельского общества, собравшись 25 апреля 1870 г. в волостном правлении, постановили: «Заявить нашим приговором, что как верноподданные русские, то и желаем, согласно высочайшей воле, слушать дополнительное богослужение не на другом, как только на родном нашем языке, который мы называем русским, ибо хотя мы католического вероисповедания, то наречия польского языка совершенно не знаем, а посему читаемые в наших костелах молитвы и проповеди на языках латинском и польском вовсе нам непонятны»².

На то, что в приходах Минской губернии введение русского языка происходило «не принудительно, но вследствие первоначального изъявленного самими прихожанами желания», указывал и Комитет министров на заседании в мае 1887 г.³

Действительно, первые успехи в области обрусения костела в Минской губернии были, на первый взгляд, впечатляющи. В период с 1869 по 1872 г. дополнительное богослужение на русском языке было разрешено правительством в 32 из 52 костелов⁴. Для закрепления достигнутых результатов в «располячении костела» декан Сенчиковский открыл при костеле св. Троицы в Минске училище органистов, которые обучались исполнению католического богослужения на латинском и русском языках. Финансировало деятельность училища министерство внутренних дел⁵.

И все же, несмотря на поддержку деятельности декана Ф. Сенчиковского и его сторонников со стороны губернаторов В. Н. Токарева и В. И. Чарыкова, министров внутренних дел А. Е. Тимашева и Л. С. Макова, начавшийся процесс обрусения костела в Минской губернии был приостановлен, а затем и повернут вспять.

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2175. Л. 2; Ф. 295. Оп. 1. Д. 3971. Л. 66 об.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2190. Л. 2.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1885. Д. 1071. Л. 142 об.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6444. Л. 31–32.

⁵ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3107. Л. 22 об. Школа органистов в Минске просуществовала вплоть до официального завершения политики обрусения костела. В начале марта 1897 г. вышло распоряжение директора департамента духовных дел А. Н. Мосолова о закрытии школы. Проект каноника Ф. Сенчиковского, который активно поддерживали министры внутренних дел А. Е. Тимашев и Л. С. Маков, был упразднен по решению министра внутренних дел И. Л. Горемыкина. Сами же органисты стали объектом мщения со стороны римско-католического духовенства. Настоятели костелов увольняли их от службы как не знающих польского языка и не принимали на новые места служения. Органисты и их семьи остались практически без средств существования. В ответ на просьбы органистов в МВД и обращения к самому императору о предоставлении им службы в костелах директор департамента духовных дел МВД А. Н. Мосолов конфиденциально обратился к Трубецкому с просьбой содействовать им в получении должностей и оказании материальной поддержки. НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 222; *Жиркевич А. В.* Из-за русского языка. В изгнании // Минская старина. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. Вып. 3. Ч. 2. 1911. С. 552–553.

3. Конфликт вокруг «распопачения» костела в Минской губернии. Позиция митрополита Гинтовта

Реализация правительственной инициативы вызвала к жизни такой сложный комплекс проблем политического, канонического и этнокультурного характера, которые вышли далеко за рамки локального конфликта и приобрели внешнеполитическое измерение.

В начале 1870-х гг. российское правительство начало переговоры с Ватиканом. Понимая, что предметом дальнейших переговоров должны были стать вопросы о введении русского языка в дополнительное католическое богослужение и о римско-католической духовной коллегии, решено было поручить рассмотреть их Комитету по римско-католическим делам. В ходе его работы более легким представлялось урегулирование первого вопроса, призванного, как предполагалось, отделить религию от политики и покончить с монополией польского языка в Западном крае.

Участники обсуждения исходили из того, что эта мера не наносила никакого вреда литургии, ограничивалась тем, что отстаивала права употребления русского языка, т. е. права, издавна признанные в католических странах в отношении других современных языков. Эти соображения Комитета были изложены российским представителем в Ватикане Капнистом Папе Пио IX с тем, чтобы рассеять те опасения, которые ему могло внушить его польское окружение. Однако они не имели успеха. Римская курия не обнаружила готовности принять предложения российской стороны под не выдерживавшими, с точки зрения последней, предложениями. В Ватикане делали вид, что опасались, как бы правительство не воспользовалось проявленной им терпимостью, чтобы сделать русский язык обязательным даже для населения, которое его не могло понимать, и распространить его употребление на отправление основного богослужения. Хотя подлинная причина, по мнению правительства, заключалась в опасении оттолкнуть от себя польское католическое духовенство, для которого национальная идея была неотделима от религиозной, и даже имела над нею превосходство.

Тщетными оказались и попытки российской дипломатии обратить внимание Римской курии на то, что таким образом она наносит вред интересам Католической церкви, поскольку, объявляя ее несовместимой с русской национальностью, она тем самым допускала все репрессивные меры, могущие быть принятыми императорским правительством в интересах безопасности государства. И, естественно, это было воспринято в Петербурге как показатель степени поддержки его усилий отделить религию от политики, которую можно было ожидать от Ватикана¹.

Что же касается внутривосточных проблем, то опыт введения русского языка в костелах Минской губернии поставил перед правительством ряд серьезных вопросов, потребовавших продуманных и последовательных ответов. Например, возможно ли разъединить исторически сложившуюся связь между местным католицизмом и польской этнокультурной традицией, не прибегая к административному принуждению? Сможет ли правительство добиться успехов в деполонизации костела, а значит, и края в целом, делая ставку только на приходское духовенство? Уместно ли рассчитывать в этом случае на активизацию русской этнической солидарности местных крестьян-католиков? Возможно

¹ Серова О. В. Взгляд из Петербурга на отношения со святым престолом // Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века: материалы коллоквиума, состоявшегося в Москве 23–24 июня 1998 г.; под редакцией Е. С. Токаревой и А. В. Юдина. М., 2003. С. 54–55.

ли, не нарушая светских принципов веротерпимости и норм канонического права Римско-католической церкви, изменить этноцентричный характер местного католицизма? И наконец, главный вопрос, ради ответа на который и был принят, по существу, этот указ. Представляло ли формирующаяся польская самоидентификация католических прихожан-белорусов политическую опасность для целостности российского государства или же эту привнесенную извне польскую этничность следовало отнести к явлениям этнокультурного и религиозного характера, не несущим в себе опасности формирования настроений польского сепаратизма в белорусской крестьянской среде?

В конечном итоге, попытка применения указа от 25 декабря 1869 г. стала практическим экспериментом по выяснению, во-первых, насколько далеко зашел процесс усвоения польского этнического самосознания среди белорусов-католиков? И во-вторых, насколько высока решимость католической иерархии, духовенства, помещиков и шляхты отстаивать польскую богослужбную и этнокультурную традицию своей Церкви в приходах, состоявших из белорусов и малороссов.

В процессе этого эксперимента выяснилось, что часть католического духовенства испытывает глубокую неприязнь к русскому народу и русской культуре и эти настроения активно поощрялись и культивировались среди прихожан-белорусов. Определяющую роль в негативном восприятии русского языка прихожанами из низших сословий играла позиция польского дворянства и шляхты, социально и культурно доминирующих в жизни приходов. Переписка губернаторов с Ф. Сенчиковским и другими деканами содержит многочисленные сообщения о происках «польско-иезуитской» или «польско-панской партии», о неприятностях, чинимых «польскими панями», «польских интригах» и т. д. В результате этих «происков» ксендзы, служившие по русскому «Требнику», лишались серьезной материальной поддержки со стороны дворянства в виде платы за требы¹.

По словам А. П. Владимирова, помещики перестали обращаться к ксендзам, служившим по-русски, и обращались только к тем, которые служили по-польски: «Вследствие этого материальное положение ксендзов, служивших по-польски, возросло, а ксендзов, служивших по-русски, упало до нищеты, потому что настоятель прихода получал жалованья от 200 до 350 рублей в год и из этой суммы должен был содержать викарного. На такие средства жить, конечно, было невозможно»².

Формы противодействия русскому языку, применяемые активистами-прихожанами, принимали зачастую противоправный и морально-предосудительный характер. Защитники польскоязычного католичества вели себя агрессивно, срывали в костелах дополнительные богослужения, прибегали к оскорблениям ксендзов и угрозам физической расправы. Использовались меры по дискредитации Ф. Сенчиковского с помощью фальсифицированных обвинений в том, что он в июне 1870 г. во время богослужения в Кальварийской каплице, расположенной возле Борисова, якобы заставлял католиков принимать православию. Оскорбления, которыми возбужденная толпа католиков подвергла декана Сенчиковского, носили откровенно русофобский характер: «Что ты за ксендз, сволочь, москаль, ты переверотился, нам такого ксендза не нужно и пр.».

Результаты расследования, предпринятые администрацией, показали, что жалоба борисовских прихожан, направленная минскому губернатору, оказалось ложной. Составитель прошения, содержавшего клеветнические обвинения в адрес декана Ф. Сенчиковского, дворянин Адольф Буйницкий был отправлен в ссылку в Вологодскую губернию, остальные участники скандального инцидента подверглись различным наказаниям – краткому тюремному заключению и денежным штрафам³.

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2172. Л. 1–2, 4; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2189. Л. 1.

² Владимиров А. История располячения Западно-Русского костела // Русское обозрение. 1896. № 10. С. 587.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2189. Л. 26; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2233. Л. 81, 113.

Эффективной формой противодействия введению русского языка, наряду с экономическим принуждением, психологическим давлением и угрозами физической расправы с ксендзами, были целенаправленно распускаемые слухи, которые оказывали мощное идейно-психологическое воздействие на религиозно-экзальтированную крестьянскую массу. Основными тезисами в этой развернувшейся агитационной кампании стали:

- ✦ вслед за введением русского языка в дополнительное богослужение последует насильственное обращение их в православие, «с русским языком пострадает католичество, католики отступят от святой веры»;
- ✦ русский язык в дополнительном богослужении противоречит догматам Католической церкви;
- ✦ церковные таинства, которые совершают ксендзы, служащие по-русски, являются «проклятыми», или, говоря языком теологии, безблагодатными¹.

Для католических священников, имевших профессиональное теологическое образование, богословская нелепость распускаемых слухов была очевидна, так как в них сущность католического вероучения отождествлялась с исторически сформировавшейся обрядовой стороной церковной жизни, в частности, с языком дополнительного богослужения. Но духовенство не предпринимало никаких усилий для их прекращения, хотя содержание их явно противоречило католической догматике, на верность которой они присягали в костеле. Более того, администрация и сторонники каноника Ф. Сенчиковского были уверены в том, что инициаторами этой агитационной кампании были сами ксендзы, противодействующие выполнению указа от 25 декабря 1869 г.

Что собственно и подтверждает пример виленского декана С. Пиотровича, внушавшего своей пастве и духовенству богословски несостоятельную мысль о демонической угрозе, которую представляет для католической веры русский «Требник». Результатом этой «черной» пропаганды, основанной на сознательных фальсификациях, эксплуатации религиозного невежества, страхов прихожан и догматически недопустимой сакрализации народного языка богослужения стало появление, по удачному определению настоятеля Раковского костела Минской губернии прелата Боублевского, так называемой католической «беспоповщины». В результате панических страхов, порождаемых ложными слухами о насаждении православия и необоснованными подозрениями в происках дьявола, крестьяне начали отказываться от участия в церковных богослужениях и принятия св. Таинств исповеди и причастия у «русских» ксендзов. Они сами крестили детей, освящали Пасху, хоронили умерших без священника, читали молитвы роженицам и т. д.² Аналогичные явления католической «беспоповщины» наблюдались и в Гродненской губернии³. Оставшиеся без паствы и дополнительных денежных средств ксендзы вынуждены были возвращаться к привычному для них использованию польского языка в проповеди и дополнительном богослужении.

В свою очередь, ксендзы, служившие по-польски, вопреки существовавшим запретам, тайно посещали приходы, в которых служили священники, принявшие русский «Требник», и за плату преподавали требы их прихожанам. По оценке администрации, подобная практика тайного посещения чужих приходов стала «одним из самых действенных способов борьбы польского духовенства против ксендзов, служащих по-русски». Подобными действиями, которые противоречили не только административным предписаниям, но и нормам канонического права самой Католической церкви, подрывался духовный авторитет «русских» священников в глазах местного католического населения. Кроме того, ксендзы,

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2182. Л. 3; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2172. Л. 2; Ф. 295. Оп. 1. Д. 3971. Л. 70, 81.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2424. Л. 2–3; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2241. Л. 12.

³ Всеподданнейший отчет Гродненского губернатора за 1871 год / Государственная публичная историческая библиотека России.

служившие по русскому «Требнику», несли серьезный материальный ущерб от противоправной богослужебной конкуренции своих духовных польскоязычных собратий¹.

В ответ на развернувшуюся кампанию по дискредитации русскоязычного богослужения, отступлений от взятых ранее обязательств служить «по-русски» и растущее противодействие мерам по введению русского языка со стороны отдельных ксендзов декан Сенчиковский, прелат Жилинский и минский губернатор прибегали к различным административным и церковным наказаниям. Ксендзов, которые противились требованиям Ф. Сенчиковского и решениям МВД, по распоряжению П. Жилинского переводили на другие приходы, штрафовали или отправляли в Несвижский доминиканский монастырь². По сообщению генерал-губернатора А. Л. Потапова, активное сопротивление введению русского языка в дополнительное богослужение наряду с ксендзами оказывало и католическое монашество. В связи с этим Потапов поддержал перед МВД предложение минского губернатора В. Н. Токарева о закрытии в Минске бенедиктинского женского монастыря. По указу императора от 19 февраля 1871 г. монастырь был закрыт, а его здания переданы православному духовному ведомству³.

Сложности, с которыми столкнулись Ф. Сенчиковский и его сторонники, заставили декана в июле 1874 г. обратиться к директору департамента духовных дел Э. К. Сиверсу с запиской, в которой с тревогой отмечал, что: «Чем более ослабевает поддержка в обращении католицизма, тем более усиливается польская агитация и пропаганда; и чем менее остается на поле борьбы лиц, преданных русскому делу, тем серьезнее и решительнее нападают на них фанатики и польские пропагандисты». Декан Сенчиковский предложил Э. К. Сиверсу организовать подготовку ксендзов, «искренне преданных России и престолу». С этой целью он предлагал изменение учебного процесса в римско-католических духовных семинариях. Их следовало «устроить на чисто русских началах»⁴.

Предложения минского декана были восприняты МВД. Как уже указывалось выше, Э. К. Сиверс и А. Е. Тимашев пытались внести перемены в учебно-воспитательный процесс в Виленской римско-католической семинарии, но безуспешно. Тем не менее, на основании ходатайства П. Жилинского, решением Александра II в Минской губернии были учреждены две постоянные визитаторские должности. 9 июля 1876 г. декан Ф. Сенчиковский был назначен визитатором костелов 1-го визитаторства и помощником управляющего Виленской римско-католической епархией по Минской губернии. Заведывание

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 184 об.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 2155. Л. 2; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2171. Л. 1–2; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2174. Л. 1–4; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2229. Л. 1–3, 12; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2231. Л. 2, 4; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2237. Л. 1–4; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2240. Л. 2–4. Необходимость наказания «упорствующих» ксендзов получала у Ф. Сенчиковского следующее религиозно-политическое обоснование: «Народ наш католический в здешнем крае по языку, чувству, убеждению и обычаям чисто русский, но его отрывает от России польский католицизм. Ксендз и костел для него все и вся, ибо в руках ксендза его драгоценнейшая частица, все его духовное существование. Ксендз вправе дать ему пекло, огонь и мучение или же рай, небо и блаженство. Но народу только разьясняют, и он убежден, что ему не добиться неба без религии, а религия в руках ксендза, и эта религия и этот ксендз польские, следовательно, надо быть поляком, дабы спастись, дабы быть счастливым. Вот то понятие, которое навязывалось и навязывается польско-клерикальной партией темной массе нашего народа. С уничтожением же в костеле польского языка уничтожается единственная связь, единственное огниво и цепь, соединяющие здешний край и народ с польскими идеями и притязаниями. Вот почему так серьезно не допускается введение русского языка в католическое богослужение и вот почему достойны строжайшего взыскания те ксендзы или польские пропагандисты, которые на религиозной основе и фундаменте строят политическо-польские идеи во вред России». См.: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3099. Л. 43.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 2922. Л. 71–75.

⁴ ОР РНБ. Ф. 52. Д. 61. Л. 2–4.

2-м визитаторством было поручено ксендзу И. Юргевичу. В утвержденной императором инструкции визитаторам костелов вменялось в обязанность: «... обращать особенное внимание на дело употребления русского языка в дополнительном богослужении и поведении, наблюдая, чтобы этот порядок был неуклонно поддерживаем там, где он уже введен, и содействуя к введению оного в других костелах своего визитаторства»¹.

Решения, принятые верховной властью, и особые полномочия, полученные визитаторами, свидетельствовали о том, что с 1876 г. политика обрусения костела в Минской губернии вступила в новый активный этап своего развития.

Анализируя сложившуюся в регионе ситуацию, Сенчиковский обратил внимание на одну из самых слабых сторон правительственной политики. По его мнению, неудачи правительства в борьбе с «польской партией» за умы прихожан не в последнюю очередь были вызваны практическим отсутствием необходимой пропагандистской поддержки в пользу указа от 25 декабря 1869 г. В сущности, проницательный визитатор признал и поставил в известность администрацию, что информационную войну с противниками указа правительство практически проигрывает. Сенчиковский призывал правительство преодолеть ограниченность и инертность сугубо бюрократического решения проблемы обрусения костела и воспользоваться опытом своих противников, т. е. открыть встречную пропагандистскую кампанию. На пропагандистский вызов ксендза Пиотровича, его местных и зарубежных сторонников следовало дать богословски убедительный и идеологически выверенный ответ, способный объяснить легальный характер введения русского языка с канонической и догматической точки зрения.

Объясняя необходимость перемен в сложившейся тактике обрусения костела, Сенчиковский писал: «... если мы не образумим народ и духовенство более серьезными мерами, нежели словесными только заявлениями, если предоставим польской партии письмами, брошюрами, газетами и клерикальными заявлениями, печатанными за границей, проводить польскую идею, а мы в пользу русского языка и во вред польским стремлениям ничего в этом роде не предпримем, то, смогу положительно сказать, мы не успеем в достижении цели»².

Действуя в соответствии с полученной инструкцией, Ф. Сенчиковский 24 декабря 1876 г. издал свой знаменитый циркуляр римско-католическому духовенству 1-го визитаторства Минской губернии, в котором разъяснял, что: «Русский язык разрешено и поручено употреблять в дополнительном нашем римско-католическом богослужении, единственно имея в виду благо, спокойствие края, а равно и той части населения, которая исповедует римско-католическую религию. Мера эта нисколько не противна духу святой римско-католической религии и нисколько не изменяет римско-католические соблюдаемые нами обряды; напротив, государь император, в отеческой заботливости о всех своих верноподданных предоставляет нам, католикам, полную свободу исповедания святых догматов римско-католического костела»³.

Текст циркуляра содержал развернутую богословскую аргументацию со ссылками на историю и каноническое право Римско-католической церкви, призванную доказать, что употребление народных языков в дополнительном богослужении не только не противоречило догматам Церкви, но и было одобрено, а в некоторых случаях и вменено в обязанность духовенству решениями Соборов и римских пап. С получением циркуляра, полагал визитатор, духовенство «будет иметь в своих руках основанное на неопровержимых фактах доказательство той пользы, какую приносит римско-католической религии, костелу и обществу употребление русского языка»⁴.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3082. Л. 48; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3099. Л. 112.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3099. Л. 61 об.

³ *Жиркевич А. В.* Из-за русского языка. На родине Белоруссии // Минская старина. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. Вып. 3. Ч. 1. Вильна, 1911. С. 361.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3099. Л. 192.

Однако в убедительной историко-церковной и богословской аргументации Сенчиковского был важный недостаток канонического характера, существенно ослаблявший ее пропагандистское воздействие на духовенство и паству. Приводя примеры принципиальных церковных решений в области введения народных языков в дополнительное католическое богослужение, визитатор, в силу объективных обстоятельств, не мог указать на конкретное постановление Виленского епископа, разрешавшего использование русского языка взамен польского. Без этого авторитетного решения, канонической власти прелата Жилинского и ярких полемических и организационных способностей самого визитатора для эффективного противодействия «польской партии» было явно недостаточно. Пропагандистский эффект циркуляра Сенчиковского оказался кратковременным. Рациональные аргументы визитатора оказывались бессильными перед эффективными пропагандистскими приемами его многочисленных противников.

Тем не менее позитивные перемены, произошедшие в служебном положении Ф. Сенчиковского, усилили на время позиции правительства среди духовенства Минской губернии. Новые властные полномочия позволяли энергичному и настойчивому Ф. Сенчиковскому и его сторонникам упрочить контроль за выполнением ксендзами взятых на себя ранее обязательств и продолжить организационно-пропагандистские усилия по реализации указа от 25 декабря 1869 г. В результате процесс введения русского языка в дополнительное католическое богослужение получил новый импульс. Подписку об употреблении русского языка в Клецком костеле Слуцкого уезда дали в феврале 1877 г. настоятель и vikарный этого костела – Ю. Подлипский и К. Подлипский. Это произошло во время канонической ревизии костела визитатором 2-го визитаторства костелов Минской губернии И. Юргевичем. По этому случаю ксендз Юргевич произнес проповедь на русском языке, «против чего собравшийся народ не выказал ни малейшего неудовольствия»¹.

Желание о введении русского языка в ноябре 1877 г. выказали настоятель Давид-Городецкий костела Мозырского уезда ксендз Вержейский и его прихожане. Визитатору И. Юргевичу управляющим епархией было поручено, «согласно параграфу 1 данной визитаторам инструкции, иметь неослабное наблюдение за тем, чтобы и впредь в Давид-Городецком костеле дополнительное богослужение, молитвословия и проповеди были произносимы на русском языке»². Под влиянием проповеди Ф. Сенчиковского русский язык был введен в каплице околицы Шатилки Бобруйского уезда. Прихожане этой каплицы выказали желание, чтобы ксендз вместо польского употреблял только латинский, русский или белорусский языки. Прихожане заявляли, что они сами не говорят на польском языке и не имеют общего с польской интеллигенцией, напротив, они всегда были и остаются верными правительству и России³.

Однако успехи сторонников обрусения католичества оказались недолгими. В этой политике правительство смогло опереться только на сравнительно небольшую часть римско-католического духовенства. Однако реальных успехов в этом деле можно было добиться, только получив поддержку епископата. Как раз вот этой самой главной и авторитетной поддержки у правительства и не было. Более того, в борьбу на стороне приерженцев польской идентичности белорусского костела властно вмешался Рим.

В связи с упразднением в 1875 г. унии на Холмщине к Папе Пию IX была направлена депутация, чтобы заявить о новом ударе, который постиг Римско-католическую церковь в Царстве Польском. Одновременно группе паломников было поручено представить Папе петицию о языке дополнительного богослужения в Римско-католической церкви на территории России. Вот как описывает политическую и каноническую подоплеку событий

¹ ЛГИА. Ф. 694. Оп.1. Д. 2360. Л. 348–349. Ксендз И. Юргевич недолго пробыл на посту визитатора. За злоупотребления властью, неуживчивый характер и конфликты с прихожанами в 1879 г. он был отстранен от занимаемой должности. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3083. Л. 134.

² ЛГИА. Ф. 694. Оп.1. Д. 2360. Л. 358, 398.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3099. Л. 213.

А. В. Белецкий: «Было решено не касаться в петиции вопроса о национальности и языке живущих в России католиков и только просить его (т. е. Папу) о не разрешении заменять польский язык дополнительного богослужения русским. Правда, в приходах, население которых было непольского происхождения, польский язык сделался языком дополнительного богослужения совершенно незаконно, вопреки требованиям канонического права самой Римско-католической церкви...

На основании этих правил польский язык мог быть признан языком дополнительного богослужения лишь в тех костелах, прихожане которых употребляют этот язык в качестве *семейного* языка, и католики непольской национальности не могли быть лишены священного, неотъемлемого права молиться на своем языке... Но входить в эти тонкости признано было ненужным. Расчет при этом был на то, что, вследствие разрыва сношений папского престола с правительством России, Папа не будет просить от русского правительства объяснения по поводу этой петиции, а римским конгрегациям не будет интереса подвергать петицию критическому анализу.

Вот текст петиции Папе: «Люди, благоприятствующие «схизме», в последние годы всячески стараются ввести русский язык в публичное богослужение католических церквей латинского обряда в провинциях Польши, Литвы и других, подчиненных Русской империи. Новшество это состоит в том, что в тех частях св. литургии и при совершении таинств, которые называются дополнительным богослужением и которые, *по обычаю*, с незапамятных времен совершались на языке польском, ныне покровители «схизмы» стараются вместо польского языка ввести русский, не без серьезной опасности для католической веры и величайшего смущения и оскорбления верующих.

В таких тяжелых обстоятельствах многие священники и миряне Католической церкви для успокоения совести своей и многих других обратились к апостольскому престолу с просьбой дать им помощь и совет. Итак, единственно для сохранения святой религии католической, которую они приняли от своих предков, для спокойствия их совести, поименованные священники и верующие умоляли о решении следующих вопросов:

1) Позволиительно ли в богослужении, которое называют дополнительным, заменить польский язык, который был в употреблении с незапамятного времени, без разрешения св. престола русским языком?

2) Терпит ли св. престол такую замену польского языка русским и следует ли считать ее терпимой?

Как видите, – заключает А. В. Белецкий, – вся петиция написана так, как будто в России нет католиков, которые бы говорили на ином языке, кроме польского... Как и следовало ожидать, на оба поставленных вопроса конгрегация св. Оффиции 11 июля 1877 г. дала отрицательный ответ»¹.

Декрет конгрегации о запрещении введения в дополнительное богослужение русского языка, принятый по политическим мотивам, тем не менее являлся авторитетным каноническим актом для иерархии и духовенства Российской империи. Однако это вовсе не значило, что Католическая церковь в России должна была ему подчиниться. Во-первых, как уже отмечалось, в то время дипломатические отношения между российским государством и Ватиканом в 1866 г. были расторгнуты. Восстановлены они были только в 1894 г., после долгих стараний Папы Льва XIII².

Во-вторых, и это главное, согласно российскому законодательству: «Никакие акты, буллы, послания и всякого рода постановления и распоряжения Римского Папы и его правительства не имеют в пределах Российского государства, не исключая и Царства

¹ Белецкий А. В. Как Папа Римский решил вопрос о языке дополнительного богослужения в римско-католических костелах России // Виленский календарь на 1908 г. Вильна, 1908. С. 42–45; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 1.

² Смолч И. К. История Русской церкви. 1700–1917. Кн. 8. Ч. 2. М., 1997. С. 298.

Польского, законной силы, ... если они не были предварительно представлены министру внутренних дел»¹.

Разумеется, что требования российского законодательства распространялись и на этот папский документ, который, впрочем, так и не был представлен Римской курией на рассмотрение правительства. Таким образом, решение конгрегации св. Оффиции на территории империи не имело обязательной канонической силы. Но это не помешало сторонникам сохранения польской идентичности костела негласно принять этот декрет к руководству. Последствия стали сказываться довольно скоро. МВД начало отмечать, что прежние активные исполнители императорского указа от 25 декабря 1869 г. заколебались в своем служебном усердии.

В частности, вице-директор департамента духовных дел МВД А. Н. Мосолов в декабре 1878 г. замечал прелату П. Жилинскому, что тот при переводе священников, служивших по-русски, на новые приходы, где также был введен русский язык, не указывает им на необходимость дальнейшего обязательного служения на русском языке. «Подобное умолчание, – подчеркивал Мосолов, – может, при известном настроении, подать повод к сомнениям относительно перемен в ваших взглядах и направлении. Во избежание сего, управляющий министерством уполномочил меня... просить вас не отказать, с прежней энергией относиться к делу согласного с видами правительства, устройства церковной администрации римско-католических приходов Минской губернии»².

Начавшееся быстрое сокращение числа приходов, в которых был введен русский язык, вынудило департамент духовных дел МВД в конце 1878 г. направить А. Н. Мосолова в Минскую губернию для изучения сложившегося положения дел. Мосолов, изучив ситуацию, выделил ряд причин, которые, по его мнению, обусловили «неуспех русского дела в Минской губернии». К ним он отнес: «1. Противодействие польского поместного дворянства и ополяченной шляхты, преимущественно женщин; 2. Несочувствие духовенства, опасения как за себя лично, так и за исход самого дела; 3. Недостаток духовенства во всех епархиях и сравнительная бедность приходов Минской губернии; 4. Охлаждение управляющего епархией и шаткость его личного положения; 5. Крайняя бездарность и самоуправство визитаторов и отсутствие всякого у них личного авторитета, кроме власти, искусно ими захваченной»³.

С последним выводом нельзя полностью согласиться. Если по отношению к визитатору И. Юргевичу характеристика А. Н. Мосолова может быть признана объективной, то в отношении Ф. Сенчиковского упреки в «бездарности» выглядят предвзятыми и совершенно натянутыми. Мосолов предложил МВД «устроить положение визитаторов вне настоящих должностей и не замещать их новыми», что, впоследствии, и было сделано.

На ухудшении ситуации, сложившейся с введением русского языка в костелах Минской губернии, оказали события, вызванные внешнеполитическими инициативами российского правительства. В конце 1877 г. между российским правительством и Римской курией были прерваны всякие непосредственные отношения. Это произошло после того, как представитель России возвратил папскому статс-секретарю кардиналу Симеони меморандум Папы Пия IX, в котором содержались резкие обвинения российского правительства в нетерпимости по отношению к Римско-католической церкви в Российской империи, и «различные требования, подкрепленные даже угрозами». В ноте кардинала Симеони в числе прочих обвинений следует отметить и протест против введения русского языка в дополнительное богослужение⁴.

¹ Устройство Римско-католической церкви в России (за исключением Царства Польского). СПб., б/г. С. 15.

² ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2360. Л. 403, 409.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 259.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 104 об.

Несмотря на этот новый разрыв, российское правительство пошло на «значительное смягчение» своей политики в отношении Римско-католической церкви. Как отмечалось в утвержденном Александром II 23 февраля 1878 г. журнале Особого совещания по католическим делам, это произошло: «... не в главных началах, положенных в основу нашей внутренней политики в отношении к Римско-католической церкви в России, но лишь в способах их применения на практике. Это смягчение выразилось в более внимательном отношении к действительным религиозным потребностям католического населения, и в частности, – в постепенном возвращении нарушенного политическими обстоятельствами церковного строя на путь законный»¹.

Особое совещание, в состав которого входили высшие сановники империи – Д. Милютин, П. Валуев, С. Урусов, А. Тимашев, Д. Набоков, Н. Мезенцев и Н. Гирс, высказало свое мнение и относительно проблемы введения русского языка в дополнительное католическое богослужение. В частности, в журнале совещания (в ответ на решение св. Оффиции 11 июля 1877 г.) говорилось о необходимости: «Поддержать, безусловно, тех римско-католических духовных лиц, которые подвергаются в настоящее время преследованию единственно за то, что не повинуются польским национальным стремлениям. Во главе этих лиц находятся прелаты, управляющие на законном основании епархиями удаленных епископов, а также священники белорусских губерний, способствующие введению в их приходах русского языка при дополнительном богослужении. Подготавливая уже использованные средства и условия, вводить постепенно и в пределах необходимой осторожности, обязательное употребление русского языка вместо польского при дополнительном богослужении в губерниях белорусских, а впоследствии и юго-западных, ограничиваясь в отношении уездов Витебской губернии, населенных латышами, воспрещением употреблять чуждый населению польский язык»².

После кончины Папы Пия IX 20 февраля 1878 г. на престол святого Петра был избран Лев XIII (1878–1903). Вновь избранный Папа выказал желание возобновить отношения с российским правительством. Переговоры с папским нунцием кардиналом Якобини, в которых участвовал директор департамента духовных дел МВД А. Н. Мосолов, начались в Вене. Первый этап переговоров завершился в конце 1880 г. Правительство добилось от Римской курии признания законности упразднения им «по политическим причинам» трех католических епархий в России, «и притом с такой переменной в отношении одной из них (бывшая Минская), которая наиболее отвечает нашим государственным видам». Достигнутый государственный интерес виделся в том, что: «Минская епархия, в свое время вследствие прежних случайных соображений присоединенная к епархии Виленской, где польский элемент сильнее, отделяется от нее и, вследствие наших настояний, присоединяется к однородной с ней по племенному составу епархии Могилевской. Это последнее условие, – писал императору А. Н. Мосолов, – цель которого вполне известна Римской курии, само по себе представляет весьма важную и существенную для нас выгоду»³.

В области, бывшей предметом острых политико-канонических споров, Римская курия также пошла на серьезные уступки российскому правительству. Высланные в свое время за «сочувствие» польскому восстанию епископы, включая и Виленского епископа А. Красинского, освобождались от канонической связи со своими епархиями. Папа принял решение «отказаться от епископов», которые воспринимались польским населением как жертвы политических репрессий и гонений на католичество. Однако, как докладывал императору А. Н. Мосолов, «Римская курия не только отклонила все наши домогательства относительно введения русского языка в дополнительное богослужение, но настояла, чтобы этот вопрос вовсе не входил в программу предстоящих переговоров»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 1556. Л. 5 об.

² Там же. Л. 48 об.–49.

³ Там же. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 18.

Однако, несмотря на жесткую неуступчивость Римской курии в этом принципиальном вопросе, правительство не отказалось на продолжение переговоров. Мотивами такого решения стала взаимная заинтересованность в «восстановлении правильного иерархического устройства» в ряде католических епархий Российской империи и обсуждении проблем католических семинарий в Западном крае. Правительство беспокоило то негативное обстоятельство, что в случае продолжения разрыва отношений с Римской курией неизбежно возникнет ситуация, когда большинство епархий останется без епископов, а большинство приходов без священников. «Такое положение дел Католической церкви в глазах населения, – отмечал А. Н. Мосолов, – не углубляющегося в причины явлений, было бы равносильно утрате свободного исповедания веры»¹. Правительство не могло допустить такой невыгодной в религиозно-правовом и социально-политическом отношении ситуации, и переговоры были продолжены.

События, связанные с трагической гибелью 1 марта 1881 г. императора Александра II и воцарением нового монарха, на время приостановили переговорный процесс.

Окончательно соглашение с Римской курией было подписано 24 декабря 1882 г. На переговорах не обсуждались такие принципиальные темы, как восстановление конкордата, учреждение в России нунциатуры или введение русского языка в дополнительное католическое богослужение. Решение получили вопросы практического характера. Папа подтвердил достигнутые ранее договоренности об упразднении трех епархий и замещении некоторых епископских должностей, в связи с тем, что прежние епископы, поддержавшие восстание 1863 г., были отправлены в ссылку. Были урегулированы вопросы о соотношении церковного и государственного контроля над семинариями. 15 марта 1883 г. Лев XIII назначил новых епископов. Римско-католическая иерархия в Царстве Польском и Западном крае была восстановлена². Соглашением с Римом правительство стремилось подвести известную черту под событиями 1863 г., делая ставку на новый, лояльный в политическом отношении епископат.

На основании этого соглашения архиепископ Могилевский Александр Дзевалтовский – Гинтовт был назначен указом императора Александра III митрополитом всех римско-католических церквей в империи³. Ему же было поручено заведование приходами упраздненной Минской римско-католической епархии, которой ранее управлял администратор, прелат П. Жилинский.

Правительство рассчитывало увидеть в лице нового митрополита сторонника введения русского языка в дополнительное богослужение. Однако митрополит не оправдал возлагавшихся на него надежд. Вскоре после своего назначения католический иерарх открыто заявил себя убежденным противником продолжения политики обрусения костела. Он обратился ко всем деканам Минской епархии с циркуляром, в котором доказывал, что согласно ст. 44 Устава иностранных исповеданий в делах веры и церковного служения священники обязаны руководствоваться распоряжениями своего духовного начальства, а не требованиями гражданской власти. В ответ министерство внутренних дел, опираясь на повеление императора, разъяснило всем римско-католическим епархиальным начальникам точный смысл указанной статьи, согласно которой: «Епархиальному начальнику принадлежит право надзора только за духовными учреждениями и за поведением духовенства, но отнюдь не право вмешательства в распоряжения светской власти, предписания которой должны быть в точности исполнены всеми без различия»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. За. Д. 1556. Л. 29.

² *Ливцов В. А., Филонов В. И., Лепилин А. В.* Взаимоотношения православия и католицизма в истории России в контексте единства церкви. М., 2006. С. 140.

³ *Жиркевич А. В.* Из-за русского языка. В изгнании // Минская старина. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. Вып. 3. Ч. 2. 1911. С. 28.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 147.

Однако это разъяснение МВД никак не повлияло на позицию митрополита Гинтовта, который, настойчиво отстаивая собственную интерпретацию должного соотношения между государственными законами и каноническим правом, начал отказывать правительству в назначении новых священников на вакантные места в приходах, настоятели которых приняли ранее подписку о введении русского языка в дополнительное богослужение. Митрополит решительно отвергал установленный МВД порядок правоприменения указа от 25 декабря 1869 г., согласно которому ксендзы, вновь назначаемые на такие приходы, должны были обязательно служить по-русски. В свою очередь, правительство не собралось уступать настояниям католического иерарха и замещать приходы, принявшие русский язык, ксендзами, служащими на польском языке. Более того, минский губернатор А. И. Петров подвергал денежным штрафам, заключению в Виленский монастырь кармелитов и переводил на другие приходы священников, отказывавшихся под давлением митрополита Гинтовта от употребления русского языка. В августе 1883 г. А. И. Петров строго предписал деканам Минской губернии, что в случае недостатка наблюдений с их стороны за подчиненным им духовенством, а тем более попустительства к нарушению установленных правил он будет просить министра внутренних дел о привлечении их к ответственности¹.

Свое противодействие сложившемуся порядку назначения священников на русскоязычные приходы митрополит Гинтовт обосновывал отсутствием разрешения на введение русского языка со стороны Папы Римского. Действия каноника Ф. Сенчиковского и его сторонников в Минской губернии митрополит считал нарушением норм канонического права Римско-католической церкви. Правда, при этом митрополит не упомянул изданное ранее предписание управляющего Могилевской архиепархией епископа И. Станевского, который утверждал, что введение русского языка молитвы и богослужения не противоречит каноническим правилам Римско-католической церкви. Не вспоминал митрополит и то немаловажное историческое обстоятельство, что польский текст «Требника таинств», по которому ксендзы преподавали таинства и обряды католикам Литвы и Белоруссии, не имел санкции Папы и был напечатан с одобрения местного епископа².

В сущности, действия митрополита Гинтовта сводились к тому, чтобы заставить российское правительство подчиниться решению конгрегации св. Оффиции от 11 июля 1877 г., которое на территории России не только не имело законной силы, но и было направлено против исполнения императорского указа от 25 декабря 1869 г. Противодействуя выполнению высочайшей воли, митрополит фактически нарушал российское законодательство, лишая российских подданных права использовать предоставленную им монархом возможность молиться на русском языке. В то же время, прибегая к каноническим и правовым аргументам, митрополит пытался манипулировать действиями правительства, практически содействуя вмешательству Рима во внутренние дела Российской империи.

Так, в записке митрополита, направленной министру внутренних дел Д. А. Толстому 4 марта 1884 г., говорилось: «... моя совесть не дозволяет мне одобрять то, чтобы веренное мне духовенство Минской губернии отступало от церковных постановлений. Если бы я допустил чего-либо подобного – это было бы с моей стороны не только нарушением церковных законов, но и явным отступлением от Церкви... только апостольский престол имеет власть исправлять, дозволять или запрещать обряды как в Латинской, так и в Восточной церкви, а затем, принятые в Церкви обряды, низшие власти не только уничтожать, но ни в чем переменять не могут без согласия апостольского престола»³. Вы-

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 137–138.

² *Владимиров А.* История располочения Западно-Русского костела // Русское обозрение. 1896. № 5. С. 299.

³ *Жиркевич А. В.* Из-за русского языка. В изгнании. // Минская старина. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. Вып. 3. Ч. 2. 1911. С. 60–61.

ставив в защиту польского языка аргументы канонического характера, митрополит был не чужд и верноподданнической риторики, призванной убедить министра в социальной, духовной и даже политической опасности, проистекающей из инициативы Ф. Сенчиковского и его соратников.

Демагогические обвинения, к которым прибегал митрополит для дискредитации своих подчиненных, взявших на себя инициативу по реализации указа от 25 декабря 1869 г., столь выразительны, что есть смысл привести их целиком. «Следовательно, желать, чтобы духовенство в этом отношении поступало самовольно, значит требовать от него чего-то антирелигиозного, требовать, чтобы у него, равно как у социалистов и нигилистов, не было ничего святого, а все считалось возможным и позволительным. Не социализмом и пагубным нигилизмом, а богобоязненностью и точным исполнением, как религиозных, так и гражданских законных требований, обеспечивается благоденствие государства и счастья народа. В деятельности, ведущей к безверию, каким бы она не была осенена предлогом, я соучастником быть не могу, а по долгу моей совести и верноподданнической присяги я обязан тщаться устранять зло, и что в этом лежит моя прямая и святая обязанность»¹.

Заявленная решимость приступить к «устранению зла» не замедлила проявиться в конкретных мерах. Каноник Ф. Сенчиковский, обвиненный в различных нарушениях церковной дисциплины и аморальном поведении, в 1883 г. был направлен на службу в качестве военного капеллана в Туркестанский край. На священников, служивших по-русски, началось жесткое экономическое давление. На этот раз со стороны Могилевской римско-католической духовной консистории, руководимой митрополитом Гинтовтом. Консистория перестала высылать этим священникам положенное государством жалованье. Минский губернатор А. И. Петров вынужден был в 1884 г. просить министра внутренних дел Д. А. Толстого оградить священников от преследований митрополита Гинтовта и подведомственных ему лиц. Губернатор предлагал министру обеспечить своевременным содержанием Борисовского декана М. Лукашевича, настоятеля Игуменского костела И. Бертовича и других священников, которым консистория не назначила «никакого содержания». Просьба минского губернатора была удовлетворена, и священники, служившие на русском языке, начали получать дополнительное жалование, делавшее их экономически независимыми от финансового бойкота со стороны польского дворянства и Могилевской консистории².

Однако это не остановило митрополита Гинтовта. Он по-прежнему требовал от духовенства Минской губернии отказа от применяемого МВД порядка выполнения указа от 25 декабря 1869 г., одновременно доказывая Д. А. Толстому необходимость направить процесс введения русского языка в дополнительное римско-католическое богослужение «на правильный канонический путь».

Следует отметить, что министр внутренних дел Д. А. Толстой не питал иллюзий относительно подлинных мотивов, которыми руководствовался митрополит Гинтовт, апеллируя к ценностям канонической дисциплины и светского правопорядка. Выставляя в качестве аргумента приоритет канонического права Католической церкви в решении

¹ *Жиркевич А. В.* Указ соч. С. 61.

² НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 3971. Л. 12–13.

Так называемое добавочное содержание священникам, служившим на русском языке, не составляло значительной по тем временам суммы. Согласно ведомости на 1891 г. общая сумма доплат за год составила 6568 рублей. Указанная сумма делилась на 10 священников и 34 органиста. Органистам платили по 180 рублей в год. Жалованье духовенства, включая и доплаты, не превышало 600 рублей в год. Этих денег хватало для достойного существования celibатного священника, но не более того. Можно сказать, что финансовая мотивация в выборе русского языка не была решающей. Финансовые доплаты, введенные МВД с 1871 г., играли скорее компенсаторную роль, возмещая потери за утраченные требы. См.: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 5164. Л. 2; Ф. 295. Оп. 1. Д. 3303. Л. 1–6; РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 277. Л. 208.

церковно-государственных проблем над российскими законами, митрополит, ссылаясь на волю Рима, фактически еще раз подтверждал правоту департамента духовных дел МВД о существующей «солидарности» польского духовенства с «идеями о племенном обособлении». Отношение министерства к аргументам митрополита Гинтовта можно понять, обращаясь к материалам отчета Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД за 1882–1888 гг. Оценивая религиозно-этническую ситуацию в России в этот период, Департамент отмечал, что: «Смещение этих двух понятий – народность и религия – предоставляется выгодным и для духовенства, и для представителей национальных мечтаний. Духовенство получило возможность усилить свое влияние на население и подчинить себе не только низшие, но и высшие слои иностранного общества. Под предлогом религии оно поддерживало и усиливало национальную обособленность, – противилось тайно или явно всему, что могло способствовать к уничтожению племенной розни»¹. Указанные характеристики инославного духовенства относились в первую очередь к сложившейся практике взаимосвязи католичества с польской идентичностью иноэтнических прихожан, в первую очередь белорусов.

В свете вышесказанного становится очевидным, что министерство в этот период не могло принять предлагаемый митрополитом «канонический путь» решения проблемы введения русского языка, откровенно нарушавший правовой суверенитет российского государства. Оно также отдавало себе отчет и о неизбежных негативных последствиях реализации такого «пути» для судеб русского языка в костелах Минской губернии. Отвечая в сентябре 1884 г. на ходатайство митрополита о прекращении взысканий, налагаемых минским губернатором А. И. Петровым на ксендзов, не соблюдавших установленного порядка дополнительного богослужения на русском языке, Д. А. Толстой напомнил митрополиту, что: «Мера эта, примененная к некоторым римско-католическим приходам Минской губернии с преобладающим белорусским населением, установлена бесповоротно и никакому изменению или новому рассмотрению не подлежит.

Неоднократные ссылки вашего высокопреосвященства на то, что прихожане тех церквей, в коих русский язык употребляется, не изъявляли на это согласия, как того требует помянутое Высочайшее повеление, и протестуют против сего ныне, не отвечает действительному положению вещей, ибо согласие это было дано при установлении сего порядка, дальнейшие же и теперешние протесты делаются незначительным числом лиц, не сочувствие коих к означенной мере усердно поддерживается их приходскими священниками. Не признавая, по сим соображениям, себя вправе оставлять нарушителей помянутой высочайшей воли безнаказанными, я не нахожу возможным удовлетворить означенное ходатайство»².

Справедливости ради следует отметить, что сам Д. А. Толстой в конечном итоге пришел к выводу, что существовавшую практику введения русского языка в костел следует отнести к области неудачных мер, которые, по его мнению, подрывали доверие населения к правительству и были вредными «для русского дела на нашей западной окраине»³.

Обострению настроений враждебности католического населения к решению правительства способствовали и действия православной иерархии и духовенства, которые при поддержке губернаторов пытались сократить количество костелов и влияние католического клира в Минской епархии. Епископ Варлаам разделял взгляды губернатора А. И. Петрова о том, что «борьба против римского католицизма, искушенного и не пренебрегающего никакими средствами, едва ли под силу одним православным священнослужителям или гражданским властям, действующим с помощью административных наказаний».

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 3.

² *Жиркевич А. В.* Из-за русского языка. В изгнании // Минская старина. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. Вып. 3. Ч. 2. 1911. С. 68–69.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 51; Ф. 821. Оп. 10. Д. 64. Л. 16.

Губернатор полагал, что эффективное противодействие римскому католицизму, угрожающего Православной церкви и русской народности, «может быть успешным только при массовой поддержке всего русского населения губернии»¹.

Восприняв воззрения губернатора как указание к действию, епископ в июле 1884 г. издал секретный циркуляр духовенству Минской епархии. Распоряжение Варлаама предписывало священникам, в приходах которых проживали католики, принадлежащие костелам с вакантными должностями ксендзов, сообщать о «своих наблюдениях в отношении того, как воспользоваться отсутствием в таких приходах ксендзов для пользы православия и русской народности».

Одним из ответов на циркуляр стало донесение священника Плещеничской церкви Борисовского уезда Иакова Садовского, который предложил Минской духовной консистории закрыть соседний Околовский костел. Священник мотивировал свое предложение тем, что после смерти настоятеля этого костела местной шляхтой было собрано 500 рублей, чтобы «купить себе ксендза “неподписного”, т. е. не подписавшегося на русское добавочное богослужение». По его мнению, костел в Околове следовало закрыть и вернуть его Православной церкви и русской народности как «древнее достояние». Переосвящение костела в церковь во имя Бориса и Глеба должно было «попрать польскую ложь, будто здесь испокон веку было католичество, а православия не существовало». Донесение священника не повлекло за собой административных решений. Указанные в нем основания для закрытия костела «как общие и обыкновенные в отношении влияния католицизма» были признаны консисторией юридически не обоснованными. Как было сказано в ответе, в противном случае, консистории пришлось бы: «Ходатайствовать о закрытии не одного, а всех костелов в епархии, что не может быть допущено существующей по законам Российской империи веротерпимости»².

Однако не все предложения духовенства оставались без желаемых практических последствий. По данным МВД, анализировавшего мотивы закрытия костелов в Западном крае с начала 1860-х гг. и до начала 1890-х, в перечне причин, приведших к упразднению ряда костелов, указывалось «вредное влияние в деле введения русского языка в дополнительное католическое богослужение»³.

Костел в местечке Хотаевичи Борисовского уезда был закрыт в 1885 г. по «повелению» Александра III вследствие «вредного влияния на православное население» и за отказ ввести в дополнительное богослужение русский язык. В местечке Кемешеве того же Борисовского уезда «повелением» Александра в 1885 г. также был закрыт костел за нежелание епархиального католического начальства в лице митрополита Гинтовта ввести русский язык в дополнительное богослужение⁴.

Так непримиримость позиции митрополита, действовавшего согласно нелегитимному для Российского государства декрету св. Оффиции, приводила на практике к тяжким негативным последствиям для местного католического населения, лишившегося, таким образом, необходимого для него «христианского утешения».

Комитет министров, обсуждавший в ноябре 1886 г. проблемы обрусения костела, отметил в своем решении, что закрытия костелов, потребовавшие одобрения императора, имели характер «лишь устрашения» и в дальнейшем могли бы применяться «только в редких случаях»⁵. Жесткие меры правительства порождали сильное ответное противодействие. Низовое сопротивление введению русского языка на приходах выливалось в эксцессы и различные проявления насилия.

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 3971. Л. 105.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 36367. Л. 1–7.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 63.

⁴ Белов Ю. Ст. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям в России в 1905–1917 гг.: дис. ... на соискание уч. степени канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 239–240.

⁵ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1885. Д. 1071. Л. 98 об.

В декабре 1883 г. из местечка Камень Минского уезда разъяренной толпой прихожан местного костела был изгнан органист Невяровский, получивший образование в школе, организованной каноником Сенчиковским. Причиной изгнания стал русский язык, на котором служил органист. Упомянутый выше ксендз М. Олехнович, давший подписку о служении на русском языке, должен был принять вакантный Першайский костел, настоятель которого, отказавшийся служить на русском языке, был переведен на другой приход. Однако фанатичные прихожане не допустили ксендза к костелу. Бывший на месте событий минский уездный исправник пытался с помощью полиции и солдат преодолеть сопротивление прихожан, но вынужден был отступить. Передача костела ксендзу Олехновичу не состоялась.

Подобный инцидент произошел и в местечке Раков. Местный ксендз был переведен на другой приход за отказ совершать богослужение на русском языке. Назначенный на его место ксендз В. Кушелевский не мог принять костел, так как воинственно настроенная толпа прихожан, не желавшая, чтобы «русская речь слышалась в костеле», начала швырять в него грязью. Полиция, пытавшаяся оказать содействие священнику, оказалась бессильной и даже пострадала от действий разъяренной толпы. Полицейский исправник вынужден был отозвать Кушелевского. И на этот раз передача костела новому настоятелю не состоялась¹.

С изданием Декрета св. Оффиции Виленский епископ К. Гриневецкий и Могилевский архиепископ А. Гинтовт обрели нелегальное каноническое основание для противостояния правительству в вопросе введения русского языка. Одновременно иерархия, используя полученную от императора епископскую власть, получила возможность преследования и дискредитации тех представителей духовенства, кто проявил инициативу в исполнении указа от 25 декабря 1869 г.

Епископ К. Гриневицкий, вступивший на виленскую кафедру в апреле 1883 г., в официальном обращении к генерал-губернатору И. С. Каханову заверял последнего «в единственном моем стремлении: ревностным служением церкви принести посильную пользу престолу и отечеству»². «Ревностное служение» епископа проявилось в организации гонений на священников, поддержавших инициативу правительства по обрусению костела, прелатов Ф. Сенчиковского, А. Копцеговича, И. Малышевича и др. Бывший администратор епархии прелат П. Жилинский во время своей поездки в Рим покаялся перед Папой в «незаконных действиях», совершенных им для пользы российского правительства. Покаяние Жилинского ухудшило положение оставшихся сторонников введения русского языка в дополнительное богослужение. Епископ запретил священнодействовать прелату Виленского капитула А. Копцеговичу. Был лишен священного сана настоятель Гродненского фарного костела и Белостокский архидиакон И. Малышевич. При этом, по словам И. С. Каханова, епископ Гриневицкий руководствовался «одними личными своими соображениями, не основываясь ни на каких фактических данных к подтверждению возводимых им обвинений». Был лишен права священнодействовать и каноник Ф. Сенчиковский, проживавший в это время в гродненском францисканском монастыре.

В связи с этим генерал-губернатор И. С. Каханов в специальной записке докладывал императору Александру III, что преследования, которым епископ Гриневицкий подвергает преданных правительству лиц, могут постигнуть и законоучителей, преподающих Закон Божий ученикам-католикам на русском языке. От этого, отмечал Каханов, религиозное воспитание римско-католического юношества, под страхом епископской кары, будет направляемо несогласно с видами правительства³. И действительно, по указанию Грине-

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35945. Л. 7–8.

² ЛГИА.Ф. 694. Оп. 1. Д. 2441. Л. 6.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1885. Д. 1071. Л. 8–9, 21.

вицкого, сделанному без санкции генерал-губернатора, были уволены законоучители: виленского Мариинского высшего женского училища прелат Берджинский и гродненских мужских и женских гимназий ксендз Заустинский¹.

Правоту И. С. Каханова подтвердил и министр внутренних дел Д. А. Толстой, заметивший, что: «Одной из причин, вызвавших увольнение Виленского епископа Гриневицкого от должности и административную его высылку из епархии, было засвидетельствованное генерал-губернатором гонение, воздвигнутое этим прелатом на законоучителей, преподающих свой предмет на русском языке»².

В январе 1885 г. императорским повелением епископ К. Гриневицкий был уволен от занимаемой должности и выслан на постоянное жительство в Ярославль под надзор полиции³.

После высылки Гриневицкого из Вильно И. С. Каханов обратился к прелату А. Копцеговичу с предложением произнести в соборе проповедь на русском языке. Прелат согласился. После этого к нему немедленно стали поступать угрозы от местных католиков, что священника постигнет участь ректора Э. Тупальского. И. С. Каханов, не желая подвергать жизнь прелата Копцеговича смертельной опасности, предоставил произнесение проповеди на его усмотрение. Прелат проявил мужество и заявил генерал-губернатору, что произнесет проповедь на русском языке в ближайшее воскресенье. Но до этого срока дожить ему не удалось. «Несколько фанатичных полек», проникнув в его жилище, так жестоко избili его, что через несколько дней Копцегович скончался.

После трагической гибели прелата Копцеговича настроение ксендзов, некогда участвовавших в располнении белорусского костела, А. П. Владимиров выразил следующими словами: «Многие из нас... вначале искренне примкнули к этому делу и энергично вели его; но где они все? Где Тупальский? Где Сенчиковский? Где многие десятки ксендзов, служивших по-русски?... Все они были «выданы головой» польской справе вашими виленскими деятелями; все они или погибли насильственной смертью, или притаились от страха, или бедствуют в нищете»⁴.

Испытания и бедствия, выпавшие на долю священников, сделавших свой выбор в пользу русского языка, свидетельствовали о непоследовательности обрусительной политики правительства, практически возложившего негативные последствия реализации указа на своих верных сторонников. Духовные лица, проявлявшие гражданское мужество в отстаивании русского языка вопреки физическому и психологическому террору, оказались беззащитными перед епископатом – противником обрусения костела.

Несколько десятилетий спустя, в апреле 1914 г., Совещание по вопросу о борьбе с полонизацией Северо-Западной России критически оценило действия правительства в отношении тех ксендзов, которые были инициаторами введения русского языка в костелах Виленской епархии. По мнению Совещания: «В соглашениях 1882–1883 гг. правительство, сделав ряд уступок Ватикану, не только не достигло удовлетворения этого основного своего требования, но, изъявив согласие на назначение новых епископов, допустило устранение тех лиц, которые содействовали располнению костела. После этого священники, назначавшиеся в белорусские приходы на место удаленных, отказывались от употребления русского языка»⁵.

С другой стороны, гонения, устроенные епископом Гриневецким, трагическая гибель прелатов Э. Тупальского и А. Копцеговича формировали среди защитников польского

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 298а. Л. 266.

² Там же.

³ ЛГИА. Ф. 694. Оп.1. Д. 2441. Л. 30.

⁴ *Владимиров А.* История располнения Западно-Русского костела // Русское обозрение. 1896. № 11. С. 234–235.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 105 об.

костела представление о том, что насилие, проявляемое в различных формах, не только канонически оправдано, но и является наиболее эффективным средством борьбы с собственным «русскоязычным» духовенством. Обструкции, насилие и предпринятый епископом Гриневицким административный террор оказались весомым аргументом. В результате в Виленской римско-католической епархии со стороны духовенства попыток введения русского языка в костелах более не предпринималось.

В Минской губернии ситуация складывалась иначе. После смерти митрополита Гинтовта, последовавшей в 1889 г., противостояние между сторонниками и противниками введения русского языка в католическое дополнительное богослужение получило дальнейшее продолжение. В итоге к 1897 г. только в 10 костелах дополнительное богослужение еще совершалось на русском языке, а в проповеди наряду с русским употреблялся и белорусский язык¹. Вакантными, т. е. открытыми, но без настоятелей и викарных оставались 16 костелов из 45, действовавших в Минской губернии².

4. Мотивы поведения и степень ответственности конфликтующих сторон

В этом затянувшемся многолетнем конфликте в самом сложном положении оказались прихожане тех костелов, которые на протяжении долгих лет оставались вакантными в связи с тем, что Могилевская римско-католическая духовная консистория отказывалась назначать в них священников, которые, согласно установленному МВД порядку, должны были обязательно употреблять русский язык в дополнительном богослужении. Эти прихожане, в связи с отсутствием священников, испытывали большие трудности в выполнении своих христианских обязанностей. Они зачастую были лишены возможности вовремя исповедаться и причаститься, крестить младенцев, венчаться и отпевать своих усопших. Не менее сложным было и положение тех ксендзов, которые подвергались различным административным наказаниям за отказ в употреблении русского языка. Формирование нового феномена «упорствующих», на этот раз в лице части католического духовенства и мирян, возникшего в начале 1870-х гг., стало очередным свидетельством кризисных явлений в функционировании института веротерпимости.

Ответственность за длительное существование этих негативных явлений в области «свободы веры» не может быть возложена только на одну из сторон, участвовавших в конфликте. Свою долю ответственности несут и государство, и духовенство Римско-католической церкви.

С точки зрения правительства, языковая политика в Северо-Западном крае имела особую значимость в сравнении с другими регионами империи. Для власти представление о роли русского языка в этом регионе не сводилось только к его коммуникативным функциям. Оно не исчерпывалось также сферами управления, образования и культуры. Языковая политика рассматривалась в широком политическом значении как область важнейших государственных интересов, и прежде всего, как вопрос о территориальной целостности империи и безопасности ее западных границ. Положения Западного комитета, утвержденные Александром II в мае 1864 г., признавали не подлежащими «никакому сомнению

¹ При посещении костелов подведомственного ему Борисовского деканата ксендз Лукашевич проносил проповеди «на понятном для народа» белорусском языке. См.: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 5722. Л. 194; Ф. 295. Оп. 1. Д. 3971. Л. 10.

² НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 6444. Л. 30–31 об; Ф. 295. Оп. 1. Д. 3971. Л. 10; Ф. 295. Оп. 1. Д. 5164. Л. 18–23.

признание Северо-Западного края русским, составляющим древнее достояние России»¹. Поэтому административными решениями генерал-губернаторов М. Н. Муравьева и Э. Т. Баранова употребление польского языка было запрещено во всех сферах государственной и общественной жизни. Господствующее положение русского языка, как языка государственного, должно было стать определяющим фактором в утверждении политической идентичности края как российской территории и формировании русской этнокультурной самоидентификации белорусского населения, включая, разумеется, и католиков. С точки зрения защиты государственных интересов, такой подход к языковой политике после трагических событий 1863 г. представлялся правительству целесообразным и прагматичным.

Однако проблемы, с которыми столкнулось правительство в попытке применения русского языка в Католической церкви, свидетельствовала не столько об ошибочности самой стратегии утверждения господствующего статуса русского языка в крае, сколько о конкретных методах ее реализации. Провозгласив в указе от 25 декабря 1869 г. принцип добровольности в применении русского языка в Католической церкви, правительство создало затем такой бюрократический механизм реализации этого принципа, который позволял применять меры принуждения и административные наказания в случае отступления от принятого ранее решения о введении русского языка. Практика применения указа «снизу» также не была свободна от принудительных мер в отношении «упорствующих» ксендзов. Принципу добровольности противоречили контроль полиции и деканов за исполнением ксендзами службы на русском языке, установленный по указанию губернской администрации. Появление в результате этих мер «упорствующих» ксендзов и прихожан придавало языковой политике правительства внешний характер религиозных гонений, что подрывало его авторитет среди католиков и провоцировало их враждебность к православному населению. Именно этого опасался Д. А. Толстой, считая установленную практику реализации указа одним из наиболее неудачных политических решений в области взаимоотношений с Католической церковью в Северо-Западном крае.

Эта практика, казавшаяся целесообразной в начале 1870-х гг., в процессе своего развития все больше вступала в противоречие с правовыми принципами веротерпимости, что неизбежно влекло за собой негативные политические последствия и фактическое ущемление религиозных прав прихожан в ряде костелов Минской губернии. Начавшаяся конфронтация на религиозно-языковой почве привела к эффекту, противоположному тому, которого добивалось правительство. Она вызвала рост русофобских и антиправославных настроений и активизацию суррогатных форм польского этнического самосознания в приходах с преобладающим белорусским населением.

Предложения о том, что необходимо внести существенные изменения в проводимый политический курс или даже вовсе отказаться от политики обрусения костела, начали высказываться администрацией еще в 1870-е гг. В частности, П. П. Альбединский в 1878 г. предлагал императору Александру II два пути достижения намеченной цели, которые представлялись ему наиболее верными. Первый – эволюционный, предполагавший развитие народного образования в крае «в русском духе», в результате успехов которого местное католическое население во втором или третьем поколении само выразит потребность в богослужении на русском языке. Второй – канонический, для успеха дела следовало заручиться содействием или согласием на обрусение костела главы Римской церкви². В тех условиях предложения Альбединского означали практический отказ от дальнейшего применения указа от 25 декабря 1869 г. на территории Северо-Западного края.

Совершенно иной подход предлагал Виленский генерал-губернатор И. С. Каханов (6 сентября 1884 – 1 января 1893 г.). Это был один из немногих государственных деятелей империи, который заслужил уважение К. П. Победоносцева. Ober-прокурор в письме

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 3.

² ОР РНБ. Ф. 16. Д. 51. Л. 28–29.

к министру внутренних дел Д. А. Толстому, написанному 5 сентября 1883 г., высказывал сомнение в том, что стареющий Виленский генерал-губернатор Э. И. Тотлебен способен обеспечить в крае «твердое и разумное русское управление». Победоносцев рекомендовал на эту должность И. С. Каханова как человека, которого «серьезные русские люди» хотели бы видеть на этом посту¹.

Разработку предлагаемого им проекта возобновления политики обрусения костела Каханов начал с изучения языковой ситуации в римско-католических приходах Виленской и Гродненской губерний. От губернаторов требовалось собрать сведения: «В каком... отношении находятся между собой наречия: белорусское, литовское и польское, употребляемые в домашнем быту населением каждого римско-католического прихода»². Выяснилось, что в основном языком римско-католического населения этих губерний в «домашнем быту» был язык белорусский. Этнический состав католического населения выглядел следующим образом. В Виленской губернии насчитывалось литовцев – 182 288, белорусов – 270 785, поляков – 154 386. В Гродненской губернии литовцев – 2800, белорусов – 118 823, малороссов – 68 809, поляков – 82 689³. Знание указанных цифр позволило И. С. Каханову обосновать необходимость предлагаемых им мер.

В записках, поданных Александру II и министру внутренних дел Д. А. Толстому в августе 1884 г. и сентябре 1885 г., а также в отчете императору (с 14 января 1884 г. по 1 августа 1886 г.) генерал-губернатор предлагал активизировать политику обрусения костела. Целесообразность такого решения диктовалась, по его мнению, необходимостью пресечения действий католического духовенства по пропаганде «под покровом религии польских политических тенденций» и успешного решения проблем интеграции Северо-Западного края с Россией. Для этого Каханов считал необходимым:

1) Воспретить употребление в католическом богослужении польского языка, предоставив ксендзам право отправлять службу, произносить проповеди и совершать требы на языках латинском, белорусском, малорусском, литовском и жмудском.

2) Усилить правительственный надзор за католическими семинариями, воспретить полякам поступление в семинарии Северо-Западного края и улучшить систему преподавания предметов на русском языке⁴.

Расчет Виленского генерал-губернатора строился на том, чтобы обойти нелегально действующий папский запрет на употребление русского языка в костеле. По мысли Каханова, правительство должно было лишить католическую иерархию и духовенство привычных аргументов, что русский язык без санкции Папы не может служить для молитвенного обращения к Богу. В таком случае вместо запрещенного в костеле польского языка его должны были заменить языки основных этнических групп, которые проживали в крае, на которые, по его мнению, папский запрет не распространялся. И в этом смысле главная ставка делалась на белорусский язык, который чаще всего употреблялся в римско-католических приходах⁵.

Предложения И. С. Каханова не получили поддержки со стороны министра внутренних дел Д. А. Толстого. Идея *принудительной* замены польского языка дополнительного богослужения на языки местных этнических групп оказалась отвергнутой. Разумеется, министр знал, что в части приходов края используется канонический дозволенный литовский язык. Но он вполне резонно возражал, что Римская курия отождествляет белорусское наречие с русским языком. «Поэтому все затруднения, которые испытывает правительство с русским языком, пришлось бы и испытать и при такой постановке дела»⁶.

¹ ОР РГБ. Ф. 230. Д. 3. Л. 9–10.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1884. Д. 976. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 19–28, 58–59, 78–79.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1885. Д. 1071. Л. 1–13.

⁵ Там же. Л. 29–31.

⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 298а. Л. 230–231.

Министр отверг также предложение, дискриминирующее польских абитуриентов при приеме в семинарии, справедливо полагая, что введения такого запрета «неминуемо вызовет напрасное раздражение национальных чувств поляков».

В полемике с Кахановым в 1886 г. Д. А. Толстой изложил свою принципиальную позицию относительно вопроса о введении в католическое богослужение местных наречий. Он был уверен в практической непригодности и даже политической опасности этой меры для российского правительства, «в особенности, если таковой будет придан обязательный характер». В этом случае, утверждал министр, правительство «неизбежно вступит на путь принудительных или карательных мер, каковое положение имеет место в Минской губернии»¹.

Анализируя причины кризиса правительственной политики по обрусению костела, Д. А. Толстой выразил свое несогласие с Кахановым, который считал, что «неуспех этой меры всецело объясняется тем, что применение оной в том или другом приходе поставлено было в зависимость от согласия на то прихожан». Следует отметить, что мнение Каханова по этому вопросу разделяли и такие исследователи вопроса о располячении костела, как А. П. Владимиров и Д. Н. Чихачев, которые также утверждали, что прихожане, всецело подчиняясь духовной власти ксендзов, бойкотировали указ согласно воле своего духовенства².

В противовес этой устоявшейся точке зрения, Толстой обращал внимание оппонента на содержание указа, которым и определялись действия правительства: «Введение оногo (т. е. русского языка) было поставлено в зависимость от согласия прихожан; а иначе это и не могло быть сделано, так как, при нежелании прихожан, невозможно было заставить их силой присутствовать при богослужении»³.

Сам указ от 25 декабря 1869 г., отнюдь не предполагавший обязательного введения русского языка при обрусении костела, Д. А. Толстой оценивал как «осторожное разрешение дела», не предусматривавшее нарушение принципов веротерпимости. Причины же неудач правительственной политики Толстой усматривал во взаимодействии трех факторов, сыгравших негативную роль в процессе располячения костела. Это, во-первых, противодействие со стороны католического духовенства, во-вторых, недоверие, которое традиционно «испытывает темная масса ко всякому нововведению в церкви», и, в-третьих, принудительные меры правительства, вызвавшие недовольство католического населения. Критикуя политику своих предшественников и действия возглавляемого им министерства, Толстой высказал личную точку зрения о целесообразности продолжения политики располячения костела. Она была отрицательной. По его «глубокому убеждению», введение русского языка в католическое богослужение должно было негативно отразиться на пастве Православной церкви, спровоцировав рост католического прозелитизма.

Очевидно, сомнения, одолевавшие Д. А. Толстого в бытность его обер-прокурором Святейшего Синода, окончательно разрешились, и сейчас взяли верх соображения, высказанные некогда митрополитом Иосифом (Семашко). Негативные последствия указа усматривались также и в том: «... что с введением русского языка в католическое богослужение присоединение к православию утратит в глазах населения значение возвращения в лоно единой русской семьи»⁴.

Иными словами, вместо того чтобы способствовать формированию русского этнического самосознания католиков, действие указа на практике должно было привести к ослаблению миссионерской привлекательности православия как традиционной русской веры.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп.125. Д. 298а. Л. 251 об.

² Чихачев Д. Н. Вопрос о располячении костела в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 35; Владимиров А. История располячения Западно-Русского костела // Русское обозрение. 1896. № 10. С. 593.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1885. Д. 1071. Л. 98.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 298а. Л. 264, 267–268.

В этой бюрократической полемике мнение министра внутренних дел оказалось решающим. Предложения И. С. Каханова были рассмотрены на заседании Комитета министров 1 ноября 1886 г. В преамбуле своего решения Комитет дал развернутую характеристику исторически сложившимся взаимоотношениям российского государства с Римско-католической церковью: «Борьба с католической пропагандой в Западном крае с давних времен озабочивает правительство наше, но, к сожалению, до сих пор усилия его привели к результатам, не соответствующим деятельности в этом направлении органов государственного нашего управления. Малоуспешность принимавшихся мер объясняется той силой, которая присуща Католической церкви по самому ее духу как церкви воинствующей, по влиянию и власти, которые она предоставляет духовенству над прихожанами, и наконец, по особому положению, в коем она находится по отношению к светской власти. Будучи в зависимости от Римской курии Католическая наша церковь взирает на Папу как на прирожденного своего покровителя, а потому и опору себе ищет не в монархической власти страны, а в иноземном духовном властителе. Наконец, особенность положения у нас католицизма заключается в соединении его с исконно враждебным нам польским элементом.

Таким образом, борьба, возбуждаемая католическим духовенством против действий правительства, как бы нарушающих начала независимости церкви, отождествляется с идеалами национальной обособленности и мечтаниями о восстановлении политической самостоятельности польского народа. При таких, совершенно исключительных условиях задача правительства должна состоять в том, чтобы, зорко следя за враждебным нам направлением римско-католического духовенства, твердо и непоколебимо идти по избранному пути, достигая предположенной цели постоянством и настойчивостью»¹.

Комитет министров в изложении причин неудач в политике обрусения костела высказал аргументы, изложенные Д. А. Толстым в полемике с Кахановым. К перечню причин были добавлены такие явления церковного характера, как запрещение русского языка в богослужении Римской курией и противодействие митрополита Гинтовта, который отказывал администрации в назначении ксендзов на вакантные приходы, где уже было введено богослужение на русском языке. Окончательное решение по предложениям И. С. Каханова было принято на заседаниях Комитета министров 28 апреля и 12 мая 1887 г. Комитет отнес предложения виленского генерал-губернатора к разряду «по самому существу их неисполнимыми или могущими, в случае их применения, принести более вреда, чем пользы».

Заблокировав предложение Каханова, Комитет министров не отказывался от продолжения политики обрусения костела в Минской губернии. Правда, мотивировались эти действия соображениями отнюдь не прагматического характера. Их необходимость вызывалась: «...лишь невозможностью для правительства, без ущерба для его достоинства, отступать от раз принятого в сем отношении решения; введение же подобного правила в виде обязательной для целого края меры следует, при настоящих условиях, признать совершенно неосуществимыми»².

Александр III утвердил решение Комитета министров.

Признав предложения виленского генерал-губернатора «не подлежащим удовлетворению», Комитет министров фактически дал негативную оценку эффективности принятого указа от 25 декабря 1869 г. и механизмов его реализации. В основе этой оценки лежали взгляды Д. А. Толстого, для которого в качестве критериев выступали субъективно понимаемые им интересы Православной церкви и необходимость соблюдения правовых норм веротерпимости. Недоверие Д. А. Толстого к религиозной стойкости белорусской православной паствы выразилось в постановлении Комитета, в котором говорилось:

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1885. Д. 1071. Л. 97–98.

² Там же. Л. 143.

«При малой сравнительно развитости простого народа в Западных губерниях католическое богослужение, совершаемое на русском языке, легко может вызвать явления, противоположные ожидаемым, обратившись в орудие пропаганды католицизма. Различие между богослужением католическим и православным, при введении общего для них языка, изгладится для малограмотного сельского жителя»¹.

Не в пользу указа были и дополнительные аргументы международно-правового характера. Правительство: «если бы... и решилось, ценой уступок Римской курии, равных подчинению во внутренних наших делах распоряжению иностранного государя, заручиться согласием Папы на замену польского языка при богослужении другими местными наречиями, не исключая и русского языка, то введение подобной меры представляло бы ту опасность, что она могла бы обратиться в новое средство к усилению и распространению р-к пропаганды»².

Нарисованная Д. А. Толстым впечатляющая картина религиозных рисков, угрожающих православию, подействовала на общую позицию министров решающим образом. Действительно, как можно было согласиться с тем, что получателем дивидендов политики обрусения костела вместо государства и русского народа станет «воинствующее» католичество.

Но у религиозной аргументации Толстого, воспринятой правительством, был один существенный изъян. Она носила гипотетический характер. Речь шла о потенциальной опасности, реальность которой не подтверждалась конкретной миссионерской практикой. Поэтому охранительные аргументы – самое слабое место в позиции министра внутренних дел и Комитета министров в целом. В качестве весомого аргумента против продолжения попыток введения русского языка в Северо-Западном крае следует признать указание правительства на упорность сопротивления, которое в таком случае неизбежно окажет католическое духовенство.

Косвенно, но правительству пришлось все-таки признать, что принцип добровольности в выборе языка богослужения, заложенный в указе, завел политику обрусения костела в тупик. Одновременно таким же тупиком оказались и меры принуждения, применяемые правительством в Минской губернии. То, что правительство не находило прагматического обоснования для выхода из сложившейся ситуации, не означало принципиального отказа от политики противодействия процессам ассимиляции белорусов-католиков польским костелом и польским католическим меньшинством. Речь шла об изменениях в тактических средствах, в то время как стратегия такого противодействия, сформированная в 1860-х гг., оставалась неизменной.

О последовательном русском «национальном направлении правительственной деятельности в крае», начавшем складываться в период правления Николая I, и «которое получило дальнейшее развитие при императоре Александре II и окончательно упрочилось в славное царствование Александра III», писал Николаю II министр внутренних дел И. Л. Горемыкин. «Главная цель всех принятых в этом направлении за истекшее тридцатилетие мер, – утверждал министр, – состоит в располнении западных русских губерний и в поддержании и усилении в них русской народности и православия. Достижение этой задачи является, конечно, важнейшим предметом попечений начальства края»³.

Подтверждением неизменности этого политического курса служат попытки обрусения костела, вновь предпринятые в рамках указа о веротерпимости и Манифеста от 17 октября 1905 г. В ходе осуществления этой «национальной» стратегии начало формироваться представление о двухуровневой светской идентичности белорусов «я – белорус, и я же –

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1885. Д. 1071. Л. 98 об.

² Там же. Л. 143 об.

³ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 470. Л. 13 об.

русский» в качестве критерия принадлежности к «русской народности». Для белорусов-католиков интеграция в «русскую народность» должна была осуществляться в форме множественной самоидентификации «я – католик, я – белорус, и я же – русский». Осуществляемый правительством проект обрусения костела впервые стал реальной альтернативой религиозным механизмам формирования польского самосознания у белорусов. Теперь же правительство на практике убедилось в том, насколько сильны религиозные механизмы, конструирующие и защищающие самоидентификацию: «я – католик, значит – поляк», и какие мощные политические интересы и культурные традиции стоят за ними.

Дав критическую оценку практике правоприменения указа от 25 декабря 1869 г., Комитет министров официально санкционировал переход политики обрусения костела из стадии активности в инерционное состояние. Предпринятая министрами внутренних дел А. Е. Тимашевым и Л. С. Маковым попытка слома идентификационных механизмов, созданных польским костелом для ассимиляции белорусского населения, была признана неудачной. Как показала история с проектом И. С. Каханова, мотивом для продолжения этой политики оставались соображения о сохранении государственного престижа на западных окраинах империи. Поэтому, несмотря на растущие политические издержки, курс правительства в этой сфере оставался неизменным.

Начало царствования Николая II оказалось переломным для судеб русского языка в костелах Минской губернии¹. Казалось, что чаша весов заколебалась в пользу сторонников возвращения этой политики в стадию активизации. О необходимости реанимации прежнего политического курса в этой сфере писал в 1897 г. новому императору князь Друцкий-Любецкий. В своей записке князь настойчиво внушал Николаю, что: «Нигде в мире не было и нет такой аномалии в жизни любого народа, как роль польского языка в католическом богослужении белорусского края... Правительство, по почину графа Муравьева, пыталось убедить католическое духовенство учить народ Закону Божьему на родном языке. Но при первом протесте со стороны Рима высшие административные органы не только отказались от намеченной цели, но даже не поддержали тех приходских священников, которыми был уже принят русский язык при исполнении треб... Насколько употребление польского языка в дополнительном богослужении ненормально, доказывает обязательное употребление русского при преподавании Закона Божьего во всех учебных заведениях. В то время когда дети польских или ополяченных литовско-русских дворян и мещан, в домашнем обиходе говорящие исключительно по-польски, изучают Закон Божий по-русски, несчастного белорусского крестьянина заставляют учиться польской грамоте, чтобы быть допущенным к исповеди, причастию и т. д.»².

По мнению другого убежденного сторонника «располячения костела», Минского губернатора Н. Н. Трубецкого, высказанного им в 1895 г. императору Николаю II, политика введения дополнительного богослужения на русском языке является по-прежнему необходимой. Она способствует распространению в крае русского языка и внушает населению, что «принадлежность к римско-католическому вероисповеданию не мешает быть русским по языку и убеждениям»³. Эта мысль, высказанная губернатором повторно в отчете за 1897 г., вызвала одобрение императора. Мнение о том, что «встречаемое со стороны католического духовенства нежелание совершать дополнительное богослужение

¹ К этому времени прихожане 10 костелов, в котором дополнительное богослужение совершалось на русском языке, по данным полиции и деканов, стабильно посещали службы. Случаев обструкции богослужений уже не наблюдалось. В некоторых костелах, где должны были служить на русском языке, дополнительное богослужение совершалось на латыни. Нерешенной оставалась судьба 16 вакантных костелов. См.: НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 5981. Л. 1–13, 117, 144, 149, 189, 224.

² ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 241. Л. 2–3.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6444. Л. 27.

на русском языке основывается не на канонических правилах Римско-католической церкви, а кроется в нежелании польского дворянства и духовенства дать католикам Западного края возможность понять, что можно оставаться католиком и в то же время быть русским», получило императорскую отметку: «Вполне справедливо»¹.

С точки зрения Трубецкого, польский язык в костелах Белоруссии представлял собой форму политической идеологии, действующей как инструмент этнической ассимиляции белорусов, что, в свою очередь, численно усиливало социальную базу польского сепаратизма в этой «русской губернии». Губернатор настойчиво убеждал Николая II, что католическая иерархия, духовенство и местное дворянство, являясь постоянным источником межэтнической и межконфессиональной розни среди этнически однородного русского населения, своей упорной защитой польского языка в костеле только «доказывают свое нежелание отделить вопросы веры от вопроса национального». Справедливо указывая на необходимость развития интеграционных процессов обрусения края, губернатор, к сожалению, не мог предложить императору никаких других мер, кроме продолжения затянувшейся политики конфронтации и административного нажима на «упорствующее» католическое духовенство и мирян.

Своя доля ответственности за то, что прихожане-католики долгие годы не могли пользоваться религиозными правами, данными им российским законодательством о веротерпимости, лежит на католической иерархии и подведомственном ей духовенстве. Вопрос о ведении одного из «народных» языков в дополнительное богослужение Римско-католической церкви не принадлежал к числу догматических, т. е. непосредственно относящихся к сущности вероучения. Его решение целиком относилось к области традиции и канонической дисциплины и, как свидетельствует исторический опыт, было прерогативой местного епископата. Речь в данном случае не шла ни о ереси, ни о расколе, явлениях, которые, с точки зрения католической догматики и канонического права, способны были угрожать религиозному спасению душ католической паствы. Однако, как известно, декретом конгрегации св. Оффиции 11 июля 1877 г. употребление государственного русского языка в дополнительном богослужении костелов Российской империи было воспрещено².

Как уже отмечалось выше, запрет, наложенный Конгрегацией на употребление русского языка в дополнительном богослужении, не имел, да и не мог иметь под собой реальных догматических и канонических оснований. Мотивы его принятия находились в области светских политических интересов папского престола. Таким образом, религиозные интересы прихожан ряда приходов Минской губернии были фактически принесены в жертву польским политическим симпатиям Рима.

Католические священники, подвергавшиеся административным взысканиям за возвращение к богослужению на польском языке в приходах, ранее принявших русский язык, теперь представляли в качестве религиозных мучеников, жертв государственных гонений за верность канонической дисциплине, «практике и обычаям святой Церкви». Это была тактически выигрышная позиция, позволявшая придавать борьбе за сохранение польского языка в дополнительном богослужении не политическое, а исключительно церковное, каноническое измерение. И она же позволяла иерархии долгие годы отказывать правительству в назначении священников на вакантные должности в приходы, принявшие русский язык, фактически лишая тем самым прихожан возможности исполнять свои христианские обязанности, необходимые, по вероучению Церкви, для религиозного спасения душ и обретения жизни вечной.

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6444. Л. 40 об.

² *Киприанович Г. Я.* Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Минск, 2006. С. 219.

Теперь, с высоты нелегально предоставленного декретом св. Оффиции положения, митрополит Гинтовт мог смело указывать министру Д. А. Толстому, что: «Вследствие такого ненормального положения этого дела в Минской губернии до 16 церквей остаются без священников, и несколько десятков тысяч мирян лишены духовного призрения; один приходской костел недавно закрыт. Как это глубоко затрагивает душу и ужасно больно поражает богобоязненных и спокойно живущих верноподданных мирян, трудно высказать!»¹

Митрополит пытался убедить Д. А. Толстого в том, что: «Только при прямом сношении правительства с Римом вопрос о богослужебном языке может быть перенесен с почвы национальности на почву строго религиозную и поставлен как вопрос не о допустимости того или другого языка в богослужении, но как вопрос о чистоте текста в Священном Писании переводном или в требнике не на латинском языке»².

Аргументация митрополита, несмотря на ее кажущуюся беспристрастность и декларируемую приверженность одновременно к каноническому и правовому решению вопроса, в действительности не способствовало поиску реального выхода из сложившейся кризисной ситуации. Решение внутривосточной проблемы российского государства предлагалось целиком отдать на усмотрение Рима. Такой односторонний подход не отличался прагматичностью. Он исходил из утверждения приоритета канонического права Римской церкви над государственным российским законодательством. Поэтому попытка митрополита использовать это право в качестве инструмента для достижения целей отнюдь не религиозного характера не вызвала понимания со стороны правительства. Следовательно, решение актуального вопроса о «духовном призрении» нескольких десятков тысяч католиков в Минской губернии, в связи с сугубо «канонической» позицией митрополита и его преемников на Могилевской кафедре, откладывалось на неопределенное время. В итоге сложилась довольно парадоксальная с религиозной точки зрения ситуация, весьма болезненная для глубоко верующих прихожан. Соблюдение буквы канонической дисциплины и политически обусловленная приверженность к таким относительным земным ценностям как язык дополнительного богослужения, для Римской курии и местной католической иерархии оказывались важнее, чем реальная забота о христианском утешении и спасении душ своей многотысячной паствы для жизни вечной.

Следует добавить, что католическая иерархия не препятствовала и распространению «среди невежественной, но до фанатизма преданной своей вере, массы римско-католического населения и низшего духовенства слухов о том, что русский язык вводится со скрытой целью обращения католиков в православие»³.

¹ *Жиркевич А. В.* Из-за русского языка. В изгнании. // Минская старина. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. Вып. 3. Ч. 2. 1911. С. 72. А. А. Станкевич, заведующий канцелярией виленского генерал-губернатора К. Ф. Кршвицкого, прекрасный знаток местного католицизма и религиозно-этнической истории края, критически отзывался о политике обрусения костела. В записке «Политическая роль Виленских р-к епископов» (1911 г.) Станкевич отмечал: «Этот основной вопрос русской государственной власти на западной окраине имеет за собой историю, и притом неудачную для достоинства русской власти. Из попытки 1869 г. ничего не вышло, но отчасти потому, что к делу не с той стороны подошли; самое понятие дополнительного богослужения требует точного установления; в него входят элементы не только канонические, но и обиходные (как всевозможные гимны и песни, каковые часто поются без ксэндза, под руководством братчиков и девоток). Для народа эта часть богослужения важнее и понятнее мессы и часов, и ее ввели и поддерживают польские клерикальные круги».

С точки зрения Станкевича, именно обиходные элементы дополнительного богослужения, служившие подлинным инструментом полонизации белорусов, следовало перевести на русский язык. Переводы гимнов и песнопений не требовали одобрения Рима. Для этого достаточно было решения местного епископа. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 20–21.

² *Жиркевич А. В.* Из-за русского языка. В изгнании. // Минская старина. Труды Минского Церковного Историко-Археологического комитета. Вып. 3. Ч. 2. 1911. С. 68.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6444. Л. 29.

Нельзя не отметить, что подобного рода алармистская пропаганда становилась эффективным инструментом консолидации прихожан. Однако воздействие «черной» пропаганды при всей ее практической эффективности выводило мотивы сопротивления введению русского языка в сферу стихийного, иррационального протеста, сопровождаемого проявлениями насилия вплоть до физического уничтожения неугодных ксендзов. Для давления на сторонников обрусения костела использовались и усилия «сверху», к которым прибегала католическая иерархия, пользуясь своей канонической властью для террора административного. В этих условиях процесс формирования религиозно-этнической солидарности прихожан, «упорствующих» в сохранении польского языка костела, неизбежно принимал суррогатный, трайбалистский характер. Получалось так, что масса протестов-католиков из крестьянского населения становилась объектом манипуляции со стороны тех этнических активистов, которые занимали доминирующие позиции в приходах, прежде всего ксендзов, дворянства и шляхты.

5. Достигнутый компромисс и его практические результаты

В 1897 г. посещение Николаем II Варшавы было положительно воспринято польским населением. Папа Лев XIII поздравил императора и выразил надежду на установление еще более сердечных отношений с польским народом. В своем поздравлении Папа поблагодарил Николая за защиту Католической церкви в России. В ответ император пошел на уступки католической стороне¹.

Хотелось бы заметить, что на «уступки католической стороне» император пошел еще раньше. В начале 1896 г. министр внутренних дел И. Л. Горемыкин обратился к императору с запиской, в которой указывал на тяжелое положение десятков тысяч католиков Минской губернии, лишенных возможности пользоваться вакантными костелами для своих религиозных нужд. В качестве выхода из сложившейся ситуации, «который бы соответствовал достоинству государственной власти», министр предлагал допустить богослужение в вакантных приходах, «но только на одном латинском языке». Предложение И. Л. Горемыкина было одобрено Николаем II 20 марта 1896 г. О решении императора было сообщено папскому статс-секретарю кардиналу Рамполла. «Курия нашла вполне приемлемым такой выход из создавшегося положения, и МВД испросило 3 апреля 1897 г. высочайшее соизволение на его осуществление»².

Проект латинизации канонического дополнительного богослужения, предложенный Риму, представлялся удобным для правительства. Он позволял, с одной стороны, восстановить богослужение, в котором остро нуждались десятки тысяч поданных империи, с другой – подтвердить официальное изъятие польского языка из указанных костелов. В выигрыше оказывалась и Римская курия. Для Ватикана отказ правительства от обязательного введения русского языка в 16 вакантных приходах означал фактическое признание в России действия декрета св. Оффиции от 17 июля 1877 г. Обе стороны – правительство

¹ Ливцов В. А., Филонов В. И., Лепилин А. В. Взаимоотношения православия и католицизма в истории России в контексте единства церкви. М., 2006. С. 152.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 106.

и Римская курия – были заинтересованы в том, чтобы назначение священников на эти приходы осуществлялось строго каноническим путем. Складывалось впечатление, что затянувшийся локальный конфликт между государством и Римско-католической церковью в результате достигнутого компромисса получил, наконец, легальное разрешение.

В соответствии с высочайшим повелением Могилевский архиепископ-митрополит Симон Козловский получал возможность замещать священниками те должности в приходах в Минской губернии, которые оставались вакантными в результате воспрещения, наложенного декретом св. Оффиции 11 июля 1877 г. на введение русского языка в дополнительное богослужение. Назначенные в эти приходы священники вследствие «согласительной сделки» между правительством и Римом должны были совершать дополнительное богослужение и преподавать требы на латинском языке¹.

В связи с заключенным соглашением губернатор Н. Н. Трубецкой 24 мая 1897 г. издал циркулярное распоряжение, адресованное уездным исправникам, в котором последним предписывалось: «Иметь строгое и неослабное наблюдение за тем, чтобы вновь назначаемые к вакантным приходам ксендзы совершали богослужение и преподавали духовные требы прихожанам исключительно на **латинском языке** (так в тексте. – А. Б.). В случае же, если кто-либо отступит от исполнения приведенного высочайшего повеления, а также позволит себе произносить проповеди на польском языке или же будет петь с народом польские гимны в костеле во время богослужения, то о всяком таком нарушении вы обязаны незамедлительно доносить мне». Далее шел перечень 16 костелов Минской губернии, на которые распространялось действие императорского повеления².

В свою очередь, временно управляющий Могилевской римско-католической архиепархией епископ Ф. Сымон издал ряд распоряжений о назначении священников на вакантные должности в костелы Минской губернии. По согласованию с губернатором назначения совершались только при условии исполнения этими священниками требований высочайшего повеления 3 апреля 1897 г. Установленный по соглашению с Римом новый порядок решения церковно-лингвистической проблемы, едва вступив силу, начал нарушаться. Назначенные епископом Сымоном священники, пренебрегая взятыми на себя обязательствами, начали служить и проповедовать на польском языке³. В ответ министр внутренних дел вынужден был в качестве наказания отправлять нарушителей указа в Аглонский доминиканский монастырь в Витебской губернии. В качестве виновных оказались ксендз Копыльского костела Станислав Далецкий, отправленный в монастырь сроком на один год, ксендз Павел Карпович, первым нарушивший соглашение правительства с апостольским престолом, был отправлен в монастырь на три года⁴.

Назначенный епископом Ф. Сымоном на должность настоятеля Каменского костела ксендз П. Янукович начал свою деятельность с увольнения органиста, служившего на

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 216–217. Вот как писал о решении Папы кардинал Рамполла: «Св. отец, желая в своем апостольском попечении снабдить настоятелями те приходы Минской епархии, которые не имеют их, по поводу воспрещенного конгрегацией св. Оффиции 11 июля 1877 г. употребления русского языка в дополнительном богослужении, милостиво соизволил, чтобы были назначены по всем каноническим формам настоятели, которые бы совершали церковное богослужение и св. тайны на латинском языке». См.: К вопросу об обрусении католицизма в Западном крае. Краков, 1898. С. XII.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 218.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 6436. Л. 9, 14; Ф. 295. Оп.1. Д. 6437. Л. 20; Ф. 295. Оп. 1. Д. 6435. Л. 10.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 6444. Л. 34; Ф. 295. Оп.1. Д. 6210. Л. 157.

русском языке. В нарушение распоряжения Папы Римского Янукович, как и его духовные собратья первого призыва, начал служить и проповедовать на польском языке. Он оказался ревностным пастырем. В своих поучениях запрещал своим прихожанам посещать Православную церковь и отказывал под угрозой лишения исповеди в благословении браков с православными. В нарушение Правил 3 апреля 1892 г. Янукович разрешил в своем приходе тайное обучение детей польской грамоте. По его требованию учащиеся-католики местного народного училища перестали изучать Закон Божий, преподаваемый на русском языке. Попечитель Виленского учебного округа Н. А. Сергиевский в мае 1898 г. писал минскому губернатору Н. Н. Трубецкому, чтобы тот обратил внимание на «вредное влияние на прихожан ксендза П. Януковича, настойчиво стремящегося «распространить употребление польского языка среди коренных белорусов». МВД вынужден был прекратить деятельность этого не в меру усердного пастыря в Каменском приходе, и в апреле 1901 г. было принято решение отправить его в качестве викарного священника в Пензу¹.

Неправомерные действия духовенства были обусловлены тем, что главным нарушителем соглашения с Папой Римским оказался сам временно управляющий Могилевской митрополией епископ Ф. Сымон. Несмотря на то что соглашение Ватикана с русским правительством распространялось, по самому своему смыслу, лишь на вакантные приходы и, следовательно, отнюдь не имело отношения к тем 10 приходам, в которых богослужение продолжалось на русском языке, епископ Ф. Сымон 20 мая 1897 г. разослал циркуляр, в котором объявил, что: «Решение святой Конгрегации от 11 июля 1877 г. остается в силе и что в тех костелах, в которых русский язык был введен, отныне богослужение и св. Тайны должны совершаться на латинском языке по каноническим книгам р-к церкви»².

В силу предписаний епископа ксендзы 10 русскоязычных приходов, вынужденные повиноваться указам Могилевской духовной консистории, начали отправлять духовные требы на латыни. В результате, как отмечал губернатор Н. Н. Трубецкой, «русский язык был совершенно изгнан из употребления»³.

Объясняя митрополиту Козловскому мотивы своего решения, епископ Сымон писал: «Относительно тех приходов, в коих были священники, но без канонического назначения, я после долгого колебания решил оставить сих последних на месте, но вместе с сим счел моим долгом объявить им о последовавшем в 1877 г., по официальному сообщению кардинала папского статс-секретаря, воспрещении святым Престолом употреблять русский язык в дополнительном богослужении и подчинить их тем условиям, коим были подчинены новоназначаемые настоятели, о чем и предложил консистории 20 мая к исполнению»⁴.

Продолжая действовать в соответствии с декретом св. Оффиции, епископ Сымон 16 июня 1897 г. издал новый циркуляр. В нем указывалось, что латинский язык должен употребляться в литургии. «В дополнительном богослужении, – разъяснял епископ, – священник обязан пользоваться тем языком или наречием, на котором обыкновенно говорят прихожане и на котором издревле они совершают свои молитвы»⁵.

Следовательно, в Минской губернии, население которой традиционно употребляло в костеле польский язык, духовенство должно было пользоваться этим языком в дополнительном богослужении. Что, собственно, и подтвердила неправомерная деятельность ду-

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6437. Л. 5, 20, 45, 69, 116.

² Чихачев Д. Н. Вопрос о располячении костела в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 38–39.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6444. Л. 33.

⁴ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 119. Л. 319.

⁵ См.: К вопросу об обрусении католицизма в Западном крае. Краков. 1898. С. XVII.

ховенства, назначенного Могилевской духовной консисторией на вакантные приходы после 3 апреля 1897 г.¹

Министр внутренних дел И. Л. Горемыкин потребовал от римско-католического митрополита Козловского принять меры к отмене «неправильных» распоряжений, которые были сделаны его викарным епископом. Однако митрополит, находя предписания епископа Сымона «основательными», счел для себя «невозможным отменить означенные распоряжения»². Процесс назначения ксендзов на вакантные должности был приостановлен. В результате достигнутое соглашение с Римом из-за неправомерных действий епископа Ф. Сымона и назначенных им настоятелей было практически сорвано. За нарушение соглашения правительства с Папой Римским епископ Ф. Сымон по указу императора был смещен с поста викария римско-католического митрополита и ректора Санкт-Петербургской духовной академии и отправлен в Одессу. Решение об увольнении епископа от занимаемых должностей впоследствии было санкционировано и Римской курией³.

В этой ситуации Н. Н. Трубецкой настойчиво просил Николая II, чтобы правительство поспешило с принятием мер, призванных аннулировать сложившуюся паузу с исполнением заключенного соглашения. В противном случае, – сообщал он, – «администрации придется иметь дело не только с римско-католическим духовенством, но и с населением, в глазах которого власть гражданского начальства уже дискредитирована происками ксендзов, открыто заявивших себя в настоящем деле польскими агитаторами и ясно доказавших, что их фанатизм идет рука об руку с политической интригой»⁴.

¹ Неизвестный автор предисловия к сборнику документов о введении русского языка в католическое богослужение достаточно убедительно описал канонические мотивы, которыми руководствовался епископ Ф. Сымон. «Ведь в решении конгрегации св. Оффиции, воспрещающем употребление русского языка вместо польского, нет никаких двусмысленностей: если русский язык воспрещен, то, следовательно, остается польский, так как конгрегацию спрашивали, можно ли заменить польский язык, а не какой-нибудь другой русским, и она отвечала – нет. Уговор же русского правительства с Римом, не отменяя сего решения, тем же самым утверждает заключающееся в нем требование сохранения польского языка. Точно так же понял этот уговор епископ Сымон». См.: К вопросу об обрусении католицизма в Западном крае. Краков. 1898. С. XVI.

² РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 119. Л. 320.

³ *Белецкий А. В.* Как Папа Римский решил вопрос о языке дополнительного богослужения в римско-католических костелах России // Виленский календарь на 1908 г. Вильна, 1908. С. 50. Учítывая вышеприведенные факты, приходится удивляться «национальному» видению этой проблемы, которое характерно для А. Ф. Смоленчука. Ничтоже сумняшеся, Смоленчук утверждает, что причиной увольнения и высылки епископа Сымона стало его «стремление отстоять белорусский язык» и что якобы «власти чувствовали опасность белорусского богослужения в католическом костеле». См.: *Смалянчук А. Ф.* Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917 гг. Гродна, 2001. С. 74. Если рассуждать по Смоленчуку, на этот раз «чутье» сильно подвело российские «власти». Ведь принимая утверждение этого автора всерьез, придется признать, что ксендзы первого симоновского призыва, ставшие служить на польском языке, нарушили не только волю Папы Римского и императора всероссийского, но и предписание их правящего епископа Сымона, внезапно представшего перед нами в роли борца за белорусскоязычный костел. Но тогда непонятно, почему правительству понадобилось наказывать своего неожиданного союзника в борьбе с костелом польскоязычным? Возникает еще один вопрос. Как сочеталось приводимое Смоленчуком письмо кардинала Рамполла от 8 мая 1897 г., «которым разрешалось использовать в дополнительном богослужении и в поучениях белорусский язык там, где на этом языке разговаривают прихожане», с решением конгрегации св. Оффиции 11 июля 1877 г., запрещающее использовать русский язык в каноническом добавочном богослужении? Ведь это запрещение распространялось и на язык белорусский. Выходит, согласно уверениям А. Ф. Смоленчука, сам кардинал благословлял духовенство нарушать декрет св. Оффиции.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 6444. Л. 34 об.

Новая попытка решения конфликта по поводу замещения вакантных должностей в приходах Минской губернии была предпринята папским престолом в августе 1901 г. В послании кардинала Рамполла к Могилевскому архиепископу, по словам министра внутренних дел Д. С. Сипягина, «разъяснялся истинный смысл и цель соглашения 3 апреля 1897 г., искаженного епископом Симоном». Кардинал указывал, чтобы в «вышесказанных приходах новые приходские священники назначались согласно формам каноническим и при условии, чтобы они исправляли обряды и совершали таинства только на латинском языке. Но это условие об употреблении единственно латинского языка, – оговаривал кардинал, – касалось лишь тех церквей Минской губернии, которые тогда были лишены пастырей вследствие разногласий, возникших относительно языка в так называемом обряде дополнительном». Кардинал прямо указывал новому Могилевскому архиепископу Болеславу Клопотовскому на необходимость «как можно скорее» содействовать тому, чтобы «миряне не были более лишены благодати таинств»¹.

Российские дипломаты, участвовавшие в переговорах с Ватиканом, особенно настойчиво подчеркивали необходимость преемственности наметившейся линии на диалог, которую, по их мнению, в наибольшей степени мог обеспечить такой желательный для России преемник Папы Льва XIII, как папский государственный секретарь Мариано Рамполла дель Тиндаро (1843–1913). Кардинал Рамполла считался в российских культурных и политико-дипломатических кругах наиболее вероятной фигурой для продолжения российско-ватиканского диалога. Возглавлявший в это время российскую императорскую миссию при Ватикане, будущий министр иностранных дел С. Д. Сазонов характеризовал Рамполлу как политического деятеля, обладающего «духом справедливости и примирения, который он неизменно проявлял в отношении России»².

12 ноября 1901 г. последовало новое высочайшее повеление, призванное поставить точку в затянувшемся конфликте. В основе его лежало вышеупомянутое письмо папского статс-секретаря кардинала Рамполла. Министр внутренних дел Д. С. Сипягин, стремясь избежать непосредственного вмешательства губернской администрации «в это чисто церковное дело», поручал выполнение указа от 12 ноября 1901 г. «особой заботливости митрополита римско-католических церквей, от которого, – писал он минскому губернатору, – последуют надлежащие указания и внушения как вновь назначаемым, так и ранее уже допущенным в вакантные приходы священникам»³.

Предполагалось, что назначение новых священников будет осуществляться в обычном порядке, т. е. по согласованию их кандидатур с губернатором. Департамент духовных дел иностранных исповеданий предоставил минскому губернатору список костелов, в которых был введен русский язык. Из них к 1897 г. 17 костелов были вакантны, и только в 9 костелах были настоятели. Умножившиеся к 1901 г. вакансии в костелах необходимо было заполнить. Митрополит Клопотовский выразил готовность к дальнейшему компромиссу с МВД относительно языка проповедей в тех вакантных приходах, где ранее был введен русский язык. Он согласился предписать будущим и действующим настоятелям приходов, в которых богослужение должно было теперь совершаться только на латинском языке, «чтобы они, впредь до дальнейшего распоряжения, воздержались от произнесения проповедей и ограничились изъяснением катехизиса и Евангелия по Бялобржескому на языке и наречии местного католического населения»⁴.

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 248–249.

² Гайдук В. П. Диалог России с Ватиканом на рубеже XIX–XX вв. / Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века: материалы коллоквиума, состоявшегося в Москве 23–24 июня 1998 г.; под ред. Е. С. Токаревой и А. В. Юдина. М., 2003. С. 101.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 246–247.

⁴ Там же. Л. 251–252.

В основе решения митрополита лежало указание кардинала Рамполла о том, что «настоятели костелов могут... с одобрения местных епископов в тех местностях, где население говорит на белорусском наречии, употреблять его для преподавания катехизиса»¹.

Достигнутое вторично соглашение стало, наконец, реализовываться на практике. Ксендзам второго призыва митрополит Клопотовский также вменял в обязанность «в силу состоявшегося соглашения нашего правительства с его Святейшеством Папой Львом XIII» совершать богослужения и преподавать духовные требы народу только на латинском языке, согласно «высочайшему соизволению 12 ноября 1901 г.»².

В свою очередь, минский губернатор князь Н. Н. Трубецкой 8 апреля 1902 г. издал циркуляр уездным исправникам, в котором предписывал полицейским чиновникам осуществлять: «...наблюдение за точным исполнением римско-католическим духовенством ... высочайших повелений и, в случае нарушения таковых кем-либо, каждый раз немедленно доносить мне, не допуская, однако, никакого непосредственного вмешательства в это чисто церковное дело»³.

Первые наблюдения полиции за богослужениями ксендзов, назначенных настоятелями вакантных костелов, выявили безрадостную для правительства картину. В частности, ксендз А. Свиля, назначенный митрополитом Клопотовским на должность настоятеля Сверженского прихода Минского уезда, вопреки высочайшим повелениям от 3 апреля 1897 г. и 12 ноября 1901 г. и распоряжениям митрополита Клопотовского начал читать проповеди на польском языке, внушая пастве, что в длительном отсутствии настоятеля в костеле виновато правительство. Растерянный от такого непослушания светским и духовным властям, минский вице-губернатор А. Вельяминов в июне 1902 г. писал министру внутренних дел В. К. Плеве, что из решения митрополита о необходимости чтения катехизиса на «языке и наречии» местного населения в Минской губернии в качестве такового следует предполагать только *язык белорусский*. Между тем ксендз А. Свиля, «очевидно желая заручиться расположением местного польского дворянства и ополяченной шляхты», читает проповеди на польском языке. Учитывая негативный политический аспект проповеднического служения ксендза, вице-губернатор полагал, что проступок кс. Свиля не должен «оставаться безнаказанным», так как его пример найдет подражателей среди других настоятелей и превратит церковные кафедры в «орудие политической пропаганды». А это, в свою очередь, может послужить средством к возбуждению в католическом населении «уже угасших в нем чувств неприязни и раздражения к православной части населения в губернии»⁴.

Митрополит Клопотовский по-своему отреагировал на отсутствие законопослушности своего подчиненного. Минский губернатор А. А. Мусин-Пушкин в конце сентября 1902 г. сообщал министру, что указанный священник получил церковное повышение и назначен митрополитом на должность Наднеманского декана. Впрочем в этом нет ничего удивительного, учитывая подлинное мнение этого митрополита относительно положения Католической церкви в Российской империи. По сведениям, поступившим в департамент полиции МВД, Клопотовский в частной беседе заявлял, что: «В Петербурге мы пользуемся большой свободой, но в провинции положение католиков хуже рабов и католические священники положительно терроризованы русским правительством»⁵.

На этот раз МВД никак не отреагировало ни на решение митрополита Клопотовского, ни на поведение ксендза А. Свиля и его коллег-настоятелей. Правительство продолжало придерживаться заявленного им принципа невмешательства в это «чисто цер-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 278. Л. 1.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7288. Л. 4–5.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7286. Л. 1.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7287. Л. 11–13.

⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 101. Л. В. Л. 88.

ковное дело». Более того, министр внутренних дел Д. С. Сипягин посчитал требование минского губернатора о том, чтобы настоятель Слуцкого костела ксендз Грашис разъяснял катихизис на белорусском языке, «лишенным оснований». Губернатору было указано, что прихожане костела не являются сельчанами, для которых характерен белорусский язык, следовательно, ксендз был прав, прибегая к польскому языку, которым пользуются горожане. Как и предсказывал А. Вельяминов, пример ксендза А. Свикли оказался заразительным. Рапорты уездных исправников, регулярно поступавшие Минскому губернатору в течение 1904 г., свидетельствуют, что *все* упомянутые полицией настоятели приходов, внесенных в списки соглашения с Папой Римским, читали проповеди и пели религиозные гимны на польском языке¹.

Эти данные недвусмысленно свидетельствуют, что церковно-государственный компромисс, достигнутый в результате многолетнего конфликта, формально существуя, оказался фактически нарушенным в одностороннем порядке. Возник очередной кризис доверия, спровоцированный, как и в предыдущий раз, некорректными действиями католической стороны. Император Николай II поддержал «согласительную сделку», предложенную Римом, приемлемую, как представлялось, для обеих сторон. Для правительства появилась реальная возможность привлечь канонический авторитет папского престола для того, чтобы обязать управляющего Могилевской архиепархией и подчиненное ему духовенство выполнять условия достигнутого соглашения. Но на деле оказалось, что такая жестко централизованная организация, как Католическая церковь, уже во второй раз не обеспечивает выполнения заключенных договоров о введении латинского языка в дополнительном богослужении. Невольно складывается представление о том, что управляющий Могилевской архиепархией митрополит Болеслав Клопотовский, а затем администратор прелат Стефан Денисевич и митрополит Георгий Шембек не имели реальной власти над подчиненным им приходским духовенством и не могли, как это делалось раньше не раз, привлечь к канонической ответственности ксендзов, открыто нарушавших предписание Рима. Но в действительности администрация архиепархии попросту умывала руки, устранившись от наказания виновных.

На этот раз митрополит Клопотовский и его преемники на Могилевской кафедре уже не требовали жесткого соблюдения канонической дисциплины, как их предшественник Гинтовт. Подобные действия потеряли свой практический смысл. Ведь для церковной администрации и духовенства главная цель многолетней борьбы была достигнута, вакантные приходы получили новых настоятелей, и богослужebная жизнь в этих приходах вновь была восстановлена, включая и польский язык в дополнительном богослужении. В этом случае о канонической дисциплине, об ответственности за соблюдение условий «согласительной сделки» перед Папой Римским и о необходимости выполнения повелений российского монарха можно было благополучно забыть.

Известная ирония происходивших событий заключается в том, что в ноябре 1897 г. римско-католические епископы во главе с митрополитом Симоном Козловским обратились к Николаю II с всеподданнейшим адресом. В нем иерархия торжественно высказывала, что неизменным призванием ее будет, наравне с насаждением в сердцах верующих благочестия и доброй нравственности, забота об укреплении в их сердцах сыновней любви верноподданных к великодушному монарху, непоколебимой верноподданности престолу и государству, глубокого уважения к законам и беспредельного благоговения к всемилоштивейшим повелениям его величества².

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7493. Л. 1–5, 8, 15, 23, 24, 34, 59.

² *Киприанович Г. Я.* Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Минск, 2006. С. 234.

В свою очередь, и правительство не прибегло к имеющимся в его распоряжении мерам административного наказания ксендзов, демонстративно нарушавших взятые на себя обязательства. В конечном итоге власть достигла одну из поставленных целей. Она не смогла остановить процесс формирования польской этничности у белорусов-католиков, однако теперь действие законодательства о веротерпимости в Минской губернии обрело свою реальную силу. Одновременно появилась возможность упрочить позиции русского государства в католической крестьянской среде и смягчить возникшие в губернии осложнения во взаимоотношениях католиков, «упорствовавших» в сохранении польского языка костела, и православных.

Отвечая на вопрос, поставленный в тексте, следует отметить, что отказ правительства от привлечения ксендзов, нарушивших императорскую волю, к административной ответственности, отнюдь не свидетельствовал о его политическом бессилии. Правительство, имея для этого правовые основания и обладая необходимыми административными возможностями, тем не менее не остановило процесс назначения ксендзов на вакантные приходы. В этом случае светская власть проявила не только политико-правовую, но и религиозную ответственность, отделив второстепенное от главного и поставив на первое место нормы права и религиозные интересы католических прихожан. На этот раз парадокс ситуации заключался в том, что российская светская власть проявила гораздо больше ответственности и реальной заботы о религиозном спасении душ своих подданных-католиков, чем духовные пастыри и иерархия Могилевской римско-католической архиепархии.

Последовательно компромиссная позиция, занятая МВД в решении затянувшегося языкового вопроса в дополнительном католическом богослужении, позволяет сделать вывод, что с началом правления императора Николая II власть начинает постепенно отходить от жесткого политического измерения проблем веротерпимости и начинает подчинять вопросы политической целесообразности приоритету выполнения правовых норм религиозного законодательства. Начинают меняться представления о степени политической опасности, которую могли представлять собой католицизм и связанные с ним процессы распространения польской этнокультурной традиции среди белорусского населения Северо-Западного края. Перемены в политических оценках местного католичества с его польской этнической составляющей позволили купировать конфликт, несмотря на демонстративно неправомерный характер действий епископа Сымона и назначенных на приходы ксендзов.

Индикатором начавшихся перемен, вызванных действием заключенных соглашений с Римом, стала реакция императора на прошения о закрытии римско-католических костелов. Министр внутренних дел И. Л. Горемыкин в марте 1898 г. поставил в известность Н. Н. Трубецкого о том, что прошение православного епископа Минского Симеона о закрытии Петриковского костела Мозырского уезда и о передаче его со всем имуществом в православное ведомство не может быть одобрено. При этом министр ссылался на личные указания императора¹. В сентябре 1900 г. МВД, действуя в соответствии со статьей 124 «Свода учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных», разрешило ремонт Блонского костела Игуменского уезда. Разрешение последовало, несмотря на то что в 1898 г. митрополит Симон Козловский, не спрашивая согласия губернатора Трубецкого, назначил на Блонский приход настоятелем ксендза Войтекуласа, который начал совершать дополнительное богослужение на польском языке². Оба костела с начала 1880-х гг. числились вакантными из-за упорного отказа католической иерархии назначить на них настоятелей, упо-

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 222.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 5166. Л. 27–32.

требляющих русский язык в дополнительном богослужении. Примечательна в этом отношении и счастливая судьба Блонского костела, о закрытии которого перед МВД ходатайствовали в разное время минские епископы Варлаам и Симеон, а также губернатор Трубецкой.

Католическое духовенство и население Минской губернии восприняло соглашение от 3 апреля 1897 г. как доказательство начавшегося пересмотра правительственной политики в отношении «польского вопроса». Реакцией на высочайшее повеление стало появление победных настроений в католической среде. Среди крестьян начали распространяться слухи о том, что «русский язык с позором изгнан из всех костелов», и что костелы, «в которых богослужение отправлялось на русском языке, как оскверненные этим языком, будут освящены вновь, и что для этого откомандирован Папой особый уполномоченный ксендз». Несколько иной была реакция польского дворянства, которое, по утверждению Трубецкого, говорило, что русский язык вводился в костелах вопреки воле Николая II. Ободренное повелением императора дворянство начало выступать с инициативой о восстановлении упраздненных костелов и постройке новых. Начался сбор пожертвований на эти цели¹.

Восстановив действие правовых норм веротерпимости в Минской губернии, российское правительство сумело добиться локального политического успеха. Однако опыт сопротивления введению русского языка в костелах показал, что католическая сторона, отстояв, вопреки канонической дисциплине своей Церкви, польский язык в дополнительном богослужении, переиграло правительство не только в смысле конечного результата, но и технологически. Иерархия, духовенство и миряне сполна использовали инструментальные возможности правового статуса Католической церкви в России, манипуляции с каноническим правом и методы информационной войны, свойственной реалиям той эпохи, которые порождали мифологически осмысливаемый, экзальтированный характер протестных умонастроений и психологию религиозного мученичества.

Еще одним инструментом мобилизации прихожан стали различные формы психологического и физического террора, применяемые против своих «русскоязычных» духовных пастырей. Они создавали феномен агрессивной толпы, ситуативно возникающий для противоправных, насильственных действий, воспринимавшихся как религиозно оправданные. В совокупности все это позволило им добиться низовой, зачастую суррогатной религиозно-этнической консолидации прихожан, необходимой для многолетнего противостояния с государством. Для этого был эффективно использован образ воображаемого врага, вызванный пропагандистским мифом об опасности внешней православной угрозы для католической веры. Оценивая ситуацию, сложившуюся в губернии после указанных событий, губернатор А. А. Мусин-Пушкин писал императору в отчете за 1902 г.: «Римско-католическое духовенство хотя и ведет себя вполне корректно, но все же является главным устоем польской обособленности. Доходящее до фанатизма неверотерпимости, ревностное отстаивание польского языка при богослужении, стремление смешивать дело веры с вопросами польско-национальными во многом мешают государственному обрусению края. Противопоставление католицизма православию как веры польской к вере русской резко разделяет население на два враждебных лагеря»².

Опыт преодоления этого длительного локального кризиса, сложившегося во взаимоотношениях государства с Католической церковью, недвусмысленно показал, насколько сложным оказался процесс выстраивания компромиссных отношений с религиозным партнером, который не обеспечивает выполнения взятых на себя обязательств ни перед

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6444. Л. 32–33.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7292. Л. 17.

Папой Римским, ни перед правительством. Таким образом, начатая правительством Николая II политика уступок с целью восстановления для католиков норм религиозной жизни, предусмотренных действовавшим законодательством о веротерпимости, столкнулась с реакцией католической иерархии и духовенства, которую нельзя охарактеризовать в качестве законопослушной и конструктивной. Она еще раз продемонстрировала известную правительству истину, что местный католицизм не только глубоко связан с польской этнической традицией, но и является основным инструментом ее формирования в иноэтнической белорусской среде.

Неудавшаяся попытка правительства приостановить процесс полонизации белорусского населения, осуществляемый посредством костела, вызвала конфликт, болевой нерв которого из сферы этнической переместился в сферу религиозную, поставив на повестку дня вопрос о соблюдении государством законодательства о веротерпимости. И только последовательное восприятие этого конфликта с правовой точки зрения позволило правительству в условиях нового царствования принять компромиссные меры по его конструктивному разрешению.

ПРОБЛЕМЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ВИЛЕНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА

1. Польское восстание 1863 г. и реформа народного образования в крае

Создание государственной русской народной школы стало результатом реформирования образовательной системы края, проведенное генерал-губернатором М. Н. Муравьевым и попечителем Виленского учебного округа И. П. Корниловым. Во время восстания 1863 г. многие ученики гимназий, прогимназий, местных дворянских и приходских школ Виленского учебного округа присоединились к отрядам польских мятежников. В ответ на это, по распоряжению М. Н. Муравьева, некоторые, по его мнению, «вредные» учебные заведения были закрыты. Необходимость упразднения в крае ряда гимназий и прогимназий определялась тем, что они «потворствуют шляхетству к выходу в чиновники и дворянство»¹.

С точки зрения М. Н. Муравьева, политический вызов польской шляхты и католического духовенства, брошенный единству Российской империи, стал возможен потому, что представители этих привилегированных сословий использовали административные, корпоративные и образовательные структуры государства для своей социальной и национальной мобилизации. Тем самым инокультурная, иноконфессиональная и политически нелояльная местная социальная элита являлась *главным объектом модернизации*, осуществляемой российским правительством в регионе вплоть до 1863 г. Вызов польского этнического сепаратизма был не только политическим, но и социально-экономическим, культурным и религиозным, т. е. национально мобилизационным, *стадильно опережающим* и, в силу этого, *экспансионистским*. Этот проект преследовал двоякую цель – интеграцию Северо-Западного края в состав Царства Польского и аннексию этого региона у Российского государства. Поэтому ответ администрации М. Н. Муравьева приобретал адекватный характер, т. е. включал комплекс *асимметричных* административных мер по социальной и национальной мобилизации православных белорусов. В ситуации, когда среди крестьянского населения преобладающей являлась традиционная, сословно-локальная идентификация, необходимость *конструирования* русского этнического самосознания в крестьянской среде рассматривалась в качестве *императивной*².

¹ Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 109.

² Подробнее см.: Бендин А. Ю. Граф М. Н. Муравьев Виленский и национальное пробуждение белорусского народа в 60-е гг. XIX в. // Исторический поиск Беларуси: альманах / сост. А. Ю. Бендин. Минск, 2006. С. 53–77.

М. Н. Муравьевым была разработана система мер, которые в их совокупности можно определить как конкретную программу социально-экономической и культурной модернизации белорусского православного крестьянства. Содержание этой системы свидетельствует о том, что имперская политика в этом регионе радикально меняет свои приоритеты. Прежние политико-стратегические задачи сохранения российского господства, реализация которых предусматривала компромиссные отношения с польской землевладельческой элитой и Римско-католической церковью на основе сословной солидарности и принципов имперской веротерпимости, приобретали новое социально-этническое и конфессиональное измерение. Радикальная перемена традиционных приоритетов в пользу православного крестьянства и Православной церкви определила новый вектор политической стратегии и тактики, которые были направлены на ускорение процессов интеграции белорусов в общерусское религиозно-культурное и этническое пространство. Границы этого пространства внутри Империи совпадали в основном с конфессиональными границами Русской церкви.

В области народного образования проект М. Н. Муравьева предусматривал ряд мер по устройству системы церковноприходских школ в сельской местности, обучение в которых должно было осуществляться представителями православного духовенства. Для крестьянства предполагалось создание широкой сети народных школ и уездных училищ. В тех и других учебных заведениях должны были изучаться русский и церковнославянский языки. Первый – в качестве государственного, а второй – как богослужебный язык Русской церкви.

Были предусмотрены также меры по идеологической и кадровой реорганизации гимназий, прогимназий и трехклассных училищ, дававших среднее образование представителям политически нелояльной шляхты и воспитывавших их в традициях польского сепаратизма. Вносились изменения в процесс подготовки учителей разных уровней с целью усвоения ими русской культуры. Особое внимание обращалось на преподавание русской истории, и в частности, истории Западной России, как в начальных, так и средних учебных заведениях¹.

Основополагающим фактором для понимания реформы образования, осуществленной М. Н. Муравьевым и И. П. Корниловым в Северо-Западном крае, явилось различие между «старыми» и «молодыми» народами. «У первых существовали собственная дворянская элита и прочные традиции как государственности, так и общей и языковой культуры (поляки, грузины, волжские и крымские татары, азербайджанцы и др.). Русские (великороссы) были «старой» нацией со своим дворянством, высокой профессиональной культурой, литературным языком и, в отличие от других этносов империи, – со своим государством. Вторые из-за отсутствия собственной элиты, а нередко и средних городских слоев обладали незавершенной социальной структурой; у них либо никогда не было своей государственности, либо она была разрушена в начале нового времени; они не располагали своим литературным языком и высокоразвитой культурой.

«Старые» народы были дворянскими, «молодые» – «крестьянскими», над последними господствовали дворянские элиты другой национальности. В Российской империи к

¹ Политические записки графа М. Н. Муравьева // Русский архив. 1886. № 6. С. 187–199; *Граф М. Н. Муравьев*. Глава III. Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем польского мятежа 1864–1865 гг. // Русская старина. 1883. № 1. С. 134–139; *Миловидов А. И.* Заслуги графа М. Н. Муравьева для Православной церкви в Северо-Западном крае. Вильна, 1900. С. 1–3; *Миловидов А. И.* Участие молодежи Северо-Западного края в мятеже 1863 г. и вызванная им реформа местных учебных заведений (по архивным материалам). Вильна, 1904. С. 13–27; *Муравьев*. Энциклопедический словарь. Репринтное воспроизведение Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1897. С. 190–191; *Корнилов И. П.* Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. Издание второе, проверенное и доп. (посмертное). Вып. первый. СПб., 1908. С. 82–86.

«молодым» народам относились большинство этнических групп – украинцы, белорусы, литовцы, эстонцы, латыши, финны, чувашы, якуты и др. ... Соответственно своему положению и уровню развития «старые» и «молодые» народы, а также диаспоры выдвигали различные программы. Первые, руководимые дворянством, с самого начала стремились к восстановлению своей государственности, вторые под руководством лидеров из крестьянской среды – к созданию полноценной социальной структуры, развитию собственной высокой культуры и достижению национально-культурной автономии¹.

В Северо-Западном крае польско-католическое меньшинство в лице дворянско-чиновничьей элиты по отношению к православно-крестьянскому большинству выступало в качестве доминирующей группы. Эта группа, обладавшая высоким социальным статусом (права российского дворянства и городского сословия), представляла «старый» или «дворянский» народ, обладавший тысячелетней традицией государственности, имевший богатую историю и культуру, развитый литературный язык. Римско-католическая церковь, имевшая господствующий статус в Речи Посполитой, по-прежнему воспринималась как национально-польская, или «панская», вера. Конфессиональная принадлежность, воспринимаемая в качестве этнического маркера, была характерна не только для обыденного сознания, но и для идеологии правящей российской элиты².

В свою очередь, местная католическая шляхта рассматривала «господствующую» Православную церковь не только в качестве «схизмы», но и веры «хлопской»³, русской – т. е. простонародной, имевшей низкий социокультурный статус. Совокупность данных обстоятельств наделяло польскую социальную элиту чувством специфического, религиозно-культурного, *шляхетского* превосходства над русскими вообще и белорусами, в частности.

Для преодоления доминирующего положения польской культуры с ее высокоразвитым литературным языком народное образование (светское и церковное), по проекту графа Н. М. Муравьева, должно было строиться на основе изучения русского и церковнославянского языков. Русский в качестве языка обучения и преподавания не вытеснял локальный белорусский в качестве автохтонного наречия, но служил средством социальной мобильности белорусов как язык общеимперской и общерусской коммуникации, т. е. выступал как инструмент этнической модернизации белорусского населения. Церковнославянский язык изучался как богослужебный язык Русской церкви. Белорусское наречие оставалось средством локальной коммуникации в крестьянской среде. В условиях, когда на территории Северо-Западного края противостояли друг другу два главных проекта этнического строительства, конкурентоспособным и социально престижным по отношению к польскому языку мог быть только язык русский. Он изучался и распространялся не только как язык государственный, но и как социально престижный язык развитой дворянской культуры. Издание польскими революционерами латинским шрифтом книг для народа, альтернативных русской учебной и просветительской литературе, заставляло администрацию рассматривать эту практику как акцию политической оппозиционной. Публикация таких книг была запрещена. Однако следует особо подчеркнуть, что официального запрета на издание белорусской литературы на *кириллице* никогда не существовало⁴.

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начале XX в.). Т. 1. СПб., 1999. С. 40–41; Кантелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000. С. 177.

² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 г. СПб., 1901. С. 34.

³ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46935. Л. 4 об.

⁴ Русское дело на окраинах. / Сб. ст., разъясняющих польское дело в Северо-Западном крае. Вып. II; сост. С. В. Шолкович. Вильна, 1887. С. 447; Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика Российской империи на западных границах в период великих реформ // Ab imperio. 2003. № 1. С. 261–292.

Политическая необходимость внесения кардинальных перемен в принципы и организацию народного просвещения в крае была вызвана рядом политических обстоятельств. В период, непосредственно предшествующий восстанию 1863 г., многие из помещиков-поляков Северо-Западного края начали активно организовывать сельские школы, в которых при помощи католического духовенства и содействии мировых посредников, состоявших в то время преимущественно из местных польских дворян, обучение крестьянских детей-белорусов осуществлялось по польским букварям. Дети православного вероисповедания обучались в таких школах католическому катехизису. По данным МВД: «Эта польская пропаганда особенно усилилась с того времени, когда правительство, даровав крестьянам свободу от крепостной зависимости, приняло на себя дело их образования и приступило к учреждению сельских школ в Западном крае в духе русской народности»¹.

Инициатива правительство вызвала упорное противодействие со стороны влиятельных польских помещиков и римско-католического духовенства, заинтересованных в политических дивидендах религиозного прозелитизма среди православных. Поэтому генерал-губернатором В. И. Назимовым в декабре 1862 г. было сделано распоряжение о закрытии всех сельских школ, учрежденных без разрешения руководства Виленского учебного округа, и проведении расследования о составе учителей и содержании обучения. Тем не менее, в связи с начавшимся повстанческим движением в крае, попытки преподавания в сельских школах польского языка и обучения православных крестьян католическому вероучению не прекращались. М. Н. Муравьев, вступив в должность генерал-губернатора Северо-Западного края, «признал необходимым положить решительный предел указанному посягательству на православие и русскую народность».

Циркуляром от 1 января 1864 г. № 2 граф Муравьев вменил в обязанность губернаторам осуществлять строгое наблюдение над тем, чтобы никто, кроме православного духовенства, не занимался обучением крестьян без предварительного разрешения училищного начальства; равным образом, ни под каким видом и ни в каких сельских училищах, не допускать преподавания крестьянам польского языка, а православным крестьянам – Закона Божия по польским катехизисам, а также распространения между сельским населением польских букварей и иных учебных книг на польском языке.

М. Н. Муравьевым, в силу особых полномочий, за нарушение требований упомянутого циркуляра был установлен порядок наложения в административном порядке денежных штрафов. Денежному взысканию в размере от 100 до 600 рублей подвергались лица, снабжавшие крестьян польскими учебниками или распространявшие между православными католические катехизисы. Штрафы накладывались на учителей польского языка и на ксендзов, обучавших православных крестьян католическому вероучению, а также на волостных старшин, сельских старост, писарей и всех лиц, принадлежавших к составу волостного или сельского управления. Помимо штрафа, указанные лица устранились от должности в случае допущения ими указанных противозаконных действий в подведомственных им волостях и селениях. Независимо от этого тем же циркуляром предписывалось – за виновными помещиками учреждать строгий полицейский надзор, а учителей и ксендзов брать под арест до дальнейшего распоряжения².

Предпринятые генерал-губернатором М. Н. Муравьевым меры преследовали цель «прекращения польской пропаганды» и содействия «возможно большему открытию и поддержанию благосостояния сельских училищ, учреждаемых на основании правительственных распоряжений, в духе русской народности и православия»³.

¹ НИАБ. Ф. 2001. Оп.1. Д. 1922. Л. 10 об.

² Там же. Л. 11.

³ Народные училища Северо-Западного края. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений. Составлен Г. Фальборком и В. Чарнолуским. СПб., 1903. С. 56.

Циркуляр, изданный Виленским генерал-губернатором 21 марта 1864 г., запрещал также употребление польского языка во всех публичных местах, общественных и государственных учреждениях, на улицах, в гостиницах, буфетах, кондитерских, магазинах и т. п. заведениях и в частных случаях, за исключением разговора в домашнем и семейном быту»¹.

Указанные запреты должны были закрепить в сознании населения высочайше утвержденное Положение Западного комитета 1864 г., что «Северо-Западный край является русским, составляющим древнее достояние России»². В области народного образования принципы М. Н. Муравьева применительно к содержанию учебно-воспитательного процесса сформулировал попечитель Виленского учебного округа И. Н. Корнилов. «Русская пропаганда, действующая через школы, церкви, администрацию, делает свое дело; она возбуждает в массах ясное сознание и убеждение, что здешний край – исконно русский, что здесь колыбель русского государства и православия, что если губернии около Москвы называются великой Россией, то здешние губернии имеют полное право называться первоначальной древнею Россией. ... Поэтому все меры, клонящиеся к восстановлению древнего православия, к восстановлению в народе сознания о его русском происхождении и коренном православии, конечно, сильнее, прочнее и действительнее всяких мер, полицейских и военных...

Белорус мало-помалу перестает быть быдлом, работающим безответно на пана и жида. Русский язык и русская вера перестают называться холопскими; русского языка не стыдятся, как прежде, а польским не щеголяют... Русское образование сильнее русского штыка»³.

2. Религиозный компромисс правительства и Католической церкви в народной школе: первые результаты

К середине 1860-х гг. вся система народного образования в Северо-Западном крае была коренным образом перестроена. Русский язык в качестве языка преподавания стал господствующим на всех ступенях школьного обучения. Польский язык был полностью устранен из школы и как предмет изучения, и как язык преподавания Закона Божьего для учащихся-католиков⁴. С этого времени обязательным языком изучения Закона Божьего, преподаваемого ксендзами-законоучителями для местных католиков, становился русский⁵.

Перевод всего учебно-воспитательного процесса на русский язык вызвал необходимость появления на этом языке необходимой католической учебно-церковной литературы, о чем уже было сказано в главе II.

По докладу министра внутренних дел П. А. Валуева, 16 декабря 1866 г. последовало высочайшее повеление на издание краткого католического катехизиса. Его текст был

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46935. Л. 4 об.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 3.

³ *Корнилов И. П.* Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. Издание второе, проверенное и доп. (посмертное). Вып. первый. СПб., 1908. С. 218–219, 280–281.

⁴ *Бабин В. Г.* Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. / Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы науч.-теорет. конф. 8–10 дек. 2003 г. СПб., 2004. С. 205–206.

⁵ Детям, принадлежащим к Римско-Католическому вероисповеданию, Закон Божий преподается их законоучителями на русском языке. В течение первого года обучения, в случае необходимости, может быть, при обучении этому предмету, допущено употребление местного наречия (жмудского, литовского, латышского и немецкого) / Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. СПб., 1893. Ст. 3549.

одобрен генеральным викарием Могилевской архиепархии Иосифом Станевским для изучения Закона Божьего в учебных заведениях министерства народного просвещения. В этом катехизисе в числе других молитв на русском языке были напечатаны и молитвы перед учением и после учения, так называемые предклассные молитвы¹.

Наряду с кратким катехизисом в народных училищах в качестве дополнительного руководства по Закону Божьему для детей римско-католического вероисповедания использовался также «Римско-католический катехизис (пространный или краткий) о почитании государя всероссийского, или Объяснение IV заповеди Господней в отношении к государственным властям». Он был составлен в 1832 г. Виленским римско-католическим епископом Клонгевичем, одобрен императором Николаем I и рекомендован к употреблению во всех учебных заведениях Виленского учебного округа².

Для совершения обязательной для всех учащихся молитвы «о здравии императора, императрицы и наследника престола» для католиков использовался, как правило, «Алтарик для юношества». Этот сборник молитв, переведенных на русский язык по распоряжению П. Н. Батюшкова, с точки зрения католического духовенства, не имел необходимой канонической санкции, исходящей от епископата. Однако в учебных заведениях губерний Виленской и Гродненской, а также в белорусских губерниях использование русского перевода молитв за здравие государя-императора из «Алтарика» не вызывало возражений ни со стороны духовенства, ни со стороны католического населения.

В Виленском учебном округе единственным регионом, в котором эта практика встретила решительное сопротивление со стороны римско-католического духовенства, стала Ковенская губерния. В 1885 г. по распоряжению попечителя округа Н. А. Сергиевского ученикам-католикам низших и средних учебных заведений этой губернии было предписано изучение молитвы за здравие государя-императора не по тексту, печатаемому на русском языке в римско-католических литургических календарях (рубрицеллях), а по тексту «Алтарика»³.

Это требование округа вызвало протест со стороны римско-католических законоучителей Ковенской губернии. О негативном отношении католического духовенства к новой практике изучения этой молитвы сообщал и обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев: «В Литовской епархии ксендзы то всячески запрещают прихожанам своим посылать детей в русские, особенно церковноприходские, школы, то научают родителей запрещать детям читать по-русски или по-славянски молитву за царя (даже на публичном экзамене в одной из школ Ковенской губернии имел место подобный случай)»⁴.

Решение Н. А. Сергиевского подлило масла в огонь конфликта, уже существовавшего между администрацией округа и римско-католическим духовенством. Несколько ранее, в 1884 г., в той же Ковенской губернии руководство народных училищ стало требовать от учеников-католиков «обязательного посещения православных храмов в высокочтенные дни и участия их в молебствиях по православному обряду»⁵.

Ответной реакцией на принятое решение стало недовольство родителей, усматривавших в действиях администрации учебного округа посягательство на религиозную совесть их детей. С протестом выступил и Тельшевский епископ Паллиуион, который высказал к Н. А. Сергиевскому, что: «Принудительные меры к посещению в эти дни учениками православных храмов идут вразрез с государственными законами о веротерпимости

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1898. Д. 537. Л. 5.

² Народные училища Северо-Западного края. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений. Составлен Г. Фальборком и В. Чарнолуским. СПб., 1903. С. 8.

³ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 413. Л. 13 об.

⁴ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1888–1889 годы. СПб., 1891. С. 139.

⁵ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 413. Л. 12 об.

и с каноническими правилами Римско-католической церкви, безусловно воспевающей своим последователям прямое участие в богослужениях с иноверцами, и что существующая практика школьного начальства подрывает религиозно-нравственное воспитание католического юношества и огорчает родителей»¹.

К заявлению епископа Паллюлиона руководство виленского учебного округа отнеслось бюрократически «безучастно». Но у министра внутренних дел Д. А. Толстого протест Тельшевского епископа вызвал негативную реакцию. Министра вполне удовлетворило объяснение, сделанное министерством народного просвещения, которое не усматривало нарушения принципов веротерпимости в обязательном присутствии учеников-католиков по высокочоржественным дням в православных храмах, так как такие же требования предъявлялись ко всем лицам, состоявшим на государственной службе. Д. А. Толстой не только напомнил епископу Паллюлиону о приоритете российского законодательства перед каноническим правом терпимой в империи Церкви, но и предупредил его в 1885 г., что «римско-католические священники, замеченные в противодействии распоряжениям учебного начальства, будут подвергаемы строгому взысканию»².

Начавшийся конфликт относительно текста молитвы за здоровье императора удалось разрешить непосредственным вмешательством самого Александра III. В его решении, принятом 8 августа 1889 г. по докладу министра внутренних дел, говорилось: «В тех местах, где римско-католические законоучители преподают означенную молитву по канонически утвержденному тексту из «*Missale romanum*», излагаемому на русском языке в духовных календарях, разрешить эту практику и впредь; в тех же местностях, где нет возражений со стороны духовенства, допускать изучение сказанной молитвы и по другим текстам, разрешенным духовным начальством»³.

Следствием «высочайшего соизволения» 8 августа 1889 г. стало установление во всех учебных заведениях империи общего правила. Молитва за главу государства должна была преподаваться на русском языке, с допущением из этого правила исключений лишь в отдельных, продиктованных местными условиями случаях, по согласованию с МВД и МНП.

Уступка, сделанная правительством католическому духовенству Ковенской губернии, никак не повлияла на решимость епископа Паллюлиона и духовенства противодействовать обязательному посещению учениками-католиками православных храмов по высокочоржественным дням. Не добившись положительного решения в министерствах внутренних дел и народного просвещения, епископ Паллюлион обратился с ходатайством об отмене решения Н. А. Сергиевского непосредственно к Александру III. Он уверял императора в том, что ученики, которые вынуждены лицемерить и, вопреки советам своих духовников, посещать православные храмы, не могут стать «полезными слугами отечеству». На это прошение епископа император ответил: «Я думаю, никто не мешает им после службы православной отправляться в свои костелы, но если оно действительно так пагубно действует на детей, то об этом стоит подумать»⁴.

Настойчивость, проявляемая Тельшевским епископом, заставила Н. А. Сергиевского изложить министру народного просвещения И. Д. Делянову свои аргументы в защиту принятого им распоряжения. Попечитель округа убеждал министра, что отмена указанного правила о посещении учениками-католиками православных церквей по табельным царским дням в угоду епископу Паллюлиону поощрит его еще решительней вести дело «разобщения католиков от православных» и может «смутить» русских людей в Ковенской губернии. Сергиевский обращал внимание на то, что по указанию епископа ксендзы на исповеди стали угрожать ученикам, посещавшим православные храмы, отказать в св. При-

¹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 413. Л. 12 об.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 17 об.

⁴ Там же. Л. 19 об.

части как «тяжким грешникам». Подобная практика была расценена как нетерпимость, присущая Римско-католической церкви, а сам епископ охарактеризован как «изувер». Александр III на представленном ему докладе И. Д. Делянова, содержавшего аргументы Н. А. Сергиевского, 16 октября 1889 г начертал: «Совершенно разделяю мнение попечителя»¹.

Резолюция, наложенная императором, перевела конфликт между духовенством и администрацией Виленского учебного округа в перманентное состояние. Постоянные столкновения с руководством народных училищ заканчивались наложением на ксендзов административных взысканий².

Не осталась в стороне от конфликта и Римская курия. Конгрегация генеральной инквизиции в 1890 г. издала постановление, в соответствии с которым ученикам-католикам было «безусловно воспрещено» посещать православные храмы в табельные царские дни. Введение запрета объяснялось неприятием «обнаружившегося принуждения учеников принимать прямое участие в различных православных обрядностях, как-то: бить земные поклоны, держать свечу, прикладываться к кресту, подносимому православным священником и т. п.»³.

Вмешательство Римской курии во внутренние дела Российской империи вызвало резкое возражение со стороны правительства, которое заставило Рим смягчить свою позицию. Однако возможность мирного разрешения конфликта была приостановлена очередными действиями администрации Виленского учебного округа. В 1893 г. Могилевскому римско-католическому митрополиту М. Козловскому стали поступать сведения о том, что в белорусских губерниях, в частности в Минске, Могилеве и Гомеле, учеников-католиков дирекция учебных заведений заставляла посещать православные храмы в высокочественные царские дни. Митрополит Козловский обратился в МНП с жалобой на дирекцию учебных заведений, которая требовала от ксендзов-законоучителей, чтобы те выразили согласие на посещение учениками-католиками богослужений в православных церквях, что, – по словам митрополита, – «ни один из католических священников удолетворить не в праве». Митрополит не возражал против посещения православных храмов учениками-католиками. Но он не мог согласиться с принудительными мерами, которые при этом применялись администрацией, заставлявшей учеников принимать прямое участие в православных богослужениях⁴.

Таким образом, содержание учебно-воспитательного процесса в ряде учебных заведений Виленского учебного округа получало новое проблемное измерение, связанное с вопросами веротерпимости. Иерархия и духовенство Римско-католической церкви испытывали недовольство монополией русской государственной школы на обучение и воспитание подрастающего поколения католиков-белорусов, поляков, литовцев и латышей в традициях русской культуры и российской гражданственности. В русской школе католическое духовенство усматривало не только опасность обрусения своей юной паствы, но и миссионерскую угрозу со стороны Православной церкви. Поэтому реакцией на рост народных школ и попыток администрации округа с помощью принудительных мер преодолеть религиозную разобщенность учащихся стало стремление этого духовенства усилить католическое присутствие в системе школьного образования.

Одним из мотивов для подобной реакции было содержание учебного процесса и обязательная конфессиональная принадлежность учителей к православию. Предметами учебного курса в народных училищах служили: «1) Закон Божий (краткий катехизис и Священная история); 2) русский язык, чтение по книгам гражданской и церковной печат-

¹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 413. Л. 29.

² Бабин В. Г. Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. / Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы науч.-теорет. конф. 8–10 дек. 2003 г. СПб., 2004. С. 205–206.

³ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 413. Л. 31 об.

⁴ Там же. Л. 25.

ти и письмо; 3) первые четыре действия арифметики и 4) церковное пение. Все означенные предметы должны преподаваться в сих училищах по руководствам, одобренным министерством народного просвещения или духовным ведомством, по принадлежности»¹.

В народные училища допускались дети всех состояний без различия вероисповедания. Однако, как уже отмечалось, учителями в таких училищах назначались исключительно лица, принадлежавшие к Православной церкви. В «Инструкции народным учителям Виленского учебного округа» говорилось, что: «Главная цель училищ состоит не в том только, чтобы научить детей русской грамоте, но и в том, чтобы развить их умственно и нравственно, пробудить и утвердить в них чувства привязанности к исповедуемой ими вере и к русской народности, к которой они принадлежат... Народ должен узнать, что православие в здешнем крае было насаждено издревне; что в течение веков оно подвергалось многим бедствиям и гонениям, но, по милости Божией, устояло против всех искушений и ныне, под покровительством благочестивейшего монарха, исповедуется здесь народом свободно и открыто, в единении со всей Россией, на том же языке, на котором молились наши предки, и при тех же древних обрядах... Белорусские крестьяне католического исповедания хотя и молятся Богу по другим обрядам, но по своему происхождению и языку также принадлежат к русскому народу, и потому дети их должны учиться по-русски, ибо стыдно и грешно русскому человеку не знать своего языка, наречием которого он говорит и на котором для него написаны все законы, производится суд и преподается наука во всех училищах империи»².

Новым импульсом к углублению конфликта между администрацией учебного округа и католическим духовенством Ковенской губернии стал спор о конфессиональной принадлежности икон и крестов, перед которыми совершались молитвы. В народных училищах, которые действовали в Северо-Западном крае, сложилась традиция помещать в классных комнатах иконы общехристианского употребления, преимущественно с изображением Христа Спасителя и Богородицы. Предполагалось, что такие иконы являются уместными в государственных школах, носивших общехристианский характер. Учащиеся-христиане вместе с учителями совершали молитвы перед иконами, крестясь в соответствии со своей церковной традицией. Установившийся в 1860-е гг. этот порядок, не носивший в себе явных признаков православного конфессионализма, долгие годы не вызывал замечаний ни со стороны католической иерархии, ни родителей или самих учащихся. Однако, начиная с 1893 г., некоторые ксендзы Ковенской губернии стали требовать внесения в государственные школы, посещаемые католиками, икон и крестов, освященных по католическому обряду. Дирекция школ отклоняла эти требования, а крестьяне Ольсядской волости Тельшевского уезда, которые самовольно внесли в народное училище католический крест, были подвергнуты административному взысканию³.

В двух народных училищах той же губернии ученики-католики, «подстрекаемые ксендзами-фанатиками», стали оказывать упорное сопротивление этой сложившейся традиции, «становясь во время чтения молитвы боком и даже спиной к иконе». Н. А. Сергиевский расценил такое поведение учеников как «крайний фанатизм» и выражение «небрежения или презрения к господствующей Церкви». В качестве ответной меры администрация учебного округа уволила с должности законоучителя ксендза Бублиса за то, что тот запрещал ученикам-католикам молиться перед иконой, освященной православным священником⁴.

¹ Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. СПб., 1893. Ст. 3543.

² Народные училища Северо-Западного края. Систематический свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений. Сост. Г. Фальборком и В. Чарнолуским. СПб., 1903. С. 30–31.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1898. Д. 537. Л. 5.

⁴ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 413. Л. 34–35.

Министерство внутренних дел, возглавляемое в начальный период царствования Николая II И. Л. Горемыкиным, решило положить конец затянувшемуся конфликту, который получал все больший общественный резонанс. Учитывая то важное обстоятельство, что в Западном крае государственная школа играла роль важного инструмента правительственной политики, направленной на преодоление традиционной религиозно-этнической обособленности населения, МВД сочло необходимым установить точные правовые нормы, призванные регулировать религиозную практику в школе.

Оценивая упомянутые выше решения руководства Виленского учебного округа, И. Л. Горемыкин пришел к выводу о «настоятельной необходимости» установления «более правомерного отношения к религиозным нуждам учеников иноверного исповедания». С точки зрения министра, распоряжения администрации округа не только «подрывали в корне» принципы имперской веротерпимости, но и противоречили учению Православной церкви, «не позволяющей себе ни малейших понудительных средств при обращении последователей иных исповеданий к православию». Следовательно, принятые попечителем учебного округа меры по преодолению религиозно-этнической разобщенности учащихся не являлись правомерными, так как нарушали статьи 44–45 Основных законов империи и ряд норм законодательства о веротерпимости. Необходимой правовой санкции на проведение этих мер И. Л. Горемыкин не усматривал и в резолюциях, сделанных Александром III по докладу И. Д. Делянова. Общий вывод относительно действий администрации округа оказывался неутешительным, так как для целей успешной интеграции края в состав России их негативные последствия представлялись министру довольно значительными. Он усматривал их в том, что: «Все это, при узко понятом взгляде на русификацию края, производит смуту, раздражает римско-католическое духовенство и, фанатизируя преданное ему католическое население, держит его в состоянии постоянного напряжения, что далеко не отвечает видам правительства»¹.

Следует отметить, что сам Горемыкин был последовательным сторонником продолжения русской «национальной» политики в крае, которая, по его мнению, окончательно восторжествовала только в период правления Александра III. Оценивая результаты обрусения Северо-Западного края и белорусских губерний, он предлагал Николаю II проявить «бесповоротную решимость... изгладить последние следы былого польского владычества в отторгнутых некогда от русского народа землях»².

Вместе с тем он был уверен, что для достижения большей эффективности политику интеграции западных окраин с центром следовало осуществлять, не прибегая к исключительным административным мерам, принудительным или запретительным, в такой сложной для регуляции области, как религиозно-этнические отношения. Горемыкин предлагал внести в действия правительства ряд корректив, которые позволяли бы в большей степени учитывать религиозные интересы местного католического населения, удовлетворение которых не выходило за рамки действовавшего законодательства о веротерпимости.

Для того чтобы внести успокоение в учебные заведения на западных окраинах империи, И. Л. Горемыкин выступил с правовой инициативой, на основании которой 25 июня 1897 г. последовало высочайшее повеление Николая II. В нем говорилось: «Обязательное и принудительное посещение в открытых учебных заведениях гражданского ведомства учениками-иноверцами православного богослужения по табельным дням повсеместно прекратить, кроме того, общую для всех христиан предклассную молитву в учебных заведениях, где имеется значительное число иноверцев, заменить отдельной молитвой по исповеданиям, сообразно правилам каждого исповедания»³.

¹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 413. Л. 38–39.

² ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 470. Л. 16 об.

³ *Суворов Н.* Учебник церковного права. Ярославль, 1898. С. 589.

Применение этого повеления на практике вновь привлекло внимание к проблеме языка молитвы. Католическая иерархия и духовенство выступили в качестве сторонников употребления в молитвах польского языка. Так как предложенный вариант не был приемлем для правительства, по согласованию с митрополитом римско-католических церквей С. Козловским, было решено, чтобы предклассная молитва совершалась на латинском языке.

Политика компромисса с Римско-католической церковью относительно языка молитв, начатая высочайшим повелением от 3 апреля 1897 г., теперь распространялась и на систему народного образования. В октябре этого года министр просвещения граф И. Д. Делянов издал распоряжение, согласно которому предклассные католические молитвы в школах Северо-Западного края должны были читаться на латыни. Делянов сообщил также попечителям учебных округов, что в комнатах, где молились учащиеся, могут быть поставлены распятия и католические иконы. Одновременно с этим министр просвещения известил митрополита римско-католических церквей Козловского о том, что входящая в состав предклассной молитвы молитва за государя императора должна по-прежнему совершаться на русском языке¹.

Как и в случае с изданием высочайшего повеления от 3 апреля 1897 г., решение императора от 25 июня 1897 г., конкретизированное министром народного просвещения И. Д. Деляновым, «было истолковано ксендзами как победа католицизма над православием»². Сообщения об этом поступали в Святейший Синод из западных епархий. «После разрешения католикам-ученикам читать предклассные молитвы не на русском, а на латинском языке, – писал К. П. Победоносцев, – ксендзы особенно подняли голову. Преосвященный Литовский отмечает несколько случаев фанатической вражды их к православию. Так, один ксендз, узнавши о присоединении католика к православию, велел звонить по нему, как по покойнику»³. Приводились и другие примеры религиозной нетерпимости католического духовенства.

Практические результаты этих победных настроений немедленно сказались и на поведении римско-католического духовенства в государственной школе, что, в свою очередь, вызвало недовольство администрации Виленского учебного округа. Попечитель округа Н. А. Сергиевский считал, что уступки, сделанные министерством католическому духовенству, не привели к смягчению отношений между духовенством и администрацией народных училищ. Наоборот, они способствовали ухудшению религиозно-этнических отношений в народной школе. Более всего Сергиевского тревожило появление межрелигиозной вражды между учащимися народных училищ, католиками и православными Ковенской губернии.

По его словам, ксендзы этой губернии: «Вообразили себя полными хозяевами русской школы во всем, что имеет хоть малейшее отношение к делу о молитве, и поспешили... засвидетельствовать, что самым пламеннейшим желанием их сердца остается и ныне, как и всегда, желание унижить православие в глазах учеников-католиков и возможно больше увеличить религиозную рознь между исповеданиями»⁴.

Сергиевский упоминает о «двухаршинных иконах и крестах огромных размеров», которые устанавливались в классах таким образом, чтобы ученики-католики при молитве обязательно обращались спиной к классной, т. е. к православной, иконе. По мнению попечителя, ксендзы спешили показать, что «русская схизматическая школа должна пре-

¹ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 211. Л. 4–5.

² Бабин В. Г. Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. / Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы науч.-теорет. конф. 8–10 дек. 2003 г. СПб., 2004. С. 207.

³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896–1897 годы. СПб., 1899. С. 72.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1898. Д. 537. Л. 7 об.

вратиться в школу католическую». Сергиевский утверждал, что, «вследствие всех этих работ ксендзов по разобщению учеников, прежнего единства между учащимися, увы, уже нет. Его заняла религиозная рознь между детьми с отроческих лет»¹.

Возникли проблемы и с чтением молитв на латинском языке для учеников-католиков. Они должны были заменить традиционно читавшиеся общие для всех учеников молитвы «Препоблагий Господи» и «Благодарим Тебе, Создателю» перед началом занятий и после их завершения. Тексты новых молитв на латыни были присланы в училища митрополитом Могилевским С. Козловским и Виленским епископом С. Зверовичем. Прислал свой текст предклассной молитвы на латинском языке и Тельшевский епископ Паллюион².

Митрополит Козловский уверял министерство просвещения, что согласно канонам Римско-католической церкви все литургические молитвы должны читаться на латинском языке. При чем тексты молитв, присланных митрополитом в государственную школу, не относились непосредственно к учебному процессу и заканчивались молитвой за Папу Римского.

Аргументация римско-католического иерарха вызвала возражения со стороны Н. А. Сергиевского, который справедливо указывал, что «сама Римско-католическая церковь отнюдь не отождествляет богослужебного языка своего с языком молитв, которые произносят верующие дома и в костеле. Язык богослужебный – язык латинский, язык молитвы – местный, общепонятный». Попечитель Виленского учебного округа в марте 1898 г. обратился к министру народного просвещения Н. П. Боголепову с просьбой о пересмотре распоряжения министерства о чтении учениками-католиками предклассной молитвы на латинском языке. По его мнению, замена русского языка латинским «в педагогическом отношении неудобна и нежелательна». Обращение Н. А. Сергиевского основывалось на реальных фактах.

Еще в январе этого же года он поручил директорам народных училищ Виленской, Гродненской и Минской губерний выяснить, как используется латинский язык в предклассных молитвах для учеников-католиков. В ходе обследования стало известно, что в большинстве народных и уездных училищ этих губерний существовавший прежде порядок чтения общих молитв «Препоблагий Господи» и «Благодарим Тебе, Создателю» для учащихся всех вероисповеданий сохранился без изменений. Главной причиной такого явления стало то, что ни учителя, ни ученики не знали латыни и без помощи ксендзов-законоучителей не могли приступить к чтению молитв на непонятном им языке. В свою очередь, ксендзы в большинстве случаев отнеслись к предложенным епископатам молитвам «равнодушно и даже не сочувственно, как к нововведению, нарушающему гармонию детского мира и могущему внести нежелательную рознь и дисгармонию в школьную семью». Полученные факты позволили Сергиевскому обратиться в министерство с запиской о нецелесообразности нововведений, сделанных на основании повеления 25 июня 1897 г.

Приняв во внимание позицию попечителя учебного округа, министерство признало целесообразным сохранить в Могилевской и Виленской губерниях для учащихся народных училищ прежний порядок чтения общих молитв на русском языке³.

Практические результаты компромисса, заключенного министерством с католической иерархией по вопросу о языке молитвы, в народных училищах Виленского учебного округа оказались достаточно скромными, но на этот раз по объективным причинам. На торжественном открытии в Вильно 8 ноября 1898 г. памятника графу М. Н. Муравьеву Н. А. Сергиевский, подтверждая сохранение преемственности политики в сфере народного образования, заявил: «Он (М. Н. Муравьев) явился в нашу истинно русскую Западную окраину с ясным убеждением, что это есть именно Русская земля, что, следовательно, тут место господства православной веры, русского государственного самодержавия,

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1898. Д. 537. Л. 8.

² ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 211. Л. 7.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1898. Д. 537. Л. 23–24.

что служение этому краю должно происходить на основе спокойного и твердого сознания национального русского достоинства. Великая и плодотворная деятельность графа М. Н. Муравьева, обновившая все стороны жизни Западного края и разработавшая путь для нормального дальнейшего его развития, не могла не коснуться такого жизненно важного фактора, как народное образование, и своим характером бесповоротно определила принципы для местной школы. Я счастлив засвидетельствовать, что все учебные заведения Виленского округа развиваются в духе заветов М. Н. Муравьева»¹.

Применение на практике указа от 25 июня 1897 г. в учреждениях министерства народного просвещения не встретило противодействия со стороны заведующих народными училищами. Однако, несмотря на упразднение введенных ранее принудительных мер в отношении инославных учеников, римско-католическое духовенство не могло отрешиться от предубеждения в отношении правомерности действий школьной администрации. Взаимная неприязнь приводила к различным инцидентам, особенно в Ковенской губернии. Тельшевский римско-католический епископ Мечислав Паллюлион в ноябре 1898 г. обратился к виленскому генерал-губернатору В. Н. Троцкому с жалобой на заведующего Новоалександровским городским училищем Божко. Епископ сообщал, что заведующий этим училищем вопреки повелению от 25 июня 1897 г. заставляет учеников-католиков посещать Православную церковь для участия в богослужении и что их принуждают совершать молитву после завершения уроков вместе с учениками-православными. Сведения о религиозном принуждении в училище поступили к епископу от законоучителя ксендза Юревича. Это дело вызвало довольно громкую общественную огласку. Помимо собственного расследования, проведенного по распоряжению руководства учебного округа, в нем дополнительно приняли участие чиновник особых поручений при ковенском губернаторе и даже местный предводитель дворянства.

По результатам тщательной всесторонней проверки оказалось, что заведующий училищем предложил ученикам-католикам принять участие в панихиде по императору Александру III. Это была сугубо добровольная акция, в силу которой участие в богослужении приняла лишь часть приглашенных учеников. Дело в том, что повеление от 25 июня 1897 г. не запрещало добровольного участия детей-католиков в православном богослужении. На этот счет существовало особое разъяснение, данное несколько ранее министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным по случаю обращения учениц-католичек Виленского Мариинского высшего женского училища с просьбой об участии их в общей молитве с православными. Министр признал действия администрации, разрешившей эту просьбу, заслуживающими одобрения. В конечном итоге, сведения, предоставленные епископом Паллюлионом виленскому генерал-губернатору, были официально признаны необоснованными. Возмущенный действиями римско-католического духовенства, вневедомственным вмешательством губернской администрации и местного дворянства в дела учебного округа, Н. А. Сергиевский, обращаясь к В. Н. Троцкому, писал, что «ксендзовская ложь, вызвавшая небывалые тревожения в мирной русской школе... конечно, будет подвергнута вашим высокопревосходительством должному осуждению». Сергиевский просил удалить из Новоалександровска виновных в появлении порочащих заведующего Новоалександровским городским училищем ложных обвинений местных ксендзов – Юревича и Томашевича².

Для того чтобы исключить возможность повторения подобных случаев, попечитель учебного округа поручил директору народных училищ Ковенской губернии Лебединцеву принять решительные меры, чтобы ученики-католики ни под каким видом не привлекались к посещению православных храмов. «Всякое приглашение их к посещению этих храмов, – отмечал Сергиевский – будет возбуждать в учащих только недовольство, если не более, что оскорбительно для Православной церкви, а с другой стороны, будет давать пропи-

¹ Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1899 год. Вильна, 1899. С. 37.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1898. Д. 537. Л. 39.

танному ненавистью ко всему русскому католическому духовенству Ковенской губернии повод к неосновательным жалобам и стонам о преследовании, якобы, учебным ведомством Католической церкви»¹.

Однако, несмотря на разъяснительные меры, предпринимаемые администрацией Виленского учебного округа, случаи столкновения между народными учителями и католическим духовенством по-прежнему были нередким явлением. Между руководством учебного округа и администрацией Ковенской губернии существовали расхождения в оценке поведения римско-католического духовенства в государственной школе. Н. А. Сергиевский был убежден, что, будучи уверенным в своей победе, достигнутой в многолетнем противостоянии с руководством учебного округа, римско-католическое духовенство не остановится на достигнутых результатах и будет в дальнейшем выдвигать «все большие и большие требования». Если продолжать политику уступок «польщизне», полагал он, повторится «прежде возникавшее домогательство об отмене преподавания Закона Божия римско-католического исповедания на русском языке, ибо язык этот тоже схизматический и Папой не допускается к священному употреблению. А отсюда, чтобы быть последовательными, ксендзам недалеко уже до требования удалить русских православных народных учителей, особенно в Ковенской губернии, ибо они схизматики, а схизматик не может учить и воспитывать дитя католической веры, и подтвердят это каким-нибудь каноническим измышлением»².

Следует заметить, что, несмотря на раздраженный тон попечителя Виленского учебного округа, в его предсказаниях была известная доля истины. Но суть дела заключалась не в наличии особой проницательности Н. А. Сергиевского относительно характера дальнейшего поведения латинского духовенства, а в том правовом положении, которое занимала Римско-католическая церковь в Российской империи. Лишенная права иметь собственную систему религиозного образования и воспитания юной паствы, а также возможности использовать польский язык в учебно-воспитательном процессе, римско-католическая иерархия, ободренная императорскими повелениями от 3 апреля и 25 июня 1897 г., стремилась добиться максимальной возможности использовать действовавшее законодательство о веротерпимости для восстановления своих позиций в Северо-Западном крае. И это вполне объяснимое стремление к канонической автономии Церкви от государства должно было проявиться с неизбежностью в системе народного просвещения края.

Свидетельством новых тенденций в поведении римско-католической иерархии стала деятельность Виленского епископа Стефана Зверовича. В 1898–1899 гг. епископ неоднократно обращался к виленскому генерал-губернатору В. Н. Троцкому с жалобой на то, что «дети, посещающие народные училища и церковноприходские школы, приходя на исповедь, не только не знают ежедневных молитв и главных истин исповедуемой ими веры, но даже не умеют креститься по правилам Римско-католической церкви». Причину столь печального явления епископ усматривал в том, что в большинстве сельских народных училищ, в которых не имеется законоучителя римско-католического исповедания, преподавание Закона Божьего детям-католикам ведется или православным священником, или же местными учителями. В письме епископ особенно подчеркивал то обстоятельство, что в церковноприходские школы законоучители римско-католического исповедания не назначаются и что учащимся в этих школах детям-католикам Закон Божий преподают православные учителя или священники. Особую тревогу епископа Зверовича вызывало употребление в народных училищах при обучении детей-католиков Закону Божьему учебников, утвержденных Святейшим Синодом для учащихся православного исповедания. Управляющий Виленской епархией обращал внимание генерал-губернатора на то, что в большинстве народных училищ, посещаемых католиками, не допускается установление

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1898. Д. 537. Л. 29 об.

² Там же. Л. 8–9.

в классных комнатах католических икон, в результате чего возникают конфликты между ксендзами-законоучителями и руководством училищ. Он даже утверждал, что учителя некоторых учебных заведений заставляют учеников-католиков ходить на богослужения в православную церковь.

В декабре 1898 г. генерал-губернатору был представлен «краткий список» тех народных училищ, в которых не имелось законоучителей римско-католического исповедания. Всего по Виленской и Гродненской губерниям таких заведений было названо 58¹. Несколько позже, в феврале 1899 г., епископ представил генерал-губернатору очередной «краткий список» учебных заведений, в которых: 1) детям-католикам Закон Божий преподается православными священниками или местными учителями; 2) не имеется католических икон; 3) учителя заставляют учеников-католиков посещать Православную церковь. Таковых соотвественно оказалось: в первой графе – 46, во второй – 80 и в третьей – 15².

Следует отметить, что руководство Виленского учебного округа предпринимало в этот период необходимые меры по реализации императорского повеления от 25 июня 1897 г. и решений министерства народного просвещения. Средние учебные заведения округа (гимназии и прогимназии) имели законоучителей римско-католического исповедания, которые пользовались учебниками Закона Божьего, одобренными ученым комитетом МНП и под надзором начальства подлежащих учебных заведений³. В классах были помещены католические иконы, перед занятиями и после занятий читались молитвы на латинском языке. Гимназистам-католикам была предоставлена возможность посещать костелы в воскресные, праздничные и табельные дни. Поэтому в отношении средних учебных заведений римский епископат не выдвигал претензий к Виленскому учебному округу.

Недовольство епископа Зверовича вызывала ситуация, сложившаяся в народных училищах округа, в которых, по его словам, «дарованные католикам милости, права и льготы или вовсе не применены, или применены только в части, каковое обстоятельство исключительно только и возбуждает одни неурядицы и неудовольствия». По мнению епископа, устранение этих конфликтов возможно при условии, если во всех народных училищах будут преподавать Закон Божий католические законоучители по учебникам, одобренным римско-католической иерархией. Настойчивость римско-католического епископа в отстаивании церковных интересов в системе народного образования наряду с основными религиозно-этническими мотивами была обусловлена и требованиями канонического права. Согласно «Compendium juris ecclesiastici» – учебника по каноническому праву, составленного епископом Айхнером: «В элементарных школах, где обучаются и воспитываются дети римско-католиков, местный священник должен быть не преподавателем лишь Закона Божия. Во всем, что касается религиозного и нравственного воспитания детей, приходской священник должен иметь в школе решающий голос. Не дело гражданского правительства учить религии и наставлять юношество в вере и добродетели. Поэтому если правительство берет в свои руки монополию управления школами, отстраняя от этого дела церковь, или изгоняет из школ преподавание религии, или уменьшает ее влияние на школу, то оно поступает предосудительным образом и против религии, и против церкви, против общества, семейства и родителей»⁴.

Однако нормы канонического права Римско-католической церкви явно расходились с принципами обучения и воспитания, принятыми в государственной российской школе. Поэтому неудивительно, что претензии Виленского епископа к организации преподавания

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1898. Д. 590. Л. 1–3 об; РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 124. Л. 14–15.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1898. Д. 590. Л. 7–8.

³ «О порядке введения преподавания Закона Божия иноверческого исповедания в средних учебных заведениях» // Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1899 год. Вильна, 1899. С. 238–239.

⁴ *Белецкий А. В.* Римско-католические епархиальные семинарии: Виленская и Тельшевская. Вильна, 1887. С. 38.

католического Закона Божьего в народных училищах округа встретили решительную отповедь попечителя округа В. А. Попова. Проанализировав информацию, представленную епископом Зверовичем генерал-губернатору, попечитель пришел к выводу, что сведения о принуждении учеников-католиков к исполнению православных обрядов не имеют под собой реальной почвы. Действительно, в распоряжении руководства округа не было ни одной жалобы на народных учителей со стороны крестьян-католиков. Не менее беспочвенными были утверждения епископа об отсутствии законоучителей-ксендзов во многих училищах округа. Ответственность за такое неудовлетворительное положение дел с преподаванием Закона Божьего для католиков епископ возлагал на дирекцию народных училищ. Однако при исследовании этого вопроса выяснилось, что в сложившейся ненормальной ситуации в значительной степени виновны сами ксендзы, «очень редко», по словам попечителя, посещавшие народные училища, а также и римско-католическое епархиальное начальство, которое не ставило в известность руководство училищ об освободившихся вакансиях ксендзов-законоучителей. При частом перемещении ксендзов с прихода на приход отсутствие своевременных сведений со стороны епископата приводило к длительному отсутствию законоучителей в училищах¹.

Следует отметить, что руководство Виленского учебного округа проявило необходимую оперативность и конструктивный подход в решении проблем, сформулированных римско-католическим епископом. Еще в октябре 1898 г. попечитель округа Н. А. Сергиевский поставил епископа Зверовича в известность о циркулярном распоряжении директорам народных училищ относительно обязательного употребления при изучении Закона Божьего детьми-католиками только таких учебников, которые одобрены римско-католической иерархией. С целью своевременного замещения вакансий законоучителей римско-католического исповедания в декабре 1899 г. новый попечитель округа В. А. Попов также издал циркуляр директорам народных училищ Виленской, Ковенской и Гродненской губерний. В нем говорилось, чтобы директора два раза в год доставляли римско-католическим епископам и в управление округа списки тех училищ, в которых имеются вакансии законоучителей. Предлагалось также указывать в списках и число католиков, обучающихся в этих училищах². Тем не менее достигнуть должного взаимопонимания между римско-католическим духовенством и народными учителями по-прежнему не удавалось.

Такое положение было характерно не только для губерний, входивших в Виленскую и Тельшевскую римско-католические епархии. Руководителям народного просвещения приходилось сталкиваться с фактами нетерпимости к православию и в других губерниях округа. В циркулярном сообщении витебской дирекции народных училищ, направленном учителям 1 мая 1900 г., говорилось, что в местечке Дагде Двинского уезда ученики-католики местного народного училища «глумились и кощунствовали над православной иконой Спасителя» и за это были отчислены из училища. Как выяснилось, что «глумились» они по внушению родителей и ксендза. Сообщалось также, что в этой местности ксендзы запрещали родителям отдавать детей в народные училища³.

Анализируя сложившуюся ситуацию, ковенский губернатор Э. А. Вагаци в отчете императору Николаю II за 1902–1903 гг. причины религиозных конфликтов, возникавших в учебном ведомстве, усматривал в непонимании местной администрацией, включая и школьную, мотивов поведения католического духовенства. Для установления правильных отношений государства и католичества следовало, по мнению губернатора, строго разделять религиозное служение священников от действий, носящих противоправный и

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1898. Д. 590. Л. 23–24 об.

² Там же. Л. 11, 31.

³ Корнилов И. П. Глас вопиющего в Северо-Западном крае // Церковный вестник. 1901. № 22. С. 706.

антигосударственный характер. Отступление от этого принципа приводит к негативным последствиям и подрывает доверие римско-католического населения к действующему российскому законодательству о веротерпимости. В конечном итоге вину за возникновение религиозных конфликтов в народных школах губернатор возлагал на учебное ведомство, которое, по его мнению, не осознало еще политическую важность «правильной постановки народной школы...и, к сожалению, вносит в это дело страстность и слишком часто болезненно задевает чуткие струны веры в католическом населении»¹.

Однако повседневная практика поведения католического духовенства в народной школе опровергала надежды, возлагаемые губернатором на последовательное воплощение принципов веротерпимости в сфере народного просвещения. Губернатор явно переоценивал уровень светского правосознания части католического духовенства, рассчитывая, что строгое соблюдение законности умерит их клерикальные амбиции. Вот данные официального расследования, проведенного в Ковенской губернии.

В 1902 г. настоятель Понемунекского костела Новоалександровского уезда ксендз Иоанн Коцелло был уличен в подстрекательстве своих прихожан «к производству бесчинств в Понемунекском народном училище и насилий над личностью учителя». За этот проступок распоряжением министра внутренних дел ему было объявлено строгое внушение, с предупреждением об увольнении от должности, в случае повторения им «вредного направления»².

Ксендз Куршанского костела Шавельского уезда Константин Купревич будучи законоучителем местного народного училища стал «без всякой основательной причины противодействовать посещению последнего девочками, чем нарушил мирное течение занятий в школе». За свои противоправные действия по распоряжению попечителя Виленского учебного округа В. А. Попова ксендз был уволен с должности законоучителя. Затем, по указанию генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского, в ноябре 1903 г. в качестве административного взыскания Купревич был перемещен на другой приход, с предупреждением, что если он еще раз «проявит такую же вредную деятельность, то будет вовсе устранен от должности»³.

Действия указанных ксендзов свидетельствовали о том, что для части радикально настроенного католического духовенства светское обучение подрастающего поколения и связанные с ним формы социальной адаптации не являлись социальной ценностью, заслуживающей должного уважения. Принципиально иные ценностные и идейные ориентиры были у руководства Виленского учебного округа. Опираясь на действовавшую нормативную базу, руководство округа исходило из того, что организованное воздействие на процессы социализации школьников в форме российского просвещения является одним из приоритетов образовательной политики государства на западных окраинах империи. Проблемы модернизации края и задачи интеграционного характера, решаемые российским образованием в округе, не могли импонировать духовенству, для которого клерикальные и этнические приоритеты были доминирующими. Поэтому противоречия, существовавшие между фундаменталистскими ценностями католического духовенства и гражданскими, интеграционными ценностями российского просвещения в крае, были принципиальными, основанными на разной системе ценностных координат. Отдельные конфликты, возникающие время от времени между ксендзами и представителями системы народного просвещения, были лишь симптомами этих реально существующих противоречий, сдерживаемых существующим законодательством о веротерпимости.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1904. Д. 129. Л. 14–15.

² Там же. Л. 37.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1906. Д. 355. Л. 45 об.

3. Церковноприходские школы в фокусе православно-католического противостояния в крае

Еще одной сферой народного образования, монопольное положение которой вызывало недовольство римско-католического духовенства и мирян, были церковноприходские школы и школы грамотности. К середине 1880-х гг. по инициативе обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева была сформирована новая организация церковной школьной системы. Результатом деятельности обер-прокурора стали «Правила о церковноприходских школах», которые 13 июня 1884 г. были утверждены императором Александром III¹. В статье 1 «Правил» говорилось, что цель церковноприходских школ – «утверждать в народе православное учение веры и христианской нравственности и первоначальные полезные знания». Тем самым подчеркивался конфессиональный характер церковноприходских школ. Приходские школы должны были находиться в тесной связи с приходами и будить в учениках, которые должны были регулярно посещать богослужения, любовь к Церкви и ее литургической жизни (ст. 9). В обязанность приходских священников входило преподавание Закона Божия и общее религиозное окормление воспитанников (ст. 9). Учителями должны быть люди, получившие образование в учебных заведениях Ведомства православного исповедания (ст. 12). Руководство и администрация церковноприходских школ находились под контролем Святейшего Синода².

Системная политика обрусения Северо-Западного края, начатая М. Н. Муравьевым, включала ряд мер по развитию церковноприходских школ. Приоритетное открытие таких школ было продиктовано соображениями политического, религиозного и финансового характера. Содержание церковноприходских школ было дешевле в сравнении с народными училищами, находившимися в ведении министерства народного просвещения, поэтому появлялась возможность в короткий срок привлечь к образованию большее количество детей. Церковная школа с большей эффективностью, нежели министерская, могла противостоять католической пропаганде, особенно в местностях со смешанным населением. Учитывая, что католицизм имел мощную поддержку в лице экономически преобладавшего в крае польского дворянства, просветительская деятельность Православной церкви имела немаловажное значение³.

Активную поддержку развитию церковноприходских школ оказывал обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, стремившийся установить приоритет Православной церкви в области народного образования. Анализируя положение православия в западных епархиях, обер-прокурор в своем отчете за 1898 г. писал императору Николаю II, что: «Несмотря на всевозможные преграды со стороны ксендзов к развитию школьного дела, церковноприходские школы являются в Западном крае надежными проводниками православного учения и христианской нравственности. Увеличивающееся с каждым годом число обучающихся в церковноприходских школах инославных детей свидетельствует о доверии, с каким относятся к ним не только православные, но и католики. Тщательно устранимая в обучении полемическая пропаганда дает твердую уверенность в том, что

¹ *Завьялов А.* Циркулярные указы Святейшего Правительствующего Синода. 1867–1900 гг. 2-е изд., доп. СПб., 1901. С. 191–192.

² *Смолч И. К.* История Русской церкви. 1700–1917. Ч. 2. М., 1997. С. 107–108.

³ *Бабин В. Г.* Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. / Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы науч.-теорет. конф. 8–10 дек. 2003 г. СПб., 2004. С. 207.

со временем церковноприходская школа завоюет к себе всеобщие симпатии в западных епархиях»¹.

Следует добавить, что усиление позиций Православной церкви должно было способствовать ускорению религиозной интеграции белорусской паствы в конфессионально-этническую общность русского народа, состоявшего из православных белорусов, малороссов и великороссов. В условиях Северо-Западного края церковноприходская школа, наряду со школой министерской, становилась инструментом воспитания русского этнического самосознания юного поколения православных. Наряду с этим в школах осуществлялось формирование российской идентичности у всех учащихся, называемой на языке того времени чувством российской гражданственности.

В отчете епархиального наблюдателя «О состоянии школ церковноприходских и школ грамоты Гродненской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1900–1901 учебный год» особая актуальность церковной школы в Северо-Западном крае формулировались следующим образом: «Воспитывая в молодом поколении дух «православной церковности», церковная школа в то же время пробуждает и укрепляет русское самосознание в местном искони русском населении, в котором неблагоприятные исторические судьбы в течение нескольких веков вытравляли его связь с основным организмом русского тела. Преследуя последнюю цель, церковные школы вместе с тем развивали в учащихся, а через них последних и в старшем поколении, патриотические чувства, чувства любви к русскому отечеству и преданности русскому царю»².

Решение задач интеграции православных белорусов в общерусское религиозно-культурное пространство осуществлялось этой школой на основе единой веры, богослужения, русского и церковнославянского языков, образов, объединяющих символов и ценностей российской истории, культуры и государства. Вот как писала об этом процессе церковная печать: «3 октября 1897 г., по случаю закладки в этот день в г. Вильне памятника бывшему генерал-губернатору графу Михаилу Николаевичу Муравьеву, ученики и ученицы Белостокских церковноприходских школ... ходили в белостокский собор на заупокойную литургию и панихиду по этом великом устроителе дел в нашем крае, так что день 3 октября ошутительно явился для учащихся одним из тех патриотических дней, которые так сильно будят в нас русское самосознание, поднимают русский дух и напоминают нам о сохранении тех священных заветов, какие оставили нам граф М. Н. Муравьев, митрополит Иосиф Семашко, профессор М. О. Коялович, М. Н. Катков, И. С. Аксаков и другие – эти, поистине путеводные звезды на обширном горизонте нашего Северо-Западного края»³.

В местностях со смешанным населением церковноприходские школы посещали и дети католиков. Посещение школ было исключительно добровольным и только по согласию родителей. Такая странная с ортодоксально-конфессиональной точки зрения практика, но достаточно распространенная была вызвана рядом причин. В частности, по высочайшему повелению от 10 декабря 1892 г. все училища при римско-католических костелах империи были переданы ведомству министерства народного просвещения. При новом порядке управления училищами католическое духовенство сохранило только право наблюдать за религиозным образованием подрастающего поколения⁴. Сделанная пра-

¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 г. СПб., 1901. С. 37.

² Отчет епархиального наблюдателя о состоянии школ церковноприходских и школ грамоты Гродненской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1900–1901 учебный год // Гродненские епархиальные ведомости. 1902. № 14. С. 139.

³ Романовский М., священник. Очерк истории Белостокской двухклассной церковноприходской Владимирской школы // Гродненские епархиальные ведомости. 1902. № 16. С. 167.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 359. Л. 3.

вительством уступка не могла примирить католическое духовенство с главным – утратой возможности легально осуществлять образование и воспитание детей при костелах. Потеря столь важного инструмента религиозного воспитания юного поколения вызвала рост недовольства католического духовенства и части мирян, которое обратилось на министерские и церковноприходские школы.

Однако негативное отношение духовенства к церковноприходским школам не помешало прагматически мыслящим крестьянам-католикам проявлять заботу об образовании своих детей. При имевшейся нехватке министерских школ крестьяне-католики отдавали своих детей в школы церковные. Для социально активной части католического населения русское образование обладало большей практической ценностью, нежели предубеждение против православия и русской культуры. Примером подобного прагматизма служила Гродненская губерния, в которой «в местностях со сплошным католическим населением было открыто свыше 70 церковных школ, причем по *собственной инициативе* крестьян-католиков». Епархиальный наблюдатель Гродненской епархии, выражая точку зрения местного православного духовенства, полагал, что открытие школ в регионах со сплошным католическим населением необходимо, но не среди этнических поляков, а только среди белорусов, для «пробуждения в русских-католиках русского самосознания»¹.

Гродненское духовенство придерживалось точки зрения обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, который полагал, что отпавшие от православия белорусы исторически принадлежат русскому племени, поэтому церковные школы для них нужны. В то же время Победоносцев, учитывая высокую степень религиозности и этнические особенности литовцев-католиков, считал целесообразным в Ковенской губернии отдавать приоритет государственным, а не церковным школам².

В деятельности церковноприходских школ православное духовенство усматривало эффективную возможность восстановления этнического единства белорусского народа, исторически разделенного конфессиональными границами. Предполагалось, что с помощью этих школ «нужно спасать от поглощения полонизмом единокровных наших братьев белорусов-католиков, которых в одной Гродненской губернии можно насчитать до 400 тысяч. Церковная школа протягивает руку этой отторгаемой части русской семьи – она несет ей русскую грамоту, она будит в ней исторические традиции, она знакомит с православной верой и тем способствует ослаблению искусно подогреваемой религиозной исключительности, а нередко воспитанного уже ксендзами фанатизма и задерживает печальный процесс полного отторжения... Стоит присмотреться к тем католическим или смешанным поселениям, где уже несколько лет действует церковная школа, чтобы убедиться в добром влиянии этой школы на ослабление религиозной исключительности католической части населения и укреплении здесь русского языка»³.

По сообщениям приходских священников, католики, обучавшиеся в церковных школах, «чужды уже фанатизма религиозной исключительности, а за обучавшимися в начальных школах других ведомств этого не замечается». Церковная школа, по их мнению, «вносит дух мира во взаимные отношения православных и инославных», и что во многих местах «ученики-католики охотно вместе с православными своими товарищами посещали Православную церковь, несмотря даже на близость костела»⁴.

¹ Отчет епархиального наблюдателя о состоянии школ церковноприходских и школ грамоты Гродненской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1900–1901 учебный год // Гродненские епархиальные ведомости. 1902. № 14. С. 139.

² Бабин В. Г. Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. / Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы науч.-теорет. конф. 8–10 дек. 2003 г. СПб., 2004. С. 209.

³ Отчет епархиального наблюдателя о состоянии школ церковноприходских и школ грамоты Гродненской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1900–1901 учебный год // Гродненские епархиальные ведомости. 1902. № 14. С. 139–140.

⁴ Там же. С. 141.

Вместе с тем православное просвещение и воспитание народа посредством церковных школ предполагало актуализацию конфессиональных границ, отделявших православных от инославного и иноверного населения. Таким образом, наряду с интегративными тенденциями, заложенными в содержании учебно-воспитательного процесса этих школ, действовали и тенденции дифференцирующие, свидетельствовавшие о сугубо конфессиональных интересах православия в Северо-Западном крае. Противоречивый характер этих тенденций нашел свое проявление в практике религиозного воспитания католиков в православной школе.

Наличие подобной практики свидетельствовало не только о веротерпимости Православной церкви, но и ее господствующем правовом статусе, позволявшем ей иметь монопольную систему религиозного воспитания не только своей паствы, но и инославных христиан. Конфессиональное воспитание детей-католиков в православной церковной традиции преследовало двоякую цель – формирование терпимости к православию и усвоение основ русской культуры белорусами, живущими в польской католической традиции. Рассматривая систему церковноприходских школ с точки зрения воспитания взаимной веротерпимости, христианского миролюбия и религиозной открытости, православное духовенство не ставило перед собой целей прозелитического воздействия на учеников-католиков. По свидетельству корреспондента «Церковного вестника» в церковноприходских школах учащиеся римо-католики «узнают, что мы признаем святую Троицу, Матерь Божию, все Евангелие, что у нас есть общие молитвы, общие святые и святыни. Там же они слышат о единстве для всех христиан Божественного Откровения, что за всех равно пострадал Иисус Христос и все мы, искупленные Им и примиренные с Богом, должны жить по закону любви евангельской как братья. Усвоение этого имеет несомненное влияние на успокоение воспитанной ксендзами религиозной вражды, переходящей в политику и жизнь»¹.

На необходимость использования церковных школ в качестве инструмента воспитания веротерпимости во взаимоотношениях между православными и католиками в Северо-Западном крае указывал и обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, полагавший, что единственным источником существовавших в крае межконфессиональных противоречий и религиозно-этнической обособленности католического населения, является, неконструктивное поведение польского католического духовенства. «Сознавая весьма благодетельные для интересов православия успехи церковно-школьного дела, ксендзы со свойственной им нетерпимостью повели войну против церковноприходских школ. Но фанатизм и нетерпимость ксендзов и вообще лиц, враждебно относящихся к православию, не могут подорвать ныне народное доверие и любви к церковным школам»².

Следует отметить, что для церковноприходских школ и школ грамотности был чужд дух узкого клерикализма. Учебные программы церковноприходских школ по светским предметам приближались к программам школ, подведомственных министерству народного просвещения. Прозелитизм среди инославных и иноверных учеников не составлял их задачу. Миссионерство было присуще этим школам лишь постольку, поскольку они являлись православными и находились в ведении православного духовенства.

На практике вопрос о том, насколько работа церковноприходских школ угрожает устоям религиозной веры учеников-католиков, решался их родителями. Тот факт, что тысячи таких учеников добровольно посещали школы иной конфессии, свидетельствует, что реальной проблемы прозелитизма в них не существовало. При первых же попытках такого рода деятельности или же негативного отношения преподавателей к католичеству родители попросту не пустили бы своих детей учиться не только в этих школах, но и

¹ Церковный вестник. 1902. № 24. С. 755.

² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству Православного исповедания за 1900 г. СПб., 1903. С. 187, 191–192.

школах министерства просвещения. По заявлениям православного духовенства, «католическое население в Северо-Западном крае – большей частью из бывших православными белорусов – охотно посылает своих детей в церковноприходские школы... Со стороны родителей-католиков встречаются возражения только против обучения их детей церковному пению»¹.

В Минской губернии попытка православного духовенства обвинить ксендза в запрещении крестьянам посылать детей в церковноприходские школы дознанием, проведенным по указанию губернатора А. А. Мусина-Пушкина, не подтвердилась. В качестве одного из аргументов в пользу невиновности ксендза служили показания учительницы, в соответствии с которыми в Ишкольдской церковной школе Новогрудского уезда обучалось 40 православных и 20 католиков. Католики охотно посещали школу и являлись ее лучшими учениками. По мнению учительницы, число католиков, несомненно, увеличилось бы, если бы не высокая для крестьян плата в размере 2,5 рубля, которую родители вносили за обучение².

Можно сказать, что относительно церковных школ речь шла о миссии не столько религиозного, сколько гражданского и этнокультурного характера, осуществляемой в форме конфессионального образования и воспитания. Миссионерский потенциал церковных школ в Северо-Западном крае, как и в целом по России, был рассчитан в основном на обращение старообрядцев и сектантов – традиционный объект целенаправленных миссионерских усилий православного духовенства, но не на инославных учащихся-христиан³.

Взаимоотношения, сложившиеся между этнокультурной и конфессиональной составляющими в деятельности церковных школ, воспринимались православной стороной как вполне органичные. Русская культурная традиция синонимически отождествлялась с традицией православной. Поэтому обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев мог уверенно констатировать, что: «Церковноприходские школы служат важнейшим средством к утверждению православия и русской народности в Западном крае. Вместе с Церковью они просвещают религиозно детей и действуют на родителей их. Эти рассадники религиозно-нравственного просвещения прививают начала православно-русской жизни даже многим иноверческим детям и незаметно вводят юное инославное и раскольничье поколение в строй православно-русской жизни»⁴.

Однако подобного рода оптимистичные утверждения высших официальных лиц несли в себе опасность изменения сложившегося позитивного отношения части католического населения к церковноприходским школам. Эти высказывания, отождествлявшие этнокультурную и религиозную традицию, давали возможность заинтересованной стороне акцентировать указанные выше противоречия, придавая им гипертрофированно обостренный характер. В действительности же следовало говорить скорее о терминологической точности официальной риторики, нежели о какой-либо реально действующей, а тем более успешной православной миссии среди детей инославных христиан. Тем не менее эти устоявшиеся риторические приемы позволяли тенденциозно интерпретировать деятельность церковных школ как форму целенаправленного прозелитизма в католической среде. Тем более что динамика их развития и рост учеников-католиков стали вызывать беспокойство католической иерархии и духовенства. В Северо-Западном крае, за исключением Ковенской губернии, рост церковноприходских школ опережал рост школ министерства народного просвещения. В период с 1894 по 1901 г. в Виленском учебном окру-

¹ Киприанович Г. Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. Минск, 2006. С. 327.

² НИАБ. Ф.136. Оп. 1. Д. 37025. Л. 4 об.

³ НИАБ. Ф.136. Оп. 1. Д. 36917. Л. 82.

⁴ Всеподаннейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896–1897 годы. СПб., 1899. С. 76–77.

ге было открыто 269 школ МНП, а церковноприходских школ и школ грамоты, соответственно, 592 и 291¹.

Реакцией на развивающийся государственно-церковный образовательный проект стал рост фундаменталистских настроений в католической среде. Катализатором этих настроений стало католическое духовенство, увидевшее в позитивном восприятии культурно-образовательной миссии православия угрозу для своей духовной власти над прихожанами. Реакцию католического духовенства на церковноприходские школы рельефно выразил настоятель Немокштынского костела Росиенского уезда Ковенской губернии ксендз В. Бийко. Запрещая родителям-католикам отдавать своих детей в школу, он говорил: «Это не приходская школа, а миссия для совращения католиков в православие, это адская школа»².

В концентрированном виде фундаменталистскую реакцию на растущий прагматизм и религиозную открытость своей паствы выразил римско-католический епископ Стефан Зверович, увидевший в церковных школах не только реальную угрозу для существования католичества в Северо-Западном крае, но даже «насилие», «принуждение» и «глумление» над католической верой.

12 февраля 1902 г. епископ издал циркулярное распоряжение для духовенства Виленской епархии, в котором утверждал, что: «...всякое участие католиков прямым или косвенным образом в деле поощрения и развития этих школ, их посещения католическими детьми равносильно измене и отступлению от римско-католической веры и Церкви. Эти школы, имея своей прямой задачей подрывать в корне католическую веру в католическом населении, не приносят ему той пользы, какую школа вообще должна давать своим питомцам»³.

Помимо непосредственно прозелитических, т. е. сугубо религиозных, опасностей, непосредственно грозящих его пастве, епископ усматривал в деятельности церковных школ выполнение задач политического характера, что уже явно выходило за пределы не только его служебной компетенции, но и объективности в оценке реальных целей и методов учебно-воспитательного процесса. Католический иерарх внушал подведомственному ему духовенству, что: «Церковноприходские школы и школы грамотности, относясь враждебно к Католической церкви, не менее враждебно в то же время смотрят и на нас, католиков, как на фанатичных врагов нашего государства, от которого следует избавиться путем привития юному католическому поколению православия как единственного средства, способного подчинить католиков гражданской власти»⁴.

Истолковав деятельность конфессиональных школ как всецело негативную для католиков и их веры, епископ своей канонической властью определил духовенству для исполнения следующие меры: «Принимая во внимание, что церковноприходские школы и школы грамоты, находящиеся в исключительном ведении православного духовенства, имеют, как видно из вышесказанного, безусловно вредное влияние на подрастающее католическое юношество, строжайше предписываем всему духовенству Виленской епархии бдительно следить, чтобы католические дети не посещали сказанных школ; в случаях же обнаружения подобных фактов, если увещевания и наставления не помогут, повелеваем не давать на исповеди разрешения от грехов как детям, обучающимся в этих школах, так равно родителям и опекунам, посылающим их туда»⁵.

¹ Бабин В. Г. Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. / Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы науч.-теорет. конф. 8–10 дек. 2003 г. СПб., 2004. С. 209.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 513. Л. 29 об.

³ Циркуляр виленского римско-католического епископа Зверовича к подведомственному ему духовенству // Литовские епархиальные ведомости. 1902. № 12. С. 100–102.

⁴ Циркуляр виленского римско-католического епископа Зверовича к подведомственному ему духовенству // Литовские епархиальные ведомости. 1902. № 12. С. 101.

⁵ Там же. С. 102.

Это категоричное указание духовенству епархии, не основанное на каких-либо реальных фактах соврашения из католичества в православие, а только на указанных выше цитатах К. П. Победоносцева и представителей православного духовенства, возымело ожидаемый эффект. Издание циркуляра привело к тому, что родители-католики под страхом отлучения от причастия и лишения исповеди начали запрещать своим детям посещение церковноприходских школ. Гродненский губернатор князь Н. Урусов доносил, что сразу после издания циркуляра численность католиков в церковных школах резко сократилась. По его мнению, при таких условиях церковноприходские школы уже не могут быть «проводником общегосударственных идей среди католиков». Если в 1901 г. в церковных школах Гродненской губернии обучалось 3859 детей-католиков, или 10 % от всего количества учащихся, то к 1905 г. в результате запретительной практики ксендзов, выполнявших распоряжение своего епископа, в этих школах насчитывалось только 862 ученика, или всего 2,2 %¹.

Воздействие циркуляра епископа Зверовича не ограничилось сферой церковноприходских школ. Попечитель Виленского учебного округа В. А. Попов в апреле 1904 г. с тревогой сообщал генерал-губернатору П. Д. Святополк-Мирскому, что под влиянием ксендзов, действующих в духе вышеупомянутого циркуляра, католическое население Гродненской губернии «стало недоверчиво и даже неприязненно относиться к русской народной школе». Он писал, что: «Крестьяне римско-католического исповедания открыто высказывают желание, чтобы в народных училищах католический Закон Божий преподавался на польском языке и чтобы по деревням учреждались школы конфессионального характера для обучения детей элементарной польской грамоте и преподавания Закона Божия на польском языке. Эти требования пробуждают у крестьян, безусловно, ксендзы, которые требуют от детей и взрослых знания катехизиса на польском языке и польской грамоты, каковые требования обыкновенно предъявляют во время исповеди. С этой целью ксендзы открыто поощряют открытие по деревням тайных польских школ, в которых учащиеся-католики... изучают польскую грамоту, молитвы и катехизис на польском языке»².

Негативное отношение католического населения к государственной начальной школе выражалось, по мнению попечителя, в постепенно уменьшающемся числе учащихся-католиков в училищах министерства народного просвещения и в противодействии населения новооткрытым министерским училищам. В частности, в наиболее затруднительном положении вследствие противодействия католического населения оказались следующие училища: Домбровское, Новокаменское, Нововольское, Бабинское – Сокольского уезда, Каменское, Пульсовское – Бельского уезда и Пritулянское – Белостокского уезда. Сопротивление крестьян-католиков выражалось в запрещении детям посещать указанные народные училища, в отказе сельских обществ выделять денежные средства на содержание школ и сдавать в аренду свои дома под эти школы. В. А. Попов отмечал, что местные ксендзы, уличенные в подстрекательстве крестьян к бойкоту народных училищ, были переведены на службу в другие приходы³.

В сложившейся ситуации администрация должна была искать средства, чтобы смягчить негативные социальные и религиозные последствия издания церковного циркуляра. Появился проект создания необходимых организационных и материальных условий, необходимых для привлечения в народную школу ксендзов-законоучителей. Виленский губернатор К. К. фон Пален в марте 1903 г. поставил в известность П. Д. Святополк-

¹ *Ганчар А. И.* К вопросу о существовании польских школ в Гродненской губернии в начале XX века / IX Респ. науч. конф. студентов и аспирантов Респ. Бел. «НИРС – 2004». Тезисы докладов: в 8 ч. Ч. 1. Ред. Н. П. Дудко. Гродно, 2004. С. 7.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1904. Д. 315. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 58.

Мирского о том, что в губернии после издания циркуляра епископа «в католическом населении заметно течение, враждебное посещению низших школ, устроенных и устраиваемых правительством. Хотя видимый объект циркуляра бывшего епископа составляют церковноприходские школы, – замечал губернатор, – тем не менее популярность этого послания зиждется... не в области религиозной, не в состязании двух вероисповеданий, но более в почве политической борьбы с направлением обучения во всех школах края.

В деле единения этого края с коренной частью Империи естественно могучим рычагом должно служить верное понимание и знание исторического развития России, ее выдающихся деятелей, литературы и языка. Все эти задачи просвещения населения настоячиво и постепенно проводятся правительственной школой, и потому мирозерцание, которое она дает народу, значительно разнится от того политического направления и тех понятий, которые ведут начало свое со времени польского владычества в крае, традиции коего свято хранятся еще в стенах римско-католических духовных семинарий»¹.

По сведениям губернатора, ксендзы, запрещая крестьянам на исповеди посылать детей в церковноприходские школы, говорят дословно: ксендз запрещает посылать детей в «русскую» школу. Ни в одном деле, – утверждал губернатор, – я не видел обозначение церковноприходской школы иными словами. К. К. фон Пален был уверен, что бойкот министерских школ, как и церковноприходских, не в последнюю очередь был вызван причинами этнического характера. Для того чтобы сократить отток учеников-католиков из государственных школ, фон Пален предложил внести существенные перемены в порядок назначения и материальное положение ксендзов-законоучителей, преподававших в Закон Божий в народных училищах.

Выяснилось, что в губернии насчитывается 245 начальных училищ МНП, в которых законоучителями состояли только 84 ксендза. В более чем 60 училищах должности законоучителей оставались вакантными. Столь низкое количество законоучителей в народных школах было вызвано, во-первых, пассивным отношением училищного начальства к проблемам замещения должности законоучителей. Во-вторых, руководство епархии не испытывало заинтересованности в таком замещении, опасаясь развития светского русского образования в ущерб авторитету и влиянию местного католического духовенства. В-третьих, ксендзы, рекомендованные епархиальным начальством на должность законоучителей, не получали разрешения от губернатора, так как привлекались к уголовной и административной ответственности за различные проступки².

Для того чтобы прекратить или, по крайней мере, ослабить борьбу ксендзов с государственной школой, фон Пален предлагал П. Д. Святополк-Мирскому: ввести в крае практику обязательного назначения ксендзов-законоучителей во все народные школы, где обучались дети-католики, назначить этим ксендзам соответствующее денежное вознаграждение и установить строгое наблюдение за выполнением ими своих обязанностей. В таком случае, – утверждал губернатор, – популярность народной школы в глазах католического населения может возрасти. Появится возможность более эффективно бороться с тайными школами, так как одной из причин недовольства католиков государственными

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 565. Л. 1.

² По данным виленского губернатора: «Ксендз Жилинский обвинен в государственном преступлении. Ксендзы Шимкунас и Казакевич изобличены: первый, в уклонении от служения благодарственных молебнов в высокаторжественные дни, и второй, в воспрещении ученикам-католикам посещать в эти дни Православную церковь. Ксендзы Украй и Декснис были обвинены в порицании правительственных распоряжений. Ксендзы Гржибовский и Шимкевич замечены в стремлении к ополячению литовского населения. Ксендзы Миронас, Ляцкий, Бржозовский, Сырвид, Гаудзевич, Тежик, Валантинас уличены в исполнении духовных треб православным и совращении последних в католицизм. Ксендзы Козакевич, Шепецкий, Жуковский, Лаевский, Тарасевич, Мочульский, Какареко уличены в крайней нетерпимости к православию, русским началам и к делу распространения русской грамоты. См: ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 565. Л. 3.

школами являлось отсутствие ксендзов-законоучителей, которые бы учили детей необходимым для религиозной жизни молитвам и катехизису. По мнению губернатора, рост влияния народной школы среди всего населения позволит сделать «коренной шаг вперед в деле единения края с остальной империей»¹.

П. Д. Святополк-Мирский внял доводам виленского губернатора. Для преодоления недоверия католического населения к государственной школе начальник края 15 января 1904 г. издал распоряжение губернаторам края, в котором обязал их взять под личный контроль процесс назначения ксендзов-законоучителей в народные училища.

В этот же день Святополк-Мирский направил письмо министру народного просвещения Г. Э. Зенгеру, в котором сообщал о «совершенно ненормальной постановке дела преподавания Закона Божьего на началах Римско-католической церкви». Начальник края имел в виду существенные проблемы в религиозном воспитании учеников-католиков в связи с большим количеством незамещенных вакансий ксендзами-законоучителями, которые, работая бесплатно, были либо не заинтересованы в преподавательской деятельности, либо откровенно противодействовали развитию государственных школ².

«Такое положение, – считал П. Д. Святополк-Мирский, – вызывая нарекания на существующую систему народного образования, приводит вместе с тем к возникновению тайных школ, в которых нередко наряду с преподаванием римско-католического Закона Божьего идет обучение детей польской грамоте и тем самым полонизация белорусского и литовского населения». С целью упорядочения процесса преподавания католикам Закона Божьего и вовлечение в него ксендзов с помощью материальных стимулов Святополк-Мирский просил министра назначить ксендзам-законоучителям соответствующее жалование. Министерство народного просвещения пошло навстречу генерал-губернатору и выделило необходимые средства для вознаграждения ксендзов-законоучителей³.

Можно сказать, что воздействие циркуляра епископа Зверовича имело двоякое значение для системы народного просвещения. Негативный социальный эффект, произведенный действиями епископа, был, в известной степени, компенсирован рациональными действиями правительства. Меры по материальному стимулированию католического воспитания в государственной школе служили подтверждением традиционного курса правительства в отношении местного католичества – направить служение духовенства в установленное законом сугубо религиозное русло. Теперь, когда для католических законоучителей отпали препятствия материального характера, отказ от выполнения своего религиозного долга мог быть мотивирован либо служебным нерадением ксендзов, либо светскими мотивами – неприятием русского языка в преподавании Закона Божьего.

Что же касается православного духовенства Северо-Западного края, то оно восприняло циркуляр римско-католического епископа как «новый крестовый поход» против православия, сопровождаемый возвращением к средневековым нормам религиозной нетерпимости: «Как очевидно, – писал один из православных авторов, – воинственный пыл католического духовенства *ad majorem papae gloriae* не остывает! Католическому духовенству нет заботы о религиозно-нравственном просвещении народа в духе Евангельского Христова учения. Пусть народ коснеет в невежестве и темноте, главное, чтобы оставался он «добрым католиком», т. е. послушным орудием агентов «святейшего отца»... Нас, православноверующих христиан, этим не удивить. Костры инквизиции, католические изуверства времен унии, католические насилия, лезть и ложь по совращению в католицизм православных и униатов до последнего времени – все это достаточно свидетельствует нам о деятельности римско-католического духовенства *будто бы во имя Христа*, хотя

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 565. Л. 4.

² Там же. Л. 15, 17–18.

³ Там же. Л. 19.

пламя и дым инквизиционных костров и изуверство папских слуг скорее напоминают нам о слугах Нерона, чем о христианских пастырях»¹.

Выступив против присутствия католиков в православной школе, епископ Зверович заявил себя решительным сторонником усиления католической идентичности своей паствы, добываясь отчетливой религиозной, а в условиях края и этнической, и социально-психологической обособленности католиков от православных. Очевидно, что стремление епископа к насаждению религиозной сегрегации было вызвано не столько реальной опасностью православного прозелитизма среди детей-католиков, сколько неприятием тех интегративных процессов, которые инициировались церковной школой среди белорусского населения, разделенного конфессиональными перегородами. Решимость епископа усугублял и действующий запрет на преподавание Закона Божия детям-католикам на польском языке, вызванный правительственной политикой противодействия колонизации белорусов. В более широком контексте позиция епископа вступала в противоречие с политикой системной социокультурной интеграции западных окраин в состав Российской империи, которую проводило правительство с начала 1860-х гг. Запрещение детям-католикам получать начальное образование во имя соблюдения узкоцерковных интересов противоречило задачам модернизации края, одним из ведущих инструментов которого была развивающаяся система школ государственного и церковного подчинения. Соответственно снижались и возможности крестьянских детей к социальной адаптации и вертикальной мобильности в модернизирующемся российском обществе. Однако наиболее болезненно решение епископа сказалось на процессе формирования миролюбивых и добрососедских отношений между католиками и православными, что было отмечено как светскими властями, так и православным духовенством. Тем самым возможности церковной школы как интегративного инструмента и средства преодоления межконфессиональной и межэтнической отчужденности среди белорусского населения были существенным образом сокращены.

Епископ Зверович неизменно подчеркивал, что он, «будучи всегда далеким от всяких политических целей», желает «всегда жить в мире и согласии со всеми, а преимущественно с правительством и содействовать его справедливым требованиям»². Однако откровенное неприятие «схизматического» православия придавало его решению характер политического протеста, что фактически дезавуировало заверения епископа в лояльности правительству. В результате С. Зверович 4 марта 1902 г. по указу императора был отстранен от управления Виленской римско-католической епархией и переведен на Сандомирскую кафедру³.

Радикальный протест Виленского епископа, повлекший за собой исход учеников-католиков из церковных и государственных школ, вызвал необходимость внести коррективы в образовательную политику в Северо-Западном крае. С 1902 по 1904 г., впервые с начала 1890-х гг., министерских школ в Виленском учебном округе было открыто больше, чем церковноприходских школ и школ грамоты: 431 школа МНП, 336 церковноприходских и 90 школ грамоты. Особенно ощутимыми были изменения в Ковенской губернии. Там было открыто 81 училище МНП и только 3 церковноприходские школы и 1 школа грамоты⁴.

Обсуждая с министром внутренних дел А. Г. Булыгиным вопрос о наиболее целесообразном типе школ для Северо-Западного края, виленский генерал-губернатор А. А. Фрезе высказался «за предпочтительность министерских училищ перед церковноприходски-

¹ *К-ий И.* Новый крестовый поход // Гродненские епархиальные ведомости. 1902. № 12. С. 119.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1898. Д. 590. Л. 14.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 1.

⁴ *Бабин В. Г.* Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. / Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы науч.-теорет. конф. 8–10 дек. 2003 г. СПб., 2004. С. 210.

ми. Последние – по его мнению, – как и всякое учебное заведение конфессионального характера, может рассчитывать на действительный успех только в местностях со сплошным православным населением. Между тем в здешнем крае они открываются нередко безотносительно к числу православных, проживающих в данном районе, и, естественно, страдают от недостатка учащихся, ибо католическое население не может не относиться с недоверием к этому типу школ, подозревая в нем средство к упрочению православия в ущерб интересам католицизма»¹.

4. «Тайные польские школы» и проблема «свободы веры» для католического населения

Существовавшие в Северо-Западном крае запреты на преподавание польского языка и введение преподавания для католиков Закона Божьего на русском языке ставили римско-католическое духовенство в довольно сложное положение. Отстояв в споре с правительством польский язык в дополнительном богослужении, католическое духовенство сделало необходимым для своей белорусской и литовской паствы знание этого языка в повседневной религиозной жизни. Однако отсутствие правовых условий для легального изучения языка, используемого для чтения молитв и понимания католического богослужения (богословская и нравственная сущность которого разъяснялась по-польски) и проповедей в костеле, неизбежно вызывало необходимость организации тайного начального обучения. Такое обучение становилось инструментом противодействия политике обрусения края и формирования этнической идентичности белорусов-католиков как «русской народности» на основе усвоения русского языка и русской культуры. Упорство, с которым католическое духовенство, опираясь на местное дворянство и шляхту, защищало польский язык в костеле, отвергая языки местные – белорусский, литовский и русский, приводило к формированию католических приходов в качестве религиозных общностей с разной степенью польской этнической идентичности. Более отчетливой она была в Виленской, Гродненской и Минской губерниях и менее отчетливой в Могилевской и Витебской. Польский язык Католической церкви становился инструментом этнической мобилизации прихожан. Сплочение приходов происходило не только на религиозной, но и на формируемой духовенством, дворянством и шляхтой иноэтничной основе. Тем самым полонизируемое католическое население переживало процесс не только религиозного, но и этнического обособления от своих этнически родственных православных соседей. Аналогичные процессы полонизации происходили и среди литовцев.

Если для дворянства, шляхты и интеллигенции польская культура и католическая вера составляли вполне органичное целое, то иная ситуация складывалась в отношении белорусских крестьян-католиков. Правительственный запрет на польское религиозное образование в этой среде привел к результатам амбивалентного характера. Запрет повлек за собой ряд негативных последствий не только для местного католичества, но и для самого правительства и «господствующей» Церкви. Отсутствие легальной системы религиозного образования и воспитания своей крестьянской паствы духовенство могло компенсировать и компенсировало на практике усилением душепастырского служения и пропагандой религиозной исключительности Католической церкви. Русскому языку и культуре противопоставлялась не столько польская культура, сколько католическая вера, не свободная от проявлений религиозного экстремизма. В результате возникало такое

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1904. Д. 315. Л. 61.

явление, как низовая активность прихожан, проявивших решимость отстаивать свою католическую идентичность в неблагоприятных административно-правовых и культурных условиях. Так как принадлежность к Церкви в этот период представляла собой способ этнического самоопределения мирян, проявлением такой решимости стала нелегальная практика обучения польскому языку и молитвам. Противодействуя проявлениям религиозной нетерпимости и попыткам политизации религии со стороны католического духовенства, правительство и на этот раз столкнулось со сложной задачей, в которой самым тесным образом переплелись проблемы этнические с проблемами религиозными.

Процесс появления и функционирование тайных школ, в которых дети обучались польскому языку и католическим молитвам, не мог рассматриваться правительством иначе как вопрос *политический*, так как тайные школы служили альтернативой школам церковным и министерским, продолжая неприемлемый для российского государства процесс колонизации белорусского населения¹. Но из-за тесной связи местного католицизма с польской религиозной традицией этот этнолингвистический вопрос, оцениваемый в качестве политического и в силу этого решаемый с помощью административных взысканий, приобретал несвойственное ему значение ограничения «свободы веры».

Сущность этой проблемы выразил журнал «Литовские епархиальные ведомости», один из авторов которого писал следующее: «Лица католического вероисповедания нашего Западнорусского края, в особенности так называемая западнорусская римско-католическая шляхта, сплошь и рядом выражают упреки и нарекания по адресу русского правительства за притеснения будто бы их католической веры. В запрещении в Западном крае открывать новые католические приходы, совершать публичные, с польским пением, погребальные и другие процессии; в запрещении лицам римско-католического исповедания поступать в Западном крае в государственную службу, приобретать в этом крае земельную собственность и т. п., католики нашего края видят «притеснение» и «преследование» их римско-католической веры. Но такие упреки и укоры со стороны католиков не только не справедливы, но просто-таки со стороны многих знающих, в чем тут дело, — заведомо недобросовестны. . . Русское правительство, нужно сказать правду, подавляет в Западном крае, но *не католицизм*, как религию, а скрывающийся в католицизме Западного края *полонизм*, как польскую пропаганду. . .

Орудием своей польской пропаганды. . . такие поляки избирают католическое население Западного края и Литвы, убеждая *каждого католика* нашего края, хотя бы он был литвин, жмудин, белорус, что он *поляк* и что *нравственная* его как *католика* и «*потому поляка*» обязанность — всеми мерами содействовать восстановлению Польского королевства — с неперменным соединением с ним Литвы и Западной России, и потому внушая каждому католику по возможности избегать всего русского и ненавидеть все русское»².

Это происходило потому, что во взаимоотношениях, сложившихся между российским государством и Римско-католической церковью в Северо-Западном крае, соблюдение принципов веротерпимости, зафиксированных в Основных законах империи, крайне осложнялось взаимной борьбой за политические и конфессиональные интересы. Предпринятое в этой борьбе запрещение правительством изучения польского языка, необходимого для понимания проповеди, молитв и дополнительного богослужения, вызвало спонтанный ответ части крестьянского населения, духовенства и представителей дворянства, в котором проявился рефлекс защиты своей приобретенной польской этничности. Но нельзя не отметить, что созданный «снизу» нелегальный польский проект обучения и воспитания

¹ НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1922. Л. 11 об.

² Шелепин И. В. Правдивое братское слово нашим землякам католикам Западнорусского края по поводу их несправедливых нареканий на мнимое притеснение в крае их католической религии // Литовские епархиальные ведомости. 1902. № 52. С. 449–451.

детей был инициирован потребностями религиозной жизни, которые создавались самим католическим духовенством¹.

Таким образом, политическая по своей сути проблема полонизации непольского населения приобретала черты проблемы веротерпимости, так как существующие языковые запреты непосредственно затрагивали религиозные интересы населения. Вновь возникал вопрос об ущемлении религиозной свободы для католиков Северо-Западного края. Основанием для такого вывода являлась существующая практика, когда правительство, втягиваясь в борьбу против тайных польских школ, продолжало параллельно, иными средствами, стремиться к растождествлению католичества и польской идентичности костела в белорусской этнической среде, действуя прежде всего в области народного просвещения. Предпринимаемые им меры служили непосредственно той же цели, которую правительство пыталось достичь введением русского языка в католическое дополнительное богослужение. Появление тайных польских школ в качестве нелегальных конкурентов государственной начальной школе свидетельствовало о том, что предлагаемое государством образование с его монопольной языковой компонентой не устраивает часть католического населения и ксендзов.

О совокупности проблем, с которыми столкнулось правительство при осуществлении интеграционной политики в области начального образования, достаточно откровенно высказался гродненский губернатор М. М. Осоргин. Отвечая на запрос министерства народного просвещения, сделанного в мае 1904 г. по поводу противодействия католического населения губернии русской начальной школе, Осоргин писал, что: «Наличность такого нежелательного явления объясняется в значительной степени влиянием римско-католического духовенства, которое издавна в деятельности своей преследовало не только цели пастырского служения, но и цели, в сущности, чуждые церкви, а именно, националистические и политические, в частности, в здешнем крае – цели полонизации.

Однако, по моему мнению, эта деятельность ксендзов своей успешностью, в значительной мере, обязана известной непоследовательностью правительственных мероприятий, в отношении пользования польским языком в школах и при богослужении. Римско-католическая церковь беспрепятственно пользуется для проповеди языком польским. На том же языке составляются молитвенники, переводы мессы с латинского языка и т. д. Естественно, что при таких условиях в сознании масс, совершенно незнакомых с латинским языком, польский язык считается языком каноническим, на котором католик должен молиться и на котором обязывают его молиться. Между тем преподавание Закона Божия на польском языке воспрещено. Другими словами, католики лишены возможности ознакомить своих детей в школах с истинами веры на том языке, на каком они затем развиваются и разясняются с церковной кафедры. Отсюда уже один шаг к тому, чтобы в сознании населения зародилась мысль о желании правительства посредством школы оттолкнуть католиков от костела и как бы приблизить его к православию.

Для невежественных масс, стоящих вдали от понимания тех или иных государственных задач в здешнем крае... непонятно, почему ксендз в костеле проповедует невозбран-

---

¹ Известный историк профессор М. О. Коялович, посетивший западные губернии Белоруссии в 1886 г., отметил такое явление, как «быстрое изучение народом польского языка в тайных школах, которые следовали по пятам русских православных учителей. Даже в церковноприходских школах иногда бывало как бы две смены учения – русская и, затем, польская, причем самое внимательное наблюдение и самые строгие взыскания не могли остановить этого зла, потому что ксендз не принимал на исповедь того, кто не знал молитв на польском языке и дурно смотрел, если кто из грамотных не читал и не пел по польским духовным книжкам, каковые и вообще народные польские книжки везде можно было достать по дешевой цене, и спрос на них был такой большой, что даже русские книгоноши из внутренней России занимались продажей польских книжек». См.: *Коялович М.* Поездка в Западную Россию // *Церковный вестник.* 1886. № 50. С. 809.

но на польском языке, а в правительственной школе, находящейся подле того же костела, польский язык не допускается для обучения истинам той же веры. Пользование при богослужении польским языком, по моему убеждению, было главным фактом полонизации здешнего края, и допущение его даже в тех местностях, где преобладает белорусское население, не знающее в своем обиходе польской речи, было серьезной ошибкой. Если бы Римско-католической церкви было поставлено в неперемennую обязанность пользование тем языком, какой преобладает в данной местности, – сам бы собой пал вопрос о школьном языке. На мой взгляд, только таким путем можно было бы воспрепятствовать развитию недоброжелательного отношения к правительственной школе»¹.

Выказывая глубокое понимание религиозно-языковых проблем, которые испытывало католическое население западных губерний, М. М. Осоргин предлагал решение, которое способно было породить новые, еще более острые конфликты и противоречия между правительством и Католической церковью. Неизбежным следствием реализации предложенного проекта явился бы рост тайного польского обучения.

Осоргин был прав в том, что отношение правительства к политическому измерению проблемы тайных польских школ не было последовательным и с начала 1860-х гг. претерпело известную эволюцию. Изучение опыта восстания 1863 г. позволило М. Н. Муравьеву рассматривать польский язык в качестве массовой политической идеологии польского сепаратизма в Северо-Западном крае. Своими мерами генерал-губернатор стремился сократить политическую опасность тех изменений в массовом самосознании католического населения, которые происходили при смене белорусского наречия на польский язык. В их число вошли меры «к прекращению внешкольного тайного обучения, путем которого польское дворянство и римско-католическое духовенство стремилось оказывать влияние на народные массы»².

Однако, в связи со снятием в крае военного положения и выведения Минской, Витебской и Могилевской губернии из состава Виленского генерал-губернаторства, был пересмотрен перечень противозаконных действий, которые подлежали взысканию в административном порядке. Из этого перечня были изъяты проступки, связанные с организацией тайного обучения. С этого времени взыскания за тайное обучение детей стали налагаться в общем уголовном порядке, на основании 1049 ст. Уложения о наказаниях, согласно которой за недозволенное обучение налагался денежный штраф – в селениях не выше 5 рублей, а в городах – не более 75 рублей.

Введение общероссийских правовых норм уголовного преследования за указанные проступки показало свою неэффективность на территории Западного края. Как отмечал министр просвещения Г. Э. Зенгер: «После того как борьба с тайным обучением была поставлена в более неудовлетворительные условия, началось и возрождение этого обучения. Возрождение шло постепенно и проявилось в определенной форме лишь в начале 80-х годов, когда политика высшей римско-католической церковной иерархии в России стала принимать все более и более противодействующий характер к воспитательным видам правительства в Западном крае»³.

По признанию министерства, широкое распространение тайного обучения было вызвано материальным содействием польских помещиков, управляющих имениями, арендаторов и польской интеллигенции. Особую роль в этом процессе играло римско-католическое духовенство, под влиянием пропаганды которого часть населения отказывалась от обучения детей в государственных и церковных школах. Губернаторы Северо-Западного края уведомляли верховную власть о том, что ксендзы, за немногими исключениями, пассивно относились к делу народного образования. Они очень редко посещали народные

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1904. Д. 315. Л. 49–50.

² НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1922. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

школы и преподавали в них Закон Божий без особого усердия. В то же время отмечалось, что крестьянское сословие испытывает стремление к образованию своих детей на русском языке, но встречает противодействие со стороны ксендзов.

Вот как об этом писал Александру III в 1884 г. виленский губернатор Н. А. Гревениц: «Фанатики-ксендзы, а под их влиянием и католическое население, преимущественно помещики и их официанты, в том числе и большая дворовая прислуга, тайно и неуловимо преследовали свою цель: охлаждать простое крестьянское население к изучению родного им по племени русского языка. Под видом религиозной потребности изучения дополнительных церковных своих догматов развивают среди крестьян необходимость изучения польского языка, служащего, по их мнению, основой католичества и, в обратном смысле, вселяют убеждение простому люду, что изучение русского языка, в учреждаемых правительством школах, служит подготовительной мерой к обращению их в православие. Это последнее обстоятельство и умаляет рвение крестьянского католического населения к посылке детей своих в народные образовательные школы»¹.

Учредителями тайных школ являлись по большей части родители обучавшихся в них детей, которые, по взаимному соглашению, избирали предметы обучения, находили помещение для занятий, приглашали учителя и выплачивали ему денежное вознаграждение. По данным МВД, практически все учредители тайных христианских школ были католиками. Из числа православных в качестве учредителей выступали большей частью те, кто попадал в категорию «упорствующих» в исполнении уставов Православной церкви. Учителями в тайных христианских школах были «почти исключительно католики». Главным предметом преподавания в тайных христианских школах являлся польский и отчасти литовский язык и католические молитвы на этих языках.

Распространение тайных польских школ, отмеченное в 1886 г. профессором М. О. Кояловичем, не прошло мимо внимания православной иерархии. В феврале 1885 г. епископ Минский Варлаам, опираясь на полученные сведения, предписал подведомственному ему православному духовенству Минской епархии строго наблюдать за тем, чтобы в их приходах «под видом школ грамотности» не были самовольно открыты школы для обучения польскому языку. В случае появления таких школ священники обязаны были поставить епископа в известность².

Противодействие распространению тайного польского обучения со стороны светской администрации носило более конкретный характер. Виленский губернатор барон Н. А. Гревениц в отчете за 1885 г. о состоянии губернии высказал мнение, что преследование за тайное обучение польскому языку на основании общего уголовного закона, как за нарушение постановлений о воспитании юношества, не соответствует важности проступка, имеющего политическое значение. Губернатор указывал, что необходимость соблюдения формальностей судебной процедуры и поиски необходимых судебных доказательств не только замедляют наложение «ничтожного по закону взыскания», но и служат причиной оставления многих проступков без всякого наказания. Начальник губернии предлагал, чтобы факты устройства тайных школ с обучением польской грамоте были отнесены к числу проступков политического характера, которые следует наказывать в административном порядке, по усмотрению генерал-губернатора. По решению императора Александра III предложение барона Гревеница было внесено на рассмотрение Комитета министров. Итогом инициативы виленского губернатора, после длительного обсуждения Особым совещанием при министре народного просвещения и согласования с МВД, стало появление указа правительствующему Сенату «Об установлении особых временных правил,

¹ Всеподданнейший отчет Гродненского губернатора за 1884 г.; Всеподданнейший отчет Виленского губернатора за 1884 г. См.: Государственная публичная историческая библиотека России.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35975а. Л. 1.

направленных к пресечению тайного обучения в Западных губерниях империи», утвержденного императором 3 апреля 1892 г.

Этими правилами было приостановлено общероссийское действие статей 1049 и 1050 Уложения о наказаниях в Западном крае и введена прежняя практика административных взысканий. Согласно ст. 1 лица, виновные в открытии тайных школ, подвергались денежному взысканию в размере до 300 рублей или аресту до 3 месяцев. Такому же наказанию подвергались лица, имевшие право на обучение в частных домах, если они окажутся виновными в совместном обучении без надлежащего дозволения детей нескольких семейств или же взрослых посторонних лиц у себя на квартирах или в частных домах (ст. 2). Возбуждение дел о тайном обучении возлагалось на местное начальство учебного ведомства, при содействии чинов полиции и волостных и сельских должностных лиц (ст. 3). Наложение взысканий предоставлялось в губерниях: Виленской, Ковенской, Гродненской, Киевской, Подольской и Волынской – генерал-губернаторам, а в губерниях: Минской, Витебской и Могилевской – губернаторам (ст. 4)¹.

Новые правила восстановили преемственность административных методов пресечения польско-католической пропаганды в области образования, которые были разработаны и осуществлены графом М. Н. Муравьевым в условиях военного положения. Тайное обучение польскому языку и молитвам, препятствовавшее государственному и церковному образованию и воспитанию белорусов-католиков в русской культурной традиции, вновь получило *политическое* измерение. Правила ставили своей целью «пресечение обучения детей польской грамоте в открывающихся с этой целью тайных школах и, вообще, ослабление польско-католической или иной иноверной пропаганды в видах насаждения и упрочения в западных губерниях образования юношества на началах русской народности»².

Согласно данным министерства народного просвещения, после введения Правил от 3 апреля 1892 г. количество тайных школ начало постепенно сокращаться. Министр просвещения Г. Э. Зенгер в январе 1904 г. приводил следующую статистику. Перед изданием Правил, в 1891 г., были обнаружены 62 тайные школы, в 1899 г. – 58, в 1900 г. – 50, в 1901 г. – 44, в 1902 г. – 43. Из числа тайных школ, обнаруженных в 1899–1902 гг., 50 школ было учреждено для евреев, 146 для христиан и 2 школы для христиан и евреев. Наибольшее число школ приходилось на следующие губернии: Ковенскую – 55, Гродненскую – 54, Минскую – 49. Затем следовали губернии Виленская – 19 и Витебская – 18. Наименьшее количество школ (3) было обнаружено в Могилевской губернии. В христианских школах насчитывался 1081 ученик, в том числе 944 католика. В большинстве школ православные обучались вместе с католиками³.

Порядок применения правил на территории шести губерний Северо-Западного края представлял собой четко разработанный исполнительный механизм, предполагавший совместные действия полиции и дирекции народных училищ, которая давала заключение о степени виновности всех участников дела. Сделанное заключение предоставлялось затем губернатору для соответствующего распоряжения. Вердикт, вынесенный дирекцией, направлялся попечителю Виленского учебного округа⁴. Бывали случаи, когда в обнаружении тайных школ участвовали и сотрудники жандармского ведомства.

По сообщению Могилевского жандармского управления, сделанного в феврале 1899 г., в Чаусском уезде Могилевской губернии существовала тайная школа, в которой преподавал польский язык и обучал католическим молитвам могилевский мещанин-католик П. Кострица. По вечерам Кострица, охарактеризованный полицией как «религиозный

¹ Циркуляр по Виленскому учебному округу. Вильна, 1894. С. 219–220.

² НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1922. Л. 12.

³ Там же. Л. 4 об.

⁴ НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2044. Л. 38–38 об.

фанатик», устраивал общественные молитвы, на которые приходило много крестьян-католиков. Подпольный учитель призывал присутствующих поддержать Католическую церковь и напоминал об ответственности перед ее догматами тем из них, кто намеревался вступить в брак с православными. Среди учеников были 4 православных, которые также обучались польскому языку и католическим молитвам. Могилевский губернатор согласно заключению директора народных училищ о тайном характере обучения и на основании п. 4. Правил от 3 апреля 1892 г. распорядился каждого из родителей оштрафовать на 5 рублей, а П. Кострицу, ввиду его финансовой несостоятельности, подвергнуть семидневному дневному аресту.

В мае этого же года пристав 2-го стана Могилевского уезда направил директору народных училищ протокол произведенного дознания о тайном обучении детей в околице Половинный Лог католиком И. Пуховским. Директор обратился к Могилевскому губернатору с просьбой привлечь Пуховского к «законной ответственности за обучение детей начальной польской грамоте и молитвам на польском языке». Пуховский также был подвергнут аресту на семь суток, а родители оштрафованы по 5 рублей каждый¹.

В Витебской губернии на запрос губернатору, сделанный епископом Полоцким Серафимом в апреле 1904 г., «о случаях привлечения к ответственности за нарушения Правил от 3 апреля 1892 г. за последнее десятилетие», выяснилось, что нелегальный учитель, обучавший православных детей русскому языку и Закону Божьему по римско-католическому катехизису, был оштрафован на 200 рублей².

В Ковенской и Виленской губерниях наказания за тайное обучение были сравнительно мягче. Штрафы для родителей-крестьян не превышали 3 рублей, а учителя-католики, не имевшие официального разрешения на преподавательскую деятельность, ввиду финансовой несостоятельности, приговаривались к двухдневному или трехдневному аресту³.

Инициатива мирян, настойчиво обучавших своих детей польскому языку и молитвам, находила деятельную поддержку католического духовенства. В 1891 г. за тайное обучение детей польскому языку и молитвам ксендз Виленской епархии Масюлис в качестве наказания был помещен на один год в гродненский францисканский монастырь⁴.

Настоятель Шавкянского костела Шавельского уезда Ковенской губернии ксендз Иоанн Срого в 1895 г. за оказание нравственной и материальной поддержки тайной школе, открытой в местечке Дрисвятах органистом Размысловичем, был оштрафован на 150 рублей⁵.

В качестве польского этнического активиста выступал вышеупомянутый настоятель Каменского костела Минской губернии П. Янукович, назначенный на этот приход в мае 1897 г. епископом Ф. Сымоном. По мнению директора народных училищ Минской губернии, пастырская активность этого ксендза, инициировавшего создание тайной польской школы в своем приходе, имела политический подтекст, так как была направлена «на перерождение чистокровного белоруса в поляка»⁶.

Витебский губернатор Б. Б. Гершау-Флотов в ноябре 1904 г. обратился с департамент духовных дел МВД с сообщением о том, что настоятель Забяльского костела Дриссенского уезда ксендз Войтик «ведет усиленную пропаганду католицизма». Проявлением такой пропаганды губернатор назвал создание Войтиком «в разных местах своего прихода тайных школ, в которых обучались исключительно католики, и в особенности девоч-

¹ НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1770. Л. 3, 22, 26.

² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46397. Л. 3.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 334. Л. 6, 8, 15.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 399. Л. 7.

⁵ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 355. Л. 38 об.

⁶ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 6437. Л. 67.

ки-католички». За свое усердное служение этот ксендз по решению Могилевского римско-католического митрополита Б. Клопотовского был назначен Дриссенско-Себежским деканом¹.

Меры по пресечению тайного обучения в Северо-Западном крае распространялись не только на случаи «польско-католической или иной иноверной пропаганды», но и на все формы обучения, не получившие официального разрешения. Согласно Правилам наказания подлежали также и те, кто нелегально организовывал и осуществлял обучение русскому языку. Витебский губернатор И. И. Чепелевский в отчете за 1902 г. отмечал случаи наказания за незаконное преподавание русского языка среди иноверческого населения и высказывал предложение о возможности допущения большей его преподавания путем изменения Правил от 3 апреля 1892 г. Николай II по этому поводу оставил отметку «Зачем такие стеснения?». Комитет министров, рассмотрев отчет Чепелевского в июне 1903 г., поручил МВД и МНП представить свои соображения на благоусмотрение императора.

В августе 1903 г. министр внутренних дел В. К. Плеве составил свои предложения относительно Правил от 3 апреля 1892 г. Министр считал, что административному взысканию должно подвергаться лишь тайное обучение польскому языку, так как подобные проступки носят политический характер. Что же касается применения Правил в случаях тайного обучения русскому языку, то в таких делах губернаторы должны были действовать с «крайней осмотрительностью». В свою очередь, министр народного просвещения Г. Э. Зенгер в своем ответе высказывал несогласие с общим выводом В. К. Плеве, указывая, что организаторы тайных польских школ получают возможность избежать заслуженного наказания под предлогом изучения русской грамоты. Зенгер, настаивая на сохранении в неизменности Правил от 3 апреля 1892 г., поддержал предложение вменить в обязанность губернаторам Западного края действовать осмотрительно в случаях тайного преподавания русского языка среди иноверцев².

В связи с расхождениями, возникшими между министерствами по поводу изменений в Правилах от 3 апреля 1892 г., Комитет министров поручил МВД изучить мнения губернаторов Западного края. Большинство из них присоединилось к мнению министра внутренних дел³. Так как МНП продолжало настаивать на сохранении незыблемости Правил, межведомственные разногласия продолжали существовать до начала процесса реформирования законодательства о веротерпимости, что позволило правительству вновь вернуться к рассмотрению этого вопроса только в 1906 г.

Пока министры спорили между собой о частностях в практике применения Правил от 3 апреля 1882 г., соглашаясь в главном, т. е. в оценке тайного преподавания польского языка среди непольского населения как проступка *политического* характера, последствия применения циркуляра епископа Зверовича начинали сказываться на настроениях католиков Виленской епархии. Попечитель Виленского учебного округа В. А. Попов направил в МНП донесение о том, что в Гродненской губернии, под влиянием ксендзов, крестьяне-католики стали открыто выдвигать требования о введении преподавания Закона Божьего на польском языке. МНП, в свою очередь, обратилось к министру внутренних дел В. К. Плеве с просьбой принять необходимые меры к прекращению ксендзами агитации против государственной школы, а также воздействовать на католическое население через земских начальников⁴.

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46383. Л. 63.

² НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2044. Л. 6.

³ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46402. Л.18–20 об; Ф. 2001. Оп.1. Д. 1922. Л.15.

⁴ Бабин В. Г. Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. / Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы науч.-теорет. конф. 8–10 дек. 2003 г. СПб., 2004. С. 216.

Временно управляющий Виленской епархией каноник В. Фронцкевич, заменивший епископа Зверовича, продолжил тактику своего предшественника в области народного образования, не прибегая к радикальным методам противостояния с правительством. В июне 1903 г. В. Фронцкевич обратился к генерал-губернатору П. Д. Святополк-Мирскому с ходатайством о разрешении священнослужителям Виленской епархии поручать наставления детей в знании главных истин католической веры лицам, ими избранными с целью подготовки детей к первой исповеди и св. Причастию. Преподавание предполагалось проводить на польском или литовском языках. Несколько позже, в феврале 1904 г., настойчивый каноник обратился к министру внутренних дел В. К. Плеве с ходатайством о преподавании Закона Божьего ученикам-католикам всех учебных заведений Виленской епархии на польском языке. При этом В. Фронцкевич ссылаясь на просьбы католиков, поступавшие в консисторию «со всех концов Виленской епархии».

П. Д. Святополк-Мирский, критически относившийся к ограничениям, введенным для Католической церкви в Северо-Западном крае, в ответ на прошения духовенства предпринял ряд мер по упорядочению преподавания Закона Божьего для католиков в учебных заведениях вверенных ему губерний. В частности, администрация содействовала тому, чтобы в учебных заведениях края, в которых были ученики-католики, вакансии католических законоучителей были заполнены. Как уже отмечалось, ксендзам, преподававшим Закон Божий, было установлено необходимое вознаграждение. Однако попытки добиться официального разрешения на введение польского или литовского языков как при подготовке детей к первой исповеди при костелах, так и в учебных заведениях при преподавании Закона Божьего встречали неизменный отказ, обусловленный действовавшими правовыми нормами. Святополк-Мирский указывал канонику Фронцкевичу, что всякие попытки самовольного проведения в жизнь преподавания основ веры на польском и литовском языках будут рассматриваться как организация тайных школ, «которые строго преследуются правительством, а виновные в таких организациях подвергаются каре». При этом генерал-губернатор особенно подчеркивал, что предложение управляющего епархией предусматривает введение таких языков преподавания, «которые не только не приняты правительственной властью, но и не употребляемы в разговорной речи большей частью населения Северо-Западного края».

Ходатайство же в МВД, направленное В. Фронцкевичем в феврале 1904 г., генерал-губернатор признал «совершенно неуместным и не подлежащим рассмотрению»¹. Об отрицательных ответах генерал-губернатора каноник Фронцкевич уведомил всех деканов Виленской епархии в специальном циркуляре 11 июня 1904 г.

Наступившая после этого пауза в нарастающей кампании требований католического духовенства и мирян о преподавании основ католического вероучения при костелах и Закона Божьего в учебных заведениях Северо-Западного края на польском языке была прервана с назначением на Виленскую кафедру епископа Эдуарда фон Роппа. К этому времени в Виленской консистории поступил ряд жалоб от приходских ксендзов и законоучителей народных училищ и гимназий на неправомерные действия некоторых руководителей и учителей этих учебных заведений, нарушавших высочайшее повеление от 25 июня 1897 г. Конфликт между руководством Виленского учебного округа и католическим духовенством разгорелся с новой силой.

Новый епископ, ободренный тем, что «по всей России говорят о равенстве прав и свободе совести», 17 марта 1905 г. направил развернутое обращение министру народного просвещения В. Г. Глазову, который, находясь проездом в Вильно, разрешил фон Роппу обращаться непосредственно к нему. Такое разрешение было дано в случае необходимости и «в том уверении, что при нынешнем составе местного управления делами

¹ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 4–5.

народного просвещения всякое обращение к местным властям бесполезно». Епископ решил, что такой случай настал.

В письме фон Ропп подверг резкой критике народную школу за ее конфессионально ориентированный, православный характер. По его словам, «нынешняя народная школа наша есть орудие чисто политическое и церковное в духе православия, к которому целая масса населения не принадлежит, ... она чужда народу и приносит мало пользы, а иногда даже причиняет крупный вред». Епископ довел до сведения министра ряд фактов, когда учителя народных училищ предвзято относились к ученикам-католикам, принуждали их к посещению православных храмов и обучали их Закону Божьему по православному учебнику протоиерея Григория Чельцова. Фон Ропп обвинил учителей православного вероисповедания в «малообразованности», происходящей якобы от того, что они в основном являлись сыновьями православных священников. Епископа не устраивало также «презренное, подчиненное малоразвитому и недоброжелательному учителю положение католического законоучителя в школе».

Из всего вышесказанного делался вывод о том, что государственная школа, не учитывающая религиозные права католического населения, отчуждает народ от школы, что, в свою очередь, негативно сказывается на его «честности» и «нравственности». Умело переводя ситуацию в политическую плоскость, епископ указывал министру на опасность, заключающуюся в том, чтобы «в нынешнее тяжелое время... народом не были восприняты противогосударственные и противообщественные учения, распространяемые разными людьми среди населения».

Зная о том, что Комитет министров занимается разработкой нового законопроекта о реформировании действующих норм веротерпимости, фон Ропп предложил В. Г. Глазову перечень мер, который, как соответствующий духу времени, должен был усилить католическое присутствие в народной школе. Предлагаемые меры должны были содействовать тому:

1) чтобы в училищах с преобладанием учащихся католического вероисповедания назначались учителя-католики;

2) чтобы положение и значение нравственное и материальное законоучителей римско-католического вероисповедания было сравнено с положением законоучителей православных;

3) чтобы с согласия и назначения духовного и учебного начальства для обучения Закону Божьему допускались светские лица римско-католического вероисповедания, с тем чтобы приходские священники имели право контролировать обучение этими лицами детей и экзаменовывать их в знании Закона Божьего;

4) чтобы Закон Божий непременно преподавался на народном языке, смотря по желанию и заявлению родителей;

5) чтобы при церквях и в деревнях допускались свободно малые школы для детей меньшего возраста с обучением единственно молитвам и чтению молитвенников на том языке, который нужен детям при богослужении, без требования иного научного ценза от учителей и учительниц, кроме умения читать и писать и общей нравственности и государственной благонадежности.

Сформулированная Виленским епископом программа легализации «народных языков Римско-католической церкви» в государственной школе и в организации начальной катехизации детей предлагала правительству подвести черту под политикой языковых и религиозных ограничений, инициированной администрацией М. Н. Муравьева и Западным комитетом. Не покушаясь на государственную российскую идентичность Северо-Западного края, программа указывала на возможность сужения сферы разногласий между католиками и российским государством в области народного просвещения. Фон Ропп давал понять правительству, что пришла пора отказаться от понимания «народного языка» католического населения как опасной политической идеологии, питающей настроения поль-

ского этнического сепаратизма в Северо-Западном крае. Предлагалось также отказаться от монополии православного светского учительства в народной школе, что не могло не истолковываться как желание сократить объем привилегий «господствующей» Церкви. Тем самым программа утверждала необходимость установления равенства религиозных и этнических прав католиков и православных в народной школе.

По своему содержанию программа фон Роппа в известной степени укладывалась в русло правовой модернизации института веротерпимости, начало которой было провозглашено указом от 12 декабря 1904 г.¹

Это был уникальный случай, когда интересы правительства и католического духовенства в религиозной и культурно-языковой сфере, бывшей с начала 1860-х гг. зоной постоянных конфликтов, обнаружили некоторые точки соприкосновения. Возникла реальная возможность для государственно-церковного диалога и конструктивного сотрудничества в области народного просвещения. Открывались новые правовые возможности для поисков баланса интересов государства, Католической церкви и православия в этой сфере на территории Северо-Западного края.

---

¹ За первый год вероисповедной свободы в России. СПб., 1907. С. 4–7.

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ И МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ВЕРОТЕРПИМОСТИ НАКАНУНЕ УКАЗА ОТ 17 АПРЕЛЯ 1905 г.

1. Администрация Северо-Западного края и новые тенденции в поведении римско-католического духовенства после издания Манифеста от 26 февраля 1903 г.

Начавшиеся перемены в религиозной политике администрации Северо-Западного края были вызваны назначением на должность виленского генерал-губернатора князя П. Д. Святополк-Мирского. Этому назначению предшествовали события, поставившие под вопрос необходимость дальнейшего существования генерал-губернаторства как особой административно-территориальной единицы. После смерти начальника края В. Н. Троцкого, последовавшей 21 июня 1901 г., виленское генерал-губернаторство было временно упразднено, и обязанности по управлению краем императорским повелением были возложены на министра внутренних дел.

В общественном мнении и в среде высшей имперской бюрократии бытовало мнение, что необходимость сохранения такого исключительного порядка управления регионом, как генерал-губернаторство, диктовалось задачами продолжения политики обрусения Северо-Западного края¹.

Временное прекращение административной обособленности Северо-Западного края от остальных губерний России не могло не вызвать нежелательный для правительства резонанс у католического населения и духовенства этого региона. В этой связи у правительства возникла необходимость в подтверждении преемственности прежнего политического курса в области социально-политических и религиозно-этнических отношений в губерниях края. Министр внутренних дел Д. С. Сипягин 6 сентября 1901 г. направил губернаторам Северо-Западного края «руководящие указания» об отношении к римско-католическому духовенству и о постройке в крае римско-католических церквей. Министр обращал внимание губернаторов на то, что временное упразднение должности генерал-губернатора: «Дает римско-католическому духовенству северо-западных губерний повод к неосновательным надеждам не только на изменение или отмену установленных в этом крае стесняющих его деятельность различных общих и местных распоряжений, но и на

---

¹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 470. Л. 9.

общую перемену правительственной политики в отношении католицизма и положения, занимаемого им в крае»¹.

Для того чтобы рассеять эти «ложные надежды», Д. С. Сипягин потребовал от губернаторов «ясных действий» по «упрочению в крае еще не вполне окрепших русских начал». Он напомнил администраторам края, что: «Главной целью всех исключительных мер, принятых в отношении стеснения деятельности римско-католического духовенства после событий 60-х годов, было укрепление в крае православия, пригнетенного католичеством, опиравшимся на богатое и влиятельное польское дворянство. Масса населения, освободившаяся так недавно от унии, находилась в состоянии религиозного безразличия, — отмечал министр, — и была бессильна без посторонней помощи противодействовать всем захватам и соблазнам стройно организованной, вполне окрепшей и искусно руководимой Католической церкви. Вышеуказанная цель еще не вполне достигнута, и требуется много усилий и времени, чтобы католическое духовенство вполне примирилось со своим второстепенным положением и не дерзало посягать на права и преимущества господствующей Церкви»².

Министр сформулировал принципы, в соответствии с которыми должны были действовать губернаторы в условиях нового административного подчинения. В отношении Католической церкви было признано необходимым «строгое отношение ко всем проявлениям со стороны приходского римско-католического духовенства резкого фанатизма и враждебности к православию». Во всех случаях такого проявления следовало незамедлительно сообщать в МВД. При этом Д. С. Сипягин подчеркивал, чтобы все обвинения, возводимые на духовных лиц, были тщательно проверяемы. От обвиняемых следовало требовать объяснений, а предлагаемая губернаторами мера административного наказания должна быть «строго сообразована со степенью вины и со значением ее по местным условиям». Министр предлагал губернаторам в своих действиях не ограничиваться применением системы взысканий по отношению к ксендзам, но активно использовать практику поощрений тех духовных лиц, «которые, пользуясь добрым влиянием на паству, сознательно идут навстречу правительственной политике»³.

Столь же взвешенным, по мнению министра, должен быть и контроль губернской администрации за постройкой и ремонтом римско-католических церквей. Губернаторам следовало учитывать, что: «Стремление римско-католического населения иметь многочисленные и поместительные церкви, вытекающее в большинстве случаев из сильно развитого религиозного чувства, само по себе заслуживает внимания в местностях со сплошным римско-католическим населением». Вместе с тем министр предупреждал своих подчиненных: «Местное римско-католическое духовенство, пользуясь тем, что прихожане не имеют никакого органа для заведования церковным строительством, взяло почин в этом деле на себя и в своих особых видах нередко злоупотребляет благочестивыми чувствами прихожан, побуждая их к непосильным пожертвованиям и возбуждению излишних ходатайств о построении новых церквей вместо существующих»⁴.

Указания по регламентации церковного строительства, которыми должны были руководствоваться губернаторы, преследовали цель согласования нового режима управления краем с системой административных норм, регулировавших взаимоотношения Католической церкви и администрации в границах виленского генерал-губернаторства. Предполагалось, что с их помощью МВД и местная администрация смогут совместными усилиями установить необходимую процедуру решения вопросов по удовлетворению назревших потребностей католического населения в постройке и ремонте костельных зданий.

¹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 472. Л. 10.

² Там же. Л. 10 об.

³ Там же. Л. 10–11.

⁴ Там же. Л. 11 об.

Несмотря на то что после инцидента, вызванного упразднением в 1893 г. Крожского костела в Ковенской губернии, практика административного закрытия костелов прекратилась, проблема, вызванная нехваткой храмов для римско-католического населения, не утратила своей остроты. Об этом неоднократно сообщала российская периодическая печать, обращая внимание общественности и правительства на то, с какими трудностями сталкивается растущее римско-католическое население Северо-Западного края при реализации утвержденного законом принципа «свободы веры»¹.

Становилось все более очевидным, что в связи с нехваткой костелов у католиков возникали серьезные затруднения с исполнением церковных обрядов и таинств. С момента вступления прошло уже более 30 лет, и предыдущая политика административных ограничений религиозной жизни католиков входила в противоречие с новыми религиозно-политическими реалиями. В 1896 г. министр внутренних дел И. Л. Горемыкин обратился к Николаю II с просьбой о прекращении практики закрытия костелов в связи с мирным состоянием Западного края, которое, однако, может быть нарушено в случае дальнейшего закрытия костелов. Царь согласился с предложением министра².

Тогда же, 10 июля 1896 г., было издано высочайшее повеление, в соответствии с которым: «Починка приходских и филиальных р-к церквей и каплиц, а также построение новых вместо обветшавших или же, по какому-либо несчастному случаю, разрушенных могли производиться без участия гражданской власти, с разрешения католического духовного начальства»³. Этим повелением отменялось действие циркуляра М. Н. Муравьева от 14 июля 1864 г., в соответствии с которым постройка новых филиальных костелов и каплиц, а также починка и возобновление уже существующих не допускались без особого разрешения начальника края⁴.

Теперь, согласно обновленному законодательству, ремонт приходских и филиальных костелов и строительство новых, вместо пришедших в негодность по ветхости или сломанных по каким-нибудь причинам, согласно статье 124 Устава духовных дел иностранных исповеданий 1896 г., осуществлялись с разрешения министра внутренних дел, по согласованию с епархиальным начальством – православным и римско-католическим. Такой порядок уже действовал в белорусских губерниях – Минской, Витебской и Могилевской.

В Ковенской, Виленской и Гродненской губерниях действовали правила, определенные в упоминаемых ранее «руководящих указаниях» губернаторам Северо-Западного края от 6 сентября 1901 г., которые были изданы в период приостановления генерал-губернаторского правления. В них говорилось, что дела о починке и возобновлении приходских костелов, включая сюда постройку нового костела взамен обветшавшего подлежат, согласно высочайшему повелению от 10 июля 1896 г., разрешению римско-католического

¹ К. К. Арсеньев, ссылаясь на газету «Гражданин», писал о том, что население г. Свенцяны Виленской губернии и окрестных деревень – приблизительно около 10 тысяч человек католического вероисповедания – имело один деревянный костел в г. Свенцянах. Ввиду совершенной ветхости постройки и малой вместительности ее, население ходатайствовало о дозволении построить каменное здание и увеличить вместительность костела в связи с постепенным увеличением количества прихожан. После десяти лет ожидания МВД дало разрешение о постройке каменного костела, но на старом фундаменте. Население было в отчаянии, так как на старом фундаменте костел может вместить едва ли десятую часть прихожан. См.: *Арсеньев К. К. Свобода совести и веротерпимость: сб. ст. СПб., 1905. С. 209*; О том, как целым римско-католическим приходом отказывают в возобновлении костелов, в увеличении, сообразно приросту населения, количества приходов и священников, сообщила газета «Неделя» в № 19 за 1896 г.

² *Белов Ю. С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905–1907 гг.: дис. ... на соискание уч. степени канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 241–242.*

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1908. Д. 420. Л. 4 об.

⁴ ОР РНБ. Ф. 629. Д. 177. Л. 1.

епархиального начальства. Однако для начала работ требовалось предварительное утверждение плана и смет, которые следовало представить в строительное отделение МВД. Это было необходимо в случаях, если постройка нового костела предполагалась в местности со смешанным населением, если при постройке нового костела вместо обветшавшего размеры его увеличивались, а внешний вид значительно изменялся с точки зрения архитектурного величия и если смета представляла по местным условиям значительную сумму¹.

С восстановлением в крае генерал-губернаторского правления планы и сметы для предварительного утверждения направлялись в строительное отделение губернского правления, а затем прошение римско-католической духовной консистории поступало для утверждения генерал-губернатором².

Указ от 10 июля 1896 г. вызвал оживление ремонтных и строительных работ в Северо-Западном крае. Представленные законом более широкие возможности для удовлетворения религиозных нужд католического населения позволили приступить к постройке нового каменного костела в Василишках Лидского уезда, в Поневеже Ковенской губернии, в местечке Пески Волковысского уезда. Началось строительство часовни на станции Поречье Гродненской губернии и нового деревянного костела в местечке Поюрелях Россиенского уезда Ковенской губернии³.

Следует отметить, что администрация Северо-Западного края, исходя из имевшегося опыта, довольно критически отнеслась к легализации возможностей ремонта и расширенного костельного строительства. Вот как высказался по этому поводу виленский губернатор князь Н. Грузинский: «Как известно, костелы, филии и каплицы, в которых совершаются богослужбные служения, имеют огромное значение в народной жизни края, объединяя под покровом религии лиц одной национальности. Они являются символом целостности Польши. Вместе с этим ксендзы путем постоянного общения с народом в костелах оказывают на него большое влияние. Это обстоятельство служит одной из причин, побуждающих ревностных католиков, действующих в большинстве случаев под воздействием духовенства, к постройке грандиозных костелов с целью показать православному населению превосходство католической религии.

Со времени высочайшего повеления о восстановлении в силе ст. 124 Устава иностранных исповеданий в Северо-Западном крае началось усиленное строительство костелов взамен обветшавших. В видах католической пропаганды католическое духовенство ревностно взялось за это и обратило внимание на постройку костелов в губерниях со смешанным населением. В Ковенской губернии, где население сплошное католическое, костелов почти не строят. В Виленской и Гродненской губерниях замечается обратное. Средства на постройку получают исключительно с крестьян, не стесняясь облагать их непомерными сборами и на несколько лет. Последствия сказались в отказах крестьян в таких местностях давать деньги на школу, и даже закрытие их там, где строят костелы, и в силе обременения крестьян денежными сборами так, что крестьяне не в состоянии уплачивать налоги и отбывать повинности. Покорные и послушные воле своих пастырей, а отчасти под влиянием воздействия угроз крестьяне несут свои жертвы... Эти костельные денежные сборы повсеместно производятся без приговоров сельских сходов, непосредственно ксендзами и в некоторых случаях с применением особых принудительных мер, возбуждением фанатизма, запугиваниями, наложением запрещения являться к исповеди и св. Причастию и т. п.

Такое непомерное напряжение платежных сил населения угрожает в будущем этому населению совершенным обеднением, а переживаемый ныне многими католическими

¹ ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 472. Л. 12.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 626. Л. 16.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 626. Л. 221, 247, 130, 32, 255.

приходами подъем ложно понимаемой религиозности, кроме того, крайне вредно отражается и на взаимных отношениях между католиками и православными крестьянами, усиливая между ними религиозную рознь в некоторых случаях до размеров открытой вражды. Вражда эта католиками переносится и на все русское, и особенно на русскую школу»¹.

В связи с вышесказанным не все прошения римско-католического духовенства и частных лиц о строительстве новых костелов получили утверждения губернаторов и министра внутренних дел. Законодательная инициатива правительства в связи с негативными социальными последствиями ее реализации «снизу» вызвала настороженность и недоверие к ней со стороны губернской администрации. Первый опыт правоприменения указа от 10 июля 1896 г. показал, что сложность в удовлетворении реальных потребностей католического населения заключается не только в ограниченных правовых возможностях, предоставленных новым законом. Препятствием для их удовлетворения стали предсудительные с финансовой и социальной точки зрения действия католического духовенства, резко нарушавшие сложившийся в крае баланс экономических интересов государства и Католической церкви. С правовой точки зрения указ от 10 июля 1896 г. можно рассматривать как меру, носившую паллиативный характер. Она лишь восстанавливала на территории виленского генерал-губернаторства те нормы Устава иностранных исповеданий, которые действовали на территории Российской империи. Но вместе с тем издание указа свидетельствовало о том, что правительство приступило к демонтажу некоторых элементов выстроенной М. Н. Муравьевым и его ближайшими преемниками системы административных ограничений религиозной жизни католиков.

В связи с временным упразднением генерал-губернаторства Д. С. Сипягин затребовал мнение местной администрации «по вопросу о расширении полномочий губернаторов Северо-Западного края по применению особых узаконений и мероприятий, последовавших для губерний сего края». В этой связи администрацией были рассмотрены все изданные после 1863 г. распоряжения генерал-губернаторов, «направленных на укрепление не только русской государственности, но и русской народности в Северо-Западном крае, составляющей древнее достояние России»².

Действия правительства в крае традиционно, начиная с эпохи М. Н. Муравьева, рассматривались губернаторами в категориях восстановления исторической справедливости по отношению к белорусскому народу. Северо-Западный край рассматривался как искони русский, в котором до начала XVII в. преобладали русский язык и русская грамотность. Считалось, что начавшаяся с этого времени колонизация края, осуществляемая главным образом католическим духовенством, привела в течение двух веков «к полному уничтожению и порабощению всего русского». Легитимный и нравственно оправданный характер современной политики в крае виделся в том, что «принимаемые и проводимые в настоящее время меры не могут иметь характера насилия, а представляют законные средства для восстановления утраченного в прошлом»³.

Было отмечено также, что результаты интеграционных процессов, инициированных правительством в Северо-Западном крае, все еще не позволяют поставить этот регион «в одинаковые политические и правовые условия с внутренними губерниями России». В качестве причины указывалось стремление населяющего край католического населения «отстаивать всеми способами и мерами национальность и самобытность».

Общий вывод, к которому пришли губернаторы, сводился к тому, что чрезвычайные распоряжения, изданные в период военного положения в крае, оказались эффективным дополнением действующего российского законодательства. Они оказали большое влияние

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 298б. Л. 29, 78а, 78б.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 298б. Л. 2.

³ Там же. Л. 34 об.

на социально-экономическое и культурное развитие Северо-Западного края, содействуя упрочению в нем позиций государственной власти, улучшению социально-экономического положения белорусского населения, усвоению населением русского языка и русской культуры. Было отмечено также, что «наибольшая часть» административных распоряжений касалась католического духовенства, которое «оказывает большое влияние на духовное и нравственное развитие местного населения, отличающегося приверженностью р-к церкви и ее культу и вообще к обрядовой стороне религии». Цель изданных распоряжений заключалась «в упрочении в крае начал русской государственности и русской народности и в ослаблении влияния поляков, обуславливаемого тесной связью с краем всем прошлым и культурой, а ныне крепко сплоченным между собой единством происхождения, религии и общностью интересов».

Губернаторы указывали, что «нигде не видно, чтобы население так фанатично выполняло обрядовую сторону религии, как в Северо-Западном крае... Вся энергия духовенства направлена исключительно на поддержание внешнего культа: пышность и торжественность богослужений привлекает как католиков, так и неокрепшее православное население»¹.

В связи с этим задачей власти, выполняющей решения Западного комитета 1864 г., о «преграждении р-к духовенству возможности противодействовать постановлениям правительства посредством учреждения за ними повсюду строжайшего наблюдения», становилось стремление «разъединить духовенство» и поставить его «более изолированно от прихожан и других ксендзов». Считалось, что предпринимаемые меры будут, по возможности, «устранять все, что содействует развитию в народе католического фанатизма»².

Консервативно настроенные губернаторы были уверены в целесообразности продолжения политики, основные направления которой были сформированы после восстания 1863 г. Они полагали, что конфронтация государства с Католической церковью, неизбежная в борьбе за территориальную целостность империи, еще далеко не исчерпана. Поэтому дальнейшие политические и правовые взаимоотношения с католичеством и на будущее следовало строить исходя из непримиримости существующих противоречий между государством и этой «терпимой» конфессией. Дальнейшая интеграция края в состав России представлялась в русле продолжения конфронтационной политики по ограничению воздействия местного католичества на белорусское население края.

«Как показали факты, с 1830 г. и до последних дней католическое духовенство, сплоченное их общим интересом, стремясь поддержать блеск и независимость национальной польской церкви от государственной власти, является злейшим и опаснейшим нашим врагом в крае... Ввиду указанного представляется необходимым сохранить в силе все изданные мероприятия, поставив в особую обязанность губернаторов всеми мерами ограждать православное население, как главный оплот нашей власти в крае, от влияния католического духовенства»³.

Новый виленский генерал-губернатор князь П. Д. Святополк-Мирский, назначенный на эту должность 15 сентября 1902 г., предпочел решать сложные проблемы дальнейшей интеграции края в состав России на условиях принципиально иного характера. В противовес политической практике своих предшественников, князь предпочел отказаться от традиционного видения всей Католической церкви как политического врага Российской империи. Более целесообразной и прагматичной ему представлялась взвешенная и дифференцированная оценка поведения каждого священника, позволяющая выяснить, кто из них является «действительным врагом правительства», а кто «ему предан». Такой подход в известной мере перекликался с «руководящими указаниями», изданными в свое время Д. С. Сипягиным для губернаторов Северо-Западного края.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 2986. Л. 2–6.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 4–5.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 2986. Л. 17, 20.

Отрицая целесообразность предыдущей политики «отвержения всего католического», П. Д. Святополк-Мирский полагал, что действующие «стеснения» католиков в исполнении обрядов своей Церкви не достигают ожидаемых правительством результатов. Эти меры лишь настраивают католическое население против правительства и дают римско-католическому духовенству аргументы для убеждения своей паствы в том, что российское государство относится к ним несправедливо. «Утесняя Римско-католическую церковь как таковую, правительство, без сомнения, будет лишь отдалять от себя католиков-белорусов, которые, чуждаясь русского, в конце концов, могут примкнуть к полякам», – утверждал Святополк-Мирский¹.

Новый политический курс на интеграцию края, который начал проводить виленский генерал-губернатор, предусматривал новый уровень административного регулирования проблем, в решении которых сталкивались интересы государства и польско-католического сообщества. Затянувшийся территориальный спор о принадлежности края, перенесенный после 1863 г. из политической в религиозную и культурно-языковую сферу, Святополк-Мирский предпочел продолжить с помощью адекватных, на его взгляд, технологий разрешения традиционных конфликтов и противоречий. На смену идеологии конфронтации должны были прийти мотивации прагматического характера. В этой связи в качестве ближайших практических мер предстояло осуществить расширение прав католиков в области выполнения обрядов и внести изменения в установленный ранее начальниками края порядок наложения административных взысканий на римско-католическое духовенство.

Исходя из соображений политического прагматизма начальник края 2 июля 1903 г. издал известный циркуляр, который стал своего рода политическим манифестом, в котором в сжатом виде были изложены основные принципы реформирования религиозно-этнической жизни края, развернутые затем в докладе императору. В этом нормативном документе Святополк-Мирский объяснял губернаторам, что: «Опыт управления высочайше вверенным мне краем привел меня к убеждению, что некоторые стеснения р-к населения и его духовенства, существующие на основании распоряжений моих предместников, частью не достигают той цели, которая имелась в виду при их издании, частью не вызываются более по условиям времени, необходимостью, частью приводят к нежелательным последствиям... Поэтому, усматривая в чрезмерных стеснениях р-к населения неблагоприятные для правительственных целей последствия, я признаю необходимым дать в этом отношении иноверному населению некоторый простор»².

В этой связи начальник края предоставил губернаторам право давать разрешение на проведение католических наружных крестных ходов в тех случаях, когда костельное здание было обнесено костельной оградой. Губернаторам было указано, что: «Крестные ходы являются допустимыми лишь в тех случаях, когда они знаменуют молитвенное настроение и не служат проявлением какой-либо политической тенденции, направленной против правительства и Православной церкви»³.

Прагматический подход был предложен Святополк-Мирским и в области, наиболее болезненной для католического духовенства. По решению генерал-губернатора были внесены изменения в системы наложения административных взысканий, налагаемых за проступки католического духовенства. Дело в том, что в период генерал-губернаторства В. Н. Троицкого утвердилась практика ужесточения административных наказаний в отношении провинившихся ксендзов. Увеличение денежных штрафов до 200 рублей и увольнение от должности признавались достаточно эффективным инструментом в борьбе с правонарушениями католического духовенства. Опыт свидетельствовал, что при небольших штрафах ксендзы заявляли прихожанам о постигшей их каре как о наказании

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 846. Л. 12 об.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 4. Л. 146–147.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 846. Л. 17.

за защиту католической веры и просили материальной поддержки. Разумеется, что такие речи ксендзов вызывали сочувствие прихожан, и они с охотой возмещали ксендзу уплаченный им небольшой штраф. Таким образом, наложенное на ксендза взыскание всей тяжестью ложилось на крестьян, составляя для них как бы новую повинность. Совсем иной эффект производило наложение крупного штрафа. В этом случае крестьяне не выказывали усердия в помощи правонарушителю, и ксендз вынужден был выплачивать штраф из собственных средств. В результате динамика правонарушений стала заметно снижаться. Если в 1893 г. различного рода административным наказаниям (ссылка, заключение в монастырь, штрафы, внущения, увольнения от должности) было подвергнуто 82 ксендза, то в 1900 г. – только 11¹.

В противовес мнению губернаторов, отстаивавших перед МВД необходимость продолжения курса на усиление административных наказаний за все проступки, предусмотренные распоряжениями генерал-губернаторов, П. Д. Святополк-Мирский предпочел изменить принципы и практику наложения наказаний. Предложенный им новый порядок предусматривал, во-первых, тщательное расследование проступков ксендзов и, во-вторых, игнорирование незначительных проступков в форме самовольных отлучек из приходов или выпадов против власти и Православной церкви, не имевших общественного характера. Вместе с тем начальник края настаивал на строгом наказании ксендзов, которые по результатам расследования оказывались виновными в «унижении православия» или нарушении конфессиональных границ «господствующей» Церкви.

П. Д. Святополк-Мирский определил перечень проступков, за которые должны были следовать строгие административные взыскания: «Римско-католическая пропаганда против Православной церкви, умаление авторитета Православной церкви в глазах у местного населения, сеемый на религиозной почве раздор в крестьянской среде, самовольные ремонты костелов, самовольная постанковка придорожных крестов, совращение в католичество православных, противоправительственная деятельность ксендзов на почве полонизации, пропаганда против правительственной школы»².

Провозглашенный П. Д. Святополк-Мирским курс на либерализацию религиозно-этнической политики государства в Северо-Западном крае в качестве эффективного средства смягчения накопившихся противоречий между властью и католическим населением был предложен на рассмотрение императора. В отчетном докладе за 1902–1903 гг. начальник края представил Николаю II детальное описание своего курса и преимуществ, которые давал новый подход в стимулировании процессов интеграции края и его католического населения в состав России. В качестве основного направления своей интеграционной политики Святополк-Мирский называл «вопрос о развитии среди белорусского населения национального самосознания и введения в белорусские католические приходы дополнительного богослужения на их родном языке»³.

Идейно привлекательная и прагматически ориентированная политика нового генерал-губернатора с самого начала ее реализации столкнулась с рядом трудностей. Вышеуказанная перемена в отношении к местному католичеству, пусть даже и осуществляемая в рамках действующего законодательства и ограничительных распоряжений, тем не менее вызвала известное недовольство православной иерархии и духовенства. Следует отметить, что православное духовенство и светская печать, начиная с 1900 г., неоднократно отмечало нарастание религиозной нетерпимости католиков к местному православному населению. В церковной прессе неоднократно отмечалось, что в Вильне, в Западном крае, «где православные окружены подавляющим числом иноверцев, на каждом шагу фанатичные католики изыскивают причины и поводы к уничтожению и поруганию православной веры.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 298б. Л. 33.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 84б. Л. 17 об.

³ Там же. Л. 13.

Неустанно, тщательно и незаметно внедряется в умах легковерного и легкомысленного населения мысль, что лишь одно католичество есть истинная всемирная религия, перед которой даже и православные смиренно склоняют голову... Всякие сплетни находят для себя благоприятную почву и принимаются на веру, как несомненные факты, раз дело клонится к унижению православия и русского имени»¹. Эмоционально насыщенные характеристики польского католицизма как «фанатичного» и «воинственного» дополнялись фактами из повседневной религиозной жизни православного населения Литовской епархии.

Например, викарный ксендз Кобринского костела П. Силицкий при посещении смешанных семей называл православных детей «отщепенцами». Мещанке К. Хоменчук, имевшей четверых детей от православного мужа, ксендз публично заявил, что лучше бы ей утопиться, чем выходить замуж за православного, а мещанке Ю. Василевской в связи с тем, что она замужем за православным, советовал совершенно не иметь детей. Своему прихожанину В. Корклинскому ксендз отказал в св. Причастии только потому, что тот женат на православной. Указанные факты были подтверждены проведенным расследованием².

По сведениям Литовской духовной консистории, в некоторых приходах католики не допускали православных погребать тела умерших на общих христианских кладбищах. Православных священников, желавших по просьбе прихожан отслужить на общем кладбище панихиду, католики угрозами и ругательствами, с палками и кольями в руках выпроваживали с кладбища. По приказанию ксендзов, каменные памятники над могилами православных сваливались, разбивались на куски и в таком виде употреблялись для постройки. Ксендзы запрещали своей пастве осенять себя крестным знаменем перед церковью, снимать шапку перед священником и даже разговаривать с православными. Католиков, состоявших в браке с православными, ксендзы отлучали от причастия, называли православных, лютеран и евреев «псами из одной стаи»³.

К моменту вступления П. Д. Святополк-Мирского в должность генерал-губернатора межконфессиональные отношения в крае переживали стадию обострения. С одной стороны, известный циркуляр епископа Зверовича, приведший к бойкоту церковноприходских школ со стороны ксендзов вызвал негодование православной иерархии и духовенства, увидевшего в этом акте проявление нетерпимости к «господствующей» Церкви. С другой же стороны, сама православная иерархия стала объектом обвинений в религиозной нетерпимости к католикам. В Вильно скончался командующий войсками Виленского военного округа генерал Гурчин. Так как покойный генерал был католиком, архиепископ Литовский Ювеналий (Половцев) запретил служить в Виленском кафедральном православном соборе панихиду по усопшему.

Российская пресса, в частности газеты «Гражданин», «Санкт-Петербургские ведомости», «Биржевые ведомости» и «Новое время», выступили с критикой действий архиепископа Ювеналия. Князь В. Мещерский, издатель «Гражданина», обвинял архиепископа в «оскорблении памяти славного георгиевского кавалера русской армии... в оскорблении и огорчении всей русской военной семьи, в смущении всех русских людей, во внесении в жизнь края и войска нежелательного политического элемента и, наконец, в публичном оскорблении Римско-католической церкви»⁴.

Для успокоения страстей «Литовским епархиальным ведомостям» пришлось выступить с серией публикаций, в которых разъяснялось, что архиепископ Ювеналий не мог

¹ Врублевский М. К вопросу о панихидах по иноверцам // Церковный вестник. 1902. № 40. С. 1258–1259.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 513. Л. 68.

³ Врублевский М. Разъяснение причин, по которым не было совершено в православных храмах Вильны панихид по генералу Гурчину // Литовские епархиальные ведомости. 1902. № 41. С. 333; Новое время. 12 сент. 1902 г.

⁴ Врублевский М. Указ соч. С. 332.

поступить иначе, так как действовал строго в соответствии с канонами Православной церкви, «во исполнение своего архипастырского долга». Одновременно читателям напоминали: «Не надо забывать, что в Вильне православие и так стеснено, что там царит воинствующий католицизм и что всякие уступки католицизму со стороны православия были бы отречением от своей народности, ее задач и идеалов»¹.

Как отмечал впоследствии сам Святополк-Мирский: «... я застал край в религиозно-церковном брожении. Ближайшей моей задачей было внести успокоение и умиротворение в местное христианское население, без различия исповеданий, соблюдения справедливых потребностей католичества, поскольку не нарушались действительные интересы Православной церкви»².

2. Проблемы и противоречия нового политического курса П. Д. Святополк-Мирского

Но не прошло и года с начала «миротворческой» деятельности генерал-губернатора, как в «Литовских епархиальных ведомостях» появилась статья «Смелость ксендзов», перепечатанная из июньского номера российского церковного журнала «Странник». В ней в негативном свете были представлены действия местной администрации, идущей якобы на поводу у католического духовенства. В конце статьи автор обращался к памяти бывшего генерал-губернатора М. Н. Муравьева: «Великий муж земли русской, верный слуга царский, истинно русский благородный человек, граф Михаил Николаевич Муравьев! Встань из гроба, встань и посмотри, так ли вершатся дела гениального ума твоего в Северо-Западном крае, во славу ли и в пользу ли отечества они направляются? Не сбиваемся ли мы с пути, твоим гением, твоей благородной душой проложенного? Встань и вдохнови нас. Укажи нам путь правый, если мы заблуждаемся!»³.

Статья вызвала резкое возмущение у П. Д. Святополк-Мирского. Увидев в действиях архиепископа Ювеналия поддержку редакционной политики журнала, генерал-губернатор счел себя лично задетым со стороны местной епархиальной власти. Одновременно он расценил эту публикацию как демонстративный протест против проводимой им политики «умиротворения христианского населения». В письме, написанном по этому поводу обер-прокурору К. П. Победоносцеву в августе 1903 г., генерал-губернатор с авторитарной убежденностью утверждал, что «Статья... направлена к осуждению строя руководимой мною, по высочайшему его императорского величества доверию, политики». Князь сообщал обер-прокурору, что он прервал всякие отношения с Ювеналием, и предложил К. П. Победоносцеву заменить архиепископа «другим лицом»⁴.

В ответ К. П. Победоносцев разъяснил генерал-губернатору, не проявившему на этот раз декларируемой им терпимости, что архиепископ, пользуясь представленной ему властью, вправе делать то, что считает необходимым для защиты интересов Церкви⁵.

И все же в этом споре глав светской и духовной властей края архиепископ Ювеналий, поддержанный обер-прокурором Святейшего Синода, потерпел поражение. Он вынужден был сменить состав редакции «Литовских епархиальных ведомостей» и сделать внушение

¹ Врублевский М. Указ соч. С. 332.

² РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 846. Л. 15.

³ *Беспристрастный*. Смелость ксендзов // Литовские епархиальные ведомости. 1903. № 28–29. С. 222–223.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 582. Л. 5–8.

⁵ Там же. Л. 9–10.

новой редакции «быть впредь осторожными и не перепечатывать подобных статей в нашем епархиальном журнале»¹.

Этот конфликт, глубоко задевший самолюбие генерал-губернатора, не был случайным явлением. К тому времени Святополк-Мирский уже имел веские основания быть недовольным отношением архиепископа Литовского к проводимой им конфессиональной политике. Да и архиепископу Ювеналию не было причин безоговорочно принимать инициативы генерал-губернатора отступления от основ традиционно проводимой политики по отношению к католикам. Православное духовенство Северо-Западного края и белорусских губерний еще не забыло столь неприятный для него опыт управления генерал-губернатора А. Л. Потапова и отнюдь не желало его повторения.

Уже в начале своей деятельности П. Д. Святополк-Мирский столкнулся с позицией православного епископата, настроенного на максимальное сужение тех возможностей, которые представлял для католического церковного строительства указ от 10 июля 1896 г.

Оценивая первые практические шаги администрации по выполнению этого указа, архиепископ Ювеналий утверждал, что разрешения на строительство новых костелов даются властями «без особой настоятельности». Выступая против строительства костела в Мяделе Виленской губернии, Ювеналий уверял генерал-губернатора, что: «В последнее время сильно развилось костелостроительство, вызванное приподнятым религиозным воодушевлением.

Благоприятное разрешение возникающих ходатайств о сооружении новых костелов, – с тревогой сообщал он, – может привести к торжеству католицизма, нежелательному ни с церковной, ни с государственной точки зрения»².

Точку зрения архиепископа Литовского на развернувшееся в связи с указом от 10 июля 1896 г. костельное строительство разделял и обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, который, как уже упоминалось, в конфликте архиепископа Ювеналия со Святополк-Мирским безоговорочно встал на защиту церковного иерарха³.

По настоянию владыки Ювеналия прошение помещицы Фелиции Тышинской о разрешении устроить в имении Мякота Вилейского уезда фамильный склеп с алтарем для богослужений было признано МВД «не подлежащим удовлетворению». Архиепископ сообщал генерал-губернатору П. Д. Святополк-Мирскому о том, что соседний с имением Мякота Новокрасносельский православный приход имеет в своем составе большое количество «упорствующих» и в случае постройки алтаря последний «будет иметь соблазнительное, вредное последствие при воинствующем характере католического духовенства»⁴.

Дело о прошении этой помещицы стало для епископа Ювеналия поводом высказать либерально настроенному генерал-губернатору свою принципиальную точку зрения на вопросы костельного строительства в местностях со смешанным православно-католическим населением. Святополк-Мирский должен был уяснить, почему православная иерархия и духовенство не могут благосклонно относиться к дозволенным законом попыткам Католической церкви восстановить свои позиции в крае с помощью постройки новых костелов. По убеждению архиепископа: «Население Северо-Западного края, оторванное во времена польского здесь владычества от православной веры и совращенное, за малым исключением, в латинство-унию в 40-х, а частью в 60-х годах прошлого столетия, когда русской властью ограничен был явный произвол и насилие полонизма и латинства в отношении православия и русской народности, начало добровольно возвращаться в православие к вере своих прадедов и стало называться воссоединенным.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 582. Л. 18.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 626. Л. 9.

³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1896–1897 годы. СПб., 1899. С. 72.

⁴ Там же. Л. 49.

Но, как известно, и по настоящее время в здешнем крае не утихла еще злоба, не смягчилось ожесточение и не погасла зависть врагов православия и русских начал. В местностях со смешанным населением, там, где воссоединенные живут с католиками, в костелы назначаются обыкновенно ксендзы, ненавидящие православное и русское, они стараются всеми силами совратить в латинство воссоединенных и не окрепших еще в православной вере... принимают на исповедь, тайно венчают, а в своих пасомых католиках укореняют ненависть к православию, возбуждают отдавать детей в церковноприходские школы и т. п. Главными пособниками ксендзов в проведении в жизнь населения польско-католических идей являются вся польская интеллигенция и их приспешники-католики: волостные писаря, фельдшеры, сидельцы винных лавок и чайных, эконома, мельники, приказчики, лесники и др.

И некоторые из воссоединенных, под влиянием такой тайной и явной пропаганды, перестали исполнять свои духовные требы в православной церкви и начали обнаруживать обратное тяготение к католицизму и стали потому называться «упорствующими». Воссоединенное население, как возрожденное к новой жизни, не говоря уже об «упорствующих», нуждается в особой попечительности со стороны православного духовенства, чтобы ему легче было утвердиться в началах православной веры и вместе с тем и русской народности и свободно сбросить с себя наслоения католичества и польского господства¹.

Из этого пояснения следовало, что беспрепятственное позволение католикам строить храмы в местности, где проживали «воссоединенные», значило срывать многолетние усилия духовенства по их воцерковлению, серьезно нарушать интересы церкви и препятствовать, в конечном итоге, политике обрусения края. Разумеется, что ответ церкви в таких случаях мог быть только один – отрицательный.

Указанная мотивация обусловила негативное заключение владыки Ювеналия и на прошение крестьян-католиков деревень Липнишки и Изабелино Виленского уезда о постройке в деревне Липнишки костела. Основанием отказа были мотивы миссионерского характера. Постройка костела вблизи Островецкого православного прихода могла «вредно повлиять на православных людей, присоединенных к православию из бывших униатов и упорствующих»².

Против продолжения постройки нового каменного костела, начатого в местечке Пески Волковысского уезда в 1899 г., высказался гродненский епископ Иоаким (Левицкий). Епископ уверял генерал-губернатора, что: «Открытие и постройка нового каменного костела могут принести существенный вред православному Песковскому приходу, в котором есть немало «упорствующих» и слабых в православной вере, которые при усилении католической пропаганды могут совратиться в латинство». Епископ Иоаким находил положение в м. Песках «тревожным» и просил П. Д. Святополк-Мирского «дать делу законный ход», т. е. приостановить начатую постройку костела. Инициатором обращения епископа стало местное духовенство, отмечавшее, что «в последнее время замечается в Песковском приходе развитие фанатизма католического населения, совращение православных и стремление местного ксендза Остиловича ополячить население»³.

Однако прошение епископа не возымело успеха, так как Святополк-Мирский усматривал причину «тревожного» положения Песковского прихода в «недостаточности должного пастырского влияния на православных со стороны местного православного духовенства и в ненадлежащей постановке церковно-школьного дела»⁴. Строительство костела в Песках было продолжено.

Следует отметить, что не всегда негативная позиция православных архиереев становилась решающей для определения ответа администрации на прошения католиков. Ино-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 626. Л. 47–48.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 377. Л. 2–5.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 626. Л. 33, 36 об.

⁴ Там же. Л. 241.

гда причиной отказа просителям становились вопросы финансового характера. Рассматривая прошения о постройке новых костелов, администрация собирала всю необходимую для принятия решения информацию. Изучались вопросы платежеспособности католического населения, способы собирания денег на постройку, выяснялись подлинные инициаторы строительства (бывало так, что прошения частных лиц подавались по инициативе ксендза, не учитывавшего финансовые возможности своей паствы), реальные потребности населения в новом костеле и т. д. Если сборы на строительство костела были чрезмерными, приводили к обеднению крестьян и сокращению сбора государственных податей, строительство запрещалось. Так, П. Д. Святополк-Мирский не разрешил «по состоянию платежных средств местного населения» строительство костела в местечке Годутишках Свенянского уезда Виленской губернии¹.

Но для успеха политического курса Святополк-Мирского области удовлетворения реальных нужд католического населения в новых храмах главным препятствием была позиция епархиальных архиереев, защищавших таким способом интересы «господствующей» Церкви. Решение вопроса о строительстве Подберезского костела в Виленском уезде вывело конфликт с правящим архиереем на уровень МВД. Давая положительное заключение на прошение католиков о строительстве костела, генерал-губернатор учитывал, что число «упорствующих» в Подберезском православном приходе насчитывало до 1460 человек при трех тысячах католиков и 200 прихожан, остающихся верными Православной церкви. Отмечая крайне тягостное в религиозном, нравственном и правовом отношении положение «упорствующих» и не предвидя возможности обращения их в «истинно верующих православных», генерал-губернатор пришел к заключению, что все проживающие в Подберезской волости «упорствующие» являются по существу католиками. Поэтому реальное число католического населения Подберезской волости, — полагал он, — будет составлять не три тысячи человек, а примерно около пяти тысяч. Исходя из этого генерал-губернатор счел необходимым разрешить постройку костела для удовлетворения духовных нужд столь значительного числа будущих прихожан. При этом П. Д. Святополк-Мирский не принял во внимание высказанное ему мнение архиепископа Ювеналия о том, что «постройка предполагаемого костела повела бы к усилению латинской пропаганды».

Однако последнее слово в разрешении этого вопроса оставалось за министром внутренних дел В. К. Плеве, который буквально накануне своей гибели, 1 июля 1904 г., ответил своему будущему преемнику, что он «затрудняется высказаться в пользу удовлетворения ходатайства подберезских католиков». При этом В. К. Плеве исходил из тех же соображений, которые приводил Николаю II в связи с необходимостью решения проблемы «упорствующих», поднятой минским губернатором А. А. Мусиным-Пушкиным во всеподданнейшем отчете за 1902 г. Министру пришлось напомнить Святополк-Мирскому, что: «Сооружение костела в таком значительном центре «упорствующих», как Подберезье, не только в районе этого прихода, но и в других местностях со смешанным населением отразилось бы весьма неблагоприятно в деле православия, к укреплению которого в Западном крае Церковь и школа направляют дружные усилия, требующие упорного, долговременного и всемерно облегчаемого труда»².

Действия виленского генерал-губернатора по соблюдению «справедливых потребностей католичества» не встретили ожидаемого понимания у православной иерархии. Она не увидела в новом политическом курсе генерал-губернатора защиту «действительных интересов Православной церкви». Правящий епископат скорее расценил этот курс как отступление от политической традиции М. Н. Муравьева, о чем и было недвусмысленно сказано в публикации «Литовских епархиальных ведомостей».

Сам Святополк-Мирский в циркуляре от 2 июля 1903 г. заявлял губернаторам о том, что вопрос о костельном строительстве: «Ввиду того политически боевого характера,

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 626. Л. 82.

² Там же. Л. 110–111.

который он приобрел в Северо-Западном крае, заслуживает полного внимания и особой осторожности»¹. Но, как показала практика, декларируемая им «особая осторожность» не произвела должного воздействия на позицию православной иерархии края.

Не встретив сочувствия своему курсу со стороны православной иерархии и духовенства, Святополк-Мирский не смог добиться и поставленной им приоритетной цели – законопослушности духовенства католического. Так, полный благих намерений, генерал-губернатор поддержал перед министром внутренних дел В. К. Плеве кандидатуру епископа Эдуарда фон Роппа на занятие Виленской римско-католической кафедры².

Надеясь на ответное понимание католического духовенства и мирян, Святополк-Мирский не предпринимал никаких репрессивных мер в отношении ксендзов, которые провоцировали свою паству бойкотировать церковноприходские школы, хотя бывший в ту пору гродненским губернатором П. А. Столыпин неоднократно сообщал ему об этих фактах³.

При нарушении правил постановки крестов в Северо-Западном крае, утвержденных 14 марта 1896 г., после разбирательства максимальные наказания в форме штрафов накладывались на ксендзов, освящавших незаконно поставленные кресты, в то время как виновных крестьян наказывали сравнительно мягко⁴.

Святополк-Мирский в начале своего управления краем предпочитал также не наказывать ксендзов, проводивших наружные крестные ходы вокруг костелов без разрешения губернских властей⁵. Однако издание Манифеста от 26 февраля 1903 г., неожиданным для властей образом, дало импульс к росту административных проступков римско-католического духовенства. В частности, начались многочисленные нарушения распоряжения К. П. фон Кауфмана от 24 января 1866 г. № 138 о порядке проведения католических крестных ходов в крае.

Непосредственно после издания Манифеста некоторые ксендзы Северо-Западного края и белорусских губерний стали толковать его положение о предоставлении: «Всем подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной», как отмену циркуляров, запрещавших католикам края свободное проведение крестных ходов и похоронных процессий с пением на польском языке⁶.

Первые нарушения циркуляра от 24 января 1866 г. повлекли за собой административные наказания. Так, настоятели Индурского и Квасовского костелов ксендзы Соболевский и Томкевич, совершившие недозволенные крестные ходы вокруг костела, по решению П. Д. Святополк-Мирского были смещены с приходов и переведены на другие приходы в качестве викарных⁷. Распоряжением генерал-губернатора за самовольное совершение крестного хода был переведен на должность викарного ксендз В. Воллович, филиалист Оранского костела Трокского уезда Виленской губернии⁸.

Однако предпринятые администрацией меры наказания не принесли должного воспитательного эффекта. Гродненский губернатор М. М. Осоргин вынужден был издать 27 мая 1903 г. специальное распоряжение, которым обязал деканов наблюдать за тем, чтобы подведомственные им настоятели не нарушали существующих распоряжений о крестных ходах. Часть католического духовенства не пожелало выполнять распоряжение гродненского губернатора, и последний, в растерянности, спрашивал у Святополк-Мир-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 4. Л. 147.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 583. Л. 1.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 513. Л. 9–10, 13–14.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 526. Л. 45; Ф. 378. Оп. 1904. Д. 264. Л. 7–8, 13.

⁵ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 513. Л. 27, 49.

⁶ Там же. Л. 47, 59.

⁷ Там же. Л. 115.

⁸ ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 2. Д. 59. Л. 1.

ского, нужно ли применять наказания к ксендзам, продолжавшим нарушать распоряжения административной власти, или же следует ждать его распоряжений¹.

Легальный путь устранения административных ограничений для духовенства и мирян предложил управляющий Виленской римско-католической епархией В. Фронцкевич, который 24 мая 1903 г. издал указание консистории, в котором говорилось, что: «Многие настоятели и их викарные, ссылаясь на Манифест, данный 26 февраля текущего года, начали совершать крестные ходы и делать иные отступления от обязательного в здешнем крае порядка. Между тем сказанный Манифест является только выражением воли августейшего монарха, но отнюдь не уничтожает исключительных местных мер... Предлагаю консистории объявить немедленно р.к. духовенству по епархии, дабы оно безусловно воздержалось от нарушения существующего порядка, а законным путем возбуждало ходатайство об устранении некоторых постановлений, стесняющих деятельность духовенства в Виленской епархии»².

Разъяснения, сделанные светской и духовной администрацией, не сразу принесли ощутимые результаты. Виленский губернатор К. К. фон Пален в июне 1903 г. сообщал Святополк-Мирскому о настоятелях семи костелов, которые, ссылаясь на Манифест от 26 февраля 1903 г., провели наружные крестные ходы в нарушение существующих правил³.

Продолжающаяся практика правонарушений стимулировалась не только мотивами, характерными для действий местного римско-католического духовенства. Нелегальные призывы к использованию положений Манифеста от 26 февраля 1903 г. в борьбе за расширение религиозных прав католиков начали поступать к духовенству Западного края из Царства Польского. В июне 1903 г. начальник Виленского губернского жандармского управления сообщал в департамент полиции МВД о том, что ксендзам г. Ошмяны из Варшавы было прислано воззвание на польском языке «Братьям во Христе». В нем католическое духовенство призывалось к устройству крестных ходов вне костелов и костельных оград. При этом авторы возвания утверждали, что такие действия логически будут вытекать из представленного высочайшим Манифестом от 26 февраля 1903 г. права всем исповеданиям свободно отправлять богослужение по своим обрядам⁴.

В это же время помощник варшавского генерал-губернатора по полицейской части генерал-лейтенант Фуллон ставил в известность департамент полиции, что местной цензурой изъято более 150 экземпляров писем, адресованных ксендзам «здешнего края». Письма были направлены также в некоторые места Северо-Западного и Юго-Западного края, а также в Полтавскую и Киевскую губернии. В этих письмах содержалась прокламация «Fratribus in Cristo», в которой духовенство призывалось воспользоваться словами высочайшего Манифеста от 26 февраля 1903 г. и вступить в борьбу с правительством за свободу религиозных действий католиков и вне стен костела⁵.

Но, в конечном итоге, несмотря на нелегальные призывы и случаи правонарушений, среди священников начало постепенно складываться понимание, что администрация генерал-губернатора проявляет готовность пойти навстречу духовенству в удовлетворении наиболее острых религиозных потребностей католического населения.

У законопослушной части католического духовенства Манифест от 26 февраля и сопровождавшие его разъяснения вызвали многочисленные обращения к властям с просьбами о расширении возможностей отправления обрядов своей Церкви легальным путем. На имя генерал-губернатора начали поступать многочисленные прошения от духовенства и прихожан о предоставлении им права на проведение наружных крестных ходов по

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1903. Д. 522. Л. 23–24.

² Там же. Л. 140.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1903. Д. 513. Л. 114, 121.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 101. Л. Г. Л. 11.

⁵ Там же. Л. 15.

торжественным и праздничным дням в тех приходах, в которых ранее они были запрещены. В таких случаях П. Д. Святополк-Мирский, как правило, удовлетворял прошения католиков, чтобы затем 2 июля 1903 г. сделать общее распоряжение по краю, в котором губернаторам было указано «на необходимость смягчить чрезмерные стеснения римско-католического населения и дать ему некоторый простор в отправлении его религиозных треб»¹.

Указанное распоряжение Святополк-Мирского не отменяло действие циркуляра К. П. фон Кауфмана от 24 января 1866 г., но позволяло губернаторам в некоторых случаях разрешать проведение торжественных крестных ходов в городах и населенных пунктах. Издание циркуляра от 2 июля 1903 г. позволило решить такую болезненную для католического населения проблему, как действовавшие ограничения на проведение торжественных погребальных процессий. Однако частичное смягчение существующих запретов на крестные ходы не могло удовлетворить епархиальное начальство, духовенство и мирян, долгие десятилетия не имевших возможности торжественно выражать свои религиозные чувства в праздничные дни, установленные Церковью. Их настойчивые прошения, особенно в местностях со смешанным православно-католическим населением, вызывали необходимость решения назревших религиозных проблем края в законодательном порядке.

Об этом ярко свидетельствуют неоднократные прошения, подаваемые в МВД прихожанами Порозовского костела Гродненской губернии. Прихожане в ноябре 1904 г. просили министра о разрешении им проводить крестные ходы вокруг костельной ограды в воскресные и торжественные дни, так как «чрезмерная теснота при многочисленном стечении народа грозит серьезной опасностью». К несчастью, – писали они, – это скоро подтвердилось: «прихожанка Анна Ониско во время крестного хода внутри святыни в январе 1904 г. была так сильно придавлена, что, родив преждевременно, скончалась»².

Генерал-губернатор А. А. Фрезе в письме к министру внутренних дел в январе 1905 г. высказался в поддержку прошения порозовских прихожан, заявив, что: «В настоящее время излишние стеснения и запрещения в делах веры, если они не имеют в своем основании соображений политического характера, могут вызывать со стороны католического населения края лишь неудовольствия и нарекания». В начале апреля 1905 г. МВД уведомило А. А. Фрезе, что по вопросу, возбужденному прихожанами Порозовского костела, «министерство ныне входит с общим представлением в Государственный Совет в желаемом для названных лиц направлении»³.

Пока же сдерживаемые законом проявления религиозно-этнической неприязни в совокупности с действовавшими в крае распоряжениями административных властей, «стесняющих свободу веры» и запретами на пропаганду католичества, создавали ряд необходимых социально-психологических условий для возникновения протестного поведения части католического духовенства и мирян. Издание Манифеста от 26 февраля придало этим настроениям новый импульс и конкретные проявления.

В конце февраля 1905 г. министр внутренних дел А. Г. Булыгин обратился к виленскому генерал-губернатору А. А. Фрезе с запросом по поводу информации, полученной им от товарища обер-прокурора В. К. Саблера. Последний сообщал министру о том, что согласно сведениям, поступившим от Литовского архиепископа Никандра (Молчанова), во время объезда Виленским римско-католическим епископом фон Роппом своей епархии в конце 1904 г. сопровождавшие его ксендзы, более 25 человек, произносили: «Зажигабельные проповеди, в которых обнаруживали крайнюю нетерпимость к православию и укрепляли в народе убеждение, что будто бы высочайшим Манифестом от 26 февраля

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1903. Д. 522. Л. 117.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 8.

³ Там же. Л. 11–12.

1903 г. предоставлено православному населению право перехода в католичество, вследствие чего многие были совращены из православия в католицизм»¹.

В сообщении архиепископа указывалось, что отпадению от православной веры особенно способствовал ксендз Буйвидского костела Масюлис, проявлявший постоянную вражду к господствующей церкви. Министр просил генерал-губернатора выяснить достоверность полученных сведений о совращениях православных и поведении ксендза Масюлиса.

Несколько позже, уже в начале июня 1905 г., Виленский губернатор К. К. фон Пален уведомил А. А. Фрезе о том, что совращений из православия во время этого объезда замечено не было. Что же касается ксендза Масюлиса, губернатор признавал, что этот священник действительно отличался фанатизмом, проявлял нетерпимость к православию и допускал нарушения действовавших в крае «Правил о римско-католическом духовенстве». По сведениям губернатора, в публичной проповеди ксендз Михаил Масюлис воспрещал православным посещать церковноприходскую школу, порицал православную веру и церковь в «непристойных духовному лицу выражениях»². По делу ксендза епископом фон Роппом было назначено церковное расследование.

О накале религиозных и политических страстей накануне издания указа о веротерпимости среди духовенства отдельных приходов свидетельствует срочное сообщение начальника Гродненского жандармского управления генерал-майора Пацевича от 16 февраля 1905 г. в департамент полиции МВД: «В Бельске, в воскресенье ксендз Милковский в костеле произнес возмутительную, зажигательную проповедь, говоря “настал час вольности, нас душили жандармы, урядники. Все готово, еще месяц, и все будет кончено. Помолится Богу, чтобы он избавил нас от угнетающих разбойников”. Прихожане рыдали». По мнению Пацевича, «оставление ксендза Милковского на свободе может отозваться серьезными последствиями»³.

В свою очередь, ярким примером религиозного нетерпения католических прихожан послужило паломничество по Ошмянскому и Виленскому уездам в г. Вильно для поклонения местным святыням. В этой местности особым почитанием пользовались Остробрамская икона Божьей Матери в Вильно и костел в местечке Кальвария Виленского уезда. Святыни привлекали к себе множество паломников из различных регионов Северо-Западного края, рассматривавших поклонение им в качестве своего религиозного долга. Однако, согласно действовавшим административным распоряжениям, паломники не имели права направляться в места поклонения большими группами. Даже в случае совершения паломничества несколькими лицами им не позволялось нести перед собой священные предметы – кресты, иконы и хоругви. Запрещение глубоко укоренившейся религиозной традиции вызывало недовольство у набожного католического населения, особенно у представителей низших сословий. Однако решиться на открытое массовое паломничество к святыням означало для духовенства и верующих неизбежное столкновение с властями. Такую готовность осуществить право ревностных католиков на массовое шествие со всеми церковными атрибутами проявили ксендзы из Ошмянского деканата. Под влиянием горячих проповедей одного из них прихожане Гольшанского римско-католического костела направились на богомолье в Вильно. В шествии участвовало около тысячи человек. 17 мая 1904 г. паломники вышли из местечка Гольшаны с преднесением креста, церковных хоругвей и религиозными песнопениями на польском языке.

Характер паломничества генерал-губернатор П. Д. Святополк-Мирский определил как «демонстративное шествие», противоречившее указу Духовной римско-католической

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1905. Д. 399. Л. 6.

² Там же. Л. 9.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 101. Л. Г. Л. 63.

коллегии от 16 мая 1845 г., циркуляру Виленского генерал-губернатора от 15 августа 1866 г. и императорскому указу от 1 декабря 1878 г.¹

Шествие было организовано с разрешения настоятеля Гольшанского костела ксендза Викентия Сидорского викарным священником этого костела Александром Лошакевичем. Декан Ошмянского деканата ксендз Михаил Оборович не принял во внимание просьбу полицейского исправника о недопустимости такого рода шествий. Он отказался запретить своей церковной властью ксендзу Лошакевичу и его пастве участие в этой религиозной процессии.

18 мая при прохождении паломниками деревни Медники полицейский урядник Иван Балтromeюк в корректной форме попытался остановить шествие католиков. При этом он потребовал отдать ему распятие. В образовавшейся давке паломниками был сломан крест, и возбужденная тысячная толпа едва не устроила самосуд над представителем власти, который пытался честно выполнить свой служебный долг. Урядник сумел избежать расправы только благодаря мужеству и находчивости сидельца казенной винной лавки Мартина Ничипора, который укрыл его от разъяренных паломников. Вовремя предупрежденная урядником Балтromeюком виленская полиция сумела не допустить утром 19 мая «демонстративного» входа богомольцев в Вильно. Толпа паломников была разделена на небольшие группы и в таком виде допущена к поклонению католическим святыням.

После того как в Остробрамском костеле ксендз Лошакевич отслужил мессу, на следующий день 20 мая паломники, благодаря нерасторопности полиции, смогли также толпой «демонстративно», с крестом и хоругвями покинуть город и вернуться по Ошмянскому тракту обратно в Гольшаны. Генерал-губернатор был обеспокоен тем, что торжественное возвращение паломников в Гольшаны привело к появлению среди населения, живущего вдоль Ошмянского тракта, «ложных суждений о дозволенности таковых массовых торжественных религиозных процессий и незаконности действий чинов Ошмянской городской и Виленской уездной полиции, останавливавших богомольцев при шествии их в Вильну»².

В связи с тем что известие об этом прецеденте получило широкий резонанс среди католиков Виленской епархии, П. Д. Святополк-Мирский посчитал необходимым строго отнестись к инициаторам шествия. Ксендзы Михаил Оборович и Александр Лошакевич по согласованию с МВД, на основании «Правил о заключении в монастырь порочных римско-католических священников», были приговорены к заключению в Гродненский францисканский монастырь сроком на два года. Правда, в монастыре ксендзы пробыли недолго и уже 11 августа того же 1904 года в связи с манифестом в честь святого крещения наследника цесаревича Алексея были освобождены из монастыря и возвратились в Вильно. Генерал-губернатор принял решение о немедленном смещении с должности настоятеля Гольшанского костела ксендза Викентия Сидорского и о переводе его в приход со сплошным католическим населением. Трое крестьян, подстрекавших толпу католиков к расправе над урядником в деревне Медники, были посажены под арест сроком на две недели. Полиции и земским начальникам Виленской губернии вменялось в обязанность в связи с «религиозным брожением» и напряженностью «фанатичных чувств» местного католического населения, возникшими в результате проповеди римско-католического духовенства, осуществлять «особое наблюдение» за религиозной ситуацией на вверенной им территории³.

Расследование указанного происшествия, в силу своей масштабности и демонстративно противоправного характера, получившего столь широкую огласку, было поручено генерал-губернатором надворному советнику С. П. Белецкому. По окончании следствия С. Белецкий в начале июня 1904 г. предоставил рапорт на имя генерал-губернатора. В нем,

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1904. Д. 316. 12–13.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 9, 13, 47.

на основе тщательного профессионального расследования, были сделаны конкретные выводы о степени ответственности вышеуказанных ксендзов за проведение запрещенной циркулярами религиозной процессии. Служебное усердие подвигло надворного советника одновременно сделать попытку масштабного изучения тех новых тенденций, которые появились в межконфессиональных отношениях в Ошмянском и Виленском уездах Виленской губернии. Белецкий рассматривал возникновение прецедента незаконного массового паломничества как совокупный результат тех негативных трансформаций, которые претерпели межконфессиональные отношения в этих уездах за последние полтора года. Или, иными словами, как проявление «напряженности религиозных страстей», неожиданно возникших среди католического населения¹.

Информация, полученная Белецким в ходе расследования, содержала богатый фактический материал, дающий определенное представление о костельных братствах, начавших нелегально действовать в уездах, переменах, резко обозначившихся в поведении римско-католического духовенства и мирян, настроениях, царящих среди «упорствующих», состоянии правонарушений законодательства о веротерпимости и т. д.

С. П. Белецкий не пытался выяснить весь комплекс причин, приведших к возникновению религиозного движения и связанного с ним подъема т. н. «католического фанатизма», да это, собственно, и не входило в поставленную перед ним задачу. Рассматривая эти проблемы с точки зрения защиты правительственной политики веротерпимости, интересов «господствующей» церкви и местного православного духовенства и его паствы, Белецкий, опираясь на показания свидетелей, указывал Святополк-Мирскому на те проявления этого движения, развитие которых должны были вызвать серьезные опасения у администрации края. К ним относились: усиление пропаганды католичества, укрепление польского культурного влияния на белорусское население, рост воздействия ксендзов на семейную и общественную жизнь своей паствы, эскалацию напряженности между «упорствующими» и православным духовенством.

В качестве подтверждения истинности своих наблюдений Белецкий приводил данные канцелярии Виленского губернатора, связанные с динамикой нарушений циркулярных распоряжений и норм религиозного законодательства по Ошмянскому уезду, который ранее в отношении веротерпимости был «совершенно спокойным», а теперь к весне 1904 г. стал «одним из самых криминальных» в Виленской губернии. В качестве наиболее «рельефных» дел, расследуемых администрацией и Виленской православной консисторией с начала 1903 г., назывались следующие. Спорадические нарушения правил о крестных ходах в Сольском и Забрешском костелах весной и летом 1903 г, массовое соvrращение в католичество прихожан Хожевской церкви, осуществленное ксендзом Халецким, отдельные случаи соvrращения в католичество в Гольшанском православной приходе. Из дел, характеризующих откровенно пренебрежительное отношение к православию, назывался инцидент с настоятелем Вишневого костела ксендзом Вертулисом, который, несмотря на требование полиции, отказался прекратить игру оркестра в своем саду во время богослужения в соседней Православной церкви².

Материалы дела об организации паломничества, позволившие выявить степень напряженности религиозных ожиданий и проявленной решимости к открытому нарушению ограничений административного и правового характера, содержали также сведения о взаимоотношениях «упорствующих» с православным духовенством. В частности, в селе Рукойны, находившемся в 16 верстах от Вильно, из 900 жителей две трети числились православными, но в действительности принадлежали к числу «упорствующих». Опрашивая «упорствующих» разных возрастов, Белецкий пришел к неутешительному выво-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1904. Д. 316. Л. 74.

² Там же. Л. 84–90.

ду – эти люди оказались до такой степени преданными католичеству, что можно было безошибочно считать их потерянными для Православной церкви¹.

Настойчивый и усердный в своем пастырском служении настоятель этого прихода отец Николай оказался в весьма тяжелом положении. В 1903 г. «упорствующие» сделали попытку поджога усадьбы священника, после чего он смирился и перестал, по выражению прихожан, «надоедать им своими проповедями и нравочениями». Священник, ставший за время службы на этом приходе болезненным и нервным, вынужден был направить прошение о переводе его в действующую армию на Дальний Восток, чтобы остаться затем в составе военного духовенства. Но злоключения священника и его семьи на этом не закончились. Спустя несколько дней после отъезда Белецкого в Вильно усадьбу отца Николая Красницкого подожгли вторично, на этот раз он даже не смог спасти свой скудный домашний скраб. Отцу Николаю выпала печальная участь стать жертвой религиозного экстремизма своей «упорствующей» паствы².

Наблюдения, сделанные свидетелями и подтвержденные приведенной статистикой правонарушений, позволяют датировать начало религиозного подъема, охватившего Ошмянский и Виленский уезды, первой половиной 1903 г.

Можно предположить, что на оживление религиозной активности католического духовенства и мирян в этом регионе, как и в других, названных выше, прямо или косвенно оказал воздействие Манифест от 26 февраля 1903 г.

Выводы и оценки, сделанные Белецким по результатам расследования, несут на себе неизбежную в данном случае печать зависимости от официальной политики, требований действовавшего законодательства о веротерпимости и правил, введенных администрацией края после польского восстания 1863 г. Но в то же время собранный им фактический материал обладает определенной степенью «автономности» объективного характера. Представленные факты дают возможность проследить эволюцию в поведении и настроениях католической и православной сторон, наметившуюся после издания Манифеста от 26 февраля 1903 г.

В свою очередь, генерал-губернатор П. Д. Святополк-Мирский получил еще одну возможность накануне своего назначения на пост министра внутренних дел осмыслить результативность своего нового политического курса и оценить тенденции, складывавшиеся в межконфессиональных отношениях Северо-Западного края после издания Манифеста от 26 февраля 1903 г.

3. Манифест от 26 февраля 1903 г. и меры администрации и духовенства белорусских губерний по защите межконфессионального status quo

Перемены, наметившиеся в поведении римско-католического духовенства после Манифеста от 26 февраля 1903 г., и в частности, начавшиеся нарушения циркулярных распоряжений, не остались незамеченными и светской администрацией Минской губернии. Несколько ранее, в 1899 г., предшественник Мусина-Пушкина на губернаторском посту Н. Н. Трубецкой уже жаловался в департамент духовных дел МВД, что римско-католическое духовенство: «... позволяет себе на каждом шагу нарушать распоряжение светской власти, как, например, касательно совершения крестных ходов»³.

Если случаи, о которых упоминает князь Трубецкой, носили единичный характер, то после 26 февраля 1903 г. ситуация начала изменяться не в лучшую для администрации сторону. Католические крестные ходы, проведенные на Пасху 1903 г. в ряде приходов,

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1904. Д. 316. Л. 73.

² Там же. Л. 74.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 1671. Л. 237.

стали демонстративным нарушением циркулярных предписаний, действовавших в Минской губернии после выхода ее из состава Северо-Западного края. Участились также и случаи самовольных отлучек ксендзов со своих приходов. Стремясь пресечь попытки некоторых ксендзов отменить явочным порядком правила об отлучках и восстановить свободное исполнение ритуалов Католической церкви, А. А. Мусин-Пушкин 31 мая 1903 г. издал два циркулярных распоряжения полицмейстерам и уездным исправникам губернии.

В первом из них говорилось, что: «Ввиду неоднократно замечавшихся в последнее время случаев совершения римско-католическим духовенством крестных ходов вокруг костелов без моего на то разрешения, а также и других с его стороны нарушений узаконений и распоряжений, касающихся римско-католических богослужений и духовенства, предписываю вам объявить всем римско-католическим священникам вверенного вам города или уезда, с отобранием у них в том подписки, что в Минской губернии относительно римско-католического богослужения и духовенства остаются в силе и в настоящее время все изданные до сего времени узаконения и распоряжения правительства»¹.

Во втором циркуляре губернатор предписывал полицейским властям: «доносить мне обо всех крестных ходах, совершаемых римско-католическим духовенством вокруг костелов без моего письменного на то разрешения»².

Однако ксендзы, под влиянием воззвания «Братьям во Христе», полученного ими из Царства Польского, начали «повсеместно совершать крестные ходы, не испрашивая на то разрешения», и отказывались давать губернатору требуемые подписки. О ситуации, сложившейся в губернии к середине июля 1903 г., Мусин-Пушкин вынужден был уведомить директора департамента духовных дел А. Н. Мосолова³.

Тревогу минского губернатора, вызванную демонстративным неподчинением части ксендзов административным предписаниям, с 1860-х гг. определявших основные направления политики в отношении местного католицизма, разделял и витебский губернатор И. И. Чепелевский. В июле 1903 г. Полоцкий епископ Серафим обратил внимание губернатора на то, что 8 мая в Придруйском костеле в пределах костельной ограды был совершен торжественный крестный ход прибывшим из с. Варновичи Иллукутского уезда Курляндской губернии ксендзом Гугшисом, при этом настоятель Придруйского костела ксендз Конвалевский ссылался на п. 6 Манифеста от 26 февраля 1903 г., разрешавшего, по его мнению, подобные крестные ходы.

Епископ указывал, что в Полоцкой епархии «наружные» римско-католические крестные ходы, «обставленные с особой торжественностью», до настоящего времени не совершались. Такого рода новшество, – подчеркивал архиерей, – «не может не останавливать на себе внимания окружающего православного населения и не смущать или соблазнять его». Во избежание последнего преосвященный Серафим просил губернатора принять необходимые меры к «недопущению подобных крестных ходов на будущее время не только в Придруйском костеле, но и в других костелах губернии»⁴.

Начавшаяся практика нарушения духовенством установленных в 1860-е гг. ограничительных распоряжений была отмечена и местной администрацией. Губернатору поступил ряд донесений исправника, в которых исправник Люцинского уезда сообщал о многочисленных случаях нарушения ксендзами правил об отлучках римско-католического духовенства. Так, прибывшие без разрешения губернатора в Люцин для совершения совместной мессы с настоятелем Люцинского костела ксендзы Андрескус и Будревич объяснили уездному исправнику, что установленные в отношении римско-католического духовенства ограничения, по их мнению, утратили силу ввиду Высочайшего Манифеста от 26 февраля 1903 г. Поэтому они не считают необходимым в настоящее время испрашивать разрешение на отлучку⁵.

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 1671. Л. 258.

² Там же. Л. 259.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 4. Л. 134.

⁴ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45847. Л. 38.

⁵ Там же. Л. 53.

24 июня 1903 г. в село Райполье Люцинского уезда прибыли ксендзы Гирдвойн, Бикшис и Киндзуль, несмотря на то, что на просьбу декана о приезде ксендзов на местный храмовый праздник губернатор ответил отказом. 28 июня в местечко Рыбнишки по приглашению местного ксендза Андрескуса прибыли ксендзы – Пашко, Урбис и Швегждо. Они совершили совместное торжественное богослужение и крестный ход вокруг костела. И на этот раз ксендз Швегждо в своем объяснении ссылался на Манифест от 26 февраля 1903 г.¹

Обязанный, в силу своего должностного положения, добиваться поддержания установленного правопорядка, И. И. Чепелевский обратился к министру внутренних дел В. К. Плеве. Губернатор сообщал, что в последнее время в Витебской губернии заметно участились случаи нарушения римско-католическим духовенством правил об отлучках и совершении крестных ходов. «Со своей стороны, долгом считаю высказать, – писал Чепелевский, – что до тех пор, пока ограничительные для римско-католического духовенства правила в установленном время не отменены, необходимо требовать неуклонного и точного их исполнения. Оставление без внимания нарушений, допускаемых римско-католическим духовенством, укореняет в среде последнего убеждение в полной безнаказанности и тем самым совершенно подрывает авторитет административной власти и уважение к закону как в самом духовенстве, так и в слепо верящем ему огромной и темной массе прихожан».

Практическим выводом из вышесказанного стали предложения губернатора о том, чтобы ксендза Андрескуса, как достигшего уже преклонного возраста, заключить в Аглонский монастырь, ксендзов Будревича, Швегждо и Конвалевского сместить на должности викарных, а остальных, виновных в нарушении правил об отлучках римско-католического духовенства, подвергнуть денежному взысканию.

По мнению Чепелевского, ссылки упомянутых ксендзов на Манифест от 26 февраля, к «толкованию которого настоятели церкви вовсе не призваны», только усугубили их вину и убедили губернатора, что «они совершенно не соответствуют занимаемому положению руководителей вверенной им паствы. А ксендз Андрескус, упорно нежелающий подчиниться особому распоряжению МВД о несовершении в местечке Рыбнишках крестных ходов вокруг костела, – не может быть далее терпимым в среде приходского духовенства губернии»².

В начале июля 1903 г. к министру внутренних дел В. К. Плеве обратился могилевский губернатор Н. М. Клингенберг. Он сообщал о том, что многие настоятели костелов начали в последнее время совершать крестные ходы вне костелов, «ссылаясь на высочайший Манифест от 26 февраля 1903 г.». Клингенберг просил министра, чтобы управляющий Могилевской архиепархией издал распоряжение о прекращении нарушений правил о крестных ходах, которые действовали в Могилевской губернии³.

Следует отметить, что МВД достаточно оперативно отреагировало на сообщения администрации об изменениях в поведении римско-католического духовенства белорусских губерний.

Уже 29 июля 1903 г. В. К. Плеве сообщил Управляющему Могилевской архиепархией прелату Денисевичу, что некоторые священники Минской, Витебской и Могилевской губерний, под влиянием распространяемых в их среде нелегальным путем воззваний на польском языке, стали совершать крестные ходы с нарушением установленных на это правил. В объяснениях по поводу своих проступков они ссылались на Манифест от 26 февраля 1903 г. Министр напоминал управляющему архиепархией, что действующие относительно крестных ходов правила по-прежнему сохраняют свою силу. Управляющему предписывалось: «Поставить в известность духовенство трех белорусских губерний о необходимости точного и неуклонного соблюдения установленного в отношении крестных ходов порядка под опасением, в случае нарушения оного, строгих взысканий, не исключая и заключения в монастырь». Духовенству архиепархии следовало также разъяснить, что приводимые в свое оправдание ссылки на Манифест от 26 февраля 1903 г. «представляются совершенно неосновательными и неуместными»⁴.

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45847. Л. 54.

² Там же. Л. 55.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 4. Л. 133.

⁴ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45847. Л. 84.

Своевременно выполнив поручение министра, прелат Денисевич попытался объяснить Плеве причины, которые заставили многих ксендзов и прихожан архиепархии нарушать установленные администрацией правила. Прелат убеждал К. В. Плеве в том, что: «Высочайший Манифест от 26 февраля 1903 г., обнародованный со всех амвонов римско-католическому населению белорусских губерний, вызвал неимоверную радость в народе» и был понят как «право свободно проявлять свои религиозные верования в публичном богослужении». По утверждению Денисевича: «Крестные ходы как неоспоримо составляющие неотъемлемую часть католического культа стали совершаться в маловместительных р-к церквях вне храма преимущественно по настойчивым просьбам прихожан, уверенных, что монаршее слово, произнесенное с высоты трона, устранило временные ограничения, касающиеся публичного богослужения в р-к церквях Северо-Западного края, вызванные смутами 40 лет тому назад»¹.

Управляющий Могилевской архиепархией просил министра благосклонно отнестись к нуждам католиков и предоставить губернаторам Могилевской, Минской и Витебской губерний право разрешать совершение крестных ходов вне храмов по торжественным и праздничным дням, по прошениям, на год вперед².

Однако прошение прелата не получило положительного решения. Подтверждением приверженности МВД к сохранению действовавшей системы административных ограничений для римско-католического духовенства служит продолжавшаяся практика административного нормотворчества. В частности, 29 мая 1904 г. В. К. Плеве был издан очередной циркуляр губернаторам, в котором сообщалось о том, что митрополиту римско-католических церквей предложено министром обязывать подведомственных ему римско-католических духовных лиц, кои увольняются им в отпуск с разрешения министерства, не совершать общественного богослужения и треб народу в бытность их в отпуске в вверенной вам губернии, за исключением местностей, входящих в пределы прихода, в коих они продолжают числиться»³.

Однако меры, предпринятые МВД, не принесли должного эффекта. В мае 1904 г. трое ксендзов Люцинского уезда Витебской губернии – Гирдвойн, Киндзуль и Ясинский, в нарушение «Правил 30 сентября 1892 г. об отлучках римско-католического духовенства Могилевской и Витебской губерний», 24 июня в день святого Иоанна Крестителя прибыли в село Райполь и участвовали в совместном торжественном богослужении. Упоминаемый ранее настоятель Рыбинского прихода Доминик Андрескус, так и не отправленный по просьбе губернатора в Аглонский монастырь, в ноябре 1904 г. совершил крестный ход вокруг костела, в третий раз нарушая требования циркулярного распоряжения МВД от 9 февраля 1892 г., в силу которого совершение крестных ходов вокруг костелов в местечках было запрещено. При этом ксендз упорно ссылался на Манифест от 26 февраля, разрешивший, по его мнению, свободное совершение крестных ходов⁴.

Новый министр П. Д. Святополк-Мирский вынужден был предложить митрополиту Георгию Шембеку наложить «суровое взыскание» – переместить неуправляемого ксендза Андрескуса на другой приход⁵. В середине января 1905 г. столь же «суровое взыскание» последовало и для настоятеля Рунданского костела ксендза Ксаверия Ясинского, объяснения которого по поводу своего проступка показали министру «сознательно извращенными». Митрополиту было также предложено, принимая во внимание «непозволительность допущенного ксендзом тона», перевести его на другой приход⁶.

Накануне решающих перемен в российском законодательстве о веротерпимости министр обращал внимание митрополита на поступавшие в министерство сведения об уча-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 4. Л. 136.

² Там же. Л. 136 об.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 260.

⁴ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46383. Л. 47.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 161.

⁶ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46383. Л. 47 об.

стившихся в последнее время случаях нарушения действующих узаконений духовными лицами Могилевской и Витебской губерний. «С прискорбием отмечая столь нежелательное явление», Святополк-Мирский предлагал митрополиту «напомнить подведомственному вам духовенству упомянутой части Могилевской архиепархии о безусловной необходимости строгого подчинения существующим распоряжениям правительственной власти»¹.

Манифест от 26 февраля 1903 г., демонстрировавший намерение властей соблюдать действовавшее законодательство о веротерпимости, вызвал реакцию, свидетельствовавшую о том, что часть духовенства и мирян Римско-католической церкви уже не соглашалась мириться с существующей в Литве и Белоруссии системой ограничений ритуальной жизни Церкви и действия норм канонического права в отношении ее духовенства. Все более резко проявляющаяся тенденция к нарушению административных распоряжений, стеснявших религиозную свободу Католической церкви в крае, свидетельствовала о неприятии методов регламентации церковной жизни, не предусмотренных действующим законодательством о веротерпимости. Порядку, установленному в чрезвычайных обстоятельствах 1860-х гг., был брошен вызов, на который администрация пыталась найти ответы, адекватные духу времени. В этой связи испытанию на прочность начали усиленно подвергаться и краеугольные камни института веротерпимости, выступавшие в виде правовых норм, защищавших неприкосновенность конфессиональных границ «господствующей» Церкви. Указанные процессы нашли свое выражение в том, что идущее «снизу» движение пыталось де факто ослабить узаконенную монополию православия на миссионерство и религиозную пропаганду.

Приходские священники Минской православной епархии в 1904 г. в своих рапортах благочинным отмечали, что католическое духовенство повсеместно усилило религиозно-нравственное давление на прихожан, желавших вступить в брак с православными. При этом, по их мнению, ксендзы более часто, чем ранее, использовали привычный арсенал пастырских средств – отказ в выдаче предбрачных документов и использование духовной власти для контроля над недопустимым с канонической точки зрения поведением прихожан².

Участились сведения, поступающие от духовенства, о препятствиях, которые чинили ксендзы родителям, посылающим детей в православные церковноприходские школы. Таким родителям грозили лишением таинства исповеди и причастия. Для человека верующего подобная угроза являлась серьезным инструментом воздействия на его поведение, так как речь шла о религиозном спасении души для жизни вечной. Православные священники стали замечать, что под влиянием ксендзов, внушающих своим прихожанам «чуждаться православных храмов и духовенства под страхом вечных адских мук», наметились признаки сокращения посещений католиками православных церквей³. В качестве новой тенденции были отмечены и нарастающие осложнения в процессе воцерковления нелегальных католиков.

Благочинный 1-го округа Пинского уезда, описывая ситуацию с «упорствующими» в Логишинском и Ставокском приходах, утверждал, что: «Польские ксендзы безбоязненно совершают все духовные требы, убеждая держаться католичества, так как в самом недалеком будущем будет разрешено все: костел построить и делать все что угодно»⁴.

Информируя епархиальное начальство о религиозно-этнических и социально-экономических формах солидарности, придававших устойчивость этому неформальному профессиональному сообществу, духовенство обратило внимание на появление новых факторов, ставших дополнительным стимулом для противостояния с «господствующей» Церковью. На эмоционально-психологическом климате православно-католических отношений, складывавшихся в белорусской глубинке, начали сказываться события имперской общественно-политической жизни. Они вызвали эффект нарастающих религиозных ожиданий, проявляемых католической стороной. Причинами возникновения таких ожиданий

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46383. Л. 37, 47, 66.

² НИАБ. Ф. 136. Оп.1. Д. 37167. Л. 25.

³ Там же. Л. 15 об, 49.

⁴ Там же. Л. 39–40.

стали упоминаемый выше императорский Манифест от 26 февраля 1903 г. и материалы полемики о свободе совести, развернувшейся в светской и духовной периодике¹.

Провинциальное православное духовенство вынуждено было фиксировать, как эти новые факторы российской общественно-политической жизни начинают оказывать реальное воздействие на поведение католиков и «упорствующих» в местностях со смешанным православно-католическим населением.

Благочинный 2-го округа Новогрудского уезда протоиерей Феликс Сцепуро был обеспокоен проблемами, которые возникли у настоятелей приходов, в которых наряду с православными проживали группы «упорствующих». Он сообщал о происходящем в уезде: «Подъеме духа «полякующих» и в особенности ксендзов, поддерживаемых и материально и нравственно богатыми панями, о подобострастном отношении к ним уездных и сельских представителей власти и о проникновении в народ требований русской интеллигенции о свободе совести и вероисповеданий». По мнению протоиерея, указанные факторы «сильно» парализуют деятельность настоятелей таких приходов, о чем свидетельствовало значительное сокращение числа лиц, присоединившихся к православию из римо-католиков и «упорствующих»².

О поведении католических священников на пике религиозных ожиданий, которые выпали на первые месяцы 1905 г., свидетельствует рапорт настоятеля Гаинской церкви Борисовского уезда Романа Максимовича, поданный 27 марта 1905 г. своему благочинному. Священник сообщал, что в местностях, населенных по преимуществу католиками, проводится «особенно сильная агитация против православной церкви», с возбуждением вражды римо-католиков к православному населению. Специфичность этой агитации усматривалась «в извращенном толковании высочайшего указа от 12 декабря 1904 г.». В результате среди темной массы народа распространился слух о том, что «якобы сама правительственная власть разрешает и одобряет переход православных в латинство». По сведениям настоятеля, 4 марта в Логойском костеле состоялся «съезд ксендзов, и с того дня ксендз начал принимать к исповеди и причастию православных по латинскому обряду».

Описывая тактику католического духовенства, священник обращал внимание своего благочинного на использование ксендзами ловких демагогических приемов, призванных ускорить нелегальное присоединение к Католической церкви. Они призывали спешить с переходом в католичество, «ибо для этого времени мало». В результате, – признавал отец Роман, – открытая пропаганда католичества среди православных прихожан дала некоторые миссионерские результаты. Она имела определенный отзвук среди тех, – отмечал священник, – которые присоединились к православию в 1866–1867 гг., а также среди католиков, находившихся в смешанных браках с православными и давших подписку крестить и воспитывать детей в православной вере. Священник сообщал о первых конфликтах, возникших в смешанных семействах в связи с переходами из православия в католичество. В частности, в деревне Козыри православные сыновья крестьянина-католика Михаила Лиса, Александр – 17 лет и Владимир – 11 лет, обучавшиеся в Гайно-Слободском училище, несмотря на побои отца, отказались идти на исповедь к ксендзу. Роман Григорович обратился к приставу 2-го стана Борисовского уезда с просьбой о защите Александра и Владимира от насильственных действий со стороны их отца, предпринимаемых для перехода сыновей в католичество³.

В начале марта 1905 г. настоятель Троицкой церкви Бобруйского уезда священник Григорий Жуков сообщал епископу Михаилу о том, что под влиянием приехавшего в околицу

¹ Арсеньев К. К. Свобода совести и веротерпимость: сб. ст. СПб., 1905. С. 3–210; Скворцов В. М. Граф Толстой о свободе совести и веротерпимости // Миссионерское обозрение. 1902. № 4. С. 798–812; Богомоллов Д. О свободе совести // Миссионерское обозрение. 1902. № 4. С. 700–710; Сильвестр, архимандрит. Современные искатели полной свободы совести пред судом Православной церкви и государства // Вера и разум. 1903. № 16. С. 171–189; Платон (Рождественский), епископ. К вопросу о свободе совести // Труды Киевской духовной академии. 1902. № 8. С. 573–617.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37167. Л. 15.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37131. Л. 2–5.

Малиновка ксендза Бобруйского костела Миржвинского некоторые его прихожане перешли в католицизм. На увещании своих прихожан в Малиновке священник узнал, что приехавший ксендз читал им какой-то закон о дозволении переходить в католичество. Пришедшая на увещание католическая молодежь, по словам священника, вела себя вызывающе, кричала о том, что «католическая вера была извечно, а православные отщепенцы». Прихожане сообщили священнику, что ксендз «изрыгал страшную хулу на православную веру и священников»¹.

Внезапные изменения в поведении римско-католического духовенства вызвали негативную реакцию не только у православных священников, но и у православных мирян. Обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев 30 марта 1905 г. обратился к министру внутренних дел А. Г. Булыгину, препроводив ему для рассмотрения прошение прихожан Ивенецкой Свято-Троицкой церкви Минской епархии. Григорий Карпицкий, Александр Чуприна и другие прихожане просили обер-прокурора о защите интересов православия от «усиливающейся пропаганды римско-католичества в означенной местности»².

Сведения, поступающие от приходского духовенства и мирян Минской епархии к духовному и светскому начальству различного уровня, свидетельствовали о том, каким образом представляла себе часть католического приходского духовенства те миссионерские возможности, которые должна была представить им ожидаемая религиозная свобода. Можно заметить, что по мере нарастания этих религиозных ожиданий появляются новые формы противодействия тем нормам веротерпимости, которые защищали привилегии Православной церкви. Мы видим начинающийся процесс фактического освобождения от юридически зафиксированных отношений власти-подчинения и первые результаты кризиса этих отношений на уровне приходской жизни. Отдельные представители католического духовенства, вопреки действовавшему законодательству, пытаются явочным порядком установить собственную, основанную только на экклезиологии своей Церкви, нормативность миссионерского поведения. Такое начало, вызванное религиозным нетерпением некоторых ксендзов и мирян, уже стало вызывать признаки серьезного обострения отношений между католиками и православными. Вместе с тем для религиозных и светских властей возникла реальная возможность предвидения содержания и масштабов тех религиозных и социально-психологических последствий, к которым могла привести новая миссионерская тактика части католического духовенства. У правительства и обер-прокурора Святейшего Синода еще оставался шанс приготовить местную православную иерархию и духовенство к тем переменам, которые по всей вероятности должны были произойти в поведении ксендзов и их паствы после введения нового закона о веротерпимости.

Аналогичные тенденции в поведении части католических священников и мирян проявились и в Виленской римско-католической епархии, входившей в состав Северо-Западного края. Религиозное нетерпение в этом регионе приняло также острые и масштабные формы и воплотилось в ряде нарушений административно-правового характера. Стремление явочным порядком ввести элементы религиозной свободы «снизу», не дожидаясь их законодательного утверждения «сверху», свидетельствовало о решимости отдельных ксендзов радикально решить вопрос об отмене одной из главных привилегий православия, но и одного из основных принципов, на котором строилась вся система веротерпимости – запрета на прозелитизм. События, произошедшие в Виленской римско-католической епархии и Могилевской архиепархии, могли послужить своего рода предупреждением о нарастании религиозных ожиданий, и возможной неадекватной реакции католической стороны на законодательные инициативы правительства.

Новый вызов части духовенства и мирян, основанный на этнической и церковной солидарности, преследовал цель восстановления конфессионально понимаемой справедливости в отношении правового положения Католической церкви в империи. События в Северо-Западном крае и белорусских губерниях не носили изолированного характера, они становились составной частью явлений протестного характера, которые в начале XX в. поставили под сомнение политическую и правовую целесообразность сохранения в неизменном виде действовавшего института веротерпимости.

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37127. Л. 1–7.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 1.

ИДЕОЛОГИЯ И ЦЕЛИ УКАЗА ОТ 17 АПРЕЛЯ 1905 г. «ОБ УКРЕПЛЕНИИ НАЧАЛ ВЕРОТЕРПИМОСТИ»

1. Подготовка к реформированию института веротерпимости. Указ от 12 декабря 1904 г.

Принципиальные перемены в религиозной политике, проводившейся в Северо-Западном крае после восстания 1863 г., стали возможны после того, как в мае 1904 г. Николай II ознакомился с отчетом Виленского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского за 1902–1903 гг.

В этом отчете, упомянутом выше, генерал-губернатор рассмотрел основные религиозно-этнические проблемы Северо-Западного края и высказал ряд предложений по их разрешению. Генерал-губернатор считал, что главным препятствием для успешного осуществления всех правительственных мероприятий в крае являлось сохранившееся с 1860-х гг. отождествление религии и национальности. Власть должна твердо уяснить для себя, что «русское племя в Северо-Западном крае не есть безусловный носитель Православной церкви». Убеждение, что все католическое – польское и все неправославное – нерусское, служит «не в пользу русской государственности». Наглядным примером неразумности такого подхода являются белорусы-католики. В то время как литовское духовенство уже осознает себя литовским, белорусы-ксендзы продолжают считать себя поляком. В итоге колонизация литовцев прекратилась, а белорусы продолжают колонизироваться. Чтобы остановить ополячение католической части белорусского племени, власть должна приложить максимум усилий для развития у белорусов национального самосознания, чему может послужить введение в белорусских католических приходах дополнительного богослужения на их родном языке¹.

По мнению П. Д. Святополк-Мирского, нужно изменить политику в отношении Римско-католической церкви, дав ей известный простор в проявлении религиозной деятельности. Деятельность православного духовенства в крае генерал-губернатор оценивал как стремление к насильственному приобщению католического населения к православию. На этом основании он не считал целесообразным подвергать ксендзов административным взысканиям за негативное отношение к православным церковноприходским школам «как в видах справедливости, так и в видах политического такта». Обвиняя православных иерархов в увлечении политикой, Святополк-Мирский подчеркивал, что это ведет в ущерб интересам самой церкви и «труду правителей гражданских». Святополк-Мирский предлагал императору пересмотреть основы государственной политики в Северо-Западном крае по таким острым проблемам, как взаимоотношения с польским населением, состояние отношений между православными и католиками, положение русской школы и т. д.

---

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 846. Л. 12–14.

Меры, предлагаемые П. Д. Мирским, привлекли внимание императора, и он наложил на отчет резолюцию. «Отчет этот представляет целую программу правительственной политики. Поручаю Комитету министров подробно обсудить и неотлагательно представить мне свои окончательные заключения по поднятым здесь общим вопросам»¹. Предложения, высказанные Виленским генерал-губернатором по ключевым аспектам правительственной политики в Северо-Западном крае, встретили поддержку Комитета министров. Правительство признало, что роль православного духовенства в крае должна заключаться в религиозно-нравственном просвещении народа, а не в стремлении к политической деятельности. Рассматривая предложение Святополк-Мирского о языке католического дополнительного богослужения, Комитет министров, отметив политическую значимость этого вопроса, поручил МВД принять все зависящие от него меры к введению в католических белорусских приходах дополнительного богослужения на белорусском языке. Принятое решение свидетельствует о том, что правительство начало учитывать этнические особенности населения края, признавая ее светский, не связанный с конфессиональной принадлежностью характер².

15 июля 1904 г. был убит министр внутренних дел В. К. Плеве. Новым министром внутренних дел указом императора от 26 августа 1904 г. был назначен князь П. Д. Святополк-Мирский. Назначение бывшего Виленского генерал-губернатора на эту должность означало, что верховная власть намеревается серьезно приступить к разработке нового политического курса в области религиозной и национальной политики. В начале своей деятельности Святополк-Мирский изложил Николаю II основные принципы своей деятельности по реформированию внутривластного курса государства.

В свою программу, представленную императору, новый министр внес вопросы о реформировании законодательства о веротерпимости, расширении самоуправления, изменениях в политике в отношении национальных окраин и т. д. Николай II одобрил намерения нового министра и поручил ему составить подробную записку о сущности предстоящих преобразований. К началу декабря 1904 г. программный доклад и проект соответствующего указа были готовы. Окончательный вариант проекта указа было поручено подготовить С. Ю. Витте как председателю Комитета министров, на который была возложена разработка основных направлений по реализации изложенных в нем мероприятий. Подробной разработкой мероприятий должны были заниматься специально для этого образуемые Особые совещания³.

Как справедливо отмечает В. Г. Бабин, традиционно в российской историографии изменения в национально-религиозной политике в начале XX в. напрямую увязывались с развитием революционного процесса и влиянием первой российской революции, заставившей власть пойти на уступки требованиям общества. Между тем общая реформаторская программа, сформулированная властью незадолго до начала революции, разрабатывалась, дополнялась и воплощалась в жизнь отнюдь не только под влиянием текущих политических событий. Безусловно, революция оказывала влияние на характер, темпы и методы осуществления реформ. Причем это влияние было велико и ощутимо. «Однако было бы опасным упрощением видеть в нем единственный и исключительный побудительный мотив действий сановников, придерживавшихся реформаторских убеждений»⁴. 12 декабря 1904 г.

¹ Бабин В. Г. Государственная образовательная политика в Западных губерниях во второй половине XIX – начале XX в. / Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.): материалы науч.-теорет. конф. 8–10 декабря 2003 г. СПб., 2004. С. 217.

² Там же. С. 218.

³ Там же. С. 219–220.

⁴ Власть и реформы. От самодержавия к советской России / Б. В. Ананьич (отв. ред.), Р. Ш. Ганелин, В. М. Панеях. СПб., 1996. С. 457.

императором был утвержден именной высочайший указ правительствующему Сенату «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»¹.

Программа князя Святополк-Мирского, положенная в основу этого указа, «означала вторую попытку приступить к всестороннему реформированию всех сторон государственной жизни, предпринятую через 40 лет после реформ 1860-х гг.»² В пункте шестом указа говорилось: «Для закрепления выраженного нами в Манифесте от 26 февраля 1903 г. неуклонного душевного желания охранять освященную Основными законами империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, подлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного, стеснения»³. Ключевое значение шестого пункта в содержании этого указа не укрылось от внимания современников. Вот что писал по этому поводу канонист И. Бердников: «Когда вскоре после этого начертан был план реформ общественно-государственного строя России, одно из самых видных мест в этом плане занял вопрос о пересмотре и исправлении нашей вероисповедной системы»⁴.

Было очевидно, что указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», подчеркивая свою преемственность с положениями Манифеста от 26 февраля 1903 г., предлагает более обширную, а главное, принципиально новую программу преобразований законодательства о веротерпимости. Если в Манифесте от 26 февраля содержалось только указание верховной власти исполнителям законов о необходимости их правильного применения в отношении терпимых религиозных сообществ империи, то пункт шестой указа от 12 декабря предписывал не только упразднить не основанные на законах административные распоряжения, но и реформировать само законодательство о «раскольниках». Последнее указание было особенно важно, так как религиозные проблемы этой религиозной группы носили *институциональный* характер, и решение их требовало ряда принципиальных правовых решений. В свою очередь, осуществление модернизации законодательства о «раскольниках», которое было основано на принципах защиты привилегий «господствующей» Церкви, не могло не вызвать потребности реформирования не только правового положения терпимых «инославных и иноверных» исповеданий, но и внесения важных перемен в церковно-государственные отношения.

Тем самым верховная власть недвусмысленно свидетельствовала об окончательном выборе в пользу расширения правовых границ традиционной веротерпимости, преследуя цель упрочения «легальной формы власти»⁵ в России на основе предоставления ряда религиозных и гражданских прав верующим, подвергавшимся ранее различным формам религиозной дискриминации. Одновременно это означало упразднение административных распоряжений, подменявших собой нормы права в отношении к Римско-католической церкви, старообрядцам и сектантам. «Таким образом, – отмечал журнал “Православный собеседник”, – сама верховная власть открыто признала крайне прискорбный факт постепенного административного накопления незаконных стеснений, ложившихся тяжелым гнетом на религиозно-общественную жизнь миллионов русского народа, имевших несчастье не принадлежать к господствующей Православной церкви и вполне ясно конста-

¹ Полный свод законов Российской империи. III. Т. XXIV. № 1197.

² Власть и реформы. От самодержавия к советской России / Б. В. Ананьич (отв. ред.), Р. Ш. Ганелин, В. М. Панеях. С. 465.

³ Извлечения из Особого журнала Комитета министров 25 января, 1, 8 и 15 февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г.» // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 42.

⁴ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Т. 2. Казань, 1913. С. 1291.

⁵ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 151–152.

тировала неудовлетворительность самих законов, регулирующих правовое положение неправославных и иноверцев»¹.

На заседаниях, происходивших 25 января, 1, 8, 15 февраля 1905 г., Комитет министров под председательством С. Ю. Витте, подробно обсудил вопросы, вытекавшие из пункта шестого указа от 12 декабря 1904 г. Свои выводы Комитет изложил в форме принципиальных правовых положений, которые были дополнены перечнем конкретных мер, направленных для решения обсуждаемых вероисповедных проблем. В дальнейшем положение, разработанные Комитетом министров, легли в основу высочайшего указа Сенату «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости», который был утвержден Николаем II 17 апреля 1905 г.

В заседаниях Комитета министров, посвященных пересмотру действовавшего законодательства «относительно лиц, принадлежавших к инославным и иноверным исповеданиям, а также последователей «раскольничьих толков и сект», приняли участие представители Святейшего Синода и Сената. В частности, для обсуждения указанных вероисповедных вопросов указом императора были приглашены первоприсутствующий в Святейшем Синоде Антоний, митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский и первоприсутствующий в уголовном кассационном департаменте Сената выдающийся правовед Н. С. Таганцев. В обсуждении принимал участие и товарищ обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблер².

Следует заметить, что законотворческая работа Комитета министров не являлась бюрократической тайной для российского общества. Журналы Комитета, фиксировавшие содержание вероисповедных проблем и порядок их обсуждения, после утверждения императором, публиковались в печати для уведомления общественности. Результаты деятельности правительства были представлены в форме «Извлечения из особого журнала Комитета министров 25 января, 1, 8, 15, 22 февраля и 1 марта 1905 г., «О порядке выполнения пункта шестого именного высочайшего указа 12 декабря 1904 г.».

Обосновывая необходимость перемен в области религиозного законодательства, Комитет министров исходил из следующих соображений. Правительство указывало на преемственность своих действий, принципиально соотнося их со всей предыдущей правовой практикой формирования и функционирования института российской веротерпимости. В частности, указывалось, что статьи 44–45 «Основных законов Российской империи»: «... проникнуты широкой терпимостью к религиозным убеждениям последователей всех исповеданий, которых Государство Российское с древнейших времен принимало в среду своих граждан, оставляя неприкосновенными особенности религиозного их быта»³.

Подчеркивая традиционный, органически сложившийся характер веротерпимости, правительство отмечало специфические особенности правового устройства этого института, которые придавали ему историческое имперское своеобразие. «Самое начертание уставов, определяющих религиозную жизнь иноверных русских подданных, в большинстве случаев являлось кодификацией религиозно-правовых норм, существовавших в той или другой части иноверного населения в момент приобщения ее к империи». Положительно характеризуя историю и принципы формирования института веротерпимости, Комитет министров указывал на известное несоответствие его правовых норм потребностям новой пореформенной эпохи. В частности, было отмечено, что в российском религиозном законодательстве: «замечается некоторая неполнота и отсталость его от со-

¹ Православный собеседник. 1905. № 5. С. 323.

² Дорская А. А. Свобода совести в России: судьба законопроектов начала XX века. СПб., 2001. С. 42.

³ Извлечения из Особого журнала Комитета министров 25 января, 1, 8 и 15 февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г.» // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 43.

временной жизни; на этих законах, относящихся большей частью к XVIII и к началу XIX столетий, отразились выработанные государственной жизнью того времени взгляды, и после сего творческая рука законодателя к ним почти не прикасалась»¹.

По сути дела, Комитет вынужден был признать, что эпоха «Великих реформ» императора Александра II и начатая ими системная модернизация российского общества практически не привели к реальным правовым переменам в области вероисповедных отношений. Причины замедленных темпов развития законодательства о веротерпимости правоед г. Блосфельд предлагал усматривать в исторической самобытности возникновения и разрешения в России вопросов религиозной свободы. Впрочем, и он отмечал очевидный факт, что «наше отечество, когда-то выгодно отличавшееся от государств Запада, враждебно настроенных, в моменты религиозной борьбы против всех отщепенцев, в настоящее время в вопросах религиозной свободы далеко отстало от тех принципов, которые получили на Западе общее признание и осуществление»².

Анализируя причины отсталости российского законодательства «в области веры», правительство в качестве негативного примера указывало на сложившуюся практику широкого применения административных распоряжений, подменявших собой действовавшие законодательные нормы. Побудительными мотивами для возникновения подобной практики, ненормальной с точки зрения примата права, стали политические выступления на национальных окраинах империи, которые потребовали издания ограничительных ведомственных актов относительно религиозных прав инославных христиан. Было очевидно, что речь шла в первую очередь о циркулярах относительно положения Римско-католической церкви, изданных после восстания 1863 г. генерал-губернаторами Северо-Западного края. Продолжающееся действие этих распоряжений вступало в противоречие с мерами по строительству правового государства, которые были предусмотрены указом от 12 декабря 1904 г.

Правительство учитывало, что перевод вероисповедных отношений на последовательно правовую основу возможен только в том случае, когда берется в расчет не только положительное законодательство, определявшее правовой статус религиозных сообществ империи, но и все действовавшие дополнительно к этим законам акты, изданные в административном порядке. Требование указа от 12 декабря об устранении всех, не установленных законом ограничений религиозной жизни, свидетельствовало о важности, которую придавало правительство вопросу о необходимости устранения этого существенного недостатка в правовом регулировании вероисповедных отношений. В журнале Комитета министров, утвержденном императором 11 февраля 1905 г., прямо указывалось, что принятые ранее административные распоряжения «ныне должны потерять силу и впредь какие-либо стеснительные меры, – по соображениям государственного порядка, – могут быть установлены в форме закона»³.

Приступая к модернизации правового института веротерпимости, правительство учитывало сложность и объем юридического материала, который предстояло реформировать. Так, законодательные положения, определявшие правовые статусы инославных конфессий и иноверных религиозных сообществ были сосредоточены, главным образом, в части первой т. XI Свода законов в «Уставах духовных дел иностранных исповеданий» (изд. 1896 г.). Следует отметить, что отдельные нормы статусного устройства этих исповеданий были представлены и в других томах Свода законов. В частности, положения

¹ Извлечения из Особого журнала Комитета министров 25 января, 1, 8 и 15 февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г.» // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 43.

² Блосфельд Г. Положение иноверцев и раскольников согласно Своду законов // Журнал министерства юстиции. 1905. № 3. С. 178.

³ Извлечения из Особого журнала Комитета министров 25 января, 1, 8 и 15 февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г.» // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 44.

о сословных правах духовных лиц «инославных и иноверных исповеданий» были включены в «Законы о состояниях» т. IX Свода законов (изд. 1899 г.). Правовые нормы, регулировавшие условия заключения браков инославных христиан с православными, содержались в части первой т. X Свода законов гражданских (изд. 1892 г.). Процедура разрешения постройки храмов и молитвенных домов определялась нормами, изложенными в «Уставе строительном», в части первой т. XII Свода законов. Правила о пропуске через границу духовных лиц из иностранцев содержались в «Уставе о паспортах» в т. XIV Свода законов (изд. 1890 г.). Нормы, определявшие границы правового поведения духовенства различных исповеданий, были помещены в «Уставе о предупреждении и пресечении преступлений» – т. XIV Свода законов (изд. 1890 г.). И наконец, положения об уголовной ответственности за соращения из православной веры и другие религиозные посягательства содержались в «Уложении о наказаниях» т. XV Свода законов (изд. 1886 г.) и новом «Уголовном уложении», утвержденном 22 марта 1903 г.¹

Комитету министров предстояла довольно трудная задача. Следовало учесть реальное состояние государственно-конфессиональных отношений в России, точно определить те области законодательства о веротерпимости, которые должны были составить предмет реформирования и выработать принципиальные положения о допустимом объеме религиозных свобод, которые следовало ввести в империю, не преступая при этом границ Основных законов. Правительство, как субъект модернизации, должно было определить некий срединный путь, который бы противостоял как либеральному проекту свободы совести, так и консервативно охранительному, защищавшему незыблемость существующего института веротерпимости.

2. Правовое решение проблемы религиозного принуждения

Приступая к реформированию действовавшего законодательства о веротерпимости в соответствии с требованиями, изложенными в пункте шестом указа от 12 декабря 1904 г., Комитет министров счел необходимым высказать свое решительное убеждение в том, что: «...изменениями этими не должно отнюдь быть поколеблено устанавливаемое основными законами государства положение, признающее первенствующей и господствующей в Российской империи веру христианскую православную католическую восточного исповедания (ст. 40). Значение уз, исторически скрепивших воедино судьбы государства Русского и Православной церкви, отнюдь не должно быть умаляемо»².

Столь категоричное заявление реформаторов о жесткой приверженности правительства курсу на сохранение существовавшего статуса Православной церкви объяснялось тем важным обстоятельством, что впервые в российской истории государство должно было отказываться от традиционных мер правовой поддержки, осуществляемой в пользу «господствующей» Церкви. Нужно было убедить православное духовенство и мирян, а также и все российское общество в целом, что принуждение, как исторически сложившаяся византийско-московская традиция и действующая правовая норма, не должно входить в число привилегий православия и определять в качестве неотъемлемого элемента его статус как «господствующего и первенствующего» в империи. Поэтому правительству необходимо было четко определить те преимущества Церкви, которые были гарантиро-

¹ «О нарушении ограждающих веру постановлений». Извлечение из высочайше утвержденного 22 марта 1903 г. Уголовного уложения. Гл. II // Церковные ведомости. 1903. № 28. С. 292–293.

² Извлечения из Особого журнала Комитета министров 25 января, 1, 8 и 15 февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г.» // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 45.

ваны ст. 40. «Основных законов» и не могли стать юридически объектом дальнейшего реформирования. Во избежание иных толкований, границы, у которых должна была остановиться всякая религиозная реформа, получили жесткую правовую фиксацию.

«Неизменно, – утверждал Комитет министров, – подлежат сохранению и на будущее время преимущества, главным образом придающие Православной церкви значение господствующей: принадлежность к ней Государя Императора, свобода привлечения последователей и получение денежных средств для удовлетворения нужд своих из общегосударственных доходов»¹.

Политическая необходимость государственного посягательства на одну из ключевых и традиционных привилегий православия заставила правительство прибегнуть к развернутой, внутренне непротиворечивой аргументации в пользу своей реформаторской позиции. В основе его доводов в пользу перемен в области государственно-конфессиональных отношений лежали, как уже отмечалось, традиционные законодательные представления о должном иерархическом соотношении преимуществ «господствующего» православия и терпимых конфессий. Вместе с тем разработчикам закона предстояло, не меняя основных принципов, на которых строились эти отношения, идеологически обосновать необходимость *прекращения принуждения*, с помощью которого «господствующая» Церковь, используя силу государства, утверждала свою исключительную власть над многочисленной православной паствой. Религиозное принуждение, осуществляемое государством, проявлялось как в законе, так и в административных распоряжениях, не имевших основания в действующем законодательстве о веротерпимости. Идеологические аргументы в пользу реформирования действовавшего законодательства о веротерпимости были заимствованы из либеральной доктрины свободы совести. Выраженная приверженность принципам религиозной свободы позволила правительству сформулировать основной вопрос, положительное решение которого означало решительный разрыв с существовавшей правовой традицией. Сущность его сводилась к тому, существует ли связь между «охранением господствующего положения Церкви» и принудительным оставлением в ней тех, «которые хотя внешним образом в ней числятся, но сердцем и совестью ей чужды?»²

Конструктивное решение этого вопроса предопределяло собой также и весь комплекс дальнейших мер, предлагаемых правительством по предоставлению правосубъектности сообществам условно терпимых старообрядцев и сектантов и расширению религиозных прав терпимых «инославных и иноверных исповеданий». Указанная последовательность принятия решений в области реформирования отношений веротерпимости была продиктована той иерархической зависимостью, которая сложилась в законодательстве между преимуществами господствующей в государстве Церкви и правовыми статусами терпимых конфессий. Как уже отмечалось, еще более жесткая зависимость существовала между привилегированным положением Церкви и дискриминационными мерами в отношении религиозных прав старообрядцев и сектантов³.

¹ Извлечения из Особого журнала Комитета министров 25 января, 1, 8 и 15 февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г.» // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 45.

² Там же. С. 45.

³ Градовский А. Д. Начала русского государственного права. Ч. 1: О государственном устройстве / Собр. соч. СПб., 1901. Т. 7. С. 336; Попов А. Суд и наказания за преступления против веры и нравственности по русскому праву. Казань, 1904. С. 476; Коркунов Н. М. Русское государственное право: изд. 3-е, перераб. СПб., 1899. Т. 1. С. 517–518. Кистяковский А. О преступлениях против веры // Наблюдатель, № 10, 1882. С. 102; Спасович Д. О преступлениях против религии // Протоколы уголовного отделения Санкт-Петербургского юридического общества за 1881 г. Т. 3. СПб., 1882. С. 9–19; Белогриц-Котляревский Н. О преступлениях против религии в важнейших государствах Запада. Ярославль, 1886. С. 292–296.

Поэтому вслед за отменой административных распоряжений, препятствовавших обновлению правовой регуляции государственно-конфессиональных отношений, сокращение объема привилегий православия, определявших его исключительный правовой статус, вызывало необходимость перемен в правовом статусе терпимых и условно терпимых конфессий и сект.

С формально-правовой точки зрения статусная и дискриминационная взаимозависимость между Православной церковью, терпимыми конфессиями, старообрядцами и сектантами, определявшая в свою очередь последовательность мер, предпринимаемых правительством в сфере религиозного законодательства, выглядела следующим образом. Первенствующее и господствующее положение Православной церкви в Российской империи вытекало из того особого значения, которое придавали ей «Основные законы» государства. Статья 40 «Основных законов Российской империи» гласила, что «первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания»¹. К числу преимуществ, придающих Православной церкви значение господствующей, относились:

- 1) принадлежность к ней императора, как верховного защитника и хранителя догматов господствующей веры, а также наследника престола, императрицы и супруги наследника;
- 2) законодательное вменение в обязанность губернаторам оказывать содействие православной миссии и обеспечивать ее охрану;
- 3) признание за церковными праздниками Православной церкви статуса гражданских;
- 4) первенствующее положение Православной церкви во время торжественных церемоний, сопровождавшихся богослужениями;
- 5) особая защита, предоставляемая законом православным священнослужителям².

Отмеченные преимущества Православной церкви носили так называемый *внешний* характер, обусловленный, прежде всего, особыми отношениями с государством и верховной властью. Они не нарушали прав и интересов, действующих в империи легальных конфессий и сект, с которыми господствующая Церковь непосредственно соприкасалась. Столкновение миссионерских интересов и государственное принуждение происходило в области тех правовых преимуществ Церкви, которые можно отнести к категории *внутренних*, относящихся к категории межконфессиональных. К ним относились постановления о членстве в Православной церкви, статьи законодательства о переходе в православие, привилегии относительно монополии на миссионерскую деятельность, правовые преимущества в вопросах о смешанных браках и конфессиональной принадлежности детей, родившихся от этих браков. Помимо легально действующих привилегий, закрепленных в законодательстве, существовали негласные преимущества административного характера. Они позволяли православной иерархии обращаться за помощью в государственные учреждения различного уровня для принятия административных мер против усиления влияния своих религиозных соперников.

Для Северо-Западного края была характерна практика, когда правящие архиереи обращались к губернаторам и в МВД с просьбами о закрытии римско-католических костелов и часовен, а также молитвенных домов старообрядцев, которые считали «вредными» для православия, препятствовали открытию новых римско-католических и старообрядческих кладбищ и т. д.³

Таким образом, действовавший объем правовых и административных привилегий, направленный на упорочение «господствующего» положения Православной церкви, был

¹ Свод законов Российской империи / Основные государственные законы. СПб., 1892. Т. 1, ч. 1. Ст. 40.

² Справка о свободе совести. СПб., 1906. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 238 об.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31181. Л. 1–7; РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 62–80; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 31330. Л. 1–3; Ф. 136. Оп. 1. Д. 35792. Л. 1–8; Ф. 295. Оп. 1. Д. 2004. Л. 7–8; Ф. 295. Оп. 1. Д. 7371. Л. 26–27; Ф. 136. Оп. 1. Д. 35766. Л. 1–2.; Ф. 136. Оп. 1. Д. 35888. Л. 1, 8, 17.

тесно увязан с существовавшим объемом ограничений прав иных, признаваемых законом, или условно терпимых религиозных сообществ империи. Модернизационный аспект разрабатываемой правовой реформы заключался не только в том, что отныне «господствующая» Православная церковь должна была лишиться традиционного права насильственно удерживать своих членов от перехода в другие вероисповедания. Изменению подлежал исторически сложившийся комплекс правовых ограничений, наложенных на деятельность иных религиозных сообществ по причинам религиозного и политического характера. Одновременно должна была уйти в прошлое и практика обращения Церкви к помощи администрации в формах, не предусмотренных законом.

Предложения Комитета министров предполагали модернизацию правового регулирования в такой сфере межконфессиональных отношений, в которой ранее светская власть выступала в качестве инструмента принудительного давления на совесть лиц, религиозные предпочтения которых были несовместимы с членством в Православной церкви. С устранением государственного принуждения в этой сфере, «инославные и иноверные» конфессии, общины старообрядцев и сектантов должны были получить легальную возможность принимать бывших членов «господствующей» Церкви в свои ряды. Получение такого права неизбежно влекло за собой расширение правового статуса «инославных и иноверных исповеданий» и наделение таковым условно терпимых общин старообрядцев и сектантов. Упраздняя элементы дискриминации, которые были характерны для действовавшего ранее религиозного законодательства, правительство неизбежно вносило тем самым сокращения в объем внутренних правовых привилегий православия, которые ассоциировались в глазах у современников с ее особым положением в государстве. Что же касается остальных привилегий внешнего и внутреннего порядка, то они, как было завлено, должны были сохраняться в полном объеме.

Предложения правительства свидетельствовали о новом понимании особого статуса Православной церкви. Впервые законодательно утверждалось представление о том, что господствующее положение православия в империи уже не может поддерживаться государством с помощью принуждения и правовой дискриминации религиозных сообществ, состоявших из лиц, которые сами или их предки ранее принадлежали к «господствующей» Церкви.

Идеологически обосновывая необходимость реформирования законодательства о веротерпимости, правительство указывало на мотивы религиозно-нравственного, правового и политико-прагматического характера. Проблема принуждения над совестью рассматривалась в религиозной плоскости как имеющая «неизмеримое значение по глубине затрагиваемых им сторон духовной жизни человека». Исходя из этого, государственное принуждение в области веры, как проявление религиозной нетерпимости, оценивалось отныне как явление нравственно и юридически «ненормальное»¹.

Обращение к религиозно-нравственной мотивации при издании указа, расширявшего пространство религиозной свободы, должно было свидетельствовать о том, что при решении конкретных правовых проблем российских подданных в области веротерпимости, правительство, наряду с прагматическими и идеологическими мотивами, исходит из соображений религиозного, т. е. высшего порядка. В действительности, будучи светским по своему характеру, российское государство не нуждалось в религиозной санкции для принятия политических решений. Однако сфера религии не была отделена от области политики плотными юридическими перегородками. Важное правовое решение по реформированию института веротерпимости, основанное на принципах либеральной концепции религиозной свободы, для авторитетности и должной легитимации в традиционном сознании населения, потребовало от законодателей демонстрации религиозно-нравственной мотивации своих действий.

В качестве непосредственного объекта реформаторских действий правительства были названы многочисленные группы «упорствующих» или «отпавших от православия»,

¹ За первый год вероисповедной свободы в России. СПб., 1907. С. 13.

которые «образовались из присоединенных к православию иноверцев и их потомков, тяготеющих к своим прежним исповеданиям, а также из раскольников, официально таковыми не признаваемых». Правительство выделило четыре наиболее крупные религиозные группы, которые потребовали от него особого политического внимания. Во-первых, отпавшая в протестантизм группа латышей до 30 000 человек, проживавших в основном в Лифляндской губернии Прибалтийского края. Во-вторых, около 100 000 человек, бывших униатов и католиков, упорствующих в католицизме в ряде губерний Северо-Западного края и Царства Польского. В-третьих, значительное количество крещеных татар в приволжских губерниях, отпавших в ислам. В-четвертых, самая большая, по мнению правительства, религиозная группа, которую составляли «раскольники и сектанты», отпавшие от православия, но официально числившиеся православными. Необходимость предоставления «упорствующим» права исповедовать свою подлинную религию мотивировалось заботой о духовной жизни этой части населения, следствием которой должно было стать наделение их всей полнотой гражданских прав, которой они были лишены в результате своей приверженности к прежней религии или новому религиозному выбору¹.

Своим решением правительство признавало, что легально вводимая свобода выхода из православия является конструктивно необходимым противовесом формализации религиозной жизни самой «господствующей» Церкви, к которой приводил существовавший порядок, поддерживавший неприкосновенность ее конфессиональных границ. Можно сказать, что правительство учло, наконец, многолетнее давление всех категорий «упорствующих» на эти защищаемые светским правом церковные границы и пошло навстречу требованиям своих подданных. Теперь сами миряне получали право личным свободным выбором выстраивать реальные границы Церкви, основанные на подлинной приверженности верующих к православию. Существовавшее ранее право свободного присоединения к «господствующей» Церкви было дополнено правом свободного выхода из нее. Разрешая свободный переход из православия в другие христианские конфессии, правительство настаивало на том, чтобы новым законом были созданы условия для сознательного религиозного выбора. Переход в иную конфессию должен быть обусловлен достижением возраста гражданского совершеннолетия².

Принципиальные положения, высказанные Комитетом министров, относились непосредственно к переходу из православия в одну из терпимых христианских конфессий. «Прямое разрешение в законе принятия православными нехристианских исповеданий, отмечало правительство, не соответствовало бы глубокому осознанию истинности высоких начал, лежащих в основе веры Христовой, и едва ли вызывает надобность ввиду несомненной исключительности подобных случаев... Из сего правила придется, однако же, сделать изъятие в отношении известных групп населения, числящихся православными, но в действительности исповедующих веру нехристианскую, к которой до присоединения к православию принадлежали они сами или их предки. По мнению Комитета, такие группы, по их желанию, подлежат исключению из числа православных»³.

Новый закон должен был утвердить принцип изменчивости конфессиональных границ православия теперь уже не только на «входе», как это было ранее, но и на «выходе» из Церкви. Исторически стабильные традиции взаимоотношений «господствующей» Церкви и российского государства начали претерпевать известные правовые трансформации.

¹ Извлечения из Особого журнала Комитета министров 25 января, 1, 8 и 15 февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г.» // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 45–48.

² За первый год вероисповедной свободы в России. СПб., 1907. С. 16.

³ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Т. 2. Казань, 1913. С. 1294.

Последствия введения принципа изменчивости должны были сказаться и на взаимоотношениях субъектов и объектов веротерпимости.

Отмена столь важного преимущества православия повлекла за собой перемены в жестко зафиксированных соотношениях зависимости прав религиозных сообществ в разной степени, терпимых и признаваемых законом, от объема привилегий «господствующей» церкви. Впервые Православная церковь, оставаясь, согласно «Основным законам» «господствующей» в государстве, по замыслу правительства должна была легально уступить часть своей паствы терпимым «инославным и иноверным вероисповеданиям», а также религиозным организациям старообрядцев и сектантов, которые приобретали статус веротерпимых. Упразднение одного из базовых компонентов господствующего статуса Церкви вызывало в свою очередь необходимость расширения прав тех религиозных сообществ, которые впервые получали легальную возможность принимать в свои члены всех отпадавших от православия. Это означало, что Православная церковь, частично утратив свою исключительную власть, уже не могла рассчитывать на неприкосновенность своих конфессиональных границ и приверженность к ней всего православного населения империи.

Введение принципа изменчивости в систему вероисповедных отношений позволило правительству высказать принципиальные предложения о том, что утверждение разработанных законопроектов вызовет необходимость согласования с ними норм действующего уголовного законодательства. Было отмечено, что новое «Уголовное уложение» в области преступлений и проступков против веры существенно отличается от действующих уголовных законов. Эти отличия заключались, как уже было сказано выше, не только в смягчении наказаний за преступные действия, но и иным определением самого состава преступлений. В частности, из числа проступков, подлежащих наказанию, было исключено так называемое совращение в иное вероисповедание, совершенное без принуждения. В этих условиях применение прежних, более строгих наказаний уже не соответствовало принципам указа от 12 декабря 1904 г. Поэтому правительство предлагало обсудить вопрос о немедленном введении в силу раздела второго «О нарушении ограждающих веру постановлений», не ожидая применения в полном объеме всего «Уголовного уложения»¹.

Предлагалось также принять меры к облегчению участи лиц, обвиненных в преступлениях и проступках против веры в соответствии со статьями «Уложения о наказаниях», в тех случаях, когда осужденные еще не отбыли указанного им срока наказания. Следовало также прекратить судебные разбирательства о тех проступках, которые новое «Уголовное уложение» не рассматривало в качестве преступных². Как видно, теперь уже законотворческие процессы в области модернизации института веротерпимости приняли опережающий характер и начали воздействовать на перемены в области уголовного законодательства.

¹ Наметившаяся политическая тенденция к переводу вероисповедных отношений в империи на последовательно правовую основу была подкреплена утверждением 22 марта 1903 г. Николаем II нового Уголовного уложения, в частности главы II «О нарушении ограждающих веру постановлений». В новом Уложении было осуществлено полное устранение постановлений о неисполнении религиозных обязанностей, за исключением обязанности погребения христианина по церковному обряду. В состав нового Уложения не вошли статьи, предусматривавшие меры убеждения и лишения прав за отступление от православия, а также за отпадения инославных христиан в нехристианскую религию. См.: *Тимашиев Н. С.* Религиозные преступления по действующему русскому праву. Пг., 1916. С. 7.

² Извлечения из Особого журнала Комитета министров 25 января, 1, 8 и 15 февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г.» // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 52.

3. Меры Комитета министров по упразднению административного наследия в управлении Римско-католической церковью

Возвращаясь к описанию действий правительства по обсуждению вопросов реформирования законодательства о веротерпимости, следует обратить внимание на последовательность, с которой выполнялся пункт шестого указа от 12 декабря 1904 г. В упоминаемом выше журнале, утвержденном верховной властью от 11 февраля 1905 г., Комитет министров разработал и предложил следующий порядок выполнения этого указа:

«I. Предоставить министру внутренних дел: 1) без замедления и во всяком случае не позднее трех месяцев со дня утверждения сего положения распорядиться отменой всех, кроме указанных в следующем пункте (2), стесняющих свободу исповедания веры и не основанных прямо на законе административных распоряжений, от каких бы начальств они не исходили, 2) если из числа стесняющих свободу исповедания веры административных распоряжений окажутся такие, применение коих и впредь, по соображениям государственного порядка, он признает необходимым, то на утверждение оных испросит через Государственный Совет высочайшее соизволение, и 3) принять действительные меры надзора к тому, чтобы никакими административными учреждениями и лицами впредь не устанавливалось каких-либо стеснений в области религии и законом не указанных.

II. Поручить министру внутренних дел: 1) не допускать впредь применения к делам религиозного свойства положений о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия и о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей... преподав надлежащие по сему предмету разъяснения всем административным местам и лицам, и 2) немедленно прекратить дальнейшее действие всех, принятых по делам религиозного свойства в административном порядке центральным управлением министерства или местными главными и губернскими начальствами – мер на основании упомянутых выше (п. 1) положений или в каком-либо ином порядке;

и III. Поручить главным начальникам ведомств, и в частности обер-прокурору Святейшего Синода, немедленно войти с всеподданнейшими докладами к его императорскому величеству о помиловании тех лиц, которые были подвергнуты без суда высылке из мест постоянного жительства или лишению свободы за религиозные заблуждения и вытекающие из оных поступки»¹.

Министерство внутренних дел довольно оперативно начало работу по упразднению сложившегося к моменту издания указа от 12 декабря обширного набора административных распоряжений относительно положения Римско-католической церкви, которые были изданы в связи с религиозно-политическими событиями в Царстве Польском и Западном крае. Одновременно МВД приступило к разработке законопроектов, призванных сохранить ряд ограничений для Римско-католической церкви, необходимых, по его мнению, «по соображениям государственного порядка». Уже 19 февраля 1905 г. А. Г. Булыгин, новый министр внутренних дел, издал санкционированное императором циркулярное распоряжение генерал-губернаторам Варшавскому, Виленскому, Ковенскому и Гродненскому, Киевскому, Подольскому и Волынскому, а также губернаторам Минскому, Могилевскому, Витебскому и Курляндскому. Из совокупности действовавших административных постановлений, относившихся к деятельности Римско-католической церкви в России, министр, на основании п. I ст. 1 указанного выше Положения Комитета министров, счел необходимым отменить те ведомственные акты, которые, по его мнению, во-первых, не

¹ Блосфельд Г. Положение иноверцев и раскольников согласно Своду законов // Журнал министерства юстиции. 1905. № 3. С. 179–180.

соответствовали законам о веротерпимости, а во-вторых, утратили актуальность с *политической* точки зрения. К числу таких распоряжений были отнесены:

«1) об объездах епископами своих епархий (Уст. Ин. Исп., изд. 1896 г., ст. 51), а также о торжественных встречах, устраиваемых епископам духовенством и населением;

2) о пастырских посланиях, издания коих без законных на то оснований поставлено ныне в зависимость от местной гражданской власти;

3) о порядке сношений епископов с министерством по делам, находящимся в ближайшем заведовании главного начальника края, не иначе как через генерал-губернатора;

4) о запрещении открытого ношения Святых Даров;

5) о запрещении развоза облаток;

6) об отлучках из приходов и переездах из одного места в другое членов римско-католического духовенства; в этом отношении надлежит ныне же принять за правило, что всякого рода передвижения римско-католических духовных лиц подчиняются общим постановлениям паспортного Устава и распоряжениям епархиального начальства;

7) о наложениях в административном порядке на лиц римско-католического духовенства денежных штрафов»¹.

Таким образом, министр осуществил своего рода селективный отбор в отношении того административного наследия, которое было оставлено генерал-губернаторами Северо-Западного края. Предпринятые меры были призваны упразднить систему административного контроля над римско-католическим духовенством, который в значительной степени умалял каноническую власть епископата, вызывая его недовольство².

Одновременно был снят и ряд ограничений, которые были наложены на религиозную жизнь католиков в 60-е гг. XIX в. Однако предложенные А. Г. Булыгиным критерии отбора распоряжений, изданных ранее администрацией, – правомерность и политическая целесообразность, не распространялись на такие ограничения, необходимость сохранения которых представлялась ему прагматически обоснованной. Министр предложил в качестве предмета обсуждения губернаторов ряд законодательных инициатив, с которыми МВД предстояло выйти на заседания Государственного совета в соответствии с п. II ст. 1 Положения Комитета министров. Предлагаемые меры регуляции, или, как определил их сам министр, «ограничения», относительно деятельности Римско-католической церкви, которые и «впредь надлежало бы сохранить», но уже в правовой форме, были перечислены в следующем порядке:

«1. В отношении постройки костелов, каплиц и алтарей отменить установленные сношения с православным епархиальным начальством, обусловив сооружение сих храмов лишь: а) согласием подлежащего инославного духовного начальства, б) утверждением местным строительным надзором технических планов и смет, в) утверждением министра внутренних дел.

2. В отношении назначения римско-католических духовных лиц на приходские должности дополнить ст. 42 Устава иностранных исповеданий точным указанием, что приходские священники в епархии назначаются ее начальником с согласия губернатора, причем не получение от него ответа в месячный срок равносильно изъятию такого согласия...

4. За проступки римско-католических духовных лиц против правительственных распоряжений установить три вида наказаний, налагаемых властью министра внутренних дел: перемещение в другой приход, заключение в монастырь и увольнение от должности. При этом наложению сих взысканий должно предшествовать истребование: объяснений от виновного и заключение епархиального начальства...

5. В отношении римско-католических крестных ходов установить за правило, что крестные ходы вне зависимости от характера местности, в установленные Римско-католической церковью дни, не возбраняются вокруг костелов, за исключением тех случаев, когда костел примыкает к постройкам, препятствующим совершению таковых наружных ходов. Независимо от сего возможно допустить крестные ходы вокруг деревень и полей

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 5. Л. 18–19.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 124. Л. 1–20 об.

в случае засухи и народных бедствий, во время коих благочестивые католики ищут утешения в указанном религиозном обычае. Погребальные шествия не подвергаются никаким ограничениям. В Царстве Польском и Ковенской губернии всякие религиозные процессии допускаются беспрепятственно.

6. В отношении постановки крестов не ставить населению никаких ограничений, подчинив означенную постановку надзору гражданской власти лишь в отношении строительной техники, а также надписей и изображений.

7. В отношении братств предоставить духовным и светским лицам инославных исповеданий права свободно учреждать таковые, с соблюдением общих на сей предмет узаконений и с точным указанием в законе недозволенных братств»¹.

В завершение циркуляра А. Г. Булыгин предписал губернаторам доставить в МВД не позднее 10 марта свои соображения по поводу всех выдвинутых им предложений. Генерал-губернаторы и губернаторы должны были, на основе опыта местного управления, признать необходимость сохранения какого-либо из перечисленных постановлений, или же, наоборот, отмены действия каких-либо местных распоряжений, или, наконец, предложить придать силу закона положениям, не предусмотренным в министерском циркуляре. Министр напомнил своим подчиненным, что по решению Комитета министров все административные постановления, имеющие характер религиозных стеснений, сохранение которых не будет в трехмесячный срок установлено законом, должны считаться отмененными.

2 марта 1905 г. последовало циркулярное распоряжение МВД о безотлагательной отмене «всех стесняющих свободу исповедания веры раскольниками и сектантами и не основанных прямо на законе административных распоряжений, буде таковые по вверенной вам губернии были издаваемы, не стесняясь тем, от какого бы лица и места эти распоряжения не исходили». Министр предписывал губернаторам «принять действенные меры надзора к тому, чтобы никакими административными учреждениями и лицами впредь не устанавливалось каких-либо не указанных законом стеснений в области исповедания веры раскольниками и сектантами»².

Таким образом, министерские циркуляры подвели черту под целой эпохой административного нормотворчества, подменявшего собой в известных областях практику правового регулирования вероисповедных отношений в империи. Предпринятые правительством меры должны были расчистить почву для того, чтобы исполнительная власть, могла беспрепятственно выстроить последовательную систему *правомерного регулирования* государственно-конфессиональных отношений. То есть приступить к непосредственной модернизации правового института веротерпимости.

4. Политико-религиозный аспект взаимоотношений между государством и Римско-католической церковью

Совокупность конкретных мер, предпринятых МВД по реализации положений пункта шестого указа стали результатом политического решения верховной власти по упразднению методов административного регулирования государственно-конфессиональных отношений и перевода их на последовательно правовую основу. Провозглашенный этим указом принципиальный курс правительства был направлен на развитие правовых статусов терпимых конфессий и создание равных им статусов старообрядческих конфессий и религиозных общин сектантов.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 5. Л. 19–20.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 352. Л. 2.

В более широком смысле правительство предприняло попытку определить соответствие правового статуса «инославных и иноверных исповеданий» в соответствии с действующим принципом свободы веры и распространить действие этого принципа на старообрядцев и большую часть сектантов. Одновременно это был ответ верховной власти на сформировавшиеся ожидания многочисленных групп населения, недовольных существовавшими правовыми и административными ограничениями своих религиозных прав, которые затрудняли выполнение верующими своих религиозных обязанностей. Свою задачу при реформировании законодательства о веротерпимости Комитет министров сформулировал так: «Пополнить пробелы в этой области права и привести действующие нормы к современным условиям жизни и требованиями терпимости в делах веры»¹.

Помимо решения принципиальных правовых вопросов, положения указа должны были, по замыслу его инициаторов, устранить причины постоянной религиозной напряженности в Царстве Польском и Западном крае путем снятия административных ограничений на деятельность духовенства Католической церкви и разрешить проблему «упорствующих». Правительство полагало, что соображения государственной безопасности, актуальные в 60-х гг. XIX в., теперь уже утратили свою значимость, в связи с тем что ведущей политической силой в регионе стали левые политические партии, к социалистической и материалистической идеологии которых консервативно настроенное католическое духовенство относилось отрицательно. Политический расчет строился также и на том, что католические общины за десятилетия системной русификации, прошедшие с момента восстания, уже достаточно интегрировались в российское общество. Следовательно, исчезла главная политическая причина введенных в свое время чрезвычайных административных мер в Северо-Западном крае.

Как уже отмечалось, в характеристике Римско-католической церкви, которую давало МВД накануне издания указа о веротерпимости, подчеркивались специфические черты «воинственности» и «оппозиционности», которые выделяли ее из всех терпимых религиозных сообществ империи. С точки зрения МВД это объясняется тем, что лишь одно римско-католическое духовенство, отчасти в силу сложившихся исторических обстоятельств на западных наших окраинах, частью же благодаря присущему Римско-католической церкви общему воинствующему духу, искони отличалась оппозиционным характером... и в настоящее время польское духовенство с трудом отрешается от деятельной пропаганды католичества в местностях со смешанным населением – православным и католическим².

Однако продолжавшаяся в западных губерниях пропаганда католицизма и «полонизма» уже не расценивалась как политически опасная. Она воспринималась в категориях незаконной религиозно-культурной конкуренции православию, русскому языку и русской культуре, для противодействия которой существовали легальные средства, включая и меры административного наказания. Поэтому правительство выказывало уверенность в том, что отмена административных ограничений, утверждение законности по отношению к Католической церкви и передача контроля над приходскими священниками от администрации к епархиальным епископам, станет серьезной гарантией того, что духовенство и миряне этой Церкви воспримут предоставленные свободы адекватно. Позитивный характер этого прогноза основывался также на убеждении, что впервые осуществляемый резкий поворот власти к интересам Римско-католической церкви вызовет неизбежный рост политической лояльности и светского правосознания в католической среде³.

Меры, предпринимаемые правительством относительно расширения прав римско-католического духовенства и легализации выбора «упорствующих», имели своим основанием представление о том, что католицизм в Царстве Польском и западных губерниях

¹ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Т. II. Казань, 1913. С. 1292.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 5. Л. 60–62.

³ Там же. Л. 28–29, 31–37, 45–46, 60–61.

перестал быть политическим врагом России. Однако правительственный подход к пониманию этой проблемы кардинальным образом расходился с позицией обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева. Для обер-прокурора наличие врага в образе польского католицизма не вызывало сомнений. К. П. Победоносцев по-прежнему рассматривал Католическую церковь в Западном крае как политического противника российского государства, духовного лидера польского национализма, который не отказался от своих надежд отторгнуть от России белорусские и украинские земли, ополячить и окатоличить коренное русское население, сделать его союзником польского сепаратизма. Разумеется, что и взаимоотношения между католицизмом и православием в этом регионе со смешанным православно-католическим населением расценивались им в сугубо конфронтационном аспекте. За существовавшими в крае религиозно-этническими противоречиями Победоносцев усматривал ситуацию противостояния государственных интересов России с интересами польского сепаратизма.

Так, в отчетах обер-прокурора Святейшего Синода императорам Александру III и Николаю II оценки религиозно-этнической ситуации в Северо-Западном крае остаются практически неизменными на протяжении всей его двадцатипятилетней деятельности на этом посту. Виновником перманентной напряженности, существовавшей между католиками и православными, Победоносцев считал римско-католическое духовенство с характерной для него поведенческой доминантой. Начиная с 1880-х гг. он постоянно напоминал российскому монарху Александру III: «Главным врагом, могущественным и опасным для успехов утверждения и распространения православной веры в западных епархиях ныне, как и прежде, является католическое духовенство, с его упорной нетерпимостью ко всему русскому и православному»¹.

1990-е гг. не принесли каких-либо перемен в восприятие обер-прокурором роли католического духовенства в формировании особенного характера религиозно-этнических отношений в Северо-Западном крае. Следует отметить, что обобщающие негативные оценки формировались К. П. Победоносцевым на основе анализа ежегодных отчетов, подаваемых в Святейший синод правящими епархиальными архиереями Северо-Западного края. Можно сказать, что это была своего рода коллективная оценка, которая носила на себе ярко выраженную печать личностного отношения обер-прокурора к римско-католическому духовенству. Вот, например, оценка поведения этого духовенства и результатов его духовного служения в отчетах императору Николаю II за 1896–1898 гг.

«Ксендзы составляют из себя корпорацию, сплоченную единым духом ненависти и злобы против православия и русской народности. Там, где они утвердились и овладели народной совестью, заражают они народ самым невежественным фанатизмом – по природе несвойственной душе народной. Напротив того, там, где слабо или бессильно влияние ксендзов, самые римско-католики, живущие вдали от костелов, не чуждаются Православной церкви»².

И наконец, буквально накануне мер, предпринимаемых правительством с целью расширения пространства религиозной свободы, К. П. Победоносцев еще раз напоминает императору и российской общественности о том, что нетерпимое отношение католического духовенства к православию в Северо-Западном крае за прошедшие десятилетия не претерпело никаких изменений: «Главным врагом... ныне, как и в прежние годы, является католическое духовенство с его упорной нетерпимостью ко всему русскому и православному. Фанатично настроенные ксендзы всеми мерами стараются нарушать добрые христианские отношения католиков к православным, возбуждая в своих прихожанах не-

¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1888–1889 гг. СПб., 1891. С. 138, 139, 141.

² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1897–1897 гг. СПб., 1899. С. 72–73.

терпимость к Православной церкви и русскому народу и всячески (убеждениями, угрозами и невыдачею предбрачных документов) препятствуя заключению смешанных браков»¹.

Отчет обер-прокурора за 1903–1904 гг. оказался последним, который был подготовлен К. П. Победоносцевым для императора Николая II. В нем по-прежнему делался акцент на конфронтационных факторах, которые, по мнению обер-прокурора, были обусловлены настроениями католической среды и эмблематическим поведением католического духовенства, не претерпевшим каких-либо перемен с 60-х гг. XIX в.

«В большинстве своем, инославное население (католики в Литовской, Гродненской, Полоцкой и Могилевской епархиях) враждебно относится как к православным, так и вообще ко всему русскому. Главным и наиболее опасным врагом православия и русской народности в этих епархиях являются ксендзы. Фанатично настроенные ксендзы всеми мерами стараются нарушить добрые отношения католиков с православными, возбуждая в них нетерпимость к Православной церкви и русскому народу, стараются всеми возможными способами отторгнуть местное православно-русское население от Церкви и вселить в нем вражду к ней. Особенно враждебно они относятся к православным священникам. Деятельная пропаганда ксендзов... часто оканчивается совращением православных в инославие»².

Отношение К. П. Победоносцева к польскому католицизму получает адекватное понимание, если рассматривать его в понятиях, предлагаемых немецким политологом К. Шмиттом. Согласно концепции этого исследователя, политика начинается там, где складываются отношения «друг – враг». С точки зрения Шмитта, политическая противоположность – это противоположность самая интенсивная, самая крайняя. Враг – не конкурент и не противник в общем смысле. Врагом становится *борющаяся* (курсив. – К. Ш.) совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности³.

К. П. Победоносцев, характеризуя настроения и поведение католического духовенства и мирян, постоянно подчеркивает их качественную особенность, определяющую подлинный характер религиозно-этнических процессов, протекавших в Северо-Западном крае. С его точки зрения, она заключается в том, что процесс межконфессионального и этнического противостояния носит непримиримый характер, так как в основе его лежит религиозно-национальный фанатизм польского духовенства. Причина его прочности и агрессивности заключалась, по мнению обер-прокурора, в особом характере взаимосвязей, сложившихся между католической экклезиологией, польским национализмом и экспансионистской политикой Рима⁴.

Поэтому такой исторически устойчивый тип поведения исключает практику добровольных компромиссов и уступок по отношению к российскому государству и уважение к правам и достоинству православного духовенства и мирян. В таком случае и государство не должно прибегать к смягчению своей политики в отношении «католического» и «польского» вопросов в России, в силу их принципиальной неререформируемости. Осмысливая ситуацию в Северо-Западном крае, Победоносцев приходит к выводу в духе шмиттовской методологии – крайняя враждебность католического духовенства придает религиозно-этническому противостоянию в крае *политическое* измерение.

Следовательно, и отношение к «воинствующему» католицизму, воспринимаемому в качестве врага, также должно носить политический характер. Оно должно быть бескомпромиссным и религиозно наступательным, – с помощью строительства новых храмов,

¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 г. СПб., 1901. С. 36.

² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1903–1904 г. СПб., 1909. С. 144–145.

³ Шмитт К. «Понятие политического» // Вопросы социологии. 1992. Т. 1. № 1. С. 40–42.

⁴ Победоносцев. К. П. Письма Александру III. М., 1925–1926. Т. 2. С. 197–200, 323–325.

монастырей, организации церковных братств, открытия церковноприходских школ в местностях со смешанным православно-католическим населением. Обер-прокурор был убежден, что продолжение такой политики, опирающейся на правовые и административные привилегии господствующего православия, было возможно только при условии сохранения действовавшего религиозного законодательства о веротерпимости и сохранении синодального устройства Православной церкви.

Принятие указа от 12 декабря 1904 г., определившего решающие перемены в политике по отношению к «инославным и иноверным исповеданиям» и «раскольникам», свидетельствовало, что правительство, вопреки мнению К. П. Победоносцева, отходит от политики религиозного принуждения и административно-правовых ограничений в области вероисповедных отношений, меняя тем самым свое отношение к объему и характеру привилегий Православной церкви и рассчитывая на успех в разрешении проблем, связанных с религиозно-этнической нетерпимостью. Тем самым правительство, исходя из определения К. Шмитта, взяло курс на *деполитизацию* своего отношения к католицизму, переведя его из категории врага в разряд нелегального конкурента господствующему православию. Следовательно, отношение к католицизму должно было утратить свой прежний константный характер и перейти в стадию реформирования, ставившего своей целью развитие правового статуса этой Церкви в рамках института веротерпимости.

С точки зрения нового курса рецепт успешной политики в области веротерпимости виделся в отказе от канонической составляющей светского законодательства, утверждавшего абсолютный характер принадлежности к православию, в пользу идеологии, декларировавшей право на религиозный выбор в рамках свободы вероисповеданий, исключавшей, впрочем, право на атеизм. Переход из «господствующей» Церкви должен был осуществляться *свободно*, без особого разрешения административных властей. По мнению Комитета министров, это означало «вводиться на Руси заветы *истинной терпимости* в делах веры»¹.

Предполагалось, что либерализация правовых норм регуляции межрелигиозных отношений станет эффективным средством разрешения и предупреждения конфликтов между православием и приверженцами других религиозных сообществ, стимулирует миссионерскую активность самого православного духовенства, усилит политическую лояльность к российской монархии духовенства и мирян терпимых конфессий и ранее дискриминируемых религиозных групп старообрядцев и сектантов. Относительно последних Комитет министров предлагал предоставить им права, практически уравнивавшие старообрядческие согласия и секты с «инославными» христианскими конфессиями. Таким образом, введение религиозных свобод должно было стать средством для упрочения легитимности религиозных и государственных институтов российского общества.

Комитет министров рассчитывал, что утверждаемые авторитетом императорского указа ценности религиозной свободы, как неотъемлемая составляющая либерального светского правосознания, должны быть усвоены и приняты в качестве общих ценностей религиозными традициями легальных и легализуемых новым законом конфессий и общин. Применение реформированного законодательства на практике должно было повлечь за собой адекватную рецепцию вводимых правовых норм и законопослушное отношение к ним духовенства и мирян «инославных и иноверных вероисповеданий», старообрядцев и сектантов. Указ должен был не только изменить существовавшую правовую реальность в форме отмены ряда запретительных статей законодательства о веротерпимости. Его задача заключалась также и в том, чтобы введением религиозных свобод изменить субъективное отношение участников межрелигиозных конфликтов друг к другу, сформировать новое правосознание, основанное на терпимом отношении к религиозным различиям, не допускающем прозелитизма и насилия над совестью иноверцев. Идейным постулатом создателей законопроекта был известный либеральный тезис о наличии взаимосвязи

¹ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Т. II. Казань, 1913. С. 1293.

между ростом религиозной свободы и укреплением религиозно-этнической и политической стабильности в обществе, что выразилось в следующей формулировке. «Комитет не может не выразить глубокого убеждения своего в возможности совместить надлежащее охранение общегосударственных целей с соблюдением основных начал веротерпимости»¹.

5. Указ от 17 апреля 1905 г. «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости»

Изданный Николаем II на основе предложений Комитета министров высочайший указ Правительствующему Сенату, содержал преамбулу и 17 статей. Обращаясь к своим подданным, император выразил свое личное отношение к свершившемуся событию. «В постоянном, по заветам предков, общении со святой Православной церковью неизменно почерпая для себя отраду и обновление сил душевных, мы всегда имели сердечное стремление обеспечить и каждому из наших подданных свободу верований и молитв по велениям его совести. Озабочиваясь выполнением таковых намерений, мы в числе намеренных в указе 12 минувшего декабря преобразований включили принятие действительных мер к устранению стеснений в области религии.

Ныне, рассмотрев составленные, во исполнение сего, в Комитете министров положения и находя их отвечающими нашему заветному желанию укрепить начертанные в основных законах империи Российской начала веротерпимости, мы признали за благо таковые утвердить»².

Преамбула указа, выражавшая волю императора, содержала развернутую метафору, в содержании которой сочетались противоречащие друг другу компоненты – византийско-московская модель церковно-государственных отношений и западноевропейская правовая традиция религиозной свободы. Риторический церковный прием, которым воспользовался Николай II, призван был придать принимаемым им мерам либерального характера религиозную мотивацию. С одной стороны, было высказано «сердечное стремление обеспечить и каждому из наших подданных свободу верования и молитв по велениям его совести». С другой стороны, император призывал «благословение Всевышнего на это дело мира и любви» и выказывал надежду, «что оно послужит к вящему возвеличению православной веры, порождаемой благодатью Господней, поучением, кротостью и добрыми примерами»³.

Нельзя не признать искренность намерений императора прекратить государственное принуждение совести своих подданных и усилить авторитет православия в российском обществе. Однако в данном случае следует отметить известную парадоксальность ситуации, когда политическое решение Николая II, утверждавшее принципиально новый шаг на пути секуляризации правовых отношений церкви и государства, был облечен в традиционные символы религиозно-политического единства монарха и Православной церкви. Тем самым религиозная мотивация издания указа неразрывно переплеталась с мотивами политическими характера, вызванными стремлением к модернизации института веротерпимости. Необходимость демонстрации религиозной мотивации при издании закона,

¹ Извлечения из Особого журнала Комитета министров 25 января, 1, 8 и 15 февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г.» // Журнал министерства юстиции. 1905, № 5, С. 94.

² Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г. / под. ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 34–38.

³ Там же. С. 34.

выражавшего волю монарха к дальнейшей секуляризации отношений, сложившихся между государством и «господствующей» церковью в синодальный период, была обусловлена юридической значимостью этого законодательного акта для всех подданных империи. Поэтому ситуация только внешне выглядит парадоксальной. В действительности, обращение императора к традиции религиозно-политического единства, теперь, когда речь шла о модернизации института веротерпимости, носило вполне рациональный характер.

Императору необходимо было убедить православных подданных в том, что указ преследует положительную цель и отнюдь не ослабляет Православную церковь и не роняет ее «господствующий» статус ни в правовом отношении, ни относительно статуса других инославных и иноверных конфессий, терпимых в Российской империи. Следовало также нейтрализовать возможность появления в консервативно-церковных кругах мнений о том, что российское государство становится индифферентным по отношению к религии, а следовательно, готово ввести в России равноправие всех религиозных объединений, распространяя этот принцип и на «господствующую» Церковь. Трудность положения, в котором оказался законодатель, не позволяла ему избежать двусмысленности. Действительно, дарованная сверху свобода по своему происхождению являлась правовым детищем просвещенного секуляризма, которое было вызвано к жизни волеизъявлением православного монарха. Существовала опасность, что подобное противоречие могло усилить недоверие к указу со стороны традиционно настроенной православной иерархии, духовенства и мирян, особенно на западных окраинах империи и в Поволжье.

В целом идейно-религиозное обоснование указа должно было демонстрировать монарший дар как проявление силы православия, не страшась пожертвовать частью своих привилегий для предоставления новых религиозных прав своим религиозным противникам и конкурентам ради укрепления религиозно-этнического мира и гражданского согласия в империи. Принципиальная новизна даруемого сверху правового акта заключалась в том, что православный монарх вносил изменения в ту часть законодательства о веротерпимости, которая целиком основывалась на каноническом праве Православной церкви. В этой области права государство целиком разделяло точку зрения Церкви на то, что всякое отделение от нее, является преступным нарушением не только церковных канонов, но и законов государства, поэтому действовавшее законодательство не признавало старообрядческие церкви и сектантские общины в качестве легитимных религиозных организаций. Необходимость отмены этих традиционных византийско-московских привилегий «господствующей» Церкви требовала убедительных религиозных обоснований, апелляции не к букве канона, а к духу православия, как христианской религии мира и любви, к которым и прибегнул император в преамбуле указа о веротерпимости.

Разумеется, что это важное политическое решение не ставило под сомнение правомерность действия ст. 42 «Основных государственных законов», утверждавшей положения христианского государя в качестве верховного защитника господствующей веры. В качестве такового царь по-прежнему обладал особыми правами и обязанностями по отношению к Православной церкви. Оставался неизблемым и сложившийся со времени московского митрополита Макария особый статус царя в Русской православной церкви¹.

¹ Церковь и верующие считали царскую власть законной, поскольку правящие императоры династии Романовых рассматривались как государи, помазанные Церковью (царь-помазанник), обязанности и права которых по отношению к Русской церкви вытекали из этого представления. Церковь подчинялась царской власти совсем иначе, чем любое другое административное учреждение России, ибо в отношениях Церкви к царской власти определяющими были не правовые нормы. Речь шла о наличии особой церковно-политической идеологии с религиозно-мистической составляющей. См.: *Успенский. Б. А. Царь и Патриарх: Харизма власти в России (византийская модель и ее русское переосмысление)*. М., 1998. С. 24–25; Эта церковно-политическая идеология утверждала, что самодержавие может быть только там, где православие, и что в силу божественного закона верховная государственная власть принадлежит династии Романовых по праву, ей *прирожденному*. См.: *Лебедев М. К вопросу об отношении Церкви к государству (к характеристике славянофильских течений)*. // *Православный собеседник*. 1906. № 7. С. 553–555.

Однако вопреки исторической традиции, утверждавшей необходимость государственной защиты Церкви от расколов и отпадений, российский самодержец, покровитель и защитник господствующей веры, венчаемый Церковью на царство, впервые узаконил право на выход из православия, продемонстрировав тем самым политическую волю к либерализации действовавшего института веротерпимости. Нельзя не отметить и мотивов христианского идеализма, которыми руководствовался Николай II, надеясь, что все его подданные, без различия вер и исповеданий, с благодарностью воспримут указ как призыв к миру и любви.

Статьи указа, имеющие принципиальное значение для нашего исследования, звучали следующим образом:

1. Признать, что отпадение от православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собой каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало.

2. Признать, что при переходе одного из исповедующих ту же самую христианскую веру супругов в другое вероисповедание, все не достигшие совершеннолетия дети остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом, а при таком переходе обоих супругов дети их до 14 лет следуют вере родителей, достигшие же сего возраста остаются в прежней своей религии...

13. Установить, в виде общего правила, что для разрешения постройки, возобновления и ремонта церквей и молитвенных домов всех христианских исповеданий необходимо: а) согласие духовного начальства подлежащего инославного исповедания; б) наличность необходимых денежных средств; в) соблюдение технических требований устава строительного. Изъятия из сего общего правила, если таковые будут признаны для отдельных местностей необходимыми, могут быть установлены только в законодательном порядке.

14. Признать, что во всякого рода учебных заведениях, в случае преподавания в них Закона Божьего инославных христианских исповеданий, таковое ведется на природном языке учащихся, причем преподавание это должно быть поручаемо духовным лицам подлежащего исповедания и, только при отсутствии их, светским учителям того же исповедания...

17. Независимо от этого привести в действие и остальные, утвержденные нами сего числа положения Комитета министров о порядке выполнения пункта шестого указа от 12 декабря минувшего года¹.

Указ от 17 апреля 1905 г., изданный в светлое Пасхальное Воскресение, впервые внес существенные коррективы в соотношение между приоритетами государственно-церковными и частными. Он сократил часть статей, защищавших исключительные права православия на сохранение неприкосновенности его конфессиональных границ, и утвердил право членов этой Церкви на личный религиозный выбор. Лица, формально числившиеся православными, получили теперь легальную возможность покинуть господствующую Церковь без ущерба для своих гражданских прав. Тем самым впервые была существенно сужена область государственного принуждения, применяемого для поддержания господствующего статуса православия среди религиозных общин России. Соответственно было расширено правовое пространство религиозной свободы для старообрядцев и сектантов, получивших необходимую для выполнения своих религиозных обязанностей правосубъектность. Их религиозные организации вошли в число признанных законом объектов веротерпимости, пополнив ее иерархию сообществами, не обладавшими статусом госу-

¹ Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г. / под. ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 34–38.

дарственных и привилегированных. Следовательно, признанные законом негосударственные организации религиозных диссидентов пополнили число институтов гражданского общества в Российской империи.

В законе указывалось на необходимость установления различий между религиозными сообществами, которые подпадали ранее под общее определение «раскол», разделив их на три группы: а) старообрядческие согласия; б) сектантство; в) последователи изуверных учений, принадлежность к которым являлась наказуемой в уголовном порядке¹.

Принятая норма означала, что старообрядцы, которым отныне было присвоено это наименование взамен официально бытовавшего термина «раскольники», и сектанты должны были получить практически такие же религиозные и гражданские права, которыми обладали в России верующие «инославных и иноверных» исповеданий. Относительно положения последних указ не только расширял их права как терпимых религиозных сообществ, но и вносил изменения в официальное наименование. До указа от 17 апреля терпимые религиозные сообщества действовали на основе «Уставов духовных дел *иностранных* исповеданий. В новом законодательстве о веротерпимости, реформированном на основе указа, неправославные христианские вероисповедания, существовавшие в России, стали именоваться *инославными*, а нехристианские религии – *иноверными* исповеданиями.

Основная цель указа заключалась в том, чтобы практику регулирования вероисповедных отношений ввести в сугубо правовое русло. Реформирование религиозного законодательства позволило расширить границы легитимного пространства веротерпимости. Это произошло за счет «раскольников», бывших «своих», в разное время отпавших от православия и ставших теперь официально «чужими». А также за счет «упорствующих», бывших «чужих» – «инославных и иноверных», не желавших оставаться «своими» и стремившихся вновь получить юридический статус «чужих».

Введение новых религиозных свобод рассматривалось правительством в качестве инструмента укрепления традиционной религиозности и политической лояльности как среди духовенства и мирян терпимых исповеданий, так и среди ранее дискриминируемых групп российского общества. Власть рассчитывала на то, что указ станет фактором, консолидирующим российское общество, и что он будет способствовать укреплению в нем гражданского согласия. Это была попытка правового решения проблем, вызванных мерами государственного принуждения в религиозной сфере. Предпринятые в условиях нарастания революционных настроений перемены в вероисповедной политике носили фрагментарный характер и не предлагали системного подхода к решению проблем свободы совести в России.

Сказанное позволяет сделать вывод, что меры, предпринятые правительством в форме указа от 17 апреля, в сущности, завершили строительство традиционной системы веротерпимости, добавив к ней недостающие с точки зрения действовавшего законодательства элементы религиозной свободы. Вместе с тем новый закон свидетельствовал о начавшейся модернизации этой системы. Сохраняя неизблемость ее правовых принципов, методов организации и функционирования, своими положениями о «раскольниках» и «упорствующих» этот закон впервые позволил реализовать с помощью бюрократических процедур свободу совести для отдельных лиц (за исключением выбора атеизма и агностицизма) и свободу учреждения для религиозных групп. Объективная ограниченность реформаторского потенциала нового закона позволяла использовать его одновременно в качестве инструмента стабилизации модернизированного института веротерпимости и в качестве необходимой правовой основы для разработки законопроектов об осуществлении свободы совести в России после 17 октября 1905 г.

¹ Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г. / под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 35.

6. Риски применения указа о веротерпимости на западных окраинах Российской империи

Император Николай II, учитывая трудности, с которыми могла столкнуться администрация и православный епископат в западных губерниях и Привисленском крае, при рассмотрении 3 мая 1905 г. журналов Комитета министров по пункту шестому указа от 12 декабря 1904 г., поставил перед правительством следующие вопросы: «Как будут смотреть, по введению в действие нового законоположения, гражданская власть и духовное начальство на *проповедь* католических миссионеров?», «Как установить грань между *проповедью католицизма и пропагандой полонизма*?»¹ В ответ правительство подготовило разъяснения, которые должны были убедить императора в способности светской и духовной администрации контролировать религиозно-этническую ситуацию в западных губерниях, с помощью имевшихся у них правовых средств.

Комитет министров выстроил систему аргументации, положив в основу анализ реальных и потенциальных возможностей, которые предоставляла сложившаяся к тому времени ситуация в законодательстве. В ней своеобразно переплелись нормы действовавшего «Уложения о наказаниях», статьи еще не вступившего в силу второго раздела «Уголовного уложения», и законопроект, разработанный МВД для обсуждения Государственным советом.

Отвечая на первый вопрос, правительство констатировало, что после издания указа от 17 апреля 1905 г. ст. 4 «Устава духовных дел иностранных исповеданий» не утратила своей силы. Статья гласила, что «в пределах государства одна господствующая Православная церковь имеет право убеждать последователей иных христианских исповеданий и иноверцев к принятию ее учения о вере. Духовные же и светские лица прочих христианских исповеданий и иноверцы строжайше обязаны не прикасаться к убеждениям совести лиц, не принадлежащих к их религии; в противном случае они подвергаются взысканиям, в уголовных законах определенным»².

В качестве законов, охарактеризованных правительством как «в достаточной мере строгие», императору были названы действующая ст. 187 «Уложения о наказаниях» 1885 г., а также статьи 90 и 83 новой, еще не вошедшей в силу главы II «Уголовного уложения» от 22 марта 1903 г. Все они предусматривали заключение в тюрьму и ссылку за совращение из православия в иное вероисповедание с помощью принуждения или пропаганды. Правительство уверяло императора в том, указанные законы в достаточной степени «ограждают появление и распространение проповеди католических миссионеров среди православных. Поэтому светская и духовная администрация, которой поручен надзор за соблюдением этих законов, имеют в своем распоряжении все необходимые средства для «прекращения делающейся опасной проповеди инославных миссионеров»³.

Ответ на второй вопрос уже не выглядел столь определенным. Правительство указывало на традиционные особенности, присущие Римско-католической церкви, как церкви «воинствующей». Оно не исключало возможности, что духовенство этой Церкви проявит стремление к пропаганде католицизма и польского национализма среди проживавшего в пределах Западных и Привисленских губерний православного населения непольского происхождения. Комитет уведомил императора, что в настоящее время на законодательном рассмотрении находится проект предоставления министру внутренних дел особых

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 49.

² Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных / Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. СПб., 1896. Ст. 4.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 50.

полномочий относительно незаконных действий римско-католических священнослужителей. Ожидалось, что с получением указанным законопроектом силы закона, министр получит возможность наказывать римско-католических священнослужителей, действующих во вред русским интересам, на легальном основании¹.

Ответы, данные правительством императору, не носили исчерпывающего характера. Оставался открытым правовой вопрос о так называемом прозелитизме, который находил свое реальное воплощение в форме пропаганды «католицизма и полонизма» среди православного населения. Правительство уведомило императора о статьях старого и нового уголовного кодекса, предусматривающих наказание за соращение православных как таковое, а также сопряженное с различными формами принуждения. Наказанию подвергались и виновные в произнесении проповедей, возбуждающих к переходу православных в иное христианское вероисповедание. Однако к моменту издания указа сохраняла силу только ст. 187 «Уложения о наказаниях» 1885 г.² Применение пункта первого этой статьи в условиях разрешенного перехода из православия в инославие утратило свой карательный характер. Тем более, что еще ранее непринудительное соращение было исключено новым «Уголовным уложением» из числа уголовно наказуемых проступков. Статья же 90 из раздела второго нового «Уголовного уложения», карающая за проповедь инославия, еще не получила юридической силы³.

Следовательно, реально действующим оставался пункт второй ст. 187, предусматривающий уголовное наказание только за принудительное соращение из православия в инославие. Однако самым вероятным результатом указанной проповеди ксендзов могло быть обращение православных в католичество, прямо не подпадающее под действие статьи о насилии и принуждении при соращении из православия. В действительности речь шла об угрозе прозелитизма, о которой, по сути, и свидетельствовали вопросы Николая II, обращенные к правительству. Рассматриваемый как форма нелегального миссионерства, прозелитизм был запрещен законом, но уголовному преследованию не подлежал. Фактически получалось, что незаконная проповедь католицизма не могла найти в действующем законодательстве таких уголовных норм, которые бы предусматривали реальное наказание за подобные проступки.

Однако, как это следует из ответов, данных императору, правительство в целом было уверено, что имеющиеся в распоряжении светской и духовной администрации карательные статьи действовавшего уголовного законодательства предоставляют им необходимые правовые инструменты для пресечения возможных попыток прозелитизма со стороны католического духовенства. Такая уверенность основывалась на представлении о непрерывном правовом строительстве, которое должно было в ближайшей перспективе не только реализовать все законодательные инициативы Комитета министров, но и ввести

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 51.

² «За соращение из православия в иное христианское вероисповедание виновный приговаривается: к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к ссылке на житье в Сибирь или к отдаче в исправительные арестантские отделения по пятой степени 31 статьи сего уложения. Когда же будет доказано, что для соращения из православия в другое христианское вероисповедание были употреблены принуждение и насилие, то виновный подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь». Уложение о наказаниях уголовных и исправительных / Издано проф. Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб., 1886. Т. 15. Ст. 187.

³ «Виновный в произнесении или чтении публично проповеди, речи или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих к переходу православных в иное вероисповедание или учение, или секту, если сии деяния учинены с целью соращения православных, наказывается: заключением в крепости на срок не *свыше* одного года или арестом». Уголовное уложение. Глава II «О нарушении ограждающих веру постановлений» / Свод законов Российской империи. Т. 15. Пг., 1916. Ст. 90.

в действие надлежащую уголовную защиту от посягательств на религиозные права православия и правила пресечения попыток католического духовенства выйти за границы сугубо религиозного служения.

Вместе с тем правительство вынуждено было признать, что к моменту введения указа о веротерпимости в действие оно не располагало необходимыми правовыми средствами для борьбы с католическим прозелитизмом в том случае, если оно станет преследовать цели политического характера. Более того, оно не имело механизма реализации принятого решения, правовое оформление которого было отложено до осени 1905 г.

Как показали дальнейшие события, из числа непосредственных исполнителей пункта первого указа – губернской администрации, православного и католического духовенства, только католическая сторона к моменту его обнародования имела продуманный сценарий действий, который начал немедленно приводиться в исполнение.

Таким образом, важное политическое решение в форме законодательного акта, содержащее элементы риска, принималось в ситуации неполной правовой определенности, без четкого распределения бюрократических функций между МВД и духовными ведомствами по его исполнению. По сути дела, закон от 17 апреля точно определил *объект* правоприменения, но совершенно упустил из виду действия его *субъектов*, т. е. конкретных исполнителей указа и распределение их функций. В такой ситуации появление особого профиля рисков политического, правового и религиозно-этнического характера стало практически неизбежным¹.

В качестве вероятных рисков, содержащихся в положениях указа, можно указать на то, что сама возможность легального приема всех отпадавших от православия в члены терпимых миссионерствующих конфессий и религий, могла быть интерпретирована их представителями как утрата Православной церковью ее господствующего положения, что могло вызвать стремление к незаконному миссионерству среди православных. В этой связи невольно возникал вопрос о появлении *массовых* настроений религиозного и этнического реванша и связанного с ним насилия над совестью тех, кто станет объектом этого миссионерства. Во избежание риска возможных правонарушений со стороны духовенства и мирян терпимых конфессий и защиты православного населения от различных проявлений прозелитизма и насилия, необходимо было внятное *предварительное* разъяснение сути закона для всех заинтересованных сторон и, прежде всего, среди светской и церковной бюрократии, а также приходских священников обеих церквей.

Во-первых, такое решение представляется вполне рациональным, принимая во внимание массовую неграмотность и напряженность религиозных ожиданий «упорствующих» из крестьянского населения, особенно бывших униатов и римо-католиков, находящихся под сильным влиянием католического духовенства.

Во-вторых, не менее рациональным было бы разъяснение правовых аспектов применения указа, в частности увязки его положений с нормами действующего законодательства о веротерпимости, о статусе православия и мерах уголовной защиты, применяемых в случае религиозных посягательств на его права. Такие разъяснения были бы весьма актуальны для администрации западных губерний и епископата Православной и Католической церквей.

¹ На серьезные упущения, сделанные правительством во внешней политике, указывал Д. Н. Чихачев: «Непростительной и непоправимой ошибкой явилось, между прочим, распространение указа о веротерпимости 17 апреля 1905 года на католиков империи без соответствующих обязательств и гарантий со стороны Римской курии. Благодаря этому пропущен был исключительно благоприятный случай для русского правительства добиться от Римской курии установления тех порядков в Римско-католической церкви, которые наиболее соответствуют русским государственным и национальным интересам». См.: Чихачев Д. Н. Вопрос о располычении костела в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 86.

В-третьих, особого внимания правительства и православной иерархии заслуживали те западные регионы, в которых была высока концентрация «упорствующих» и «колеблющихся» и где православное население было в меньшинстве. Это меньшинство в первую очередь нуждалось в разъяснении положений указа, так как первая реакция католической стороны на указ неизбежно последовала бы именно там.

В-четвертых, существовала такая специфическая проблема, как смешанные браки. Теперь, когда верховная власть упразднила принцип религиозного принуждения, противоречие между светским законом о смешанных браках и требованиями канонического права Католической церкви должно было осознаваться особенно остро верующими и духовенством этой конфессии. Согласно канонам, по отношению к потомству католическая сторона обязана «сделать все, что в ее силах», приложить все свое старание, чтобы оно «было крещено и воспитано в ее вере и могло получить все средства для вечного спасения, которое Католическая церковь предоставляет в распоряжение своих чад»¹.

Католическая церковь, в силу своей исключительной экклезиологии, не хотела канонических перемен в решении вопроса о смешанных браках, несмотря на требования российского законодательства. Поэтому, как отмечало МВД: «Между каноническими постановлениями Римско-католической церкви и нашим гражданским законом существует коренное противоречие относительно вероисповедания, коему должны следовать дети, происходящие от смешанных браков католиков с православными»².

Следовательно, препятствием для выполнения супругом католиком своего религиозного долга по-прежнему оставалась ст. 67 Законов гражданских, нормам которой родители, независимо от вероисповедания, вынуждены были следовать для того, чтобы получить в российском обществе юридический статус супругов. Приоткрывшаяся возможность преодолеть данное юридическое препятствие легальным путем, ставила вопрос о вероятных побуждениях православного супруга и детей к переходу в католичество. В таких условиях неизбежно возрастал риск применения неправомерных способов для принуждения православной стороны к смене конфессиональной принадлежности.

Не было лишено определенного риска и выраженное в законе желание правительства и митрополита Антония решить назревшую острую проблему освобождения от принудительного пребывания в православии отдельных групп «упорствующих и отпавших» на основе общих положений, с уточнениями относительно выбора религии (христианской или нехристианской) и определения возраста переходящих в иные вероисповедания. Комитет министров, учитывая мнение митрополита Антония, не считал целесообразным предоставить свободу этим группам с помощью отдельного указа, который бы учитывал региональную, конфессиональную и этническую специфику сложившихся очагов религиозной напряженности и содержал *конкретный механизм* его реализации. В случае издания такого указа шансы правительства изначально придать процессу массового перехода в католичество «упорствующих и отпавших» от православия организованный и подконтрольный администрации характер, вероятно, были бы больше. Хотя, как было сказано выше, мотивом в пользу введения единого порядка перехода из православия служили как раз опасения неадекватной реакции со стороны бывших униатов³.

В свою очередь, В. К. Саблер предлагал целесообразным оставить колеблющихся в православной вере, учредив для выделения их из общего числа упорствующих особую комиссию, которая бы действовала на основании сведений местного православного духовенства. Однако Комитет министров, из опасений «вызвать серьезные осложнения и недоразумения», отказался от проекта выделения колеблющихся в особую группу, на которую, таким образом, «не распространялось бы действие предложенного Комитетом

¹ *Абапе А. М.* Положение о браке в новом католическом законодательстве. М., 2000. С. 243.

² РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 13 об.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 47–49.

общего для всех христиан в империи принципа свободного избрания для себя одной из христианских религий»¹.

Как видно, Комитет министров был более озабочен общими вопросами введения принципов религиозной свободы, нежели проблемой конкретных региональных рисков и негативных издержек применения указа. Правительство, как это следует из журналов Комитета министров, более предполагало возникновение рискового поведения представителей католического духовенства, нежели массовых выступлений на религиозной почве. Однако и этот частичный анализ рисков, связанных с противоправным поведением духовенства, и предполагаемые ответы на возможные миссионерские и политические вызовы с его стороны были сделаны правительством императору уже *post factum*. На вопросы, выражавшие беспокойство императора по поводу готовности властей пресекать возможные негативные последствия указа, были получены довольно формальные правовые ответы. Они не содержали анализа ситуации, сложившейся в регионах с наибольшей религиозно-этнической напряженностью, а следовательно, не предполагали и практических рекомендаций для местной администрации и православного епископата в случае возникновения указанных явлений.

Издавая указ, правительство рассчитывало на поддержку своей политики среди тех религиозных сообществ, которые испытывали ограничения в своей религиозной жизни или подвергались перманентной правовой дискриминации, как например, старообрядцы и сектанты. Однако в условиях Северо-Западного края поддержка этих немногочисленных религиозных групп не имела существенного политического значения. Гораздо более важным с политической точки зрения представлялось поведение белорусского, польского и литовского католического населения. Следовало учитывать, что паства Католической церкви, ее духовенство и епископат после десятилетий ограничений и запретов впервые становились получателем дивидендов новой религиозной политики. Правительство не делало предварительных прогнозов о том, как будет выглядеть реакция на новый закон представителей этой *миссионерствующей* Церкви, чьи интересы призван был выразить указ о веротерпимости. Нельзя было не учитывать, что предоставленная законом возможность покинуть «господствующую» церковь с неизбежностью будет провоцировать вопрос о том, которая из соперничавших конфессий получит реальное преимущество от реализации указа в Северо-Западном крае.

Еще один риск сугубо политического характера возникал в результате известной парадоксальности сложившейся ситуации. Реальные правовые дивиденды от императорского указа получала терпимая Римско-католическая церковь, старообрядцы и сектанты. Господствующей Православной церкви император предлагал приобретения исключительно нравственного характера, рассчитанные на длительную перспективу. Правительственный расчет на получение массовых политических симпатий католического духовенства и населения имел под собой реальные правовые основания. А вот относительно позитивного восприятия указа со стороны православного населения существовали лишь упования и надежды сугубо идеологического и религиозного характера, выраженные в решениях Комитета министров и преамбуле указа от 17 апреля. Они целиком основывались на представлениях о традиционной вере православных в благую волю и авторитет монарха, который, будучи помазаником Божьим, априори не может действовать в ущерб Русской церкви. Однако в случае негативного поворота событий возникал риск для этого традиционного восприятия монаршего авторитета в тех группах православных, на которые возлагались, по существу, все издержки правоприменения нового законодательного акта о веротерпимости. Существовали определенные риски и в более широком смысле. Одной из задач указа являлось использование религиозной свободы для достижения

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 27–28.

успехов на пути интеграции в российское общество духовенства и мирян терпимых конфессий и общин. Это была попытка осуществить перевод ценностей религиозной свободы на язык других экклезиологий, вероучений, культур и ментальностей.

Помимо доминирующей тенденции к *интеграции*, выраженной в положениях указа, существовала и другая, подчиненная первой. Она также вытекала из положений указа и относилась к категории *дифференцирующих*, т. е. обращенных к достижению интересов и расширению прав терпимых религиозных сообществ. В случае неадекватного восприятия указа, спонтанное развитие этой дифференцирующей тенденции «снизу» создавало опасность столкновений растущих профессиональных интересов терпимых миссионерствующих конфессий, прежде всего Римско-католической церкви, с интересами господствующего православия. Противоречивый характер тенденций, заложенных в новом законе, возлагал на правительство особую ответственность. Необходимо было с помощью взвешенной религиозной политики поддерживать необходимый баланс между двумя тенденциями, не позволяя второй из них стать доминирующей, способной провоцировать неуправляемый рост религиозно-этнической напряженности и конфликтов. Однако, как показали дальнейшие события, сохранение такого баланса оказалось для правительства делом весьма непростым. Решив одни проблемы, указ породил и обострил другие, не менее сложные.

УКАЗ ОТ 17 АПРЕЛЯ 1905 г. И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИМ ЕПИСКОПАТОМ И ДУХОВЕНСТВОМ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ И БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ

1. Нормотворчество римско-католического епископата Северо-Западного края как форма исполнения нового вероисповедного закона

Римско-католическая иерархия Северо-Западного края, как следует из признания, сделанного Виленским епископом бароном Эдуардом фон Роппом Виленскому генерал-губернатору Кршвицкому в 1906 г., была заранее осведомлена о готовившемся издании закона о веротерпимости. Сам епископ находился в это время в Санкт-Петербурге и располагал информацией, что Комитет министров при разработке проекта указа признал необходимым устранение всякого вмешательства как светской, так и духовной власти в дела совести, оставляя тем самым религиозный выбор свободному определению личности¹.

Располагая информацией о грядущем упразднении государственного принуждения в области религиозного выбора членов «господствующей» Церкви, Виленский епископ к моменту выхода указа был уже подготовлен к реализации новой стратегии поведения католического духовенства по отношению к государству и своему главному конфессиональному конкуренту – православию.

20 апреля епископ Эдуард направил на имя императора Николая II телеграмму следующего содержания: «Получив сегодня официальное известие о дарованной свободе совести и народном языке в обучении Закона Божьего в школах, осмеливаюсь от себя, от имени премногих бывших тайных католиков, от имени поголовно всей римско-католической молодежи Виленской епархии повергнуть к стопам Вашего Величества чувства безграничной благодарности и горячие молитвы о ниспослании Богом вашему величеству мира и спокойствия, а под самодержавным скипетром Вашего Величества всему государству внутреннего счастья и благополучного развития».

Последовавший вскоре ответ императора позволил фон Роппу 2 мая 1905 г. издать циркулярное распоряжение духовенству Виленской епархии, в котором сообщалось: «На моей всеподданнейшей телеграмме от 20 апреля с. г. с выражением верноподданнейших чувств, одушевляющих меня и католическое население вверенной мне епархии, по пово-

---

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 53, 152.

ду высочайшего указа, данного правительствующему Сенату 17 апреля с. г. об укреплении начал веротерпимости, государь император собственноручно начертать соизволил: “Прочел с удовольствием”. О таких милостивых словах его величества считаю приятным долгом поставить в известность подведомственное мне духовенство для объявления народу»¹.

Указ о веротерпимости встретил широкий сочувственный и даже порой восторженный отклик со стороны части католического духовенства и его паствы. Чиновник Виленского губернского правления В. Г. Пугавко, инспектировавший Дисненский, Лидский и Виленский уезды, в которых было много упорствующих, отмечал в своей записке «выражение искренности и непосредственности чувств, охватившей всех католиков любви к государю»².

Приходское духовенство Виленской епархии направляло епископу Роппу многочисленные донесения о торжественных богослужениях, совершенных ими по желанию прихожан «за здравие и благоденствие обожаемого государя императора и его августейшей семьи по поводу издания указа о веротерпимости». Вот, например, сообщение епископу Роппу настоятеля Пружанского костела ксендза Антония Гайлевича, датированное им 27 апреля 1905 г. Настоятель доносил, что, согласно желанию прихожан, 26 апреля им было «совершено богослужение за здравие и благоденствие государя императора. Костел был переполнен молящимися прихожанами. Все со слезами благодарили Бога по поводу высочайшего указа. После богослужения три семейства православного вероисповедания изъявили желание присоединиться к Римско-католической церкви»³.

Атмосферу религиозной восторженности, охватившую «упорствующих» и прихожан-католиков передает рапорт, посланный 6 мая 1905 г. Виленскому епископу настоятелем Вавиорского костела ксендзом Яном Сахарко. Настоятель писал, что «1 мая мной был объявлен с амвона высочайший указ 17 апреля. Радость неописанная появилась в глазах у многих прихожан. Когда я объявил, что сейчас будет отслужен торжественный молебен Господу Богу за государя императора, все пали на колени и со слезами молили Господа, чтобы Господь Бог даровал долгие и счастливые годы государю императору. Те из православных, которые выразили пламенное желание присоединиться к святой католической вере и стать прихожанами Вавиорского прихода, просили отслужить святую мессу в благодарность за то, что Господь послал счастье, давно, давно желанное. Во время мессы все прямо рыдали стоя на коленях, некоторые падали ниц и так лежали, молясь и проливая слезы радости до конца службы Божьей»⁴.

Прошения о благодарственных богослужениях поступали к священникам не только от отдельных групп прихожан и «упорствующих», но и от многочисленных паломников, которые пришли в это время из разных губерний для поклонения местным католическим святыням. В Росский костел из различных приходов Виленской, Гродненской и Минской губерний для поклонения чудотворной статуе Спасителя во время праздника Сошествия Святого Духа прибыло около восьми с половиной тысяч богомольцев. Через своих депутатов паломники обратились к настоятелю ксендзу Саросеку с просьбой отслужить благодарственный молебен за царствующий дом по поводу указа 17 апреля. О совершении молебна настоятель сообщил епископу фон Роппу⁵.

Прихожане Брянского костела Гродненской губернии после торжественного богослужения за здравие государя императора попросили настоятеля составить благодарственный адрес Николаю II, посланный на имя министра внутренних дел. Текст телеграммы гласил: «Прихожане Брянского римско-католического костела по поводу высочайших указов от 17 апреля и 1 мая, собравшись в числе трех тысяч человек на богослужение за здравие

¹ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2803. Л. 5.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 47 об.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 52.

⁴ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2803. Л. 30.

⁵ Там же. Л. 1–9.

и благоденствие государя императора, поручили просить мне, ваше высокопревосходительство, повергнуть к стопам его императорского величества чувства всеподданнейшей преданности и безграничной благодарности». С аналогичной телеграммой обратились к министру внутренних дел около 600 прихожан Иказненского костела Виленской губернии. Всеподданнейшие адреса на высочайшее имя прислали прихожане Свирского, Лужецкого, Биньяконьского и других костелов Северо-Западного края. Получаемые от императора стереотипные ответы «прочел с удовольствием» торжественно зачитывались настоятелями в костелах после окончания богослужения¹.

Список из 45 костелов своей епархии, в которых по ходатайству прихожан в период с 24 апреля по 11 июня были отслужены благодарственные молебны, был направлен епископом Эдуардом генерал-губернатору А. А. Фрезе. Тот, в свою очередь, препроводил список костелов министру внутренних дел А. Г. Булыгину для предоставления императору².

На следующий день после отправления благодарственной телеграммы императору, т. е. 21 апреля, епископ Эдуард издал документ, который существенным образом повлиял на характер межконфессиональных и государственно-церковных отношений на территории Виленской римско-католической епархии, включавшей в свой состав Виленскую и Гродненскую губернии.

Следует отметить, что к моменту выхода указа не были разработаны дополнительные правительственные распоряжения относительно применения на практике норм нового закона, призванных урегулировать порядок перехода из православия в иные вероисповедания. Сам же указ о веротерпимости не содержал принципиальных указаний для определения процедуры, в соответствии с которой «должно происходить перечисление лиц, отпадающих от православия, в избираемую ими инославную или нехристианскую веру»³. Эта законодательная пауза, допущенная правительством, позволила католической иерархии своими решительными и продуманными действиями инициировать и направить процесс возвращения «упорствующих» в костел по правилам, введенным собственной канонической властью.

Циркуляр, изданный 21 апреля Виленским епископом для духовенства епархии, обязывал его вместе с паствой выказать благодарность Николаю II в форме молитв и пения «Те Деум» и санкционировал совершение богослужений «за здравие и благоденствие государя императора», если таковые пожелают сами прихожане. Одновременно, учитывая вероятность межрелигиозных столкновений при реализации указа, епископ предписывал духовенству «усиленно влиять на прихожан, если представится необходимость, дабы они избегали издевательств, хвастовства, заносчивости, а соблюдали такт, сдержанность и уживчивость с лицами иных исповеданий». Но самое главное, в циркуляре излагался порядок перехода в католицизм лиц православного вероисповедания, который, по словам фон Роппа, «оставлял все дело о принятии католического исповедания всецело решению желающего или просителя»⁴.

Циркуляр предписывал, чтобы лица, желающие на основании указа принять католичество, лично, или по почте, или через местных настоятелей обращались с письменными заявлениями к епископу, или в подведомственную ему консисторию. Просители должны были указывать сословие, семейное положение, местожительство, православный приход, к которому были приписаны и католический приход, к которому будут принадлежать. По получении указа консистории лица, присоединившиеся к Римско-католической церкви, должны были вноситься в приходские списки соответствующего костела.

¹ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2803. Л. 1–5, 10–11, 13, 16, 30–32, 40.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 8.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 194.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 53.

Текст циркуляра в осторожной форме указывал приходскому духовенству, как следует действовать в новых условиях в отношении смешанных браков православных и католиков. По каноническому праву Католической церкви браки католиков с православными считались недействительными. Для совершения законного с точки зрения Католической церкви брака необходимо было, чтобы православная сторона предварительно приняла католичество. Но такой канонически правомерный для Церкви подход был запрещен российским законодательством. Теперь же появилась реальная возможность воспользоваться свободой выхода из православия для того, чтобы реализовать нормы канонического права в противовес действующему законодательству, защищавшему привилегии «господствующей» Церкви в области смешанных браков, не нарушая при этом формально статьи закона.

Пункт 7 циркуляра гласил: «По точному смыслу 2 пункта упомянутого высочайшего указа статья 72 тома X Свода законов остается в полной силе, следовательно, браки лиц православного исповедания с лицами римско-католического исповедания, совершенные одними ксендзами, считаются недействительными, если православное лицо с соблюдением вышеуказанного порядка заранее не присоединится к римско-католической религии»¹. Тем самым фон Ропп, как глава епархии, фактически предлагал духовенству, чтобы оно с помощью указа о веротерпимости добивалось от прихожан, при заключении смешанных браков с православными, соблюдения норм канонического права своей Церквью. На практике это не могло не означать, что православные, состоящие в таких браках или готовые вступить в брак с католиками, должны быть обязательно обращены в католицизм.

Этот своевременно изданный документ, умело связавший воедино епископское благословение на выражение благодарности престолу, призыв к терпимости по отношению к православным и демонстрацию расширившихся пределов духовной власти католического епископа, как и предыдущая телеграмма, преследовал политические и миссионерские цели.

Во-первых, он позволял епископу терпимой государственной Церкви, находящейся в ведении МВД, ввести свои автономные правила реализации указа о веротерпимости, без предварительного разрешения своего высшего руководящего органа. В ситуации созданного правительством нормативного вакуума свободное каноническое волеизъявление местного католического епископа подменяло собой действие государственного акта, который должен был своевременно определить общероссийскую процедуру перехода из православия в иные вероисповедания.

Во-вторых, незамедлительным введением собственных правил перехода Виленский епископ ограждал желающих принять католицизм от предполагаемых мер правительства, способных содействовать православному духовенству в оказании влияния на религиозный выбор своей «отпадающей» паствы.

В-третьих, изданием циркуляра епископ Эдуард предоставил десяткам тысяч упорствующих, десятилетиями добивавшихся легального возвращения в католицизм, практическую возможность немедленного решения своей затянувшейся религиозной проблемы.

Недальновидность и нерасторопность правительства в организации своевременного практического решения этого столь злободневного для «упорствующих» вопроса была признана впоследствии ревизионной комиссией, изучавшей в июне – июле 1911 г. материалы Виленского римско-католического епархиального управления. Анализируя данные о «числе, характере и условиях отпадения православных в римско-католическую веру», комиссия вынуждена была констатировать: «Удовлетворение ходатайств на основании указа 17 апреля 1905 г. встретило на практике значительные затруднения, ввиду отсутствия в указе каких-либо указаний относительно порядка, в котором происходит перечисление в иную веру лиц, отпавших от православия»².

Примеру фон Роппа последовал управляющий Тельшевской римско-католической епархией епископ-суффраган г. Цыртговт, который 23 мая 1905 г. издал для духовенства

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 1.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 152.

епархии, в которую входила Ковенская губерния, распоряжение с изложением основных пунктов указов от 17 апреля и 1 мая. В распоряжении говорилось: «О ВЫСОЧАЙШЕ дарованных ГОСУДАРЕМ-ИМПЕРАТОРОМ католическому населению вышеозначенных милостях предлагаю духовенству объявить народу с амвона при соответствующем поучении, в коем, указав на вышеназванные Монаршия милости, призвать прихожан к молитвам о здравии и благоденствии ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего Царствующего Дома.

Вместе с тем надлежит внушить народу не поддаваться никаким злонамеренным внушениям и возваниям тайных агитаторов, стремящихся посеять смуту и вызвать беспорядки, пояснив прихожанам, что исполнение верноподданнического долга ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, повиновение установленным властям и соблюдение порядка и спокойствия будут служить лучшей гарантией осуществления всех дальнейших намеченных Великодушным Монархом улучшений государственного благоустройства и народного благосостояния.

В тот же или следующий воскресный или праздничный день настоятели и филиаллисты во всех вверенных им костелах должны отслужить торжественное молебствие за ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА с гимном *Te Deum laudamus* и установленным молитвословием, как в высокаторжественные дни ИМПЕРАТОРСКОГО Дома.

О порядке присоединения к Католической церкви лиц православного исповедания, добровольно изъявивших на то свое желание, в скором времени будет преподана Духовенству особая инструкция»¹.

Указанная инструкция относительно практического применения указа от 17 апреля была издана для духовенства епархии 27 мая 1905 г. Принятый документ также определял порядок присоединения лиц православного исповедания к Римско-католической церкви, предлагая более конструктивную, с точки зрения соблюдения взаимных интересов церкви и государства, интерпретацию указа о веротерпимости.

Порядок присоединения к католицизму регламентировался в этой епархии следующим образом. Лицо православного вероисповедания, желавшее перейти в католицизм, заявляло об этом местному настоятелю в присутствии двух свидетелей. О заявлении просителя составлялся протокол за подписью присоединившегося и свидетелей. Затем указанный протокол направлялся настоятелем прихода на рассмотрение главы епархии, с разрешения которого и совершался церковный акт присоединения к Римско-католической церкви. О совершившемся факте присоединения настоятель сообщал в Тельшевскую римско-католическую духовную консисторию. Последняя, в свою очередь, должна была официально уведомить о присоединении Виленскую православную консисторию и ковенского губернатора.

Положения циркуляра, по мнению католического епископа, с одной стороны, обеспечивали дарованную указом от 17 апреля свободу в выборе веры, а с другой – давали возможность губернской администрации осуществлять регистрацию переходов из православия в католицизм, правда, уже после того, как консистория документально зафиксировала факт присоединения к католицизму. Только после завершения процедуры церковной регистрации, списки с новоприсоединенными католиками должны были направляться для сведения ковенскому губернатору².

Оба церковных циркуляра объединял общий принципиальный подход, который предусматривал обязательное устранение государственной власти от контроля над правомочностью церковной процедуры присоединения к католицизму, оставляя решение о легитимности присоединения исключительно во власти епископата и приходского духовенства. Таким образом, быстрая и эффективная реакция римско-католического епископата Северо-Западного края на указ от 17 апреля 1905 г. сразу же создала явное позиционное преимущество перед администрацией края в присвоении себе властных полномочий и фактической монополизации права на интерпретацию нового вероисповедного закона.

¹ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 327. Л. 17.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 72.

Каноническое нормотворчество римско-католического епископата, начавшего деятельно применять положения указа от 17 апреля на практике, вызвало полное одобрение генерал-губернатора А. А. Фрезе. Ему импонировала оперативность фон Роппа, в результате которой была предоставлена реальная возможность всем желающим перейти в католичество. Следовательно, на территории вверенного ему края своевременно исполнялось «сердечное стремление» императора Николая II «обеспечить каждому из наших подданных свободу верования и молитв по велениям его совести». В письме к фон Роппу 25 мая А. А. Фрезе счел правомерным введенный епископом порядок причисления к Церкви, будучи совершенно уверенным, что разрешение на присоединение, даваемое Виленской римско-католической консисторией, придает этой процедуре законный характер¹.

Однако дальнейшие события поставили генерал-губернатора в довольно трудное положение. Они заставили его не только переменить свои взгляды и оценки относительно правомерности действующего циркуляра от 21 апреля № 1147, но и начать безрезультатную бюрократическую тяжбу с Эдуардом фон Роппом, продолженную затем его преемником, относительно упразднения этого ведомственного церковного акта. Необходимо было не только остановить действие распоряжения епископа, но и принять меры по исправлению того порядка присоединения к католичеству, который был им введен. Дело в том, что сепаратные конфессионально-региональные подходы к решению общеимперской проблемы присоединения православных к инославию вызвали негативную реакцию в центре. Реакция официального Петербурга стала одним из факторов, который положил начало осложнению взаимоотношений администрации с римско-католическим епископатом. Краткий этап сотрудничества светских и церковных властей Северо-Западного края в реализации положений указа от 17 апреля подходил к концу. Начинался период длительного противостояния, связанного с конфликтом правовой и канонической интерпретации указа, т. е. бюрократическое противоборство, которое затронуло различные сферы регуляции церковно-государственных отношений. В этом столкновении проявились не только различные позиции и интересы, государственные и церковные, но и характеры и воля церковных и светских администраторов, действовавших в период серьезных общественных потрясений.

Министерство внутренних дел, изучив циркулярное распоряжение епископа Эдуарда фон Роппа от 21 апреля 1905 г., пришло к выводу о недопустимости его практического применения в Виленской епархии. Министр внутренних дел А. Г. Булыгин 4 июня 1905 г. обратился с официальным письмом к епископу, в котором указывал, что положения циркуляра неправомерно распространяют действие третьего пункта указа от 17 апреля, относящегося только к лицам нехристианского вероисповедания, на лиц и семейства, которые числились православными, но в действительности исповедовали римско-католическую веру. Расширительное истолкование указанного пункта содействовало прозелитическим интересам духовенства епархии, так как оно устраняло ограничения относительно возраста тех, кто переходил из православия в католицизм. Между тем, в соответствии с точным смыслом указа, переход православных в иные христианские конфессии, без всяких исключений, признавался лишь по достижении этими лицами совершеннолетия.

Вопрос же о вероисповедной принадлежности детей решался следующим образом. «При переходе одного из исповедующих ту же самую христианскую веру супругов в другое вероисповедание, все не достигшие совершеннолетия дети остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом, при таком же переходе обоих супругов дети их до 14 лет следуют вере родителей, достигшие же сего возраста остаются при прежней своей религии». Каноническое нормотворчество епископа, преследующего прозелитические интересы увеличения своей паствы за счет обращения в католичество несовершеннолетних, вступало в противоречие с новыми светскими нормами религиозной свободы.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 9.

Правовой критике министра подверглось и положение циркуляра об отношении католического духовенства к смешанным бракам. Он отметил, что в данном случае канонические правила Римско-католической церкви не соответствуют государственным законам. «Не подлежит сомнению, – писал министр, – что побуждаемое преподанными вами указаниями духовенство не преминет приложить все старания к совращению православных при вступлении в смешанный брак с католиками». Булыгину пришлось напомнить епископу, что пропаганда инославия и после издания указа от 17 апреля по-прежнему остается запрещенной российским законодательством.

В завершение епископу было сделано категоричное указание на то, что «помимо противоречия вышеозначенных правил в указанных частях закону, самое установление сих правил является преждевременным, и что по изложенным основаниям применение их на практике не может быть допущено»¹.

Но на это письмо министра со стороны епископа Эдуарда никакой реакции не последовало, и действие циркуляра по-прежнему сохраняло свою обязательную каноническую силу для духовенства епархии, а следовательно, и для всех желавших перейти в католицизм.

Впрочем, нельзя не отметить, что само правительство способствовало появлению канонических решений, которые отстраняли гражданскую власть от участия в процедуре переходов из православия. Указом от 17 апреля правительство предоставило римско-католическому епископату право на присоединение православных к своей Церкви. Так как закон о переходе из православия в иные вероисповедания отсутствовал, епископат вполне резонно истолковал полученное им вождеденное право как возможность создания собственного механизма присоединения к католицизму. В связи с данным обстоятельством сложившаяся по вине правительства правовая ситуация не позволяет рассматривать появление всех вышеуказанных канонических циркуляров в качестве актов, имевших какой-либо предосудительный характер. Однако с точки зрения соблюдения норм законодательства о веротерпимости циркуляр епископа Эдуарда имел серьезные правовые изъяны. Кроме этого, свойственный всем церковным циркулярам принцип отстранения гражданской власти от координирующей и контролирующей роли в организации переходов из православия, в лучшем случае, ставившем ее перед уже свершившимся фактом присоединения, был чреват неизбежными конфликтами, появление которых не заставило себя ждать.

2. Подготовка и введение в действие циркуляра МВД № 4628 от 18 августа 1905 г.

Несанкционированные государством решения местного католического епископата стали одной из причин, которые ускорили действия МВД и Комитета министров по разработке и обсуждению общероссийских правил перехода из православия в терпимые религиозные сообщества. На заседаниях 14 и 27 июня 1905 г. Комитет заслушал и обсудил записку министра внутренних дел А. Г. Булыгина, внесенную на рассмотрение 28 мая, о «безотлагательном» установлении для всех регионов империи единых временных правил для перехода из православия в «инославные и иноверные исповедания». Временный характер издаваемых правил был обусловлен тем, их действие было рассчитано на срок, необходимый для разработки и утверждения законопроекта о порядке изменения актов гражданского состояния лиц, переходящих в другое исповедание и регистрации таких переходов.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 3–4.

Дело в том, что несколько ранее, Комитет министров в утвержденном императором 17 апреля «Положении», поручил министерству юстиции подготовить соответствующий документ. Однако министр юстиции С. С. Манухин сообщил Комитету, что законопроект может быть разработан и направлен на рассмотрение Государственного совета не ранее начала осенней сессии. Выходом из сложившейся правовой ситуации по мнению Комитета и должно было стать оперативное решение административного характера¹. Правительство пыталось наверстать упущенный темп в установлении государственного приоритета в определении правил перехода из православия, рассчитывая тем самым лишить католический епископат позиционного преимущества, достигнутого им в результате собственных законодательных просчетов.

Комитет высказался за «немедленное» принятия указанного решения, призванного придать отпадениям из православия «законную форму». На экстренность темпа принимаемого решения воздействовали такие важные религиозно-политические факторы, как необходимость «неотлагательной» регистрации переходов из православия всех заинтересованных лиц, а также сообщение министра внутренних дел о попытках римско-католических епископов собственной властью вводить в епархиях особый порядок таких переходов. Рассматривая записку А. Г. Булыгина, правительство выразило принципиальное мнение по поводу того, чтобы проектируемые правила по своему содержанию не превратились в инструмент борьбы с религиозной пропагандой инославного духовенства. Предполагалось, что действующее законодательство о веротерпимости уже содержит необходимые правовые средства для пресечения такой пропаганды в ее незаконных проявлениях.

При обсуждении проекта правил было принято предложение министра внутренних дел о подчинении регистрации перехода православных в другие исповедания ведению административной власти. В соответствии с указанным принципом, процедура регистрации определялась следующим образом. Заявления о желании перейти из православия в другое исповедание должны были подаваться просителями непосредственно губернатору или уездному административному начальству, которое, в свою очередь, незамедлительно препровождало их на рассмотрение губернатора. При получении прошения уездные власти должны были сообщить об этом приходскому священнику, а губернатор немедленно уведомлял православного епархиального архиерея. Затем, не позднее чем в течение месячного срока со дня получения заявления, губернатор направлял последнее на рассмотрение местного инославного начальства. О свершившемся присоединении православного лица к инославной вере инославное духовное начальство должно было известить губернатора, который сообщал об этом православному архиерею. Установленный правилами месячный срок, между подачей заявления и регистрацией перехода, должен был по мнению Комитета использован для выполнения необходимого по каноническим нормам Русской православной церкви предварительного увещания приходским священником лица, отпадавшего от православия.

При обсуждении правил перехода из православия правительство не сочло целесообразным установление двух процедур, одна из которых применялась бы к лицам, которые сами или их предки принадлежали к иной христианской конфессии, а вторая – к отпадающим от Церкви православным, традиционно к ней принадлежавшим. Было высказано опасение, что введение в правила двух отдельных процедур может дать повод для недовольства правительственным решением со стороны бывших униатов. Правительство пыталось упредить нежелательные последствия, исходя из следующих соображений. Комитет министров признавал, что действовавшие в Холмско-Варшавской епархии правила, утвердившие порядок перечисления в католичество упорствующих греко-униатов, оказались неэффективными². Теперь же, после издания указа от 17 апреля 1905 г., возникла необходимость предотвращения всякой возможности для истолкования населением

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 52–53.

² Всеподаннейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1898 г. СПб., 1901. С. 30–35.

нового порядка перехода в католичество как возвращения к прежним, «неудовлетворительным» для бывших униатов, правилам. Исходя из вышесказанного, правительство вынесло принципиальное решение о том, что порядок регистрации перехода православных в другие вероисповедания во всех случаях должен быть единым.

Согласно выводу, сделанному Комитетом министров, предлагаемый порядок переходов из православия не вносил никаких-либо изменений в содержание указа от 17 апреля и принимался только в связи с назревшими потребностями применения нового закона на практике. В силу указанных причин правительственное решение подлежало исполнению в форме распоряжения министра внутренних дел. Поэтому Комитет министров поручил А. Г. Булыгину издать временные правила о переходе православных в инославные и иноверные исповедания «на точном основании изложенных в настоящем журнале Комитета министров суждений»¹. Император Николай II 25 июня 1905 г. утвердил положения, разработанные Комитетом министров.

18 августа 1905 г. министерство внутренних дел, в соответствии с решением Комитета министров, издало циркулярное распоряжение губернаторам за № 4628 о правилах перехода православных лиц в инославные и иноверные исповедания. В соответствии с утвержденным мнением Комитета министров о необходимости придать отпадениям от православия «законную форму», циркуляр министра внутренних дел не подчинял переходы из православия *разрешению* административной власти. Он только возлагал на местных губернаторов обязанность проверять в каждом отдельном случае наличие всех требуемых законом условий для регистрации таких переходов².

В преамбуле циркуляра МВД обосновывало необходимость издания этого ведомственного акта следующим образом: «В указе от 17 апреля отсутствовали указания относительно порядка, в котором должно происходить перечисление в иную веру лиц, отпавших от православия. Этим пробелом в указе воспользовалось в некоторых местах католическое духовенство и римско-католическим епархиальным начальством сделаны были распоряжения по подведомственному ему духовенству о порядке принятия в католическую веру лиц, отпадающих от православия. Такие распоряжения, очевидно, не могли быть допущены со стороны административной власти по практическому осуществлению, как потому, что распоряжения эти, составляя предмет ведения государственной власти, не могут быть основаны на одних лишь канонических постановлениях, так и от того, что ими устанавливался бы разнообразный порядок не только для различных исповеданий, но даже и в отдельных римско-католических епархиях»³.

Сами правила, которые следовало соблюдать при переходе православных в инославные и иноверные исповедания, состояли из четырех пунктов, из которых актуальными для нас являются первые три:

«1) лица, желающие перейти из православия в одно из инославных христианских исповеданий, обращаются о том с заявлением к местному губернатору непосредственно или через уездную административно-полицейскую власть (исправник, уездный начальник). В последнем случае, уездная административно-полицейская власть безотлагательно представляет заявление губернскому начальству и одновременно с сим сообщает о желании отпадающего причислиться к иному исповеданию православному приходскому священнику по принадлежности;

2) губернатор, по получении заявления, как непосредственно ему поданного, так и переданного уездной административно-полицейской властью, незамедлительно уведомляет о том православное епархиальное начальство и засим, не позднее чем в течение месячного срока со дня получения заявления, препровождает таковое на усмотрение местного инославного духовного начальства;

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 53–55.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 194 об.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 252. Л. 226.

3) о совершившемся присоединении православного к инославной вере инославное духовное начальство извещает губернатора, который сообщает о том подлежащей православной духовной власти...». В конце циркулярного распоряжения министр предписывал губернаторам, «что если после обнаружения высочайшего указа от 17 апреля, в силу оно, последовало уже отпадение православных в иное вероисповедание, то таковые случаи должны быть зарегистрированы вышеуказанным порядком»¹.

Святейший Синод, в свою очередь, указом от 14 декабря 1905 г. за № 785 сообщил о введении правил, установленных МВД, епархиальным владыкам «для безотлагательных с их стороны распоряжений об увещании в течение указанного срока лиц, заявивших о желании отпасть из православия, оставаться верными святой православной церкви»².

Таким образом, меры по определению конкретных исполнителей указа от 17 апреля были, наконец, приняты и утвержден механизм их совместного функционирования. Однако утверждение указанных правил не способствовало решению ряда конкретных правовых проблем, возникших в Северо-Западном крае в связи с начавшимися переходами из православия в католичество. Точнее сказать, меры, предпринятые правительством, сформировали позицию администрации и дали ей необходимые аргументы в начавшемся конфликте с римско-католическим епископатом Северо-Западного края, в который оказались втянутыми десятки тысяч верующих.

3. Установление церковно-государственного «двоевластия» и его региональная специфика

Вступление в силу циркуляра МВД от 18 августа 1905 г. за № 4628, разосланного 8 сентября всем главам римско-католических епархий Российской империи, никак не повлияло на позиции католических епископов Северо-Западного края. Желаящие перейти из православия в католицизм по-прежнему поступали в соответствии с действующими церковными циркулярами, игнорируя обязательную процедуру регистрации, которую предусматривало распоряжение МВД. Правила регистрации переходов из православия в католичество не создавали дополнительных сложностей для населения и заключались в соответствующих отметках и изменениях, которые вносились консисториями и приходским духовенством в акты гражданского состояния. Несоблюдение этих правил приводило к беспорядку в содержании метрических записей, что, в свою очередь, влекло за собой негативные последствия в гражданско-правовой сфере³.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 58–59.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 724. Л. 1.

³ Важность правильного ведения метрических записей становится понятной, если мы обратимся к учебнику церковного права, в котором эта практика описывается следующим образом. «На приходские причты, наконец, возложено обширное и сложное книговодство: при церквях составляются разные книги, ведомости, таблицы, отчасти удовлетворяющие церковно-статистическим целям, отчасти имеющие государственное значение. К последним принадлежат метрические и обыскные книги. Метрическими книгами доказываются права состояния, законность брака и рождения, права наследственные. Книги эти проверяются и скрепляются благочинными и отсылаются в консисторию, копия же с них остается в церквях. На основании метрических книг консистория выдает *метрические свидетельства* (так в тексте. – А. Б.), которые суть не что иное, как воспроизведение слово в слово, без всякой перемены и опущений, известной статьи из метрической книги. И само приходское духовенство выдает *метрические выписи* из хранящегося при церквях экземпляра, например, о рождении лиц, призываемых к отбыванию воинской повинности, о рождении малолетних, поступающих на заработки в промышленные заведения и проч. Метрическими книгами проверяются т. н. посемейные списки, которые ведутся в волостных правлениях, и на основании которых совершается призыв к отбыванию воинской повинности, а также ведомости о рождающихся, которые ведутся городскими полицейскими учреждениями. В случае уничтожения или неисправности метрической книги, обыскные книги получают значение важного гражданского документа / *Суворов Н.* Учебник церковного права. 4-е изд. М., 1912. С. 248–249.

Что же касается положения православного духовенства, то несоблюдение правил регистрации лишало его возможности исполнения своих канонических обязанностей, т. е. увещания в течение месяца «отпадающих» от Церкви и своевременного исключения их из православных метрических списков. Отстаивая прозелитические интересы своей церкви, римско-католические епископы игнорированием циркуляра МВД от 18 августа 1905 г. преследовали цель не допустить духовенство «господствующей» в империи Православной церкви к участию в процессе применения указа от 17 апреля 1905 г. Такая позиция епископата, противоречащая законным интересам православного духовенства, не могла не вызвать неприятие центральной власти и Святейшего Синода¹.

Следует отметить, что ответственность за то, что католическое духовенство и верующие не соблюдали требований циркуляра МВД, частично ложится и на само министерство. Дело в том, что циркуляр от 18 августа был направлен для исполнения к духовной бюрократии «терпимых» конфессий, а не *непосредственно* к населению. Этот документ не был опубликован для всеобщего сведения. Поэтому лица, переходившие из православия в католичество, будучи зачастую неграмотны или полуграмотны, попросту не могли усвоить необходимость соблюдения того порядка перехода, который предлагался в циркуляре².

Так как игнорирование циркуляра МВД от 18 августа было характерно только для практики присоединения православных к католичеству, губернская администрация Северо-Западного края была убеждена в том, что единственной причиной несоблюдения правил регистрации является негативное отношение к этой процедуре римско-католического духовенства. Приходские ксендзы, по мнению губернаторов, не хотели разъяснять желающим перейти в католицизм, что с заявлением об этом они должны обращаться только к перечисленным в циркуляре лицам и что само присоединение может считаться законным только после того, как будут выполнены все этапы процедуры регистрации.

Следует отметить, что утвердившееся на практике негативное отношение приходского духовенства к выполнению распоряжения МВД, в силу строго иерархической организации католического клира, не могло быть проявлением только лишь его глубоких субъективных антипатий к российской власти и православию, реализуемых в порядке самостоятельного мировоззренческого выбора. Что, разумеется, отнюдь не исключало реальное наличие таковых. Управление процессом поведения этого духовенства относительно меры, утвержденной правительством, целиком зависела от решений епископата, выраженных в указанных циркулярах. В силу требований канонической дисциплины, выполнение требований циркуляров епархиального начальства было обязательным для подведомственного ему духовенства. Субъективный фактор, т. е. личные пристрастия и убеждения ксендзов в данном случае не должны были играть существенной роли. На первый план в решении этой конкретной проблемы веротерпимости, как это и было положено по каноническому праву и по законам Российской империи, выходило властное распоряжение правящего епископа, что, в сущности, и объясняет характер поведения подчиненного приходского духовенства.

В результате одновременного действия двух механизмов перехода из православия, государственного и церковного, в Северо-Западном крае возникло своего рода «двоевластие». Установившееся после издания указа это временное «двоевластие» имело свою региональную специфику.

Во-первых, оно заключалось в противостоянии, с одной стороны, общегосударственной, а с другой – локальной, осуществленной на епархиальном уровне, канонической интерпретаций указа от 17 апреля римско-католическим епископатом.

Во-вторых, духовная власть католического епископа в Российской империи приобрела законную силу только на основании указа императора и действующего законода-

¹ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 35.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1909. Д. 160. Л. 1–2.

тельства о веротерпимости¹. Вошедший в Свод законов «Устав иностранных исповеданий» делегировал католической духовной власти часть власти государственной, которая системой государственных должностей связывала воедино светскую и духовную власть принципом государственной служебной дисциплины².

В-третьих, «двоевластие», сложившееся в Северо-Западном крае, не означало формального разделения власти на светскую и каноническую и выход епископата из подчинения МВД. В действительности оно представляло собой форму конфликта внутри самой государственной власти, а точнее, в рамках государственной церковности, так как непосредственное управление духовными делами Римско-католической церкви в Российской империи входило в ведение Министерства внутренних дел³.

Эволюция конфликта и его разрешение в пользу одной из сторон зависели от складывавшегося соотношения сил администрации и католической иерархии. Это соотношение менялось по мере усилий и успехов администрации по утверждению стабильности и правопорядка в регионе, переживавшем в 1905 г. период острых социально-политических и религиозно-этнических конфликтов.

В циркуляре МВД от 18 августа говорилось, что все случаи отпадения православных в иное вероисповедание, которые последовали после обнародования указа от 17 апреля, должны быть зарегистрированы в порядке, установленном в этом ведомственном правовом акте⁴.

Так как в Северо-Западном крае население пользовалось исключительно церковными правилами перехода из православия в католицизм, практически все новообращенные католики в Виленской и часть в Тельшевской римско-католической епархиях продолжали оставаться незарегистрированными. При этом число и возраст перешедших в католицизм оставалось неизвестным губернской администрации и православным консисториям, которые не могли проверить, соответствовало ли каждое из этих лиц возрастным требованиям, установленным указом от 17 апреля.

С целью осуществления регистрации переходов, последовавших после издания указа от 17 апреля, Виленским и Гродненским губернаторами в конце сентября были посланы запросы епископу Эдуарду фон Роппу, с просьбой срочно представить губернаторам подробные списки лиц, перешедших из православия в католичество, а затем предоставлять такую информацию ежемесячно. Списки должны были заключать в себе указание имени, отчества, фамилии, возраста и звания желающего перейти в католичество. Для крестьян и мещан необходимо было указать также общество, к которому они были приписаны. Затем следовало название православного прихода, к которому был ранее приписан принявший католичество, и указание на тот римско-католический приход, к которому был причислен перешедший из православия католик.

Предполагалось, что полученные от деканов общие списки по губерниям, содержащие данные о переходах из православия с 17 апреля до издания циркуляра МВД, будут направлены для учета в православные духовные консистории. Разработанный губернской администрацией бюрократический механизм предусматривал, что списки, представляемые католической стороной ежемесячно, станут служить в качестве материала, который позволит осуществлять проверку того, были ли соблюдены ксендзами в каждом отдельном случае требования циркуляра № 4628. Для этого получаемые списки следовало соотносить с теми данными о переходах из православия, которые должны были поступить в канцелярию губернатора от просителей. Однако предложенный губернаторами государственно-церковного сотрудничества с целью установления контроля за выполнением

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 129. Л. 5–6.

² Рейснер М. А. Государство и верующая личность / Сб. ст. СПб., 1905. С. 166–167.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 126. Л. 1–2.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 59.

распоряжения МВД так и не заработал. Епископ фон Ропп проигнорировал запросы губернской администрации¹.

Инициатива, проявленная губернаторами, не получила поддержки и у генерал-губернатора А. А. Фрезе, который считал, что в условиях нарастания революционных выступлений и обострения межконфессиональной и межэтнической напряженности проявление политической воли к незамедлительному исполнению распоряжения МВД может привести к серьезной дестабилизации конфессионально-этнической ситуации в регионе.

В письме к министру внутренних дел П. Н. Дурново 6 ноября 1905 г. генерал-губернатор сообщал, что не считал возможным настаивать на безусловном исполнении требований циркуляра ввиду тех особых условий, в которых находился Северо-Западный край. К особым условиям А. А. Фрезе относил высокий удельный вес католического населения в регионе и большое количество случаев отпадений от Православной церкви. Он отмечал, что в связи с этими обстоятельствами процесс регистрации нескольких десятков тысяч отпадений от православия, с соблюдением всех указанных правилами стадий, поставил бы администрацию в весьма затруднительное положение не только с сугубо практической стороны.

Обращаясь к министру, генерал-губернатор указывал на юридическую сложность в решении данной проблемы, которая, по его мнению, заключалась в том, что сам процесс регистрации невольно заставляет администрацию: «...признавать в новых католиках, не выполнивших означенных требований, впредь до их выполнения, православных». «Я должен указать на то обстоятельство, – писал А. А. Фрезе, – что какое бы то ни было воздействие на уже отпавших поселило бы в умах неразвитых народных масс уверенность в том, что власти пытаются всячески, вопреки высочайшему указу, затруднить их переход в католичество или намереваются возратить их в православие. А это в свою очередь вызвало бы в Северо-Западном крае такое общенародное движение, которое бы всколыхнуло его до самого дна и бедственные последствия которого были бы неисчислимы». Указывая на юридический аспект проблемы, связанный с необудительной легитимностью распоряжения МВД, А. А. Фрезе просил министра, чтобы процесс перехода из православия в другие исповедания был бы «возможно скорее определен и установлен строго законодательным путем»².

На запрос генерал-губернатора министр, не касаясь правового аспекта проблемы, предложил компромиссный вариант решения этого острого внутриведомственного вопроса, который приобретал теперь важное политическое значение. Суть предложений П. Н. Дурново, обращенных к новому генерал-губернатору К. Ф. Кршвицкому, а следовательно, и к губернаторам и главам католических епархий, сводилась к следующему. Лицам, перешедшим в католицизм, для документального оформления своего нового конфессионального состояния следовало заявить о состоявшемся переходе губернатору. Тот, в свою очередь, не прибегая к строгому выполнению всей процедуры регистрации, включавшей, как уже было сказано «увещания» просителей православным духовенством, должен был только сообщить о состоявшемся переходе соответствующей православной консистории³.

Но и это предложение не получило практического применения в Виленской епархии, так как каких-либо распоряжений со стороны епископа Эдуарда относительно компромиссного варианта регистрации принято не было, и действовавший порядок перехода лиц из православия в католичество, определенный церковным циркуляром от 21 апреля, по-прежнему сохранял свою силу.

В новых правовых условиях, созданных указом от 17 апреля, Виленский епископ, несмотря на компромисс, предложенный МВД, настойчиво и целенаправленно отстаивал свое каноническое право на автономное решение проблемы перехода «упорствующих», без участия государственной власти, следовательно, и без «увещаний» духовенства «гос-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 14, 18.

² Там же. Л. 24–25.

³ Там же. Л. 26.

подствующей» Православной церкви. В этой борьбе за сохранение установившегося «двоевластия» епископ, наряду с правовой аргументацией, прибегал и к демагогическим приемам. В письме к А. А. Фрезе от 20 декабря 1905 г. фон Ропп просил генерал-губернатора оставить регистрацию переходов, хотя бы в некоторых местностях, до более спокойного времени. Епископ выказывал опасения, что сообщения губернаторами имен и фамилий лиц, возвратившихся в католичество, может подвергнуть их там, где они находятся в меньшинстве, «гонениям, как со стороны православного духовенства, так и подстрекаемого им народа»¹.

Упорное нежелание епископа выполнять требования циркуляра МВД от 18 августа, со ссылками на угрозу возможного насилия над католиками, не подкрепленную какими-либо серьезными фактами, не могло не задеть чувства достоинства государственной власти. Дело в том, что к этому времени в канцелярии генерал-губернатора уже находились десятки личных обращений и официальных донесений Виленской и Гродненской православных консисторий с просьбами о защите духовенства, монашествующих и мирян от различных форм физического и психологического насилия, совершаемого католиками на территории Северо-Западного края. Поэтому новый Виленский генерал-губернатор К. Ф. Кршивицкий в январе 1906 г. решительно отказал епископу в его просьбе отложить регистрацию, указывая на такой очевидный для процедуры факт, что «указанные списки обнародованию не подлежат». Генерал-губернатор дал ясно понять, что в распоряжении администрации «всегда найдется достаточно средств для самого решительного подавления всяких попыток к насилию над совестью одной части населения»².

В конечном итоге усилия администрации призвать епископа Эдуарда к выполнению распоряжения МВД не увенчались успехом. Наоборот, настойчивость генерал-губернатора в выполнении своего служебного долга подвигла фон Роппа, вопреки действующему законодательству, в феврале 1906 г. перевести все делопроизводство о переходах в католичество из Виленской духовной консистории в собственную епископскую канцелярию. Предпринятый противоправный бюрократический маневр был вызван стремлением епископа максимально оградить процедуру церковной регистрации от попыток установления контроля над соблюдением законности со стороны государства. Дело в том, что в духовной консистории, как органе епархиального управления, ведущую роль играл секретарь-мирянин, который зависел от правительства в большей степени, чем епископ. Консистория могла быть подвергнута государственной ревизии, в то время как осуществить ревизию личной канцелярии епископа, существование которой не предусматривалось законом, было бы весьма затруднительно для проверяющих государственных органов.

Губернская администрация, столкнувшись с открытым неповиновением фон Роппа и подведомственного ему католического духовенства Виленской епархии, вынуждена была напоминать главному администратору края о том, что требования циркуляра МВД от 18 августа 1905 г. о регистрации переходов из православия на подведомственной ему территории по-прежнему не исполняются. Неспособность власти настоять на придании переходам в католичество предусмотренную законодательством законную форму лишало, в свою очередь, духовенство господствующей церкви возможности выполнять свои пастырские обязанности, возложенные на них распоряжением Святейшего Синода от 14 декабря 1905 г.

Свидетельством такого административного бессилия служит обращение к генерал-губернатору К. Ф. Кршивицкому Виленского губернатора, сделанное в марте 1906 г. Последний вынужден был признать, что у него нет реальных средств, чтобы воздействовать на римско-католическое духовенство, которое не желает выполнять распоряжение МВД. Губернатор сообщал вышестоящему начальству, что в Виленской епархии с момента выхода указа от 17 апреля 1905 г. к Римско-католической церкви присоединилось свыше

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 28.

² Там же. Л. 29–30.

20 000 православных. Однако, – отмечал губернатор, – из них «решительно никто не заявил ни губернатору, ни полиции о желании перейти из православия в римско-католическое исповедание». При этом точное число лиц, перешедших в католичество, оставалось неизвестным ни губернской администрации, ни православным духовным консисториям Северо-Западного края. Следовательно, по-прежнему отсутствовала реальная возможность проверить, удовлетворяло ли каждое переходящее в католичество лицо возрастному цензу, определенному указом от 17 апреля 1905 г.

Единственную причину демонстративного игнорирования правил МВД губернатор усматривал в поведении католического духовенства, которое таким образом лишало православных священников возможности исполнения самой существенной части требования, изложенного в циркуляре, – увещать отпадающих в католичество и своевременно исключать их из православных метрических списков¹.

Вскоре и сам генерал-губернатор 10 мая 1906 г. обратился с письмом к министру внутренних дел П. А. Столыпину для того, чтобы указать на очевидный и неприятный факт, – администрация края оказалась не в состоянии оказать решительное воздействие на ту твердую позицию, которую заняли Виленский епископ Эдуард и подчиненное ему духовенство. Камнем преткновения по-прежнему оставались противоречия «в вопросе о порядке перехода из православия в католичество»². К. Ф. Кршвицкий вынужден был признать, что в сложившейся ситуации он не располагает необходимыми правовыми и административными средствами для того, чтобы заставить епископа фон Роппа выполнять требования циркуляра МВД от 18 августа № 4628.

Следует отметить, что известная правовая уязвимость правительства в конфликте по вопросу о легитимации переходов из православия не была преодолена и в дальнейшем. Правительство, после издания Манифеста от 17 октября 1905 г., созыва I и II Государственных Дум, в связи со сложной политической ситуацией, не смогло решить в законодательном порядке вопрос о легализации переходов из православия в иные вероисповедания. Законопроект «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного вероисповедания в другое» был подготовлен МВД к началу 1907 г., в числе семи законопроектов, разработанных для «осуществления свободы совести», «начала» которой были провозглашены в Российской империи манифестом от 17 октября 1905 г.³

После критических замечаний Святейшего Синода, высказанных по поводу содержания этого документа, в мае 1909 г. законопроект Советом Министров был представлен для обсуждения в III Государственную Думу. После длительного обсуждения в Думе и в Государственном совете законопроект так и не получил силы закона. Вскоре после открытия работы IV Государственной Думы МВД взяло свои вероисповедные проекты из канцелярии Думы для переработки⁴.

Что же касается истории указанного законопроекта, комиссия по вероисповедным вопросам IV Государственной Думы завершила его рассмотрение в четвертую думскую сессию (сентябрь 1915 г. – июнь 1916 г.). Доклад по законопроекту был передан на заключение в комиссию по делам Православной церкви, но на этом законотворческий процесс практически завершился. Законопроект «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного вероисповедания в другое» так и не был принят Государственной Думой⁵.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 48.

² Там же. Л. 53–55.

³ Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г. / под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 150–151.

⁴ Бердников И. С. Краткий курс церковного права. Т. II. Казань, 1913. С. 1312–1319.

⁵ Сафонов А. А. Свобода совести и модернизации вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в. Тамбов, 2007. С. 315.

В силу сложного переплетения внутривластных обстоятельств, строительство правового здания «свободы совести» в России так и осталось незавершенным вплоть до свержения монархии. Поэтому все это время оставался в силе только указ от 17 апреля об укреплении начал веротерпимости, а следовательно, и временные правила, изложенные в циркуляре МВД от 18 августа 1905 г., которые регулировали применение норм этого указа на практике.

Незавершенность правового строительства в области модернизации взаимоотношений между государством, Римско-католической церковью и православием, которое было начато указом от 17 апреля 1905 г., создавало определенные условия для возможного возникновения конфликта между правовым поведением и требованиями государственной служебной дисциплины. Оказалось возможным, демонстрируя свою ревностную приверженность принципам указа от 17 апреля, в то же время не менее демонстративно игнорировать ведомственное распоряжение, правомерно из данного указа вытекающее. Известная парадоксальность ситуации заключалась в том, что высокопоставленный государственный служащий католического духовного ведомства Российской империи, ратуя за последовательно правовое решение вопроса о переходе из православия, выказывал в то же время, открытое неповиновение ведомственному правовому акту своей вышестоящей светской инстанции. Такая непоследовательность в поведении епископа может служить свидетельством специфической рецепции норм светского права каноническим церковным сознанием.

Этот случай представляется особенно интересным, если учесть, что фон Ропп в своей светской жизни был правоведом и даже служил чиновником в Сенате и министерстве государственных имуществ. Очевидно, что в этом конфликте узкоконфессиональные, прозелитические интересы Церкви ставились выше, чем приверженность к правопорядку и государственной дисциплине. Упразднение государственного принуждения в делах веры, утвержденное указом в качестве основополагающего правового принципа, однобоко интерпретировалось как возможность установления преимущества канонической интерпретации указа от 17 апреля над правовой интерпретацией, осуществленной правительством.

4. Борьба администраций края за преодоление «двоевластия»

Так как вопрос о правомерности канонической интерпретации не мог быть решен в независимом судебном порядке, а нарушение требований циркуляра от 18 августа не влекло за собой судебного и административного преследования, вопрос о преимуществе той или иной интерпретации указа становился вопросом не столько правовым, сколько политическим, дисциплинарным и миссионерским. Епископ настаивал на необходимости подчиняться закону, а не учреждению, которое в условиях существовавшей правовой системы обладало монопольным правом на его интерпретацию. МВД, в силу отсутствия закона о переходе из одного вероисповедания в другое, вынуждено было настаивать на выполнении требований циркуляра 18 августа, ведомственного правового акта, соответствующего положениям указа от 17 апреля. Конструктивным выходом из сложившейся конфликтной ситуации было бы компромиссное решение вопроса о регистрации, предлагаемое в свое время управляющим МВД П. Н. Дурново генерал-губернатору К. Ф. Кршвицкому в конце декабря 1905 г.¹

Однако епископ, используя сложное политическое и правовое положение, в котором оказалось правительство, предпочел конфронтацию, энергично добиваясь разрешения конфликта в свою пользу. В развернутой форме аргументация в защиту установившегося «двоевластия» была изложена фон Роппом в письме к генерал-губернатору К. Ф. Крши-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 26.

вицкому от 20 апреля 1906 г. Поводом к написанию этого официального документа послужил частный случай. Некий Тихон Дуганов присоединился к католицизму без соблюдения установленного МВД порядка регистрации. Настоятель Домбровского костела ксендз Гурский действовал в данном случае в соответствии с циркуляром епископа. Он письменно сообщил епископу о намерении Дуганова перейти из православия в католицизм. Получив положительный ответ о том, что имя и фамилия просителя внесены в списки епископской канцелярии, настоятель, в свою очередь, внес Тихона Дуганова в списки католиков Домбровского прихода Виленской епархии. Казалось бы, обычный случай, характерный для практики присоединения к католицизму, регулируемой циркуляром епископа Эдуарда.

Однако этот ничем не примечательное событие получило скандальную огласку в связи с тем, что упомянутый Тихон Дуганов на поверку оказался дезертиром 2-го драгунского Харьковского полка. Получалось так, что ксендз Гурский, присоединивший Тихона к католицизму, тем самым косвенно покрывал его противозаконный поступок. Выяснилось также, что игнорирование настоятелем государственной регистрации позволяет укрываться от правосудия беглому преступнику. Об этом факте гродненский губернатор сообщил в марте 1906 г. К. Ф. Кршивицкому. Последний вынужден был обратиться к фон Роппу за разъяснением относительно поведения подведомственного ему духовенства. Развернутый ответ епископа позволяет выяснить правовые аспекты конфронтации, которая привела к установлению «двоевластия» в применении указа от 17 апреля и определить аргументацию и тактические приемы, к которым прибегала католическая сторона для утверждения легитимации своего варианта присоединения к Церкви.

Фон Ропп, выстраивая цепь правовых доводов в защиту своей позиции, начал с откровенного признания, что, находясь в Санкт-Петербурге во время обсуждения в Комитете министров проекта указа от 17 апреля, он, от лица, участвовавшего в разработке законопроекта, узнал о содержании готовящегося закона. Для епископа в полученной конфиденциально информации важнейшим было знание правовых принципов, которые были положены разработчиками нового закона в его основу. Узнав мнение Комитета министров о том, что разрабатываемый законопроект устраняет всякое воздействие светской и духовной власти на религиозный выбор личности, после оглашения указа он подготовил и издал известный нам циркуляр от 21 апреля, который, по его мнению, точно соответствовал содержанию указа о веротерпимости. То есть предоставлял выбор католического вероисповедания свободному выбору желающих переменить конфессиональную принадлежность. Легитимность собственного документа виделась епископу в его точном следовании принципам, которые были провозглашены указом от 17 апреля.

Недостаток же легитимности государственного циркуляра МВД от 18 августа № 4628, по мнению епископа Эдуарда, заключался в том, что в нем отсутствовала правовая ясность, не позволяющая точно определить, в каком случае документ соответствует указу от 17 апреля, а в каком выражает ведомственное мнение министра внутренних дел. Очевидно, под мнением министра епископ имел в виду неприемлемое для него участие православного духовенства в «увещании» потенциальных католиков, предусмотренное в качестве необходимого этапа регистрации циркуляром от 18 августа и распоряжением Святейшего Синода от 14 декабря 1905 г.¹

¹ Циркуляр от 18 августа 1905 г. подтверждал правомерность действий православного духовенства по увещанию своей отпадающей паствы: «Относительно принятия православия или возвращения в лоно православной церкви, очевидно, что господствующей в государстве церкви принадлежит неотъемлемое право всеми законными средствами содействовать переходу в православие, и оказывать духовное воздействие на отпадающих и отпавших членов своих, к удержанию их в прежней вере и возвращению в православие. В сем отношении губернские власти должны оказывать православному духовенству полное содействие, наблюдая при этом, чтобы лицам, отпавшим от православия, но желающим вернуться к нему, не оказывалось в том со стороны иноверцев препятствий и стеснений». См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 226.

Но издание указа о веротерпимости не отменяло «господствующее» положение Православной церкви в Российской империи. Законодательно это положение было подтверждено в «Основных законах», принятых 23 апреля 1906 г.¹ Следовательно, православное духовенство юридически сохраняло право на положенное по каноническим правилам «увещание» своих «отпадавших» прихожан, осуществляемое после указа 17 апреля, но уже без какой-либо помощи полиции. Циркуляр 18 августа учитывал данное обстоятельство, что и позволяло духовенству реализовать свои правовые преимущества, в условиях, когда государственное принуждение, как атрибут «господствующего» статуса Церкви, было законодательно упразднено. Правомерным следствием этого принципиального решения стало отсутствие наказаний за уклонение от порядка государственной регистрации, предусмотренного циркуляром МВД. Не наказывались, разумеется, и уклонения от «увещаний» со стороны православного духовенства. Тем не менее предоставленная ему не законом, а только лишь ведомственным циркуляром МВД и указом Святейшего Синода возможность выполнять свои пастырские обязанности и тем самым влиять на окончательный конфессиональный выбор своей паствы не имела, по мнению католического епископата, должной легитимации в положениях указа от 17 апреля. Об этом в завуалированной форме и высказался фон Ропп.

По мнению фон Роппа, установленный в епархии церковный порядок присоединения к католицизму не имел отношения к «регистрации законной», т. е. установленной распоряжением МВД от 18 августа 1905 г., оставляя таковую целиком на усмотрение прописителя. Что же касается действия церковного циркуляра, то оно, по разъяснению епископа, определяло лишь «внутрикостельный порядок» и регистрацию тех лиц, которые желали принадлежать к определенному католическому приходу. Следовательно, пояснял епископ генерал-губернатору: «...забота о законном проведении регистрации предоставлена циркуляром самим лицам, отпавшим от православия, но не составляет обязанности ни моей, ни подведомственного мне духовенства»².

Рассуждая далее о мотивах массовых уклонений со стороны новоприсоединенных католиков от «правильно законной регистрации», епископ фон Ропп объяснял это явление: «...единственно печальным недоверием, охватившим все наше население к полицейским и православным духовным властям». В завершение письма к генерал-губернатору епископ, защищая установленный им порядок, прибегнул к последнему аргументу, должному придать убедительность мотивам уклонения от регистрации государственной в пользу церковной. Фон Ропп указывал на «боязнь, которую внушают всему населению упомянутые в циркуляре от 18 августа увещания со стороны православного духовенства»³.

Позиция католического епископа, отстаивающего перед правительством свое исключительное право определять в епархии порядок перехода из православия в католицизм, находила свое обоснование в экклезиологии и каноническом праве, но являлась весьма уязвимой с точки зрения светского законодательства, требований государственной дисциплины и реального состояния межконфессиональных отношений в Виленской епархии. О правовой некорректности и несоответствии отдельных положений циркуляра от 21 апреля п. 3 указа о веротерпимости указывал еще министр внутренних дел А. Г. Булыгин.

Следует напомнить, что Римско-католическая церковь в России имела правовой статус государственной, ее каноническая жизнь регулировалась действовавшим законодательством, а духовенство, получавшее жалование от казны, признавалось законом в качестве государственных служащих. Указанный статус наделял духовенство соответствующими правами и обязанностями, которые были связаны с несением государственной

¹ Свод законов Российской империи. Т. I, ч. I / Свод основных государственных законов. СПб., 1906. Ст. 62.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 155.

³ Там же. Л. 53–54.

службы¹. Следовательно, правительство обязано было требовать, чтобы его распоряжения, принятые в соответствии с существующими правовыми нормами и утвержденные императором 25 июня 1905 г., неукоснительно исполнялись представителями духовной власти этой Церкви².

С точки зрения Комитета министров, положения циркуляра МВД от 18 августа № 4628 не противоречили указу от 17 апреля о веротерпимости и призваны были регулировать формальную процедуру перемен в актах гражданского состояния у тех, кто покидал православие и переходил в иное вероисповедание. Метрические книги, в которых фиксировались бракосочетания, рождения и смерти прихожан, находились в ведении духовенства признаваемых законом конфессий и общин. Эти записи актов гражданского состояния обладали юридической силой и поэтому своевременное и точное изменение в церковных документах, которое предусматривал циркуляр министерства, являлось частью установленного государственного порядка. По сути дела, речь шла об организации обязательной бюрократической процедуры обмена этой важной для государства и общества служебной информацией между двумя духовными ведомствами различного уровня государственного подчинения, координатором которой выступало МВД.

Заявляя об исключительно «внутрикостельной» функции циркуляра от 21 апреля, епископ Эдуард вольно или невольно подтасовывал аргументы. Вопрос о регистрации в тех условиях, когда только признанные законом религиозные организации вели все акты гражданского состояния, мог быть решен только в общегосударственном порядке. Он принципиально не мог решаться канонически, только «внутрикостельным» порядком, так как неизбежно приводил к дезорганизации обмена сведениями гражданско-правового характера. Об этом недвусмысленно было сказано в цитируемой выше преамбуле циркуляра МВД от 18 августа 1905 г. № 4628. Представляется сомнительным, чтобы фон Ропп, как церковный администратор, имевший высшее юридическое образование, не мог не знать о негативных правовых последствиях, которые вызвались нарушениями в области ведения актов гражданского состояния. Установление согласованности в области обмена гражданско-правовой информацией между католической и православной стороной могло быть достигнуто при условии, если бы римско-католическому духовенству было запрещено присоединять к своей Церкви лиц, не выполнявших требований циркуляра МВД. До тех пор, пока церковный циркуляр сохранял свою каноническую силу, выполнение этих требований становилось практически невозможным. В результате процесс введения процедуры легитимной регистрации, предусмотренной государством, изначально оказался парализованным.

Восстановить государственный порядок регистрации на территории Виленской епархии можно было, только отменив действие церковного циркуляра от 21 апреля. Принять такое решение для епископа Эдуарда значило не просто, смилив свое административное честолюбие, подчиниться решению, легитимность которого представлялась ему недостаточной. Дело было не только в наличии епископских и правоведческих амбиций. Такое решение грозило бы уронить духовный авторитет епископа в глазах епархиального духовенства. В случае отмены действия циркуляра, ксендзы были бы вынуждены объяснять лицам, обращавшимся к ним с просьбой о присоединении к католицизму, что не могут принять их в лоно своей Церкви без выполнения просителями процедуры государственной регистрации. Следовательно, католические священники, невольно предоставля-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 8. Л. 51.

² Статья 66 Устава о предупреждении и пресечении преступлений гласила: «Римско-католическое духовенство в отпращивании дел и должностей, поступаая по законам и правилам своей Церкви, неупустительно наблюдает все, что в рассуждении отношения к внешней власти и внешнего церковного сообщества запрещено и повелено, и сохраняет, по долгу верноподданнейшей присяги, священные права и преимущества верховной и самодержавной власти, государственные узаконения и высочайший интерес» / Свод законов Российской империи. Т. 14. СПб., 1890. Ст. 66.

ли бы православному духовенству возможность для «увещания» тех потенциальных католиков, которые собирались покинуть «господствующую» Церковь. Успехи, достигнутые в результате таких «увещаний», означали бы правоту православной веры, что никак не соответствовало ни эксклюзивной экклезиологии Римско-католической церкви, ни ее прозелитическим интересам в этом регионе империи¹.

Следовательно, против принятия епископом решения об отмене циркуляра, помимо официальных высказанных мотивов, существовала вероятность действия и других, более весомых и убедительных. К ним можно отнести мотивы, связанные с заботой об укреплении личной популярности и авторитета фон Роппа в епархии. Нельзя сбрасывать со счетов и проявленного епископом ревностного стремления к торжеству истинности католического вероучения и достижению миссионерских побед над «господствующей» Православной церковью. Об этом свидетельствует и восприятие посланий Роппа его конфессионально-этническими соперниками из русско-православного лагеря. Вот что писала об этом газета «Новое время»: «Римско-католический епископ Эдуард Ропп поддерживает последним пастырским посланием алчность и фанатичность католиков, призывая их молиться о вразумлении православных, как заблудших овец, и о возвращении их в католичество, от которого они будто бы отпали»².

Игнорирование католическим епископатом процедуры государственной регистрации, признание вместо нее ее сугубо церковной, претендующей на подлинную легитимность, предопределило юридический аспект затянувшегося конфликта между епископатом и правительством. Сущность этого конфликта выразил К. Ф. Кршивицкий в письме к П. А. Столыпину. Генерал-губернатор полагал, что главная причина неконструктивного поведения католического духовенства заключается в том, что порядок перехода из православия «регулируется не законом, изданным в превентивном порядке, а лишь циркуляром по сему предмету МВД от 18 августа № 4628, носящим к тому же временный характер»³.

Объяснение, предлагаемое К. Ф. Кршивицким министру внутренних дел, представляется недостаточным. Вопрос о степени легитимности нормативного акта МВД не исчерпывал всей глубины возникшего конфликта. Следует указать на такой мотив поведения епископа, как демонстрация силы и влияния католического духовенства, его способности придавать своей *духовной* власти над паствой *политическое* измерение.

Однако содержание политических амбиций было теперь иным, нежели в 1863 г. Дело в том, что канонические полномочия, которыми обладал епископ по отношению к епархиальному духовенству, позволяли ему конструктивно решить вопрос о регистрации, не вызывая народных волнений. Католические епархии в Северо-Западном крае отличались высоким уровнем внутренней церковной сплоченности. Приходы, существовавшие среди православных общин, являлись эффективной формой организации религиозной жизни местных католиков, интегрируя представителей различных сословий и этнических групп в польскую конфессионально-этническую общность, что, правда, вызывало реакцию острого отторжения у литовской части населения⁴. Приходское духовенство, как правило, пользовалось авторитетом и безоговорочной поддержкой своей паствы. Выполнение нового канонического распоряжения епископа, после соответствующих разъяснений, в новых условиях религиозной свободы, не должно было вызвать в приходах значительных затруднений. На силу канонической дисциплины и рассчитывала администрация, вполне реально оценивая традиционную силу влияния католического духовенства в своих приходских общинах.

Социально-политические выступления и религиозно-этнические волнения, начавшиеся в 1905 г. в Северо-Западном крае, поставили администрацию в трудное положение.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 35.

² Новое время. 1906 г. 28 нояб.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 55.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1908. Д. 334. Л. 4.

К этому времени католическое население, подчиненное сильной духовной власти епископата и ксендзов, представляло собой организованную и достаточно управляемую религиозную общность, от поведения которой во многом зависела политическая и религиозно-этническая стабильность в этом регионе империи. Осознавая силу своего положения, укрепившегося в результате издания указа от 17 апреля, Манифеста от 17 октября 1905 г. и законов от 26 декабря 1905 г., расширивших права духовенства Католической церкви, фон Ропп мог настаивать на канонической интерпретации указа от 17 апреля в форме распоряжения от 21 апреля, вопреки правилам, принятым МВД.

Анализ официальной переписки фон Роппа дает определенное представление не столько о мотивах поведения этого церковного администратора, сколько о стиле его мышления. Подлинная мотивация поведения епископа представляется не столь однозначной, как она представлена в письмах к генерал-губернаторам.

Можно предположить, что неуступчивость епископа Эдуарда, в качестве одного из мотивов его конфронтационного отношения с властями по вопросу о введении государственной регистрации, могла быть продиктована отчасти опасением вызвать недовольство радикально настроенного духовенства и паствы своей епархии. Религиозное движение, инициированное указом от 17 апреля 1905 г., по мере своего развертывания сопровождалось ростом антиправославных и русофобских настроений. Как руководитель епархии и церковный политик, епископ Эдуард не мог не учитывать силу и влияние растущего церковного радикализма, его связь с польским и литовским этнонациональным движением. Сложность положения епископа заключалась в том, что в самой католической среде шла острая борьба между двумя «партиями» – польской и литовской¹.

В обстановке обострения межэтнических противоречий среди духовенства и мирян своей епархии выбор в пользу епископской фронды с целью защиты потенциальных католиков от миссионерских претензий Православной церкви, мог служить поддержкой авторитету фон Роппа. Более того, подобное политическое фрондерство, мотивированное стремлением добиться для Церкви максимальных уступок от правительства, было практически бесприоритетным. В случае смещения его с кафедры, пострадавший от российской власти иерарх приобретал бы в глазах духовенства и мирян епархии, ореол религиозного мученика.

Гораздо больше политической воли, социально-правовой ответственности, и добавим, подлинно христианского смирения, требовал иной выбор. По всей вероятности, он стал бы трудным и сложным политическим решением, который содержал несомненные риски для авторитета епархиальной власти. Однако это был бы возможный выход из сложившегося тупика, дававший шанс конструктивно решить вопрос о правовом положении присоединенных католиков в рамках правил, установленных государством. Однако альтернативное решение, ставшее упущенной возможностью, явно не сулило католическому иерарху ни политических, ни духовных дивидендов и могло лишь серьезно ухудшить его положение в епархии. Разумеется, что подобный исход дела никак не мог устроить политически амбициозного епископа Эдуарда с учетом той перспективы, которая открывалась перед ним после издания Манифеста от 17 октября 1905 г. Этот законодательный акт впервые открывал перед Католической церковью правовые и политические возможности для решения проблем, накопившихся в церковно-государственных взаимоотношениях.

В конце 1905 г. по инициативе фон Роппа была создана конституционно-католическая партия, ставившая своей целью объединить католиков на территории Литвы и Белоруссии

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 412. Л. 12. В начале августа 1906 г. католический священник Иосиф Амброжевич и несколько жителей г. Вильно подали прошение на имя генерал-губернатора К. Ф. Кршвицкого об учреждении ими «Союза для восстановления прав литовского языка в Римско-католической церкви в Литве» на основании ст. 17 Временных правил об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. 16 августа 1907 г. МВД утвердило этот Устав. См.: ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 411. Л. 8, 19–27.

во влиятельную политическую организацию. Мотивы политической активности этого церковного иерарха не укрылись от внимания виленского губернского жандармского управления, а следовательно, и от департамента полиции МВД. Начальник управления в январе 1906 г. усматривал причины вхождения епископа в политику как в особенностях личности самого фон Роппа, так и в совокупности внешних факторов, повлиявших на его решение.

«Виленский епископ фон Ропп по прибытии в г. Вильно в 1904 г. был враждебно встречен польским населением, которое не хотело признавать его своим пастырем, а считало правительственным чиновником, что ему было неоднократно высказываемо прихожанами. Будучи сторонником правительства, епископ Ропп в проповедях своих в костелах упрекал прихожан за то, что последние храм превратили в место политической арены, чем еще более вооружил их против себя. Отличаясь слабым характером и чувствуя тяжесть своего положения среди недружелюбно относящихся к нему поляков и литовцев, он подпал под влияние людей с более твердым характером и пользующихся авторитетом у прихожан. Под влиянием этих лиц он встал во главе недавно образовавшейся конституционно-католической партии Литвы и Белоруссии»¹.

По мнению министра внутренних дел П. Н. Дурново, «названное сообщество... представляется несомненно вредным по своей тенденции, как поставившее себе конечной целью, хотя и в условных выражениях, захват в свою власть управлением краем»². Если принять выводы, сделанные министром, в качестве обоснованных, можно заключить, что амбиции епископа простирались уже до уровня достижения подлинного политического «двоевластия» на территории Северо-Западного края. Правда, сама партия просуществовала совсем недолго и в начале марта 1906 г. была запрещена по указанию генерал-губернатора К. Ф. Кршвицкого³.

Идейной основой этой партии стал политический миф об исторически нетерпимом отношении российского государства к Католической церкви, которое не претерпело существенных перемен после указов от 17 апреля и 26 декабря 1905 г. В программе этой партии особо отмечалось: «Исповедуемая огромным большинством наша католическая вера служила главным поводом для угнетения и гонения. В этом... лежит... необходимость для нас соединиться и на будущее время на почве этой, до сих пор гонимой религии, которую мы защищали вместе в течение долгих лет. У нас отнимали наши костелы, упразднили монашеские ордена, стесняли духовенство, не давали католического просвещения и школы... На католической почве мы можем не только добиваться исправления понесенного ущерба в костеле и школе, но можем определить все наши нужды и хлопотать об удовлетворении их»⁴.

В области церковно-государственных отношений программа партии содержала ряд требований, выражавших общую позицию римско-католического духовенства и мирян: а) «возвращение закрытых и отобранных костелов, костельных имуществ и капиталов; б) свободной оседлости всяких религиозных корпораций, монашеских орденов, братств и т. п. в пределах общих положений о союзах; в) свободы епископской власти в назначении ксендза, при учреждении приходов, постройке костелов, каплиц, в созыве епархиальных и провинциальных синодов; г) упразднения Римско-католической духовной коллегии»⁵.

Осуществление этих требований должно было осуществляться в рамках законности, установленной Манифестом от 17 октября 1905 г., в соответствии с которой в Российской

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 59. Л. 17.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 395. Л. 61.

³ *Забайскі М. М. Расійская Дзяржаўная Дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.)*. Мінск, 1999. С. 23–24.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 59. Л. 2 об.

⁵ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 395. Л. 72–75, 113–114.

Всподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 128.

империи наряду с политическими свободами утверждались и «начала свободы совести». Для большей популярности среди населения партия использовала в своей программе многие положения программ других партий, прежде всего партии кадетов и социал-демократов. Объединяющим лозунгом был лозунг «Бог и отчизна»¹.

Объясняя мотивы, толкнувшие его к организации партии, сам епископ в газете «Виленские новости» уверял читателей в том, что «наблюдая за тем, как социалисты являются во всех деревнях организаторами восстаний, как помещики теряют в глазах населения всякое значение и как священнику, который выступает с поучением с амвона, приходится выслушивать от народа обвинения в двоедушии, наблюдая все это, я сказал себе: нужно попробовать вырвать народ из-под влияния социалистов, нужно обратиться к нему с программой, включающей в себя те требования, которые пока и не ясны для народа, но о которых ему непрерывно говорят социалисты»².

Если говорить об теоретических основаниях партийной программы, можно сказать, что социальные идеи фон Роппа и тех, кто его поддерживал, сложились под воздействием энциклики Льва XIII «*Rerum novarum*», предлагавшей христианское решение социальных проблем общества. Что же касается либеральных идей свободы совести, к которым обращался фон Ропп, то они противоречили сложившейся во второй половине XIX в. католической традиции, носившей резко выраженный антилиберальный характер. Достаточно вспомнить деятельность папы Пия IX. Изданный им «Силлабус» содержал «призыв к борьбе против любых форм либерального «прогресса», который предполагал развитие идей и правовой практики «свободы совести»³.

Последовательное отстаивание фон Роппом прав и интересов Католической церкви, которое выражалось в стремлении восстановить полноту епископской власти, даваемую каноническим правом, в настойчивом желании вернуть католичеству те позиции, которые были утрачены им в Виленской епархии после восстания 1863 г., создавало довольно сложные проблемы как для правительства, так и для местного православия. Отсутствие готовности к компромиссным решениям, склонность к идеологической, а не правовой интерпретации церковно-государственных проблем делали епископа трудным оппонентом для правительства. Но фон Ропп не был политическим врагом Российской империи. В этом смысле он существенно отличался от своего предшественника на Виленской кафедре епископа Адама Красинского, высланного М. Н. Муравьевым из края в 1863 г. Фон Роппа можно рассматривать скорее как политического оппозиционера, не способного, в силу личных свойств, мировоззрения, и сложившейся в епархии ситуации, к достижению конструктивного сотрудничества с правительством. И прежде всего в области правоприменения указа от 17 апреля 1905 г.

Выступавших в двух несовместимых для закона ипостасях – церковного иерарха и политического оппонента, Виленский епископ сохранял лояльность по отношению к

¹ *Мартюхова М. А.* На переломе революции: Общественно-политическое движение в Белоруссии в связи с учреждением Государственной Думы в России (август 1905 – июль 1906 г.) / под ред. Т. Е. Солодкова. Минск, 1986. С. 64–66.

² *Майзель Л. Н.* 1905–1907 гг. на Беларусі. Хроніка падзей. Мінск, 1934. С. 240.

Впрочем, администрация Виленской губернии довольно скептически относилась к попыткам католического духовенства воспрепятствовать росту революционного движения. Вот что писал по этому поводу губернатор Д. Н. Любимов в отчете императору за 1906 г.: «В некоторых местностях, населенных литовцами, ксендзы действовали в революционном направлении, но в большинстве приходов, стремясь охранить связанное с интересами р-к церкви благополучие помещиков-католиков, духовенство опытной рукой отвлекло послушную ему крестьянскую массу от аграрных беспорядков, но вместе с тем, воспользовавшись приподнятым настроением населения, придало движению национальные тенденции, направленные, главным образом, против православия и русского господства в крае». См.: ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 31. Л. 3.

³ *Лортыц Й.* История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей. Т. II. Новое время. М., 2000. С. 379.

российской монархии, стремясь максимально, порой с нарушением самого закона о веротерпимости, использовать новые правовые институты государства для достижения интересов Римско-католической церкви в Северо-Западном крае. Как христианин и глава епархии епископ отрицательно относился к проявлениям политического экстремизма, революционному террору и аграрным беспорядкам, которые были направлены на разрушение существовавшего социально-политического и экономического строя. Социальный консерватизм и монархические убеждения фон Роппа объективно делали его союзником правительства в борьбе с левыми политическими экстремистами, которые дестабилизировали ситуацию в крае в конце 1905 г.¹

Используя данное обстоятельство, епископ неоднократно напоминал генерал-губернатору А. А. Фрезе о том, что авторитет и действия руководимого им духовенства оказывают влияние на сохранение законопослушности основной части католического населения. Поэтому, как утверждал епископ, настойчивые попытки МВД добиться выполнения требований циркуляра от 18 августа могут лишь подтолкнуть католическое население епархии к участию в нарастающих антиправительственных выступлениях².

Складывалась довольно противоречивая ситуация, когда Виленский епископ, пользуясь представленной религиозной свободой, пытался навязать правительству свою субъективную интерпретацию указа от 17 апреля, не желая встраивать духовенство и паству своей епархии в тот общероссийский порядок регистрации, который предлагало МВД. Новые правовые возможности, открываемые для Католической церкви указом от 17 апреля и Манифестом от 17 октября 1905 г., позволили епископу в условиях реформ и революционных потрясений, используя символический капитал своей власти, выстраивать новую модель отношений с государством. Фон Ропп, как представитель высшей церковной бюрократии, пытался играть в регионе роль самостоятельного политического субъекта, в своих распоряжениях выходявшего за рамки действовавших правовых норм и требований государственной дисциплины. Однако такое открыто политизированное поведение католического иерарха и его прозелитически ориентированной правовой нигилизм не могли долго устраивать правительство. Действия епископа явно противоречили существовавшим правовым реалиям и нормам дисциплинарного поведения высокопоставленных государственных служащих. Достаточно напомнить, что указ от 17 апреля, как и Манифест от 17 октября, не вносил институциональных перемен в отношения между Католической церковью и российским государством. Ее правовой статус как объекта веротерпимости и государственного учреждения, непосредственно подчиненного МВД, оставался неизменным³.

Следовательно, существование элементов «двоевластия», сложившихся внутри «государственной церковности» после издания циркуляра от 21 апреля, могло носить лишь

¹ В связи с провокационными действиями революционеров к 22 октября 1905 г. в Вильно возникла опасность еврейского погрома. В целях предотвращения столкновения между христианским и еврейским населением, генерал-губернатор А. А. Фрезе обратился с воззванием к населению города о совместном противодействии всяким попыткам левых экстремистов дестабилизировать в нем мирную жизнь. Одновременно с генерал-губернатором к жителям города обратились с воззваниями архиепископ Никандр и епископ Эдуард фон Ропп, поддержанные главой старообрядческой общины А. М. Пименовым. Совместные действия администрации и представителей христианских конфессий и общин сумели предотвратить возможное столкновение. См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 4. Л. А. Л. 7–11.

² ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 19–20; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 326. Л. 44.

³ Статья 13 Свода учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных гласила: «В общем кругу управления государственного духовные дела христиан иностранных исповеданий и иноверцев ведаются министром внутренних дел». Свод законов Российской империи. Т.11, ч. 1. СПб., 1896. Указ Сената 15 мая 1906 г. подтвердил статус католического духовенства как государственных служащих. См.: ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 395. Л.166; РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 289.

временный характер. В условиях начавшейся стабилизации социально-политической и религиозно-этнической жизни этого западного региона империи они были уже недопустимы. Сложившееся к 1906 г. соотношение сил говорило о явной победе государства, добившегося установления политического контроля и правопорядка на территории всего Северо-Западного края. Поэтому политические амбиции епископа, по-прежнему пытавшегося своей канонической властью единолично решать проблемы перехода из православия в католичество, не в последнюю очередь повлияли на то, предел терпения правительства был исчерпан. У епископа фон Роппа, очевидно, не хватило пронизательности рассчитать или угадать ту грань, преступив которую, он сделал невозможным свое дальнейшее пребывание на Виленской кафедре.

Позиция, занятая епископом в этом вопросе, была неприемлема для министра внутренних дел. Исходя из государственной необходимости поддержания правопорядка в области изменений актов гражданского состояния, П. А. Столыпин последовательно и настойчиво, в том числе и на законодательном уровне, отстаивал положение о необходимости участия административной власти в контроле над переходом из одного вероисповедания в другое¹.

Политическая воля, которую на протяжении многих лет проявляло правительство в утверждении общероссийской процедуры переходов из православия, диктовалась не только мотивами правового характера. При этом также преследовалась цель не допустить проявлений религиозного насилия в отношении совести лиц, делавших религиозный выбор. По мнению МВД, высказанному в апреле 1914 г., издание «правил 18 августа 1905 г., основанных на высочайше утвержденном 25 июня Положении Комитета министров, внесло известный порядок в дело переходов православных в католичество, и не мало содействовало удержанию в православии лиц, принуждаемых к перемене веры фанатиками католицизма»².

5. Проблемы применения циркуляра от 18 августа 1905 г. в белорусских губерниях

Несколько иначе складывалась ситуация с выполнением циркуляра МВД в белорусских губерниях – Минской, Могилевской и Витебской, которые входили в состав Могилевской римско-католической архиепископии. В этих губерниях процесс правоприменения указа от 17 апреля 1905 г., а так же как и в Северо-Западном крае, начался с церковного нормотворчества. Могилевский римско-католический митрополит Георгий Шембек, учитывая стихийно начавшуюся практику переходов из православия, 2 мая 1905 г. издал циркулярное распоряжение настоятелям и администраторам архиепархии и Минской губернии.

В этом документе митрополит дифференцировано подошел к процедуре принятия в католичество. Лица, которые числились православными, но никогда не принимали таинств Православной церкви, при изъявлении желания перейти в католичество, записывались в приходские списки без проволочек. Относительно православных, изъявивших такое же желание, действовал следующий порядок. Священнику следовало убедиться, что «данное лицо по собственному желанию, без малейшего принуждения, обращается к вам». Заявление просителя следовало принимать в присутствии двух свидетелей-католиков, которые

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 194 об.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 75 об.

должны были расписаться в особой графе. Священнику предлагалось «проверить, знает ли данное лицо основные начала Католической веры и в случае незнания, оное поучить».

Дети, не достигшие 14-летнего возраста, записывались в приходские списки вместе с родителями, принявшими католичество. Митрополит предупреждал священников, что в случае, «если только один из супругов пожелает принять Католическую веру, не записывать детей, которые... до совершеннолетия должны оставаться в вере другого супруга». Лица, изъявившие перейти в католичество на указанных условиях, заносились в особую книгу, выписи из которой должны были ежемесячно предоставляться митрополиту.

Окончательное решение о причислении новообращенных католиков к приходу принимал митрополит. В циркуляре особо оговаривалось: «Так как относительно смешанных браков гражданский закон остается в прежней силе, придерживаться строго правил, соблюдаемых донныне»¹.

Циркуляр митрополита Шембека, как и аналогичные распоряжения епископов Северо-Западного края, не предусматривал участия государственной власти в процедуре перемены вероисповедания, целиком сосредоточив процедуру в автономных рамках Могилевской архиепархии. Следует отметить, что положения этого церковного циркуляра не противоречили нормам указа от 17 апреля 1905 г., оперативно предлагая порядок принятия православных в католичество в связи с отсутствием соответствующего государственного правового механизма.

Митрополит Шембек скончался 26 июля 1905 г. указом императора управляющим Могилевской римско-католической архиепархией был назначен прелат Стефан Денисевич. То, что преемником митрополита на Могилевской кафедре стал временно управляющий в сане священника, а не епископа существенно снижало вероятность личной активной борьбы за утверждение «двоевластия» в интерпретации указа 17 апреля 1905 г. В новых властных отношениях, установившихся в архиепархии, были свои особенности. Прелату Денисевичу предстояло действовать в условиях, когда основы такого «двоевластия» уже были заложены митрополитом Шембеком в распоряжении от 2 мая 1905 г. Следовательно, перед священником, управляющим архиепархией, стоял выбор: либо следовать каноническому распоряжению своего предшественника, либо принять к исполнению циркуляр МВД от 18 августа 1905 г.

О том, какой выбор сделал прелат Денисевич, и о социально-правовых последствиях этого выбора становится ясным из анализа событий, вызванных практикой правоприменения циркуляра от 18 августа 1905 г. в белорусских губерниях.

В Минской губернии, занимавшей второе место после Виленской по количеству «упорствующих», процесс перехода из православия в католичество начался стихийно, непосредственно после издания указа от 17 апреля. Уже 2 мая 1905 г. жители местечка Логишин Пинского уезда обратились к Минскому епископу Михаилу с просьбой, чтобы на основании указа от 17 апреля было сделано распоряжение об исключении их из списков православных прихожан. Не получив указаний о правилах применения указа, Минская православная духовная консистория предложила свой практический вариант процедуры перехода из православия в местах наибольшего сосредоточения «упорствующих».

На основании прошения логишинцев в консистории был создан бюрократический механизм, позволивший, не ожидая решения правительства, реализовать положения указа о веротерпимости. 5 мая 1905 г. Минская духовная консистория приняла прагматическое решение: «Так как со времени присоединения к Православной церкви в 1866–1870 годах бывшие в разных приходах епархии римско-католики в настоящее время не вошли в действительное единение с Церковью и составили во многих приходах епархии, а в том числе и в Логишинском, особую группу так называемых «упорствующих», дальнейшее увещание которых является бесполезным, консистория полагает поручить священнику Логишинской церкви Пинского уезда Ф. Роздяловскому точно установить семейства «упор-

¹ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 192. Л. 1.

ствующих» в приходе, которые уже перешли в католичество и внесены в списки подлежащего костела, копию с которых затребовать от ксендза этого костела, и представить в консисторию на распоряжение об исключении их из списков прихожан Логишинской церкви»¹.

Предложенный консисторией бюрократический механизм решения проблемы «упорствующих» начал активно применяться на практике, так как растерянное духовенство Минской епархии просило свое начальство о разъяснении действий по отношению к отпадающей в католичество пастве.

Вслед за логишинской эпопеей завершилась драматическая история «упорствующих» местечка Медведичи и его окрестностей. 15 июня священник Голдовичской церкви Слуцкого уезда Владимир Бобрыкин обратился в консисторию с прошением об исключении из исповедных росписей своей Церкви крестьян деревень Русиновичи, Медведичи, Смалеников, Жарских, Гончаров, Мазурок, Городище и Куршинович, которые присоединились к Римско-католической церкви. Он сообщал своему начальству, что прежде эти крестьяне упорствовали в католичестве, а только числились православными. Сейчас же, после указа от 17 апреля они присоединились к Римско-католической церкви². Как видно, по отношению к этой категории «упорствующих», формально пребывавшими в православии на протяжении многих лет, местная консистория не прибегала к практике увещаний, справедливо полагая их практическую безрезультатность. Считая себя «искони» католиками, жители Медведичской волости после издания указа от 17 апреля стали, наконец, открыто пользоваться требами у ксендзов³.

Однако установленные в Минской духовной консистории бюрократические процедуры регистрации лиц, отпавших из православия, не были эффективными. Как и в других епархиях Северо-Западного края, местное духовенство столкнулось с трудностями установления количества и идентификации лиц, перешедших в католичество. По сообщениям благочинных в ряде округов Новогрудского уезда «переходы в латинство совершаются секретно от православных священников, поэтому точные цифры отступивших от православия пока указать невозможно»⁴. В других же уездах число перешедших в католичество фиксировалось приходским духовенством с относительной точностью.

Но и такая практика длилась недолго. Действие епархиальных канонических процедур как православных, так и католических, должно было формально прекратиться с 18 августа 1905 г. Во всяком случае, для православного духовенства и консистории Минской епархии. Для католического же духовенства предложенный правительством правовой механизм регистрации переходов из православия был формально введен в действие в сентябре 1905 г., когда циркуляр от 18 августа был объявлен прелату Денисевичу.

Последний, получив циркуляр МВД не из «Министерства внутренних дел, а из Римско-католической духовной коллегии, и притом не для исполнения и опубликования, а лишь для сведения, и с другой стороны, найдя, что сказанный циркуляр не представляет собой закона, надлежаще опубликованного, и что при этом он преподан в руководство лишь губернаторам, не счел возможным объявлять его подведомственному р-к духовенству»⁵.

В перечень мотивов, которыми руководствовался прелат Денисевич, так, как он был изложен автором записки в Совет Министров А. Мейштовичем, не включен, пожалуй, главный. Это не высказанное прямо нежелание, чтобы православное духовенство, согласно циркуляру МВД, принимало участие в увещании лиц, отпадавших от православия. В конечном итоге выбор прелата Денисевича был сделан, и переходы из православия в

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37171. Л. 1–2, 113.

² Там же. Л. 33.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7371. Л. 456.

⁴ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37177. Л. 110 об, Л. 338, Л. 340.

⁵ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 675.

католичество продолжали осуществляться в архиепархии на основе процедуры, установленной митрополитом Шембеком 2 мая 1905 г.

Следует сказать, что количество лиц, отпавших от православия в Минской губернии, было довольно внушительным. Меры, предпринятые Минской духовной консисторией, позволили определить их точное число. По сведениям епископа Михаила, с момента издания указа о веротерпимости, все так называемые «упорствующие», всего 12 901 душа обоего пола в течение 1905–1906 гг. возвратились в католицизм. После этого количество отпаденый от православия существенным образом сократилось¹.

Все эти лица, ставшие теперь католиками по каноническим правилам своей Церкви, не прошли процедуру регистрации, установленную правительством. Красноречивым подтверждением того, что распоряжение митрополита Шембека от 2 мая 1905 г. продолжило действовать в Могилевской архиепархии, служат следующие факты. В феврале 1915 г. МВД, разрабатывая проект новых Правил перехода из православия, обратилось к минскому губернатору, чтобы срочно были сообщены сведения о количестве переходов из православия в католичество за период с издания циркуляра МВД по декабрь 1907 г.

По сведениям, предоставленным Минской духовной консисторией, выяснилось, что за указанный срок случаев переходов из православия в католичество с соблюдением требований циркуляра от 18 августа было всего три².

Получалось, что и в Минской губернии, как и в губерниях Северо-Западного края, правила МВД для католического духовенства, благодаря позиции, занятой прелатом Денисевицем, не имели никакого практического значения.

Что же касается переходов из православия в иные конфессии, то порядок, введенный МВД, не встречал никаких препятствий со стороны их священнослужителей. Практика подачи прошений о переходах из православия в иудаизм и протестантизм, наиболее распространенная в крае после случаев принятия католичества, свидетельствует, что после издания циркуляра от 18 августа желавшие покинуть господствующую Церковь действовали по правилам, установленным МВД. По отношению к этим лицам духовенство Православной церкви смогло без затруднений применять указы Синода по реализации положений закона от 17 апреля 1905 г.

Первый из этих указов был издан 14 июня 1905 г. В соответствии с ним Святейший Синод признал необходимым, чтобы «все лица, обращающиеся с просьбой об исключении их из числа православных, не прежде были исключаемы из списков православных, как по предварительном увещании их оставаться верными Православной церкви»³.

Этот порядок не изменился с изданием указа Святейшего Синода от 14 декабря 1905 г. На практике он выглядел следующим образом. Минский губернатор, после получения прошения, «руководствуясь циркуляром МВД от 18 августа 1905 г. № 4628, а также указом Святейшего Синода от 14 декабря 1905 г. № 12», направлял его Минскому епископу «для преподания названному лицу в течение месячного срока пастырских увещаний»⁴.

Этот механизм, исправно действовавший в отношении выбора в пользу иудаизма или протестантизма, в отношении переходов в католичество далеко не сразу был принят римско-католическими священниками.

Весной 1906 г. в МВД начали поступать сведения, что принятая Могилевской римско-католической консисторией процедура присоединения православных к католичеству противоречит циркуляру МВД от 18 августа 1905 г. Согласно порядку, установленному консисторией, губернаторам направлялись списки лиц, присоединенных к католичеству, для передачи их православным епархиальным управлениям. Тем самым правила государ-

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37367. Л. 36.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37171. Л. 164–166.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37367. Л. 93.

⁴ Там же. Л. 128.

ственной регистрации откровенно игнорировались, а православное духовенство устранялось из процедуры, предусмотренной правительством.

Поэтому в апреле 1906 г. МВД потребовало от Денисевича «разъяснить подведомственному вам р-к духовенству необходимость строгого выполнения установленных министерством правил»¹. Аналогичное требование было направлено прелату и в июле того же года. Однако каких-либо изменений в действиях римско-католического духовенства Минской губернии не последовало. Более того, Могилевская римско-католическая консистория, посылавшая губернаторам списки лиц, присоединенных к католицизму для передачи их православным епархиальным архиереям, прекратила эту практику в конце августа 1906 г. Причиной таких действий стали настойчивые требования губернаторов о необходимости соблюдения процедуры государственной регистрации².

Тогда 15 сентября 1907 г. П. А. Столыпин вынужден был еще раз напомнить Денисевичу о том, что «Римско-католическое духовенство Минской губернии при принятии лиц, исповедующих православие в р-к веру, не выполняют правил, установленных по сему предмету циркуляром МВД от 18 августа 1905 г. № 4628, и совершают таковые принятия совершенно произвольно, без ведома гражданской и православной духовной власти, обязанной по смыслу приведенного циркуляра обращаться с пастырскими увещаниями к отпадающему от православия. При этом ксендзы в оправдание свое ссылаются на незнание и на неимение у них преподанных министерством правил о порядке переходов православных в католичество... Я нахожу, что р-к духовенство Минской губернии является, безусловно, виновным в неисполнении законных требований правительственной власти. Циркуляр МВД от 18 августа 1905 г. основан на высочайше утвержденном Положении Комитета министров и обязателен для всего р-к духовенства Российской империи, коему он и был объявлен через епархиальных начальников, в том числе и при посредстве вашего высокопреподобия 8 сентября 1905 г. за № 4801... Этот циркуляр подлежит точному и неуклонному исполнению»³.

Все же справедливости ради стоит отметить, что вина за невыполнение правительственных распоряжений ложится в первую очередь на прелата Денисевича, который не довел по известным мотивам указанный циркуляр для руководства приходскому духовенству. Вскоре римско-католическое духовенство на себе ощутило негативные последствия пассивного сопротивления распоряжениям МВД, которое оказывал управляющий Могилевской архиепархией.

Когда в ноябре того же года П. А. Столыпину стало известно, что настоятель Слуцкого костела ксендз В. Грашис и викарный Новоградского костела ксендз А. Болтуць нарушили установленные МВД правила о переходе из православия в католичество, он потребовал от Денисевича «перевести названных ксендзов на худшие приходы другой губернии». При этом министр внутренних дел ссылался на то, что «циркуляр этот должен быть известен р-к духовенству Могилевской архиепархии, так как вашему высокопреподобию неоднократно было поручаемо разъяснить подведомственному вам р-к духовенству необходимость строгого выполнения установленных министерством правил»⁴.

Для того чтобы лишить римско-католическое духовенство Минской губернии, включая и управляющего архиепархией, возможности найти оправдания своим противоправным действиям, ссылаясь на неведение, и заставить их, наконец, подчиниться распоряжению МВД, в начале декабря 1907 г. минский губернатор Я. Е. Эрдели препроводил прелату Денисевичу 60 экземпляров циркуляра для распределения среди настоятелей

¹ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 192. Л. 138 об.

² РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 193. Л. 233.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 164–165.

⁴ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 192. Л. 138 об.

костелов с наказом «в точности соблюдать установленный порядок перехода православных в католичество»¹.

Однако правонарушения в Минской губернии не прекратились. Настоятель Клецкого костела В. Герасимович в феврале 1908 г. присоединил к католичеству двух православных крестьянок без соблюдения правил 18 августа, обвенчав затем этих девиц с католиками. Обвиняемый в нарушении пунктов 1–4 статьи 93 Уголовного уложения, ксендз Герасимович ссылался на то, что он якобы несвоевременно получил циркуляр, чем всячески затягивал начатое против него судебное расследование².

Ксендз Свислочского костела Бобруйского уезда уверял, например, в том же 1908 г., крестьянку Е. Луцевич, что увещания православного священника «пустое дело, равно как и поданное минскому губернатору прошение»³. Бывали случаи, когда лица, подавшие губернатору прошение о переходе в католичество, будучи вызываемы для увещания священником, скрывались в течение месячного срока. Столкнувшись с подобной практикой, некоторые православные священники предлагали консистории, чтобы таких лиц доставляли для увещания в волостное правление с помощью десятских⁴.

Для увещания своей отпадающей паствы православные священники прибегали иногда к некорректной аргументации, которая сводилась к тому, чтобы запугать отпадавших, а не убедить их в правоте православия. Вот, например, что говорил подавшей заявление о переходе в католичество бедной крестьянской девице Екатерине Патук священник Новогрудского уезда Стефан Очановский: «Удаляясь из православия в католическую ересь, она совершает страшный грех, что ей грозит вечная гибель, что она становится врагом царя и всей России и навлекает на себя вечное проклятие». Устрашения, сделанные священником, оказались напрасными. Как выяснилось, оставить православие и выйти замуж за католика, требующего перехода в свою веру, ее вынуждает «крайняя нужда». Раздосадованный священник написал в консисторию, что Екатерина Патук временную выгоду предпочитает вечному спасению, за что ее следует подвергнуть анафеме⁵.

Впрочем, попытки увещаний по-прежнему вызывали неприятие католического духовенства. Нередки были случаи, когда сами ксендзы или их подчиненные, стремясь ускорить переход из православия, писали заявления на имя губернатора за своих будущих прихожан, в то время как последние в течение указанного срока всячески избегали встречи с православным священником⁶.

В целом, несмотря на отдельные нарушения, можно сказать, что римско-католическое духовенство Минской губернии вынуждено было подчиниться требованиям циркуляра от 18 августа 1905 г. По словам минского губернатора А. Ф. Гирса: «Только после категорического и определенного указания со стороны МВД о грозящей католическому духовенству строгой ответственности за неисполнение правил 1905 г., с 1909 г. ксендзы начинают быть сдержанными и осторожными»⁷.

Этому в немалой степени способствовало издание циркуляра от 10 октября 1908 г. за № 5370, сделанное под нажимом МВД, управляющим Могилевской архиепархией Стефаном Денисевичем. В соответствии с этим распоряжением желавшие покинуть господствующую Церковь должны были неукоснительно выполнять правила регистрации переходов, указанные МВД от 18 августа 1905 г.⁸. Теперь духовенство обязано было вы-

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7494. Л. 40.

² Там же. Л. 30, 40.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37360. Л. 106.

⁴ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37359. Л. 57, 104, 157.

⁵ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37276. Л. 33.

⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37391. Л. 8, 122; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37359. Л. 220; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37276. Л. 83, 203.

⁷ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 29.

⁸ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 193. Л. 64.

полнять государственные требования по регистрации переходов в католичество, подчиняясь канонической дисциплине своей Церкви.

Вместе с тем могло показаться, что строптивый прелат Денисевич выполнил, наконец, настойчивые требования правительства. Но это не совсем так. Духовенству не была доведена до сведения заключительная часть циркуляра МВД, требующая регистрации переходов *состоявшихся до 18 августа 1905 г.* Сделанное прелатом Денисевичем умолчание существенного требования министерского распоряжения не могло не иметь последующих негативных последствий, как для римско-католического духовенства, так и для его паствы.

Проблемы, созданные прелатом, пришлось решать его преемнику, митрополиту В. Ключинскому, поставленному на Могилевскую кафедру в марте 1910 г.

В результате уклонения Денисевича от введения государственного порядка регистрации, часть лиц, присоединенных к католичеству в период с 17 апреля 1905 г. по 10 октября 1908 г., не была исключена из списков Православной церкви. Митрополит Ключинский, не желая оставлять вопрос о незарегистрированных католиках без правового оформления, циркулярным распоряжением подведомственному ему католическому духовенству Могилевской архиепархии и Минской епархии от 22 ноября 1913 г. за № 5984 объявил об изменении порядка присоединения православных к Римско-католической церкви¹.

Этот документ с правовой точки зрения имел двойственный характер. С одной стороны, циркуляр преследовал цель восстановить законный характер всех переходов в католичество, которые произошли на территории архиепархии в наиболее сложный для рецепции указа от 17 апреля период. Во-первых, с 17 апреля по 18 августа 1905 г. и, во-вторых, с 18 августа 1905 г. по 10 октября 1908 г. все лица, не прошедшие за это время процедуру регистрации, должны были по указанию митрополита «применяться к порядку перехода, указанному в министерском циркуляре»².

Конструктивное решение митрополита обязывало духовенство архиепархии принять участие в упразднении негативных социально-правовых последствий для своих прихожан, которые присоединились к Церкви до введения в действие циркуляра прелата Денисевича. «Заведомо православные» должны были стать католиками на законном основании, т. е. по актам состояния.

Для того чтобы духовенство осознало силу правовой ответственности, наступавшую в результате нарушения циркуляра МВД, Ключинский напомнил ему о деле ксендза В. Зенкевича. Оно заключалось в следующем. Виленская судебная Палата утвердила приговор Минского окружного суда, согласно которому ксендз Зенкевич был признан виновным в том, что во вверенном ему костеле обвенчал заведомо православных И. Барковского, М. Зеберо и И. Навроцкого с лицами р-к исповедания, прежде совершения браков православным священником. За это ксендз был присужден на основании 4 п. 93, 1 п. 94, 24, 53, 59 и 60 ст. Уголовного уложения к денежной пене в размере 100 рублей с заменой арестом на 1 месяц в месте, указанном его начальством, и сверх того удалением от церковной должности на 6 месяцев³.

Главный вывод, вытекающий из указанного дела, заключался в четком правовом определении, кто является *«заведомо православным»*. Согласно определению статьи 93, «заведомо православными» следовало называть тех, кто по актам своего состояния значится православным или должен быть крещен и воспитываем в православной вере. Поэтому числящиеся по актам состояния православными должны считаться заведомо православными до тех пор, пока они не будут по актам состояния перечислены в другое

¹ Нивич Я. Новый поход против православия // Вестник Виленского православного Св. Духовского братства. 1914. № 4. С. 62–63.

² РГИА, Ф. 826. Оп. 3. Д. 193. Л. 185 об.

³ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 308.

вероисповедание. И хотя, согласно 1 п. указа от 17 апреля 1905 г., отпавшее по достижении совершеннолетия от православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало, но перечисление его по актам состояния в другое исповедание может последовать лишь в установленном для этого законом порядке.

Таким образом, без соблюдения порядка, указанного циркуляром МВД, православные продолжали числиться таковыми по актам состояния, т. е. должны быть признаваемы «заведомо православными». Инославные духовные лица за совершение браков этих лиц подлежали ответственности по 4 п. 93 и 94 ст. Уголовного уложения. Они не могли быть избавлены от ответственности на том основании, что, согласно каноническим правилам своих церквей, считали принадлежащими к ним тех лиц, которые числились православными. Правительствующий Сенат решением от 4 февраля 1910 г. утвердил обвинительный приговор ксендзу Зенкевичу¹.

С другой стороны, циркуляр от 22 ноября 1913 г. вносил принципиальное новшество в установленный порядок присоединения к католичеству. В соответствии с действовавшей процедурой, присоединение к католичеству считалось канонически состоявшимся лишь после того, как над лицом, подавшим заявление губернатору, ксендз совершал обряд присоединения к Церкви. Этот акт священнодействия и знаменовал собой принятие желающим католичества. Затем тот же ксендз, совершивший чин присоединения по распоряжению своего епархиального архиерея, сообщал об этом архиерею для уведомления губернатора о состоявшемся переходе, чтобы новообращенное лицо юридически, т. е. по актам состояния, считалось католиком. Теперь же, согласно новому циркуляру, решение о присоединении желающих к католичеству должно было принадлежать только архиепископу. О своем решении архиепископ уведомлял губернатора, который, по заведенному ранее порядку, отдавал соответствующие распоряжения относительно изменений в актах состояния лиц, принявших католичество². Поэтому В. Ключинский отменял данное им 25 сентября 1913 г. распоряжение духовенству Минской губернии о том, чтобы последние уведомляли губернские власти о состоявшемся присоединении православного к католичеству.

Казалось бы, административная санкция архиепископа, заменявшая, по существу, силу священнодейственного акта, означавшего по каноническим нормам Церкви присоединение к ней, является мерой по рационализации сложной процедуры присоединения. Сокращалось количество инстанций при прохождении заявлений, следовательно, уменьшалось и количество бюрократической переписки между государственными и церковными учреждениями. Однако новый упрощенный порядок взаимоотношений между духовными и государственными ведомствами, введенный архиепископом Ключинским, встретил решительное противодействие со стороны Православной церкви. В рационализации процедуры присоединения к католичеству «господствующая» Церковь увидела реальную угрозу своим интересам. Предписания архиепископа в первую очередь были расценены как попытка нейтрализовать карательные статьи закона, охранявшего православную паству от посягательств инославного духовенства. И для этого были серьезные основания.

Так, например, во всех случаях незаконного присоединения к католичеству православных (малолетних детей до 14 лет при одном православном родителе, несовершеннолетних – от 14 до 21 года) распоряжение архиепископа практически освобождало от уголовной ответственности ксендзов, к которым можно было предъявить обвинение по

¹ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 312.

² РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 192. Л. 146.

ст. 93 Уголовного уложения. Действие этой статьи как раз и было направлено против такого рода проступков инославного духовенства¹.

Получив от архиепископа извещение о принятии в католичество лиц, подавших заявление губернатору, ксендз мог теперь вопреки закону осуществлять над ними обряд присоединения (миропомазание несовершеннолетних, допущение их к исповеди и причащению, крещение ребенка и другие священнодействия). После решения архиепископа, акты священнодействия «знаменующие принятие в инославную христианскую веру», караемые по 93 статье Уголовного уложения в случае нарушения закона, с юридической точки зрения принимали легальный характер. Привлечь же к уголовной ответственности по статье 93 самого архиепископа для российского суда было практически невозможно. Ведь с формальной точки зрения никаких священнодействий, перечисленных в этой статье и определявших состав преступления, архиепископ не совершал. Он присоединял православного к католичеству сугубо бюрократически – путем наложения положительной резолюции на заявление, которое было направлено ему губернатором. Кроме того, архиепископ и митрополит всех римско-католических церквей в Российской империи по своему сану причислялись к высшим государственным чинам. Администраторы такого ранга привлекались к ответственности за преступления по должности верховным судом только в особом порядке. Судить же архиепископа на основании общих законов едва ли представлялось возможным.

Это был очень сильный юридический ход. В случае нарушения закона, от уголовной ответственности уходили и сам архиепископ, и подведомственное ему духовенство. Статья 93 Уголовного уложения, охранявшая права «господствующей» Церкви, теперь должна была действовать вхолостую, стать на деле «*Legem imperfectam*». Таким образом, циркулярное распоряжение архиепископа фактически устанавливало приоритет канонического права перед российским законодательством. На практике это означало расширение возможностей для перехода из православия в католичество вопреки ограничениям, налагаемым законом².

Одновременно появлялась перспектива частично парализовать миссионерские усилия православного духовенства, и даже возможность «зачисления» в католичество, помимо воли самого «отпадавшего» лица. Такая ситуация возникала, если православные, подавшие заявление о переходе, под воздействием уговоров приходского священника раскаивались

¹ Статья 93 гласила: «Духовное лицо инославного христианского вероисповедания, состоящее в сане священнослужителя или в звании настоятеля или наставника старообрядческого согласия или сектантской общины, виновное:

- 1) в совершении по своим обрядам над заведомо православным, не достигшим совершеннолетия, конфирмации, миропомазания или иного священнодействия, знаменующего принятие в инославную христианскую веру, или в совершении по своим обрядам или в допущении совершения крещения ребенка, заведомо подлежащего крещению по правилам веры православной;
- 2) допущении к исповеди заведомо православного, не достигшего совершеннолетия, или в причащении его, или в совершении над ним елеосвящения по обряду своего вероисповедания;
- 3) преподавании катехизиса своего вероисповедания не достигшему совершеннолетия лицу заведомо православного исповедания;
- 4) совершении брака лица инославного вероисповедания с лицом заведомо православного исповедания прежде совершения брака православным священником, наказывается денежной пеней не свыше *трехсот* рублей. Сверх того, виновный, в случае, пунктом 1 сей статьи указанном, удаляется от занимаемой должности на время от *трех* месяцев до *одного* года, а при повторении – на время от *одного* года до *трех* лет или навсегда; в случае повторения проступков, пунктами 2 или 3 сей статьи указанных, – на время от *трех* месяцев до *одного* года, а в случае повторения проступка, пунктом 4 сей статьи указанного, – на время от *трех* до *шести* месяцев. См.: Уголовное уложение // Свод законов Российской империи. Т. 15. Пг., 1916. Ст. 93.

² Нивич Я. Новый поход против православия // Вестн. Виленского Св. Духовского братства. 1914. № 4. С. 64.

в своем замысле. Но если раскаявшиеся запаздывали известить об этом губернатора в отпущенный месячный срок, резолюция архиепископа автоматически вступала в силу, и по актам состояния такой человек юридически становился католиком.

Введение упрощенной процедуры присоединения к католицизму встретило положительный отклик в Минской губернии. В первый же месяц 1914 г. на имя минского губернатора поступило свыше 400 заявлений о намерении перейти в католицизм. По сведениям полиции предполагался еще более значительный рост желающих оставить «господствующую» Церковь. Религиозное движение, вызванное циркуляром архиепископа, не прошло незамеченным. Оно с самого начала стало расцениваться духовенством как «крайняя опасность для православия». Уже 23 января 1914 г. Минская духовная консистория издала указ, в котором оповещало священников «об этих кознях латинства в целях окатоличения и ополячения белорусского населения». Консистория обязала их «самым широким образом осведомить прихожан, путем, во-первых, пастырского слова с церковного амвона и, во вторых, нарочитых и обязательных в ближайшие же дни посещений всех деревень своего прихода для разъяснений... создавшегося положения и его опасности»¹.

Попытка архиепископа Викентия Ключинского присвоить себе исключительное право установления момента, с которого православный должен считаться католиком, а также фактическое освобождение от уголовной ответственности ксендзов, нарушавших требования ст. 93 Уголовного уложения, встретила негативную реакцию Православной церкви. По решению митрополита 28 апреля 1914 г. действие циркуляра от 22 ноября 1913 г. было отменено².

Известные трудности встретило на практике и требование митрополита о государственной регистрации лиц, перешедших в католицизм в период с 17 апреля 1905 г. по 10 октября 1908 г. Эти лица, в установленном циркуляром порядке, подавали прошения на имя губернатора. При этом, по сведениям Могилевской римско-католической консистории, «поступившие к губернскому начальству массовые заявления о регистрации вызвали для лиц, пожелавших произвести регистрацию, прискорбные последствия. Их стали подвергать всевозможным допросам и дознаниям, от них стали требовать указать, кто писал прошения, кто уговаривал, не влиял ли на это р-к священник, где исповедовались и причащались и т. п... перешедших стали увещевать «не переходить в католицизм», к которому они принадлежат уже много лет»³.

Митрополит Ключинский, стремясь юридически закрепить за Католической церковью всех, кого эта Церковь канонически считала принадлежавшими к ней в результате переходов из православия с 17 апреля 1905 г. по 10 октября 1908 г., предложил МВД следующий проект. 5 мая 1914 г. митрополит приказал Могилевской консистории составить списки всех лиц, перешедших в католицизм по 45 приходам Минской губернии в указанный период, юридически заверить их, и послать губернатору для передачи православной консистории⁴.

Предполагалось, что лица, перешедшие из православия в католицизм до октября 1908 г., будут исключены из списков православных приходов и оставлены в католицизме без соблюдения каких-либо формальностей. Результат оказался предсказуемым. Все списки были возвращены митрополиту «за отсутствием в этих списках надобности для губернского начальства». А МВД со своей стороны 29 июня 1914 г. уведомило митрополита, что препровожденным им минскому губернатору спискам нельзя придавать какое-либо юридическое значение и что никаких распоряжений относительно признания католиками

¹ Нивич Я. Новый поход против православия // Вестник Виленского Св. Духовского братства. 1914. № 4. С. 65.

² РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 443.

³ Там же. Л. 682, 626.

⁴ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 135. Л. 1–63.

лиц, поименованных в указанных списках, последовать не может, впредь до выполнения ими требований циркуляра от 18 августа¹.

Таким образом, попытка В. Ключинского навязать правительству каноническое решение, принятое митрополитом Шембеком 2 мая 1905 г., которое стало неправомерным после 18 августа 1905 г., как и следовало ожидать, не увенчалась успехом.

Что касается «прискорбных последствий», наступавших для тех, кто подавал губернатору заявление о регистрации, то причинами таковых стали сведения о нарушениях положений указа о веротерпимости и государственных правил перехода из православия в католичество, поступавшие в местную администрацию. В связи с этим уездные исправники Минской губернии выработали методику, с помощью которой местная полиция должна была расследовать дела такого рода. Для этого приставам следовало изучить метрические записи православного и католического приходов, отметки о вероисповедании в посемейных списках, приложив к дознанию точную копию записей в книгах этих приходов. Необходимо было узнать, кто из ксендзов совершил обряд присоединения и не было ли оказано на подследственного воздействие с целью перехода в католичество со стороны духовенства этой Церкви. Выяснялось также, исключен ли «заведомо православный» из православных метрических списков и на основании какого распоряжения консистории. В случае выявления правонарушений, материалы расследования передавались в Минский окружной суд².

Примером такого разбирательства служит дело Анны Жданович, присоединенной к католичеству в Блонском костеле ксендзом Войтекунасом. Дети Анны, Иван и Ольга, перешли в католичество без соблюдения требований циркуляра 18 августа и поэтому юридически считались «заведомо православными»³. На основании материалов полицейского расследования, переданного губернатором А. Ф. Гирсом прокурору, Анна Жданович в марте 1914 г. была предана суду по ст. 89 Уголовного уложения⁴.

Администрация губернии в лице А. Ф. Гирса довольно низко оценивала эффективность судебной власти в борьбе с нарушениями требований циркуляра от 18 августа со стороны мирян и католического духовенства. Оценивая результаты этой борьбы, А. Ф. Гирс писал в МВД: «Правительственной власти пришлось прибегнуть для защиты закона к репрессивным мерам. Стали возникать судебные дела, которые тянулись по 2–3 года, и хотя в некоторых случаях суд выносил обвинительные приговоры, наказание за давностью срока теряло всякое значение. Тогда Министерство юстиции циркуляром на имя председателей судебных палат и окружных судов потребовало внеочередного рассмотрения сих дел. Циркуляр оказался благотворным, и в 1911–1912 гг. вредная деятельность ксендзов несколько ослабела»⁵.

Однако, по мнению А. Ф. Гирса, начавшиеся позитивные перемены в поведении католического духовенства были остановлены «всемилодиейшим Манифестом 21 февраля 1913 г.», в соответствии с которым «почти по всем делам о нарушении ограждающих веру постановлений, дарована была амнистия». Освободившись от многочисленных обвинений, католическое духовенство снова начало вести в своих приходах противоправную

¹ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 683–684.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8464. Л. 1.

³ Там же. Л. 3 об.

⁴ Родитель или опекун, обязанный по закону воспитывать своего или находящегося под его опекой, не достигшего *четырнадцати* лет, малолетнего в правилах православной веры, виновный в крещении или приведении его к иным таинствам другого христианского вероисповедания, наказывается: заключением в крепости на срок не свыше *одного* года. См.: Уголовное уложение // Свод законов Российской империи. Т. 15. Пг., 1916. Ст. 89.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 29; Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 436.

прозелитическую деятельность, причем «под влиянием уговоров ксендзов усилилось поступление заявлений в католичество»¹.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на предпринимаемые правительством и местной администрацией усилия по соблюдению правил перехода из православия в католичество, добиться их точного исполнения в Минской губернии так и не удалось. В 1913 г. «в виде опыта» по решению губернатора «было предпринято негласное расследование относительно каждого из лиц, подавших заявление о переходе из православия. По словам губернатора А. Ф. Гирса: «Оказалось, что 90 % заявлений поданы по уговору ксендзов, которые сами или через организаторов их составили и переписали, и что для уловления в католицизм ксендзы прибегают к самым грубым и некультурным приемам. Уговаривают молодых людей католиков не вступать в брак с православными, не допускают к исповеди лиц в смешанных браках, требуя перехода православного супруга в католичество. Совершают крещения и бракосочетания членов семей православных, учиняя в книгах подлоги. Представители власти обратились к судам, чтобы заставить католическое духовенство уважать существующие законы»².

«Но, – как утверждал А. Ф. Гирс, – это единственное в руках гражданских властей средство оказалось непригодным для борьбы с католическим духовенством. Из 103 возбужденных в 1913 г. судебных дел 40 % было прекращено за отсутствием состава преступления, а 30 % близко к такому окончанию, и лишь не более 30 % будет поставлено на суд с обвинением ксендзов»³. В связи со сложившейся ситуацией губернатор, по ряду дел о незаконном присоединении к католичеству, вынужден был внести протесты в судебную палату. К таким делам, как правило, относились: венчание в костеле, допущение к исповеди и причащению «заведомо православных» или не достигших совершеннолетия, составления об этом подложных актов и т. д.

В отличие от практики Минской губернии витебский губернатор попытался поставить ситуацию с регистрацией переходов из православия под контроль администрации практически сразу же после издания циркуляра от 18 августа. Уже 6 сентября 1905 г. Б. Б. Гершау-Флотов издал циркуляр, направленный полицмейстерам и уездным исправникам губернии, в котором изложил основные положения циркуляра МВД. В циркуляре губернатора особо подчеркивалось, что «если после обнародования Высочайшего указа от 17 апреля последовало уже отпадение православных в иное вероисповедание, то таковые случаи должны быть точно зарегистрированы вышеуказанным порядком»⁴.

В этот же день циркуляр аналогичного содержания был направлен всем римско-католическим деканам губернии и пасторам Евангелическо-лютеранской церкви. Губернатор потребовал от инославного духовенства «точного и неуклонного исполнения изложенных выше правил, и независимо от сего, нынче же доставить мне сведения обо всех случаях совершавшегося присоединения к римско-католичеству»⁵.

Требование губернатора, вытекающее из положений циркуляра от 18 августа, было весьма актуально. По сообщению Полоцкого епископа Серафима (Мещеряков), после опубликования указа от 17 апреля «в некоторых уездах Витебской губернии, особенно в Дриссенском, Люцинском и Режицком, было много случаев тайного присоединения местных православных жителей в католичество и лютеранство без уведомления о том приходских священников присоединяемых. Последствием этого является неправильная регистрация прихожан, неверности и неточности в ведении приходских документов и недоразумения при совершении различных требоисправлений». Преосвященный Серафим

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 29.

² Там же. Л. 29 об.

³ Там же.

⁴ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46934. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2.

просил губернатора сделать распоряжение, чтобы ксендзы и пасторы обо всех лицах, присоединенных ими из православия со времени опубликования указа от 17 апреля и до времени применения правил, указанных в циркуляре МВД от 18 августа, уведомили тех православных священников, в приходах которых состояли присоединенные¹.

В ответ на этот запрос в канцелярии губернатора была разработана специальная форма ведомости, в соответствии с которой всем католическим деканам следовало предоставлять сведения о лицах, изъявивших желание присоединиться к Католической церкви. В анкете указывались фамилия, имя, отчество и звание перешедшего из православия, возраст, место жительства, православный приход, к которому принадлежал проситель.

Как уже упоминалось выше, в соответствии с распоряжением митрополита Шембека, изданного 2 мая 1905 г., все сведения о лицах, перешедших из православия в католичество, направлялись настоятелями костелов непосредственно в Петербург, в Могилевскую римско-католическую духовную консисторию. Поэтому инициатива витебского губернатора обязать деканов своевременно передавать ему указанную информацию натолкнулась на препятствие в форме канонического механизма, созданного митрополитом Шембеком. Настоятели костелов, следуя распоряжению митрополита, подавали все сведения в Петербург. И только в конце декабря 1905 г. в канцелярию витебского губернатора из столицы был доставлен первый список лиц, перешедших из православия в католичество, который, в свою очередь, был направлен епископу Серафиму. Затем последовали и другие списки, предоставляемые для передачи православной консистории².

Но, как уже отмечалось, предложенная митрополитом Шембеком процедура присоединения к Католической церкви, которой продолжал придерживаться прелат Денисевич, не предусматривала участия в ней православного духовенства. Поэтому МВД настойчиво напоминало прелату Денисевичу о том, чтобы духовенство Могилевской архиепархии подчинилось требованиям циркуляра от 18 августа 1905 г.³

Следует отметить, что пассивное неподчинение требованиям МВД, выказанное «сверху», оказывало свое негативное воздействие на исполнение его приходским духовенством, т. е. «снизу». В этом отношении законопослушность римско-католического духовенства Витебской губернии существенно не отличалась от поведения ксендзов других белорусских губерний. Так, в январе 1907 г. витебский губернатор Гершау-Флотов сообщал прелату Денисевичу о многочисленных нарушениях порядка перехода из православия в католичество, предусмотренного циркуляром от 18 августа 1905 г.

В этой связи губернатор предлагал прелату «обязать всех ксендзов Витебской губернии подпиской неуклонно соблюдать установленный порядок, дальнейшее нарушение коего поставит меня в необходимость привлекать виновных к уголовной ответственности»⁴.

На исполнительность части ксендзов, негативно относившихся к необходимости соблюдать процедуру, предписанную распоряжением МВД, не повлиял и циркуляр прелата Денисевича от 10 октября 1908 г., предписывавший духовенству соблюдать установленный МВД законный порядок переходов из православия. Оценивая в 1910 г. противоправные поступки ряда католических священников Режицкого, Дриссенского и Двинского уездов, витебский вице-губернатор Ошанин вынужден был признать, что «эти ксендзы во многих случаях при присоединении православных к Римско-католической церкви не соблюдали требований циркуляра МВД от 18 августа 1905 г. № 4628, своевременно сообщенного римско-католическому духовенству для строгого руководства и исполнения»⁵.

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 46934. Л. 38.

² Там же. Л. 48.

³ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 192. Л. 138, Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 164; Ф. 826. Оп. 3. Д. 193. Л. 5.

⁴ Там же. Л. 111.

⁵ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47622. Л. 80.

Мы видим, что в этой губернии, несмотря на активную позицию, занятую администрацией в вопросах правового регулирования переходов из православия в католичество, проблемы законопослушности части римско-католического духовенства не теряли своей актуальности.

Настойчивость и оперативность в реализации положений циркуляра МВД проявил и могилевский губернатор Н. М. Клингенберг. 13 сентября 1905 г. полицмейстерам и уездным исправникам губернии было направлено циркулярное распоряжение, в котором Клингенберг, изложив основные положения указа от 17 апреля, подробно разъяснял руководству полиции о трех вариантах перемены конфессиональной принадлежности:

1. «Принятие или возвращение в православие. Гражданские власти обязаны оказывать полное содействие православному духовенству, наблюдая, чтобы лицам, отпавшим от православия, но желающим вернуться к нему, не оказывалось в том со стороны иноверцев препятствий и стеснений.

2. Переход из одного иностранного христианского исповедания в другое терпимое христианское же. Закон остается прежний, в силу коего подобный переход разрешается губернатором по формальным просьбам лиц, желающих переменить религию, без всякого участия духовенства (Устав духовных дел иностранных исповеданий, ст. 6, и высочайше утвержденное 19 апреля 1904 г. мнение Государственного совета, п. 31).

3. Переход из православия в другую религию. При этом в указе от 17 апреля предусмотрены два случая: а) переход в другую религию инославную, и б) переход в другую религию иноверную. Во исполнение циркуляра министра внутренних дел от 18 августа № 4628, считаю нужным преподать следующие указания. Сделав соответствующие разъяснения, Н. М. Клингенберг, так же как и в предыдущем случае, обязал уездных исправников, в случае отпадения от православия в период между 17 апреля 1905 г. и введением в действие циркуляра от 18 августа, обязать отпавших немедленно «подать надлежащее о том заявление вышеуказанным порядком»¹.

Аналогичный циркуляр могилевского губернатора в тот же день был направлен римско-католическим деканам и пасторам Евангелическо-лютеранской церкви. Решения губернатора возымели немедленный эффект, и уже 6 октября настоятель мстиславльского римско-католического прихода высылает на имя губернатора полный список лиц, перешедших из православия в римско-католическое исповедание после обнародования указа от 17 апреля. В декабре 1905 г. прелат Стефан Денисевич начинает направлять губернатору, «согласно циркуляру МВД от 18 августа 1905 г. на зависящее распоряжение», списки лиц Могилевской губернии перешедших из православия в католичество с момента опубликования указа о веротерпимости, которые затем посылались губернатором в Могилевскую православную консисторию².

В выстроенный бюрократический механизм включается и православное духовенство, предупреждаемое губернатором о подаче прошений. Но, как и во всех предыдущих случаях, с трудом налаженный механизм неизбежно давал сбои. Виновными в этом православное духовенство считало католическую сторону. В феврале 1906 г. епископ Могилевский и Мстиславский Стефан (Архангельский) обратился к губернатору Д. Ф. фон Гагману с жалобой на то, что «произвольные действия ксендзов в совращении православных не знают пределов: временные правила, данные к руководству, как будто для них не существуют, вторгаются во двор православных овец и выхватывают из его стада добычу, не стесняясь средствами». Епископ просил губернатора сделать распоряжение, чтобы ксендзы, «ищущим присоединения православным к католичеству, разъясняли обязательное к исполнению высочайше утвержденное 25 июня Положение Комитета министров, поставляли бы в известность приходских православных священников о всяком заявлении

¹ НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 1992. Л. 3–4.

² Там же. Л. 27, 32, 38, 55–59.

желающих присоединиться к католичеству и совершали бы присоединение не раньше указанного в том положении срока»¹.

В марте 1906 г. фон Гагман обратился к прелату Денисевичу с напоминанием о требованиях циркуляра от 18 августа и разъяснении, данном в циркуляре Клингенберга 13 сентября 1905 г. деканам Могилевской губернии. «Между тем, – писал губернатор, – из производящейся у меня переписки видно, что местные ксендзы, не сообщая ни духовному, ни гражданскому начальству о поступающих к ним заявлениях о желании перейти в римско-католическую веру, немедленно обращают в последнюю лиц православного исповедания, нарушая, таким образом, указанное выше требование министра внутренних дел...

Ввиду допускаемых таким образом произвольных действий ксендзов по соращению в католичество лиц православного исповедания, предложить римско-католическому духовенству Могилевской губернии строго придерживаться требований закона 17 апреля 1905 г., не допуская на будущее время никаких от него отступлений, с тем чтобы о всяком заявлении православных о желании присоединиться к католичеству ксендзы неуклонно сообщали приходским православным священникам, совершая присоединение не ранее установленного министром внутренних дел срока»².

Однако напоминания о необходимости соблюдать правила регистрации, исходящие со стороны администрации, не находили должного понимания среди части римско-католического духовенства. Православная консистория продолжала сообщать губернатору о случаях выхода из православия без уведомления губернатора и присоединении к католичеству без соблюдения срока, установленного для увещания. В частности, мещанка из Орши И. Меркурьева настоятелем Оршанского костела в апреле 1906 г. «была соращена в католичество без предупреждения о выходе из православной церкви и без соблюдения установленного для увещания срока, а затем повенчана с дворянином А. Цеханским». Епископ Стефан просил гражданскую власть сделать распоряжение о привлечении ксендза Оршанского костела к законной ответственности, а также, чтобы ксендзы прочих костелов «точно соблюдали существующие по сему вопросу законоположения»³.

Скандалный случай произошел в Быховском уезде. Владелец имения Чигиринки Э. Булгак, католик по вероисповеданию, был известен местной полиции как помещик, который оказывал давление на экономически зависимых от него православных крестьян с целью соращения их в католичество. По свидетельству уездного исправника, этот «ясновельможный пан» порицал православную веру, «называя ее мужичьей, а свою римско-католическую веру – панской».

Служащий в экономии этого имения мещанин Каспер Цеханович католик и крестьянка Мария Леонова, 19-ти лет, сирота, православная, решили вступить в брак. Узнав об этом, Булгак приказал Цехановичу обязательно обвенчаться в костеле, с тем чтобы Мария Леонова приняла католичество, обещая выдать после вступления в брак 100 рублей. В противном же случае помещик-фанатик грозил обоим лишить работы. Между тем Мария Леонова в присутствии свидетелей заявила православному священнику, что она ни в каком случае не согласна переменить веру.

В конечном итоге Булгак заставил Каспера и Марию обвенчаться в костеле, при этом Леонова вынуждена была принять католичество без соблюдения правил МВД от 18 августа 1905 г. В августе 1907 г. губернатор Д. Ф. фон Гагман потребовал от уездного исправника произвести дознание по делу о соращении православной М. Леоновой в католичество «посредством принуждения, обещанием материальных выгод и обмана». В случае, если виновность владельца имения Чигиринки подтвердится, следовало привлечь Э. Булгака к ответственности по 83 ст. Уголовного уложения. Судебному преследованию под-

¹ НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2045. Л. 28.

² Там же. Л. 29.

³ НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2045. Л. 63; Ф. 2301. Оп. 1. Д. 139. Л. 39–40.

вергался и ксендз В. Мацкевич, обвенчавший Леонову, как «заведомо православную», в Быховском костеле¹.

В этой же губернии были замечены также неоднократные случаи нарушения местным римско-католическим духовенством ст. 2 указа от 17 апреля 1905 г. Так, например, 17 августа 1905 г. незаконно были обращены в католичество дети мещанки А. Устиновой Головенчицкого православного прихода Чаусского уезда, которые не достигли 14-летнего возраста. Мать перешла в католичество вместе с детьми, в то время как отец оставался православным. Прихожанин Мокрядской церкви Чаусского уезда А. Бордзялковский, будучи православным, окрестил своего новорожденного сына по обряду Римско-католической церкви².

Подобные противоправные действия мирян и католического духовенства продолжались и в последующие годы, когда могилевские православные епископы неоднократно обращались к губернаторам с просьбой о возбуждении судебных дел на основании статей 89 и 93 Уголовного уложения, карающих за незаконное присоединение к католичеству «заведомо православных»³.

В ответ губернатор, не добившись от прелата Денисевича реакции на неоднократно посылаемые ему требования прекратить противоправные действия ксендзов, нарушавших правила МВД от 18 августа 1905 г., вынужден был обратиться за помощью непосредственно в МВД. В июле 1908 г., рассерженный фон Гагман писал в департамент духовных дел, что: «Обращаться непосредственно к управляющему Могилевской р-к архиепархией с просьбами – распорядиться о соблюдении ксендзами упомянутых выше правил, я не признаю более возможным, так как ни на одно из отношений по этому поводу мной ответа не получено»⁴. Из этого следует, что вплоть до выхода циркуляра 10 октября того же года прелат Денисевич предпочитал игнорировать требования губернатора о прекращении случаев правонарушений и наказании виновных. Поведению прелата не откажешь в логике. Не признавая для духовенства архиепархии обязательным требования правил МВД, прелат сам вынужден был уклоняться от настойчивых запросов фон Гагмана.

В конечном итоге меры по наведению правопорядка в области переходов из православия, вовремя и оперативно предпринимаемые витебским и могилевским губернаторами, не достигли ожидаемых результатов. Только после того, как прелат Денисевич издал циркуляр от 10 октября 1908 г., распоряжение митрополита Шембека от 2 мая 1905 г. утратило свою каноническую силу. Теперь духовенство обязано было подчиниться церковной дисциплине, а следовательно, нести не только правовую, но и каноническую ответственность за несоблюдение правил государственной регистрации. Что, впрочем, не помешало многочисленным правонарушениям в этой области.

Случаи нарушений ксендзами правил 18 августа, не в последнюю очередь, были продиктованы мотивами прозелитизма. Однако большая часть правонарушений была вызвана тем обстоятельством, что лица, перешедшие из православия в католичество в период с 17 апреля 1905 г. по 10 октября 1908 г., были внесены в списки приходов, и в течение нескольких лет исполняли таинства и обряды Римско-католической церкви. Не пройдя обязательной регистрации, они считали себя официально признанными католиками, в то время как юридически, т. е. по актам состояния, эти лица по-прежнему считались «заведомо православными».

Поэтому католические священники, совершавшие св. таинства и духовные требы над лицами, хотя и незарегистрированными, но приписанными к р-к приходам, и детьми этих лиц, подвергались судебному преследованию. Уголовной ответственности подвергались и миряне за крещение детей, исповедь и погребение по обрядам Католической церкви.

¹ НИАБ. Ф. 2001. Оп.1. Д. 2071. Л. 56, 66–68.

² НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2045. Л. 29 об.

³ НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2071. Л. 14, 23, 34, 41, 43, 74.

⁴ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 193. Л. 42 об.

В белорусских губерниях против ксендзов, совершавших требы этим незарегистрированным католикам, было возбуждено несколько сот уголовных дел¹.

Кроме того, католики, остававшиеся «заведомо православными», столкнулись с рядом проблем. Государство признавало переход в католичество только с момента регистрации. В результате те, кто перешел после издания указа от 17 апреля 1905 г. из православия в католичество, вносились в списки р-к приходов вместе с детьми, не достигшими в ту пору 14-летнего возраста. Спустя несколько лет, если эти дети ко дню официальной регистрации их родителей оказывались старше 14-ти лет, то они не признавались католиками и вынуждены были изучать в школах православный Закон Божий и посещать православные церкви².

Весь этот комплекс проблем судебного и правового характера был вызван в решающей степени неправомерными действиями прелата Денисевича. Более трех лет прелат уклонялся от признания необходимости соблюдать в белорусских губерниях государственные требования регистрации католиков, заводя решение этой проблемы в тупик.

В то же время действия губернаторов Витебской и Могилевской губерний в сентябре 1905 г. свидетельствовали о том, что проблему «заведомо православных», чреватую негативными социально-правовыми последствиями, можно было решить уже в конце 1905 г.

Попытка же митрополита Ключинского добиться государственного признания всех переходов из православия в католичество с 17 апреля 1905 г. по 10 октября 1908 г., в силу своего неправомерного характера, не увенчалась успехом. Правительство, столкнувшись с практикой длительного саботирования своих распоряжений, не собиралось идти на уступки в этом болезненном для государственного престижа вопросе. Принять предложение митрополита означало примириться с социально-религиозными результатами «двоевластия», завершившегося победой правительства 10 октября 1908 г.

Анализируя черты сходства и различия в ситуациях, сложившихся в белорусских губерниях и Северо-Западном крае, следует отметить, что сопротивление введению государственной регистрации переходов, осуществляемое «сверху», привело к общему негативному результату как для римско-католического духовенства, так и мирян. Различие заключалось в практике этого сопротивления. Руководителям Могилевской архиепархии не были присущи те политические амбиции, которые были характерны для епископа Эдуарда. Поэтому возникший конфликт, несмотря на серьезные социальные последствия, не носил *политизированного* характера, как это было в Виленской епархии, укладываясь в рамки канонически-правового измерения.

6. Проблемы установления государственного порядка регистрации переходов из православия в католичество в Северо-Западном крае

После увольнения фон Роппа римско-католическое духовенство продолжало соблюдать порядок присоединения к католичеству, установленный епископом в Виленской епархии. Так, настоятель Сегневичского костела ксендз А. Салатынский в январе 1908 г. присоединил дочь православного крестьянина села Ревятичи М. Войниловича Анну к католичеству, не потребовав от нее предварительного выполнения требований МВД³.

Желая пресечь этот изначально установленный сугубо церковный порядок, генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий в начале октября 1908 г. потребовал от вступившего в

¹ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 626, 450.

² Там же. Л. 451.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 85.

управление Виленской епархией апостольского администратора, бывшего минского дeкана монсеньора Казимира Михалкевича, предписать подведомственному ему духовенству не совершать обряды присоединения к Римско-католической церкви над лицами, которые не соблюдают требования циркуляра № 4628. Новый администратор, назначенный Папой по рекомендации фон Роппа, выдворенного за пределы Виленской епархии, проявил желание к компромиссу с исполнительной властью, что и позволило начать запоздавший процесс введения государственного порядка регистрации¹.

Выполняя указание генерал-губернатора, монсеньор Михалкевич 22 октября 1908 г. издал окружное распоряжение епархиальному духовенству, согласно которому, все лица, желающие перейти из православия в католичество, должны были действовать в соответствии с требованиями циркуляра МВД от 18 августа 1905 г. В качестве мотивов своего решения новый управляющий называл необходимость введения «однообразного порядка действий», позволявшего избежать «нежелательных недоразумений»².

С изданием этого циркулярного предписания прошения лиц, переходящих из православия в католичество, должны были получить, наконец, законное оформление, а само делопроизводство по регистрации присоединений к католичеству из епископской канцелярии переводилось в Виленскую духовную консисторию. Католическое духовенство обязано было теперь делать то, чему так упорно противился епископ Эдуард, – способствовать созданию необходимых процедурных условий для «увещаний» православными священниками тех, кто желал присоединиться к католичеству. В остром конфликте церковных и государственных интересов, сконцентрировавшихся в вопросе о приоритете в области регистрации актов гражданского состояния, правительству удалось вернуть себе позиционное преимущество, которое создал для Католической церкви епископ Эдуард. Для Виленской римско-католической епархии «двоевластие» закончившееся де-факто с увольнением фон Роппа, теперь закончилось и де-юре.

В Тельшевской римско-католической епархии, в отличие от Виленской, ситуация «двоевластия», возникшая в результате действия указанных выше правовых причин, продолжала сохранять свою силу. Имея общий источник происхождения, местная ситуация «двоевластия» обладала своими особенностями. Во-первых, в связи с абсолютным преобладанием в епархии литовского населения, социальное измерение конфликта было существенно меньше, нежели в Виленской епархии. Количество переходов из православия в католичество среди местного русского населения было сравнительно невелико³.

Во-вторых, затяжной конфликт с администрацией, вызванный применением церковного циркуляра от 27 мая 1905 г., уже после того, как было введено в действие распоряжение МВД от 18 августа, в отличие от случая с епископом Эдуардом, не удалось разрешить на основе установленного правопорядка. В-третьих, защита сложившегося «двоевластия», осуществляемая Тельшевским епископом Мечиславом Паллюлионом, носила более сложный и одновременно более гибкий характер, нежели аналогичная практика в Виленской епархии. Конфликт, не сразу громко заявивший о себе, разворачивался следующим образом.

В феврале 1908 г. начальник Ковенской губернии П. В. Веревкин обратился к генерал-губернатору К. Ф. Кршвицкому с просьбой принять решение относительно поведения Тельшевского епископа Паллюлиона. Апелляция к вышестоящей инстанции была вы-

¹ По словам минского губернатора П. Г. Курлова, К. Михалкевич «всегда симпатично относился к русским, а в особенности к представителям власти... Это был выдающийся, умный человек, глубоко религиозный и пользовавшийся огромным влиянием на свою паству». См.: *Курлов П. Г. Гибель императорской России*. М., 1991. С. 66.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 88.

³ По Ковенской губернии с 17 апреля 1905 г. по 1 января 1914 г. отпало из православия в католичество 1248 человек. Осталось в православии после увещания священниками – 30 человек. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 61.

звана тем обстоятельством, что епископ игнорировал неоднократные личные обращения губернатора по поводу постоянного нарушения духовенством епархии порядка регистрации переходов из православия в католичество, установленного циркуляром МВД от 18 августа 1905 г. Более того, епархиальное начальство предпочитало вовсе не знать о его существовании, так как в консистории, как выяснилось администрацией, отсутствовал и сам текст упомянутого циркуляра¹.

Побуждаемый местным губернатором, К. Ф. Кршвицкий вынужден был обратиться к епископу Паллюлиону. Генерал-губернатор указывал, что временные правила «для населения не затруднительны», и мотивировал свое предложение необходимостью правильного ведения актов гражданского состояния. Нарушение порядка в этом деле, подчеркивал К. Ф. Кршвицкий, внесет «путаницу, влекущую за собой нежелательные, в смысле гражданско-правовом, последствия». В завершение генерал-губернатор обратился к епископу с предложением, которое было призвано положить конец затянувшемуся конфликту. Для этого епископу следовало предписать подведомственному ему духовенству не совершать обряд присоединения к Римско-католической церкви над лицами, которые не соблюдали требования циркуляра № 4628².

В своем ответе, отправленном 13 марта 1908 г., епископ Тельшевский и Самогитский Паллюлион, признавал справедливый характер доводов К. Ф. Кршвицкого в пользу сохранения законности и порядка в деле регистрации переходов. Однако он не считал необходимым вносить изменения в инструкцию от 27 мая 1905 г., утверждая, что положения епархиальной инструкции и циркуляра МВД не противоречат друг другу. Аргументация, с которой выступил епископ Паллюлион в защиту действовавшего церковного распоряжения, «совершенно тождественного», по его мнению, с циркуляром МВД, практически совпадает с тактическими приемами епископа Эдуарда, вызвавшими в свое время негодование генерал-губернатора Кршвицкого. Епископ повторил известный нам тезис, что лицо, присоединившееся к католичеству, во избежание негативных последствий в гражданско-правовой сфере, само должно позаботиться о регистрации. С точки зрения епископа, действие циркуляра МВД распространялось только на тех, кто присоединялся к церкви, а также и на тех, кто регистрировал это присоединение. Одним словом, на просителей-мирян и губернаторов. Последние, по его мнению, располагали всеми необходимыми полномочиями для того, чтобы довести требования циркуляра МВД до сведения православного населения, не привлекая для этой цели католическое духовенство. Епископ полагал, что приведенная аргументация объясняет генерал-губернатору причины его длительного нежелания вносить какие-либо дополнения к распоряжению от 27 мая 1905 г. после издания циркуляра МВД от 18 августа³.

Но и в данном случае, как и в случае с епископом Эдуардом, фигурой умолчания было предусмотренное официальной процедурой регистрации «увещание» православного духовенства, тот необходимый этап, прохождение которого можно было избежать, если неукоснительно следовать требованиям церковного циркуляра. Для администрации подлинные причины умолчания основной причины конфликта, были хорошо известны. На самовольные действия католического духовенства последовала соответствующая реакция. Столкнувшись с ситуацией, когда административная власть перестала регистрировать лиц, перешедших из православия в католичество без подачи ими предварительно заявления на имя ковенского губернатора, епископ вынужден был изменить свое отношение к распоряжению МВД. Возможно, в выборе новой тактики сыграла определенную роль судьба Виленского епископа Эдуарда, занявшего в вопросе о регистрации бескомпромиссную позицию. Было очевидно, что тактические приемы, применяемые им для защиты сложившегося «двоевластия», показали свою неэффективность.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 69.

² Там же. Л. 70.

³ Там же. Л. 72.

Признавая, что отказ от государственной регистрации вносит путаницу в акты гражданского состояния, епископ сообщал, что еще 28 января 1908 г. «из стремления к охране законности и порядка» предписал духовенству епархии требовать от лиц православного исповедания, присоединяющихся к Римско-католической церкви, подачи предварительного заявления об этом губернатору. Вместе с тем епископ обратил внимание генерал-губернатора на то, что местная администрация сама постоянно нарушала положения циркуляра от 18 августа. Он приводил ряд примеров, когда заявления о переходе из православия, полученные ковенским губернатором, приходили к нему в канцелярию со значительным запозданием. Указывая на повседневный характер нарушений, епископ отмечал, что в его канцелярии имелись всего лишь три дела по переходу из православия, которые были своевременно переданы ему ковенским губернатором¹.

Ради справедливости, следует сказать, что в данном случае виновата была не столько администрация, сколько православная консистория. В условиях, созданных действием церковного циркуляра, осуществление «увещаний» представляло для духовенства известные трудности, что и приводило на практике к серьезным нарушениям срока исполнения. Однако, формально, в качестве виновной стороны выступал губернатор, что делало его позицию весьма уязвимой для критики. Чем и не преминул воспользоваться епископ Паллюлион, вынужденный, под давлением обстоятельств, частично уступить государственной власти в этом спорном вопросе о регистрации. Частично потому, что уступка, сделанная им, носила половинчатый характер. Епископ не собирался отменять процедуру присоединения к католицизму, предусмотренную циркуляром от 27 мая 1905 г. Он лишь дополнял ее требованием к духовенству епархии, чтобы лица, присоединяемые ксендзами к Римско-католической церкви, предварительно уведомляли о своем намерении ковенского губернатора. Тем самым предусматривалось введение двух параллельно действующих механизмов регистрации, церковного и государственного, пересечение которых позволяло соблюдать лишь часть требований циркуляра МВД.

В заключение, обращаясь к генерал-губернатору, епископ не мог удержаться от сарказма, в данном случае вполне уместного. «Вы изволите уверять меня, что временные правила о переходе из православия в католичество, преподанные циркуляром от 18 августа № 4628, «для населения не затруднительны». Я готов отчасти согласиться с этим мнением, но лишь тогда, когда подведомственные вам административные власти, неуклонно следуя строгой законности, станут передавать мне дела о переходе из православия в католичество в установленный циркуляром месячный срок»².

Справедливые замечания епископа о серьезных недостатках исполнительной дисциплины местной администрации и православного духовенства не являлись единичными. Подобную практику, подрывавшую авторитет власти на местах и лишавшую силы дисциплинарно-правовую аргументацию в пользу выполнения циркуляра МВД, следовало немедленно прекратить.

Поэтому 18 марта 1908 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин издал циркулярное распоряжение губернаторам за № 1934, призванное искоренить указанные недостатки исполнительной дисциплины. Принятый документ предписывал, чтобы «поступающие к вам заявления о желании переменить веру сообщались инославному духовному начальству отнюдь не позднее месяца со дня их поступления, хотя бы к этому времени вы и не получили еще уведомления от православного епархиального начальства о результатах увещания»³.

Меры, предпринятые правительством по наведению порядка в делопроизводстве, не отразились на ситуации, сложившейся в Ковенский губернии. В октябре 1909 г. ковенский

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 73.

² Там же. Л. 70–73 об.

³ Там же. Л. 77.

губернатор П. В. Веревкин вынужден был вновь обратиться к К. Ф. Кршивицкому. Губернатор жаловался на то, что римско-католическое духовенство по-прежнему уклоняется от исполнения циркуляра МВД от 18 августа 1905 г. Он предложил генерал-губернатору ходатайствовать перед министром внутренних дел о принятии необходимых мер, для того чтобы «заставить римско-католическое духовенство в точности исполнять распоряжение МВД, изложенное в означенном циркуляре»¹.

Сообщение губернатора о продолжающейся практике неповиновения распоряжению МВД приводит к выводу, неутешительному для администрации. В Тельшевской епархии вопрос о «двоевластии», решенный, казалось бы, де-юре в пользу государственной власти, по-прежнему сохранял свою остроту. Генерал-губернатор не смог добиться от епископа Паллюлиона издания циркуляра, подобного тому, который был издан управляющим Виленской епархией Михалкевичем 22 октября 1908 г. Поэтому сохранявший свою каноническую силу церковный механизм присоединения давал возможность духовенству епархии обходить существенные требования циркуляра МВД, выполняя их лишь частично. Нужно отдать должное епископу Паллюлиону, он защищал сложившееся «двоевластие» эффективнее и с большим тактическим мастерством, нежели это делал епископ Эдуард.

Вместе с тем у епископа Паллюлиона были более благоприятные условия для осуществления своей тактики по отношению к властям. В его моноэтнической епархии, населенной в подавляющем большинстве литовцами, не было оснований для серьезных конфликтов с поляками-единоверцами, которые наряду с православными русскими составляли незначительное меньшинство. Конфессионально-этническая стабильность, характерная для ситуации в этой епархии, позволяла идти на определенные уступки местным властям без угрозы для своего духовного авторитета. В результате вопрос о правовых издержках церковного нормотворчества для лиц, присоединившихся к Католической церкви в Тельшевской епархии, был практически снят.

Однако для Виленской и Гродненской губерний Северо-Западного края эта проблема по-прежнему сохраняла свою актуальность. В январе 1909 г. П. А. Столыпин обратился к виленскому генерал-губернатору К. Ф. Кршивицкому в связи с тем, что «значительное число лиц, числившихся православными, было принято в католичество без требуемого циркуляром предварительного заявления ими желания переменить веру местной гражданской власти и без уведомления последней о совершившемся переходе». Актуальность этой проблемы для министерства П. А. Столыпин обосновывал обсуждением в Думе законопроекта о порядке перехода из одного вероисповедания в другое. Министр напоминал генерал-губернатору о сложных правовых последствиях в области брачных и семейно-наследственных отношений, которые негативно сказываются на состоянии гражданских прав этих лиц, а также их детей, как рожденных в незаконных браках. Преследуя цель восстановления «в настоящем деле законного порядка», П. А. Столыпин просил у генерал-губернатора выяснить реакцию населения на решение правительства о подтверждении безусловной обязательности предписываемых циркуляром 18 августа формальностей для тех, кто совершил переход из православия после 17 апреля 1905 г.²

Для решения этой затянувшейся межведомственной религиозно-правовой проблемы К. Ф. Кршивицкий обратился к епархиальному начальству Северо-Западного края – архиепископу Литовскому Никандру и епископу Гродненскому Михаилу, предписывая им обязать подведомственное духовенство сообщать в консистории обо всех замеченных им случаях несоблюдения ксендзами требований циркуляра от 18 августа. В свою очередь, епархиальное начальство должно было сообщать о нарушениях начальству гражданскому для привлечения виновных ксендзов к ответственности³.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 75.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1909. Д. 160. Л. 1–2.

³ Там же. Л. 5–6.

При обсуждении мер, необходимых для осуществления процедуры регистрации, мнения губернаторов разделились. Гродненский губернатор В. М. Борзенко предлагал не возлагать на лиц, осуществивших самовольно переход из православия, негативных правовых последствий. В качестве рациональной меры он считал такое решение, которое обязывало бы католических ксендзов в определенный срок сообщить губернаторам точные списки фактически отпавших от православия, без соблюдения формальностей. Указанные списки следовало предложить для проверки и исправления православным консисториям. Выяснив действительное положение дел и имена отпавших от православия, следовало предложить ксендзам объявить занесенным в списки лицам порядок, установленный правилами от 18 августа 1905 г., с обязательством в определенный срок выполнить все формальности. Необходимо было также предупредить лиц, указанных в списках о «непоправимых последствиях», в случае неисполнения указанных правил¹.

Ковенский губернатор П. В. Веревкин указывал, что заставить приходское римско-католическое духовенство подчиниться распоряжению МВД, является делом нелегким, так как закон не предусматривает за нарушение порядка регистрации никакого наказания. Губернатор предлагал при обсуждении законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое установить определенное взыскание за несоблюдение правил регистрации. В случае же нарушений положений действовавшего циркуляра от 18 августа, губернатор предлагал наказывать римско-католических священников либо по ст. 29 устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, либо по ст. 93 Уголовного уложения².

Мнение губернаторов Северо-Западного края, и в частности П. В. Веревкина, о мерах, направленных на выполнение католическим духовенством циркуляра от 18 августа 1905 г., было учтено Департаментом духовных дел МВД. 27 марта 1910 г. последовало циркулярное распоряжение МВД губернаторам, подписанное П. А. Столыпиным. В нем говорилось: «По имеющимся в МВД сведениям, административными властями нередко возбуждаются преследования в судебном порядке против инославных духовных лиц за присоединение ими православных без соблюдения правил, предписанных циркулярными распоряжениями МВД от 18 августа 1905 г. № 4628. При этом судебные места в большинстве случаев оставляют возбуждаемые дела без последствий за отсутствием в них нарушений, ограждающих веру постановлений, или же за истечением срока давности». На этом основании МВД предписывало губернаторам разъяснить юридическое значение циркуляра 18 августа и «степень обязательности его» для судебных органов.

Анализ сложившейся правовой ситуации, сделанный МВД, сводился к следующему. На основании указа от 17 апреля 1905 г. единственным условием для перехода из православия в другие христианские конфессии являлось достижение православным лицом, меняющим конфессиональную принадлежность, гражданского совершеннолетия. В соответствии с этим действовавшее уголовное законодательство (ст. 93 Уголовного уложения) карало инославных духовных лиц только за присоединение к инославию *несовершеннолетних*. В случае же отсутствия со стороны инославного духовенства указанных правонарушений или истечения срока давности со времени совершения таких проступков, несоблюдение этим духовенством требований циркуляра от 18 августа 1905 г. не могло служить для судебных органов основанием для наложения уголовных взысканий. Возникал правовой тупик, в котором оказывалась власть в противостоянии с правонарушениями инославного духовенства в области переходов из православия в инославие.

Со своей стороны правительство по-прежнему считало необходимым, чтобы исполнение этого «вполне закономерного распоряжения» МВД было обязательным для духовных лиц, к которым оно относилось. Следовательно, нарушение требований циркуляра от 18 августа должно было «влечь за собой законную ответственность». В качестве прак-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1909. Д. 160. Л. 7–8.

² Там же. Л. 11–11об.

тического выхода из этой непростой ситуации МВД обязывало губернаторов, в случае нарушения инославными духовными лицами правил циркуляра 18 августа 1905 г., возбуждать против них преследования на основании ст. 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями¹. Наряду с судебным преследованием виновных духовных лиц были задействованы и административные возможности МВД. О случаях нарушения циркуляра следовало также доводить до сведения министра внутренних дел².

После длительных и не вполне успешных попыток обязать инославное духовенство и иерархию к исполнению законного распоряжения МВД в порядке служебной дисциплины, правительство вынуждено было прибегнуть к установлению для виновных судебной ответственности. Это решение было сочтено необходимым для того, чтобы принудить духовных лиц к соблюдению требований циркуляра от 18 августа 1905 г. Решение П. А. Столыпина давало администрации Северо-Западного края и белорусских губерний необходимый правовой инструмент для борьбы с попытками ксендзов нарушить установленный правовой порядок в области переходов из православия в католицизм. Привлечение ксендзов к ответственности перед законом преследовало не только практическую цель утверждения установленного государством порядка регистрации отпадений от православия. Необходимо было восстановить приоритет правомерных правительственных решений над внутрицерковными каноническими актами, изданными римско-католическим епископатом в апреле и мае 1905 г.

Таким образом, циркуляр от 27 марта 1910 г. стал еще одним элементом правительственной политики, направленной на *адаптацию* положений указа от 17 апреля 1905 г. к сложным конфессионально-этническим условиям западного региона империи.

Вместе с тем конфликт циркуляров и личностей, свидетельствовавший о борьбе, начатой католическим епископатом за передел властных полномочий в области интерпретации указа о веротерпимости, внес свой вклад в формирование кризиса системы административного управления Северо-Западным краем. Его социальным результатом стало появление большой группы присоединенных католиков, чей конфессиональный правовой статус, в силу указанных выше причин, оставался неопределенным. Спустя некоторое время этому статусу было найдено точное юридическое определение, которое было взято из ст. 90 «Уголовного уложения» 1903 г.

Как уже отмечалось выше, в соответствии с решением уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената, принятого по делу ксендза В. Зенкевича 4 февраля 1910 г., лица, числившиеся ранее по актам состояния православными, должны были считаться *заведомо православными* до тех пор, пока они не будут «по актам же состояния перечислены в другое вероисповедание»³.

Таким образом, каноническая интерпретация указа от 17 апреля, которую ревностно отстаивал бывший светский правовед епископ фон Ропп, показала свою полную юридическую несостоятельность. Фактически она лишь продемонстрировала нежелание, или, возможно, нерешимость этого католического иерарха, идти на компромисс, предлагаемый МВД. Противоправные действия фон Роппа по умножению своей паствы привели на деле к серьезным социальным и правовым последствиям. Большое число людей, всецело доверивших свой религиозный выбор решению церковной власти, не смогло оформить свою новую конфессиональную принадлежность законным образом. Реальные правовые инте-

¹ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 434; «За неисполнение законных распоряжений, требований и постановлений правительственных и полицейских властей, а равно земских и общественных учреждений, когда сим уставом не определено за то иного наказания, виновные подвергаются денежному взысканию не свыше пятидесяти рублей» / Свод законов Российской империи. Т. 15. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб., 1914. Ст. 29.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 11. Л. 70.

³ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2836. Л. 72.

ресы этих лиц были принесены в жертву политическим амбициям и прозелитическому рвению католического епископа. Справедливость такого вывода подтвердили материалы, полученные в ходе проверки дел Виленской римско-католической консистории.

В первой половине 1911 г. по распоряжению министра внутренних дел П. А. Столыпина департаментом духовных дел иностранных исповеданий была произведена ревизия делопроизводства римско-католических духовных консисторий Российской империи. Правительство, осуществляя эту масштабную операцию, исходило из следующего положения: «Основной тенденцией римского католицизма в Российской империи искони является проведение через церковь идеи полонизма и польской национальной, племенной и политической обособленности. В этом отношении Католическая церковь является главным орудием и в руках политических агитаторов, и в лице своих руководителей – епархиальных начальников с подведомственным им учреждением, тем духовным центром, из которого исходят враждебные русской государственности директивы и осуществляются планомерно намечаемые мероприятия. Деятельность в этой области римско-католических духовных учреждений представляется чрезвычайно разносторонней и, ввиду часто трудноуловимого воздействия на область духа, – крайне опасной»¹.

В результате проведенной ревизии были получены материалы, которые свидетельствовали о фактах многочисленных нарушений законодательства о веротерпимости, о смешанных браках, народном образовании и т. д. В перечне проступков, характерных для деятельности римско-католического епископата на территории Российской империи, было названо и «уклонение от исполнения законных распоряжений министерства внутренних дел»². В качестве яркого примера такого «уклонения» можно привести опыт отношения епископата Северо-Западного края к циркуляру МВД о регистрации переходов из православия.

Государственную ревизию Виленской римско-католической консистории производил «командированный по высочайшему повелению» М. А. Любич-Ярмолович Лозина-Лозинский, который провел специальное расследование «о числе, характере и условиях отпадения православных в римско-католическую веру». Итоги ревизионной проверки были представлены в отчете П. А. Столыпину и в специальной справке, направленной в канцелярию генерал-губернатора 11 июля 1911 г.

В процессе изучения дел епископской канцелярии чиновником особых поручений были выявлены многочисленные недостатки и подлоги в оформлении соответствующих церковных документов. В частности, были изучены списки, составленные настоятелями приходов и прошения лиц, перешедших из православия в католичество в 1905–1908 гг. Всего, по данным ревизии, в Виленской епархии, вопреки требованиям указа о веротерпимости, в 1905–1906 гг. было присоединено к Римско-католической церкви около 1500 православных в возрасте от 14 до 21 года³.

Ревизия отметила большое число прошений с подделкой даты перехода, что позволяло скрывать подлинный возраст лиц, незаконно причисляемых к Католической церкви. Были обнаружены заготовленные чистые бланки с подписью фон Роппа, позволявшие вписывать в них новых прихожан, безотносительно требований циркуляра от 18 августа 1905 г. Ревизия выявила также списки новоприсоединенных, которые были внесены в так называемые алфавиты – генеральные каталоги всей католической паствы епархии по приходам, без предписания епископа. Переход этих лиц в католичество не был законным даже с точки зрения канонической, т. е. собственного церковного циркуляра от 21 апреля 1905 г.⁴

В числе нарушений были отмечены принятые канцелярией епископа прошения на польском языке, хотя языком делопроизводства по-прежнему оставался язык государ-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 109. Л. 1–2.

² Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1911. № 19. С. 368.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 109. Л. 140.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 156.

ственный – русский. Согласно действовавшим правилам документы, подаваемые на иных языках, не подлежали рассмотрению в государственных и церковных учреждениях. Таким образом, действия епископа нарушали не только порядок регистрации, установленный циркуляром от 18 августа 1905 г., правила относительно употребления языка государственного делопроизводства, но и юридические нормы указа от 17 апреля, точно определявшие возраст лиц, переходящих из православия в иные религиозные сообщества. Материалы ревизии подтвердили также и наличие значительного числа людей, чей переход в католичество не был оформлен законным образом¹.

Вдобавок ревизия выявила нарушения фон Роппом финансовых интересов государства. 26 апреля 1905 г. фон Ропп предписал консистории принимать прошения о переходе в католичество без оплаты гербовых сборов. Таким образом, на совести епископа лежала ответственность за неуплату многих тысяч таких прошений².

М. А. Лозина-Лозинский, опираясь на полученные в ходе ревизии данные Виленского епархиального управления, в своем отчете П. А. Столыпину приводил статистику переходов из православия в католичество. По данным этого управления, в 1905 г. переходов было – 36 250, 1906 г. – 8987, 1907 г. – 5018, 1908 г. – 1197, 1909 г. – 923, 1910 г. – 1106, 1911 г. – 483. Всего же за эти годы было зарегистрировано 53 964 перехода из православия в католичество.

Анализируя материалы консистории и епископской канцелярии, Лозина-Лозинский высказал предположение о характерных недостатках приведенной статистики и противоправных действиях, сопровождавших практику переходов: «Громадное число перешедших в католичество – 51 452 из 53 964, падает на 1905–1908 гг., в которые установленный порядок перечисления явно нарушался римско-католическим духовенством епархии, действовавшего по указаниям своего главы. В эти годы не только не существовало никаких гарантий того, чтобы переход отдельных лиц совершался добровольно, по влечению совести, а не под давлением насилия и обмана, но даже нет возможности удостовериться, действительно ли вся масса, показанная на бумаге перешедшими в католичество лиц, переменила свою религию, а не продолжает посещать православные храмы и ходить на исповедь к причастию у православных священников, так как последние до сих пор даже не поставлены в известность законным порядком, кто из их прихожан записан в костельные списки в 1905–1908 гг.»³

Предположения Лозина-Лозинского нашли косвенное подтверждение в сведениях, представленных гродненским губернатором П. М. Боярским в записке «О полонизации белорусского населения Гродненской губернии». Боярский также опирался на статистику переходов из православия в католичество в Гродненской губернии с 1905 по 1913 г. За это время православной консисторией было зарегистрировано 9639 случаев таких переходов, из которых на 1905 г. выпадало 4409 переходов, а на 1906 г. – 1931.

Из общего количества перешедших в католичество за эти годы возвратились обратно в православие 998 человек. Хотя количество присоединившихся вновь к Православной церкви было небольшим, по мнению Боярского, само это явление свидетельствовало о том, «что обращения таких лиц в Латинскую церковь было вынуждено особым воздействием на них со стороны ксендзов»⁴.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 157–158.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 157. Л. 142 об.

³ Там же. Л. 147.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 11 об. В этой связи довольно наивной выглядит попытка католического священника Ж. Леди убедить нас в том, что «эта регистрация приводила к бесконечной путанице, что объясняет загадочную для жителей Запада нелюбовь восточноевропейцев, особенно из бедных слоев, сообщать свои имена в официальном контексте». *Леди Ж., священник*. Архиепископ Иоанн Цепляк / Покров. Альманах российских католиков. Вып. 12. М., 2001. С. 81.

Многочисленные правонарушения, сделанные предшествующей церковной администрацией в области регистрации переходов из православия, вынудили управлявшего епархией прелата Казимира Михалькевича принять необходимые меры по упразднению негативных правовых последствий ее деятельности для новоприсоединенных католиков. В декабре 1912 г. прелат издал очередное циркулярное распоряжение, в котором духовенству епархии предлагалось в сжатые сроки предоставить в консисторию полные списки всех прихожан, которые перешли из православия в католичество в период с 18 августа 1905 г. по 22 октября 1908 г. Распоряжение относилось к той категории лиц, которые перешли в католицизм без соблюдения установленного циркуляром МВД порядка изменения актов гражданского состояния¹. Решением своего управляющего Виленская духовная консистория получала реальную возможность определить точное количество лиц, не прошедших государственную процедуру регистрации.

Но так как массовые переходы из православия последовали в основном в промежутке между выходом указа от 17 апреля и появлением циркуляра МВД от 18 августа 1905 г., необходимо было иметь точную статистику и этой многочисленной группы лиц «заведомо православных». Поэтому очередным этапом затянувшегося процесса сбора информации о православных, присоединившихся к католичеству, но не получивших государственной регистрации в Виленской епархии, стал циркуляр прелата Михалькевича от 24 февраля 1914 г.

Управляющий епархией предлагал приходскому духовенству в течение двух месяцев предоставить в консисторию самые полные и точные списки лиц, перешедших из православия в католичество со дня обнародования указа от 17 апреля 1905 г. до 18 августа того же года и не «дополнивших регистрацию через подачу заявления на имя местного губернатора». Список этих лиц должен быть составлен с точным указанием имени, отчества, фамилии, возраста (на время перехода) и местожительства².

Подводя итоги этой затянувшейся истории применения циркуляра МВД от 18 августа 1905 г. на территории Северо-Западного края, следует отметить, что, несмотря на определенные усилия, предпринимаемые римско-католическим епархиальным начальством, проблема государственной регистрации части бывших «упорствующих» так и не была решена. Такое положение было характерно и для белорусских губерний, в которых, благодаря неправомерной позиции прелата Денисевича, до 10 октября 1908 г. действовало «двоевластие» в форме канонического распоряжения митрополита Шембека.

В этой связи правительство вынуждено было констатировать, что «некоторые из переходов в католичество, имевших место до приведения в действие означенного циркуляра, остаются неоформленными до настоящего времени. В связи с этим не зарегистрировавшие надлежащим порядком своих отпадений от православия продолжают поныне числиться по актам состояния «заведомо православными»³.

Что же касается ситуации, сложившейся в Литве и Белоруссии, можно сказать, что группа «упорствующих» в латинстве, после издания указа от 17 апреля 1905 г. в силу указанных выше причин, трансформировалась в группу «заведомо православных». Реальное количество этих лиц, внесенных в римско-католические списки, и пытался определить управляющий Виленской епархией после подведения итогов государственной ревизии епархиального управления в 1911 г.

Последняя попытка правительства решить затянувшийся вопрос о легализации конфессиональной принадлежности членов этой группы была предпринята уже в условиях начавшейся Первой мировой войны. 17 июля 1915 г. МВД издало циркулярное распоря-

¹ ЛГИА. Ф. 694. Оп.1. Д. 2836. Л. 167.

² Там же. Л. 51.

³ Там же. Л. 158.

жение всем римско-католическим епархиальным начальникам. Принятый нормативный акт подводил правовую черту под неопределенным статусом «заведомо православных». Эти лица, с соблюдением ряда формальностей, юридически признавались католиками со дня фактического присоединения их к Римско-католической церкви в период с 17 апреля по 1 ноября 1905 г.¹

События военного времени, затронувшие значительную часть территории Северо-Западного края, не позволили правительству решить до конца проблему «заведомо православных», возникшую в результате межведомственного конфликта церковной и светской бюрократии. В этой связи невольно возникает вопрос о распределении ответственности за появление группы лиц, внесенных в списки Римско-католической церкви, но не оформивших свое присоединение юридически. Возложение вины на одну из сторон не может послужить объяснением того, почему правоприменительная практика относительно указа от 17 апреля оказалась недостаточно эффективной. Генезис проблемы «заведомо православных» позволяет сделать следующие выводы.

Непосредственной причиной конфликта стала недальновидность правительства, не предпринявшего своевременных мер по правовому оформлению процедуры перехода из православия. Отсутствие государственного механизма реализации положений указа от 17 апреля 1905 г. создало временной зазор, который позволил римско-католической иерархии оперативно ввести в действие свои епархиальные процедуры регистрации. Своевременное введение в действие церковных циркуляров стало мощным стимулом для организации массовых переходов «упорствующих» из православия в католичество. Эти эффективные действия вывели на время процессы и процедуры переходов в Могилевской архиепархии, в Виленской и Тельшевской епархиях из-под контроля исполнительной власти и духовенства «господствующей» церкви. Решение правительства восстановить контроль над применением на практике указа о веротерпимости и ввести в процедуру перехода «увещания» православного духовенства, последовавшего в форме циркуляра МВД от 18 августа 1905 г., натолкнулось на сопротивление католического епископата Северо-Западного края и управляющего Могилевской архиепархией.

В конфликте центральной светской власти и подчиненной ей епархиальной церковной бюрократии за приоритет в применении властных полномочий столкнулись одновременно интересы «господствующего» православия и «терпимого» католичества. Каноническая власть католического епископата стала претендовать на решение вопросов, имевших государственный характер. Это столкновение предопределили содержание, остроту и длительность конфликта.

После издания циркуляра МВД от 18 августа, положения указа от 17 апреля 1905 г. уже не давали римско-католическому епископату и прелату Денисевичу никаких юридических оснований для упорного сохранения присвоенного себе права решать собственной духовной властью проблему регистрации переходов из православия в католичество. Проблема «двоевластия» носила сложный церковно-государственный и общественный характер. Ее конструктивное правовое решение предполагало последовательное соблюдение интересов всех заинтересованных участников реализации указа от 17 апреля 1905 г., — лиц, желавших присоединиться к католичеству, государства, католического и православного духовенства. Упущенная возможность сотрудничества и взаимного соблюдения интересов могла быть реализована при условии соблюдения тех правил поведения, которые предлагала российская исполнительная власть. Для этого от католического епископата требовалось наличие политической воли, предполагавшей готовность к принятию компромиссных решений и решимость к преодолению связанных с ним рисков.

¹ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2836. Л. 160.

Реализация указа потребовала от католических участников конфликта следования нормам светского законодательства и требований государственной дисциплины. Попытка же использовать дарованную религиозную свободу в интересах только одной из сторон неизбежно повлекла за собой цепь межведомственных столкновений. Возникшие в период «двоевластия» социальные и правовые издержки легли на плечи «заведомо православных» мирян и тех католических священников, которые подвергались опасности судебных преследований за вольное или невольное нарушение норм «Уголовного уложения», защищавших права «господствующей» Церкви.

Административно-правовой конфликт, возникший между епархиальным епископалом и правительством в результате различий в интерпретации закона о веротерпимости, с формальной точки зрения не вышел за рамки межведомственного спора. Однако перемещенный на уровень приходов, этот конфликт интерпретаций, выросший из глубоких религиозно-этнических противоречий, приобрел широкий социально-политический резонанс. На уровне приходов и семей этот конфликт, эмблематическим знаком которых стал юридический феномен «совращения», втянул в воронку противостояния и насилия тысячи христиан – католиков и православных.

МЕТАМОРФОЗЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ И РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАДИЦИЯ МЕСТНОГО КАТОЛИЦИЗМА

1. Действие указа от 17 апреля 1905 г. в губерниях Северо-Западного края

Издание указа от 17 апреля 1905 г. вызвало положительную и зачастую восторженную реакцию католического духовенства и его паствы¹. Она укладывалась в привычный сценарий поведения подданных, который выражался в форме потока «всеподданнейших адресов с выражением верноподданнических чувств» как ответ на даруемую монархом с высоты престола «высочайшую милость». Император, получая многочисленные благодарственные отзывы на принятое им решение, должен был увериться в религиозной и политической эффективности принятого закона о веротерпимости, призванного, по его замыслу, установить отношения «мира и любви» между издавна соперничавшими в крае конфессиями. Тем неожиданной оказались непредусмотренные указом формы поведения как самих «упорствующих», так и части католического духовенства и мирян.

Одновременно с официальной кампанией благодарственных адресов и богослужений начала набирать обороты и другая, «низовая» кампания, принявшая массовый характер, в ходе которой проявились различные формы прозелитизма и религиозно-этнической нетерпимости. Этот «низовой» сценарий реализации указа начал разыгрываться в религиозно-этническом пограничье Царства Польского, на стыках польско-католических и православных приходов, образованных в основном из бывших униатов².

В Северо-Западном крае очаги религиозно-этнической напряженности возникали на стыке католических приходов с теми православными приходами, которые были образованы из присоединившихся к православию католиков во второй половине 60-х гг. XIX в. Многолетнее существование «упорствующих» в таких приходах делало их источниками религиозно-этнических противоречий и создавало социально-психологические условия для накопления протестных настроений. Православные приходы, имевшие в своем составе группы «упорствующих», стали точками напряженности, вызывавшими изменения в поведении духовенства и мирян соседних с ними католических приходов. Прежние устоявшиеся формы добрососедских отношений между православными и католиками

---

¹ ЛГИА. Ф. 694. Оп.1. Д. 2803. Л. 2–51.

² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 35–36; *Евлогий (Георгиевский митр)*. Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С.145; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 4–5, 10, 21, 42–42, 51–52, 58; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 2288. Л. 1–2.

начали стремительно трансформироваться в направлении нетерпимости, различные проявления которой резко изменили характер межконфессиональных отношений в районах со смешанным православно-католическим населением.

В Северо-Западном крае религиозно-этническое пограничье имело сложную конфигурацию. В основном оно охватывало территорию на стыке польско-литовских приходов с православными в Виленской губернии и, частично, в Ковенской губернии. В Гродненской и Минской губерниях эта граница пролегла по ряду уездов, не образуя сплошной линии. В Витебской губернии католическое белорусское и латышское население было сосредоточено в основном в нескольких уездах. В Могилевской же губернии католическое население было незначительным¹.

Анализ происхождения этих негативных трансформаций следует начать с того, что аккумулированные протестные настроения «упорствующих» и «колеблющихся», получившие узаконенный указом выход, не вылились в длительный процесс постепенного перехода из православия в католичество многих десятков тысяч людей. В соответствии с положениями указа от 17 апреля, переход из православия в иные вероисповедания должен был осуществляться в результате свободного выбора, сделанного самими желающими без какого-либо внешнего миссионерского воздействия в форме пропаганды преимуществ своей религии, агитации, использования материальных стимулов, ложных слухов, насилия и т. д. Как уже отмечалось, указ предусматривал процесс решения многолетней проблемы «упорствующих» и «колеблющихся» в качестве эволюционного, в рамках общего положения, устанавливавшего право свободного выхода из православия всех желающих без разрешения административной власти. То есть призван был обеспечить упряднение затянувшихся религиозных конфликтов и противоречий безболезненным, правовым способом².

В действительности же, предлагаемый законом процесс осуществления религиозного выбора лиц, «отпадавших» от православия, принял непредусмотренные правительством стихийные «низовые» формы, инициативу появления которых и способы регуляции взяло на себя католическое духовенство. Возникла парадоксальная, на первый взгляд, практика социально-психологического поведения тех, кто получил реальные правовые дивиденды от законодательного решения 17 апреля 1905 г.

Она нашла свое воплощение в том, что процесс воссоединения «упорствующих» с Католической церковью с самого начала стал приобретать черты массового, стремительно развивающегося, религиозного движения, в ходе которого в качестве социальных маргиналий возникали различные формы противоправного поведения, выходящего за границы действовавшего законодательства о веротерпимости. Основные черты этого процесса резко обозначились в православной Холмско-Варшавской епархии Царства Польского, затем волна массовых переходов из православия в католичество поднялась и в Северо-Западным крае. Это низовое религиозное движение возникло, прежде всего, в тех право-

¹ В Ковенской губернии православное население составляло незначительное меньшинство. На 1 214 603 католиков приходилось 46 601 православный и около 28 тысяч старообрядцев / Виленский календарь на 1905 год. Вильна, 1905. С. 112. ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 352. Л. 16–17; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. IV. Тетрадь 3. Виленская губерния. 1903. С. IX–X, 54; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. XI. Гродненская губерния. 1904. С. VI–VII, 100; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. V. Тетрадь 3. Витебская губерния. 1903. С. IX–X, 74; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. XXII. Минская губерния. 1904. С. VIII–X, 78; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. XXIII. Могилевская губерния. 1903. С. VII–VIII, 94.

² Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г. / под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 34–38.

славных приходах, которые были образованы в 1865–1870 гг. и состояли в основном из бывших католиков и униатов. Наиболее активные формы оно принимало в местностях, где православное население находилось в меньшинстве, что было характерно для Виленской и части Гродненской губернии.

По неполным сведениям Святейшего Синода география и статистика наиболее значительных отпадений от православия по приходам Северо-Западного края за 1905–1907 гг. выглядела следующим образом. В Волковыском уезде Гродненской епархии перешли в католичество в Порозовском приходе – 993 человека, Мижевичском – 338 человек, Изабелинском – 223 человека и Брянском приходе Бельского уезда – 242 человека. Наибольшее количество лиц, покинувших православие в Северо-Западном крае, насчитывалось в Литовской епархии. Значительные по численности переходы в католичество произошли в православных приходах Виленского уезда: Быстрицком – 957 человек, Островецком – 585 человек, Шумском – 514 человек, Цуденишском – 310 человек, Рукойнском – 512 человек, Рудоминском – 456 человек, Кердеево-Ильинском – 781 человек и Подберезском – 1456 человек. В Дисненском уезде более всего отпавших от православия насчитывалось в приходах: Лужецком – 356 человек, Друйском (Благовещенском) – 454 человека, Новопогостском – 339 человек, Перебродском – 432 человека и Псуйском – 339 человек. В Вилейском уезде наиболее значительные отпадения происходили в приходах: Дуниловичском – 300 человек, Груздовском – 347 человек и Норицком – 360 человек. В Ошмянском уезде самые многочисленные переходы произошли в Кревском Свято-Троицком приходе – 520 человек.

В Минской епархии основные отпадения от православия произошли: Екатерининская церковь г. Минска – 433 человека, местечко Волма – 2979 человек, село Дуброва – 917 человек, местечко Изяславль – 585 человек и местечко Раков Минского уезда – 538 человек. В местечке Логишин Пинского уезда число отпавших составило 1700 человек¹.

Из общего количества лиц, перешедших из православия в католичество в названных приходах, большую часть составили проживавшие в них компактно бывшие «упорствующие» в латинстве. Они составили основу движения в названных выше приходах Волковысского уезда Гродненской епархии, в Виленском уезде Литовской епархии, в Минском и Пинском уездах Минской епархии, которые на протяжении сорока лет были проблемными для миссионерских усилий православного духовенства.

Удерживаемые принудительно законом в православии, эти люди, бывшие носителями «конфессионального наследия» католичества, по истечении многих лет обрели, наконец, возможность легально исповедовать римско-католическую веру, к которой они и их предки ранее принадлежали.

Всего с 17 апреля 1905 г. до декабря 1907 г., по данным обер-прокурора Святейшего Синода, число отпавших из православия в католичество составило по епархиям: 1) Литовская – 18 000; Минская – 12 901; 3) Гродненская – 5171; 4) Полоцкая – 3952².

Более точная статистика была представлена МВД к 1911 г.

Следует отметить, что причины массовых отпадений от православия, указанные в отчете обер-прокурора Святейшего Синода, касавшиеся в первую очередь Холмской епархии, объясняют в известной степени поведение «упорствующих в латинстве» Северо-Западного края и белорусских губерний, получивших, наконец, реальную правовую возможность покинуть «господствующую» Церковь. В качестве частичных причин отпадений общих для всех указанных регионов называлась открытая пропаганда ксендзов, угрозы и насилие в отношении православных, экономическое принуждение помещиков-католиков к принятию

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37367. Л. 36; Ф. 295. Оп. 1. Д. 7371. Л. 441; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 51; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 59; Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 29–30.

² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 29.

	1905 г.	1906 г.	1907.	1908 г.	1909 г.	1910 г.	Итого
Губернии Северо-Западного края							
Виленская	16286	6862	2332	944	276	382	27082
Ковенская	900	124	106	18	12	28	1188
Гродненская	3625	342	81	194	426	444	5112
Итого	20811	7328	2519	1156	714	854	33382
Белорусские губернии							
Витебская	2288	1245	484	294	175	162	4648
Минская	8787	5686	20	353	710	568	16124
Могилевская	1084	298	5	82	61	102	1632
Итого	12159	7229	509	729	946	832	22404
Общий итог по 6 губерниям	32970	14557	3028	1885	1660	1686	55786 ¹

католичества православными крестьянами. Была отмечена и такая причина отпадений – «вступление в смешанные браки. Их особенно рекомендовали ксендзы, отлучавшие супруга римско-католического исповедания от причастия до тех пор, пока он не приведет к костелу другого супруга. Вследствие этого семейная жизнь для православного в таком браке превращалась в непрерывное мучение, оканчивавшееся обычно отпадением от православия. С не меньшей энергией действовали и различные религиозные общества, в римско-католичестве – рожанцовые братчики, сестрицы и др. Все эти средства пропаганды в высшей степени разжигали фанатизм и вносили обостренные отношения между народностями².

В свою очередь МВД, анализируя причины отпадения от православия, особую роль отводило экономическим факторам. Вот как писал об этом министр внутренних дел Н. А. Маклаков: «Желая использовать в своих прозелитических целях дарованное свыше право каждого веровать и молиться по велениям его совести, р-к священники предприняли целый ряд мер для принуждения православных, под влиянием условий материального свойства, присоединиться к католичеству. Имеется много примеров, когда помещики под влиянием ксендзов отказывали православным в зарботке, если они не переходили в католичество, стесняли их в пользовании сервитутами»³.

Слова министра подтверждал епископ Минский Михаила (Темнорусов), который отмечал, что: «на помощь католической миссии были призваны имущие классы латинско-польского общества. Последние стали оказывать давление на православных в пользу принятия католичества, используя рычаги экономического принуждения». Епископ утверждал, что: «никто из католиков ни под каким видом не продаст православному и пяди земли. Поэтому простая аренда земель, в большинстве принадлежащих в губернии католикам-полякам, служба в польских помещичьих экономиах и даже частных домах католиков в качестве прислуги стали служить могущественным орудием совращения право-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 244.

² Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 35–36.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 2.

славных в католицизм»¹. Действительно, нередко были случаи, когда православные крестьяне теряли работу в помещичьих имениях за отказ стать католиками².

Встречались факты, когда под гнетом материальной нужды православные, по требованию помещиков и арендаторов, вынуждены были принимать католицизм. По словам обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблера в Полоцкой епархии: «Положение православных белорусов, находящихся в экономической зависимости от польских панов, крайне тяжелое. Все необходимое для существования крестьянина (земля, лес, вода, пастбища) находится во власти помещика, который может лишить ненавистного «схизматика» всех средств к жизни. В Дриссенском уезде целые деревни Сарианского и Росицкого приходов под влиянием пана перешли в католичество»³.

Администрация края и белорусских губерний, православное духовенство и часть мирян тех приходов, где совершались многочисленные переходы в католичество, столкнулись с проблемами, аналогичными с теми, которые переживались их единоверцами в Холмской Руси. Перечень этих проблем, связанных с массовым нарушением действовавших норм законодательства о веротерпимости выглядел следующим образом: незаконный прозелитизм католического духовенства и мирян, «совращение» в католичество, включавшее методы принуждения, физического и психологического террора, порицание православной веры, пропаганда польского этнонационализма, этническая нетерпимость, русофобия и т. д.⁴.

В условиях Северо-Западного края, в силу меньшей численности «упорствующих», движение за воссоединение с католичеством не могло получить тех размеров, которые были характерны для Царства Польского. Но и здесь, в отдельных местностях с преобладанием католического населения, оно приобрело массовый характер, организованность и динамику которому придавали сочетание факторов легального и нелегального порядка. Официальная кампания благодарственных богослужений и верноподданнических адресов, циркуляры римско-католического епископата о порядке перехода из православия формировали настроения массового религиозного подъема, который переживался как долгожданное торжество истинности католической веры. Стереотипные выражения монаршего благоволения к прихожанам и духовенству Католической церкви в форме ответа «прочел с удовольствием» немедленно включались в механизм приема в католичество, подготовленный усилиями епископа фон Роппа и приходского духовенства.

Вот характерный пример пропагандистского воздействия такого механизма. В местечке Глубоком Дисненского уезда местный настоятель в воскресный день зачитал прихожанам ответ императора на благодарственную телеграмму, которая была послана ему по случаю дарования указа о веротерпимости. Затем настоятель обратился к присутствующим в костеле с такой речью: «Теперь я скажу вам порядок, которого вы должны придерживаться. Желающие присоединиться к католичеству посылают заявления епископу. Когда получите разрешение, я оповещу в приходе, назначу день и час. Пусть придут в чистых одеждах. Все присоединившиеся соберутся на площади. Я их встречу с подобающей честью, с колокольным звоном. После этого я торжественно введу их в костел, где они упадут с молитвой перед этим алтарем»⁵.

¹ НИАБ. Ф.136. Оп. 1. Д. 37367. Л. 36–37.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 190; НИАБ. Ф.136. Оп. 1. Д. 37367. Л. 36–37; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37167. Л. 115; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37360. Л. 41, 46, 69, 96, 103, 207, 220; *Гринякин Н.* Плоды вероисповедной свободы // Миссионерское обозрение. 1908. № 12. С. 1628–1629, 1636.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37359. Л. 187, 195; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37360. Л. 41, 103, 224; Ф. 1430. Оп. 1. Д. 54191. Л. 32 об.

⁴ *Евлозий (Георгиевский) митрополит.* Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 140–141. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 2288. Л. 1–2; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 4–5, 10–11, 58; Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 196 об.

⁵ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 41.

Как следует из донесений Виленского и Гродненского губернаторов, «католическое духовенство, не довольствуясь легальными способами воздействия, во многих случаях прибегало к таким приемам, кои совершенно не соответствовали носимому ими сану служителей Церкви. Совершались при особенно торжественной обстановке богослужения в костелах с произнесением фанатических проповедей, в коих ксендзы, порицая православие, старались доказать, что первая и господствующая религия есть римско-католическая, и под влиянием этого целые массы прошений о переходе из православия в католичество поступали к ксендзам и направлялись в канцелярию епископа»¹.

Религиозная эйфория, порожденная указом, трансформировалась в незаконную миссионерскую инициативу части римско-католического духовенства и активных мирян из нелегальных католических братств. Это стремительно разрастающееся движение выходило за установленные законом границы и ставило своей целью не только возвращение всех «упорствующих» и «колеблющихся» в лоно Римско-католической церкви, но и противозаконное обращение в католицизм тех православных, которые, оставшись в меньшинстве в своих селениях, продолжали сохранять верность Православной церкви. По свидетельству Виленского генерал-губернатора А. А. Фрезе, проживавшее в Северо-Западном крае многочисленное католическое население: «...до указа от 17 апреля негласно пополнялось так называемыми «упорствующими» и «колеблющимися» – православными и присоединившимися к православию из личных материальных выгод католиками и униатами. С обнародованием указа все эти привходящие элементы православного населения Северо-Западного края стремительной волной хлынули обратно в католичество, увлекая своим движением и соприкасавшихся, так или иначе, с ними православных»².

Уже первые результаты массового движения недвусмысленно давали понять администрации, что количество лиц, переходящих в католичество, заходит гораздо дальше того предела, который содержал имевшийся протестный потенциал «упорствующих» и «колеблющихся» – бывших католиков и униатов, проживавших в конфессионально-этническом «пограничье».

Сведения о первых серьезных проблемах, с которыми столкнулось православное духовенство и его паства в западных губерниях, были довольно быстро доставлены императору представителями консервативной прессы и непосредственными участниками событий. Редактор-издатель газеты «Московские ведомости», основатель Русской монархической партии, В. А. Грингмут 9 мая 1905 г. опубликовал статью с показательным названием – «Кризис православия». Через два дня товарищ обер-прокурора Святейшего Синода А. А. Ширинский-Шихматов послал эту статью Николаю II. В статье говорилось о Подляшье, которое после выхода указа начало подвергаться «яростной колонизации», в результате чего, по мнению автора, ущемлялась православная вера. «И все это совершается во имя «веротерпимости», во имя «религиозной свободы»! – восклицал Грингмут³. Информация, предоставленная «Московскими ведомостями», была подтверждена депутацией православных, побывавшей у монарха.

12 мая 1905 г. состоялась встреча настоятельницы Красностокского монастыря Гродненской епархии игуменьи Елены с императором Николаем II и его супругой Александрой Федоровной. Настоятельница была представлена императорской чете вместе с игуменьями Лесненского и Вировского монастырей Седлецкой губернии и пятью православными белорусами – крестьянами той же губернии. Православная депутация обратилась к императору с просьбой: «О принятии мер к предупреждению превратного толкования лицами римско-католического духовенства Высочайшего указа от 17 апреля с. г. о веротерпимости, последствием чего является усиленная пропаганда католичества в местностях,

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 155 об.

² Там же. Д. 403. Л. 25.

³ Фирсов С. Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 176–177.

населенных бывшими униатами, и массовое совращение их из лоно Православной церкви»¹.

Поэтому уже 13 мая 1905 г. министр внутренних дел А. Г. Булыгин передал Виленскому генерал-губернатору А. А. Фрезе строгое указание Николая II: «Ввиду поступающих сведений о том, что римско-католические духовные лица, превратно толкуя Высочайший указ от 17 апреля сего года о веротерпимости, позволяют себе пропаганду католичества, и что такая пропаганда имеет, между прочим, место в Гродненской губернии, в местностях, пограничных с Седлецкой губернией, населенной бывшими униатами. Государь император повелевать соизволил Вашему Высокопревосходительству о необходимости принятия самых решительных мер к предупреждению незаконной деятельности ксендзов и к разъяснению населению истинного смысла вышеозначенного указа». Министр напомнил генерал-губернатору о том, что действующий закон, воспрещающий лицам иностранных исповеданий «прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии» указом 17 апреля не отменен².

Требование императора к А. А. Фрезе заключалось в том, чтобы взять религиозную ситуацию под контроль и не допустить того, чтобы католическое духовенство своими незаконными поступками дискредитировало указ о веротерпимости в глазах православного духовенства и населения. По сути дела, речь шла не только о требовании соблюдения правопорядка, но и о защите авторитета монарха, имевшего, согласно «Основным государственным законам», особые правовые и религиозные обязательства перед Православной церковью³.

Первые жалобы православных на непредвиденные негативные последствия применения указа, поступавшие одновременно с благодарственными телеграммами от католического духовенства и старообрядцев Северо-Западного края, подтверждали вышеупомянутые опасения императора, высказанные им 3 мая 1905 г. Комитету министров.

В это время обер-прокурор Святейшего Синода и министр внутренних дел уже располагали сведениями о начавшемся массовом движении бывших униатов за воссоединение с католичеством в Люблинской, Седлецкой и Сувалкской губерниях Царства Польского, которое сопровождалось проявлениями религиозно-этнического насилия⁴. Возникали реальные опасения, что начавшаяся в этих местах пропагандистская кампания, сопровождаемая различными эксцессами религиозно-этнической нетерпимости в отношении православных, может перебраться и на территорию Северо-Западного края.

О том, что аналогичные эксцессы уже начались в этом регионе, свидетельствовало письмо помещицы Виленского уезда О. К. Елиашевич, направленное ею 19 мая на имя губернатора К. К. фон Палена. В письме помещица указывала на тяжелое положение крестьян, оставшихся верными православию. Крестьяне говорили ей, что «если им до сих пор было трудно жить среди большинства католиков и «упорствующих» православ-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 399. Л. 20.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 9. В данном случае речь шла о ст. 4 Устава духовных дел иностранных исповеданий, издание 1896 г., и ст. 70 Устава о предупреждении и пресечении преступлений, издания 1890 г. Тексты указанных статей утверждали монополию Православной церкви на миссионерскую деятельность и запрещали всякое проявление прозелитизма со стороны инославных христиан и иноверцев. Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. СПб., 1896. Ст. 4; Т. 14. СПб., 1890. Ст. 70.

³ Статья 42 Основных государственных законов гласила: «Император яко христианский государь есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правотверия и всякого в церкви святой благочиния». Свод законов Российской империи. Т. 1, ч. 1. СПб., 1892. Ст. 42.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 21; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 2288. Л. 1; Сафонов А. А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства в Российской империи в начале XX века. Тамбов, 2007. С. 155–156.

ных, не было прохода от брани, насмешек и насилия большинства, то теперь, когда все начальство у них, начиная с урядника, будет польское, то просто хоть бросай хозяйство и уезжай отсюда». Местные ксендзы и поляки-помещики уверяли крестьян, что «скоро все будут поляками, церкви будут обращены в костелы, русские власти заменены поляками». О. К. Елиашевич писала о методах новоявленных миссионеров, которые «действуют всеми зависящими от них мерами: угрозами, извращением фактов, преднамеренным обманом и т. д., громко проповедуя с амвона, что Государь повелел всем переходить в католичество»¹.

В то время как виленскому губернатору поступали первые тревожные известия о насилиях и фальсификациях, сопровождающих применение указа католическим духовенством, в канцелярии гродненского губернатора подобные сведения еще не поступали. Тем не менее в качестве первого шага по исполнению воли императора А. А. Фрезе поставил в известность губернатора М. М. Осоргина, который 24 мая 1905 г. издал циркулярное распоряжение уездным исправникам. Гродненский губернатор сообщал полицейским чиновникам основные положения, изложенные А. Г. Булыгиным в письме к Виленскому генерал-губернатору. Он указывал исправникам, что действующие законы, в частности ст. 4 Устава иностранных исповеданий и статья 70 Устава о предупреждении и пресечении преступлений о запрещении прозелитизма среди православных, не были отменены указом от 17 апреля. Поэтому действия ксендзов, имеющие своей целью склонение тем или иным способом православных к принятию католичества, не только незаконны, но и противоречат прямым указаниям Виленского римско-католического епископа, изложенным в его окружном послании приходскому духовенству за № 1147 от 21 апреля.

Циркуляром предписывалось в кратчайшие сроки донести начальнику губернии о случаях проявления незаконной деятельности ксендзов со времени издания указа от 17 апреля. При этом губернатор вменял в обязанность полицейским властям отнестись к исполнению указанного предписания с тем вниманием, какого оно заслуживало в своей важности с точки зрения общегосударственных интересов².

Вслед за гродненским губернатором Осоргиным в процесс наблюдения за применением указа от 17 апреля включился и виленский губернатор К. К. фон Пален. Для изучения религиозной ситуации, сложившейся после 17 апреля в Виленской губернии, был направлен советник губернского правления В. Г. Пугавко, который в конце мая посетил Дисненский, Лидский и Виленский уезды. По сообщению чиновника, после издания указа «видимо обострились» раздоры и несогласия в смешанных семьях, «вызывая движение во всей массе крестьянского православного населения и особенно католиков. Среди населения, – сообщал Пугавко, – циркулируют слухи о «массовом якобы переходе православных в католичество, несомненно, порождаемых верой католиков в преимущество и конечное торжество католичества перед всякой другой верой». В качестве примера нарастающей межрелигиозной вражды чиновник приводил пример, когда в районе местечка Лужки Дисненского уезда на базарной площади вспыхнула драка между крестьянами. Осип Котович, православный, обратился к собравшимся крестьянам с заявлением приблизительно такого содержания: «Моя жена и дочь перешли в католичество, католики вносят в наши семьи раздор, а потому мы, православные, должны устроить католикам погром, как жидам». Выступление Котовича привело к драке, которая была прекращена только с появлением полиции³.

Весьма интересными представляются наблюдения В. Г. Пугавко о положении православия в Быстрицком, Островецком, Шумском и Рудоминском приходах Виленского уезда, которые были известны наличием значительного числа упорствующих. По его словам,

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 7–8.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 54

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 39–41, 47–48.

на эти приходы епархиальное начальство обратило внимание только в конце 1890-х гг., когда настоятелями были поставлены молодые и энергичные священники. К началу 1900 г. религиозная жизнь в этих приходах значительно оживилась. Количество лиц, бывших у исповеди, с каждым годом возрастало. Но сохранялись и «упорствующие», от 260 до 100 человек в каждом приходе. Работали церковноприходские школы и школы грамотности, существовали церковные хоры. По единогласному свидетельству священников, все до самого последнего времени заставляло их думать, что «дела идут к лучшему», что приходы их обратились, наконец, благодаря усилиям последнего времени в «настоящие православные приходы, живущие полной жизнью». «Храмы не пустовали, как в прежнее время, и были полны молящимися».

После указа от 17 апреля, по словам священников, произошло нечто непостижимое. Лишь стало известно содержание указа, толпы крестьян направились сначала к настоятелю Ворнянского костела, а затем к настоятелям Буйвидского и Кемелишского костелов переписываться из православия в католичество. Так как ксендзы объявили, что желающие переписаться должны подать прошение римско-католическому епископу, то в некоторых пунктах образовались как бы конторы для написания таких прошений. По сведениям В. Пугавко, в Быстрицком приходе из 2000 душ в православии осталось не более 30–40, в Островецком из 767 не более 40–50, в Шумском из 740 не более 20–30. Он отметил, что моральное состояние священников и прихожан, оставшихся верными православию, «очень тяжелое»¹. Однако больше никаких серьезных эксцессов, свидетельствовавших о росте межконфессиональных и межэтнических противоречий и конфликтов в указанных уездах, губернский чиновник не называл.

Следующим шагом Виленского генерал-губернатора А. А. Фрезе из области «самых решительных мер», предписанных Николаем II, было обращение к епископу фон Роппу. Генерал-губернатор рассчитывал, что совместные усилия светской и духовной властей смогут остановить противозаконную миссионерскую деятельность духовенства, вызвавшую недовольство императора.

Как уже отмечалось выше, А. А. Фрезе и подведомственная ему губернская администрация до получения разъяснения со стороны министра внутренних дел, последовавшего 4 июня, положительно оценивали издание церковного циркуляра от 21 апреля, рассматривая его как инструмент стабилизации межконфессиональных отношений на территории края. Виленский епископ воспринимался в это время в качестве ключевого партнера администрации, способного примирить в рамках нового закона интересы своей Церкви с интересами государства и православия. Для А. А. Фрезе конструктивный потенциал этого церковного документа заключался в обозначенной воле епископа мерами превентивного характера упредить возможные конфликты католиков с православными на почве неверного понимания указа от 17 апреля.

Следует отдать должное проницательности фон Роппа, который понимал большую вероятность того, что указ на приходском уровне будет истолкован как победа Римско-католической церкви над Православной и вызовет, в качестве ответной реакции, рост негативных настроений реванша в отношении к православным прихожанам и духовенству. Поэтому в пункте втором циркуляра от 21 апреля № 1147 во «избегание нежелательных недоразумений» были сформулированы указания римско-католическому духовенству Виленской епархии относительно поведения своей паствы: «Усиленно влиять на прихожан, если представится необходимость, дабы они избегали издевательств, хвастовства, заносчивости, а соблюдали такт, сдержанность и уживчивость с лицами иных исповеданий»².

События, последовавшие за выходом циркуляра, должны были показать, насколько эффективным окажется данное указание епископа в деле предотвращения процессов на-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 49 об.

² Там же. Л. 1.

растания межконфессиональных конфликтов и противоречий. В соответствии с циркуляром, от католической паствы требовалось соблюдения принятых в светской культуре элементарных норм бытового поведения в отношении своих религиозных соседей-христиан, исповедовавших иную христианскую веру. В связи с этим епископ обозначил только такую область проступков прихожан-католиков, которые подпадали под действие морально-психологических регуляторов в форме пастырских увещаний, которые могли не выходить за рамки благочестивых пожеланий. В стороне от внимания фон Роппа, осознанно или же нет, осталась область проступков противоправного характера, связанных с различными формами прозелитизма и насилия по отношению к православному населению.

Можно сказать, что циркуляр фон Роппа предусматривал возможность управления только теми негативными проявлениями спонтанной психологической реакции прихожан и «упорствующими», которые могли возникнуть как ответ на правовые и административные ограничения религиозной жизни, действовавшие в прошлом. Принципиального же запрета на противоправное поведение духовенства и мирян, связанного с различными формами прозелитизма среди православных, циркуляр не предусматривал. Его регулирующий, примирительный потенциал объективно был невелик, что, впрочем, не помешало А. А. Фрезе на первых порах возлагать на него определенные политические надежды.

В официальном письме к епископу фон Роппу от 25 мая генерал-губернатор поставил ему в заслугу издание циркуляра от 21 апреля, одоблив, как уже упоминалось выше, разработанную в нем процедуру перехода из православия в католичество. Фрезе отметил «заботливость» епископа, который, по его мнению, своевременно предупредил приходское духовенство епархии о недопустимости «ошибочного, вследствие излишнего усердия и увлечения», истолкования указа от 17 апреля о веротерпимости.

После столь одобрительной преамбулы А. А. Фрезе вынужден был обратить серьезное внимание фон Роппа на то, что некоторые священники все же нарушают требования закона и позволяют себе давать изданному императором указу «неподобающее оному толкование в смысле преимуществ ныне оказанной верховной властью римско-католической вере перед православной». А. А. Фрезе указывал ряд селений в Виленской и Гродненской губерниях (с. Буйвиды Виленского уезда, м. Лужки Дисненского уезда, м. Желудок Лидского уезда, м. Сидры и м. Новодворск Сокольского уезда), в которых приходское духовенство «свободу верований и молитв по велениям совести» понимает как способ борьбы двух поместных церквей и «искусственного привлечения в лоно одной из них чад другой». Генерал-губернатор призывал епископа «...всем своим авторитетом предотвратить повторение печальных случаев, когда смешивались понятия свободы совести с воздействием на таковую, не допустимом ни догматами Церкви, ни действующими в России законами»¹.

Генерал-губернатор мог бы привести еще ряд фактов, характеризующих противоправное поведение приходского римско-католического духовенства Виленской епархии. Например, в Виленской губернии настоятель Кемелишского костела ксендз Пласковицкий, прочитав первые три пункта указа, сказал своей пастве, что сам указ издан вследствие молитв Римского Папы к возвеличению Римско-католической церкви, для блага католичества и польской народности. Отныне католическая вера становится первенствующей в империи, посему православные должны немедленно подавать заявления о присоединении к католичеству. Настоятель Брянского прихода Гродненской губернии во время проповеди говорил народу, собравшемуся в костеле, что православная вера хуже всех вер. Если кто из православных не перейдет в Римско-католическую веру, тот будет навсегда потерян и никогда не сможет ожидать спасения от Бога»².

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 9.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 63; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 222.

Указанные факты откровенной фальсификации положений указа от 17 апреля подведомственным ему духовенством, казалось, должны были вызвать беспокойство у правящего епископа. Однако реакция фон Роппа на правонарушения его подчиненных была иной. В ответном письме от 15 июня фон Ропп напомнил генерал-губернатору, что в циркуляре от 21 апреля духовенству епархии им была предписана «сдержанность и уживчивость» по отношению к лицам иных исповеданий, а также недопустимость «всякого рода агитации, как со стороны духовенства, так и прихожан». Посчитав эту тему исчерпанной, епископ обратился к А. А. Фрезе со встречным предложением сделать распоряжение, которое бы предусматривало защиту католического духовенства от возможных «злонамеренных обвинений ни в чем не повинных ксендзов». Епископ предлагал, чтобы следствие по указанным обвинениям производилось в присутствии католического депутата¹.

Бюрократическая дипломатия генерал-губернатора, рассчитывавшего на привлечение фон Роппа, как ключевого партнера, к исполнению указания императора, не принесла ожидаемого успеха. Епископ дал ясно понять, что не доверяет достоверности информации, представленной ему генерал-губернатором, и высказывал явное сомнение в способности власти проводить объективное расследование в случаях обвинения ксендзов в прозелитизме и разжигании религиозно-этнической нетерпимости. Тем самым фон Ропп недвусмысленно указывал А. А. Фрезе, что в новых условиях, заданных указом от 17 апреля, он своим распоряжением от 21 апреля уже определил должные границы сотрудничества с государством и не считает нужным расширять эти границы в угоду требованиям местной администрации.

Анализируя текст указанного письма, нельзя не отметить известное лукавство епископа. Пункт второй циркуляра, цитируемый фон Роппом, как и весь текст этого документа, не содержат *никаких указаний* духовенству на недопустимость «агитации» с целью перехода в католицизм. Текст циркуляра не содержал требования о запрещении прозелитизма как противозаконной миссионерской практики, которая, как необходимый элемент, включала в себя пропаганду преимущества одной церкви над другой. Священникам предписывалось, в случаях «если представится необходимость»², лишь влиять на мирян с целью воспитания в них бытовой терпимости по отношению к православным.

Однако факты, приведенные генерал-губернатором, свидетельствовали о возникновении такого явления, как незаконная прозелитическая деятельность католического духовенства, которая сопровождалась проявлениями насилия над совестью православных. И вот сейчас, спустя почти два месяца после издания указа, фон Ропп ссылался на собственный документ, содержание которого явно не учитывало принципиальную новизну складывавшейся ситуации. Во всяком случае, распоряжение епископа не предусматривало возможность того, что возникнет необходимость с помощью епископской власти воспрепятствовать противоправным прозелитическим поступкам, которые начали совершать священники и миряне Виленской епархии. Поэтому ссылку на циркуляр, как на документ, призванный положительно воздействовать на светское правосознание ксендзов, трудно признать убедительной. Очевидно, это понимал и сам епископ, рассматривая свой ответ в качестве бюрократической отписки, акцентируя основное внимание генерал-губернатора на более существенных с его точки зрения вопросах – защите ксендзов, обвиняемых в правонарушениях.

Становилось очевидным, что генерал-губернатор, обязанный выполнить требование императора о пресечении с помощью решительных мер «превратное» истолкование указа от 17 апреля, не может рассчитывать на активное содействие епископа в форме до-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 10–11.

² Там же. Л. 1

полнительных циркулярных распоряжений, особо разъясняющих духовенству и мирянам епархии необходимость соблюдать нормы законодательства о запрете прозелитизма среди православных. Такие распоряжения были сделаны римско-католическим епископалом по указанию генерал-губернатора К. К. Максимовича только в Царстве Польском¹. Понятным было и то несомненное обстоятельство, что А. А. Фрезе, как глава краевой администрации, не мог допустить бесконтрольной эскалации межконфессиональных конфликтов, которые множились на его глазах в губерниях Северо-Западного края.

В сложившейся ситуации генерал-губернатор мог использовать такой инструмент политического воздействия на население, как гласность. У него была возможность с помощью периодической печати самому обратиться к православным и католикам края с разъяснением сущности указа о веротерпимости и о реально правовом соотношении его положений с действующими нормами о защите прав «господствующей» Церкви. Во всяком случае, это была бы своевременная попытка дать государственно-правовую интерпретацию указа и тем самым общедоступно и внятно заявить о решимости администрации добиваться соблюдения законности на территории края и не допустить разрастания религиозно-этнических конфликтов. Тем более, что прецедент официальной интерпретации указа генерал-губернатором уже был создан администрацией Царства Польского.

Однако в этот момент А. А. Фрезе не воспользовался примером Варшавского генерал-губернатора К. К. Максимовича, который 21 мая 1905 г. в «Варшавском Дневнике» обратился к населению Привисленского края с разъяснением сущности указа от 17 апреля 1905 г. В своем обращении Максимович популярно и ясно изложил населению позицию властей относительно содержания и действия нового закона: «Государь император указом от 17 апреля даровал свободу вероисповедания и в неизреченной своей милости освободил от преследования и невыгодных последствий лиц, отпавших от православной веры в другое христианское исповедание.

В этом указе государь император выразил уверенность, что даруемая льгота внесет мир, любовь во взаимные отношения православных и неправославных, между тем с горестным чувством приходится замечать, как некоторыми людьми по заблуждению или злой воле великая царская милость толкуется совершенно превратно. Иные, сами отпадая от православия, пытаются других православных склонить к отпадению в римско-католическую веру, обращаясь к подговорам, насмешкам, угрозам и насилиям.

Ныне государь император соизволил обратить внимание на подобные прискорбные и преступные действия, противные указу от 17 апреля и действующим законам. Напоминаю, по закону, сохраняющему полную силу (ст. 4 т. 11 Свода Законов), лишь одна господствующая Православная церковь пользуется правом свободно распространять свое вероучение, лицам же прочих вероисповеданий воспрещается склонять к переходу в их религии. Виновные в соращении из православия, в порицании православной веры и в кощунстве подлежат суду по общим уголовным законам.

Да не смущается русский православный люд разными нелепыми слухами, распространенными в народе, да ведает он, что православные церкви, монастыри и святые иконы царь православный и впредь никому не отдаст»².

Циркуляр Варшавского генерал-губернатора по правительственному телеграфу был передан А. А. Фрезе и затем распространен в светской и церковной периодике. Его сразу перепечатала газета «Северо-Западное Слово», а затем и «Гродненские Епархиальные Ведомости»³.

¹ РГИА. Ф. 821. Д. 1064. Л. 49–52.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 2.

³ Гродненские епархиальные ведомости. 1905. № 26. С. 685–686.

Что же касается администрации А. А. Фрезе, ее деятельность в эти летние месяцы ограничивалась в основном накоплением материалов, поступавших от православных консисторий и уездной полиции, наблюдавшей за неожиданной массовой вспышкой религиозно-этнического фанатизма, сопровождаемого демонстративными проявлениями лояльности к российской монархии. Замедленность публичной политической реакции генерал-губернатора на массовые нарушения законодательства о веротерпимости можно отчасти объяснить тем, что администрация А. А. Фрезе не смогла сразу оценить правовую сложность и масштабы появившейся проблемы, выяснить складывавшуюся динамику межконфессиональных конфликтов, предотвращение которых, не в последнюю очередь, требовало развертывания эффективной пропагандистской кампании.

Вероятно, в этом сказывалась свойственная бюрократии недооценка возможностей неофициальной и официальной региональной печати в пропаганде правительственной точки зрения на указ о веротерпимости. Впрочем, если таковая недооценка и существовала в первые месяцы после издания указа от 17 апреля, то к осени 1905 г. администрация хоть и с запозданием, но уже вполне уверилась в необходимости максимально использовать средства массовой информации. В частности, А. А. Фрезе в октябре 1905 г. обратился к гродненскому губернатору И. Л. Блоку, предлагая ему использовать печатные органы в качестве важного инструмента, с помощью которого администрация губернии должна разъяснить населению официальную точку зрения на труды православного Красностокского собора, состоявшегося 8–10 сентября в Гродненской епархии¹.

Фрезе полагал, что «местной прессе надлежит отметить их важное значение, особенно теперь, когда указ от 17 апреля 1905 г. о веротерпимости глубоко затронул интересы местного православного населения, в среде которого, постоянно путем печати правильное освещение этого законодательного акта, и связанных с ним вопросов, в духе укрепления православных начал, может во многом способствовать поднятию придавленного религиозного настроения православных»².

Возможно, что А. А. Фрезе на данном этапе развертывания событий счел достаточными для оповещения населения те официальные интерпретации указа, которые уже были опубликованы в региональных светских и церковных средствах массовой информации. Опубликованные разъяснения, в частности циркуляр Варшавского генерал-губернатора, носили общеправовой, популярный характер. Они преследовали двойную цель – успокоить растерянное православное население, внезапно ставшее объектом католического прозелитизма, и предупредить католическую сторону о противоправном характере ее действий.

Это была запоздавшая попытка администрации минимизировать социальные издержки его применения, дать правовое разъяснение содержанию указа «сверху» и тем самым пресечь попытки его самовольной интерпретации «снизу». В этих документах, в силу их специфики, не содержались указания на конкретные правовые инструменты, которые могла использовать администрация с целью наказания правонарушителей, совершивших преступления, связанные с насильственным совращением из православия. Произошедшая в течение короткого времени эскалация межрелигиозных конфликтов, сопровождаемая массовой реализацией скрытых рисков, заложенных в содержании указа, вызвала острую необходимость в определении таких инструментов. Однако процесс определения точных правовых возможностей администрации в области уголовных репрессий, налагаемых в судебном порядке на нарушителей законодательства о веротерпимости, на деле оказался непростым.

¹ Акты и протоколы собрания представителей духовенства и ревнителей православия из мирян Гродненской епархии в Красностокском женском монастыре 8–10 сентября 1905 г. Гродно, 1905. С. 1–15.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 44–45.

2. Администрация А. А. Фрезе и проблемы соблюдения религиозного правопорядка летом и осенью 1905 г.

Следует начать с того, что к моменту описываемых событий положения указа от 17 апреля еще не были согласованы со статьями главы II Уголовного уложения, утвержденной 22 марта 1903 г., и статьями Устава о предупреждении и пресечении преступлений. Далее, указ, изданный 25 июня 1905 г., предусматривал облегчение участи лиц, осужденных за религиозные преступления. Указом приостанавливалось возбуждение уголовного преследования за соращение из православия в другое христианское исповедание по части первой статьи 187 «Уложения о наказаниях», до введения в действие норм Уголовного уложения от 22 марта 1903 г.

Сохраняла силу лишь часть вторая этой статьи, которая предусматривала лишение всех прав состояния и ссылку на поселение в Сибирь за соращение из православного в другое христианское вероисповедание с помощью принуждения и насилия¹.

Таким образом, в соответствии с нормами реформированного законодательства о веротерпимости, соращение по-прежнему было запрещено законом, но нарушение закона без отягощающих обстоятельств не влекло за собой уголовного наказания для лиц, занимавшихся религиозной пропагандой. По существу действующий запрет на соращение из православия на практике представлял собой «*legem imperfectam*», т. е. закон несовершенный, лишенный карательной санкции. Вопрос о соращении православных без применения насилия над личностью был тесно связан с правом религиозной пропаганды или прозелитизма. В данном случае пропаганда среди православных по-прежнему рассматривалась как уголовное преступление. Виновные в произнесении публичной проповеди или публичном выставлении изображений, возбуждающих к переходу православных в иную веру, если деяние это учинено с целью соращения из православия, наказывались по новому Уголовному уложению, заключением в крепости на срок не свыше *одного* года или арестом².

Однако согласование ряда постановлений уголовного законодательства с указом от 17 апреля 1905 г., и введение в действие второй главы нового Уголовного уложения, в качестве мнения Государственного совета, было утверждено императором только 14 марта 1906 г.

Неудивительно, что сразу же после издания указа от 17 апреля администрация, находясь в ситуации правовой неопределенности, не сразу смогла проявить предписанную императором политическую решимость и воспользоваться имеющимися в ее распоряжении юридическими инструментами для пресечения религиозной пропаганды. Это позволяло католическому духовенству практически открыто начать заниматься прозелитизмом среди православного населения, не опасаясь уголовного преследования. По замечанию обер-прокурора Святейшего Синода: «Открытая пропаганда с особенной силой действовала в 1905 г. и первой половине 1906 г., пока не установилась уголовная за это ответственность»³.

¹ Собрание узаконений и распоряжений правительства № 117. 2 июля 1905. Ст. 1035 «Об облегчении участи лиц, осужденных за религиозные преступления».

² Уголовное уложение / Свод законов Российской империи. Т. 15. Пг., 1916. Ст. 90.

³ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 35.

В это же время «Положением» Комитета министров о порядке исполнения указа от 12 декабря 1904 г., утвержденным императором 11 февраля 1905 г., отменялись установленные ранее административные распоряжения, ограничивавшие в известной степени свободу исповедания веры для подданных, не принадлежавших к «господствующей» Церкви. Это принципиальное решение Комитета по отношению к римско-католическому духовенству было конкретизировано в положениях циркуляра МВД, изданном от 19 февраля 1905 г. В частности, отменялись меры взысканий в виде денежных штрафов, смещения виновных с приходов и заключения в монастыри, которые налагались в административном порядке на римско-католических священников за противоправные поступки. По признанию Особого совещания, обсуждавшего в 1899 г. новый проект «Уголовного уложения», это был действенный инструмент, позволявший администрации края оперативно, внесудебным порядком пресекать попытки католического духовенства посягать на паству «господствующей» Церкви¹.

Однако задачи правового реформирования государственных институтов, решаемые указом от 12 декабря 1904 г., вступали в противоречие с существовавшей практикой административных наказаний.

Комитет министров, обосновывая необходимость принятия указанного «Положения», приводил в качестве отрицательного примера сведения из последнего отчета Виленского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского. Отчет упоминал о «сравнительной многочисленности случаев наложения административной властью взысканий на римско-католическое духовенство в Северо-Западном крае»². В условиях строительства правового государства в России, новым этапом которого стало издание закона от 12 декабря 1904 г., дальнейшее сохранение прежних методов пресечения противоправной деятельности ксендзов, правительство считало уже недопустимым.

С целью последовательно правового решения вопроса о наложении взысканий за противоправные поступки римско-католического духовенства, А. Г. Булыгин обратился с предложением к Государственному совету – установить в законодательном порядке три вида наказаний, налагаемых властью министра внутренних дел на духовных лиц, нарушающих правовые нормы и не выполняющих распоряжений правительства. К ним относились: перемещение на другой приход, заключение в монастырь и увольнение от должности³. Однако в законодательном порядке эти меры были приняты Государственным советом и утверждены императором несколько позже – 26 декабря 1905 г.

Складывалась довольно парадоксальная ситуация. Изданием закона от 12 декабря 1904 г. правительство преследовало цель упрочения легальной формы власти, лишив администрацию возможности прибегать к мерам административного наказания римско-католических священников за проступки «противные видам правительства и враждебные православию». В условиях появления массового движения за присоединение к католичеству, когда деятельность некоторых ксендзов и мирян начала выходить за границы, предусмотренные указом от 17 апреля, у местной администрации, в результате законодательной инициативы правительства, попросту не оказалось средств, тактически необходимых для того, чтобы в экстренном порядке пресечь противоправную деятельность римско-католического духовенства.

В новой ситуации, несмотря на значительно выросшую остроту, сложность и масштабность религиозно-этнических противоречий и конфликтов, необходимо было дей-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 8. Л. 316–317.

² Извлечения из Особого журнала Комитета министров 25 января, 1, 8 и 15 февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г.» // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 84.

³ РГИА. Ф. 821. Оп.150. Д. 5. Л. 19.

ствовать исключительно правовыми методами. Введенная к этому времени М. Н. Муравьевым, К. П. фон Кауфманом и Э. Т. Барановым система административных мер по контролю над деятельностью католического духовенства, была уже юридически упразднена. Введение же новой практики администрирования в религиозных вопросах, включая наказания, исключалось законом от 12 декабря 1904 г.

Более того, в результате действия этого закона римско-католический епископат края фактически восстановил полноту своей канонической власти над духовенством. На этом этапе отмена административного контроля над католическим клиром придала отношениям епископата и администрации неопределенный правовой характер. Необходимость дальнейшего юридического оформления этих отношений было предусмотрено указом о веротерпимости, что и осуществилось несколько позже, 26 декабря 1905 г.

Но уже теперь администрации для воздействия на поведение приходского духовенства, в случаях, подпадающих под действие «*legem imperfectam*», т. е. различных форм «сворачивания» православных, не связанных с насилием, следовало обращаться за содействием к римско-католическим епископам. В свою очередь епископы, опираясь на свою де-факто восстановленную полноту канонической власти, должны были, согласно закону, требовать в своих епархиях от подчиненного духовенства соблюдения законодательства Российской империи¹.

Парадоксальность сложившейся ситуации заключалась в том, что теперь римско-католический епископат должен был препятствовать прозелитическим усилиям подведомственного ему духовенства и мирян по обращению православных в католичество. Но иерарх Римско-католической церкви, в силу данной им епископской присяги, должен был заботиться о распространении католической веры среди не католиков. Если раньше закон, под угрозой уголовного наказания, категорически запрещал прием в католичество членов «господствующей» Церкви, то открывшаяся после указа возможность легального перехода из православия ставила перед епископатом новую проблему. Взаимоисключающие аспекты в служении католического епископа в Российской империи частично утратили свою остроту. В новых условиях требовалось максимально сопрягать верность требованиям епископской присяги с полнотой использования тех возможностей, которые были предоставлены для католичества новым законом о веротерпимости. В этом случае возникал вопрос, до каких пределов этического и правового характера можно было допускать требуемое религиозным долгом привлечение православных в лоно католичества. Как показывала практика, повседневное решение его зависело во многом от личных качеств епископа, от позиции, занятой им в контактах с администрацией.

Итак, новые правила взаимоотношений между Католической церковью и государством, созданные указом о веротерпимости, предполагали восстановление полноты канонической ответственности епископата за поведение духовенства и мирян своих епархий. Новый закон предоставил заинтересованным сторонам, администрации и католическому епископату, практическую возможность усваивать новые практические методы управления и сотрудничества, особенно в решении ставших весьма острыми вопросов соблюдения нового законодательства о веротерпимости. В нашем случае речь шла о том, чтобы найти взаимоприемлемые решения для устранения нарастающих религиозно-этнических конфликтов и противоречий, связанных с некорректной с точки зрения права интерпретацией указа от 17 апреля 1905 г.

У генерал-губернатора А. А. Фрезе для выполнения указания императора, помимо распоряжения, отданного в середине мая Гродненскому губернатору, оставалась предусмотренная законом возможность обращаться к епископу фон Роппу за содействием в восстановлении правопорядка в конфликтных приходах с помощью применения к виновным

¹ Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1890. Ст. 66.

священникам наказаний, предусмотренных церковными канонами. Это была своего рода компромиссная попытка, рассчитанная на конструктивное сотрудничество.

А. А. Фрезе предполагал, не прибегая к нежелательным в тех условиях мерам уголовного преследования виновных, воспользоваться канонической властью епископа для устранения религиозной напряженности, вызванной незаконными действиями отдельных представителей римско-католического духовенства. Однако для успеха задуманного мероприятия необходимо было, во-первых, чтобы фон Ропп согласился применить свою власть для поддержания правопорядка в тех приходах, которые стали местом религиозно-этнических столкновений. Во-вторых, чтобы епископ признал обвинения, выдвинутые генерал-губернатором против ксендзов, «превратно» толкующих указ от 17 апреля, заслуживающими должного внимания, а следовательно, и необходимого церковного расследования. Однако, после того как министр внутренних дел А. Г. Булыгин предложил фон Роппу отменить действие циркуляра от 21 апреля № 1147, по причине несоответствия его положениям указа от 17 апреля 1905 г., возможность конструктивного сотрудничества генерал-губернатора и епископа в деле соблюдения католическим духовенством и населением действующего законодательства, существенным образом уменьшилась.

В начале июня А. А. Фрезе обратился к епископу фон Роппу с просьбой относительно проведения совместных действий по отношению к настоятелям Новодворского и Сидранского костелов ксендзам Клямму и Чаплику, чьи приходы находились в Гродненской губернии. Генерал-губернатор сообщал епископу: «Ксендзы, произнося в своих костелах проповеди, касающиеся указа от 17 апреля, решились ввести в заблуждение вверенную их духовному руководству паству, убеждая ее, что переход православных в католичество соответствует желанию Государя. Они же с церковной кафедры позволили себе уверять своих прихожан, что по приказанию Римского Первосвященника скоро будет восстановлено Царство Польское.

Принимая во внимание, что подобное воздействие на невежественные народные массы, – писал возмущенный А. А. Фрезе, – есть злонамеренный обман и сеяние смуты в умах и сердцах тех, кого служители престола Божьего должны непрестанно призывать к любви и мирному совместному развитию вместе с народностями других исповеданий. Я убежден, что Ваше Преосвященство вместе со мной примете самые решительные меры к устранению подобного рода явлений, единственным, и не для кого не желательным результатом повторения и учащения которых, может быть лишь самая суровая репрессия, перед которой, как не прискорбно мне будет, я не остановлюсь»¹.

В своем письме к епископу А. А. Фрезе сформулировал основные задачи, которые предстояло выполнить администрации края. Сущность их заключалась в том, чтобы обеспечить надежный правопорядок и, тем самым, создать благоприятные условия для реализации новых религиозных прав, полученных католическим и православным населением в результате указа от 17 апреля.

Поэтому вполне правомерным выглядит вывод о том, что объявленная указом религиозная свобода не могла быть совместима с проповедью прозелитического и этнонационалистического характера, которая явно противоречила подлинным целям нового закона. Такого рода проповедь, сеющая религиозную и этническую вражду, провоцирующая различные формы экстремизма, подлежала немедленному осуждению и запрещению. Однако для достижения поставленной задачи требовались совместные усилия государственных органов, католической иерархии и клира Северо-Западного края. Призыв администрации к такому сотрудничеству, обращенный к епископу фон Роппу, не встретил положительного ответа.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 399. Л. 19.

«Решительных мер», которые следовало предпринять генерал-губернатору со своей стороны для прекращения католической пропаганды и насилий над православными в эти летние месяцы 1905 г., так и не последовало. Очевидно, и самой администрации, в сложившейся ситуации правовой неопределенности, было еще не совсем ясно, в чем, собственно, заключалась сущность упоминаемых императором «мер» в отношении ксендзов и мирян, использовавших указ от 17 апреля для противоправных прозелитических целей. Например, полиция Гродненской губернии, выполняя требования циркуляра от 24 мая, предоставила администрации информацию о фактах порицания православной веры и толкования некоторыми приходскими ксендзами указа как «приказания отступить от православия и переходить в католичество»¹.

Однако далее констатации фактов пропаганды католицизма и религиозного принуждения православных деятельность полиции не пошла, да и не могла пойти. В конечном итоге решение о том, какие конкретные юридические нормы следует применять в отношении тех, кто, используя указ о веротерпимости, совершал противоправные проступки, зависело от генерал-губернатора. В условиях предоставленной указом религиозной свободы А. А. Фрезе следовало действовать крайне осторожно, чтобы не провоцировать католическую сторону и не давать тем самым повод к обвинениям администрации в предвзятом отношении к католикам, заявлявшим о своей политической лояльности престолу. Но с другой стороны, генерал-губернатор не имел права попустительствовать нарушениям правопорядка и отказываться от легитимного насилия в тех случаях, когда речь шла о преступных посягательствах католиков на совесть православных, их храмы, святыни и церковную собственность. Для выработки необходимых решений потребовалось время и достоверные факты, позволявшие сформировать достаточно объективное представление о причинах и характере правонарушений, динамике их роста и географии распространения. Необходимо было выяснить реальную социальную опасность для общественной стабильности в крае, которая проистекала из нарастающей динамики и остроты межконфессиональных противоречий и конфликтов. Постепенно общая картина нарушений норм веротерпимости начала складываться из пестрой мозаики фактов, взятых из сферы повседневных религиозных отношений.

Так, в конце июня 1905 г. исправник Сокольского уезда в рапорте гродненскому губернатору М. М. Осоргину доносил: «ксендзы вверенного мне уезда экзальтированные фанатики и ранее принимали все усилия, чтобы укоренить среди своих прихожан польский фанатизм, пробудить в них ненависть к православию и ко всему русскому и создать разные преграды к сближению крестьян католиков с православными...»

Факт, – писал исправник, – что все ксендзы, превратно толкуя указ 17 апреля, порицают православие и приказывают терциарам и терциаркам, не стесняясь мерами и способами, совращать православных в католичество. Но установить это фактически невозможно, так как католическое население не выдает, а православные – из-за боязни мести со стороны католиков обо всех проделках ксендзов и терциаров умалчивают»².

В конце мая в деревне Гирнуты Дисненского уезда Виленской губернии произошло столкновение между православными и католиками при попытке пригласить ксендза для умиравшей сестры хозяина дома, уже несколько лет как отпавшей от православия. Ревностные католички «девятки» Юзефа и Каролина Трубило, пригласившие ксендза, принесли католические иконы, которые поставили впереди православных икон. На замечания хозяйки дома Настасьи Лапковской «девятки» ответили, что «православные поклоняются иконам-идолам, православные церкви полны идолья, что православные кланяются

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 68–72.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 69–70 об.

своим иконам, а потом, ничего от них не получив, раскалывают и расщепают свои иконы и бросают в печь, что православная вера теперь ничего не стоит, что православные церкви к новому году закроют, а священников выгонят»¹.

Собравшиеся жители деревни – православные выгнали «девоток» из дома и заставили унести с собой католические иконы. Ксендз, узнав об этом, не решился приехать для напутствия умиравшей. Против Юзефы и Каролины Трубило было возбуждено уголовное дело по части второй 182 статьи Уголовного уложения².

Начальник гродненского губернского жандармского управления сообщал губернатору, что «12 июня в местечке Семятичах Бельского уезда католики А. Бартынский и В. Тваровский избili православного В. Савчука, женатого на католичке, за то, что он не переходит в католичество. Урядник и стражник, которые пытались помочь Савчуку, вынуждены были укрываться от собравшейся агрессивной толпы католиков и евреев. Крестьяне, числом 11 человек, обвиняемых в буйстве и нанесении побоев Савчуку, были судимы, но оправданы, так как урядник и стражник отказались от показаний, боясь мести католиков. Вообще, – отмечал начальник, – за последнее время замечается, что нижние чины полиции Бельского уезда, как и православное население, терроризированы католиками»³.

О нарастающей агрессивности в отношениях католиков к православным свидетельствовали и другие факты, доставляемые полицией и жандармерией губернским властям. К отношениям религиозной враждебности начинали примешиваться и русофобские настроения. Мещанин И. Лукошис в июне 1905 г. с криком «долгой кацапский крест» сломал православный крест на часовне Эйрагольской сельской лечебницы Ковенского уезда. По решению губернатора П. В. Веревкина Лукошис был привлечен к судебной ответственности по ст. 217 «Уложения о наказаниях»⁴. В начале июня крестьянин Кронской волости Троцкого уезда Б. Куцонис в деревне Велунцы в присутствии нескольких лиц утверждал, что «вера православная проклятая». На основании ч. 1, ст. 182 «Уложения о наказаниях» Куцонис был приговорен Виленским окружным судом на 7 суток ареста⁵.

11 июня в деревне Островок Сокольского уезда Гродненской губернии во время освящения общественного колодца священником Петром Елинецким, к нему подошла крестьянка той же деревни терциарка Юзефа Гудалевская со словами: «Нам не надо, чтобы русские черти освящали воду в колодце, я сама ее освятила» и хотела бросить в священника камень, но присутствующие жители остановили ее. Дело Гудалевской было передано судебному следователю Сокольского уезда⁶.

Указанные проступки свидетельствуют о том, что администрация прибегала к уголовным преследованиям виновных мирян в тех случаях, когда они попадали под действие

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 35–36 об.

² «Изобличенные в так называемом кощунстве, т. е. язвительных насмешках, доказывающих явное неуважение к правилам или обрядам Церкви православной, или вообще христианства, приговариваются: к заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев.../ Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1886. Ст. 182.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 71.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 76–77; «Кто с намерением оказать неуважение к вере христианской, будет истреблять или повреждать поставленные на публичных местах кресты, или изображения Спасителя, Богородицы и Святых угодников, или Ангелов, тот подвергается за сие: заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев, и, сверх того, если он христианин, предается церковному покаянию. Когда ж будет признано, что сие учинено им по неразумию или пьянству, то виновный приговаривается: к аресту на время от трех недель до трех месяцев» / Свод законов Российской империи. Т. 15. СПб., 1886. Ст. 217.

⁵ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 82–84.

⁶ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 71.

норм законодательства, предусматривавших карательные санкции. Что же касалось пропаганды католицизма и так называемых «совращений», осуществляемых ксендзами во внешне легальной форме выполнения указа от 17 апреля, то в этих случаях администрации оставалось полагаться на добрую волю римско-католического епископата. Однако в ситуации нарастающих межрелигиозных противоречий и конфликтов подобные упования начинали терять свое рациональное обоснование. Этому в немалой степени способствовали безрезультатные попытки администрации края привлечь к уголовной ответственности ксендзов, обвиняемых в порицании православной веры и противоправной католической пропаганде.

Ксендз Михаил Масюлис, настоятель Буйвидского костела, отличавшийся по сведениям виленского губернатора особой нетерпимостью к православию и совращениями в католичество, оказался полностью оправданным. Это произошло в результате внутрицерковного служебного расследования, организованного фон Роппом по решению губернатора К. К. фон Палена. О результатах неблагоприятного для администрации расследования А. А. Фрезе сообщил министру внутренних дел¹.

По-прежнему оставался безнаказанным настоятель Сидранского костела Сокольского уезда ксендз Чаплик. Опрошенные при производстве дознания свидетели показывали, что под влиянием ксендза Чаплика местные католики позволяли себе постоянные издевательства и глумления над православной верой, а «сотрудницы» Чаплика терциарки «подговаривали» православных к переходу в католичество, не брезгуя прибегать к угрозам поджога. По сообщению местного земского начальника, в приходе ксендза Чаплика «наблюдается особенно сильно неприязненное отношение католиков к православным».

В таких условиях, отмечал гродненский епископ Никанор, «православные себя чувствуют совершенно беззащитными, а видимая безнаказанность глумлений над православием легко может привести к отпадению слабейших, иногда просто из опасения физической расправы». Епископ сообщал генерал-губернатору, что и в других местностях губернии наблюдаются действия ксендзов, «далеко не соответствующие их пастырскому и гражданскому долгу». Поэтому он просил А. А. Фрезе переместить ксендза Чаплика в другой приход вне пределов Гродненской губернии, так как дальнейшее оставление этого ксендза в Сидранском приходе «недопустимо с точки зрения общегосударственных интересов» и может привести к открытому столкновению между православными и католиками².

Свидетельством поворота к политике, предписанной распоряжением МВД от 13 мая 1905 г. явилось письмо, направленное А. А. Фрезе 5 сентября к прокурору Виленской судебной палаты, в котором генерал-губернатор указывал на необходимости участия независимых судебных органов в борьбе с противозаконной пропагандой католичества. Одновременно генерал-губернатор запрашивал у прокурора сведения о том, какие из действовавших статей «Уложения о наказаниях» применимы теперь для судебного преследования по фактам «совращения» из православия в другое христианское вероисповедание. В ответном письме прокурор уведомил генерал-губернатора о том, что им предписано прокурорам окружных судов «принимать все необходимые меры к правильному и незамедлительному производству следствия и дальнейшему производству дел по преступлениям, предусмотренным 2-й частью статьи 187 и статьей 189 «Уложения о наказаниях».

Эти статьи, пояснял прокурор, по-прежнему сохраняют силу после издания указов от 17 апреля и 25 июня 1905 г. Сохраняла силу и статья 1006 Устава уголовного судопроизводства, в соответствии с которой предварительное следствие по делам о совраще-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 399. Л. 9, 39, 40.

² Там же. Л. 67–68.

нии из православия могло начинаться только по требованию православного духовного начальства¹.

Правовая консультация относительно применения легитимных средств борьбы с правонарушениями в области законодательства о веротерпимости, полученная генерал-губернатором от прокурора Виленской судебной палаты, позволила ему прибегнуть, наконец, к тем «самым решительным мерам» и 23 ноября 1905 г. издать распоряжение № 20 по Северо-Западному краю, которое было доведено, в первую очередь, до сведения губернаторов.

В изданном циркуляре А. А. Фрезе, объясняя необходимость его появления, признавал, что среди местного населения, прежде всего крестьянства, возникают различные экстремистские движения, представляющие опасность для правительства. Причину появления этих движений администрация усматривала в неподготовленности населения, в силу «отсутствия в нем самостоятельности и самобытного развития», к правильному пониманию тех прав и свобод, которые в течение 1905 г. были введены императорскими указами. В числе таких опасных явлений генерал-губернатор называл: «...заметно выражающееся в последнее время, главным образом в сельских местностях, религиозно-церковное брожение на почве антагонизма католиков к православным под влиянием превратного толкования местным католическим населением высочайшего указа от 17 апреля сего года и высочайшего Манифеста 17 минувшего октября о веротерпимости». А. А. Фрезе обращался к губернаторам края с предписанием: пресекать пропаганду религиозных экстремистов, которые пользуются указом от 17 апреля как орудием для достижения религиозных и политических целей, обращая при этом особое внимание на случаи проявления религиозной нетерпимости со стороны католического населения. О случаях крайнего проявления религиозного насилия следовало доносить генерал-губернатору.

Желая действовать при разбирательстве дел, связанных с религиозными конфликтами, сугубо правовыми средствами и «по указаниям совести», А. А. Фрезе считал необходимым

---

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 156–157; Отмененная часть 1 статьи 187, как не соответствующая положениям указа от 17 апреля, утверждала: «За соvrащение из православного в иное христианское вероисповедание виновный приговаривается: к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ и к ссылке на житье в Сибирь или к отдаче в исправительные арестантские отделения по пятой степени 31 статьи сего уложения». Сохранила силу часть 2 этой статьи, которая карала не столько за сам факт соvrащения, сколько за преступные действия, которые при этом применялись. «Когда же будет доказано, что для соvrащения из православия в другое христианское вероисповедание были употреблены принуждение и насилие, то виновный подвергается: лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в Сибирь». Статья 189 за соvrащение православных предусматривала следующие меры наказания: «Кто в проповеди или сочинении будет усиливать привлекать и соvrащать православных в иное, хотя христианское вероисповедание, или же еретическую секту, или раскольнический толк, тот за сие преступление подвергается: в первый раз лишению некоторых, на основании статьи 50 сего уложения, особенных прав и преимуществ и заключению в тюрьме на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев (ст. 30, IV); а во второй заключению в крепости на время от двух лет и восьми месяцев до четырех лет, также с лишением некоторых, по статье 50, особенных прав и преимуществ; в третий же раз он присуждается к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и к ссылке на житье в Сибирь или отдаче в исправительные арестантские отделения по четвертой степени 31 статьи сего уложения. Те, которые будут заведомо и также с намерением соvrатить православных в другое вероучение, распространять такие проповеди и сочинения, подвергаются: заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев» // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издано проф. Н. С. Таганцевым. 5-е изд., доп. СПб., 1886. Т. 15. Ст. 187, 189. Статья 1006, об отмене которой ратовал митрополит Антоний (Вадковский) при подготовке указа 17 апреля гласила: «Предварительное следствие по делам о соvrащении из православия или отступлении от веры христианской начинается не иначе, как по требованию духовного начальства» // Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1892. Т. 16, ч. 1. Ст. 1006. Отменена 14 марта 1906 г.

в деле взыскания за правонарушения «...изменить систему, положив в ее основу, при принятии всяческих предупредительных мер и оказывая полную охрану неприкосновенности личности православного клира, паствы и святынь, во-первых, тщательное расследование и, во-вторых, разрешение возникающих дел в судебном порядке»¹.

Содержание изданного циркуляра наряду с правовыми разъяснениями, свидетельствовало также об изменениях, которые происходили в осознании высшей администрацией края возможностей добиться восстановления религиозного мира с помощью сотрудничества с римско-католическим епископатом. Становилось все более очевидным, что религиозная свобода для части католического духовенства и мирян отнюдь не означала осознанное следование закону, который требовал «не прикасаться к убеждению совести не принадлежащих к их религии»².

В свою очередь, стремление к восстановлению правопорядка, проявленное генерал-губернатором, могло быть реализовано только при деятельном участии православного епископата и духовенства. Поэтому 14 декабря 1905 г. А. А. Фрезе обратился к епархиальным архиереям Гродненской и Литовской епархий – Никанору и Никандру. Генерал-губернатор направил епископам копии своего циркуляра и предлагал дать соответствующие распоряжения подведомственному им духовенству³.

История с ксендзом Адамом Абрамовичем, викарием Слонимского костела Гродненской губернии, стала первой попыткой применения циркуляра от 23 ноября на практике. По сообщению гродненского губернатора И. Л. Блока, в село Мижевичи прибыл ксендз Абрамович, который стал разъяснять местным католикам достоинства римско-католической веры. Затем ксендз обратился к православным со словами «спешите и вы присоединиться к католической вере; 40 лет назад вы были католиками, но вас силою заставили обратиться в схизматиков». Далее ксендз Абрамович сказал им, что в Херсонской губернии православные одели солдата в ризы и возили его по губернии, почитая за Иисуса Христа. Эти слова вызвали негодование православных. Старики громогласно заявили, то, что происходит в данное время, происходило и в 1863 г., во время мятежа, что им необходимо избегать ксендзов и не допускать в село из окрестных деревень «мятежников». В конечном итоге православные угрозами заставили ксендза покинуть село⁴.

В ответ на это сообщение А. А. Фрезе 11 декабря предписал И. Л. Блоку «немедленно принять меры к привлечению ксендза Абрамовича за хуление православной веры и покушение к совращению православных в католичество к законной ответственности по признакам преступлений, требуемых статьями 178 и 189 «Уложения о наказаниях». В этот же день А. А. Фрезе, сообщив фон Роппу о проступке Абрамовича, еще раз напомнил епископу, что «указ от 17 апреля о веротерпимости дает возможность свободно и спокойно процветать под могучим покровительством императорского престола, но не дает ни одной из религий, кроме православия, права прозелитизма»⁵.

В ответ фон Ропп высказал сомнение в том, что ксендз Абрамович порицал православие. Он заявил генерал-губернатору, что «сведения, полученные вами, не совсем беспристрастны, в особенности ввиду того, что я постоянно напоминаю подведомственным мне священникам об обязанности их не задевать религиозных чувств каких бы то ни было иноверцев, а тем более, православных». По указанию фон Роппа было срочно проведено внутреннее служебное расследование инцидента, в результате которого полученные по-

¹ Распоряжение по краю Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора от 23 ноября 1905 г. № 20, сообщенное гродненскому губернатору // Гродненские епархиальные ведомости. 1905. № 49–50. С. 1305–1306.

² Свод законов Российской империи. Т. 11, ч. 1. СПб., 1896. Ст. 4.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 167–168.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 399. Л. 105–106.

⁵ Там же. Л. 108.

казания настоятеля и vicария Слонимского костела были предоставлены администрации. Епископ рассчитывал, что церковных документов, оправдывавших поведение ксендза, будет достаточно для прекращения уголовного преследования. Однако на этот раз принятый епископом способ вывести проступок своего подчиненного из компетенции независимого светского суда не увенчался успехом.

Вновь назначенный генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий сообщил фон Роппу, что дело Абрамовича передано в распоряжение судебных властей и уже не подлежит рассмотрению администрации. «Что же касается до ксендза Абрамовича, вооружившего против себя местное православное население, то, – писал генерал-губернатор, – как вам не угодно было оказать административной власти содействие, путем перевода его на другой приход, то я снимаю с себя всякую ответственность за неприятные последствия для этого священника».

К. Ф. Кршвицкий поручил гродненскому губернатору наблюдать за тем, «чтобы предварительное дознание по делу ксендза Абрамовича, привлекаемого к ответственности за хуление православной веры и покушение к совращению православных в католичество, велось со всевозможной быстротой и тщательностью, и при передаче его судебным властям было бы обставлено с юридической стороны без каких бы то ни было дефектов»¹.

После дела ксендза Абрамовича последовали и другие случаи применения на практике циркуляра генерал-губернатора. В феврале 1906 г. К. Ф. Кршвицкий поручил Виленскому губернатору С. С. Татищеву на основании циркулярного распоряжения по краю от 23 ноября 1905 г. № 20 принять меры к пресечению пропаганды католицизма среди православных служащих на станции Свенцяны со стороны местного ксендза Бурбы. Сведения о противоправных действиях ксендза были сообщены генерал-губернатору Литовским архиепископом Никандром².

В марте 1906 г. гродненский вице-губернатор А. А. Ознобишин ходатайствовал перед генерал-губернатором о перемещении ксендза Сокольского костела Широкого «как заявившего себя крайним фанатиком в возможной скорости в другой приход». По данным полицейского расследования, этот ксендз обвинялся в насильственном совращении в католичество крестьян деревни Лазник Каменковской волости. Материалы дознания по делу ксендза Широкого, на основании статей 176 и 187 Уложения о наказаниях, были направлены судебному следователю Сокольского уезда³.

В апреле 1906 г. исправник Двинского уезда расследовал дело по жалобе почтовотелеграфного чиновника Ю. Плиско на насильственное обращение ксендзом Станиславом Завадским отца Плиско Семена, который накануне смерти был напутствован и присоединен к католичеству. Жалоба Плиско вместе с материалами дознания, на основании ст. 1006 Устава уголовного судопроизводства, была препровождена в распоряжение Литовской духовной консистории для ходатайства о возбуждении уголовного дела⁴.

К моменту издания распоряжения МВД от 13 мая 1905 г. в распоряжении генерал-губернатора А. А. Фрезе еще не было фактов, свидетельствовавших о религиозном насилии и противоправной деятельности ксендзов и мирян, использующих указ от 17 апреля в прозелитических целях. Однако только к концу лета в результате многочисленных донесений, поступавших от православного епископата, администрации и жандармерии, для А. А. Фрезе стало вполне очевидной политической необходимость использовать оставшийся в распоряжении правосудия карательный потенциал для уголовного преследования нарушителей закона. И все же нельзя не отметить следующее обстоятельство. Издание указанного циркуляра с необходимыми правовыми разъяснениями выглядит мерой уже

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 399. Л. 116.

² Там же. Л. 125.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 356. Л. 3.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 399. Л. 124.

несколько запоздавшей, принятой не столько с целями превентивными, способными предотвратить нарастание правонарушений в области религиозно-уголовного законодательства, сколько вынужденной, вызванной давлением обстоятельств. В действительности вышло так, что начальник края решил воспользоваться имеющимся в его распоряжении законом только тогда, когда религиозная нетерпимость в отношении православных начала приобретать массовый характер, дестабилизируя религиозно-этническую ситуацию в местностях со смешанным православно-католическим населением.

3. Указ от 17 апреля 1905 г. и проблемы установления религиозного правопорядка в белорусских губерниях

В белорусских губерниях, управлявшихся непосредственно МВД, практика правоприменения указа от 17 апреля 1905 г. принесла схожие проблемы, имевшие, впрочем, свои особенности и в силу иного административного и церковного подчинения, и в связи с иным соотношением численности православного и католического населения.

Начало реализации указа от 17 апреля совпало с канонической визитацией Минской губернии митрополитом Могилевским графом Георгием Шембеком. В начале мая он прибыл в местечко Раков, где местными католиками ему была устроена торжественная встреча. В Ракове 6 мая митрополит Шембек отслужил благодарственный молебен о здравие государя-императора. В тот же день императору была отправлена благодарственная телеграмма с выражением верноподданнических чувств населения и признательность за дарованные милости. По данным минского губернатора П. Г. Курлова, поездка митрополита, посетившего Минск, Минский, Слуцкий и Новогрудский уезды, происходила «мирно и торжественно»¹.

Каноническая визитация приходов Минской губернии, произведенная митрополитом Шембеком непосредственно после издания указа от 17 апреля, вызвала тревогу и обеспокоенность у православного духовенства. Минский епископ Михаил (Темнорусов) в конце мая сообщил обер-прокурору Святейшего Синода К. П. Победоносцеву о том, что прихожане Волмянской церкви Минского уезда, присоединившиеся к православию в 1867 г., ныне под влиянием явной и тайной проповеди ксендзов возвращаются в католичество и многих насильно заставляют быть латинянами. Епископ указывал на прозелитическую деятельность митрополита римско-католических церковей графа Шембека, который, находясь в Раковском приходе, приезжал в местечко Волму, в которой не было костела. В местечке митрополит обратился к жителям, среди которых было много «упорствующих», и заявил, что теперь все они могут вступить в лоно Католической церкви².

Складывается впечатление, что епископ Михаил не совсем понимал сути опубликованного указа, которым правительство прямо предусматривало свободный выход из православия как раз тем, кто «упорствовал в латинстве» и кого называли «мнимыми православными». В случае с Волмой действие указа было адресным и поведение митрополита И. Шембека, призвавшего людей, чьи религиозные и гражданские права были ущемлены, воспользоваться свободой религиозного выбора, никак нельзя признать противоправными. Согласно сведениям того же епископа Михаила, после обнародования указа о веротерпимости, отпадения из православия в католичество в течение 1905–1906 гг., за редкими исключениями, были массовыми. Например, в местечке Волма отпало 2079 человек,

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 91.

² Там же. Л. 78.

в Логишине – 1700 человек. В епархиальном отчете за 1908 г. епископ утверждал, что все отпавшие от православия в 1905–1906 гг. были «упорствующими», из числа тех, чьи семьи присоединились к православию после 1863 г., и что после издания указа сами присоединившиеся и их дети возвратились в католицизм¹.

Однако процесс возвращения тысяч людей к вере своих предков оказался не столь простым, как это следует из объяснения епископа Михаила. Для этого понадобились также известные пропагандистские усилия некоторых прозелитически настроенных представителей римско-католического духовенства. Главным объектом внимания этих священнослужителей в местностях со смешанным православно-католическим населением стали те православные, к которым и был непосредственно обращен указ от 17 апреля 1905 г.

Часть римско-католическое духовенства Минской губернии, как и в других местностях Белоруссии и Литвы, не стало ожидать, когда «упорствующие» и «колеблющиеся», как это наивно предполагали разработчики указа о веротерпимости, сами начнут обращаться с прошениями о возвращении в католичество. Эти ксендзы, следуя требованиям римско-католической еkkлезиологии, начали активно пропагандировать преимущество своей Церкви над православием, интерпретируя указ о веротерпимости в сугубо прозелитических целях. Содержание и методы применяемых ими пропагандистских приемов были схожи с теми методами, которые использовались на Холмщине и в Виленском генерал-губернаторстве.

Однако практический сценарий реализации указа о веротерпимости имел и свои местные особенности. Неудачи России в войне с Японией и начавшееся в стране революционное брожение способствовали усилению в пропаганде католичества этнонационалистических и антиправительственных мотивов. Как уже отмечалось, такие настроения были характерны для ряда губерний Северо-Западного края. В Минской губернии активными пропагандистами светской идеологии польского этнонационализма становились некоторые духовные лица. Их пастырское служение проходило в приходах, которые долгое время были арендой жесткого противостояния духовенства и мирян с правительством в вопросе о русском языке дополнительного богослужения. Одни из этих ксендзов заняли места в костелах, которые долгое время были вакантными до согласительной сделки 3 апреля 1897 г. Другие же начали служить в приходах, в которых сохранялось дополнительное богослужение на русском языке. Как уже отмечалось выше, русский и латинский языки в этих костелах, в нарушение соглашения с Римской курией, были самовольно заменены польским². Указ от 17 апреля, истолкованный ксендзами как возможность свободной пропаганды католичества, ксендзы этих приходов пытались использовать и для достижения светских целей – распространения идей о польской идентичности белорусских губерний.

Усиление полонизаторских тенденций в резко возросшей католической пропаганде не прошло мимо внимания православного духовенства. Минские епархиальные ведомости сообщали о том, что «католики селятся внушить православным, что их истинный язык – язык польский, что сами они поляки, а не русские; что их исконная вера – вера римско-католическая, которая, между прочим, есть единая истинная вера, дающая исповедникам ее наследие жизни вечной; что православие только временно признано господствующим вероисповеданием в местном крае, но настало уже время, и «правда восторжествовала»... Убеждают православных, что они живут не в русской земле, а в Польше – во владении Пресвятой Богородицы, которая полька и другого языка, кроме польского, не понимает»³.

¹ НИАБ. Ф.136. Оп. 1. Д. 37367. Л. 36.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 278. Л. 21, 23.

³ *Околович К., священник.* К вопросу о веротерпимости // Минские епархиальные ведомости. 1905. № 20. С. 440–441.

Неразборчивость в методах защиты польской идентичности местного костела и в миссионерских доказательствах превосходства католичества над православием являлась для некоторых ксендзов источником идеологических манипуляций с религиозным сознанием верующих. Однако с точки зрения действовавшего российского законодательства и религиозная пропаганда, т. е. прозелитизм среди православных, и распространение идей польского сепаратизма носили противоправный характер. Нельзя не отметить и тех негативных социально-психологических последствий, которые становились неизбежным результатом подобных манипуляций. Их суггестивное воздействие на паству освящалось незыблемым авторитетом Католической церкви¹. Используемые приемы служили для усиления прозелитического воздействия пастырского слова на православных и умножению тем самым католической паствы. Но одновременно эти приемы свидетельствовали о политизации религиозной проповеди. Такие проповедники и служители алтаря выступали не только в роли польских этнических активистов, но и призывали одновременно к разжиганию социальной и религиозной вражды к православному населению.

Вот, например, с какой проповедью выступил 6 августа в Узденском костеле бобруйский декан ксендз Иоанн Красовский. Перед прихожанами и присутствовавшими верующими других конфессий, собравшимися на храмовый праздник, декан говорил, что «земли Минской, Витебской, Гродненской, Могилевской и других губерний Северо-Западного края когда-то принадлежали лицам римско-католического исповедания, но таковая отнята от них православными, вера которых выдуманная, купленная за деньги. В то время православные правоверующих католиков заставляли насильно принимать православие, а тех, которые отказывались, били нагайками, ссылали в Сибирь и казнили; через что лилась кровь рекой, и много было мучеников, например: причисленные к лику святых Андрей, Иосафат и др., а теперь уже будут бить православных саблями, чтобы переходили в католичество. Все должны веровать и переходить только в римско-католическую веру, которая есть единственная, справедливая, и верующие в нее должны добиваться того, чтобы опять им самим завладеть землей и, отняв таковую от православных, владеть ею и не иметь над собой никаких начальников». Всех православных ксендз Красовский называл непримиримыми врагами, порицал православное духовенство и уверял собравшихся, что «в нынешних русских и народных сельских школах только учат дьявольству»².

После окончания проповеди ксендз раздавал прихожанам номера нелегальной газеты «Поляк» и прокламации, в которых указывалось, что «католики получили свободу вероисповедания не потому, что царь хотел дать им эту свободу добровольно, но в силу событий на Дальнем Востоке, почему они скорее должны благодарить японцев, а не царя». Произведенным следствием было установлено, что деятельность ксендза Красовского, согласно нормам российского законодательства, носила «преступный» характер, о чем губернское жандармское управление в сентябре 1905 г. сообщило минскому губернатору³.

Не менее активно на почве разжигания религиозной и этнической ненависти к православию и русскому народу действовал соратник Красовского, упоминаемый выше ксендз Владислав Миржвинский, викарный Раковского костела, бывший одновременно законоучителем учебных заведений г. Бобруйска. Минский губернатор в начале октября 1905 г. направил в департамент духовных дел МВД копии прошений Волмянского и Раковского

¹ Как отмечал Б. Ф. Поршнева: «...суггестия более властна над группой людей, чем над одиночкой, а также, если исходит от человека, как-то олицетворяющего группу, общество и т. п.». См.: *Поршнева Б. Ф. Контрсуггестия и история // История и психология. М., 1971. С. 12.*

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7584. Л. 1–3. Газета «Polak» издавалась в Кракове активистом польского национального движения К. Войнаром и нелегально доставлялась в Россию. По оценке департамента полиции это издание «отличалось враждебностью ко всему русскому». См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Д. 101. Л. В. Л. 36–37.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7584. Л. 8.

православных приходов Минского уезда на имя обер-прокурора Синода и выписку из следственного производства «о враждебно фанатичной деятельности ксендза Владислава Миржвинского». Следствием было установлено, что декан Красовский и ксендз Миржвинский в своих проповедях позволяли себе открыто называть православный народ «недоверяками», «холопами», а православную веру еретической, явившейся будто бы «из-под кнута». Русский язык, унижая возможными превратными толкованиями, называли «собачьим». По сведениям уездного исправника, пастырская деятельность Миржвинского характеризовалась открытым порицанием православия и внушением своим прихожанам «крайней ненависти против всего русского». В результате в течение 7-месячного пребывания в Ракове Миржвинский возбудил в местном населении «фанатическую ненависть к Православной церкви». Священник запретил католикам иметь какие-либо отношения с православными «лайдаками», «быдлом», «недосытями» и «москалями». Он объявил, что предаст публичному проклятию в костеле и отлучит от причастия родителей и их детей-учеников, если только последние будут продолжать ходить в русскую школу, вследствие чего ученики прекратили ее посещение¹.

Для этого ксендза было свойственно использование в религиозной пропаганде политических антироссийских мотивов. Он уверял своих прихожан, что «православная вера хуже католической, потому что она из-под нагайки; что во время св. Причастия в Православной церкви дают какие-то булочки; что война России с Японией возникла из-за веры, и что Бог поможет Японии победить Россию»².

Будучи викарным ксендзом Раковского костела, Миржвинский совершал поездки по православным приходам, в которых компактно проживали «упорствующие», – Изяславльскому, Дубровскому, Ивенецкому и Волмянскому, убеждая крестьян переходить в католичество. По сведениям православного духовенства, этот ксендз в своей прозелитической работе использовал недобросовестные пропагандистские приемы. Уверял, к примеру, жителей этих приходов, что послан к ним самим царем для обращения православных в католичество, что сам царь и царица и наследник уже приняли католическую веру, что царь желает, чтобы и все его подданные принимали католичество. Не чуждался он в своей проповеди фальшивых обещаний и запугивания крестьян, уверяя их, что все перешедшие в католичество будут освобождены от воинской повинности и наделены большим количеством земли, и что, напротив, те, которые останутся православными, будут отсюда выселены в Сибирь»³.

Следует отметить, что ревностное служение Миржвинского, построившего свою проповедь о превосходстве католичества на унижении православия, русофобии и пропагандистских фальсификациях, оказалось достаточно эффективным. Об этом можно судить по данным епископа Минского Михаила и статистике отпадений за 1905–1907 гг., приведенной обер-прокурором Святейшего Синода в приходах Волмянском, Изяславльском, Дубровском, Ивенецком и Раковском⁴.

В случаях с ксендзами Красовским и Миржвинским противоправный политический аспект их пастырского служения позволил МВД достаточно оперативно выдворить их за пределы Минской губернии. Для этих ксендзов борьба за торжество католицизма над православием трансформировалась в форму политической борьбы с правительством, что уже явно выходило за рамки их непосредственного пастырского служения. Однако в иных случаях, когда религиозная проповедь не сопровождалась антиправительственной агитацией, МВД в связи с указом от 17 апреля не прибегало к наказаниям ксендзов, занимав-

¹ Околович К. К вопросу о веротерпимости // Минские епархиальные ведомости. 1905. № 20. С. 440.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7373. Л. 9–10, 16–17.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 189.

⁴ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 30.

шихся прозелитизмом. Как уже отмечалось, в это время религиозная агитация, по сути, перестала преследоваться по закону. Правительство не решало прибегнуть к мерам уголовного преследования в связи с выходом указа от 17 апреля, а затем и манифеста от 17 октября, который провозгласил в России «начала свободы совести»¹.

Действительно, в условиях объявленной свободы невозможно было подвести под категорию преступной деятельности призыв католического духовенства к «упорствующим» воспользоваться своим законным правом для выхода из православия. Но как следовало поступать, когда пропаганда католического духовенства подпадала под действие ст. 189 Уложения о наказаниях или статьи 90 нового Уголовного уложения? О противоречивости правовой ситуации, сложившейся после издания указа от 17 апреля, профессор Н. С. Таганцев писал так: «С одной стороны, религиозная проповедь, хотя бы и могущая воздействовать на православных, ввиду признания законом права свободного исповедания веры, не может почитаться преступной, а с другой – при не преступности отступления от православия, такое проповедование, не подходящее даже под понятие подстрекательства, не может считаться наказуемым»².

Для правительства же начать уголовное преследование ксендзов за прозелитизм было сложно не только с правовой, но и с политической точки зрения. Следовало учитывать то немаловажное обстоятельство, что в условиях начавшегося революционного брожения часть католического духовенства и мирян демонстрировала свои верноподданнические чувства в благодарность за издание указа о веротерпимости.

Стремление МВД действовать в духе начавшихся правовых перемен ставило местную администрацию в довольно затруднительное положение. Ведь начавшаяся после указа пропагандистская кампания не носила узконаправленного, целевого характера. Она была обращена ко всем православным, проживавшим в местностях со смешанным населением, а не только к группам «упорствующих» в латинстве, или к православным, состоявшим в смешанных браках. Об этом свидетельствовал протокол минской духовной консистории от 1 августа 1905 г., в котором говорилось, что «после объявления высочайшего указа от 17 апреля 1905 г. во многих приходах Минской епархии, по преимуществу из присоединившихся к православию, началась пропаганда в пользу католичества и настолько успешно, что не только отдельные лица, но и целые семейства и даже целые селения из присоединенных к православию, начали возвращаться в католичество»³.

Начавшееся «движение в пользу католичества» вызвало тревожную реакцию местного православного духовенства. После издания указа о веротерпимости в канцелярию минского губернатора начали поступать многочисленные сообщения о прозелитической деятельности ксендзов, сопровождаемой пропагандой антирусских настроений. Особенную активность в этом отношении проявлял епископ Михаил (Темнорусов), который настойчиво уверял губернатора в том, что католическое население Минской губернии «превратно толкуя указ от 17 апреля, фанатически посягает на захват православных церквей и кладбищ и насилиями вынуждают православных к переходу в католицизм, причем были даже случаи угроз православным священникам смертью за противодействие». Епископ просил губернатора, чтобы тот, используя печать и чиновников, разъяснял местному католическому населению, что «даруемая императором милость направлена к достижению мира и любви во взаимоотношениях его подданных, но что захват православных храмов

¹ Высочайший манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» / Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г. / под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 150–151.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 198 об.

³ НИАБ. Ф.136. Оп. 1. Д. 37187. Л. 1.

является прямым нарушением Высочайшей воли государя, и что, наконец, такие поступки будут караться по всей строгости законов»¹.

В этой ситуации минский губернатор обязан был, согласно своим должностным обязанностям, «содействовать православному духовному начальству в охранении прав Церкви и неизбежности самой веры»². Но как теперь следует исполнять обязанности губернатора в отношении защиты прав «господствующей» Церкви было не совсем ясно. Во всяком случае, предложения епископа Михаила не вызвали у П. Г. Курлова положительной реакции. Обосновывая свою позицию в этом вопросе, губернатор старался быть объективным: «Не имея в своем распоряжении достаточных оснований, указывающих на таковые действия католиков, я не считаю себя вправе преждевременно принять какое бы то ни было решение»³.

В то же время П. Г. Курлов вынужден был признать, что «в настоящее время, действительно, деятельность ксендзов, фанатизирующих католическое население, является совершившимся фактом»⁴. В отношении этих духовных лиц губернатор вынужден был полагаться на решения вышестоящей инстанции. В период с июня по октябрь 1905 г. губернатор несколько раз уведомлял департамент духовных дел МВД о «фанатизирующей агитации» ряда ксендзов «во вред православию и русской народности». Кроме упомянутых выше ксендзов Красовского и Миржвинского, были названы настоятель Ново-Мышского костела Антоний Ганич и настоятель Сверженского костела Андрей Свикля. В МВД были направлены и материалы дознания, свидетельствующие об их «фанатичной» и «враждебной деятельности»⁵.

Были и другие «нежелательные явления», которые необходимо было прекратить решением МВД. В частности, викарный ксендз Пинского костела на судебном заседании отказался приводить свидетелей к присяге на русском языке и потребовал польский текст. Настоятель Минского Свято-Троицкого монастыря Сигизмунд Длужневский на судебном заседании также уговаривал свидетелей не присягать на русском языке⁶.

Однако в отношении ксендзов Ганича и Свикли обвинительные материалы были признаны МВД недостаточными для перевода их в другую губернию со сплошным католическим населением. Оставался служить на своем приходе и настоятель Койдановского костела Минского уезда ксендз Иосиф Скаковский, разжигавший в своем приходе религиозную и этническую ненависть к православным. Уездный исправник, собиравший информацию о деятельности этого ксендза, давал ему следующую характеристику: «Ярый фанатик и польский националист, от всей души ненавидит все русское: не признает никакого языка, кроме польского». Этот ксендз, как и другие его духовные братья, в своем прозелитическом рвении прибегал к известной уже лжи, уверяя православных о переходе государя в католичество, открыто порицал обряды Православной церкви, требовал от своих прихожан «чуждаться православных под опасением великого за это греха и отлучения, в противном случае, от костела»⁷.

Очередное прошение губернатора в МВД о принятии мер в отношении данного ксендза также осталось без ответа. Указанные случаи только подтверждали правоту утверждения обер-прокурора Святейшего Синода об открытой религиозной пропаганде, начавшейся после издания указа от 17 апреля. Своими действиями эти радикально настроенные

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 92.

² Свод общих губернских учреждений / Свод законов Российской империи. Т. 2, ч. 1. СПб., 1892. Ст. 298–299.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 92.

⁴ Там же. Л. 92 об.

⁵ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7287. Л. 25.

⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 92 об, 96.

⁷ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7288. Л. 24.

ксендзы, отличающиеся ревностной приверженностью к польскому этническому национализму, фактически ввели в своих приходах одно из основных положений свободы совести, еще не принятой в России, – право на религиозную пропаганду среди православных. При этом использовались такие пропагандистские приемы, которые выводили процесс присоединения к православию не только за рамки легитимности, но и христианской морали.

Вот, например, какие практики использовались для обращения православных, состоявших в смешанных браках с католиками. Так как уголовное преследование за соращение из православия было упразднено, православные, состоявшие в браке с католиками, и дети в этих семьях оказались практически беззащитными перед мерами принуждения, к которым прибегала католическая сторона. Епископ Михаил, анализируя причины отпадения от православия после издания закона о веротерпимости, указывал на «средства», к которым прибегали ксендзы «в деле уловления православных в сети костела». «Прежде всего, – писал преосвященный Михаил, – было обращено внимание на смешанные в вероисповедном отношении браки. Тут путем убеждения своих единоверцев, отказа им в причастии св. Тайн и разного рода угрозами ксендзы начали переводить в латинство православных членов таких семейств»¹.

Описание «средств», употребляемых католическим духовенством Минской губернии для утверждения приоритета канонических правил своей Церкви над законодательством о браках Российской империи, практически совпадает с аналогичными данными в других губерниях Белоруссии и Литвы. В начале мая в минскую консисторию обратился благочинный первого округа Бобруйского уезда с рапортом о том, что «Закон о свободе совести бобруйскими ксендзами обращен в насилие... Вместо предполагавшейся тишины и спокойствия в Бобруйске и во всем уезде открыто творится насилие и соращения из православия в католичество и гонения на русских со стороны поляков». Благочинный писал, что насилие в семьях началось после объявления, сделанного ксендзами после указа. Ксендзы говорили: если католики в смешанных браках не приведут в костел православных членов семьи, будут публично лишены исповеди и святого причастия².

В Бобруйске и в других местах округа «святые дни Пасхи были омрачены злобой мужей-католиков на своих православных жен за то, что мужья были публично лишены исповеди за несогласие жен перейти в католичество. Плач и вопли православных, страдающих от побоев и насилий католиков, продолжались всю Пасху»³.

Встречались и случаи, когда католические священники пытались привлекать православных в свою церковь с помощью обещания материальных выгод. Об этом неоднократно сообщали представители православного духовенства. Например, благочинный Новогрудского уезда писал, что ксендз Сверянский обещал 30 рублей одному из православных и приданое для невесты, если тот присоединится к католичеству. Тот же ксендз Ванькович предлагал православным по 5 рублей каждому, чтобы они исповедовались в костеле⁴.

Методы, которые применялись католическим духовенством и мирянами для обращения православных в католичество, получили у православного духовенства резко негативную оценку. Успехи католицизма в привлечении православного населения виделись, прежде всего, в «упорной и открытой пропаганде, не останавливающейся ни перед какими средствами, хотя бы самыми низкими и неблаговидными». По их мнению, фанатики ксендзы и помещики католики во имя принципа цель оправдывает средства, доходили до крайних пределов «лжи и обмана», они не останавливались перед «самыми низкими

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37177. Л. 36 об.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37127. Л. 5–6.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 110, 338 об, 354 об.

средствами, вроде подкупа, насилия и порицания православной веры», не «брезговали прельщениями, а иногда и угрозами»¹.

Однако в целом результативность католической пропаганды православное духовенство оценивало не высоко. Практически все благочинные Минской губернии отмечали, что в католичество переходили в основном «упорствовавшие» из приходов, образовавшиеся после 1863 г., а также православные, состоявшие в смешанных браках².

Священники выказывали уверенность в том, что на коренных православных и униатов, воссоединившихся с православием в 1839 г., католическая пропаганда практически не оказала существенного прозелитического воздействия. Об этом свидетельствовали и цифры, приводимые выше. Если по подсчетам епархиального миссионера К. Попова к началу 1904 г. в епархии насчитывалось 12 634 «упорствующих», то по данным епископа Михаила, с момента издания указа и до конца 1906 г. из православия в католичество перешло 12 901 человек³. Но все же эффективность католической пропаганды не стоило недооценивать. МВД в своем отчете приводит другие цифры, которые не столь значительно, но все-таки меняют представление о результативности католического прозелитизма в этот период. По данным МВД, за время с 17 апреля 1905 г. и до конца 1906 г. из православия в католичество перешло 14 373 человека⁴. Но и это не окончательные цифры, так как не стоит оставлять без внимания неучтенное количество тех, кто еще формально числился «заведомо православным».

И все же в сложившейся ситуации духовенство Минской губернии выражало обеспокоенность не столько отпадением лиц, многие из которых духовно не принадлежали к православию, сколько той атмосферой религиозной и этнической напряженности, которая начала формироваться в результате проповеди части экстремистски настроенных ксендзов. Против православных, оставшихся в меньшинстве в ряде приходов, со стороны католического большинства начался физический и психологический террор. В Волмянской волости крестьянин Антон Майсюк был насильно записан в католичество своими односельчанами. Его побуждали к принятию католичества различными притеснениями, выгоняли из стада его скот, смеялись над ним и называли не иначе как «русская харя». В этой же волости от крестьянина Осипа Тризны сельский староста требовал перейти в католичество, в противном случае угрожал убийством. Крестьянка Анисья Созонович спаслась от расправы католиков в народном училище. Толпа фанатиков собралась ее убить за то, что она сказала «я русская»⁵. Об угрозах и физическом насилии со стороны фанатиков католиков, последовавших после издания указа от 17 апреля, сообщали епископу Михаилу православные Новогрудского уезда⁶.

Указанные примеры свидетельствуют о том, что в результате издания закона о веротерпимости в отношении православных, отстаивающих верность своей Церкви, был запущен механизм религиозного насилия. Для части католического духовенства и мирян, запустивших этот механизм, была характерна уверенность в оправданности своих действий. Насилие в отношении православных имело в своей основе религиозную мотивацию – спасение душ этих «схизматиков». Принуждение над совестью личности совершалось во имя торжества католической еkkлезиологии.

Социально опасная религиозная одержимость формировалась с помощью манипулирования религиозным сознанием, когда проповедь обращалась к инстинктам прихожан, соединяя на примитивном уровне комплекс превосходства католичества с русофобией, присущей

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37127. Л. 361 об, 396 об, 412.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37177. Л. 110 об, 338–338 об, 340, 354 об, 361 об, 412, 419.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37044. Л. 3; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37367. Л. 36.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 244.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 190.

⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37323. Л. 79.

идеологии польского этнонационализма. Если православные односельчане – «схизматики» и «москали», тогда противоправные и предосудительные действия по отношению к ним религиозно оправданы и лишены моральной ответственности. Однако для большинства католического клира и мирян губернии противоречия между верностью польской католической традиции и законопослушностью перед российской монархией не возникало.

Учитывая политическую лояльность большинства католиков и их духовенства, МВД стремилось удалить из губернии только наиболее политизированных и экстремистски настроенных ксендзов, чтобы ослабить конфликтогенный потенциал конфессионально-этнических противоречий, накопленных за предшествующие десятилетия. Необходимо было решительно пресекать пропаганду, провоцирующую импульсы ненависти, розни, отчуждения и социального высокомерия. Однако, как показали дальнейшие события, сделать это оказалось непросто.

Правовые и религиозно-этнические проблемы, вызванные интерпретацией и исполнением указа о веротерпимости католической стороной, возникли и в Витебской губернии. Отсутствие разъяснительной работы и действующего правового механизма реализации указа застали администрацию и православное духовенство этой губернии совершенно неподготовленными к новым правовым реалиям. Поэтому действия католического духовенства, немедленно приступившего к выполнению указа, вызвало некоторую растерянность губернского начальства. В начале июля губернатор Б. Б. Гершау-Флотов обратился в департамент духовных дел МВД с секретной просьбой разъяснить ему, в «какой мере деятельность настоятелей римско-католических костелов представляется закономерной». Вопрос губернатора был вызван начавшимся процессом присоединения православных из числа бывших униатов и членов смешанных семей к католицизму. Он писал, что после издания указа о веротерпимости указанные лица «стали возбуждать ходатайства пред местными ксендзами о принятии в католицизм. Эти ходатайства удовлетворяются римско-католическим духовенством весьма охотно, и самые акты присоединения совершаются публично и с особой торжественностью»¹.

Подобные действия, предпринимаемые католическим духовенством по удовлетворению прошений о принятии в католицизм, разумеется, не выходили за рамки установленных указом новых границ веротерпимости. Более того, до издания циркуляра МВД от 18 августа, это был единственный легальный способ применения указа на деле. Противоправный характер принимали те действия ксендзов, которые были связаны с религиозной пропагандой и насилием над совестью православных. И такая практика последовала незамедлительно. В развернувшейся после указа пропагандистской кампании использовались известные нам приемы, призванные ввести православных в заблуждение относительно реального юридического смысла указа о веротерпимости.

Первой тревогу забила Полоцкая духовная консистория, которая начала доводить до сведения администрации, что «ксендзы пускают в дело заведомо ложные сведения». Речь шла о распускаемых римско-католическим духовенством этой губернии слухах, будто бы император и весь царствующий дом приняли католицизм².

О недобросовестных приемах католической пропаганды сообщал императору Николаю II витебский губернатор Б. Б. Гершау-Флотов: «Несколько обнаруженных совершенно случайно фактов совращения из православия в католицизм в достаточной мере убеждают в том, к каким неопытным, выражаясь мягко, средствам прибегают ксендзы, не говоря уже о хулении православной веры и ее обрядов, доказательство чему собрать, при массе лжесвидетелей со стороны римско-католического духовенства, почти не представляется возможным»³.

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47031. Л. 13.

² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. 47622. Л. 3.

³ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47382. Л. 40–41.

Начавшаяся пропагандистская кампания повергла в шок православное население ряда уездов, населенных католиками. Вот как, например, описывает прозелитические приемы ксендзов один из православных священников Люцинского уезда. «Ксендзом указ был объявлен в костеле с приглашением явиться к нему, и записаться тем, кто желает оставить православие; одновременно через девоток¹ было объявлено по деревням с *православным* (так в тексте. – А. Б.) населением, что от царя вышел приказ, чтобы все были католиками, – всюду разнеслась молва, что в Петербурге все начальники перешли в католичество, что главнокомандующий Линевиц – католик, а пока был Куропаткин – «русский» – Бог нашему войску не помогал; все церкви будут обращены в костелы, а священники перейдут в католичество и будут ксендзами. Поднялась страшная смута. Народ толпами стал двигаться к ксендзу, чтобы записываться в католики; чтобы не дать народу одуматься, опомниться, было объявлено, что записывать будут только несколько дней, а потому необходимо спешить. Сначала пошли «уклоняющиеся», а потом и другие, считавшиеся истинными православными»².

Умело выстроенная тактика использования указа в прозелитических целях, использование аморальных и противоправных приемов пропаганды были охарактеризованы православным духовенством как «страшная беззастенчивость в выборе средств для эксплуатации невежества народного», которая осуществлялась «ревнителями католицизма» с целью «нафанатизировать, возбудить низменные инстинкты этого темного, слепо повинующегося своим духовным вождям, народа»³.

Резкие эмоциональные характеристики, даваемые действиям католических священников и мирян со стороны православного духовенства, были обусловлены не только конфессиональными антипатиями. Они имели под собой фактические основания, объективность которых подтверждается иными источниками – официальными органами власти. Губернская администрация расследовала случаи проявлений противоправного поведения католиков, о которых сообщало православное начальство, и принимала к сведению только те факты, которые были документально установлены следствием. Однако в подобных расследованиях, особенно в отношении противоправных действий ксендзов, были и свои существенные трудности. Полиция в таких случаях вынуждена была сообщать губернатору, что «прихожане, будучи проникнуты фанатизмом и преданностью ксендзу, ни под каким видом не станут свидетельствовать в ущерб ксендзу»⁴.

Среди фактов, сообщенных духовенством и подтвержденных официальным расследованием, можно назвать следующие. В Люцинском уезде «законница» Соломия Бизунова при собрании народа кричала: «Священники ваши (православные) бесы и вера ваша бесовская». За что в соответствии с судебным решением была подвергнута наказанию в виде ареста. Администрацией были выявлены ряд противоправных действий и «проявления религиозно-национального фанатизма» со стороны римско-католического духовенства не только среди взрослых прихожан, но и учащихся народных школ. В начале учебного года во время урока Закона Божьего в Сарьянском народном училище Дриссенского уезда «ксендз Федор Куликовский стал поносить православную веру, говоря, что вера эта не угодна Богу, мужицкая, что теперь господствующей верой объявлена римско-като-

¹ В Витебской губернии в миссионерской работе среди православных активное участие принимали миряне, так называемые девотки или «законницы» – религиозные активистки, составлявшие опору приходских ксендзов. В дореволюционной литовской деревне девотки (старые бабы, святоши) были добровольной агентурой ксендзов, сплетничали, клеветали, шпионили, доносили. См.: Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С.131.

² Зайц К., священник. Воинствующий католицизм // Полоцкие Епархиальные Ведомости. 1905. № 12. С. 295.

³ Зайц К., священник. В чем сила католицизма? // Полоцкие Епархиальные Ведомости. 1905. № 19. С. 392, 396.

⁴ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 45847. Л. 67.

лическая, как первая вера, и что все должны переписаться в католики, иначе все будут изгнаны далеко в Россию, за Калугу, и там все подохнут с голоду. Куликовский учил учеников не снимать шапок перед церковью и священником, не целовать православного креста, не посещать уроков православного священника»¹.

По части неразборчивости в средствах привлечения православных в католичество и религиозной нетерпимости отличился ксендз Придруйского костела Дриссенского уезда Иоанн Боровиков. В деревне Лупанды названный ксендз говорил народу, что «теперь, с объявлением указа о веротерпимости, все будут католики и что государь император теперь католик, что этот край есть польский, и все живущие в нем должны принадлежать к католической религии, и что православных всех выгонят в Россию». Боровиков запрещал своим прихожанам «оказывать уважение православному священнику и советовал избегать встречи с ним, научал и всячески поощрял своих прихожан к всевозможным хулениям и насмешкам над православной верой». Выяснилось, что этот ксендз склонял крестьянина Федора Глинского и его жену к переходу из православия в католицизм, обещая, в таком случае, устроить Глинского на хорошее место в Петербурге².

За свои неблагоприятные действия по умножению католической паствы и разжиганию религиозной вражды ксендз Боровиков по решению МВД был переведен церковной администрацией Могилевской архиепархии в костел г. Курска. В случае с Боровиковым полиция удалось выявить убедительные факты противоправной деятельности этого ксендза. В иных случаях ситуация с расследованием заходила в тупик.

Ксендз Яссас Мариенгаузенского костела Люцинского уезда говорил крестьянину Николаю Шупальнику, который спросил, «правда ли, что теперь все должны переходить в католичество, как об этом говорят». «Да, правда, – ответил ксендз, – скоро все будут католиками, и не только простые люди, но и священники перейдут в католичество, волосы у них остригут, и бороды обрешут и они будут ксендзами, об этом и в газетах пишут». Тут ксендз показал неграмотному крестьянину какую-то газету. «А что же будет с церквями русскими, если все перейдут в католичество? – спросил Шупальник. «Церкви будут или закрыты или обращены в костелы» – сказал ксендз. Тогда Шупальник перешел в католичество. Люцинский уездный исправник в рапорте губернатору писал, что у него нет фактических данных, чтобы привлечь ксендза Яссаса к ответственности, так как возможность получить уличающие его сведения не представилась. «Свидетели являются католиками, которые против ксендза в религиозном деле ничего не покажут»³.

В Витебской губернии, как и в других губерниях Литвы и Белоруссии, местом столкновения норм российского законодательства и канонического права Католической церкви стали смешанные браки. Ряд католических священников, действуя в соответствии с нормами канонического права своей Церкви «не допускали к исповеди и притесняли тех своих прихожан, в семьях которых есть православные, за то, что эти прихожане не возвращали православных членов семьи в католицизм». На этом поприще стали печально известны такие ксендзы, как настоятель Освейского костела Дриссенского уезда Сигизмунд Тоборэ, ксендз Юзефовского костела Режицкого уезда, Бенедикт Скрында и уже известный нам ксендз Федор Куликовский⁴.

Целенаправленная интерпретация указа, в целях достижения максимального прозелитического эффекта в деле умножения католической паствы, привела к вполне предсказуемым результатам. Предоставленные монархом религиозные свободы, целенаправленно истолкованные частью ксендзов как победа католицизма над православием, провоцировали появление эксцессов религиозного насилия над православным населением.

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47622. Л. 79 об.

² Там же. Л. 80.

³ Там же. Л. 3, 33.

⁴ Там же. Л. 79–80.

Проповедь превосходства католичества над православием, подкрепляемая ложной ссылкой на социальный авторитет монархии, была рассчитана на понимание «простецов», темной крестьянской массы. В приходах ксендзов, действующих такими предосудительными и противоправными способами, фанатично настроенные миряне сами становили проповедниками, пропагандируя еще более упрощенный католицизм как вероучение толпы¹.

Характерные примеры такой простонародной проповеди по обращению в католицизм приводит один из православных священников. «Переходи в нашу веру, обращались приходские миссионеры к православным, проживающим в католических деревнях. У нас в костеле музыка играет, у нас в Риме святой отец есть, а ваша ничего не стоит, что собаке хлеб дать, то в вашей вере быть. У вас батюшки женатые – грешники, детей имеют, а наши ксендзы святые... Если останешься в русской вере – вечно будешь мучиться в аду; что ваша церковь? – это хлев свинной, причастие ваше тоже ничего не стоит, это вам священник из чаши кровь бесовскую дает, а не сакрамент и т. д.»².

Если уговоры оказывались безрезультатными, тогда доморожденные приходские миссионеры прибегали к угрозам или насилию. Священнику Эржепольской церкви Люцинского уезда прихожанка Евгения Путканова со слезами рассказывала, что от католиков житья нет в деревне. Католики публично издеваются над православными, над Церковью, богослужением и духовенством. В деревне Реево Мариенгаузенской волости Люцинского уезда одна католичка сказала православному священнику: «Убирайся вон из нашей деревни, все равно мы не допустим, чтобы здесь остался хоть бы один русский». В деревне Ракшни Сариянской волости Дриссенского уезда, в присутствии местного священника Базилевского и епархиального миссионера Лепиня, по адресу единственной вдовы, оставшейся в православии, со стороны католиков раздавались угрозы: «Мы тебя выселим, сожжем, убьем» и проч. В таких деревнях, где преобладали католики, православные трепетали – им во всем досаждали, их осмеивали, оплеывали, над их верой издевались, ругались, поля и огороды их травили, угоняли и калечили скот (д. Возново, той же волости). На своих сборищах католики совещались – каким способом сильнее донять стойких православных и делали постановления: до смерти не убивать, а так прибить, чтобы через неделю-две сам умер» (д. Фольварково, той же волости). Об этих фактах религиозного насилия православное духовенство сообщило гражданским властям³.

Не удивительно, в атмосфере нарастающей религиозной нетерпимости и русофобии, среди третируемого католиками населения ряда приходов Люцинского уезда возникало сомнение в благорасположении российского монарха к своим православным подданным. «Наши православные жители, – писал один из священников Полоцкой епархии, – стонут от гонений католиков и недоумевают – за что царь на них прогневался и отнял от них свою милость и заступление... Куда делся тот мир между лицами разных исповеданий, которого желал государь, издавая указ 17 апреля?.. Почему гражданские власти отказываются защищать от насилия православных и заявляют, что теперь трудно что-нибудь сделать в защиту нас»⁴. Для этой группы православных религиозная свобода стала олицетворением насилия над их совестью, которое, как это ни парадоксально, своим указом невольно спровоцировал сам монарх, защитник и покровитель Церкви.

Православные участники Двинского миссионерского съезда, состоявшегося в июне 1908 г. обсудив сведения об «издевательствах, притеснениях и мучительствах, проявлен-

¹ У ревностных католиков Витебской губернии в большом употреблении были кощунства и насмешки над православием: «Православие – вера холопская, собачья, хуже жидовской». См.: НИАБ. Ф. 1430. Оп.1. Д. 54191. Л. 32.

² *Зайц К., священник.* В чем сила католицизма? // Полоцкие Епархиальные Ведомости. 1905. № 19. С. 394.

³ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47622. Л. 3–9.

⁴ *Зайц К., священник.* В чем сила католицизма // Полоцкие Епархиальные Ведомости. 1905. № 19. С. 390, 397.

ных католиками над православными», обратились с телеграммой на высочайшее имя. В ней миссионеры просили царя Николая II о покровительстве и защите православной веры белорусов¹.

Практика оказывалась таковой, что самовольная прозелитическая интерпретация указа о веротерпимости, вместо ожидаемого монархом «дела мира и любви», приводила к результатам противоположного характера. Будучи осуществляема на «низовом» уровне людьми фанатично настроенными, с низким уровнем правосознания, религиозная пропаганда становилась инструментом разжигания нетерпимости к православным односельчанам. Это обстоятельство заставляло православных, страдавших от принуждения, воспринимать указ негативным образом. Это восприятие выстраивалось по следующей схеме. Если до издания указа католики в отношениях с православными вынуждены были, в силу действующего законодательства, сдерживать свою нетерпимость, то теперь указ снял преграды для их традиционного фанатизма и русофобии.

В отличие от Минской и Витебской губерний в Могилевской губернии проблема католической пропаганды и связанного с ним насилия, в силу малочисленности католического населения, не получили каких-либо значительных размеров.

Впрочем, как и в других губерниях, римско-католическое духовенство и здесь прибегало к излюбленному приему привлечения православных в лоно своей Церкви. Об этом сообщал епископ Могилевский Стефан (Архангельский) в письме к губернатору 19 декабря 1905 г. Он писал о ксендзах Оршанского уезда, которые с церковных кафедр убеждали, что «только на свете одна истинная вера – католическая, а православная вера нечистая, хамская; что католическую веру за истинную признал даже сам царь и перешел в нее со всем семейством; что его желание – чтобы все подданные были католиками, а потому им объявлена свобода: переходи, кто хочет». На местах крестьянские миссионеры, уговаривая односельчан перейти в католичество, истолковывали указанный тезис ксендзов прагматически: «будет нарезка земли только католикам, так как царь признал католическую веру за самую истинную веру»².

Как следует из сказанного, в белорусских губерниях меры по борьбе с католической пропагандой и ее негативными социально-психологическими и политическими последствиями определялись решениями министерства внутренних дел. Задачей губернаторов в этих условиях становилось расследование религиозных инцидентов и своевременное уведомление об этом МВД. Однако в новых условиях, когда противоправная пропаганда приобретала массовые масштабы и провоцировала проявления религиозного и этнического насилия, выжидательная, не обеспеченная должными правовыми средствами тактика МВД не приносила практического эффекта. Благодаря этой пассивности часть радикально настроенных ксендзов и мирян ввели де-факто свободу религиозной проповеди. Однако содержание этой проповеди и методы принуждения, применяемые к православным соседям из сопредельных приходов, свидетельствовали об охлократической интерпретации указа о веротерпимости. В местностях, где пропаганда и насилие стали фактом повседневной жизни, охлократическое применение освободительного указа привело к возникновению таких негативных явлений, как принудительное принятие православными католичества и «упорствующие» в православии. По инициативе католической стороны отмена религиозного принуждения по вертикали – «сверху», вызвала появление его по горизонтали – «снизу».

Несмотря на свой маргинальный характер, проявления ненависти к православию и русским, т. е. не к великороссам, а к своим же православным соседям-белорусам, не могут быть осмыслены только лишь как результат долго действовавших запретов и ограничений на религиозную жизнь католиков и их духовенства. Они явились результатом

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47622. Л. 2.

² НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2045. Л. 164; Ф. 2301. Оп. 1. Д. 139. Л. 39–40.

действий духовных и светских фанатиков из среды католического клира и мирян, которые начали открыто демонстрировать запрещенные законом и христианской моралью формы миссионерского поведения. Правовая и нравственная безответственность недобросовестных интерпретаторов указа, делало для правительства все более актуальным решение вопроса о защите «неприкосновенности совести» той части православного населения, которая невольно оказалась жертвой охлократического восприятия религиозной свободы.

4. «Господствующая» Церковь и методы католической пропаганды

Православный епископат и приходское духовенство Северо-Западного края и белорусских губерний положительно оценили нормы нового законодательства, предоставившего «упорствующим» право возвращения в лоно Римско-католической церкви, а старообрядцам и сектантам возможность свободно исповедовать свою веру. Гродненский епископ Никанор (Каменский) еще накануне издания указа от 17 апреля утверждал, что «Церковь не может терпеть лицемерного принятия ее учения без искреннего убеждения, не может допустить, чтобы кто-нибудь не разделял в душе церковной веры и, не живя церковной жизнью, тем не менее, числился в Церкви. Такое лишь внешнее причисление к Церкви без внутренней принадлежности к ней, в сущности, будет самым грубым компромиссом и, несомненно, внесет в ограду церковную больше язычества и вообще нехристианства, чем открытая ересь, больше, следовательно, грозит целостности и неповрежденности церковной жизни»¹.

Сразу же после издания указа от 17 апреля в его поддержку выступили миссионеры Полоцкой епархии. В одной из программных статей официального епархиального издания было торжественно заявлено, что «17 апреля 1905 г. – знаменательный день в истории нашего Отечества и в истории русского православия...

Можно ли не радоваться тому, что новый закон будет для православия, так сказать, горнилом очищающим и возведет наше православие на такую высоту, которой оно теперь не имело, так как вмещало в себе наряду с искренне верующими сынами Церкви и так называемых упорствующих, совращенных и т. п.?

Можно ли не радоваться тому, что теперь наша миссия должна вступить на истинный путь, и духовенство наше освобождается от исполнения тех неприятных и тяжелых обязанностей, кои не имеют никакого отношения к духовному служению пастырей? Можно ли не радоваться тому, что новый закон, проведенный в жизнь, установит нормальные отношения между заблуждающимися и православными, ослабит ненависть наших недругов к Церкви православной и духовенству, смягчит их фанатизм и расположит их к православию и миссионерам»².

Кроме богословских и миссионерских аргументов в пользу свободного выхода из православия, для духовенства существенное значение имели и традиционные доводы политико-правового характера. Ведь желание не стеснять ничьей воли в области веры выразил сам российский император, защитник и покровитель Церкви, которая наделалась правовым статусом «господствующей» в империи в силу также и конфессиональной принадлежности монарха к православию. Законопослушное духовенство, настроенное монархически, обязано было выполнять волю императора и призывать к этому свою паству.

¹ *Никанор, епископ*. К вопросу о веротерпимости // Гродненские Епархиальные Ведомости. 1905. № 15. С. 447.

² Полоцкие Епархиальные Ведомости. 1905. № 11. С. 261–263.

Однако начавшаяся практика правоприменения указа от 17 апреля сразу же поставила духовенство и православный епископат Северо-Западного края в весьма сложное положение. После опубликования указа в консистории начали поступать многочисленные рапорты благочинных и приходских священников о случаях соращения из православия, которые происходили в их приходах в результате незаконной прозелитической деятельности католического духовенства и мирян. Епископы в соответствии с церковным и светским законодательством должны были своевременно реагировать на эти сообщения и немедленно ставить в известность Святейший Синод и местную администрацию о случаях порицания православия, католической пропаганды и «совращения» православных в католичество. Согласно каноническим и светским правовым нормам, сконцентрированным в ст. 23 Устава духовных консисторий, правящий архиерей обязан был «надзирать, чтобы православные христиане не совращались в другую веру, ибо одна господствующая православная кафолическая имеет право в пределах государства убеждать иноверцев к принятию ее учения». В случае соращений православных в иные религиозные сообщества, инициатива судебного преследования виновных возлагалась законом на «духовное начальство» – правящий епископат¹.

В общем объеме информации о состоянии межконфессиональных отношений, которая поступала в распоряжение генерал-губернатора, существенную роль играли сообщения архиереев Гродненской и Виленской епархий. Опиравшиеся на сведения, поступавшие от священников и прихожан, обращения епископата преследовали цель инициировать действия светских властей по восстановлению правопорядка и снятию нарастающей напряженности в конфессионально-этнических отношениях среди христианского населения края. По существу, епископы просили генерал-губернатора подтвердить своими практическими действиями, что в Российской империи и после указа о веротерпимости Православная церковь по-прежнему сохраняет свой господствующий правовой статус. Одним из конкретных доказательств этого должны были послужить меры по защите прав и достоинства той части православного населения, которая стала объектом прозелитизма и чьи религиозные чувства подвергались оскорблению.

Архиепископ Литовский Никандр (Молчанов) в начале июня от имени съезда духовенства Виленской епархии вынужден был обратиться к генерал-губернатору А. А. Фрезе с просьбой об ограждении православных приходов от католической пропаганды и проявлений религиозного насилия со стороны католиков. В работе этого епархиального съезда приняли участие депутаты других епархий Северо-Западного края, которые также столкнулись с неожиданной для них проблемой открытого и агрессивного католического прозелитизма. События, начавшиеся непосредственно после издания указа от 17 апреля, воспринимались православным духовенством с чувством тревоги, горечи и бессилия. Эти настроения были отчетливо выражены в резолюции съезда, принятой 1 июня 1905 г., которая была направлена затем архиепископом Никандром генерал-губернатору А. А. Фрезе. Резолюция стала свидетельством непосредственной коллективной реакции приходских священников на радикальные перемены в поведении части католического клира и мирян. В ней сконцентрировались первые травматические впечатления от внезапного перехода католической стороны к наступательной миссионерской тактике, которая своим напором и агрессивностью повергла в шок духовенство господствующей Церкви. Содержательная и эмоциональная ценность этого документа заслуживают пространной цитаты.

«Литовский епархиальный съезд духовенства в заседании от 1 июня 1905 года все-сторонне обсудил то тяжелое и безотрадное положение православных приходов в епархии, в котором они очутились после Высочайшего указа от 17 апреля. Выслушав словесные заявления депутатов об этом, а также донесения епархиальному начальству некоторых

¹ Устав духовных консисторий. СПб., 1898. Ст. 23.

благочинных, съезд к великому своему прискорбию увидел, что Высочайшая милость, дарованная иноверию, неправильно понятая и ложно истолкованная римско-католическим духовенством, весьма неблагоприятно отразилась на юной литовской пастве. В особенности в тех приходах, которые образовались после последнего польского мятежа в 1863 г.

В этих приходах церкви были переделаны из костелов, а прихожане присоединились к православию из католичества. Не стесняясь никакими средствами, прибегая к обманам, лжи, угрозам, католическое духовенство все усилия свои напрягает на то, чтобы, прежде всего, всех этих православных совратить в католичество, отнять православные церкви и обратить их в костелы.

Поэтому едва появился в печати указ о веротерпимости, как ксендзы, извратив его смысл, обнародовали с костельных амвонов с самыми неправильными и ложными комментариями. И потом по всем селениям, где живут православные, появились самозванные апостолы в лице польских помещиков, шляхты, членов самых разных религиозно-фанатических обществ – терциаров, Сердца Иисуса, шамплерного и пр., коим обещано отпущение грехов за усердную пропаганду, и началось насильственное совращение православных в католичество.

Предварительно составляются списки православных жителей, от их имени пишутся, часто даже заочно, прошения о желании перейти в католичество и передаются ближайшему ксендзу. Запись эта обличена таким авторитетом и санкцией, что кто внесен в список, тот считается уже католиком. При этом в ход пускаются обман, ложь, насмешки и кощунства над православием, и даже насилие...

Смущенные слухами православные записываются в католичество и подают о том прошения, а после такой записи печальные и грустные идут в костел, где их сначала приводят к присяге на верность католичеству. Присяга эта совершается так: стоя на коленях со сложенными на груди руками, принимающие католичество повторяют за ксендзом такие слова присяги: «Отрекаюсь от православной веры; проклиная веру православную схизматическую; да буду проклят я, да будут прокляты мои дети, внуки и правнуки, если я или кто-либо из них будут исповедовать когда-либо православную веру»¹.

Достоверность показаний православного духовенства о присяге на верность католичеству может быть подтверждена действием циркуляра епископа фон Роппа, который был издан на латыни для подведомственного духовенства 23 мая 1905 за № 1814. В нем епископ предоставлял всем духовным лицам, имеющим право исповедовать в его епархии, власть принимать и разрешать от ереси и всякой кары отлучения всех русских, переходящих из инославия в единство Католической церкви, добровольно и откровенно отрекающихся от прежних заблуждений².

Как следует далее из резолюции епархиального съезда: «После присяги все исповедуются и причащаются святых Тайн, для чего в помощь к местному ксендзу прибывают к назначенному времени два-три иноприходных ксендза. Православным, не подающимся увещаниям, грозят насилиями и даже прибегают к побоям.

...Перед фактами же гнусного кощунства католического духовенства над Православной церковью, таинствами и обрядами бледнеют даже указанные факты насилия. Так, в костелах публично в своих проповедях с амвонов ксендзы позволяют себе поносить веру православную, называя ее «собачьей верой», православный крест «поганым», и требуют от прихожан, чтобы они не смели даже из любопытства входить в церковь, что лучше зайти в кабак или в синагогу, чем в церковь; что в церквях вместо икон висят еврейские портреты, что от православного священника смердит собакой, что православные крестятся кукишами, окропляются конскими хвостами, помазываются собачьими хвостиками и пр. (Дело о ксендзе Масюлисе находится у г. Виленского губернатора.)

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 1–2.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 157. Л. 142 об.

Некоторые выражения ксендзов о святых таинствах Православной церкви настолько грубы и циничны, что даже не могут быть изложены на бумаге. Проникнутые такою враждою к православию, ксендзы приказывают и своим прихожанам преследовать православных на каждом шагу, называя их перекульчиками, московской кишкой, русской собакой и пр. Страх и ужас объял православных. С тяжелой грустью, с плачем и слезами приходят они к сознанию, что остается им одно: или переходить в католичество, или всю жизнь нести тяжелый крест мученичества. И многие из страха перед такими насилиями и изуверством, а в некоторых уездах, как Виленском и Трокском, целые приходы отпадают от православия, а более твердые в вере колеблются в ожидании дальнейших событий...

И, несмотря на то, что православное духовенство означенными, а именно христианскими мерами, желает лишь удержат православных от совращений, не посеяя между православными и католиками антагонизма и не преследуя пропагандных целей, все-таки ксендзы вселяют в своих прихожанах особенную ненависть к православному духовенству и грозят ему также разными насилиями... Многие священники получают письменные и словесные предложения от фанатиков католиков о том, чтобы не удерживали православных от совращения в католичество и добровольно оставили свои приходы, а церкви передали ксендзам¹.

На этом съезде было принято решение об избрании делегации для предоставления депутатами от духовенства Виленской епархии просьбы императору о защите православных крестьян от незаконных действий поляков – ксендзов и помещиков, которые способствуют обращению православных крестьян в католичество. В качестве депутатов были избраны: протоиерей Виленского кафедрального собора Иоанн Котович, протоиерей Шумской церкви Владимир Маркевич, Виленский благочинный протоиерей Лев Тиминский, помощник попечителя Виленского учебного округа А. В. Белецкий. Было предложено пригласить в состав делегации несколько крестьян. К обер-прокурору К. П. Победоносцеву была отправлена докладная записка с просьбой о ходатайстве перед императором о принятии делегации в Царском Селе. Сообщая об этом решении съезда министру внутренних дел А. Г. Булыгину, Виленский губернатор граф Пален добавлял, что названные депутаты находят действия архиепископа Никандра «недостаточно энергичными»².

Сведения, предоставленные епархиальным съездом генерал-губернатору, как и предыдущее обращение к нему архиепископа Никандра от 3 июня 1905 г., ставили А. А. Фрезе в довольно сложное положение. Прилагаемые к обращению епархиального съезда «заявления прихожан своим священникам, свидетельствующие о насилии, лжи и обманах, к каким прибегают ксендзы для того, чтобы посеять смуту среди темного народа и тем самым иметь больший успех на совращение православных в католичество», не могли быть приняты к сведению без официального расследования. Но в таких сложных случаях собрать доказательную базу и привлечь виновных к уголовной ответственности в условиях правовой неопределенности было совсем не просто. По существу православное духовенство, так же как и император, призывало к применению решительных мер по пресечению начавшейся массовой пропагандистской кампании, с характерными для нее миссионерскими приемами. Но, как уже отмечалось выше, в стабилизации религиозной ситуации в крае генерал-губернатор в это время рассчитывал на содействие фон Роппа, стараясь разрешить нарастающие конфликты с помощью средств преимущественно церковного, канонического воздействия.

В это же время глубокую обеспокоенность ситуацией, складывавшейся в епархиях после издания указа от 17 апреля, выказал Святейший Синод. Первенствующий член Синода митрополит Антоний (Вадковский) 4 июня обратился с письмом к епархиальным архиереям, духовенству и пастве, в котором призвал их «к деятельному участию в строении

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 2–7.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 13.

великого дела Христова и ограждению интересов Православной церкви от напряженной деятельности врагов ее»¹.

Выполняя распоряжение митрополита Антония, 28 июня к генерал-губернатору обратился епископ Гродненский и Брестский Никанор (Каменский), сообщая о фактах религиозной нетерпимости по отношению к православным, возникшей в некоторых местностях его епархии в результате противозаконной миссионерской деятельности католического духовенства и мирян. Епископ писал о фактах, ставших «почти общим явлением», когда католики прибегают к открытому совращению православных, нередко даже путем насилия, иногда самого грубого, и позволяют себе открытое порицание и даже поругание православной веры. Преосвященный Никанор приводил генерал-губернатору несколько примеров такой нетерпимости римско-католического населения, руководимого, по его мнению, «очевидно, местными ксендзами».

«В смешанных семействах», – писал он, – родители католички насильно тащат детей своих православных в костел. Дети, твердые в православии, отрекаются от родителей, бегут от них и даже проклинают их. Были случаи совращения в католичество посредством подкупа деньгами и вещами и угроз пожаром. Таковые случаи имелись в д. Суковичах, где католики грозили сжечь деревню в случае закладки православной церкви...

Между народом ссоры и драки; отец идет в костел и гонит туда жену и детей, те не хотят – отец бьет своих детей и жену. Католичка М. Федюневич говорила православным местечка Крынки: «У вас нет Бога, крест ваш поломанный на левой стороне, сразу все пойдете в пекло, вы не крещены, отщепенцы, у вас темная вера, Святой отец Папа проклял русскую веру». Оставшихся немногих православных села Селявичи Слонимского уезда отступники осыпают градом насмешек, обещая в скором времени закабалить их. Православные прячутся по домам, избегая насмешек. Совратившиеся в католицизм распространяют нелепые слухи, что с окончанием войны католичество должно вытеснить православие, церкви заменяться костелами, а православных священников совсем не будет. ...В заключение епископ Никанор просил генерал-губернатора о возможном содействии и умиротворении сельского населения, возбуждаемого проявлениями католического фанатизма, столь несогласного с духом указа от 17 апреля и нарушающими правильное течение не только церковной, но и общественной жизни»².

Аналогичное сообщение с просьбой о помощи было направлено 30 июня епископом Никанором обер-прокурору Святейшего Синода. В ответ на полученное донесение Гродненского епископа, К. П. Победоносцев 14 июля 1905 г. обратился к генерал-губернатору с официальным письмом, уведомляя о случаях открытого совращения православных в католицизм, сопровождаемого насилием над их совестью и публичным порицанием православной веры. Обер-прокурор просил А. А. Фрезе оказать содействие духовенству Гродненской епархии в налаживании мирных отношений православных с католиками, возбуждаемых фанатизмом ксендзов³.

Ковенский епископ Сергей (Петров) в июле 1905 г. совершил поездку по православным приходам губернии. Цель поездки заключалась в том, чтобы оказать духовную поддержку православному населению, а также изучить причины обострения межконфессиональных и межэтнических отношений в губернии после выхода указа от 17 апреля. Свои выводы и предложения, сделанные на основании встреч с православным духовенством и мирянами, епископ изложил в письмах к генерал-губернатору А. А. Фрезе и обер-прокурору К. П. Победоносцеву.

Епископ утверждал, что до издания указа от 17 апреля отношения между православными и католиками в Ковенской губернии были миролюбивыми. По его мнению, смуту внес

¹ Указ его императорского величества, самодержца всероссийского, из святейшего правительствующего Синода. Преосвященному Никанору, епископу Гродненскому // Гродненские Епархиальные Ведомости. 1905. № 33–34. С. 897–898; РГИА. Ф. 796. Оп. 186. Д. 724. Л. 10–11.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 9–10.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 100.

не сам указ, а отношение к нему католического духовенства, начавшего вести миссионерскую пропаганду в смешанных православно-католических семьях. Поэтому правительству следовало потребовать от ксендзов, чтобы они прекратили свою преступную деятельность по «сворачиванию» православных. Анализируя причины отпадений от православия, епископ пришел к выводу, что «сворачивания в католичество» происходили не столько от религиозных убеждений «сворачившихся» или внутренней предрасположенности их к польской этничности, языку и культуре, сколько вследствие воздействия негативных внешних факторов.

Выход государственных указов о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. и 1 мая 1905 г. об отмене ограничений, наложенных на национально-культурную и социально-экономическую жизнь литовцев и поляков Северо-Западного края, последовали одновременно с внешними поражениями России в Русско-японской войне и революционными потрясениями внутри страны. Хронологическое совпадение этих негативных для империи событий ослабило престиж власти, православия и «русской народности» среди католического населения края. Ослаблением авторитета этих трех столпов российского владычества, по мнению епископа, «превосходно воспользовался неизменно враждебный воинствующий католицизм». В качестве аргумента в пользу своего утверждения епископ приводил высказывания бывших православных, перешедших в католичество под влиянием распускаемых слухов о том, что «все переходят в католицизм» и «русских будут отсюда выселять на Сахалин».

Обращаясь к генерал-губернатору и обер-прокурору, епископ Сергей настаивал на том, что единственной возможностью «спасти дело православия в крае» стали бы меры экономического и организационного характера. Правительству следовало наделить землей «угнетенное, приниженное, разбросанное отдельными семействами среди сплошного католичества, православное население и соединить его в отдельные группы вблизи православных храмов». Епископ настойчиво утверждал, что престиж русского правительства в крае зависит от того, в каком положении находятся «православие и русская народность». Он умолял А. А. Фрезе, как русского государственного деятеля, встать на «защиту униженного православия»¹.

Призыв епископа Сергея о защите православного населения Ковенской губернии был поддержан обер-прокурором Святейшего Синода К. П. Победоносцевым, который 15 сентября 1905 г. сообщал А. А. Фрезе, что «мещане Новоалександровска и его окрестностей преследуются местными католиками с помощью угроз, постоянных нападков, оскорблений и даже угроз насилия над ними и их имуществом за преданность Православной церкви. Они просили содействия обер-прокурора в организации переселения их в другие местности с преобладающим русским населением, где они могли бы беспрепятственно исповедовать православие. Обер-прокурор обращался к генерал-губернатору с предложением оказать содействие просителям и другим, «истинно-православным русским людям» проживающим в той же местности, в создании для них с помощью Крестьянского банка отдельного поселка, в котором они могли бы жить, не подвергаясь давлению католиков»².

Нередко инициаторами разжигания религиозно-этнической ненависти к православным русским поселенцам Ковенской губернии выступали католические ксендзы. Как свидетельствуют материалы официального расследования, ксендз Довгельского костела Новоалександровского уезда Казимир Кишин «тайно подстрекал крестьян к производству беспорядков и насилий над лицами русского происхождения». Настоятель Браславского костела того же уезда ксендз Франц Бирутович «внушает своим прихожанам ненависть к местному поселенческому элементу, вследствие чего католики запугиванием и угрозами вынуждают православных переходить в католичество». Ксендз Иллокского костела Тельшевского уезда Антон Ветувис открыто призывал толпу возле костела «убивать всех русских, жандармов и полицию»³.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 24, 139.

² Там же. Л. 68.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 355. Л. 36 об, 40 об.

Общее настроение, которое переживали православное духовенство и миряне в местностях с преобладанием католического населения, где наиболее остро проявлялась религиозная и этническая нетерпимость, можно выразить так – государство нас бросило, нас некому защищать.

В Ковенской губернии литовцы-католики запугивали немногочисленное русское население общим поголовным избиением в том случае, если они не уйдут или не примут католичество. «Сбрейте бороды, оденьте рожанцы и шкаплеры, – говорили они, – и мы вас не тронем»¹. Растерянность и отчаяние усугублялись еще и тем, что ксендзы разъясняли указ народу в том смысле, что Николай II повелел всем переходить в католичество, что православные церкви будут обращены в костелы, а имущество их передано католическому духовенству. Православные священники будут лишены жалования и приходов и высланы из края, чтобы не смущали народ неправильным толкованием царского манифеста².

Ксендзы уверяли прихожан, что сам указ издан вследствие молитв Папы Римского к возвеличению Римско-католической церкви, для блага католичества и польского народа. А это значит, что отныне католическая вера становится первенствующей в империи, следовательно, православные должны немедленно подавать заявления о присоединении к католичеству. Настоятель Брянского костела Гродненской губернии в своей проповеди прихожанам, находившимся в костеле, говорил, что «православная вера хуже всех вер и кто из православных не перейдет в Римско-католическую веру, тот никогда не сможет ожидать спасения от Бога»³.

Среди населения распространялись слухи о том, что сам царь вместе с семьей перешел в католицизм, – «на высоте царского престола познали неправоту православия». Появление указа получало мифологическое обоснование. «Государыня, исповедуя сама римско-католическую веру, долго уговаривала вместе с Папой государя перейти в католичество. В результате государь принял католичество, крестил наследника в костеле и издал Манифест 17 апреля». В Гродненской губернии ксендзы уговаривали крестьян переходить в католичество, заявляя, что даже о. Иоанн Кронштадский принял католицизм, что ксендзам помогает администрация края – генерал-губернатор, губернаторы и т. д. Скоро все православные священники и их паства, повинувшись царскому указу, должны стать католиками. Издание указа от 17 апреля объяснялось и его якобы божественным происхождением, при этом упоминались и эсхатологические мотивы. «Наши молитвы дошли до Бога, мы спасены от тяжелого ига и тяготеющей неправды. Царь получил с неба бумагу, что скоро конец мира и все народы должны поклониться Папе, чтобы получить спасение души»⁴.

В пропаганде использовались также и мотивы земного, социального престижа, когда католичество в противовес православию – «мужицкой вере», восхвалялась крестьянскому населению как «панская вера». Использовались и методы экономического шантажа. Православных крестьян уверяли в том, что, если они будут по-прежнему сохранять верность своей Церкви, земли их будут конфискованы и переданы католикам. Не принявшие же католичество будут переселены во внутренние губернии России и даже в Сибирь, так как они не имеют больше права жить в «Польше», т. е. в Виленской и других белорусских губерниях⁵. В Ошмянском уезде католики, заставляя православных принимать католичество, угрожали им изгнанием из деревень: «Теперь скоро от вас все земли отнимут и передадут польскому королю, а русских и запаку не будет»⁶.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 215.

² Православный белорус. Православные приходы Виленского уезда // Вестн. Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 10. С. 205.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 63.

⁴ Там же. Л. 46.

⁵ Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 17. С. 362; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 2.

⁶ По краю // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 10. С. 212.

Имелись случаи, когда в костелах ксендзы кощунственно отзывались о православной вере – «поганая вера», «собачья вера», «православие в нашем крае есть вера наносная, как холера, чума или иная болезнь». Ксендз Ляцкого костела Виленской губернии Иосиф Шкоп во время проповеди говорил прихожанам, что «православная вера не есть истинная, а выдуманная и православный народ отрекся от Иисуса Христа как караимы, а потому будем же молиться, чтобы обратно православные вернулись в нашу веру, пусть будет одна римско-католическая вера и один пастырь». Ксендз приказал своим прихожанам не иметь с православными никаких сношений, не заводить дружбы и родства, не заходить в православные храмы, не брать последних восприемниками и не жениться на православных, как отрекшихся от Бога¹.

Нередки были случаи, когда ксендзы разжигали в прихожанах этническую вражду к русским, т. е. своим же православным соседям белорусам. В листовках, написанных на польском языке, которые распространялись на территории края, говорилось, что «поражение России в Русско-японской войне – это месть Божия за гонения на католиков и за обиды польского народа, что, опасаясь еще больших несчастий для себя и еще более жестких наказаний для своих московских подданных, царь издал указ. Это перст Божий, чтобы вы оставили заблуждения православия, к которому вас принудили, и возвратились в веру дедов и прадедов, в святую веру римско-католическую, в которой одной есть спасение для человеческой души. Кто теперь не оставит проклятого православия и не возвратится в святую римско-католическую веру, тот погубит свою душу и своих детей»².

В листовках, наряду с политическими и националистическими аргументами, неизменно подчеркивался исключительный характер католической сотериологии: «Уповаем, что многие православные признают..., что истинное и полное православие соблюдает только тот, кто пребывает в церковном единстве со святым Римским престолом»³.

Встречались листовки откровенно провокационного, экстремистского и русофобского содержания. В одной из них говорилось: «Братья крестьяне! Знаете ли вы о том, что царь уже взял назад свое слово и что теперь уже очень, очень трудно веру православную на святую католическую переменить. Он не надеялся, что мы будем так скоро к вере отцов возвращаться. А теперь, как осмотрелся, подлый гицель, то и запретил. Довольно братья терпели мы от москалей беды. Приходит пора сбросить ненавистное ярмо. Не думайте, братья, что москали сильные, они только на вид сильные и каждый из них виселицы достоин. Какая их сила, то теперь японец показал. А какая наша, братья, сила, мы покажем, когда все сосны при дорогах москалями обвешаем»⁴.

Православных начали открыто называть «недовярками», «еретиками», «схизматиками», «отщепенцами», «холопами», а саму православную веру еретической, явившейся будто бы «из-под кнута», а также верой хамской, мужицкой и пшеклентой схизмой⁵. Ксендз Иказненского костела Дисненского уезда Виленской губернии Иоанн Кржиштофин: «Объявляя высочайший указ о свободе вероисповедания, открыто сказал в костеле, что настало католикам время отомстить православным за все обиды и притеснения, которые несли католики от русских православных людей»⁶.

Настроения религиозной мести порождали национальные надежды, что наш Северо-Западный край – «забранный край», и он должен отойти целиком к полякам. Политиче-

¹ Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 19. С. 396; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 179.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 80.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 177.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 84 об.

⁵ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7373. Л. 16–17; Ф. 295. Оп. 1. Д. 7285. Л. 114; Ф. 136. Оп. 1. Д. 37167. Л. 115; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 46, 69, 83; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 68; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 80.

⁶ Квятковский М., священник. Из епархиальной жизни // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 35–37. С. 310.

ская метафора «забранного края», как компонент этнонационалистической идеологии, опиралась на псевдорелигиозное утверждение, будто «Христос в польской вере родился и первый костел основал»¹.

Религиозная свобода, полученная в результате указа, рассматривалась католической пропагандой как эффективный инструмент полонизации белорусского населения. В этой пропаганде муссировался тезис, упорно отстаиваемый ксендзами и шляхтой, о тождественности католичества и польской этничности. В листовке, активно распространяемой в Литве и Белоруссии, некий ксендз Н., насаждая межэтническую и межрелигиозную рознь, запугивал белорусов-католиков угрозой потери польской идентичности в результате того, что «русский язык завластвует среди нас, а тогда все мы станем не польскими, а православными. С этой целью называют наш простой язык белорусским, а нас всех белорусами, чтобы мы стали похожими на великорусов, т. е. на настоящих «кацапов». В действительности же мы католики есть все поляки, а только простой народ, «хлопы» – православные, живущие вместе с нами, заслуживают название белорусов. И эти все когда-то соединятся с нами в один народ – польско-католический, ибо так желает Иисус Христос, который обещал, что будет время, когда на свете будет одно стадо и один пастырь»².

Единообразие приемов, используемых католическим духовенством для обращения православных, общее содержание их проповедей, типичный для всех губерний Северо-Западного края набор слухов и угроз, распространяемых устно и с помощью многочисленных листовок, свидетельствовали об организованном характере этой внешне стихийной, низовой пропагандистской кампании. Выбор указанных средств не был случайным. Для традиционного крестьянского общества, где господствовали средства устной коммуникации, целенаправленно распространяемые слухи становились одним из социально значимых инструментов прозелитической деятельности.

Нельзя не отметить выразительную светскую составляющую в идейном содержании средств, применяемых, казалось бы, в сугубо религиозных целях. Но на практике проявления религиозного фанатизма оказались тесно связанными с настроениями политического и этнического экстремизма, характерными для некоторой части духовенства и мирян. Пропагандистские приемы, применяемые в Северо-Западном крае, не имели принципиальных отличий от аналогичных методов, используемых в Холмско-Варшавской православной епархии³. И там и здесь инструментом католического прозелитизма среди православного населения становились характерные для этого времени политические технологии, позволявшие манипулировать массовым религиозным сознанием необразованного крестьянского населения. Различие заключалось в интенсивности и масштабах пропагандистской кампании и специфике религиозных групп, к которым применялись эти технологии. В одном случае «упорствующие» происходили из бывших униатов, присоединенных к православию в 1875 г., в другом – из бывших римо-католиков и униатов, воссоединенных после Полоцкого собора 1839 г. и польского восстания 1863 г.

В этой ситуации некоторые православные священники Литовской епархии, чтобы разубедить своих прихожан в ложности слухов, распространяемых в приходах, вынуждены были зачитывать в церквях разъяснение варшавского генерал-губернатора К. К. Максимовича «о более правильном понимании закона о веротерпимости»⁴. Однако действия такого рода были единичными. Более того, попытки истолкования указа на основе разъ-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 80; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 46, 69, 83; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 68; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37167, Л. 115; Ф. 295. Оп. 1. Д. 7285. Л. 20–21, 60–61; РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 58, 177; Новое время. 20 июня 1905 г.; За первый год вероисповедной свободы в России. СПб., 1907. С. 140. Вестн. Виленского Свято-Духовского братства. 1911. № 1. С. 13–14; Минское слово. № 1206. 1911.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7285. Л. 21–22.

³ *Евлогий (Георгиевский) митр.* Путь моей жизни: Воспоминания. М., 1994. С. 140–145.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 6.

яснения Максимовича встречали резкое осуждение ксендзов, которые стали угрожать священникам, что «даром это им не пройдет»¹.

Отойдя от шока, вызванного «низовой» католической реакцией на указ о веротерпимости, православная сторона перешла в пропагандистское контрнаступление. Это был ответ на вызов, брошенный противниками православия в форме организации нелегальной «низовой» пропаганды по обращению православных в католичество. Поэтому полемика с католичеством не могла носить академического, богословского характера, обращенного к образованному обществу, который был присущ для эпохи, предшествовавшей указу о веротерпимости². Отныне она приобретала популистские, заостренно пропагандистские черты и адресовалась народным массам – православным и католикам, которых необходимо было убеждать в преимуществе православия над католичеством на доступном им языке. Характер католического вызова определял не только содержание, но и стиль православного ответа. Организованная радикально настроенной частью католического духовенства и мирян «низовая» пропагандистская кампания с характерными для нее охлократическими методами воздействия на религиозное сознание православных провоцировала появление ответного жесткого стиля православной полемики.

Проблема противостояния католической пропаганде средствами православной печати решалась на двух уровнях – богословском и публицистическом – в «Епархиальных ведомостях», обращенных непосредственно к приходскому духовенству, и популярных, пропагандистских «Листках», рассчитанных на понимание народных масс. Приходским священникам, испытывавшим психологическое потрясение от последствий издания указа от 17 апреля 1905 г., следовало авторитетно разъяснить богословские, исторические и психологические причины резко вырвавшихся наружу настроений нетерпимости к православию и активизации католического прозелитизма. На этом поприще преуспели «Гродненские епархиальные ведомости», которые, благодаря епископу Никанору, выступили с серией статей популярного богословского и церковно-исторического характера.

Журнал усматривал причины враждебного отношения католиков к православным во властолюбии Римско-католической церкви, в характерном для нее «духе стяжания и господства», которые порождают фанатизм и нетерпимость. Эта богословско-психологическая точка зрения позволяла выстроить взгляд на ксендзов, как на людей совершенно чуждых пониманию принципов религиозной свободы, единственная цель которых состоит в подчинении всех православных Римскому епископу – Папе. Для этого «ревнители католичества обещают отступникам от православия прощение грехов, забывая, что православные тоже христиане, для которых все божественное Писание, все Господни установления, все древние правила апостольские и каноны Вселенских соборов имеют такую же полную силу, какую они должны иметь и для всех католиков». Критический подход в оценке экклезиологии и прозелитических приемов католиков позволил журналу сделать негативный вывод о том, что «католичество есть вероисповедная система духовного порабощения других и принципиального насилия по возможности над всеми людьми»³.

Православные епископы и священники прибегали к лексике и аргументам, которые формировали у читателей негативный образ католичества, должный вызвать неприятие вероучения этой Церкви, ее истории, морали, обрядов и пропагандистских методов привлечения православных в состав своей паствы. Резкие характеристики, даваемые действиям католиков православным духовенством на страницах «Епархиальных ведомостей», свидетельствовали о крайнем неприятии проявлений фанатизма, жертвой которого становилась православная паства.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л. 6.

² *Иванцов-Платонов А. М., священник. О Римском католицизме и его отношениях к православию. Ч. I. М., 1869; Скворцов В. М. Судебный процесс ковенского ксендза Белякевича и католическая церковная дисциплина. СПб., 1900.*

³ О вероисповедной нетерпимости // Гродненские епархиальные ведомости. 1905. № 37. С. 996–999.

Вот, например, какой была реакция священника из Полоцкой епархии Кирилла Зайца, приход которого столкнулся с активным прозелитизмом католиков: «Католичество показывается миру во всей своей омерзительной наготе. Так и кажется, что со средних веков – времен инквизиции – католичество осталось таким же в своих отношениях к другим вероисповеданиям и нисколько не изменилось к лучшему. У нас, по крайней мере, не хватает только костров для сожжения «еретиков», и костры запылали бы, если бы правительство разрешило; Католическая церковь, наверно, благословила бы и на это своих ревностных служителей для вящей славы Божией; пытки остались и теперь»¹.

Резкий полемический стиль в оценках экклезиологии и прозелитических приемов местного католичества был присущ не только для периодических церковных изданий. Острая критика католического вероучения и норм церковной жизни была особенно характерна для распространяемых в народе «Почаевских листков». «Листки» ставили своей целью популярное разъяснение основ православной веры и разоблачение ложных слухов, к которым прибегала католическая пропаганда для достижения прозелитических целей. При этом негативным оценкам подвергался институт папства, поведение отдельных представителей папского престола, практика продажи индульгенций, деятельность инквизиции, прозелитизм ксендзов, католическая обрядность и т. д.

Разоблачительный характер критических замечаний, направленных в адрес Римско-католической церкви и ее служителей, формирование у православных негативного образа католичества несли в себе потенциальную социальную опасность. Церковь, будь она Православная или Католическая по роду своего служения, неизбежно воздействует на поведение и оценки принадлежащих к ней христиан, способствует формированию настроений терпимости или же нетерпимости к христианам иных конфессий. Поэтому антикатолическая пропаганда вызывала возмущение и протесты со стороны католической иерархии и клира.

В ноябре 1905 г. епископ фон Ропп обратился к генерал-губернатору А. А. Фрезе с жалобой на оскорбление религиозных чувств католиков, которое вызвало содержание «Почаевских листков». К епископу поступило сообщение от настоятеля Домбровского костела Гродненской губернии ксендза Гурского, в котором указывалось, что прихожане этого костела «крайне возмущены антикатолическими действиями Красностоцкой церкви и монашек Красностоцкого монастыря». Как следовало из донесения ксендза, «Почаевские листки целыми тысячами раздаются красностоцкими священниками и игуменьей того же монастыря, так что листки эти находятся везде, по всем деревням. Листки эти прихожане без ужаса читать не могут, так как в них заключается посягательство на самое дражайшее и святое для каждого католического сердца».

Указывались и негативные последствия, к которым приводила антикатолическая пропаганда: «В деревнях, где находятся православные, позволяют они себе насмехаться пред католиками самым бесстыдным образом над Папою, епископами и ксендзами; православные позволяют себе обижать по деревням католиков, особенно православные дети, наученные, вероятно, родителями. Они не дают прохода перешедшим в католичество, бросают в них камнями и кричат: «Хоть убей два католика, ничего не будет, все равно пропадете как собаки». К рапорту ксендза были приложены: «Почаевский листок» № 27 «Православным христианам о католическом прельщении» и «Почаевский листок» № 33 «Как папы и ксендзы добрыми делами торгуют» с выразительной иллюстрацией «Иуда за сребреники продает Христа». Эти «Листки» вместе с письмом фон Роппа были направлены Виленскому генерал-губернатору².

В ответ А. А. Фрезе уведомил епископа о том, что им даны распоряжения соответствующим лицам и учреждениям относительно фактов, указанных в рапорте ксендза Гурского. Вместе с тем генерал-губернатор предложил фон Роппу обратить внимание на содержание нелегальных католических листовок, распространяемых в его епархии. В частности,

¹ Зайц К., священник. В чем сила католицизма? // Полоцкие епархиальные ведомости. 1905. № 19. С. 390.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 70.

на известное воззвание к бывшим униатам от «круга католических священников в Литве», носившее откровенно русофобский и антиправославный характер, и другие экстремистские листовки, текст которых, в свою очередь, прилагался к письму А. А. Фрезе¹.

Резкую оценку приемам православной контрпропаганды дал управляющий Могилевской архиепархией прелат Стефан Денисевич. В ответ на обвинения в прозелитизме и разжигании религиозно-этнической нетерпимости к православному населению, выдвинутые МВД против ряда ксендзов Минской губернии, прелат в июне 1906 г. уверял П. А. Столыпина в том, что «если же взаимные отношения между католиками и православными не вполне доброжелательны, то в этом вина единственно и всецело на стороне православного духовенства, которое постоянно и систематически сеет и поддерживает вражду и ненависть между последователями обоих исповеданий»².

Прелата глубоко задело воззвание, публикуемые «Полоцкими епархиальными ведомостями» и духовенством Минского кафедрального собора. В последнем, в частности, говорилось: «Кому не известно, каким гонениям подвергались православные, жившие в этом исконно русском крае за исповедание своей веры во время польского владычества! Гонения, какие православные терпели в здешнем крае, напоминают первые времена Христовой церкви, гонимой от иудеев и язычников. Во время богослужения поляки врываются толпой в храм, били народ и выгоняли его из церкви. Желая отторгнуть народ от православной веры, они пускали в дело угрозы и обещания различных льгот; непреклонных же в своей вере православных, как овец, силой загоняли в католические костелы или униатские храмы, заковывали в железные ошейники, морили голодом... Священников привязывали к столбам, травили собаками, отрубали им пальцы, ломали руки и ноги...

Слава Богу, время это кончилось. Северо-Западный край снова вошел в состав Русской империи... благодарите Господа Бога, что вы теперь не католики и не униаты; что вы исповедуете единую истинную Апостольскую веру – веру православную, в коей одной вечное спасение»³.

Возмущенный прелат доказывал П. А. Столыпину: «По счастью, к чести католического духовенства, смею утверждать, что священнослужители Католической церкви к такого рода приемам ни в коем случае не прибегнут: слишком они ценят свое достоинство и к подобной борьбе не способны. Нельзя объяснять упомянутых воззваний и свободой слова; раз эта свобода признается за православными священниками, нельзя ее лишать и римско-католических священнослужителей; и поэтому ставить последним в вину сделанную ими по адресу православия какую-нибудь резкую выходку, легко, впрочем, объяснимую выведением их из терпения и чувством самозащиты, по крайней мере, несправедливо»⁴.

Таким образом, тезис о том, в чьих интересах издан указ о веротерпимости и каковы теперь конфессиональные предпочтения верховной власти, становился предметом острой конкурентной борьбы между духовенством соперничавших конфессий. Католическая сторона, перехватив у православных соперников пропагандистскую инициативу в интерпретации указа, начала активно формировать в массовом сознании своей паствы представление о радикальной смене приоритетов в религиозной политике императора, которые сместились теперь в пользу «гонимой» ранее Католической церкви.

Эти прозелитические приемы вызвали негативную реакцию Православной церкви. Православная сторона ставила своей задачей парализовать усилия «низовой» – охлократической и трайбалистской пропаганды с помощью жесткой антикатолической риторики, транслируемой и популярными народными изданиями. Чрезвычайно обострившееся после издания указа о веротерпимости идейное противостояние между православными и католиками становилось источником межрелигиозной напряженности и конфликтов на территории Виленского генерал-губернаторства и белорусских губерний.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 76, 80, 84.

² РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 192. Л. 33.

³ Там же. Л. 31.

⁴ Там же. Л. 33–34.

УКАЗ ОТ 17 АПРЕЛЯ 1905 г.: ПРОБЛЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ КОСТЕЛОВ, КАПЛИЦ И ЦЕРКОВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ

1. Попытки неформального возвращения церковной собственности «снизу» и вызванные ими конфликты

После издания указа от 17 апреля 1905 г. для католического населения Северо-Западного края одной из актуальных проблем, требовавших оперативного решения, стало требование о возвращении костелов, закрытых после восстания 1863 г. В одном случае ряд костелов был закрыт «вследствие вредного их влияния на неокрепшее в православии население». В другом – костелы закрывались за участие в восстании или за подстрекательство к нему¹. МВД, в предложении от 10 декабря 1906 г. «О порядке восстановления упраздненных и изъятых из римско-католического духовного ведомства костелов», направленном в Совет Министров, отмечало, что «в большинстве случаев главным поводом для закрытия костелов служили ходатайства местного православного духовенства, затем, как мотив, ветхость, продолжительная вакантность, склонность прихожан к православию, принятие православия настоятелем, укрепление православия у окрестных жителей, убогий вид местной православной церкви, излишества костела, малочисленность прихожан... вредное влияние в деле введения русского языка и т. д.»²

Большая часть конфискованных костелов вместе с угодьями были переданы в собственность православного духовного ведомства, часть поступила в распоряжение местной администрации, некоторые костелы оставались без всякого употребления, некоторые были разобраны или проданы под снос.

Указ о веротерпимости внес новые позитивные изменения в российское законодательство о костельном строительстве. Пунктом 13 указа было установлено в виде общего правила, что для разрешения постройки, возобновления и ремонта церквей и молитвенных домов всех христианских исповеданий необходимо: а) согласие духовного начальства подлежащего инославного исповедания, б) наличие необходимых денежных средств и в) соблюдение технических требований устава строительного³.

¹ Белов Ю. С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905–1907 гг.: дис. ... на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 236.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 63.

³ Именной высочайший указ правительствующему Сенату. 17 апреля 1905 г. Об укреплении начал веротерпимости // Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г.; под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 36.

Установив, таким образом, лишь общие для всех молитвенных домов христианских конфессий условия, при выполнении которых могло последовать соответствующее решение светской власти, указ от 17 апреля не определял в то же время, от какого именно светского ведомства должна была исходить санкция на строительство. Указанное обстоятельство предопределило в будущем ряд проблем. В частности, известную напряженность между католическим епископатом и МВД по поводу прерогатив светской и духовной властей в области санкционирования костельного строительства. Возникали проблемы и внутриведомственного характера, так как местная администрация не имела точного представления о том, как распределяются полномочия в этой сфере между генерал-губернатором и МВД.

Вместе с тем содержание пункта 13 указа от 17 апреля 1905 г. свидетельствовало о том, что правительство проявило политическую решимость реализовать на практике свою «обязанность пеших о справедливом удовлетворении религиозных нужд римско-католиков»¹, включая и столь непростой вопрос, как возвращение католическому духовному ведомству части изъятых у него костелов. Вопрос этот, требовавший тщательной правовой проработки и учета имущественных интересов обеих сторон – «терпимой» Католической и «господствующей» Православной церкви, не мог быть решен в короткие сроки. Поэтому обсуждение и правовое проектирование его были поручены Комитетом министров Совещанию графа Игнатьева.

Между тем инициированная указом от 17 апреля «низовая» пропагандистская кампания одним из своих приемов, призванным ускорить переход «упорствующих» и «колеблющихся» в католичество, сделала распространение слухов о том, что «православные храмы русским правительством будут переданы католикам». По сообщениям православной стороны: «Ксендзы назначали два срока, после которых будто бы все православные храмы переделаются в костелы, – это Троицын день и праздник святых апостолов Петра и Павла»².

Католические священники открыто призывали «польско-литовский народ оказать опеку, защиту, помощь и совет тем, кто желает принадлежать к католическому костелу». Католикам следовало «бороться с правительством до тех пор, пока оно не отдаст... все забранные костелы, пока не останется ни одного попа в приходах, которые возвратились теперь в католическую веру»³. Содержание и методы распространения этой экстремистской пропаганды были чреваты негативными социальными последствиями. У возбужденного призывами ксендзов католического населения формировались новые поведенческие стратегии, провоцируемые настроениями религиозного реванша. Появлялось стремление, не дожидаясь разрабатываемого правительством правового решения проблемы, силой отобрать у православных храмы, устроенные из бывших костелов, и изгнать с этих приходов православных священников.

Нетерпение подогревалось тем обстоятельством, что в результате переходов из православия в католичество в ряде приходов, созданных после 1863 г., католики стали составлять большинство. А это, в свою очередь, становилось поводом к попыткам силового захвата православных храмов. Однако был и особый случай, ставший прецедентом в практике закрытия костелов.

В Медведичах Слуцкого уезда Минской губернии в результате издания указа о веротерпимости все «упорствующие» возвратились в католичество. По сообщению уездного исправника в селении оставалось только четверо православных. Главной причиной упразд-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 7. Л. 63.

² Прибавление к церковным ведомостям. 1905. № 31. С. 1291–1293; Янушкевич П., священник. Письмо в редакцию // Литовские епархиальные ведомости. 1905. № 35–37. С. 313; ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 7, 228.

³ С. Л. К. Римско-католическая церковь в России и за границей // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1914. № 7–8. С. 152.

нения костела в местечке, вызвавшей столь длительное сопротивление жителей – католиков и «упорствующих», были ходатайства православного духовенства. В свое время епископ Варлаам убеждал местные власти и обер-прокурора Синода о вредном влиянии костела на окрестное население, «не окрепшее в православной вере»¹. С упразднением этой причины складывались положительные предпосылки для решения судьбы многострадального костела. Развязку затянувшегося конфликта ускорили действия местных жителей. Несмотря на то что МВД предлагало крестьянам субсидию на постройку нового костела и в другом месте, они продолжали настаивать на возвращении здания старого храма со всеми угодьями.

Летом 1905 г. дело начало принимать острый оборот. По призыву ксендзов Клецкого – Герасимовича и Даревского – Ваньковича прихожане начали самовольно ремонт костела. Попытки земского начальника и уездного исправника воспрепятствовать незаконному возобновлению костела и опечатать здание не увенчались успехом. Прихожане ударили в набат, собралась крайне возбужденная толпа, которая начала угрожать расправой представителям полиции. В ответ на открытое неповиновение властям в начале сентября по решению и. о. минского губернатора П. Г. Курлова в Медведичи вошло воинское подразделение, встреченное, впрочем, жителями миролюбиво, с хлебом и солью. Исправник объявил крестьянам и местным помещикам, что удаление военной силы зависит от них самих, стоит только подчиниться и исполнить волю монарха. Присутствие войск позволило исправнику вторично опечатать костел. Но, по замечанию П. Г. Курлова, «лишь присутствие войск принудило католиков проявить наружную покорность, но все они, включая помещиков, питают в душе затаенную злобу». Для поддержания правопорядка в Медведичах была оставлена рота солдат².

П. Г. Курлов для разрешения конфликта обратился в МВД, полагая, что по политическим условиям было бы весьма нежелательно «принимать крутые меры, каковые вызовут, несомненно, сильное возбуждение среди всего католицизма». Вместе с тем Курлов указывал на «вызывающий образ действий ксендзов Викентия Герасимовича и Казимира Ваньковича, который не может остаться безнаказанным, так как оставление их среди местных католиков вселит в католиках уверенность в непобедимой и несокрушимой силе католического духовенства. А потому, прежде чем решить вопрос о костеле, необходимо немедленно перевести настоятелей Клецкого костела Герасимовича и Даревского – Ваньковича в губернию с исключительно католическим населением, где бы их фанатизм был безвреден, а на их место назначить более опытных и спокойных представителей католического духовенства»³.

В конце сентября 1905 г. МВД сообщило секретно Курлову, что оно вновь рассмотрело этот вопрос «на началах, преподанных указом от 17 апреля». Завершение многолетнего конфликта произошло 28 октября 1905 г., когда император подписал указ о возвращении католикам селения Медведичи Слуцкого уезда здания упраздненного костела. Предполагалось, что вопрос об хозяйственных постройках и земельных угодьях костела должен быть разрешен МВД по согласованию с православным духовным ведомством. В октябре 1907 г. местные власти в связи с положительным решением Синода передали постройки и угодья Медведичского костела настоятелю Клецкого костела ксендзу Викентию Герасимовичу⁴.

Этот уникальный в Северо-Западном крае конфликт завершился совместной победой католиков и бывших «упорствующих», отстаивших здание своего костела и его имущество. Указ от 17 апреля и действия жителей Медведичи позволили Николаю II сделать уступ-

¹ НИАБ. Ф. 295 Оп.1. Д. 7371. Л. 441.

² Там же. Л. 428.

³ Там же. Л. 428 об.

⁴ Там же. Л. 459, 484.

ку своим инославным подданным, не выходящую за рамки права, охранявшего привилегии «господствующей» Церкви. Почти двадцатилетнее противостояние жителей местечка решению государственной власти создало ситуацию правовой неопределенности в вопросах владения церковной собственностью. Православное ведомство, получив юридически костел и его угодья в свою собственность, так и не смогло воспользоваться полученным правом. Этот юридический прецедент позволил императору пойти на компромисс и вернуть церковную собственность католикам, фактически не нарушая имущественных прав Православной церкви.

Разрешив имущественный спор в пользу католиков, правительство, очевидно, рассчитывало на успокоение страстей, кипевших в этой местности столь долго и напряженно. Поэтому предостережение П. Г. Курлова о том, что дальнейшее служение ксендзов Ваньковича и Герасимовича в Минской губернии чревато ростом религиозной напряженности, не было принято во внимание. В МВД было решено не прибегать к наказанию указанных ксендзов, так как возвращение костела произошло на законном основании¹. В ответ П. Г. Курлов еще раз уведомил МВД о том, кого он считает виновными в нарушении правопорядка в Минской губернии: «Широко толкуя великий закон о веротерпимости, ксендзы понимают его исключительно в смысле обратного возвращения уничтоженных костелов и земель при них, переданных православному духовенству и, считая легальный путь медленным и неудобным, фанатизируют темную массу своих прихожан и наталкивают их на самоуправные и противозаконные действия, рассчитывая на полную безнаказанность и долготерпение властей»².

Известную правоту выводов, сделанных П. Г. Курловым, подтверждали события в Северо-Западном крае. В этом регионе наиболее активно проявилось стремление католического населения принудительным путем вернуть себе ряд православных церквей, перестроенных из бывших костелов, конфискованных у Католической церкви после восстания 1863 г. Под влиянием развязанной пропагандистской кампании в ситуации нарастающего революционного кризиса с осени 1905 г. начались попытки насильственного захвата православных храмов и монастырей, изгнания священников с ряда приходов в Виленской и Гродненской губерниях.

Гродненский губернатор И. Л. Блок в отчете императору за 1905 г. описывал сложившуюся в губернии ситуацию следующим образом: «Прежде всего, приходится с грустью удостоверить наблюдавшееся мною, особенно в последнее время, обострение отношений католиков к православному населению на почве религиозной. Высокие начала, возведенные указом... 17 апреля, были во многих местах истолкованы малоразвитыми массами сельского католического населения в превратном смысле. Они поняты как данное будто бы католикам право на возврат им закрытых костелов и даже обращенных уже давно в православные храмы, как право невозбранного глумления над православием и православными и как право склонять последних к переходу в католичество всеми способами, до угроз насилеием включительно»³.

Гродненский губернатор исходил из нравственно-правовых представлений о том, что священники своим религиозным и государственным служением должны способствовать становлению мирных отношений среди христианского населения в губернии. Однако на практике он столкнулся с явлением совершенно противоположного характера, когда отдельные представители католического духовенства предпочитали служить разжиганию религиозных и этнических противоречий, преследуя противоправные цели. Администрация края столкнулась с проблемой конфессионального эгоизма, с неумением и нежеланием части духовенства и мирян разрешать стародавние конфликты мирным правовым

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 160.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7597. Л. 24.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 27а. Л. 2.

путем. Формирование специфической религиозной морали, фанатизм и агрессивное поведение по отношению к православным к осени 1905 г. вывели межконфессиональные конфликты в крае на новую стадию развития – борьбу за церковную собственность.

В качестве примера массового насилия католиков над православными губернатор И. Л. Блок назвал инциденты, произошедшие в селе Роготны Слонимского уезда. 25 октября 1905 г. местные католики-крестьяне числом до 300 человек с кольями и камнями в руках окружили Роготненскую православную церковь и стали ломать входную церковную дверь. Когда в Роготну прибыл местный благочинный, собравшаяся толпа закричала: «Посмей благочинный или другой священник зайти в церковь или дом, будешь нами убит». При расследовании инцидента выяснилось, что собравшиеся католики решили силой завладеть православной церковью и обратить ее в костел. Для осуществления своего намерения они затворили церковь на свои замки. Также они поступили и с домом священника, чтобы не допустить его совершать в церкви службы и требы. Вокруг церкви и дома священника католиками была выставлена охрана.

Губернатор не допустил столь вызывающего самоуправства, и осада с церкви и дома священника была снята. Однако посягательства на церковь в Роготне на этом не прекратились. 27 ноября во время православного богослужения возле церкви стала собираться толпа католиков, часть которой затем прошла в храм. Собравшихся католиков было от 400 до 500 человек, примерно столько же было и православных. Католики своим вызывающим поведением в храме начали срывать богослужение. В начале литургии выяснилось намерение католиков выбить из рук священника чашу со святыми Дарами. Священник, во избежание возможного поругания святыни и неизбежного в этом случае столкновения между православными и католиками, вынужден был прекратить богослужение. Столкновения удалось избежать благодаря тактичным и умелым действиям православного иерея. Однако при выходе из церкви католики громко заявляли, чтобы священник и прихожане не смели приходить в церковь, угрожая в противном случае учинить над ними насилие¹.

Выдержанное поведение православной паствы села Роготны, не ответившей насилием на провокации католиков, вызвало одобрение губернских властей. По словам губернатора, православные, «будучи верны христианским заветам, ищут защиту у подлежащей власти, не прибегая к самоуправству. Совесть не позволяет, – продолжал далее И. Л. Блок, – винить в таких случаях всецело малоразвитые массы простого люда. Главная вина здесь на стороне римско-католического духовенства, которое стремится обратить своих пасомых в фанатиков и попутно ополячить их, и не считает себя, очевидно, обязанным нравственно воздействовать на свою паству и объяснять ей, что свобода совести не есть свобода насилий над иноверцами»².

По решению К. Ф. Кршвицкого, для расследования инцидента в Роготне была назначена комиссия во главе с С. П. Белецким, опытным в религиозных делах чиновником канцелярии генерал-губернатора. В ходе расследования были выяснены факты нападения толпы католиков (более 200 человек) на собравшихся возле церкви на богослужение многочисленных православных прихожан, последовавшего 27 ноября 1905 г.

Католики с палками в руках под предводительством Антона Фабишевского вначале оскорбляли православных, называя их «отщепенцами, недоверками, русскими кишками, собаками и т. п.». Затем наиболее агрессивные из них набросились на православных и стали жестоко избивать их палками и кулаками. Били мужчин и женщин, нанося им тяжелые телесные повреждения. Стоявшая на площади толпа католиков, поощряя творившееся насилие, кричала: «Мы вас поисповедуем, своим судом посадим так, что не будете сюда ездить, это наш двор и наше все здесь, дать им отщепенцам, чтобы больше в наш костел не ходили, побьем вас всех, и костел будет наш». Православные никакого

¹ За первый год вероисповедной свободы в России. СПб., 1907. С. 162–164.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп.1906. Д. 27 а. Л. 2.

сопротивления не оказывали, а, напротив, некоторые, как например Мария Костюшко, даже на коленях просила отпустить их, говоря, что она пришла молиться Богу, так как до сих пор всегда здесь молилась. Часть же крестьян, напуганная католиками, бросилась бежать в поле, причем католики и там их преследовали¹.

В соответствии с данными расследования, виновные в нападении на православных крестьян в селе Роготня Слонимского уезда крестьяне-католики А. Фабишевский, К. Фабишевский, Ст. Кибеня, В. Пищик и Ю. Ковшук были подвергнуты максимальному административному наказанию – аресту при полиции. А. Фабишевский, как главный виновник насилия, был приговорен генерал-губернатором к трем месяцам ареста, остальные четверо – к двум месяцам каждый. К. Ф. Кршивицкий «категорически» потребовал от епископа фон Роппа перевода местного ксендза Петраниса на другой приход «в видах предотвращения еще большего обострения отношений католиков к православным» в этой местности².

В революционных выступлениях, охвативших Виленскую губернию в конце 1905 г., выступления политического характера носили ярко выраженную этнонационалистическую и религиозную окраску. По словам губернатора Д. Н. Любимова, католическое духовенство, «воспользовавшись приподнятым настроением населения, придало движению национальные тенденции, направленные, главным образом, против православия и русского господства в крае. Во многих волостях, с преобладающим католическим населением, были смещены волостные и сельские должностные лица православного вероисповедания, из народных училищ изгонялись православные учителя. В нескольких случаях со стороны крестьян-католиков были попытки к насильственному захвату церковных построек и удалению из них православных священников. Католическое духовенство принимало выдающееся участие в брожении, охватившем сельских обывателей»³.

В этой губернии средоточием нарастающих межконфессиональных конфликтов за церковную собственность стал Виленский уезд. В 1860–1870 гг. в уезде возникли следующие приходы: Быстрицкий, Шумский, Островецкий, Цуденишский, Рукойнский, Рудоминский, Интурский, Гелванский, Подберезский и Дукштанский⁴. Приходские церкви этих приходов представляли собой бывшие костелы. Они были закрыты за участие в восстании 1863 г., а затем перестроены в православные храмы. В этих приходах, созданных из бывших католиков, насчитывалось наибольшее количество «упорствующих» в латинстве. После указа от 17 апреля «упорствующие» Виленского уезда в массовом порядке начали возвращаться в католичество. Православные, оставшиеся в меньшинстве, продолжали сохранять за собой охраняемые законом приходские храмы и церковные угодья. Понимание указа как победы католичества над православием, нарастание настроений вседозволенности и нетерпимости, поощряемые «низовой» пропагандой и растерянностью властей, формировали новые модели поведения и провоцировали католиков-крестьян на насильственные действия в отношении к собственности Православной церкви⁵.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1906. Д. 374. Л. 48–49.

² Там же. Л. 89, 93 об.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1907. Д. 31. Л. 3.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 89.

⁵ В актах насилия, вызванных в Северо-Западном крае ситуативными действиями агрессивно настроенной толпы, важную роль играли ее лидеры. Современный исследователь массового сознания в переломные, революционные эпохи отмечает: «На фоне «заражения» массы суггестивное влияние на нее оказывают («движут массой», «ведут толпу») лидеры, на роль которых выдвигаются, как правило, лишь люди особого психологического склада – «вожаки»... Они выходят на первый план, когда общество... переживает период своеобразного «социотрясения». Такое происходит при всевозможных социальных катаклизмах (войны, революции, перевороты, системные кризисы, поспешные крупномасштабные реформы и прочие «великие перемены»). См.: *Марченя П. П.* Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // Вестник РГГУ. 2009. № 17. С. 214.

В местечке Рудомино православный приход был сформирован из католиков, присоединившихся к православию в 1866 г. Тогда же костел, существовавший в то время в местечке, был обращен в православную церковь. После указа от 17 апреля 1905 г. в Рудоминском приходе 456 человек покинули православие. Новообращенные католики стали домогаться возвращения им здания бывшего костела. По сообщению архиепископа Никандра 20 октября, после встречи с местным ксендзом толпа католиков явилась к настоятелю Рудоминского православного прихода с требованием отдать им ключи от церкви. В противном случае пришедшие угрожали сломать замок и силой захватить церковь. Когда настоятель решительно отказался отдать ключ католикам, в адрес причта последовали угрозы. Архиепископ просил генерал-губернатора А. А. Фрезе принять меры к ограждению православной церкви в местечке Рудомино от насилия католиков¹.

17 декабря 1905 г. в местечке Рукойно Виленского уезда толпа католиков, около 300 человек, собравшись в волостном правлении, подстрекаемая активистами, направилась к дому православного священника Лукашевича и стала требовать от него выдачи ключей от церкви. Когда священник стал убеждать католиков отказаться от своего преступного замысла, они начали угрожать ему, что возьмут ключи силой. В конечном итоге крестьянка Анна Томашевская сорвала ключи со стены, и толпа направилась к церкви. Опасаясь, чтобы католики не произвели в церкви бесчинства, священник Лукашевич отправился вслед за ними и опечатал церковь своей печатью. Однако спустя некоторое время католические активисты пришли к церкви с печатью волостного правления, которую им дал волостной писарь, и запечатали церковь.

Прокурором Виленского окружного суда, на основании материалов дознания, Томашевская была привлечена к следствию в качестве обвиняемой по делу о самоуправном захвате ключей от Рукойнской церкви. В марте 1906 г. ей было предъявлено обвинение по ст. 269 п.1 Уложения о наказаниях и мерой пресечения «способов уклонения от следствия и суда избрано содержание под стражей»².

Остальные виновные в посягательстве на имущественные права Православной церкви также были привлечены к суду. Обвиняемым инкриминировалось, что «они в местечке Рукойне приняли участие в публичном скопище, которое, действуя соединенными силами, из побуждений, проистекших из религиозной вражды, вторглись в дом священника Лукашевича и, взяв у него насильно ключи от церкви, запечатали ее с целью превращения в костел». Как выяснилось на суде, один из активистов, Иван Чепелевский, с захваченными ключами от церкви ездил в Вильно, «чтобы *посоветоваться с ксендзами*» (так в тексте. – А. Б.). Только после тайных совещаний с католическим духовенством ключи были отданы становому приставу³.

На судебном заседании по этому делу было допрошено 29 свидетелей. Обвиняемых защищали 4 адвоката, причем двое были выписаны из Москвы. Из показаний настоятеля церкви священника Лукашевича, волостного писаря Савкевича и других свидетелей выяснилось, «что враждебных отношений между православным и католическим населением местечка не существовало и католики не питали религиозной вражды к священнику». Однако после указа от 17 апреля, разрешившего переход из православия в католичество, настроения в приходе резко изменились. После издания указа о веротерпимости «упорствующие», которых в приходе насчитывалось более 500 человек, возвратились в католичество⁴. По данным судебного расследования, с увеличением численности католиков «началось брожение и католики стали поговаривать об отнятии церкви и превращении

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1905. Д. 404. Л.173–174.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп.1906. Д. 396. Л. 4–7.

³ Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 19. С. 393–395.

⁴ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. СПб., 1910. С. 30.

ее в костел». Ситуацию вокруг церкви накалили и решения волостного схода, на котором крестьяне требовали преподавания в школе на польском языке и уменьшения жалования должностным лицам. Виленский окружной суд признал активистов, подстрекавших толпу к захвату церкви, виновными и определил: Анну Томашевскую подвергнуть аресту при полиции на 3 месяца, Михаила Баклая и Осипа Станкевича – аресту на 2 месяца каждого, Ивана Чепелевского и Осипа Дейнаровича подвергнуть аресту на 1 месяц каждого, остальные были оправданы¹.

В местечке Друя Дисненского уезда 27 ноября агрессивная настроенная агитаторами толпа католиков явилась к дому православного священника и потребовала от него немедленно покинуть занимаемую квартиру, угрожая в противном случае насилием. Православный священник сумел успокоить возбужденную толпу. Дав священнику три дня срока для оставления квартиры, католики ушли. Только своевременно предпринятые властями меры смогли обеспечить безопасность священника и его семьи².

В Ошмянском уезде той же Виленской губернии в ночь на 1 ноября произошло нападение на Венславентскую православную церковь, бывшую ранее униатской. Священные предметы, находившиеся в ней, иконы, церковная утварь были вынесены на церковный двор. Деревянный иконостас внутри церкви был разломан, церковные хоругви разорваны, а ризы священника развешаны на деревьях. Виновные обнаружены не были, однако прокурор Виленской судебной палаты предположил, что «нападавшими руководили не корыстные цели, а исключительно религиозный фанатизм». В ночь на 28 февраля 1906 г. произошло вторичное нападение на церковь. Злоумышленники проникли в храм через выбитое окно, вынесли все священные и освященные предметы, в том числе престол, жертвенник, иконостас и сожгли на церковном дворе³. Это событие получило всероссийскую огласку. О произошедшем «кошунстве и святотатстве» сообщил в своем выступлении член III Государственной Думы от русского населения г. Вильна Г. Г. Замысловский⁴.

В местностях, где религиозный и этнический экстремизм приобретал особо опасные социальные формы, губернаторы вынуждены были посылать воинские подразделения для охраны православных храмов от попыток их самовольного захвата со стороны местных католиков. Бывало так, что только присутствие войск спасало православное духовенство и мирян этих приходов от угроз и возможной расправы со стороны тех, кто требовал немедленного возвращения храмов Католической церкви. Особенно напряженная ситуация сложилась в Виленском уезде, в котором присоединение «упорствующих» к католичеству в мае–июне 1905 г. приобрело массовый характер. В начале декабря этого же года священник Подберезской церкви Виленского уезда писал генерал-губернатору А. А. Фрезе, что после ухода полуроты солдат положение оставшихся верным православию (около 50 человек), окруженных враждебно настроенными поляками и литовцами, оказалось весьма плачевным. Они угрожали разрушить церковь, а всех православных – священников, учителей, писарей и полицию – изгнать из уезда. Священник просил у генерал-губернатора вновь прислать полуроту солдат для охраны местной церкви⁵.

В это же время архиепископ Литовский Никандр просил генерал-губернатора А. А. Фрезе не отзывать из местечка Островец Виленского уезда солдат, которые охраняли православную церковь и усадьбу священника. Настоятельная просьба архиепископа была продиктована тем обстоятельством, что указанное местечко входило в состав Шумского

¹ Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 19. С. 395.

² Янушкевич П., священник. К характеристике р-католицизма // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 7. С. 137.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 409. Л. 12–13.

⁴ Замысловский Г. Г. Первая речь в защиту интересов православного западнорусского населения в 3-й Государственной Думе // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 19. С. 400.

⁵ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 210.

благочиния, в котором все приходские православные церкви во второй половине 60-х гг. были перестроены из бывших римско-католических костелов. Священник Островецкой церкви Владимир Жебровский с тревогой писал в канцелярию генерал-губернатора: «Католики только ждут, чтобы поскорее ушли солдаты и тогда они беспрепятственно овладеют церковью. Для этого они решили в громадном количестве собраться в Острове и произвести разгром церкви. Им внушено, что если они из церкви удалят все принадлежности православного храма, сбросят купола и фактически ею овладеют, то никто уже ее от них не отнимет. Кроме того, они грозят меня убить, а усадьбу мою сжечь, рассчитывая, таким образом, раз и навсегда покончить с существованием в Острове священника и этим обеспечить удержание за собой церкви»¹.

Так как по сведениям канцелярии генерал-губернатора «католическое брожение» в этой местности не ослабевало, было сочтено целесообразным оставление войск в указанном районе, «впредь до более надежного успокоения фанатически настроенного местного населения». А также: «Ввиду угрожающей позиции, которую продолжают занимать местные католики по отношению к Островецкой православной церкви и ее духовенству»². Военская команда была послана и в Дукштанский приход для охраны местной церкви от посягательств католиков и защиты жизни и имущества православного духовенства³.

Волна религиозного экстремизма начала распространяться и на другие уезды Литовской епархии. В Вилейском уезде о необходимости прислать казаков для предотвращения захвата католиками церкви и сожжения местного народного училища писал в канцелярию генерал-губернатора настоятель Камень-Спасского прихода священник Климентий Боярчук. Священник сообщал, что по наущению ксендза Долгиновского костела Даниловича крестьяне-католики готовятся напасть на Камень-Спасскую церковь, выбросить иконостас, святой престол, жертвенник и обратить церковь в костел. «Не откажитесь оказать нам помощь, – взывал настоятель, – спасите церковь и школу и жизнь мою и учителя, пока есть время»⁴.

В Свенцяном уезде состоялась попытка насильственного захвата Засвирской церкви. Узнав о том, что прежний православный настоятель переведен на новый приход, 8 декабря 1905 г., в день католического праздника непорочного зачатия святой Девы Марии, крестьяне-католики деревень – Корки, Внуки, Ключатки, Дубняки, Лукашевичи и села Засвири, числом несколько сот человек, собрались у Засвирской церкви. Возбужденные католики кричали, что церковь, как бывший костел, они отнимут и не позволят служить в ней православному священнику. Увещания прибывшего земского начальника не имели успеха. Однако, узнав, что вновь назначенный на приход священник еще не прибыл в Засвирь, толпа разошлась. На следующий день вновь собравшаяся многочисленная толпа с пением польских революционных песен пыталась ворваться в церковь, однако была остановлена прибывшим подразделением солдат. По словам местного священника, главным агитатором в этом деле был крестьянин деревни Корки некий Сошко, известный своей антиправительственной агитацией – призывами к свержению существующего строя, прекращению уплаты повинностей, разграничению лесов и т. д.⁵

В конце сентября толпа литовцев-католиков пыталась силой захватить Антолептский женский монастырь Новоалександровского уезда Ковенской губернии. Толпа потребовала от монахинь, чтобы монастырь и монастырский храм, как принадлежавшие некогда католикам, были возвращены Католической церкви. Монахини должны были очистить монастырь, «чтобы в нем не осталось ни одного русского, ни одного православного». После долгих переговоров предводители толпы согласились подождать неделю, но с условием, если после этого срока в монастыре останется хоть одна монахиня, «будет

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1905. Д. 414. Л. 8.

² Там же. Л. 10.

³ Православный белорус. Православные приходы Виленского уезда // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства.1907. № 10. С. 206.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 405. Л.111–112.

⁵ Там же. Л. 120–121.

плохо». Игуменя монастыря, женщина преклонного возраста, немедленно отправилась в Ковно для спасения от готовящегося насилия. Благодаря ее энергии, через несколько дней на помощь к монастырю прибыл отряд солдат. Вновь подошедшая к Антолептскому монастырю толпа вынуждена была отступить. По мнению архиепископа Никандра, попытка захвата монастыря является результатом «посещения в последнее время ксендзами окрестного населения, которое угрожает разгромить монастырь»¹.

Сведения архиепископа были подтверждены официальным расследованием, произведенным по распоряжению Ковенского губернатора П. В. Веревкина. Выяснилось, что викарный ксендз Дусятского костела Новоалександровского уезда Юлиан Палюкас, по характеристике губернатора «ярый литвоман и сторонник самостоятельности Литвы», призывал «темные крестьянские массы к изгнанию из края должностных лиц русского происхождения, а также к овладению Антолептским православным женским монастырем». За свою противоправную деятельность указанный ксендз был переведен из Дусятского костела в Курляндскую губернию. Викарный ксендз того же Дусятского костела Леон Шпакевич призывал местное население к насильственному завладению православными храмами, которые раньше принадлежали католикам. По данным расследования, к насильственному захвату Антолептского монастыря призывал и ксендз Довгельского костела Новоалександровского уезда Казимир Киршин².

В той же Ковенской губернии в конце ноября толпа литовцев-католиков напала на единоверческую церковь в Каролишках, разбив в ней стекла. Эта акция вандализма стала одним из эпизодов той драматической ситуации, о которой писал генерал-губернатору Фрезе архиепископ Никандр: «Безнаказанные грабежи и бесчинства литовцев наводят панику на русское население Ковенской губернии. Они изгоняют православных учителей и волостных писарей, разбивают училища, волостные правления, почтовые учреждения, забирая в них деньги и грабя»³.

Растерянность архиепископа Никандра перед непредвиденной ситуацией нарастающих попыток силового решения вопроса о принадлежности церковных зданий наиболее рельефно выразилась в «Отзывах епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе». В них архиепископ писал: «В видах предотвращения происходящих погромов церквей, монастырей и церковных школ, необходимо выработать меры к обузданию столь диких проявлений фанатизма католиков. Путем ли воздействия на них через высшее католическое духовенство, хотя бы для этого пришлось снести с Римской курией, или через принятие иных репрессивных мер для ограждения в сем крае угнетаемого православия»⁴.

2. Практика правового решения спорных вопросов о церковной собственности

Столь эмоциональная оценка событий, происходивших в Литовской епархии в конце 1905 г., заставляет более внимательно рассмотреть причины указанных явлений и, прежде всего, мотивы и практику посягательств на православные храмы и монастыри. Следует отметить, что выдвигаемые в ходе начавшегося движения за присоединение к католицизму призывы к возвращению бывших костелов находили свое выражение и в легальной форме.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 200; Не посягайте на православие. Обсуждение в Государственной Думе 3-го созыва законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое. Вильна, 1909. С. 65.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 355. Л. 36–36 об.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 215.

⁴ За первый год вероисповедной свободы в России. СПб., 1907. С. 159.

Губернатор Д. Н. Любимов отмечал, что в волостях с преобладающим католическим населением на крестьянских сходах составлялись приговоры с требованиями возвращения католикам бывших римско-католических богослужебных зданий, обращенных в 1860-х гг. в православные церкви¹. Иногда инициаторами в этом деле выступали местные власти. Например, в Виленском уезде один из земских начальников после издания указа от 17 апреля объявил населению, что если большая часть православных перейдет в католичество, то он будет ходатайствовать о передаче церквей ксендзам и обращении их в костелы, и передавал крестьянские прошения об этом высшим властям².

Встречались и более интересные случаи интерпретации указа. Например, православные священники Шумского благочиния на своем съезде, состоявшемся в конце июня 1905 г., поставили в известность архиепископа Никандра о том, что «католическое духовенство намеревается послать депутацию из ксендзов и крестьян, совратившихся в католичество, с петицией к Государю о передаче православных храмов католикам». Это известие встревожило архиепископа, который обратился к А. А. Фрезе с просьбой «сделать распоряжение через начальников и полицейских чинов об успокоении православных прихожан и защите их от насилий, обманов и ложных слухов со стороны католиков»³.

Достоверность сообщения священников Шумского благочиния вызывает определенные сомнения. В нашем же случае документально подтвержденными являются как попытки насильственного захвата православных храмов, так и прошения, с которыми католическое население обращалось к губернским властям по поводу возвращения православных храмов Католической церкви. Показательным примером легальной попытки возвращения бывшего костела приходу, численно выросшему после указа от 17 апреля, является прошение крестьян-католиков Виленского и Ошмянского уездов. Обращаясь к генерал-губернатору А. А. Фрезе, крестьяне писали: «Благодаря радостному Высочайшему указу от 17 апреля 1905 г. все мы возвратились на лоно римско-католической веры и молим Бога, Государя и надлежащие власти о возвращении нам и нашего Островецкого костела... Так как на основании указа от 17 апреля 1905 г. все прихожане, будучи записаны в 1865 г. в православие и числящиеся в Островецком приходе, обратно присоединились в католичество, вследствие приход наш, до сего времени насчитывавший около 12 тыс. душ, ныне значительно увеличился и римско-католический священник не в силах исполнить нам необходимые религиозные требования.

Что касается майского богослужения, то таковое отправляем сами под открытым небом и у придорожных крестов. Между тем как церковь, о возврате коей ходатайствуем, нередко и в дни праздничные бывает вовсе заперта, а если когда и бывают богослужения, то, кроме псаломщика и церковного старосты, из присутствующих никого не бывает. Мы же крестьяне беззаветно преданы своему царю-батюшке, много лет как лишены необходимого, нужного для нас храма Божьего»⁴.

В ответ А. А. Фрезе уведомил Виленского губернатора С. С. Татищева о том, что в соответствии с действующим законодательством, охраняющим права и собственность Православной церкви, прошение крестьян не может быть удовлетворено.

Учитывая, однако, враждебное отношение католиков к православным прихожанам и причту Островецкой церкви, вызвавшее необходимость посылки в эту местность воинской части, генерал-губернатор выказал готовность администрации помочь католикам в удовлетворении их духовных нужд. Речь шла о поддержке перед МВД предыдущего прошения католиков о строительстве нового костела в деревне Липнишках Виленского уезда⁵.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1907. Д. 31. Л.3.

² Православный белорус. Православные приходы Виленского уезда // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства.1907. № 10. С. 206.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1905. Д. 404. Л. 228–229.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1905. Д. 414. Л.1.

⁵ Там же. Л. 11.

Не увенчались успехом и прошения католиков к генерал-губернатору А. А. Фрезе о возвращении им Быстрицкой и Шумской православных церквей Виленского уезда и Велико-Берестовицкой церкви Гродненского уезда. В указанных случаях причину отказа А. А. Фрезе излагал губернаторам и православным епископам в следующей стандартной формулировке: «Принимая во внимание переживаемую в данный момент Северо-Западным краем переходную эпоху, когда правильное понимание высочайшего указа от 17 апреля сего года о веротерпимости еще не совсем проникло в сознание местного населения и всякого рода ущерб православному ведомству, в особенности путем возвращения храма, освященного уже совершающимся в нем православным богослужением, обратно католичеству, послужило бы лишь к укреплению в умах темной массы превратного толкования указанного акта, я изложенные ходатайства оставил без последствий»¹. В данном случае генерал-губернатор, в силу сложившейся экстремальной ситуации, руководствовался не столько правовыми, сколько политическими соображениями, что, собственно говоря, еще раз подчеркивало назревшую необходимость разработки правовой процедуры решения спорных имущественных вопросов.

Чрезвычайные события, связанные с попытками насильственного захвата церковных зданий, необходимость вооруженной защиты жизни и собственности духовенства вызвали озабоченность правительства. Тревогу властей вызывали не только действия католических экстремистов, но и перемены в настроениях христианского населения Северо-Западного края. Католики открыто демонстрировали чувства торжества и победы, в то время как православные, там, где они оказались в меньшинстве, переживали состояние страха, унижения и растерянности. Указанные действия и настроения шли вразрез с духом указа от 17 апреля и задачами правительства по поддержанию правопорядка в Северо-Западном крае.

Попытки насильственного захвата храмов можно оценить как радикальные проявления вражды и нетерпимости по отношению к православию. Активные участники этих событий вели себя ни как христиане, ни как законопослушные подданные империи. Восстановление справедливости понималось агрессивной толпой как месть, как реальное вытеснение православия из края, что в конечном итоге и приводило к угрозам и религиозному насилию над христианами иной конфессии. Расширение пространства религиозной свободы для католиков должно было вызвать усиление ответственности католического епископата и клира за поведение своей паствы. Однако, как было уже сказано выше, предложения А. А. Фрезе о совместном сотрудничестве в деле преодоления религиозно-экстремизма было практически отвергнуто епископом фон Роппом.

В конфликте интересов православия и католичества, эпицентром которого стал ряд уездов Виленской и Гродненской губерний, правительство должно было действовать в соответствии с теми переменами в законодательстве, которые привнес указ от 17 апреля. Осенью и зимой 1905 г. правительство с помощью войск и местной полиции не допустило насилия над православным духовенством и «черного передела» церковной собственности, к которому стремилась часть экстремистски настроенного католического духовенства и мирян. С помощью различных мер, включавших и легитимное применение силы, в крае была восстановлена власть закона. Появилась возможность легального решения сложных вопросов церковной собственности. Однако предложенный правительством правовой путь решения вопроса о конфессиональной принадлежности церковных зданий и угодий практически не вызвал энтузиазма у тех, кто силой домогался отторгнуть былую католическую собственность у ведомства православного вероисповедания. В связи с этим число правовых претензий к православному ведомству оказалось небольшим. К концу

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1905. Д. 412. Л.10; Ф. 378. Оп.1905. Д. 413. Л. 8; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 416. Л. 16.

1906 г. в МВД имелись прошения католиков Северо-Западного края о возвращении им 10 костелов и 1 часовни. Вот их список:

1) Костел в селе Роготня Слонимского уезда Гродненской губернии. В предполагаемом приходе католиков – 3010, православных – 2866;

2) Костел в местечке Немиров Бельского уезда Гродненской губернии. В предполагаемом приходе католиков – 1445, православных – 950;

3) Костел в селе Желядь Свенцянского уезда Виленской губернии. В предполагаемом приходе католиков – 2500, православных двое (местный урядник и его сын), население сплошь литовское;

4) Костел в Могилеве, бывший монастырский. В Могилеве два костела на 9500 человек, необходим еще один костел. В предполагаемом приходе католиков – 2000 человек, православных 10 000;

5) Костел в местечке Лукомль Сенненского уезда Могилевской губернии. В предполагаемом приходе 300 католиков, православных – 2915;

6) Костел в Велиже Витебской губернии. Число прихожан в предполагаемом приходе не указано;

7) Костел в местечке Ушачи Лепельского уезда Витебской губернии. В предполагаемом приходе католиков – 1457, православных – 4000;

8) Костел в местечке Хотаевичи Борисовского уезда Минской губернии. В предполагаемом приходе католиков – 500, православных – 2855;

9) Костел в местечке Медведичи Слуцкого уезда Минской губернии. В предполагаемом приходе католиков – 4070, православных – 16;

10) Костел в местечке Кемешев Борисовского уезда Минской губернии. В предполагаемом приходе католиков – 2012, православных – 2585;

11) Столпецкая каплица Минского уезда Минской губернии. Находится на католическом кладбище¹.

Представленный список свидетельствует о том, что из тех, кто решил в свое время воспользоваться силовыми методами для решения спорных имущественных вопросов, прошение о возвращении костела подали в МВД только католики села Роготня. Для жителей м. Медведичи актуальным было уже не возвращение церковного здания, а угодий и хозяйственных построек, принадлежавших костелу.

В новых условиях, вызванных действием указа от 17 апреля, задачей государства становилась способность обеспечить правопорядок и создать необходимые условия для обеспечения религиозных свобод, которые оно даровало своим подданным – католикам и православным. Поэтому первым шагом на пути реализации положений указа в области возвращения католикам церковной собственности стало отношение Департамента духовных дел МВД Минскому губернатору от 23 июня 1905 г.

Департамент требовал, чтобы все прошения об открытии упраздненных костелов и каплиц и возврата римско-католическому духовному ведомству переданных православному духовенству костелов с церковными постройками и находящимися под ними земельными участками следовало направлять в МВД для окончательного разрешения. От губернатора требовалось предоставлять подробные сведения и заключение по существу поданных просьб. Аналогичные требования были разосланы и в другие губернии Северо-Западного края².

Подготовка МВД предложения «О порядке восстановления упраздненных и изъятых из римско-католического духовного ведомства костелов» вызвала необходимость в акти-

¹ Белов Ю. С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905–1907 гг.: дис. ... на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 239–240.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7515. Л. 1.

визации сбора необходимых сведений для законотворческой работы из всех губерний Северо-Западного края. В марте–апреле 1906 г. Департамент духовных дел дважды обращался к минскому губернатору Я. Е. Эрдели с просьбой о предоставлении сведений об упраздненных римско-католических церквях и часовнях, с указанием, в чье распоряжение были переданы таковые вместе с принадлежавшими им строениями и угодьями. Действия полиции, спешно выполнявшей распоряжение губернатора, вызвали непредвиденную реакцию. Местное духовенство, не поставленное в известность о целях правительства, начало с тревогой сообщать епископу Михаилу, что собрание сведений о костелах и часовнях, обращенных в православные церкви, привело в возбуждение православное население.

Страсти накалились до такой степени, что епископ Михаил вынужден был сообщить Я. Е. Эрдели, что «в случае, Боже сохрани, если правительство пожелает возвратить католикам их бывшие костелы, православное население, как один человек, встанет на защиту своих святынь и не остановится для этой святой цели ни пред какими средствами, даже если бы пришлось пожертвовать за это свои жизни»¹.

Губернатору пришлось объяснять уездным исправникам, чтобы запрашиваемые сведения собирались негласным (так в тексте. – А.Б.) путем. Таким способом была собрана необходимая информация о Хотаевичском, Медведичском, Кемешевском приходах и Столпечской часовне².

Совет Министров, рассмотрев предложения МВД, пришел к следующему заключению. Было признано справедливым удовлетворение некоторых из прошений католиков. В защиту этого положения, П. А. Столыпин в своем представлении в Совет Министров от 10 декабря 1906 г. писал: «На практике встречаются иной раз такие случаи, когда канонические соображения должны уступить соображениям государственным»³. Столыпин признавал возможным возвращение католикам бывших костелов, в том числе и переданных православному духовному ведомству, если костел не был освящен по православному обряду или, будучи обращенным в православный храм, закрыт по распоряжению епархиальной власти. Что же касается костелов и церковных имуществ, переданных светским ведомствам, то таковые костелы и имущества должны были возвращены римско-католическому духовенству⁴.

На заседаниях 29 января и 6 февраля 1907 г. Совет Министров одобрил выработанные МВД правовые *основания* возврата римско-католических церквей и их имуществ. Затем Совет Министров, обсудив вопрос о *порядке* их возврата, разработал правила, утвержденные императором 23 апреля 1908 г.

Согласно принятым правилам ходатайства о возвращении римско-католическому духовному ведомству упраздненных костелов и церковных имуществ, находившихся в распоряжении гражданских и военных ведомств, могли быть удовлетворены в законодательном порядке.

Вопросы же о возвращении костелов и церковных имуществ, находившихся в ведомстве православного исповедания, «при наличности достаточных уважений», решались в порядке верховного управления, т. е. монархом. Определение Синода этим вопросам вносилось для обсуждения в Совет Министров обер-прокурором⁵. Таким образом, решение верховной власти зависело от позиции Святейшего Синода, так как «господствующая» Православная церковь являлась самостоятельным, отдельным от государства субъектом

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 7515. Л. 3.

² Там же. Л. 4–7.

³ Белов Ю. С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905–1907 гг.: дис. ... на соискание ученой степени канд. ист. наук. СПб., 1999. С. 237.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1908. Д. 432. Л. 2 об.

⁵ Там же. Л. 9.

имущественных прав. В силу этого принадлежавшие Церкви земли и имущества не являлись государственной собственностью.

Следует отметить, решения Синода относительно церковных зданий диктовались в основном мотивами канонического характера. Например, на этом основании Синод отказал в прошении католикам села Роготня. Храм был действующим и, вдобавок, передача его католикам после вышеупомянутого инцидента, по мнению Синода, «нарушает интересы православных прихожан и вообще служит в ущерб достоинству Православной церкви»¹.

В свою очередь МВД, «на точном основании содержащихся в высочайше утвержденном 12 марта 1907 г. журнале Совета Министров», признало прошение роготненских католиков «не подлежащим удовлетворению»².

В то же время Святейший Синод согласился на возвращение здания Кемешевского костела, который не был освящен по православному обряду. Отсутствие канонических запретов позволило Синоду вернуть католикам в 1907 г. и Мало-Долецкую каплицу в Минской губернии³.

В области прав на церковные имущества Святейший Синод исходил из соображений светского юридического характера. С его согласия были переданы католикам местечка Медведичи постройки и земельного угодья возвращенного ранее костела. Согласившись на возвращение здания Хотаевичского костела, Синод отказал просителям в возвращении построек и земельных угодий, так как земли костела перешли в собственность причта местной православной церкви, а такие церковные земли юридически не подлежали отчуждению⁴.

В силу указанных правовых условий межведомственный процесс возвращения католикам конфискованных ранее зданий и церковных имуществ оказался довольно сложным и чреватым конфликтами. Иногда косвенным виновником напряженных отношений, возникших между православными и католиками при решении вопроса о церковной собственности, оказывалось само ведомство православного исповедания. В 1868 г. был закрыт костел в местечке Ушачи Лепельского уезда Витебской губернии. Хотя этот костел был передан православному ведомству и освящен в церковь, здание постепенно пришло в запустение и начало разрушаться⁵. Фундаментальная перестройка его в православную церковь началась только накануне издания указа от 17 апреля. В начале 1906 г. местные католики обратились в МВД с прошением о восстановлении прихода и возвращении римско-католическому духовенству переданного православному ведомству Ушачского костела. Прошение прихожан было вызвано не только указом от 17 апреля, но и начавшимися восстановительными работами по перестройке бывшего костела. По мере того как работа продвигалась, волнение католиков усиливалось.

Витебский губернатор Б. Б. Гершау-Флотов в конце сентября 1906 г. сообщал обер-прокурору Синода П. П. Извольскому, что «местные католики до крайности взволнованы тем, что здание костела, на возвращение которого римско-католическому духовенству они рассчитывали, приняло теперь вид православного храма. Таким образом, теряется надежда на восстановление упраздненного прихода. Возбуждение это достигло высокой степени напряжения, и уже несколько раз проявлялось в попытках путем насилия приостановить ремонтные работы и, главным образом, установку иконостаса. Дежурившие

¹ Яноўская В. Гісторыя хрысціянскай царквы на Беларусі. Мінск, 2002. С.189.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп.1906. Д. 374. Л.142.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 7515. Л. 89 об.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1908. Д. 432. Л.5.

⁵ Задачи Православной церкви на Западе и Юго-Западе России после указа 17 апреля 1905 г. // Журналы и Протоколы заседаний Высочайше утвержденного Предсоборного Присутствия. Т. II. СПб., 1906. С. 294.

у храма женщины-католички, по преимуществу беременные, наносили оскорбления строителям. Это обстоятельство вызвало необходимость охранять рабочих и само здание полицейскими стражниками. Нет никакого сомнения в том, что после освящения церкви римско-католическое население не примирится с совершившимся фактом. Напротив, у меня имеются положительные данные, что как само освящение, так и последующие богослужения вызовут не один раз беспорядки со стороны фанатичной толпы католиков»¹.

В свою очередь местное православное население, недовольное притязаниями католиков на бывший костел, по мнению губернатора, при малейшем насилии с их стороны, будет готово к отпору. Епископ Полоцкий Серафим, обеспокоенный возможным столкновением православных с католиками, просил у губернатора назначить в Ушачи усиленный наряд полиции в день освящения храма. Однако освящение прошло благополучно, и общественный порядок при этом нарушен не был².

Затянувшаяся на десятилетия нерасторопность ведомства православного исповедания не только провоцировала претензии католической стороны, но и приводила к межведомственным конфликтам. Переданный православному ведомству в 1866 г. Немировский костел около 40 лет пустовал и только в июле 1905 г. православное епархиальное начальство решило приступить к перестройке храма. Эти действия вызвали протест со стороны католического населения. Генерал-губернатор высказался за возвращение здания католическому духовенству. Его поддержало и МВД. Однако Синод не поддержал мнение министерства, настаивая на том, что решающим в этом вопросе должно быть мнение Церкви³.

В другом случае затянувшееся строительство православного храма на фундаменте бывшего костела привело к трагическим последствиям. В местечке Зельва Волковысского уезда Гродненской губернии католическое население пыталось силой воспрепятствовать постройке православной церкви на фундаменте бывшего костела, который был конфискован администрацией генерал-губернатора Э. Т. Баранова в 1867 г. и передан в православное ведомство. Местный православный приход, насчитывавший более 5 тыс. человек, остро нуждался во втором церковном здании, что и вызвало необходимость постройки церкви на фундаменте бывшего католического костела. Вопрос об этом был возбужден перед Святейшим Синодом в 1901 г. Было решено выделить необходимые денежные средства в два этапа – в 1906 и 1908 гг. Одновременно начался сбор денег и среди самих прихожан. В свою очередь в 1904 г. с ходатайством в МВД о постройке нового костела в честь св. Алексия обратились и местные католики. Разрешение было получено в апреле 1905 г. с указанием места, выбранного самими католиками на окраине Зельвы. Одновременно католикам было разрешено построить временный костел в местечке до завершения строительства основного здания. В 1906 г. вместительный временный костел был построен и в Зельве начал служить ксендз⁴.

Православная община также приступила к возведению церкви и зимой 1905–1906 гг. начался подвоз строительного камня к фундаменту бывшего костела. Но в марте 1906 г. агрессивная толпа женщин-католичек оказала сопротивление сопровождающим обоз стражникам и не допустила дальнейший подвоз материалов для строящейся церкви. Полицейские вынуждены были отступить. После этого католики захватили недостроенное здание, поставили там деревянный крест, повесили на стенах портрет императора Николая II и начали собираться в нем для молитвенных песнопений. Администрация потребовала от католиков освободить здание, убрать крест и портреты императора. Но, несмотря на штрафы, наложенные на активистов, католики продолжали удерживать недостроенное здание с целью строительства костела уже на захваченном ими месте.

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47145. Л. 3, 18, 31.

² Там же. Л. 34.

³ Яноўская В. Гісторыя хрысціянскай царквы на Беларусі. Мінск, 2002. С. 188.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 426. Л. 3, 16–18, 80–84.

Гродненский губернатор Ф. А. Зейн и местные власти приложили ряд усилий для мирного разрешения конфликта. Земские начальники созывали сходы крестьян-католиков, на которых объясняли им незаконность предпринятых действий и указывали на ту ответственность, которой они будут подвергнуты, если станут силой останавливать начатые православными строительные работы. Неоднократные разъяснения о негативных последствиях подобных противоправных действий, сделанные православным священником, не принесли никакого результата. Не помогли мирно разрешить назревавший конфликт и уговоры Волковысского католического декана и приходского ксендза. Местные инициаторы захвата здания бывшего костела были уверены в том, что, отступив в марте перед толпой женщин, полиция и на этот раз не осмелится применить силу.

Прибывший утром 2 января 1907 г. в Зельву волковысский исправник и местный православный священник И. Янковский еще пытались перевести назревающий конфликт в мирное русло. Переговоры не увенчались успехом, и днем 2 января воинственно настроенная толпа католиков (до 1000 человек) с кольями и палками напала на обоз, который начал перевозить камень для продолжения постройки церкви. Сопровождавшие обоз стражники, третья часть которых принадлежала к Католической церкви, в целях самозащиты вынуждены были открыть стрельбу. В результате столкновения из нападавших было убито 7 человек. Прибытие в Зельву роты солдат позволило успокоить разбушевавшиеся страсти, порядок был восстановлен, и подвоз камня для строительства церкви возобновился уже беспрепятственно¹.

События в Зельве приобрели всероссийскую известность. Российская «прогрессивная» общественность выступила в защиту пострадавших. Газеты «Русь» и «Речь» в своих публикациях о событиях в Зельве возлагали ответственность за столкновение на полицию и православное духовенство². На основе тенденциозных публикаций в российской прессе группа депутатов-поляков в апреле 1907 г. сделала запрос в Государственной Думе о проявлении религиозной нетерпимости в отношении католиков, приводя в пример «Зельвянское дело». Произшедшие события были представлены депутатам Думы как «погром, совершенный над мирными жителями вооруженными полицейскими»³.

Однако тщательное расследование, проведенное администрацией, показало, что действия стражников были правомерны и не превышали пределов необходимой самообороны. Чиновник особых поручений при генерал-губернаторе П. Шкот, проводивший расследование, был уверен, что инициаторами конфликта являлось не католическое духовенство, а местные активисты, которые с помощью недобросовестных приемов хотели «достичь возвращения начатой постройки упраздненного костела, как очевидного для местных жителей доказательства силы и торжества над православием римско-католической религии». По мнению Шкота: «Вся тяжесть нравственной ответственности за случившееся ложится на совесть тех лиц, которые, не стесняясь средствами для достижения намеченной цели, не гнушаются даже обмана и ведут толпу на неизбежное столкновение с исполнителями законных распоряжений власти, призванной не допускать самоуправства»⁴.

Министерство внутренних дел, рассмотрев в октябре 1908 г. прошение крестьян-католиков Зельвянской волости о возвращении им стен недостроенного костела, перешедшего вместе с прилегающим участком земли в собственность православного ведомства, признало это ходатайство, не подлежащим удовлетворению⁵.

Но, несмотря на трагические инциденты и на трудности в юридическом разрешении сложных проблем, накопившихся в области имущественных претензий к православному

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 426. Л. 47–49.

² Русь. 8 января 1907 г.; 10 января 1907 г.; 12 января 1907 г.; Речь. 13 января 1907 г.; 16 февраля 1907 г.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 426. Л. 151–155.

⁴ Там же. Л. 74–86.

⁵ Там же. Л. 156.

ведомству, первые положительные результаты усилили надежды католического населения на возвращение бывших костелов. Так, например, католики Слуцкого уезда Минской губернии в 1908 г. обратились в Совет Министров с просьбой о возвращении им Бобовенского и Замостского костелов, переданных в 60-х гг. ведомству православного исповедания. В своем обращении католики, жалуясь, на трудность «иметь религиозное удовлетворение» в связи с отдаленностью их жилищ от Слуцкого костела, просили, чтобы и они «получили утешение, как уже получили прихожане других упраздненных приходов – Медведичского, Хотоевичского и других»¹.

Однако эти прошения не получили правового удовлетворения. Также же неудачно для католиков Люцинского уезда Витебской губернии завершилась попытка вернуть здания бывшей Липновской каплицы и Кудепского костела, обращенных в православные церкви².

Канонические принципы, положенные в основании правил от 23 апреля 1908 г., оставляли для католического населения довольно узкий правовой коридор для реализации юридических претензий на конфискованные церковные здания. Бывшие костелы, действующие в качестве храмов и освященные по православному обряду, в силу господствующего правового статуса Церкви, не подлежали изъятию из собственности ведомства православного исповедания. Ограниченный характер представленных легальных возможностей приводил к тому, что попытки самовольного захвата костелов не прекратились. Такой случай произошел в Минской губернии в 1908 г., когда католическое духовенство в обход правил 23 апреля самовольно начало богослужения в бывшем Городищенском костеле Пинского уезда. Решением губернатора Я. Е. Эрдели богослужения были прекращены, а виновные привлечены к судебной ответственности³.

В январе 1910 г. в г. Слуцке решением Минского окружного суда был приговорен к штрафу в 300 рублей владелец имения Рыма К. Околов. Помещик был наказан за самовольный захват православной часовни на местном кладбище с целью обращения ее в костел. Часовня была возвращена в ведомство православного исповедания⁴.

Однако, несмотря на невысокую результативность подаваемых прошений, правила 23 апреля позволяли осуществлять легальное возвращение части католической собственности, что было весьма актуально не только для католиков, но и для правительства. Особенно в тех случаях, которые вызывали в свое время открытое возмущение католического населения. В этой связи следует напомнить известный инцидент с закрытием в 1893 г. Крожского костела в Ковенской губернии. В конце декабря 1905 г. бывшие прихожане этого костела обратились к генерал-губернатору К. Ф. Кршвицкому с прошением о возвращении им церковного здания и прилегающих к нему угодий. Однако министр внутренних дел А. Г. Булыгин отклонил эту просьбу, исходя из того, что вопрос может быть положительно решен только в будущем, «когда громкое дело закрытия Крожского костела утратит свою остроту и значение, какое придает ему ныне римско-католическое население края»⁵.

После того, как правопорядок в крае был восстановлен, генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий, на основе предложения С. П. Белецкого, в начале 1908 г. посчитал возможным удовлетворить прошение крожских католиков⁶. Мнение Кршвицкого поддержал Святейший Синод. Обер-прокурор Синода вошел с предложением в Совет Министров о возвращении католикам здания костела и его хозяйственных построек. Решение Совета Ми-

¹ НИАБ. Ф.136. Оп. 1. Д. 36705. Л.133.

² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47163. Л. 12–14.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 36705. Л. 90.

⁴ Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства.1910. № 4. С. 85.

⁵ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 373. Л. 13.

⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 2920. Л. 18.

нистров было утверждено императором 16 июня 1908 г.¹ В июле 1910 г. Крожский костел был освящен. В память об этом событии прихожане направили телеграмму С. А. Андриевскому, одному из защитников по нашумевшему в свое время крожскому делу: «Крожские прихожане, собравшиеся для освящения открываемого их древнего костела, с епископом жмудским во главе, вспоминая дни судебного заседания палаты, ваши и ваших почивших товарищей блестящие речи, шлют вам, неутомимому борцу за правду и справедливость, выражения серьезной благодарности и признательности»².

Начавшийся процесс возвращения католическому духовному ведомству костелов и церковных имуществ на основе правил от 23 апреля 1908 г. позволил конкретизировать положения указа о веротерпимости и перевести спорные имущественные вопросы в последовательно правовое русло. Изданием правил правительство произвело политико-правовую корректировку результатов административной кампании 1860-х гг. по закрытию костелов и каплиц и ограничению польского влияния на русское население Северо-Западного края. Выстраивался следующий порядок реализации указа от 17 апреля 1905 г. Легальное разрешение получала проблема «упорствующих», а затем Католическая церковь получила юридическую возможность восстановить свои права на часть конфискованных ранее костельных зданий и церковных имуществ.

Однако меры, предпринятые для удовлетворения религиозных нужд католического населения края, были явно недостаточны. Католическая церковь нуждалась в широкой строительной программе, и новая вероисповедная система империи создавала для этого необходимые правовые условия. Как уже отмечалось выше, пункт 13 указа от 17 апреля в развитие положений указа от 10 июля 1896 г. устранял контроль «господствующей» Церкви из процедуры разрешения на строительство католических костелов и часовен. Согласно новому закону единственные условия, которые следовало выполнить желающим начать постройку костелов, носили технический и финансовый характер при согласии католического епархиального начальства³. Юридическое устранение Православной церкви из процедуры разрешения на строительство костелов отнюдь не означало, что государство всецело подчиняет процесс церковного строительства ведению католической иерархии. Следует особо подчеркнуть, что указ от 17 апреля по-прежнему сохранял за государством, т. е. МВД, право на окончательное решение вопросов о ремонте и строительстве костелов и каплиц.

Католическое население, духовенство и польское дворянство немедленно воспользовались дарованной правительством возможностью начать строительство костелов и часовен согласно новым правовым нормам. Уже к концу сентября 1905 г. в Минское губернское правление поступило 6 прошений от представителей различных сословий о строительстве богослужебных зданий в помещичьих имениях, приходах и на кладбищах⁴.

Аналогичные прошения начали поступать и в губернские правления Северо-Западного края. Во многих случаях правящий православный епископат высказывался против по-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 2920. Л. 104.

² Речь. 1910. 24 июля.

³ Предшествующее указу от 17 апреля законодательство вопрос о строительстве костелов трактовало так: «Никто не имеет права самовольно строить церкви иностранных исповеданий Христианских. Запрещение сие распространяется и на каплицы и подвижные престолы римско-католического исповедания... п. 2. Лица или общества, желающие построить новую церковь, обязаны обратиться о том с просьбой к местному губернскому начальству, которое по сношении с надлежшими епархиальными начальствами православного и римско-католического вероисповеданий обязано удостовериться, нет ли каких препятствий к разрешению постройки, и сообщить сии сведения со своим мнением министерству внутренних дел, для окончательных соображений и распоряжений устава строительного» / Свод законов Российской империи. Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных. Т. 11, ч. 1. СПб., 1896. Ст. 124; Устав строительный. Т. 12, ч. 1. СПб., 1900. Ст. 139.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7515. Л. 55.

явления новых костелов в своих епархиях. Например, Гродненский епископ Никанор высказал свое несогласие в связи со строительством новых костелов – Следзяновского в Бельском уезде, в местечке Картуз-Березы Пружанского уезда и местечке Сельцо того же Пружанского уезда. Преосвященный пытался убедить вице-губернатора А. А. Ознобишина в том, что католическое население не испытывает трудностей «в отношении удовлетворения своих религиозных нужд», а новые костелы, будучи экономически обременительными для населения, станут «ядром пропаганды католицизма и полонизма среди соседних православных приходов»¹.

Анализируя социально-политические последствия костельного строительства, инициированного указом о веротерпимости, Совецание МВД по вопросу о борьбе с полонизацией Северо-Западной России, проходившем в апреле 1914 г., обратило внимание на реакцию православного населения, которое было главной опорой правительства в этом регионе. По мнению Совецания: «Усиленная постройка католических костелов, происходившая в первое время после всемилостивейших актов о веротерпимости, кроме нежелательного служения целям пропаганды католицизма, крайне угнетающе действовала на настроение оставшихся верными «господствующей» Церкви православных, создавая тревожное представление о будущности всего края»².

Однако в новых правовых условиях аргументация православного епископата уже не имела юридической силы, а МВД и администрация губернии поддержали католического епископа фон Роппа, давшего согласие на это строительство. Действия администрации вызывали позитивный отклик у католиков Северо-Западного края. Епископ фон Ропп и жители Сельца 6 октября 1906 г. в день закладки нового костела в честь св. Алексея послали телеграмму императору «о воссылаемых им и прихожанами молитвах о спокойствии и счастье его величества и его высочества наследника-цесаревича». В ответ Николай II повелел благодарить прихожан (так в тексте. – А. Б.) за выраженные чувства³. Имя епископа Роппа в телеграмме царя не упоминалось.

Для того чтобы упорядочить процессы постройки и ремонта римско-католических богослужебных зданий и преподать губернаторам единую интерпретацию п. 2 примечания к ст. 14 Устава Иностранных исповеданий по прод. 1906 г. относительно наличия средств, необходимых для церковностроительных работ, МВД 28 ноября 1908 г. издало циркуляр. В нем предписывалось, чтобы с момента издания министерского распоряжения «местные власти давали дальнейшее движение ходатайствам о дозволении помянутых строительных работ по предварительном точном удостоверении, что в распоряжении просителей имеются необходимые на указанный предмет средства в размере половинной исчисленной по смете суммы, с тем чтобы, независимо от сего, имелись на лицо доказательства, вполне обеспечивающие исправное поступление сборов на покрытие остальных расходов»⁴. При отсутствии указанных сведений МВД имело право отказать просителям в разрешении на церковное строительство.

В свою очередь генерал-губернатор К. Ф. Кршивицкий 4 февраля 1909 г. издал распоряжение губернаторам края, в котором разъяснялся указанный МВД порядок применения действующего законодательства о церковностроительных работах. Этот порядок предусматривал следующее: «Постройка новых р-к приходских церквей, при точном соблюдении требований закона от 17 апреля 1905 г., а также циркуляра министерства внутренних дел от 28 ноября 1908 г. за № 7125, разрешается, на основании п. 2 ст. 124 Устава иностранных исповеданий изд. 1896 г. и ст. 140 Устава строительного, властью министра внутренних дел».

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 394. Л. 41, 92, 207.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 111–112.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 394. Л. 235.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1908. Д. 420. Л. 2.

Указ от 17 апреля не предусматривал установления каких-либо ограничений в деле инославного церковного строительства, не существовавших при его издании. Поэтому ремонт и возобновление богослужебных зданий на точном основании высочайшего повеления от 10 июля 1896 г. должны были по-прежнему осуществляться без разрешения гражданской власти. За исключением только тех случаев, когда речь шла об увеличении их прежнего размера. Тогда разрешение на строительство приходских костелов, согласно п. 2. ст. 124 Устава иностранных исповеданий и ст. 140 Устава строительного, принадлежало министру внутренних дел. В отношении же филиальных костелов и каплиц – главному начальнику края (на основании высочайше утвержденного 22 мая 1864 г. положения Западного комитета). Наконец, строительство, при точном соблюдении требований п. 13 указа от 17 апреля 1905 г. и циркуляра № 7125, новых филиальных костелов, алтарей и каплиц в пределах Северо-Западного края допускалось, на основании закона от 22 мая 1864 г., исключительно с разрешения генерал-губернатора¹.

Установленный порядок и требования МВД к должной финансовой обеспеченности строительного процесса позволяли правительству сдерживать в иных случаях прозелитические и полонизаторские устремления отдельных просителей и препятствовать экономическому упадку крестьянских хозяйств, облагаемых чрезмерными церковными сборами, проводимыми по инициативе ксендзов. Крестьяне, порой, вынуждены были мириться с подобной разорительной практикой, подчиняясь духовной власти ксендзов, ратующих за строительство новых костелов².

Установленные указом от 17 апреля новые условия костельного строительства служили правовым препятствием для некоторых губернаторов, которые по-прежнему пытались содействовать «господствующей» Церкви с помощью административной поддержки. Так, витебский губернатор Б. Б. Гершау-Флотов выступил резким противником строительства костелов в Мариенгаузенской волости Люцинского уезда и в Полоцком уезде, при имении Шатилово помещика Святополк-Мирского. В первом случае губернатор считал, что строительство костела в этой волости «причинит лишь несомненный и непоправимый ущерб местному православному населению (латышам), недостаточно окрепшему еще в православии... и имеет ближайшей целью ополячение местных латышей». Во втором случае губернатор уверял МВД, что «постройка костела не вызывается необходимостью удовлетворения религиозных нужд местного католического населения, что настроенность руководителей этого населения явно враждебна православию и костел, естественно, явился бы объединяющим и руководящим центром всех действий ко вреду православия и русской народности в этой местности»³. Однако и в том, и другом случае формальной причиной отказа просителям, сделанного МВД, стало отсутствие необходимых для разрешения постройки денежных средств, обязательное наличие которых предусматривал циркуляр от 28 ноября 1908 г.

Против строительства новых костелов в местностях с преимущественно православным населением активно выступали православное духовенство и миряне Минской губернии. По их инициативе епископ Михаил в 1908–1909 гг. неоднократно обращался к губернатору Я. Е. Эрдели с просьбой воспрепятствовать костельному строительству в м. Мир Новогрудского уезда, м. Лельницы Мозырского уезда и с. Березино Борисовского уезда. Выражая мнение прихожан и духовенства, епископ утверждал, что новые костелы и каплицы создаются не для удовлетворения религиозных нужд католиков, а для свращения православных, усиливая в губернии позиции польских «автономистов». МВД, ссылаясь на действующее законодательство, отказало епископу в его ходатайстве относительно запрещения строительства костела и каплицы в Мире и Лельницах. Прошение о строи-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1908. Д. 420. Л. 4.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 626. Л. 68.

³ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47163. Л. 12, 32; Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47654. Л. 42, 68.

тельстве костела в Березино было возвращено в Могилевскую римско-католическую консисторию по соображениям технического характера. Строительное отделение Минского губернского правления, рассмотрев присланные консисторией чертежи, обнаружило нарушение ст. 105 Устава строительного¹.

Несмотря на серьезные уступки, сделанные правительством, католический епископат считал издание циркуляров МВД и генерал-губернатора Кршивицкого в области регулирования строительства и ремонта костелов и каплиц неправомерным административным вмешательством во внутренние дела Церкви. Раздражение епископата вызывал и циркуляр МВД от 19 марта 1911 г., который требовал разрешения гражданской власти на ремонт и возобновление костелов в случае увеличения их вместимости. Нормативные акты МВД расценивались епископатом как отступление правительства от правовых норм указа о веротерпимости и возвращение к практике административных, не основанных на законе, мер, которые были характерны для периода 1864–1904 гг.² Такой же точки зрения придерживаются и некоторые современные исследователи³.

В действительности же все указанные распоряжения МВД и генерал-губернатора К. Ф. Кршивицкого, в отличие от чрезвычайного административного нормотворчества 1860-х гг., были вполне легитимны. Они имели два правовых источника – указ от 17 апреля 1905 г. и ст. 124 Устава духовных дел иностранных исповеданий – и не выходили за их юридические границы. МВД, в силу нерешенности Государственной Думой ряда актуальных правовых проблем взаимоотношений государства с Католической церковью, с помощью указанных нормативных актов только *адаптировало* положения указа о веротерпимости к решению конкретных проблем костельного ремонта и строительства. Жалобы католической иерархии на неправомерные действия МВД с юридической точки зрения не имели убедительных оснований. Епископат волновала проблема распространения собственных властных полномочий на процессы костельного строительства, которые играли важную роль в расширении религиозного влияния Католической церкви на население империи. С этой целью иерархия и духовенство пытались интерпретировать п. 13 указа от 17 апреля субъективно, не чуждаясь и прозелитических целей.

В связи с этим правительство вынуждено было отметить: «Установленный верховной властью новый порядок разрешения постройки костелов католическое духовенство также пожелало использовать в целях пропаганды, и в МВД стали поступать ходатайства о постройке костелов на месте нахождения священных изображений, особенно чтимых православным населением, или в местностях, где нет или где почти отсутствует население католическое»⁴.

Настойчивое стремление епископата вывести сферу костельного строительства из-под контроля государства и всецело подчинить ее действию канонического права вступало в противоречие с требованиями действовавшего российского законодательства. Поэтому министр внутренних дел А. А. Макаров в феврале 1912 г. напомнил католическим епископам, что «по буквальному смыслу ст. 13 высочайшего указа от 17 апреля 1905 г. все

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37323. Л. 2, 16, 71, 110, 114, 117, 233.

² ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 6–8.

³ Так, например, О. Яновская утверждает, что «через три с половиной года (речь шла о распоряжении К. Ф. Кршивицкого от 4 февраля 1909 г.) пункт 13 указа от 17 апреля 1905 г. толковался совсем иначе, и западные губернии снова вернулись к муравьевскому циркуляру». См.: Яновская В. Гісторыя хрысціянскай царквы на Беларусі. Мінск, 2002. С. 99. Такое утверждение представляется необоснованным. Над административным нормотворчеством в области церковно-государственных отношений была подведена черта указами 12 декабря 1904 г. и 17 апреля 1905 г. Интерпретировать распоряжение К. Ф. Кршивицкого как отказ от положений вышеназванных указов – значит обвинять администрацию и МВД в сознательном нарушении нового российского законодательства о веротерпимости, что не подтверждается ни юридически, ни практически.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 3; Ф. 821. Оп. 150. Д. 184. Л. 8, 11.

без изъятия церковностроительные работы, т. е. как сооружение новых храмов, так и исправление и ремонт существующих, требуют разрешения правительственной власти»¹.

Но, несмотря на существующие трения между МВД и католической иерархией, реализация указа от 17 апреля в области церковного строительства позволила Римско-католической церкви существенно усилить свои позиции в Северо-Западном крае. Так, например, в Виленской губернии в период с 1905 по 1913 г. было построено 28 костелов, а православных храмов за этот же период – 27². В Гродненской губернии за семь лет после издания указа о веротерпимости было построено 30 богослужебных зданий, из них 20 костелов, 6 часовен и 4 каплицы³.

Всего же с 1905 по 1914 г. в трех губерниях Северо-Западного края было построено 66 католических храмов⁴.

Теперь, после издания указа от 17 апреля 1905 г., *темпы и масштабы* строительства новых костелов и часовен зависели уже в основном от волеизъявления самого католического епископата и финансовых возможностей и пожертвований прихожан различных сословий. С учетом данного обстоятельства был сформирован бюрократический механизм, позволявший установить государственное регулирование процесса финансирования церковных строительных работ. Целесообразность создания такого механизма диктовалась уже не столько задачами борьбы с католическим прозелитизмом и «полонизацией» польского населения, сколько необходимостью достижения соответствия финансовых затрат на костельное строительство с реальными экономическими возможностями прихожан. В этом случае МВД стремилось поддерживать необходимый платежеспособный баланс католического населения, нарушение которого в угоду необоснованным амбициям отдельных ксендзов грозило обеднению крестьянства и сокращению налоговых поступлений в государственную казну. Вместе с тем МВД считало себя обязанным отклонять ходатайства о постройке костелов только в тех случаях, когда существовала достоверная информация о том, что строительство предпринимается с «исключительно прозелитическими целями, и что отказ не явится стеснением в удовлетворении религиозных потребностей католиков»⁵.

¹ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 36.

² Яноўская В. Указ. Соч. С. 187.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 11.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 111.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 6; Ф. 821. Оп. 150. Д. 184. Л. 8, 11.

«ПРИРОДНЫЙ» ЯЗЫК УКАЗА ОТ 17 АПРЕЛЯ 1905 г. В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

1. Попытка установления церковного «двоевластия» в области народного просвещения

Частичное совпадение интересов правительства и католического духовенства Северо-Западного края в области народного образования, наметившееся в начале 1905 г. в предложениях епископа фон Роппа, нашло свое правовое воплощение в указе от 17 апреля. Пункт 14 указа гласил: «Во всякого рода учебных заведениях, в случае преподавания в них Закона Божия инославных христианских исповеданий, таковое ведется на природном языке учащихся, причем преподавание это должно быть поручаемо духовным лицам подлежащего исповедания и, только при отсутствии их, светским учителям того же исповедания»¹.

Затем 1 мая 1905 г. последовал указ «Об отмене некоторых ограничительных постановлений, действующих в девяти западных губерниях, и о порядке выполнения пункта 7 именного указа от 12 декабря 1904 г. в отношении сих губерний». Пунктом шестым этого указа допускалось «преподавание литовского и польского языков в учебных заведениях края с программами начальных двухклассных и городских училищ, а также в среднеучебных заведениях в тех местностях, где большинство учащихся принадлежит к литовской или польской народности»².

Новые законы частично демонтировали систему административно-правовых ограничений религиозно-языкового характера, созданную М. Н. Муравьевым и правительственными распоряжениями для пресечения польско-католической экспансии в Северо-Западном крае. Теперь империя предлагала своим католическим подданным право изучения основ вероучения на этнических языках. В многолетнюю политику обрусения края вносился ряд существенных перемен, благоприятных для развития местных этнических культур и языков, прежде всего польского и литовского. Поэтому перемены в языковой и вероисповедной политике, последовавшие практически одновременно, вызвали одобрение местного католического населения. В общем содержании благодарственных телеграмм, по-

---

¹ Именной высочайший указ правительствующему Сенату. 17 апреля 1905 г. Об укреплении начал веротерпимости // Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г.; под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 36.

² Там же. С. 53–54.

стувавших на имя императора от католиков Виленской епархии, упоминался и указ 1 мая, восстанавливавший права польского и литовского языков в сфере народного образования и разрешавший крестьянам-католикам приобретать землю в девяти западных губерниях¹.

Епископ Эдуард фон Ропп, проявивший оперативность в издании правил перехода из православия, проявил не меньшую активность в распространении своей канонической власти на сферу реализации п. 14 указа о веротерпимости. Уже в известном циркуляре от 21 апреля епископ указывал подведомственному духовенству: «Во избежание пререканий с учебным ведомством законоучители, без моего ведома, не должны ни сами вводить, ни соглашаться на введение соответствующих новых учебных пособий по Закону Божьему»².

На следующий день, 22 апреля, за № 1158 он издал очередной циркуляр, адресованный деканам епархии, в котором говорилось: «Основываясь на именном высочайшем указе от 17 сего апреля, предписываю вам при возобновлении занятий после Пасхи обратиться к ученикам на природном языке сих последних и объяснить им, что на основании высочайше дарованной милости они вправе отвечать на своем языке и изучать Закон Божий»³.

Предпринятая епископом попытка вмешательства в учебный процесс без соответствующего разрешения министерства народного просвещения не могла быть допущена администрацией. Понимая это, епископ в этот же день, 22 апреля, обратился с письмом к попечителю Виленского учебного округа В. А. Попову. Необходимость своего экстренного епархиального решения, которое выходило за рамки общеимперского порядка осуществления указа, фон Ропп объяснял чистосердечным желанием «посильно содействовать сохранению мира и спокойствия среди молодежи». Стремясь придать своим доводам убедительность, епископ прибегнул к риторике, используемой им ранее в письме к министру народного просвещения Глазову. Он и на этот раз пытался убедить В. А. Попова в том, что только «усиленным старанием, главным образом римско-католических законоучителей, удалось до сих пор удержать виленскую школьную молодежь в порядке и повиновении властям. Порядок этот, предупреждал фон Ропп, наверное не удержится, если дарованная высочайшим указом от 17 апреля сего года милость не будет введена при возобновлении учебных занятий, после пасхальных праздников»⁴. Однако аргументация фон Роппа не возымела на попечителя учебного округа никакого воздействия. Скорее наоборот, она заставила В. А. Попова настойчиво потребовать от епископа немедленной отмены своего циркуляра, как противоречащего п. 5 Положения Комитета министров, утвержденного 17 апреля 1905 г.⁵

Попечитель, знавший реальные настроения в учебных заведениях Вильно и религиозный состав учащихся, среди которых преобладали православные и лютеране, не мог не оценить доводы Роппа как откровенно несостоятельные. Попов пытался убедить епископа в неправомерности его столь поспешного распоряжения: «Мною не получено еще от министерства народного просвещения никакого распоряжения по предмету изучения Закона Божия учениками инославного исповедания на родном их языке. Не определено еще для каждого из учеников-католиков, какой язык его семья считает для себя родным: польский, литовский, белорусский или другой (таковы природные языки католиков в местном крае)»⁶. Однако фон Ропп наотрез отказался отменить действия своего циркуляра, ссылаясь на то, что такое решение противоречит указу от 17 апреля.

¹ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2803. Л. 2, 12, 20.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л.1.

³ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л.30.

⁴ Там же. Л. 44.

⁵ Высочайше утвержденное 17 апреля 1905 г. Положение Комитета министров // Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Издание 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г.; под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 46.

⁶ ЛГИА. Ф. 694. Оп.1. Д. 2811. Л. 44 об.

Если первый циркуляр епископа Эдуарда от 21 апреля не только не вызвал опасений у А. А. Фрезе, но даже был им одобрен в тот же день при личной встрече, то издание второго канонического акта от 22 апреля вызвало обоснованное неприятие со стороны генерал-губернатора. Создание «двоевластия» в системе народного образования в крае сразу же натолкнулось на сопротивление высших краевых представителей МВД и МНП. Однако фон Ропп так и не отменил действие своего циркуляра от 22 апреля. Как и в случае с отсутствием механизма переходов из православия в католичество, не предусмотренного своевременно Комитетом министров, он воспользовался тем, что министерство народного просвещения к моменту выхода указа также не располагало правовым механизмом его применения. Не были разработаны и официально утверждены критерии, в соответствии с которыми следовало определять, какой язык является для учащихся «природным». Складывалась ситуация, удобная для очередной канонической интерпретации указа от 17 апреля 1905 г. Временная пауза, созданная правительством, позволяла и в этом случае сформировать независимый от государства епархиальный механизм применения п. 14 указа о веротерпимости. Для этого и была предложена аргументация о необходимости с помощью церковного распоряжения упредить неизбежные волнения учащихся, якобы желавших немедленного перехода в преподавании Закона Божьего перейти на свой «природный», т. е. польский язык. Создаваемый фон Роппом миф об угрозе волнений среди учащихся и социально ответственном поведении католического духовенства понадобился ему как инструмент давления на администрацию с целью осуществления самостоятельной этнической политики в народной школе.

Близилось время выпускных экзаменов, и некоторые католические законоучители, преподававшие Закон Божий на русском языке, начали требовать, чтобы экзамены по этому предмету принимались на языке польском. Чтобы не обострять ситуацию в учебных заведениях округа, В. А. Попов обратился с телеграммой к министру В. Г. Глазову с просьбой принять экстренное решение о языке экзаменов. Такое решение было принято незамедлительно. Попечитель округа 3 мая сообщил начальникам учебных заведений решение министра, что «учащиеся, для коих польский язык природный, могут по их желанию быть экзаменованы по католическому Закону Божьему на польском языке»¹. Благодаря энергичным действиям В. А. Попова, конфликты в учебных заведениях, вызванные в результате неправомερных действий фон Роппа, удалось временно нейтрализовать.

Чреватым конфликтами оказалось и решение римско-католического митрополита Георгия Шембека. Не вдаваясь в разъяснение того, какой язык для учащихся-католиков является «природным», 2 мая он предписал законоучителям всех учебных заведений Могилевской архиепархии и Минской губернии «безотлагательно приступить к преподаванию Закона Божия и к производству испытаний и экзаменов на природном языке учащихся, находящихся в учебном заведении, при котором состоите законоучителем». В результате ксендзы-законоучители белорусских губерний, не дожидаясь распоряжения МНП, в качестве «природного» языка преподавания Закона Божьего начали вводить польский².

В Ковенской губернии вопрос конфликтов училищного начальства с законоучителями удалось избежать благодаря конструктивной позиции, занятой управляющим епархией епископом-суффраганом г. Цыртовом. Не предпринимая несанкционированных МНП действий, епископ в начале мая обратился к В. А. Попову с просьбой о введении в Ковенской губернии преподавания Закона Божьего и проведении предстоящих экзаменов на природном языке учащихся. Аргументация епископа в защиту своего предложения была убедительной. В губернии, где в двухстах народных училищах обучались «исключительно дети литовцев и жмудинов», требования о введении природного языка преподавания Закона Божьего исходили не от ксендзов, как это было в Виленской и Гродненской гу-

¹ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 43.

² ЛГИА. Ф. 567. Оп. 12. Д. 6385. Л. 62, 63–64.

берниях, а от населения. Не учитывать данное обстоятельство было бы серьезной политической ошибкой. Поэтому В. А. Попов 21 мая объявил начальникам средних учебных заведений и директорам народных училищ, что «учащиеся, для коих литовский язык природный, могут по их желанию быть экзаменованы по католическому Закону Божьему на литовском языке»¹.

Спешно решая первоочередные проблемы применения указа на местах, МНП одновременно приступил к разработке порядка применения указа о веротерпимости в учебных заведениях империи. 30 апреля министерство разослало в учебные округа распоряжение, в котором обязывало попечителей «доставить соображения о том, какого рода правила могли быть установлены о преподавании Закона Божьего инославных исповеданий»².

Излагая свое мнение по этому вопросу, В. А. Попов предупредил министерство о специфических особенностях поведения католического духовенства, которые необходимо было учитывать при разработке правил преподавания Закона Божьего в учебных заведениях округа. «Высочайший указ от 17 апреля сего года о веротерпимости, дающий право преподавания Закона Божия римско-католического исповедания на природном языке детей, должен был бы, по-видимому, устранить все существовавшие до сего времени затруднения и осложнения в этом деле. Но при ближайшем рассмотрении настоящего вопроса оказывается, что новое узаконение в отдельных случаях приведет к большим затруднениям, кои должны быть устранены.

На попытки заведующих школами лиц определить природный язык учащихся путем опроса их родителей, некоторые ксендзы-законоучители смотрят как на вполне бессельные и бесплодные мероприятия и со всей откровенностью заявляют, что единственным языком преподавания Закона Божия в школах детям р-к исповедания может и должен быть язык польский, как освященный авторитетом Церкви язык дополнительного богослужения и домашней молитвы для католиков.

По заявлениям этих ксендзов, никакая сила в мире не может подвинуть и принудить их разучивать с детьми в школе на русском языке те молитвы, которым они по иерейскому долгу обучают детей в костелах и дома на польском языке. Такого рода уверения, без всякого сомнения, будут проведены ксендзами в жизнь школы со всей последовательностью. Ввиду этого надлежит заблаговременно выяснить, определить и точно сформулировать условия, при которых высочайшая воля об обучении детей Закону Божию на природном их языке была бы исполнена в безупречной точности на благо религиозно-нравственного воспитания в школе без вредного противодействия школе, остающейся государственно-русской»³.

Высказанное В. А. Поповым предупреждение о неизбежности новых конфликтов нашло свое подтверждение в дальнейших событиях школьной жизни.

Для выработки взаимоприемлемого способа выполнения пункта 14 указа о веротерпимости в Виленском учебном округе министр народного просвещения в начале июля 1905 г., по предложению генерал-губернатора А. А. Фрезе, учредил особую комиссию под председательством попечителя учебного округа В. А. Попова. В ее задачу входило «обсуждение вопроса о способах исполнения п. 14 указа о веротерпимости, касательно введения преподавания Закона Божия инославных исповеданий на природном языке учащихся». В состав комиссии должны были войти представители МНП, представители других светских ведомств, а также делегаты инославного духовенства из каждой губернии. Свою работу комиссии необходимо было завершить до начала учебного года. Генерал-губернатор обратился к епископу фон Роппу с просьбой привлечь к участию в ее работе

¹ ЛГИА. Ф. 567. Оп. 12. Д. 6385. Л. 106.

² О преподавании Закона Божия инославных христианских исповеданий в учебных заведениях // Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1906 год. Вильна, 1906. С. 122.

³ ЛГИА. Ф. 567. Оп. 12. Д. 6384. Л. 132–132 об.

делегатов с высшим богословским образованием, хорошо знакомых с историей, народом и бытовыми особенностями той губернии, от которой они будут представлены¹.

Комиссия, состоявшая из 9 представителей государственных ведомств и 5 делегатов католического духовного ведомства, начала свою работу 8 августа 1905 г. Главным пунктом, по которому члены комиссии так и не смогли прийти к соглашению, стал вопрос о языке преподавания Закона Божьего белорусам-католикам. Представители МНП и администрации утверждали, что языком преподавания Закона Божьего белорусам-католикам не может быть язык польский. В качестве языка «природного» светские члены комиссии признавали язык семейного общения. С их точки зрения, лишение белорусов-католиков права слушать преподавание Закона Божьего на их родном языке было бы нарушением «точного смысла закона от 17 апреля». В качестве аргумента в защиту своей позиции светские члены комиссии приводили также и решения Тридентского собора, который предписал в свое время, что языком, на котором следует преподавать истины веры, должен быть «lingua vernacula», семейный язык низших сословий. Этот принцип, отмечали члены комиссии, «не один раз был высказываем и на поместных Соборах Римско-католической церкви в XVI, XVII и XVIII вв.»²

В связи с этим все светские члены комиссии сошлись во мнении, что белорусы-католики имеют право рассчитывать на то, чтобы Закон Божий преподавался им на их родном наречии не только в силу указа от 17 апреля, но и в силу требований самой Римско-католической церкви, решения которой нарушали теперь ксендзы-законоучители. При этом светские участники обсуждения учитывали то обстоятельство, что белорусы-католики вне школы обучаются молитвам на польском языке и что языком дополнительного богослужения также являлся язык польский.

Приглашенный в качестве эксперта известный этнограф Е. Ф. Карский отметил в своем выступлении, что «если семейным языком является язык богослужения, то вопрос о языке преподавания Закона Божьего разрешается сам собой, преподавание ведется на языке семьи и богослужения. В таком положении оказываются поляки и литовцы, отчасти же жмудины, пожалуй, и латыши. Но совершенно иначе поставлены белорусы, – для них является двойственностью языка – семейного и богослужебного, белорусского и польского. Произошло это исторически, вследствие проникновения католичества из Польши. Католичество проникло с польским языком: таковым его приняло высшее сословие и усвоило себе польский язык и культуру. Что же касается простого белорусского народа, то здесь дело обстоит несколько иначе... Он (народ) говорил на природном белорусском языке, молиться же и дополнительное богослужение он должен был усваивать на польском языке»³.

Принимая во внимание сообщение Е. Ф. Карского, все светские члены комиссии признали возможным изучение катехизиса и молитв в школе («в польском тексте»). Вместе с тем они считали неприемлемым, чтобы весь курс Закона Божьего для белорусов преподавался на польском языке. По их мнению, это означало бы «сознательно допустить полонизацию белорусов-католиков посредством уроков Закона Божия».

Компромиссный подход, предлагаемый светскими участниками обсуждения, натолкнулся на жесткую и неуступчивую позицию представителей Римско-католической церкви. Ксендзы, участвовавшие в обсуждении, настаивали на том, что природным языком белорусов-католиков является только польский язык, на котором они произносят молитвы дома и в костеле. Ксендзы-делегаты упорно отстаивали два тезиса, которые вызвали критическое отношение к ним светских членов комиссии, исходивших из практического опыта и норм школьного законодательства Российской империи:

1) все белорусы-католики понимают и знают польский язык;

2) власть определять способы и размеры (т. е. программы) обучения детей католиков истинам веры принадлежит исключительно римско-католическому епископу⁴.

¹ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 82.

² ЛГИА. Ф. 567. Оп. 12. Д. 6384. Л. 144 об.

³ Там же. Л. 150 об.

⁴ Там же. Л. 144 об, 145.

Позиция ксендзов становится понятной, если учесть, что перед началом заседаний они получили от епископа фон Роппа инструкцию, которая заранее обрекала деятельность комиссии на неудачу. Эта инструкция стала демонстрацией властных клерикальных амбиций епископа. Из канонически обоснованного утверждения о том, что важную часть власти епископа составляет «воспитание и религиозное развитие молодежи», епископ делал юридически некорректный вывод. Он заявлял, что не может уступить этой власти «кому-либо, а тем более смешанной комиссии», так как это «было бы абдикцией от права, принадлежащего мне, как епископу, устанавливать способы и пределы обучения всего народа, не исключая детей, истин веры и богобоязненной жизни»¹.

Утверждение не только бездоказательное, но и некорректное в политико-правовом отношении. Свои властные полномочия епископ получил по указу российского императора. Вместе с правами на него законом возлагались обязанности соблюдения государственных интересов. К таковым можно отнести и обязанность выполнения п. 14 указа о веротерпимости. Иными словами, обеспечить изучение основ своего вероучения на «природном» языке учащихся, которым они пользовались в семье, а не на том, который употреблялся при совершении богослужений.

Комиссия отнюдь не покушалась на власть епископа в сфере религиозного воспитания его паствы, но и разрешить не предусмотренное законами империи вмешательство епископа в дела государственной школы она также не собиралась. Не желая продолжать обсуждение вопросов о языках преподавания Закона Божьего в школе, не совпадающих с позицией их епископа, ксендзы отказались принимать участие в работе комиссии и 9 августа демонстративно покинули зал заседаний.

Попечитель Виленского учебного округа В. А. Попов, анализируя деятельность комиссии и мотивы поведения обеих сторон, пришел к следующему выводу: «В рядах римско-католиков Северо-Западного края белорусы составляют весьма значительную часть... И эта огромная масса людей, русских по происхождению, постепенно полонизируется. До сих пор эта работа полонизации совершалась духовенством исключительно посредством костела. Теперь представляется возможность идти к этой желанной для католического духовенства цели и посредством школы. Весьма понятно поэтому, что духовенство не может не добиваться самым энергическим образом признание польского языка языком преподавания Закона Божия в школе. Но, с другой стороны, понятно и то, что русские люди края не могут легко смотреть на усиление польского элемента огромной массы полонизируемых белорусов»².

Несмотря на деструктивное поведение ксендзов, обусловленное указаниями фон Роппа, комиссия завершила свою работу, выработав ряд практических предложений для предоставления министру народного просвещения. В. А. Попов просил министра разрешить временно руководствоваться в Виленском учебном округе предложениями комиссии вплоть до издания соответствующих общегосударственных правил. Они были сформулированы следующим образом: «1) Установить правильное преподавание Закона Божия римско-католического исповедания в учебных заведениях для учеников-поляков на польском языке и 2) для католиков-литвинов и католиков-русских (белорусов) организовать преподавание Закона Божия на их природных языках»³.

В последнем случае это означало изучение Закона Божьего в школах на русском и литовском языках. В начале нового учебного года министр народного просвещения утвердил эти временные правила, и они 6 сентября вступили в силу в Виленском учебном округе. Несколько позже, 26 октября 1905 г., министерство народного просвещения, учитывая требования ксендзов-законоучителей, разрешило чтение предклассных молитв для

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 21.

² ЛГИА. Ф. 567. Оп. 12. Д. 6384. Л. 145.

³ ЛГИА. Ф. 567. Оп. 12. Д. 6385. Л. 34.

учеников-поляков на польском языке вместо латинского в тех учебных заведениях, где Закон Божий преподавался по-польски¹.

Однако предпринятые МНП уступки не внесли успокоение в учебных заведениях Виленского округа. В преддверии нового учебного года, 22 августа, епископ фон Ропп издал очередной циркуляр. Настаивая на собственной интерпретации п. 14 указа от 17 апреля, епископ предписывал законоучителям Виленской епархии: «Изучать детям мотивы катехизиса, священную и церковную историю в училищах на том наречии, на котором дети молятся дома, т. е. на польском или литовском языках. Причем для детей, говорящих по-белорусски, допускается в первоначальных училищах, по мере надобности, объяснение обучаемого на белорусском наречии». В случае возникновения конфликтов ксендзов с училищным начальством, епископ рекомендовал им удалиться из училищ и, основываясь на указе, организовать по мере возможности внешкольное обучение детей Закону Божьему².

То есть, по сути, фон Ропп призывал к бойкоту государственных школ, если их руководство станет противиться действиям ксендзов, выполняющих его волю. Откровенно высказанная епископом в инструкции делегатам мысль о том, что право устанавливать способы обучения Закону Божьему в государственной школе принадлежит только ему, в силу воспринятой им епископской власти, получила свое подтверждение на практике. По мнению А. А. Станкевича, управляющего канцелярией Виленского генерал-губернатора, циркуляр фон Роппа – «это путь к созданию собственных школ при костелах и вне их, т. е. отдача всего начального образования народа Северо-Западного края в польско-католический конфессионал»³.

Комментарий А. А. Станкевича нуждается в уточнении. Дело в том, что указ от 17 апреля не содержал никаких указаний на право настоятелей костелов открывать начальные школы для прихожан. В российском законодательстве продолжали оставаться в силе те правовые нормы об открытии частных училищ, которые действовали и до указа от 17 апреля. Следовательно, путь организации внешкольного обучения детей Закону Божьему, предлагаемый фон Роппом для подведомственного ему духовенства, носил противоположный характер. Лица, открывавшие школы без соблюдения требований законодательства, подлежали ответственности на основании закона от 3 апреля 1892 г. о преследовании недозволенного обучения⁴.

Стремление епископа навязать свое каноническое решение российской светской школе можно расценивать так же и как явление политического характера, несмотря на его уверения в обратном. По сути дела, п. 14 указа о веротерпимости легализовал пожелания фон Роппа, высказанные им в марте 1905 г. министру народного просвещения В. Г. Глазову. Появилась реальная возможность для преодоления накопившихся противоречий в области преподавания Закона Божьего. Однако вместо налаживания конструктивного сотрудничества между духовенством и администрацией Виленского учебного округа фон Ропп предпочел конфликт, втягивая в него подведомственное духовенство, учащихся и родителей. Способ определения «природного» языка учащихся, который фон Ропп предлагал духовенству, маркером этничности называл язык молитвы. На практике такой критерий этничности традиционно служил инструментом полонизации белорусского и малорусского населения Северо-Западного края и белорусских губерний. Об этом, в частности, свидетельствовала многолетняя история «располячения костела». После издания папского декрета от 11 июля 1877 г. польский язык был объявлен эксклюзивным языком дополнительного богослужения Католической церкви для славянского населения Западного края. Этот декрет продолжал действовать и после издания указа от 17 апреля 1905 г.

¹ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 113. Л. 376.

² ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 93.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 22.

⁴ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2810. Л. 16–17.

Жесткое увязывание епископом требований декрета от 11 июля 1877 г. с критериями определения «природного» языка учащихся заводило решение проблемы в тупик, так как в данном случае разногласия между МНП и фон Роппом не подлежали практическому преодолению.

Предупреждая ксендзов и родителей о необходимости защищать, под страхом церковного наказания, своих детей от влияния лиц, вносящих в школу антиправительственную «политику и внешкольные стремления», сам фон Ропп на практике превращал государственную школу в инструмент польской этнической политики. Католические законоучители, действовавшие на основе его циркуляров, становились этническими активистами, воздействовавшими на процессы колонизации учащихся, не принадлежавших к этническим полякам.

Разумеется, что такого сугубо церковного способа определения «природного» языка школьников руководство Виленского учебного округа не приняло. Как не приняло оно и юридически неправомерное распоряжение управляющего Могилевской римско-католической архиепархией прелата Денисевича от 25 августа 1905 г. Содержание циркуляра прелата практически совпадало с распоряжением фон Роппа от 22 августа. «Природным языком учащихся при преподавании Закона Божия, – утверждал Денисевич, – считается язык, на котором они читают свои повседневные молитвы; поэтому предварительно, приступления к преподаванию, законоучителю следует ознакомиться путем расспроса учащихся, на каком языке они молятся; на этом именно языке должно вестись преподавание Закона Божия»¹.

Несколько позже, анализируя деятельность католического епископата, МВД отмечало: «Право преподавания Закона Божия на природном языке учащихся католическая иерархия обратила в орудие колонизации молодежи. Начальники трех римско-католических епархий, в коих значительную часть прихожан составляют лица русской народности (белорусы и малороссы), издали циркуляры с разъяснением, что природным языком является язык молитвы»².

В своих действиях попечитель округа В. А. Попов исходил из того, что при определении природного языка учащихся следует пользоваться тем же критерием, который применялся при осуществлении первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Это критерий светский, называющий родным или «природным» языком тот, которым учащиеся пользовались в семье. С этой точки зрения в государственной школе при преподавании католического Закона Божьего должны быть представлены все основные языки народностей, населявших Западно-Русский край³.

Иной подход предусматривали введенные в действие канонические распоряжения католического епископата. Религиозный критерий определения языка преподавания, на котором настаивали руководители епархий, не соотносился с реальным этническим составом католического населения. Например, по данным первой всеобщей переписи 1897 г., в Виленской губернии насчитывалось 935 849 католиков. Из них русских (великороссов, малороссов и белорусов) насчитывалось 526 361 (56,2 %), поляков – 129 223 (13 %). Для католиков, принадлежащих к этнической группе русских, обязательным языком повседневной молитвы был польский. Следовательно, по мнению епархиального католического начальства, для учащихся русского происхождения на этом же языке должен преподаваться и Закон Божий. Такой подход с катехизаторской точки зрения представлялся вполне оправданным и даже необходимым, тем более что исключительным языком дополнительного богослужения и молитвы служил польский, подтвержденный папским декретом от 11 июля 1877 г. Но при этом языки, которые католики-великороссы, малороссы и бело-

¹ ЛГИА. Ф. 567. Оп.12. Д. 6385. Л. 52.

² РГИА. Ф. 821. Оп.150. Д. 150. Л. 3.

³ ЛГИА. Ф. 694. Оп.1. Д. 2811. Л. 44 об.

русы назвали «родными» при переписи 1897 г., католическое духовенство практически игнорировало. Пойти навстречу требованиям канонического права в этом вопросе означало бы не только нарушение требований указа от 17 апреля. Неизбежно возникал вопрос о целесообразности предыдущей политики государства, которое, начиная с реформ М. Н. Муравьева, систематически препятствовало полонизации белорусов, малороссов и латышей на территории Северо-Западного края и белорусских губерний¹.

В новых правовых условиях этот основной вектор этнической политики Российской империи в Северо-Западном крае должен был претерпеть известные изменения. Об этом писал П. А. Столыпину в августе 1906 г. генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий. Он обращал внимание министра внутренних дел на то, что «усилившиеся в последнее время стремления местной Римско-католической церкви выступить на путь борьбы и прозелитизма на почве польского национального движения вполне основательны и требуют со стороны правительства принятия определенных и твердых мер, способствующих введению местного населения в круг общих задач и интересов Русского государства. С этой целью необходимо дать правильное руководство пробуждающемуся к сознательной жизни народностей литовской и белорусской и помогать их здоровому росту»².

К. Ф. Кршвицкий предлагал П. А. Столыпину политику поощрения «здорового национализма» белорусов и литовцев в качестве своего рода противовеса польскому этническому национализму, претендовавшему на политическое, культурное и религиозное доминирование в Северо-Западном крае. Адаптация положений указа от 17 апреля к религиозно-этническим особенностям края должна была стать одним из инструментов такой политики. Однако этому препятствовала позиция, занятая Виленским епископом фон Роппом и прелатом Денисевичем, которые, настаивая на каноническом истолковании указа, пытались посредством государственной школы ускорить процессы формирования польского этнического самосознания русского населения Литвы и Белоруссии.

2. Разрастание конфликта вокруг языка преподавания католического Закона Божьего в народных училищах

Правовой выход из конфликта, возникшего между религиозной и светской интерпретацией п. 14 указа о веротерпимости, обязано было, согласно Положению Комитета министров от 17 апреля 1905 г., предложить министерство народного просвещения. Сбрав и проанализировав мнения попечителей учебных округов, ученый комитет МНП подготовил проект временных правил о преподавании Закона Божьего инославных христианских исповеданий на природном языке учащихся, который был согласован с министерством внутренних дел. Одновременно решением МНП были отменены все распоряжения министерства, которые противоречили п. 14 указа о веротерпимости³.

22 февраля 1906 г. временные правила «О преподавании Закона Божия инославных христианских исповеданий и порядке наблюдения духовных лиц за преподаванием сего предмета в учебных заведениях ведомства народного просвещения» были утверждены министром народного просвещения И. И. Толстым. Согласно правилам на территории империи:

¹ ЛГИА. Политическое отделение. Ф. 378. Оп. 1864. Д. 2096. Л. 3–5; Ф. 378. Оп. 1869. Д. 66. Л. 48–49; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 1671. Л. 58.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 412. Л. 3.

³ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 130.

«2. Обучение Закону Божию инославных исповеданий производится на родном языке учащихся, определяемом письменным заявлением родителей или опекунов учащегося.

3. Если учащиеся одного и того же исповедания, желающие обучаться Закону Божию, принадлежат к разным народностям, то они разделяются в отношении родного языка на несколько групп, и преподавание вводится прежде всего для большинства; затем, по мере возможности, организуется преподавание Закона Божия на всех прочих языках, для прочих групп учащихся. При невозможности же сего, с согласия родителей и опекунов, допускается введение преподавания на одном известном всем учащимся данных групп языке, например русском, белорусском и пр., причем несколько групп могут быть соединяемы в одну...

6. Преподавание производится по программам и учебникам, одобренным подлежащей духовной властью соответственного исповедания и допущенным к употреблению министерством народного просвещения.

7. Преподавание поручается духовным лицам соответствующего исповедания, и только при отсутствии их, светским учителям того же исповедания...

8. Законоучителя инославных исповеданий приглашаются с правом голоса в заседания педагогических советов для участия в суждениях совета по вопросам, касающимся как учеников, обучающихся у них Закону Божию, так и самого преподавания означенного предмета.

9. Вознаграждения законоучителей инославных исповеданий производятся в размерах, определяемых местными учебно-окружными начальствами, из специальных средств заведений, восполняемых суммами государственного казначейства, где таковые ассигнованы»¹.

Временные правила от 22 февраля 1906 г. конкретизировали положения п. 14 указа о веротерпимости и п. 6 указа от 1 мая. Вопрос о выборе языка преподавания Закона Божьего был выведен из непосредственного ведения католического духовенства и предоставлен решению родителей и опекунов учащихся. Правила от 22 февраля не могли устранить влияние этнически ангажированных приходских ксендзов на языковой выбор родителей, принадлежавших к их пастве. Но они давали возможность школьной администрации требовать применения светского, принятого в переписи 1897 г., способа определения «природного» языка учащихся. Вместе с тем увеличивалась степень участия законоучителей в учебно-воспитательном процессе. Были решены и вопросы материального вознаграждения инославного духовенства, преподававшего в учебных заведениях империи. Одним словом, с известным запозданием был разработан и утвержден единый для всей империи механизм правоприменения вышеупомянутых указов, призванный реализовать религиозные права инославных христиан на обучение Закону Божьему на этнических языках, в объеме, предусмотренном законом.

Еще раньше, в начале 1905/06 учебного года, в учебных заведениях Виленского округа было разрешено преподавание польского и литовского языков в качестве необязательного предмета. Затем в октябре того же года был отменен запрет на употребление польского языка в стенах учебных заведений округа. В народных училищах тех уездов Виленской и Гродненской губерний, где польское и особенно литовское население было немногочисленно, языком преподавания католического Закона Божьего для белорусов и малороссов оставался язык русский².

Однако предпринятые МНП меры по адаптации положений вышеупомянутых указов к условиям Северо-Западного края и белорусских губерний не устраивали римско-католическую иерархию и духовенство, которые пытались навязать требования церковных циркуляров в государственной школе. Это недовольство русской государственной школой особенно рельефно выразилось в пастырском послании епископа фон Роппа от 29 сен-

¹ Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1906 г. Вильна, 1906. С. 122–123.

² Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1905 г. Вильна, 1905. С. 371, 395.

тября 1906 г. Обращаясь к римско-католическому населению Виленской епархии, епископ внушал своей пастве: «Казенные школы нам ничего не дают: учителя не наши, «не ту-тейшие», всегда не нашей веры, часто совершенно неверующие и детей ваших делают неверующими. И я не могу советовать вам посылать ваших детей в казенные школы, пока школы эти таковы, какими были поныне. Если в них ходит ксендз, то я не воспрещаю посылать в них детей, но не советую и не приказываю. Даст Бог обстоятельства изменятся и школа станет лучшей. До тех же пор учите детей по домам, как кто может, и усердно посылайте их в костел, к ксендзу или к лицам набожным, которые учат детей, и это не только до первой исповеди и причастия, но и далее, как только можно продолжительней... Детей нужно учить читать и писать, требуется знать язык русский, который нам сплошь бывает надобен, но нужно также учиться чтению и письму на том языке, на котором печатаются римско-католические молитвенники, например, как у нас, по-польски или по-литовски... Нас преследуют! Что же делать! Потерпим еще, и, даст Господь, преследование окончится, и можно будет свободно учить детей, как нам нужно и как единственно будет хорошо не только для детей, но и для всего государства»¹.

Идеи, изложенные в этом послании, являлись, по сути, повторением положений партийной программы Конституционно-католической партии, запрещенной в марте 1906 г. В этой программе, носившей популистско-клерикальный характер, выставлялось требование создания так называемой народной школы: «С учителями нашей народности и нашей веры, с подобающим положением в школе наших священников, и с отделением школы христианской от нехристианской»².

Предлагаемый партией фон Роппа проект преобразования народного просвещения ставил своей целью создание школы, сегрегированной по религиозно-этническому принципу. Послание фон Роппа также предлагало католикам епархии в качестве программы действий сегрегацию учащихся, религиозно-этническое обособление и архаизацию начального образования. Указывая на генетическую связь этих документов, можно в целом охарактеризовать их в качестве проекта, содержавшего под социально популистской оболочкой идеи разделительного, клерикального трайбализма. Направленные на усиление власти католического духовенства и сегрегацию российского общества по религиозно-этническому принципу, они противоречили общему направлению интегративной образовательной политики правительства, направленной на преодоление религиозно-этнических противоречий и модернизацию Северо-Западного края.

Издание этого послания вызвало негативную реакцию у генерал-губернатора К. Ф. Кршивицкого. Он дважды, в октябре и ноябре 1906 г., обращался к П. А. Столыпину с просьбой об увольнении фон Роппа с Виленской кафедры, «необходимом для спокойствия края». Однако положительной реакции на его просьбу и на этот раз не последовало³.

Послание епископа Эдуарда с призывом бойкотировать государственную начальную школу получило практическое воплощение. Римско-католическое духовенство Виленской епархии при богослужениях и в частных беседах начало открыто призывать прихожан не допускать своих детей к посещению сельских народных училищ. Наиболее ревностные этнические активисты из ксендзов называли государственную школу «московской» и внушали прихожанам, что «все католики, как поляки, должны учиться по-польски и в польских школах, а не в московских». В местах, где католики-белорусы по-прежнему посылали своих детей в народные училища, ксендзами применялись более строгие меры церковного воздействия. Например, ксендзы угрожали не принимать к исповеди как родителей, так и детей, посещающих русские государственные школы. Были случаи, когда

¹ Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 16. С. 327.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 59. Л. 3.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 359. Л. 53.

ксендзы прогоняли идущих в училище учеников-католиков домой, а родителей-ослушников заставляли лежать в костеле «крыжем»¹.

Яркими примерами негативного отношения ксендзов к «природному» белорусскому языку учащих-белорусов стали действия ксендза М. Саросека, настоятеля Росского костела. Он отказался преподавать Закон Божий на белорусском языке, так как для него он был «чужд». Ксендз уведомил фон Роппа, что в случае, если дирекция народного училища воспретит преподавать Закон Божий на польском языке, он будет вынужден «воспретить детям посещать школу». Епископ фон Ропп благословил ксендза Саросека на запрещение родителям посылать в школу детей, если администрация будет препятствовать преподаванию Закона Божьего на польском языке².

Сокольский декан Антоний Подгайло заявил учебному начальству, что преподавать Закон Божий на русском языке учащимся-белорусам он отказывается из принципа, и, войдя в раж, заявил директору народного училища: «Внушать ученикам, что они белорусы, Вы не имеете права, если Вы это себе позволите, то узнаете, что значит иметь дело с ксендзом; я подниму небо и землю, готов погибнуть, но поставлю на своем»³.

После запрета на посещение католиками церковноприходских школ, объявленного епископом С. Зверовичем 12 февраля 1902 г., начался, по замечанию православной прессы, второй «ксендзовский поход», на этот раз уже против школы государственной. Если в первом случае мы наблюдали фундаменталистскую реакцию на поведение родителей-католиков, обучавших своих детей в школах православного духовного ведомства, то во втором – реакция оказалась сложнее. Однако и в том, и другом случае оба эти явления в своей экклезиологической основе оказались однотипными. Различие заключалось в следующем.

Послание фон Роппа последовало в новых правовых и политических условиях, созданных указами от 17 апреля, 1 мая и Манифестом от 17 октября 1905 г. Перемены произошли не только в отношениях между Католической церковью и государством, изменилась и сама католическая паства, и ее пастыри. Они прошли через опыт политизации 1905 г., этнического и религиозного подъема, сопровождаемого различными эксцессами и проявлениями насилия. Отличительной чертой этого опыта стал рост польского и литовского этнонационализма в католической среде. В качестве катализатора политизации католичества выступила деятельность епископа фон Роппа. Его каноническая власть, опирающаяся на разветвленный исполнительный механизм в лице приходского духовенства, стала инструментом социальной мобилизации католического населения для достижения клерикальных политических целей. На этот раз вызов был брошен не только своему главному религиозному противнику – православию, как это сделал в свое время епископ С. Зверович, но и светскому характеру начального народного образования. В государственной школе была усмотрена главная угроза для формирования нужного духовенству религиозного и этнического самосознания учащихся-католиков.

Но если эта угроза действительно имела под собой реальные основания и подтверждалась практически, тогда следовало бы признать, что приходское католическое духовенство было не на высоте своего пастырского призвания. Выходит, оно не проявляло должного усердия в религиозном воспитании своей юной паствы в легальных рамках катехизации при костелах и преподавания Закона Божьего в народных училищах. Благо правила МНП от 22 февраля 1906 г. создавали для этого ряд необходимых условий. Претензии в таком случае следовало выдвигать к своим подчиненным ксендзам, а не к государственной русской школе, которая, согласно законодательству, преследовала отнюдь не те цели, к которым стремилось католическое духовенство. Школа ставила своей целью формирование у учащихся надэтнической российской гражданской идентичности на основе начального светского образования, включавшего в себя и систематическое преподавание католического Закона Божьего.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1909. Д. 174. Л. 3.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 157. Л. 150.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 13.

Примером прагматического и вместе с тем сугубо церковного подхода к решению вопросов религиозного обучения детей-католиков в государственной школе являются действия епископа Тельшевского Мечислава Паллюлиона. Администрация Виленского учебного округа предоставила епископу информацию, из которой следовало, что ксендзы-законоучители «крайне неаккуратно посещают уроки Закона Божьего в училищах», а часть из них «вовсе не посещает училищ». Реакция епископа была быстрой и жесткой. 5 декабря 1906 г. Паллюлион обратился к духовенству епархии с посланием, в котором заявил: «Такое отношение законоучителей к преподаванию Закона Божьего в училищах не может быть терпимо... В течение двух-трех лет школьного обучения ревностный законоучитель может наставить учащихся детей в догматических и нравственных истинах веры и дать им опору и руководящие начала для дальнейшей их жизни. Школьное упущение в деле религиозно-нравственного воспитания в нынешних наших условиях невозможно сравнить с систематическим обучением Закону Божьему в школе»¹.

Однако сугубо церковный путь решения проблемы религиозного образования и воспитания учащихся-католиков в рамках государственного образования не устраивал фон Роппа. Он предпочел бросить прямой политический вызов правительству, демонстрируя силу духовной власти католического духовенства. Однако, как и в предыдущем случае, жертвами политизации церковного служения стали учащиеся-католики, которых принудили к отказу от посещения народных училищ. Процесс социализации юного поколения католиков епархии вновь оказался под угрозой. И на этот раз мы сталкиваемся с парадоксами, возникшими в результате использования фон Роппом указа о веротерпимости и Манифеста от 17 октября 1905 г. Настойчивое стремление епископа использовать новое законодательство для достижения целей прозелитического и клерикально-трайбалистского характера неизменно приводило к негативным социально-правовым последствиям для его паствы.

В первом случае это появление новообращенных католиков, которые в результате установленного епископом процедурного «двоевластия» продолжали оставаться «заведомо православными», подвергаясь риску уголовного преследования сами и подвергая ему своих приходских ксендзов. Во втором – учащиеся, отстраненные от профессионально организованного учебно-воспитательного процесса в угоду прозелитическим и клерикальным амбициям епископа. Эти учащиеся должны были теперь ориентироваться на незаконные и примитивные формы начального обучения в тайных польских школах. Попытка объединить разрываемое этническими противоречиями духовенство и паству своей епархии путем бойкота государственной школы оказалась не самым удачным политическим ходом для дальнейшей духовной карьеры этого епископа.

3. Русский язык в дополнительном католическом богослужении: новая попытка его введения после указа от 17 апреля 1905 г.

Однако в начавшемся противостоянии с государством позиции сторонников доминирования католической традиции в костеле и государственной школе, казалось, будут вот-вот поколебленными, причем в своей канонической основе. В событиях, связанных с судьбой решения о русском языке в дополнительном богослужении, сыграли свою роль дипломатические усилия российского правительства. История событий такова.

Товарищ обер-прокурора Святейшего Синода В. К. Саблер при обсуждении Комитетом министров мер по борьбе с «пропагандой полонизма, действующей под видом про-

¹ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 448. Л. 13.

поведи католицизма», внес предложение. По его мнению, пропаганда полонизма в значительной степени потеряла бы шансы на успех среди проживающих в пределах Западного края и Польши непольских народностей, если бы оказалось возможным ввести дополнительное католическое богослужение на русском языке. По признанию Комитета, такая практика, вводимая на западных окраинах империи с конца 1860-х гг., была впоследствии признана министром внутренних дел Д. А. Толстым «вредной» для политики обрусения края. Тем не менее Комитет заключил, «что осуществление мысли о допущении местных языков в дополнительное богослужение, при признании оной заслуживающей одобрение, должно принадлежать инициативе министра внутренних дел»¹. Особый журнал Комитета министров, зафиксировавший это решение, был утвержден императором 13 мая 1905 г.

На этом основании министр внутренних дел П. Н. Дурново в июне 1905 г. потребовал от администрации Западно-Русского края предоставить информацию о том, «в какой мере, по местным условиям, признается желательным и возможным введение в римско-католическое богослужение местных наречий в целях разобщения католицизма от полонизма. Насколько означенная мера совпадает с желанием самого населения и в каких именно приходах вверенной вам губернии, в соответствии с племенным составом оных, применение сей меры призналось бы целесообразным»². В свою очередь местные губернаторы сделали аналогичные запросы православным архиереям.

В результате в МВД в октябре 1905 г. поступила следующая информация. В Минской губернии, по мнению губернатора П. Г. Курлова, следовало допустить дополнительное богослужение на белорусском наречии в костелах Минского, Бобруйского, Новогрудского, Слуцкого, Игуменского и Борисовского уездов. В костелах Пинского, Мозырского и Речицкого уездов таким языком мог стать язык малороссийский. В городских костелах предполагалось сохранить богослужение на латинском языке. Однако в целом отношение П. Г. Курлова к предложению МВД о «разобщении католицизма от полонизма» было довольно скептическое. Он писал, что «исходя из того совершенно определенного факта, что население Минской губернии есть коренное русское, богослужение на местных наречиях является само по себе весьма желательным. Но при том фанатизме ксендзов, которые пользуются каждым удобным случаем для пропаганды полонизма, вряд ли эта мера приведет в этом смысле к каким-либо результатам, так как прививать польские идеи можно на каком угодно наречии»³.

У П. Г. Курлова были основания для политического пессимизма. Соглашение от 3 апреля 1897 г. в губернии практически не выполнялось. Несколько позднее, в июле 1906 г., минский губернатор уведомил МВД, что «в последнее время замечается отступление от сего соглашения, ибо в некоторых римско-католических церквях богослужение совершается на польском языке»⁴.

Более оптимистично смотрел на эту проблему витебский губернатор Б. Б. Гершау-Флогов. Он признавал «весьма желательным» введение в дополнительное римско-католическое богослужение белорусского и латышского наречий. При этом губернатор ссылался на уже существующий порядок приходской жизни, при котором ксендзы, в

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 267. Л. 51–52.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7597. Л. 1.

³ Там же. Л. 23.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1 Д. 1671. Л. 281.

Относительно выполнения соглашения от 3 апреля 1897 г. управляющий Могилевской архиепархией прелат С. Денисевич откровенно высказал МВД, что в костелах Минской губернии дополнительное богослужение и проповеди «со времен митрополита Клопоотовского *повсеместно* (курсив мой. – А. Б.) совершаются на польском языке, за исключением благодарственного гимна «Te Deum laudamus», который поется на латинском языке». См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 278. Л. 20.

зависимости от этнического состава прихожан, произносили проповеди на латышском, польском или белорусском наречии¹.

Что же касается администрации Северо-Западного края, то генерал-губернатор А. А. Фрезе еще в марте 1905 г. высказал МВД свое мнение о необходимости скорейшего введения дополнительного богослужения на белорусском языке в римско-католических приходах с белорусским населением².

Более обстоятельную, концептуально осмысленную позицию в вопросе о новых приоритетах в этнической политике империи в этом регионе изложил генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий. В упоминаемом выше письме к П. А. Столыпину, написанном в августе 1906 г., генерал-губернатор высказал свое мнение по поводу статьи «Литвины и польско-католическое влияние», опубликованной в газете «Новое время» 3 июня 1906 г.

К. Ф. Кршвицкий утверждал, что «располячение Римско-католической церкви является в Северо-Западном крае насущной современной задачей», так как «назначение духовных начальств из польской народности уже издавна превратило Римскую церковь в надежное орудие полонизации и сделало эту церковь синонимом польской народности». Соглашаясь с автором статьи о нарастании в последнее время полонизаторских усилий Католической церкви в отношении литовцев и белорусов, генерал-губернатор отмечал рост этнического самосознания литовцев. Он указывал на такие явления, как акции массового протеста католиков-литовцев против полонизаторской политики фон Роппа. Выказывая уверенность в том, что процесс ополячения литовцев идет на убыль, К. Ф. Кршвицкий обратил внимание министра на сложности, связанные с формированием этнического сознания белорусов. «Находя допущение полонизации белорусского племени великим грехом перед русским народом, я считаю, – писал Кршвицкий, – что правительству в настоящее время... надлежит содействовать пробуждению творческих сил белорусского племени путем открытия на местах низших школ с преподавательским белорусским языком, созданием кадров убежденных и бескорыстных священнослужителей из местного населения»³.

Общий вывод, к которому пришел генерал-губернатор, отличался взвешенностью и прагматизмом. Тем самым К. Ф. Кршвицкий подтвердил общность своего политического видения с идеями, высказанными в свое время П. Д. Святополк-Мирским: «В польско-русской борьбе в Литве и Белоруссии у центральной государственной власти, кроме мер культурного характера, в настоящее время, по моему мнению, нет никакой возможности ни помочь, ни помешать какой-либо из сторон. Всякое внешнее угнетение польского элемента, глубоко несправедливое и противное русскому чувству, само по себе, как доказано опытом, приводит к прямо противоположным результатам, усиливая гонимый элемент и нравственно обессиливая покровительствуемый. Поэтому, признавая осуществление национальных требований польской народности в пределах ее этнографического распространения справедливым, правительство должно всеми культурными мерами пробуждать национальное осознание в Белоруссии и сохранить белорусов для восприятия русской культуры»⁴.

Несколько позже, в мае 1907 г., в письме к П. А. Столыпину генерал-губернатор еще раз обратил внимание главы правительства на особенности религиозно-этнического и политического противостояния в крае. При этом генерал-губернатор указывал премьер-министру на ту опасность для целостности империи, которую представляла ирредента, т. е. движение поляков Северо-Западного края за воссоединение с соотечественниками в Царстве Польском. Характеристикам, которые К. Ф. Кршвицкий дает основным этни-

¹ НИАБ. Ф.1430. Оп.1. Д. 46935. Л. 7–8.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп.1906. Д. 412. Л. 5.

³ Там же

⁴ Там же. Л. 4 об.

ческим группам, нельзя отказать в объективности: «Польская национальность, отмечающая своей изумительной устойчивостью и силой сопротивления всякой попытке денационализации, не отказалась и еще долго не откажется от мысли видеть в Литве и Белоруссии составную часть Царства Польского, где ее интересам должны быть предпочтены чуждым ей общеимперским интересам. Действующая в этом направлении по лозунгам из Варшавы и Львова польская партия в крае очень сильна тем, что она состоит из богатых и влиятельных помещиков, в экономической зависимости от которых находятся мелкие землевладельцы и крестьянская масса...

Национальность белорусская, сплошь почти крестьянская, находится еще в состоянии первого пробуждения. Глухое пассивное сопротивление, которое оказывал белорус польскому натиску, когда он проявлялся путем открытого насилия, сменилось полузабвением своего исторического многострадального прошлого, лишь только этот натиск сменился незаметным влиянием католической пропаганды, чувствовавшей себя тем сильнее, чем сложнее и запутанней становилась экономическая зависимость крестьянина белоруса от помещика поляка. Рука об руку с католицизмом шли полонизаторские тенденции, к счастью не успевшие еще окончательно изгнать из сознания коренной массы населения смутного представления о ее связи с великим русским народом»¹.

Мнение генерал-губернатора о необходимости пробуждения этнического самосознания белорусов оказало воздействие на политику правительства П. А. Столыпина.

Премьер-министр высказался в поддержку предложения Кршивицкого о скорейшем «введении русского или белорусского языка в дополнительное римско-католическое богослужение». В этой связи департамент духовных дел уведомлял Кршивицкого о том, что ранее деятельность правительства в этом направлении встречала серьезные затруднения ввиду наложенного декретом Конгрегации священных обрядов от 11 июля 1877 г. запрета на употребление русского языка в упомянутом богослужении. Однако сейчас, сообщил департамент, ситуация начала меняться. МВД, после получения информации с мест, признало целесообразным мнение Комитета министров о допущении местных языков в римско-католическое богослужение. В связи с этим правительство начало переговоры с Римской курией об отмене постановления Конгрегации. 21 апреля 1906 г. Папскому престолу была направлена нота, в которой были изложены взгляды правительства по вопросу об употреблении русского языка в дополнительном богослужении, который считался запрещенным по декрету св. Оффиции от 11 июля 1877 г.

Правительство обратило внимание Папы на то, что с изданием указа от 17 апреля все подданные империи получили право свободно осуществлять выбор веры. Теперь, говорилось в ноте, «было бы справедливым и необходимым позаботиться о нуждах верных, говорящих на русском языке, которые захотели бы вступить в Католическую церковь, и позволить им употреблять родной язык в дополнительном богослужении»².

К указанному моменту, сообщил департамент, Римская курия уже выразила принципиальное согласие на признание за русским языком одинаковых прав со всеми прочими наречиями, употребляемыми в римско-католическом богослужении в пределах Российской империи³.

Казалось, что усилия, предпринятые правительством, увенчались успехом, что на этот раз, в интересах расширения прав российских католиков, Папа Пий X пойдет на существенные уступки в вопросе о языке дополнительного богослужения. Папское решение было опубликовано в циркуляре статс-секретаря кардинала Мерри-дель Валя от 13 октября 1906 г. В нем говорилось: «Апостольский престол, постоянно заботясь о благе душ и будучи бдительнейшим стражем достойных уважения преданий, во все времена имел обыкновение

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 583. Л. 54.

² РГИА. Ф. 821. Оп.10. Д.1067. Л.1.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1906. Д. 412. Л. 8.

снисходить к тому, чтобы в так называемом дополнительном богослужении (т. е. в проповеди Слова Божьего, катехизации, обряде венчания, а равно и других вопросов при совершении крещения и при обряде венчания, а равно и других обрядах в этом роде) каждому народу было дозволено употреблять свой природный язык (*vernaculam linguam*)¹.

Таким образом, св. Престол предоставлял право католикам Российской империи молиться каждому на своем языке. И этот природный язык определялся как язык семейного общения (*vernaculam linguam*). На первых порах и правительство, и администрация Северо-Западного края испытывали уверенность в том, что точка зрения Российского государства и Римской курии на то, какой язык следует считать «природным», оказались едиными. Возникла уверенность, что государственный и канонический подходы к решению этого вопроса, наконец, совпали, и новым Папским декретом отменялось унижительное для государственного языка решение Верховной конгрегации священных обрядов от 11 июля 1877 г. для приходов, состоявших из русских: белорусов, малороссов и великороссов. Тем самым польский богослужебный язык утрачивал свое исключительное право на употребление среди русского населения империи, и вышеупомянутый акт Ватикана мог быть признан приемлемым для российского правительства².

Комментируя прежний отрицательный ответ Конгрегации на употребление русского языка, св. Престол отмечал: «Но, в сущности, если упомянутый ответ и в ту пору отнюдь не запрещал русским католикам (если бы таковые существовали тогда) употребление своего языка в так называемом дополнительном богослужении, то тем более нельзя предположить, что таковое запрещение имеет силу в настоящее время, когда теперь русским позволено исповедовать католическую веру»³.

Известный просветитель, исследователь и деятель русского национального движения в крае А. В. Белецкий, анализировавший содержание декрета от 13 октября 1906 г., не мог удержаться от восклицания: «Драгоценные слова! Да ведь *они*, эти русские католики, были тогда и их было очень много в России... А тысячи-то белорусов и тысячи малороссов католиков, разве это поляки? Вы видите опять, что в течение последних 30 лет католическая иерархия совершенно незаконно с точки зрения Рима заставляла русских людей, исповедующих католичество, молиться по-польски»⁴.

В этой связи можно было оптимистично добавить, что папское решение о природном языке дополнительного богослужения лишало бы канонической основы и циркуляры епархиального начальства о языке преподавания Закона Божьего в народных училищах. Теперь эти циркуляры, как это и предусматривал указ от 17 апреля, могли бы сохранять свою обязательную каноническую силу только по отношению к учащимся-полякам.

«Св. Престол, – говорилось далее в декрете, – не препятствует тому, чтобы ответы при совершении крещения или при обряде венчания русскими восприемниками или русскими брачующимися давались на русском языке. Что же касается проповеди Слова Божьего, катехизации, молитв, церковных песнопений, то пусть употребляется вообще тот язык, который является собственным языком большей части жителей или, по крайней мере, той группы верующих, для которой, собственно, предназначен известный храм»⁵.

¹ Папский декрет 13 октября 1906 г. по вопросу о введении русского языка в дополнительное р-католическое богослужение // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 1. С. 13.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 107 об.

³ Папский декрет 13 октября 1906 г. по вопросу о введении русского языка в дополнительное р-католическое богослужение // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 1. С. 13.

⁴ Белецкий А. В. Как Папа Римский решил вопрос о языке дополнительного богослужения в римско-католических костелах России // Виленский календарь на 1908 г. Вильна, 1908. С. 47–48.

⁵ Папский декрет 13 октября 1906 г. по вопросу о введении русского языка в дополнительное р-католическое богослужение // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 1. С. 13–14.

Завершая анализ декрета от 13 октября 1906 г., А. В. Белецкий с известной долей оптимизма утверждал: «Но глава Римско-католической церкви сказал свое веское слово и этим словом навсегда, надеемся, разрушена фикция, что единственным языком для употребления в римско-католических костелах, при дополнительном богослужении, может быть только польский язык. Слово Папы с течением времени будет делаться известным все более и более и белорусскому католическому населению, и едва ли есть возможность сомневаться в том, что само это население потребует введения в костелах белорусского языка»¹.

Папский декрет, вышедший к началу бойкота народной школы, стал «решительной неожиданностью» для римско-католического духовенства Российской империи, в том числе и для епископа фон Роппа, который только по прибытии в Рим узнал о состоявшемся постановлении Апостольского престола. Местная польская пресса продемонстрировала «крайнее недовольство» решением Папы. Kurjer Litewski назвал его изданным не вовремя и не к месту. Газеты «Край» и Kurjer Litewski высказывали опасения, что российское правительство воспользуется декретом Папы для введения в костелы «исключительно русского языка». Виленский губернатор Д. Н. Любимов писал о «дружном взрыве негодования и испуга», который раздался с газетных столбцов польской прессы, местной, варшавской и зарубежной, «лишь только нависли одни угрозы возможной замены в белорусском костеле польского языка русским»².

Правительство, ведя переговоры с Апостольским престолом, не ограничивалось только судьбой русского языка в костелах Западной России. Предметом обсуждения стали также и переводы не только на русский, но и на все местные языки (белорусское и малороссийское наречия) входящих в дополнительное богослужение молитв и песнопений, а также катехизиса, с тем чтобы эти переводы, после одобрения в Риме, использовались народами, принадлежащими к Римско-католической церкви³.

Однако растерянность католического духовенства и польской общественности, вызванная выходом папского декрета от 13 октября 1906 г., длилась недолго. Свидетельством этого стали дальнейшие действия епископа фон Роппа. Генерал-губернатор К. Ф. Кршивицкий, действуя в русле соглашения с Римом о допущении русского языка в дополнительное богослужение, в конце 1906 г. попросил епископа назначить своего представителя во вневедомственную комиссию, учрежденную администрацией в составе А. А. Станкевича, попечителя Виленского учебного округа Б. Вольфа, чинов ведомства МНП и Виленской археографической комиссии. Задача комиссии заключалась в обсуждении вопроса о переводе католических богослужебных книг на русский язык и местное белорусское наречие. От епископа требовалось также сообщить, какие молитвы и песнопения, употребляемые в римско-католическом богослужении, следовало перевести на русский язык и белорусское наречие в первую очередь. Речь шла также и о переводе катехизиса с указанием на то, с какого текста – польского или латинского – должен был осуществляться перевод. К. Ф. Кршивицкий уведомлял фон Роппа, что перевод катехизиса будет представлен епископу для просмотра и утверждения, а только затем направлен в Рим для одобрения Папским престолом⁴.

Однако фон Ропп ответил генерал-губернатору, что послание кардинала Мерри-дель Валя нисколько не отменяет запретительного определения Конгрегации от 11 июля 1877 г. и таковое он считает для себя донныне обязательным. Поэтому совершенно незачем собирать комиссию, хотя бы и самую благонамеренную, в которую послать представителя

¹ Белецкий А. В. Указ. соч. С. 54.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 23 об.

³ Белецкий А. В. Как Папа Римский решил вопрос о языке дополнительного богослужения в римско-католических костелах России // Виленский календарь на 1908 г. Вильна, 1908. С. 46.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 15–16.

он не считает себя вправе. Епископ заявил, что употребление белорусского языка в костеле ему представляется возможным только в будущем и то лишь при условии обучения молодежи в католической школе и католическими учителями¹.

Попытки правительства привлечь фон Роппа к процессу формирования белорусского этнического самосознания в костеле не увенчались успехом. По словам А. А. Станкевича: «Так, прикрываясь высоким призванием носителя Божьей благодати, Виленский епископ клал решительную преграду в решении вопроса о дополнительном богослужении в белорусских приходах. И делал это вполне сознательно, учитывая, какую ценность, не столько для Католической церкви, сколько для польской национальной идеи, представляют два с лишком миллиона темного инертного белорусского народа, который пока, при безапелляционном влиянии ксендза, определяет себя по костелу, а следовательно, и по костельному языку. Католик – значит поляк»².

Поневоле возникает вопрос: так что же, фон Ропп действительно послушался декрета от 13 октября и нарушил каноническую дисциплину, лишив тем самым белорусов дарованного им Папой права использовать свой «природный» язык в костеле? Ничуть не бывало. Наоборот, он и на этот раз в споре с правительством проявил твердость в последовательном отстаивании приоритета канонического права своей Церкви. Дело в том, что фон Ропп не лукавил. Как выяснилось позднее, декрет от 13 октября 1906 г. отнюдь не отменял силу ответа св. Оффиции 11 июля 1877 г. Это оказалось неприятным сюрпризом для российского правительства. И поднес этот сюрприз кардинал Мерри-дель Валь.

14 марта 1907 г. папский статс-секретарь направил ноту российскому правительству. В ней кардинал писал, что «не без изумления» увидел в официальной газете правительства (Вечернее прибавление Правительственного вестника 23 декабря / 5 января 1907 г., стр. 1) объявление, что действием декрета от 13 октября 1906 г.: «По настоянию Русского правительства отменяется распоряжение Конгрегации св. Оффиции от 11 июля 1877 г., Между тем... – подчеркивал статс-секретарь, – упомянутый декрет остается полнейшим образом в силе, и как ныне русским, в настоящем смысле слова, или великороссам, даровано справедливо употребление русского языка в дополнительном богослужении, точно так же остается запрещенным для поляков и других народов, некогда подвластных Царству Польскому, замена польского языка русским»³.

Вот теперь окончательно выяснилось, что действие декрета от 13 октября 1906 г. распространялось только на приходы, которые будут состоять из великороссов, перешедших, как сказано в Послании Ватикана, «с Божьей помощью» из православия в католичество⁴. Для белорусов и малороссов, «некогда подвластных Царству Польскому», обязательным языком дополнительного богослужения по-прежнему оставался язык польский. Об этом Святой престол в ноте от 27 марта 1907 г. еще раз недвусмысленно напомнил российскому правительству⁵. В сущности, своим решением о русском языке дополнительного богослужения Ватикан подготовил для себя необходимую каноническую основу для формирования католической миссии в Центральной России. И таковая последовала незамедлительно⁶.

¹ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 119. Л. 387.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 21.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 1 об.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 3.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 278. Л. 94.

⁶ В сентябре 1913 г. министр внутренних дел Н. А. Маклаков докладывал Николаю II о том, что «за последние годы в Санкт-Петербурге по инициативе Ватикана, где еще в 1905 г. на тайных совещаниях вырабатывались планомерные способы использования смуты в России для распространения католицизма, наблюдается усиленное, систематическое стремление многочисленных, враждебных православию и русским государственным идеалам католических орденов проникать, явными и тайными, зачастую весьма сложными, с виду вполне легальными, приемами, в пределы империи». См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 131. Л. 53.

Тем самым папские дипломаты преподали российскому правительству хороший урок практической политики, показавший, насколько наивным был расчет на то, что Рим способен уступить России в принципиальном для него вопросе введения русского языка в костелах на территории бывшей Речи Посполитой. Папский престол еще раз наглядно продемонстрировал российскому правительству, что он не собирается, в ответ на указ о веротерпимости и встречные шаги в области государственного контроля за католическими семинариями, даровать католикам-белорусам Западной России реальную возможность пользоваться при дополнительном богослужении их «природными» русским или белорусским языками. Заблокировав положительное решение о русском языке для белорусов и малороссов в костелах Западного края, Рим по-прежнему сохранял каноническую основу для перманентного конфликта между духовенством и администрацией по поводу употребления «природного» языка в государственной школе.

Правительство, после получения ноты кардинала Мерри-дель Валя, не оставляло надежды на достижение взаимоприемлемых соглашений с Римской курией. Для этого П. А. Столыпин полагал необходимым разъяснить Курии, какой смысл вкладывает российское правительство в понятие «русский язык». При этом П. А. Столыпин исходил из господствующего в обществе представления о русском народе как этнической общности, состоявшей из великороссов, белорусов и малороссов. Риму следовало уяснить, что под русским языком необходимо было понимать «все русские наречия: великорусское, белорусское и малорусское». С точки зрения премьер-министра: «Толкование Римской курией русского языка в смысле... исключительно «великорусского», не выдерживает... никакой критики, ни с практической, ни с теоретической точек зрения. Католических великорусских приходов нет, и потому едва ли русскому правительству настояла какая-нибудь надобность возбуждать в настоящее время вопрос о допущении только этого языка в католическое дополнительное богослужение. С теоретической же точки зрения вполне понятно, что русское правительство добивается одного, а именно: установления такого порядка, при котором все католики, будь то поляки, белорусы, малороссы, получили бы возможность молиться на местном родном языке. На этом требовании министерство внутренних дел намерено настаивать»¹.

Письмо П. А. Столыпина в мае 1907 г. было направлено министру иностранных дел А. П. Извольскому в качестве инструкции для продолжения переговоров с Римом. В свою очередь кардинал Мери-дель Валь в июле 1907 г. заявил российскому представителю в Ватикане барону Шиллингу, что, несмотря на сложность этого дела, он не намерен оттягивать его разрешение. Тем не менее обещание это так и не было выполнено².

Семь лет спустя министр внутренних дел Н. А. Маклаков, признавая промахи российской дипломатии, не без горечи констатировал: «Римская курия, конечно, всегда была

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 278. Л. 99–100. В этой связи стоит обратить внимание на особую «национальную» оптику, которую применяет А. Ф. Смоленчук при рассмотрении вопросов об отношениях епископа фон Роппа, российского правительства и Римской курии к указанным церковно-лингвистическим вопросам. Приобретенная «национальная» зоркость позволила Смоленчуку увидеть то, что было дотоле незримым для других исследователей. Оказывается, у епископа Эдуарда были не только «добрые отношения к белорусскому языку», но и «положительные для белорусского языка действия». К вящему удивлению читателя, выясняется, что «царское правительство пыталось ввести в костельное богослужение русский язык, *прикрываясь при этом языком белорусским*» (курсив мой. – А. Б.). Что же касается оценки решений Римской курии, то нас ждет еще более удивительное открытие. Читателя пытаются уверить в том, что «Ватикан никогда не отождествлял католицизм и польскость на Беларуси и в Литве». См.: *Аляксандр Смалянчук. Біскуп Эдвард Роп // Беларускі гістарычны часопіс. 1994. № 3. С. 108–112.* В этой ситуации остается только посоветовать А. Ф. Смоленчуку сменить свою «национальную» оптику на научную методологию, необходимую для объективного осмысления исторических фактов.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 108.

бы в силах направить деятельность р-к духовенства в России в соответствии с видами императорского правительства, заинтересованного только в том, чтобы р-к священники ограничивались религиозными заботами среди одного лишь католического населения, не стремясь к прозелитизму и не пользуясь религией для достижения политических целей.

К сожалению, приходится констатировать, что за все время, истекшее с момента установления сношений России с Римом, существенные уступки при переговорах делались лишь императорским правительством Ватикану... Те же немногочисленные уступки, на которые шел Ватикан, или являлись подтверждением мер, уже осуществленных государством, или имели совершенно второстепенное значение, или носили только внешний характер уступки, как указанный выше пример допущения русского языка в дополнительное богослужение»¹.

Правительство отдавало себе ясный отчет в том, что вопрос о языке преподавания Закона Божьего в школе находится в неразрывной связи с вопросом о языке дополнительного богослужения в костелах, прихожане которых (белорусы и малороссы) принадлежали к «русской народности». Это прекрасно понимали католические иерархи и в Риме, и в Санкт-Петербурге, и в Вильно. Если бы правительству удалось добиться от Римской курии введения в костелах русского языка, в том традиционном понимании, о котором писал П. А. Столыпин, то тем самым вопрос о преподавании Закона Божьего на «природном» языке учащихся мог бы разрешиться в соответствии с нормой указа о веротерпимости.

Но, как отмечал В. П. Гайдук: «Понтификат Пия X оказался трудным временем российско-ватиканских отношений. Именно к тем годам относится появление суждений о России как о *gubernium diabolicum* – “царстве дьявола”, оживление прежней нетерпимости в отношении православия вообще и Русской православной церкви в частности»².

Потерпев неудачу в дипломатическом соперничестве с Римской курией, МВД не оказалось от достижения одной из главных целей российской политики в Литве и Белоруссии – прекратить «дальнейшую полонизацию русского населения»³. П. А. Столыпин, прагматически оценивая сложившуюся ситуацию, полагал, что в случае, если Римская курия согласится на предложение российского правительства, практическое решение вопроса «всецело зависит от степени развития национального самосознания католической части русской народности в Западном крае»⁴.

4. Увольнение епископа Эдуарда с Виленской кафедры

Однако и безотносительно позиции Рима, поддерживаемой в Ватикане польским церковным лобби, у правительства были серьезные основания испытывать серьезное недовольство как церковной, так и внецерковной деятельностью Виленского епископа. Применяемые им неправомерные методы введения клерикального «двоевластия» в сферу народного просвещения стали для правительства еще одним свидетельством в пользу того, что епископ фон Ропп использует дарованные ему монархом властные полномочия в ущерб государственным интересам. По мнению производившего в 1911 г. ревизию епархиального управления М. А. Любич-Ярмолович Лозина-Лозинского: «Действуя в

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 14.

² Гайдук В. П. Диалог России с Ватиканом на рубеже XIX–XX вв. Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века: материалы коллоквиума, состоявшегося в Москве 23–24 июня 1998 г.; под ред. Е. С. Токаревой, А. В. Юдина. М., 2003. С. 103–14.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 8 об.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 278. Л. 126.

качестве церковной римско-католической власти, барон Ропп сыграл в польскую политику: отнял у белорусов высочайше дарованное им право обучения Закона Божия на природном их языке, заменив его польским на том лишь основании, что польские ксендзы обучили белорусов молитвам на польском языке, как на природном языке Польской церкви. Уступка литовскому языку была лишь тактическим приемом барона Роппа на почве выборов в Государственную Думу»¹.

Подлили масло в огонь и откровения фон Роппа в отношении православного населения, с которыми он выступил в газете «La stoix». Вот что он сообщал французским католикам о перспективах унии в России: «Если бы католические миссионеры, вполне поняв российскую душу, посвятили бы себя бесповоротно славянскому ритуалу и понесли начала христианской жизни в российское крестьянство, то и 20 не прошло бы лет, как большая часть России сделалась бы католической. Я не утверждаю, что это покорение обошлось бы без кровопролития, ибо слишком много накопилось предрассудков, с которыми выступили бы противники такого мероприятия, но победа была бы верной»².

Слова фон Роппа позволили еще раз пролить свет на его истинное отношение к православию. Как видно, этого архипастыря совершенно не смущали кровь и насилие, как неизбежные последствия католического прозелитизма, именуемого им как «несение начал христианской жизни» в православное российское крестьянство, каковое христианским он и не считал вовсе. Невольно возникает вопрос, от имени какого Бога выступал фон Ропп. От имени христианского Бога любви и милосердия или иного, требующего жертв и принуждения. Вот как описывал психологию христиан, подобных фон Роппу, католический философ Г. Марсель: «Если я проявляю агрессию, это неизбежно будет иметь последствия... Я действую вопреки собственным интересам, стремясь удовлетворить собственную жажду прозелитизма; или, если говорить более серьезно, я являюсь служителем Бога, требующего жертв, единственная цель которого – покорять и поработать. И именно здесь мы и встречаем ужасное предательство по отношению ко всему предыдущему: я навязываю человеку, которого стремлю обратить в свою веру, неподобающий образ Бога, истолкователем которого я, по собственному утверждению, являюсь»³.

Епископ Эдуард являлся «истолкователем» Бога еще и по высшему сану в церковной иерархии, однако критическая богословская рефлексия, относительно своих действий, которую предлагал Г. Марсель, была явно не характерна для этого католического архипастыря.

Впервые предложение об увольнении фон Роппа с Виленской кафедры и его переводе в одну из удаленных от Северо-Западного края епархий высказал в марте 1906 г. министру внутренних дел П. Н. Дурново генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий. Он полагал, что указанная мера явилась бы «наиболее действительным средством» лишения барона Роппа возможности заниматься политикой, имея в виду организацию епископом Конституционно-католической партии. Однако новый министр внутренних дел П. А. Столыпин в июне 1906 г. отклонил предложение генерал-губернатора.

П. А. Столыпин считал, что вопрос об увольнении епископа фон Роппа утратил в это время свою актуальность, так как центр политической борьбы переместился в Государственную Думу, «...а влияние отдельных местных партий едва ли может быть настолько сильно, чтобы с ним приходилось считаться правительству»⁴. К тому же правительство учло то обстоятельство, что сам епископ «выразил глубокое сожаление о том, что выступил в качестве инициатора конституционно-католической партии»⁵.

Трудно сказать, насколько искренним было покаяние этого незадачливого церковного политика, в трудный для правительства час выдвигавшего требования передачи управле-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 157. Л. 29 об.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 22 об.

³ Права человека и религия: хрестоматия / сост. и науч. ред. игумен В. Новик. М., 2001. С. 27.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 395. Л. 118.

⁵ Там же. Л. 114.

ния Северо-Западным краем «в опытные и честные руки, в случае дальнейшей дезорганизации и окончательной потери авторитета существующими должностными лицами»¹. Подобные безответственные заявления играли, безусловно, провокационную роль. Они только осложняли положение администрации, которая в трудных условиях нарастающего революционного насилия и общественного хаоса боролась за сохранение законности, правопорядка и безопасности граждан. Призыв к передаче государственной власти группе местных польских деятелей подрывал авторитет государства в глазах местного населения и не мог не способствовать нарастанию революционной анархии в конце 1905 – начале 1906 г.²

Упорное нежелание епископа действовать в рамках законности и государственной дисциплины вынудило правительство согласиться с мнением К. Ф. Кршивицкого о перемещении фон Роппа на другую кафедру. В январе 1907 г. принятое МВД решение о переводе фон Роппа с Виленской кафедры в Келецкую было одобрено императором. Об этом решении была уведомена и Римская курия. В ответ фон Ропп «решительно» отказался выполнить требования императорского правительства. В свою очередь Папский престол «не счел себя вправе настаивать на принятии бароном Роппом указанного предложения»³.

Столкнувшись с очередным неповиновением епископа, П. А. Столыпин в докладе императору высказал предложение об увольнении епископа с Виленской кафедры, не лишая, впрочем, последнего права выбора другой кафедры. На основании доклада последовало высочайшее повеление о приглашении фон Роппа в Петербург в начале августа 1907 г. П. А. Столыпин предложил епископу перевод в другую епархию со сплошным католическим населением, где бы возбуждаемая им национальная рознь не имела бы столь благоприятной почвы, как в Виленской епархии. В качестве варианта предлагалось также добровольно оставить Виленскую кафедру приемлемым для епископа способом. Однако в течение полуторамесячного срока официального ответа от барона фон Роппа так и не поступило. Тогда 1 октября 1907 г. последовал высочайший указ о его увольнении с Виленской кафедры⁴.

Мотивы, вынудившие правительство к принятию столь решительных мер в отношении этого политизированного епископа, были представлены общественному мнению. Вот как выглядела официальная точка зрения на увольнение фон Роппа: «Означенная мера, объявленная именным высочайшим указом Правительствующему Сенату в первый день сего октября, явилась последствием того политического характера, который приняла деятельность названного лица. Епископ есть духовный пастырь вверенной ему епархии, а потому всякое вмешательство его в политику являет собой прямое нарушение его долга.

Между тем еще в конце 1905 г. епископ Ропп выступил в качестве организатора Конституционно-католической партии для Литвы и Белоруссии, в основу коей была положена программа, находящаяся, по своим задачам, вне сферы церковных отношений, не только не согласная с взглядами правительства, но отчасти и направленная к борьбе с оным. Затем в пастырском послании своем от 29 сентября минувшего года к римско-католическому населению Виленской епархии епископ барон Ропп допустил ряд выражений, возбуждающих в его пастве недоверие как к правительству, так и к окружающему православному

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 395. Л. 113 об.

² Так, виленская городская дума, состоявшая «исключительно из польского элемента», должна была стать исполнителем программы Конституционно-католической партии. В этой думе неоднократно поднимался вопрос о прекращении финансирования полиции из городского бюджета. И это делалось в то время, когда террористы из еврейских левых организаций дестабилизировали ситуацию в городе и войска залпами вынуждены были разгонять разбушевавшиеся толпы. См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 59. Л. 17 об; Ф. 102. Оп. 233. Д. 1350. Ч. 4. Л. А. Л. 2–5.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1903. Д. 583. Л. 60.

⁴ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2836. Л. 106.

населению. В частности, затрагивал вопрос об отношении католиков к правительственной школе, епархиальный начальник высказался в том смысле, что эти школы не могут приносить какой-либо пользы ввиду различия в вере учителей и учеников.

Наконец, в особенности за последнее время полученными правительством сведениями, выяснилось, что деятельность барона Роппа приняла узконационалистическую окраску, будучи направлена к ополячению литовской и белорусской народности Северо-Западного края, чем и вызвала раздражение их национального самосознания.

Этому обстоятельству правительство не могло не придать самого серьезного значения, так как при том положении, в коем находится Северо-Западный край, возбуждение в нем духовенством еще и национальной вражды между отдельными народностями не может не быть признано совершенно недопустимым»¹.

Далее события развивались по сценарию, отчасти предсказанному К. Ф. Кршивицким. Некоторые представители католического духовенства епархии, собравшись в конце августа в Вильно на реколлекции, начали сбор подписей под петициями в защиту епископа фон Роппа «как невинной жертвы произвола русской гражданской власти». Эти прошения были адресованы на имя министра внутренних дел П. А. Столыпина и Папы Римского Пия X. Однако на судьбу фон Роппа протесты духовенства никакого влияния не оказали². Как выяснилось, недоволен действиями фон Роппа в России был и Апостольский престол. По словам близкого епископу французского священника Кенара: «Самым тяжелым для фон Роппа было то, что настаивать на его отставке начали даже в Риме»³.

5. Продолжение борьбы за «природный» язык преподавания католического Закона Божьего

С увольнением Виленского епископа действие изданного им распоряжения от 22 августа 1905 г. продолжало сказываться на практике определения языков преподавания Закона Божьего в народной школе. Преемник его на кафедре прелат К. Михалькевич формально отменил циркуляр фон Роппа. Однако это решение не привело на деле к точному исполнению правил от 22 февраля 1906 г. со стороны духовенства и мирян Виленской епархии. Поэтому администрация учебного округа и местные губернаторы должны были бдительно следить за попытками неправомерного использования польского языка в преподавании Закона Божьего для этнических белорусов и малороссов в подведомственных ей шести губерниях Западного края.

Например, в Витебской губернии часть римско-католического духовенства продолжала следовать требованиям циркуляра прелата Денисевича, а не правилам от 22 февраля 1906 г. Витебский губернатор Б. Б. Гершау-Флотов в январе 1908 г. сообщал П. А. Столыпину: «В Люцинском уезде, главным образом в южной его части, населенном преимущественно белорусами, в последние годы римско-католическое духовенство, действующее, по имеющимся сведениям, согласно указаниям высшей духовной власти, преподает Закон Божий в народных училищах ученикам-католикам на польском языке, хотя дети, за малыми исключениями, польским языком не владеют и говорят по-белорусски». Губернатор

¹ Прибавление к Церковным Ведомостям. 1907. № 42. С. 1830–1831.

² Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 14. С. 282; ЛГИА. Ф. 378. Оп.1907. Д. 384а. Л. 6, 8.

³ Венгер А. Рим и Москва. 1900–1950. М., 2000. С. 32.

усматривал в действиях ксендзов «явное стремление к полонизации коренного белорусского населения Витебской губернии»¹.

В Северо-Западном крае контроль за соблюдением правил от 22 февраля оказался более настойчивым и эффективным. В частности, в июле 1910 г. попечитель учебного округа Г. В. Левицкий отказал прелату Михалькевичу в разрешении преподавать в Песковском народном училище Гродненской губернии Закон Божий на польском языке, который избрали родители учеников. Попечитель указывал прелату, что, согласно п. 2 правил от 22 февраля 1906 г., обучение должно производиться на *родном*, а не *избранном* языке учащихся. Выяснилось, что родители, подавшие заявления о преподавании на польском языке, были этническими белорусами и природным своим языком считали язык белорусский.

Аналогичный отказ получили крестьяне Коссовской волости Слонимского уезда Гродненской губернии. По данным, собранным попечителем округа, все учащиеся Коссовского училища были этническими белорусами, а не поляками. Из лиц, подписавших прошение о польском языке преподавания, менее половины были родителями и родственниками учеников, остальные оказались посторонними лицами². Таким образом, только своевременные действия чиновников учебного округа могли своевременно пресекать настойчивые попытки католиков непольского происхождения обеспечить своим детям преподавание Закона Божьего на польском языке. Для этнических белорусов и малороссов легальный путь к такому обучению был закрыт правилами от 22 февраля 1906 г., которые предоставляли им возможность изучать Закон Божий либо на русском, либо на родном языке своей «народности».

Настойчивость руководства Виленского учебного округа в соблюдении государственной интерпретации п. 14 указа о веротерпимости в преодолении практических последствий циркуляра фон Роппа привела к известной растерянности среди католического духовенства. Законоучители стали обращаться к управляющему епархией Михалькевичу с просьбами о разъяснении, на каком языке следует преподавать Закон Божий в учебных заведениях. В ответ прелат Михалькевич 27 января 1911 г. издал циркуляр духовенству Виленской епархии, в котором обязывал ксендзов-законоучителей выполнять установленные правилами от 22 февраля 1906 г. государственные требования к определению языка преподавания³. Однако, несмотря на меры, предпринимаемые руководством епархии для нормализации преподавания Закона Божьего в народных училищах, позитивные перемены происходили довольно медленно.

К маю 1912 г. департамент духовных дел МВД располагал сведениями, что в 46 народных училищах Гродненской губернии католический Закон Божий вообще не преподавался. Причины усматривались в том, что ксендзы, «ссылаясь на циркулярное распоряжение б. Виленского р-к епископа барона Роппа о преподавании означенного предмета на польском языке, отказываются, вопреки требованиям указа от 17 апреля, преподавать Закон Божий на природном языке учащихся»⁴. Управляющий епархией прелат Михалькевич вынужден был оправдываться перед МВД, заявляя, что отсутствие преподавания Закона Божьего в ряде училищ Гродненской губернии вызвано исключительно организационными причинами и что все духовенство «в точности придерживается» правительственных узаконений, имея в виду п. 14 указа о веротерпимости⁵. Уверения прелата в точном выполнении духовенством указа от 17 апреля не выглядят убедительными. Расхождение между словами управляющего епархией и реальным положением дел в ней было замечено при проведении ревизии епархиального управления. М. А. Лозина-Ло-

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47449. Л. 2.

² ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 156, 158.

³ Там же. Л. 163.

⁴ Там же. Л. 189.

⁵ Там же. Л. 190.

зинский, проводивший эту ревизию, писал П. А. Столыпину о «двуличной» тактике ксендза Михалькевича «в исполнении настойчивых требований правительства»¹. Указанное замечание можно отнести и к ситуации с преподаванием Закона Божьего на «природном» языке учащихся.

В МВД и МНП по-прежнему поступали сведения о том, что при выборе языка преподавания Закона Божьего «во многих случаях подавались заявления, не соответствовавшие действительности». По словам минского губернатора А. Ф. Гирса: «В вопросе преподавания Закона Божия католикам непольского происхождения польские ксендзы Западного края повсюду стали в оппозицию и закону и правительственным начинаниям, стремящимся обеспечить каждой народности возможность слушать уроки Закона Божия на родном языке. Под воздействием ксендзов и польских помещиков, хорошо понимающих, что язык есть главное выражение народности и главный проводник ее, и что особенно важную роль имеет для народа язык богослужения, в местностях со сплошным белорусским населением родителями подавались письменные заявления, заведомо не соответствующие действительности о польском, будто бы природном языке учащихся»².

Многочисленные нарушения указа от 17 апреля свидетельствовали о том, что Правила от 22 февраля 1906 г. нуждаются в существенной корректировке для того, чтобы обеспечить неукоснительное верховенство закона о веротерпимости над его канонической интерпретацией. Поэтому 27 октября 1912 г. министр народного просвещения Л. А. Кассо, по согласованию с МВД, издал циркуляр, которым отменялся п. 2 правил от 22 февраля 1906 г. и устанавливался новый порядок определения природного языка учащихся.

В циркуляре указывалось, что «в низших учебных заведениях природный язык учащихся определяется лицами, заведующими сими училищами, а в остальных учебных заведениях начальниками сих заведений на основании всех фактических данных, имеющих по сему предмету. Для определения природного языка учащихся (на котором обычно говорят в семье) названные лица обращаются устно или письменно к родителям или опекунам учащихся, проверяя, в случае надобности, их показания в личной беседе с ними или учащимися»³. Тем же циркуляром попечителям учебных округов вменялось в обязанность: «Принять все находящиеся в их распоряжении законные средства для неукоснительного исполнения изложенного правила и практического осуществления преподавания инославного Закона Божия на природном языке учащихся: белорусам на русском, литовцам на литовском, полякам на польском и т. д.»⁴

Как следует из текста, право определения «природного» языка учащихся-католиков предоставлялось теперь школьной администрации, которой вменялось в обязанность достижение максимального соответствия языка преподавания Закона Божьего этническому составу учащихся. Передача исполнения п. 14 указа от 17 апреля представителям министерства народного просвещения должна была упразднить воздействие римско-католического духовенства на выбор, который делала их паства – родители учеников. Эта задача была особенно актуальна для местностей со сплошным (согласно всероссийской переписи 1897 г. и школьной переписи 1911 г.) белорусским населением, от имени которого подавались заявления о польском, будто бы «природном» языке учащихся. С по-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 157. Л. 33 об.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 28.

³ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 229–230.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 28. 21 января 1913 г. 31 депутат IV Государственной Думы, преимущественно социал-демократы и трудовики, предъявили запрос министру народного просвещения по поводу изданного циркуляра, обвиняя его в нарушении указа о веротерпимости. Однако комиссия Государственной Думы признала запрос депутатов подлежащим отклонению, а циркуляр Л. А. Кассо не противоречащим закону. См.: *Чихачев Д. Н.* Вопрос о распоряжении костела в прошлом и настоящем. СПб., 1913. С. 95–97.

мощью новых правил, установленных указом от 17 апреля, «природный» язык преподавания Закона Божьего должен был окончательно вытеснить язык «избранный», введенный каноническими распоряжениями епископа фон Роппа и прелата Денисевича¹.

Появление циркуляра МНП о новом порядке определения этнической идентичности учеников влиятельная виленская газета «Kurjer Litewski» прокомментировала следующим образом: «Новое распоряжение принесет, без сомнения, много хлопот и огорчений польскому населению Северо-Западного края. Не менее тягостно окажется оно и для ксендзов-законоучителей»².

Прогноз, сделанный газетой, начал незамедлительно подтверждаться. После издания правил от 27 октября 1912 г. в департамент духовных дел МВД начали поступать сообщения о том, что ксендзы «в большинстве случаев уклоняются от выполнения требований означенного циркуляра о преподавании Закона Божия на природном языке учащихся». При этом, в оправдание своего образа действий, законоучители ссылались на то, что новое распоряжение МНП им неизвестно и что они не получили соответствующего распоряжения от своего епархиального начальства³. Начавшийся «снизу» бойкот нового циркуляра потребовал оперативного вмешательства правительственной власти. В июне 1913 г. МВД потребовало от руководителей римско-католических епархий Западного края принять необходимые меры для исправления сложившейся ситуации с преподаванием Закона Божьего.

Следуя требованиям МВД, управляющий Виленской епархией прелат К. Михалькевич 17 июля 1913 г. издал распоряжение духовенству, в котором, излагая содержание циркуляра МНП, счел должным дополнительно сообщить: «Независимо от устанавливаемых учебным начальством способов определения родного языка учащихся-католиков, вам, как учителям и служителям народа, родной язык его хорошо известен и поэтому католический законоучитель в деле преподавания истин святой веры должен быть чуждым всяких политических соображений, а иметь в виду лишь нужду и пользу духовную верных и отнюдь не допускать, дабы против воли и желания верных навязывался им язык, которого они в достаточной степени не понимают и не желают»⁴.

В ответ на меры правительства по устранению влияния ксендзов на выбор «природного» языка учащихся, часть польского духовенства Виленской епархии усилила бойкот государственной школы, не желая преподавать Закон Божий ученикам-белорусам на русском языке. В Гродненской губернии ксендзы Макарий Янцевич, Владислав Клямм, Иосиф Пуциловский и Болеслав Лещинский публично агитировали против посещения русской школы детьми своих прихожан. Они убеждали крестьян не подписывать приговоров об отпуске средств на содержание школ и в своих проповедях угрожали прихожанам отрешением от исповеди и св. Причастия в случае непослушания⁵.

Тельшевский епископ г. Цыртовт, получив распоряжение МВД, заявил, что в его епархии «каких-либо недоразумений» в отношении преподавания Закона Божьего на природном языке учащихся не имеется.

¹ Согласно новым правилам, дирекция учебных заведений для того, чтобы точно определить «природный язык» учащихся-католиков, должна была выяснить конфессиональную принадлежность, «природный язык» и «национальность» родителей, а также «обычай и нравы, усвоенные в домашнем быту». См.: НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 8598. Л. 55, 61, 91–92, 99.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 131. Л. 2.

³ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 448. Л. 28–30.

⁴ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2811. Л. 229–230. Совещание по вопросу о борьбе с полонизацией Северо-Западной России, проходившее в МВД в апреле 1914 г., оценило распоряжение прелата Михалькевича как попытку возвращения к прежнему порядку, согласно которому ксендзы при определении языка преподавания должны были руководствоваться желанием родителей, а не решением учебного начальства, определяющим, согласно новым правилам, природный язык учащихся. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 110.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 13.

Однако в данном случае епископ откровенно лукавил, о чем не преминул напомнить ему ковенский губернатор П. В. Веревкин в апреле 1914 г. По сведениям губернатора, в 42 народных училищах Новоалександровского уезда ксендзы отказывались преподавать учащимся-белорусам Закон Божий на русском языке, демонстративно игнорируя тем самым распоряжение МНП от 27 октября 1912 г. Попытка губернатора заставить ксендзов исполнять циркуляр министерства просвещения натолкнулась на пассивное сопротивление епископа. Тогда губернатор потребовал от директора народных училищ Ковенской губернии настоять на исполнении ксендзами требований министерского циркуляра. В противном случае ксендзов следовало уволить от должности законоучителей, поручив преподавание учителям-католикам¹.

Однако спустя почти год ситуация в народных училищах Новоалександровского уезда практически не изменилась. Ксендзы, не считаясь с указаниями дирекции народных училищ, либо преподавали Закон Божий ученикам-белорусам на польском языке, либо вообще отказывались от преподавания этого предмета. Новый Тельшевский епископ Ф. Каревич уверял департамент духовных дел, что «не считает возможным принимать какие-либо меры, заставляющие священников применяться к требованиям циркуляра министерства народного просвещения от 27 октября 1912 г. относительно преподавания Закона Божия учащимся-белорусам римско-католического вероисповедания на русском языке, вопреки желанию родителей». По словам епископа, именно родители требовали от ксендзов преподавания Закона Божьего на польском языке, который они употребляли «в частных молитвах и в добавочном богослужении в костелах»².

Еще более острая ситуация с реализацией новых правил МНП сложилась в Минской губернии. Распоряжение от 27 октября 1912 г. вызвало негодование местного польского общества, а в Государственную Думу потупил запрос от «польского коло» о незаконных действиях МНП, умаляющих, по его мнению, действие указа о веротерпимости. В этой губернии на требование дирекции учебных заведений, обращенное к ксендзам о преподавании Закона Божьего белорусам на русском языке, ксендзы после некоторого колебания почти повсеместно отказались от его исполнения, продолжая уроки на польском языке, или демонстративно вовсе прекратили обучение Закону Божьему белорусов-католиков³.

Новый виток напряженности между МНП и католическим духовенством был поддержан ответными действиями Могилевского римско-католического митрополита Викентия Ключинского. 20 сентября 1913 г. этот католический иерарх разослал подведомственному ему минскому духовенству свой циркуляр, которым практически отменял распоряжения МНП от 27 октября 1912 г. В своем циркуляре митрополит приказывал подведомственному ему духовенству, что «в отношении определения природного языка учащихся, ксендзы обязаны, безусловно, руководствоваться заявлениями их родителей или опекунов»⁴. Тем самым ксендзы вновь получали возможность путем воздействия на родителей вводить в школе «избранный» язык преподавания вместо установленного указом от 17 апреля языка «природного».

Оценивая сложившуюся ситуацию, минский губернатор А. Ф. Гирс писал в январе 1914 г.: «Так доказало римско-католическое духовенство, что интересы польской политики ему ближе интересов религии. Уничтожены попытки правительства в деле располячивания белорусской школы, а населению края дан пример влияния на его судьбы Римско-католической церкви, которое оказалось сильнее влияния правительства»⁵.

¹ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 448. Л. 43, 44.

² Там же. Л. 21–23.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 28.

⁴ Там же. Л. 28 об.

⁵ Там же.

Комментарий А.Ф. Гирса ярко характеризует ту противоречивую ситуацию, в которой оказалось российское правительство. С одной стороны, позитивно оценивая интегративный потенциал указа о веротерпимости, правительство активно разрабатывало и применяло на практике механизмы адаптации нового вероисповедного законодательства, призванного учитывать интересы верующих и духовенства Католической церкви. С другой – оно по-прежнему сохраняло и даже усиливало ориентацию на русско-православный социум Литвы и Белоруссии, препятствуя правовыми и административными средствами практике колонизации белорусов с помощью костела и народной школы. Одновременное сосуществование двух альтернативных подходов, характерных для российской вероисповедной политики, делало затруднительным последовательный учет интересов обеих соперничавших в крае конфессий – православной и католической. Камнем преткновения для правительства стали на этот раз согласования религиозных интересов белорусов-католиков, поддерживаемых частью иерархии и духовенства, с общероссийскими интегративными задачами, которые выполняла государственная школа.

Впрочем, МВД без драматизма отреагировало на очередной подъем протестного поведения католического духовенства, отказывавшегося преподавать ученикам Закон Божий на русском языке. Накануне Первой мировой войны министр внутренних дел Н. А. Маклаков в Записке «О деятельности католического духовенства, направленной на подчинение населения Западного края польскому влиянию и о мерах борьбы с этими влияниями» отнесся к этим явлениям прагматически расчетливо. Он писал: «Хотя введение этих правил (27 октября 1912 г. – А. Б.) вызывает в большинстве случаев отказ духовенства от преподавания Закона Божия, тем не менее министерство находило предпочтительнее выждать перемены настроения духовенства, чем допускать опоячение учащихся путем преподавания русским ученикам (белорусам и малороссам) Закон Божий по-польски»¹.

6. Тайное обучение: новый виток развития и реакция правительства на процесс попони́зации белорусов

Предусмотренное указом от 17 апреля преподавание Закона Божьего на природном языке учащихся в его светской, а не религиозной интерпретации вызвало на практике недовольство католического епархиального начальства, духовенства и части мирян. Они предпочитали видеть критерием «природности» языка утвержденное авторитетом Папского престола использование его в молитвах и дополнительном богослужении, а не в семейном общении. Однако надежды сторонников распространения польского языка среди этнических белорусов с помощью государственной школы не оправдались. Тогда в качестве практического выхода из сложившейся ситуации часть католического духовенства и мирян вновь прибегла к испытанной ранее противоправной практике – созданию тайных польских школ. Толчком к росту этого нелегального движения стали законодательные акты правительства. По донесениям полиции, ксендзы и миряне истолковали указ от 17 апреля и последовавший за ним Манифест от 17 октября как свободу открывать «без всякого разрешения школы и учить в них детей Закону Божьему на польском языке»².

Так, например, в январе 1906 г. В Слуцком уезде в местечках Клецк и Ляховичи Минской губернии полиция обнаружила тайные польские школы, в которых обучение молитвам и катехизису производилось мирянами «под наблюдением ксендза В. Гераси-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп.150. Д. 150. Л. 8.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 343. Л. 53 об.

мовича». Виновные в организации незаконного обучения С. Пласковицкая и О. Домашевич, на основании правил от 3 апреля 1892 г., были приговорены губернатором П. Г. Курловым: первая – к штрафу в 100 рублей с заменой в случае неплатежеспособности арестом на 1 месяц; вторая – к штрафу в 300 рублей или к аресту сроком на 3 месяца. По распоряжению губернатора, арестованные были отпущены на свободу раньше установленного срока. Католики Клецка обратились с прошением к председателю Совета Министров С. Ю. Витте о разрешении им продолжить обучение детей основам римско-католической веры в закрытой полицией школе с приглашенным для этой цели учителем, было отклонено. Правительство предложило католикам воспользоваться легальным способом обучения. Просителям напомнили, что в местечке имеется народное училище, в котором их дети могут обучаться бесплатно, а в качестве законоучителя может быть приглашен тот же ксендз Герасимович¹.

Однако ксендза предлагаемый государством вариант решения проблемы обучения детей основам веры не устраивал. Несколько позже он сам организовал школу, в которой дети обучались Закону Божьему на польском языке. Местная полиция начала требовать от Герасимовича прекратить недозволенные занятия, а из канцелярии губернатора пришло разъяснение, что «произвольное открытие школ законом не допускается». Школа была закрыта, а жалобы ксендза на действия полиции были оставлены «без последствий»².

В Гродненской губернии, после издания Манифеста от 17 октября 1905 г., открытые по инициативе крестьян-католиков тайные польские школы были обнаружены полицией в 8 деревнях Гродненского, Волковысского, Сокольского и Бельского уездов. В этих же уездах открытие 9 тайных польских школ произошло при содействии католического духовенства. Несмотря на резкий рост правонарушений в этой области зимой 1905–1906 гг., администрация все же не торопилась применять к виновным крестьянам предусмотренные законом меры наказания. Исключение в этом отношении составляли только ксендзы.

Гродненский губернатор Ф. А. Зейн в письме генерал-губернатору К. Ф. Кршвицкому 22 августа 1906 г. предложил не применять к крестьянам, виновным в открытии тайных польских школ, наказаний, предусмотренных Правилами от 3 апреля 1892 г. В то же время Ф. А. Зейн считал необходимым по отношению к ксендзам, которые руководили открытием этих школ и вина которых была доказана расследованием, «применить строгую меру взыскания»³. Но, как выяснилось, от предложенных губернатором «строгих мер» пришлось вскоре отказаться.

Правительство, продолжая начатую указом от 12 декабря 1904 г. политику демонтажа системы ограничительного нормотворчества, 24 августа 1906 г. отменило действие Правил от 3 апреля 1892 г. о взысканиях за тайное обучение в губерниях Западного края⁴. Утвержденное императором решение восстанавливало действие статей 1049 и 1051 Уложения о наказаниях, которые предусматривали незначительные наказания за противоправную педагогическую деятельность. Правила от 3 апреля 1892 г., позволявшие использовать административную власть в качестве инструмента борьбы с распространением тайного обучения, преследовали цели политического характера – пресечение польской пропаганды в форме религиозного обучения. Теперь же, после 24 августа 1906 г., в распоряжении администрации остались только те правовые инструменты, применение которых в свое время было признано нецелесообразным, что, собственно, и привело к появлению Правил от 3 апреля 1892 г.

Как отмечал в своей записке полковник А. Г. Загряжский: «Таким образом, вопрос о борьбе с полонизацией населения при помощи тайных школ и обучения возвратился к

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 2552. Л. 12, 16.

² НИАБ. Ф. 295. Оп.1. Д. 7494. Л.18.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1906. Д. 343. Л. 84.

⁴ Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1906 г. Вильна, 1906. С. 567.

такому положению, при котором не существует ни закона, карающего польскую пропаганду при помощи тайного обучения, ни административных правил, а следовательно, вести эту пропаганду фактически разрешается»¹.

Иными словами, правительство, восстановив силу указанных выше статей Уложения о наказаниях (заметим, что ст. 290 нового Уголовного уложения 1903 г. так и не была введена в действие), вновь *деполитизировало* область правонарушений, связанную с тайным польским обучением. С правовой точки зрения указ от 17 апреля, разрешавший преподавание Закона Божьего на «природном» языке учащихся, и Правила МНП, конкретизировавшие его применение, казалось, должны были исключить или, по крайней мере, существенно ослабить потребность католического населения в тайных формах обучения. Но, как уже отмечалось выше, практика правоприменения оказалась иной. Правовые инструменты, предложенные правительством для примирения религиозных интересов католического населения с государственными, вместо ожидаемого эффекта согласования и сотрудничества, стали порождать явления противоправного характера.

Католическое духовенство и миряне, не удовлетворенные теми возможностями обучения детей Закону Божьему на польском языке, которые предоставляли Правила МНП от 22 февраля 1906 г., начали вновь предпринимать попытки создания школ для обучения польскому языку и римско-католическому катехизису. Следует отметить, что вначале эти попытки были легальными. Католические священники пытались организовать в своих приходах начальные формы религиозного обучения на польском языке либо явочным порядком, либо обращаясь за разрешением к губернской администрации. Однако на эти обращения следовал официальный отказ, так как католическое духовенство по-прежнему не имело права самостоятельно организовывать приходские школы при костелах без выполнения требований, предусмотренных российским школьным законодательством².

В этом отношении правительство заняло довольно жесткую позицию, считая, что «открытие римско-католических учебных заведений, в частности учреждение их римско-католическими священниками и церквями, признается МВД нежелательным, так как препятствует сближению учащихся католического исповедания с русскими православными в общих для всех национальностей и вероисповеданий школах, развивает в них католические клерикальные взгляды и создает, таким образом, кадры людей, чуждающихся России и русских»³.

Изданный 1 октября 1906 г. указ о частных учебных заведениях также не предусматривал организацию учебных заведений с преподаванием на польском языке в Северо-Западном крае⁴. Поэтому появление тайных польских школ стало практически неизбежно.

Витебский губернатор Б. Б. Гершау-Флотов в отчете за 1908 г. сообщал императору Николаю II о том, что «после всемилостивейшего дарования населению империи свободы совести, ничтожная, сравнительно с общим числом жителей губернии, часть поляков, во главе с римско-католическим духовенством, усиленно начала ополячивать коренное белорусское население, принадлежащее к латинской церкви, и совращать в католицизм православных белорусов. В отчетном году в губернии было обнаружено несколько тайных польских школ, открытых ксендзами при материальном содействии некоторых помещиков-поляков. В этих школах обучались наряду с католиками и дети православных белорусов». Губернатор, сообщавший об этих фактах, сетовал на то, что «за отменой в 1906 г. Правил от 3 апреля 1892 г. учредители и учителя этих тайных школ были привлечены к судебной ответственности по обвинению в деяниях, предусмотренных 1049 и 1051 статьями Уложения о наказаниях. К сожалению, ничтожность уголовной репрессии по этим статьям

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1911. Д. 45. Л. 230 об.

² ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2810. Л. 16–17.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 11 об.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7494. Л. 18, 25.

(денежный штраф в селениях не свыше 5 рублей, с заменой в случае несостоятельности арестом на 1–2 дня) никакого устрашающего значения иметь не могут. По закрытии тайных школ и уплате виновными определенного судом штрафа, в той же местности были вновь обнаружены такие же школы»¹.

В качестве примера можно привести организацию тайных польских школ в Шатиловском приходе Полоцкого уезда, которые в течение трех лет «вели пропаганду католичества и полонизма». По сообщению епископа Полоцкого Серафима, «школы содержались на средства помещицы Т. Глушаниной. Учительницы этих школ девотки Ева Пацевич и Станислава Станкевич заманивают конфетами и баранками в свои школы и православных детей, внушая им не ходить в церковь и церковноприходские школы. Хотя деятельность этих тайных учительниц осуждена окружным судом, присудившим их к штрафу, но штраф не остановил их, и тайные школы в Шатиловском приходе имеются и в настоящее время»². Указывая на «огромное зло, причиняемое тайными польскими школами», Гершау-Флотов предлагал императору «значительно увеличить уголовную ответственность за открытие их и привлечение к обучению православных»³.

Сообщение витебского губернатора о действиях католического духовенства по ополчанию «коренного белорусского населения» вызвало негативную реакцию Николая II. Его отметка, сделанная на отчете, гласила: «Обращаю серьезнейшее внимание на это скверное и недопустимое явление»⁴. Тем не менее император не счел нужным политизировать проблему и прибегать к ужесточению уголовных репрессий за нелегальное школьное обучение.

Однако администрация на местах думала иначе. К аналогичному выводу, как и витебский губернатор, пришел полковник А. Г. Загряжский, подготовивший летом 1911 г. по требованию департамента духовных дел МВД записку «О мерах борьбы с тайным обучением в Северо-Западном крае». По его мнению, при подготовке законопроекта по борьбе с тайным обучением правительство должно учитывать, что «действительная причина распространения тайного обучения заключалась в том, что школы эти преследовали всегда антиправительственные цели...

В Северо-Западном крае, утверждал полковник, правительство борется не с народом, который является только объектом борьбы, а с небольшой группой польского общества и римско-католического духовенства, поставившим себе задачей отделения Северо-Западного края от коренного населения России путем полонизации. Противник этот считает все средства борьбы доступными, поэтому низость приемов борьбы и наглость домогательств его не имеют себе равных. В борьбе с таким противником сентиментальность и уступки недопустимы не только в отношении самого противника, но и в отношении объекта борьбы... Все это вынуждает раз и навсегда отказаться от каких-либо уступок, даже по-видимому самых ничтожных, как сделали это наши более культурные и более политически зрелые немцы... Возвратиться к исключительным для Северо-Западного края законам несомненно придется, утверждал А. Г. Загряжский... Или раз навсегда надо отказаться от мысли считать Северо-Западный край искони русским, или преследовать ополчение этого края всеми возможными способами». В этой связи полковник предлагал МВД существенно увеличить штрафы за тайное обучение, рассчитывая, что в таком случае население начнет более охотно принимать материальное участие в открытии правительственных школ разных типов⁵.

В подтверждение положений, выдвинутых в упомянутой записке А. Г. Загряжского, администрация губерний предоставила в департамент статистические сведения, позво-

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47382. Л. 39 об.

² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47654. Л. 2.

³ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47382. Л. 40.

⁴ Там же. Л. 46 об.

⁵ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1911. Д. 45. Л. 243–244.

ляющие сравнить динамику роста тайных школ в периоды действия административных наказаний и судебных решений на основании статей 1049 и 1051 Уложения о наказаниях.

По сведениям администрации края, в трех губерниях – Виленской, Ковенской и Гродненской – с 1892 по 1907 г. было обнаружено 394 школы, в которых обучались 3153 ученика. Резкое уменьшение суммы штрафов за тайное обучение значительно изменило динамику правонарушений. Так, за период с 1908 по 1910 г. в этих губерниях было раскрыто 153 школы, в которых обучались 2307 учеников. Обучение в этих школах, сосредоточенных в основном в Виленской и Гродненской губерниях, осуществлялось в абсолютном большинстве случаев на польском языке, и только часть учеников обучалась на еврейском, литовском, жмудском и русском языках¹.

Негативное отношение к санкционированному императором восстановлению правовых методов борьбы с тайным обучением высказал минский губернатор А. Ф. Гирс. Он считал, что «самым тяжелым ударом для русского дела в крае была отмена закона от 3 апреля 1892 г. Этот закон удерживал поляков от стремления навязать белорусскому населению польскую грамоту, а вместе и с ней польское национальное самосознание. Польское духовенство, поддерживаемое богатым поместным польским классом, решило использовать удобный момент и энергично принялось за распространение польской грамоты при помощи тайных польских школ. Цель тайной польской школы, как ясно означено в программе кружка польских патриотов в Вильно, – «воспитать в народе польскую душу и польское сердце». Цель эта в тайных школах достигается двумя путями: выставление бывшего польского государства в ореоле мученичества, героизма и святости, и выставлением русского правительства в роли свирепого и беспощадного варвара, загубившего польское государство и стремящегося загубить и польскую веру»².

О том, насколько эффективным было судебное преследование ксендзов, обвиняемых в организации тайных школ, красноречиво свидетельствует дело ксендза П. Барановского. В декабре 1909 г. ксендз был обвинен по ст. 1049 Уложения о наказаниях Минским окружным судом за то, что открыл в Несвиже тайную школу польской грамоты. Решением суда Барановский был оправдан. Спустя полгода тот же ксендз, пользуясь полной безнаказанностью, открыл уже три тайные школы. Расследование подтвердило виновность Барановского. В этой ситуации у П. А. Столыпина, как министра внутренних дел, оставалась единственная возможность прервать противоправную деятельность ксендза – наказать его в административном порядке. В июне 1910 г. министр, на основании ст. 17 Устава иностранных исповеданий, потребовал от митрополита Ключинского уволить ксендза Барановского от занимаемой должности³.

Убедившись в неэффективности действия статей 1049 и 1051 Уголовного уложения, предшественник А. Ф. Гирса, минский губернатор Я. Е. Эрдели 11 августа 1910 г. издал распоряжение, в соответствии с которым как учредители тайных школ, так и те, кто содействовал их открытию, подлежали денежному взысканию до 500 рублей или аресту до 3 месяцев⁴.

Восстановление административных методов борьбы с тайным обучением произошло и в Гродненской губернии. П. М. Боярский, управлявший губернией в 1912 г., в записке «О колонизации белорусского населения Гродненской губернии», направленной в МВД, писал о том, что с 1908 г. на территории губернии было обнаружено 36 тайных школ со значительным числом учащихся. «В этих школах, открытие и содержание которых обставлено с особой таинственностью и неуловимостью для местной правительственной власти, ксендзы являются полновластными хозяевами и достигают в деле воспитания детей в

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1911. Д. 45. Л. 311, 313, 358.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 25 об.

³ Там же. Л. 240.

⁴ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 417.

польско-патриотическом духе желательных для них успехов. Число этих рассадников полонизма заметно уменьшается только в тех пунктах губернии, – отмечал М. П. Боярский, – в которых взыскания за тайное обучение налагаются в административном порядке»¹.

Следует отметить, что администрация, помимо целей воспитания польского самосознания, усматривала в деятельности тайных школ и мотивы сугубо клерикального характера. В частности, М. А. Лозина-Лозинский в июне 1911 г. сообщал П. А. Столыпину о том, что центром всего нелегального польского обучения является иезуитское общество в Кракове, которое покрыло тайной сетью школ весь Северо-Западный край. Ссылаясь на информацию жандармерии, он утверждал, что целью этой организации является подготовка учащихся-мальчиков к духовному служению, последним этапом которой служат католические семинарии. Отсюда делался вывод, что «хорошо организованная сеть тайных школ имеет целью воспитание будущих ксендзов»². Воспитание, разумеется, в духе польской католической традиции.

Ярко выраженная динамика роста тайного польского обучения потребовала нового осмысления этой проблемы и поиска адекватных решений на правительственном уровне. В этой связи новый министр внутренних дел А. А. Макаров в 1912 г. начал разработку программы действий, которая предполагала комплекс мер, направленных «к развитию в белорусском населении русского национального самосознания». Министр предлагал, наряду с действующими мерами борьбы «в виде уголовно судебной репрессии», противопоставить «тайной польской школе правильно оборудованную и доступную массам населения русскую школу, как правительственную, так и частную, а наряду с этим организовать в широкой мере внешкольную просветительную деятельность на русских национальных окраинах»³.

Разработанная министром программа действий МВД сохраняла преемственность с прежним политическим курсом в отношении местного католичества. Вместе с тем для нее были характерны и принципиальные новшества, которые можно охарактеризовать как прагматичные и соответствующие духу указа о веротерпимости. Предлагаемые инновации отличались широтой поставленных задач и не укладывались в узкие рамки предложений местной администрации об ужесточении наказания за организацию тайного обучения. Свой подход к религиозно-этнической политике А. А. Макаров сформулировал так: «Воздействие польских начал, проводником которых в белорусском населении служит, как и прежде, помещичья усадьба, польский костел и тайная школа, продолжается по настоящее время. При таких условиях на правительстве лежит долг наряду с деятельностью местных русских общественных организаций всемерно содействовать поддержанию и дальнейшему развитию сознания в белорусских массах кровной и культурно-исторической близости к России». Конкретным выражением такого содействия становилась «национализация русской народной школы, в которой внимание главным образом должно быть уделено развитию русского национального самосознания у подрастающего поколения белорусов, как отрасли единого русского племени»⁴. На этот раз поставленную задачу – «парализовать влияние польского костела и тайного польского обучения» на формирование польского этнического самосознания белорусов-католиков предполагалось решать на пути приоритетного развития интеграционных образовательных процессов.

В этой связи предусматривалась принципиально иная тактика достижения стратегической цели правительства в Западно-Русском крае. «Располячение костела» необходимо было тесно увязывать с решениями таких сложных вопросов, как реорганизация учебно-воспитательного процесса в Виленской духовной семинарии, введение русского языка в

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 14 об.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 157. Л. 153.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 2–3.

⁴ Там же. Л. 2.

дополнительное богослужение и преподавание на этом языке Закона Божьего. По мнению министра: «Постепенное осуществление этих мероприятий требует, несомненно, продолжительного времени, так как крутая ломка сложившегося уклада жизни без деятельного участия самого населения, как показал опыт минувших лет, не может привести к благоприятным результатам. Необходимо целесообразными мерами подготовить белорусское население, исповедующее р-к веру, к тому, чтобы оно, подобно литовцам, само заявило р-к духовенству и Папскому престолу настойчивое требование о своих национальных правах в церковной жизни, а следовательно, и о введении русского языка в богослужение»¹.

В данном случае министр продемонстрировал понимание неэффективности прежних сугубо бюрократических способов решения проблем, задевавших и травмировавших в свое время религиозные и этнические чувства множества католиков. Однако связанная с этим необходимость поиска и разработки конкретных, основанных на инициативе «снизу» способов достижения политических целей правительства представлялась пока еще в качестве ближайшей перспективы. Во всяком случае, самому А. А. Макарову, оставившему свой пост в декабре 1912 г., реализовать свой политический проект не удалось.

Нельзя сказать, что министр в своих высказываниях о необходимости формирования самосознания католиков Литвы и Белоруссии по принципу *я – католик, я – белорус, и я – русский* и реализации «национальных прав» белорусов в костеле был оригинален. Эти мысли, сформированные в русле политики системного обрусения края и практики правоприменения указа от 25 декабря 1869 г., высказывались и ранее представителями местной администрации и русской общественности. В частности, генерал-губернаторами Северо-Западного края П. Д. Святополк-Мирским, А. А. Фрезе и К. Ф. Кршивицким, виленским губернатором Д. Н. Любимовым, А. В. Белецким и др.

Однако теперь проект формирования белорусского этнического самосознания католиков на основе множественной идентичности приобретал статус централизованной государственной политики деполонизации костела. Его принципиальные положения получили преэминентность и вошли в программу действий Н. А. Маклакова, преемника Макарова на посту министра внутренних дел.

Самому же Макарову предстояло большей частью решение повседневных дел по регуляции взаимоотношений с Католической церковью, включая и рассмотрение претензий католического епископата к нормотворческой и административной деятельности МВД. Проблема борьбы с ростом тайного польского обучения оказалась связанной с борьбой за расширение прерогатив епископской власти.

Римско-католические епископы Могилевской митрополии, собравшиеся на совещание в Санкт-Петербурге 20 октября 1911 г., указывали на трудности, которые испытывало католическое духовенство в обучении детей Закону Божьему. Епископат отмечал нехватку законоучителей в митрополии и обращал внимание министра внутренних дел на сложности, вызванные установленным порядком, когда инициатива в деле замещения законоучительных должностей была представлена школьной администрации. Это право, установленное законом, было подтверждено циркуляром МВД от 3 сентября 1911 г.² По мнению епископов, начальники учебных заведений, хотя им и принадлежало право выбора законоучителей, «никогда или крайне редко обращаются к римско-католическому духовенству с предложением занять законоучительскую должность. При подобном нерадении учебных властей, – подчеркивали епископы – необходима инициатива духовного начальства. В противном случае молодое поколение рискует остаться вовсе без религиозно-нравственного воспитания»³. Однако А. А. Макаров категорически отказал

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 2.

² РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 290.

³ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 26–27.

епископату в предоставлении духовным властям решающего голоса в назначении законоучителей в учебные заведения империи. В качестве компромисса министр предложил епископам заранее сообщать училищному начальству списки кандидатов на законоучительские должности¹.

Лишение иерархии инициативы «сверху» в осуществлении кадровой политики в области преподавания Закона Божьего, а также отсутствие католических церковноприходских училищ продолжало частично компенсироваться нелегальной инициативой «снизу» в форме продолжения организации тайных польских школ. Существованию этой противоправной традиции способствовало возникшее противоречие между религиозным и светским подходами в определении «природного» языка преподавания Закона Божьего. Народные училища, в силу указанных причин, не могли обеспечить всех детей-католиков знаниями Закона Божьего, так как часть ксендзов бойкотировала преподавание этого предмета на русском языке, настаивая на применении польского. Поэтому для радикальных сторонников польской католической традиции, действовавших в непольской этнической среде, тайные школы по-прежнему оставались инструментом религиозно-этнического воспитания юного поколения белорусов-католиков.

7. Противоречия между правительством и католической иерархией и духовенством по вопросам религиозного воспитания и обучения католиков

Жесткая позиция МВД, занятая в вопросе о приоритете школьной администрации в подборе кадров католических законоучителей, становится понятной, когда речь о характеристиках некоторых ксендзов, призванных к преподавательской и пастырской деятельности. Например, в Минской губернии за пропаганду религиозно-этнической нетерпимости в 1905 г. был отстранен от должности законоучитель учебных заведений Бобруйска известный уже нам ксендз В. Миржвинский. Упомянутый ранее ксендз Рошицкого костела Режицкого уезда Витебской губернии Федор Куликовский в том же 1905 г. во время урока Закона Божьего в Сарьянском народном училище открыто порицал православную веру².

В октябре 1906 г. минский губернатор Я. Е. Эрдели сообщил директору народных училищ губернии, что не может допустить ксендза Иосифа Скаковского к преподаванию Закона Божьего в народных училищах Минского уезда. Ксендз обвинялся в русофобии, нетерпимости к православию и пропаганде польского национализма. В 1908 г. этот ксендз, согласно данным расследования, агитировал местных крестьян-католиков против открытия в д. Полоневичи Минского уезда государственной русской школы, за что и был, по решению МВД, отстранен от должности настоятеля в июне 1909 г.³

Тот же губернатор Эрдели в октябре 1906 г. отказал директору народных училищ Минской губернии и попечителю Виленского учебного округа в назначении ксендза Казимира Ваньковича законоучителем в народных училищах и железнодорожных училищах м. Барановичи в связи с тем, что «ксендз Ванькович, будучи ярким фанатиком, враждебно относится ко всему православному, внушил католикам своего прихода избегать общения с православными под страхом отлучения от Римско-католической церкви, вселил

¹ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 39.

² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47622. Л. 79 об.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7288. Л. 18, 20, 27.

между теми и другими вражду, доходящую до драк, и вообще наэлектризовывает одну часть населения против другой»¹.

21 июня 1909 г. в Медведичском костеле Слуцкого уезда Минской губернии воспитанник императорской римско-католической духовной академии Иосиф Вержбицкий произнес проповедь, содержащую в себе призыв к открытию тайных польских школ и оказании противодействия правительственной власти, в случае закрытия таковых. Обвинение Вержбицкого в антиправительственной проповеди было подтверждено проведенным расследованием. Возмущенный поведением Вержбицкого, П. А. Столыпин предложил управляющему Могилевской архиепархией епископу С. Денисевичу запретить этому воспитаннику после окончания академии занимать приходские должности².

О неоднократных проявлениях нетерпимости к православным со стороны полоцкого декана Л. Барановского сообщал в МВД в начале 1914 г. витебский губернатор М. В. Арцимович. Этот ксендз, будучи законоучителем Полоцкого кадетского корпуса, кощунственно отзывался о православных храмах, запрещал кадетам-католикам принимать участие в общих с православными молитвах и требовал от них не посещать пригородный Спасо-Евфросиньевский монастырь. На этом основании губернатор считал «целесообразным и весьма желательным» ходатайствовать перед МВД об удалении ксендза Барановского, как «польского фанатика», за пределы Витебской губернии³.

Противоправные действия отдельных католических священнослужителей вынуждали руководство МВД с настороженностью относиться к предложениям епископата о расширении прерогатив его духовной власти, включая и такую ответственную для государства сферу, как народное просвещение. Постоянные попытки епископата ограничить разбирательство проступков ксендзов, обвиняемых в прозелитизме, разжигании религиозной и этнической вражды к православным, только мерами внутрицерковного расследования не могли вызвать понимания МВД. Такие меры явно не годились для пресечения действий правонарушителей-ksenдзов, проступки которых выходили за рамки, предусмотренные каноническим правом, и попадали в категорию правонарушений, требующих решения министра внутренних дел или применения карательных статей Уголовного уложения. По замечанию управляющего МВД А. А. Макарова, «доселе, за самыми лишь редкими изъятиями, римско-католические епархиальные начальники признавали подведомственных им священников не заслуживающими никакого взыскания даже в случаях очевидного и доказанного их собственным признанием, нарушения закона»⁴.

О резких разногласиях между МВД и иерархией в оценке проступков духовенства и ведомственных приоритетах в организации расследования религиозных проступков служат события в Могилевской архиепархии. В октябре 1911 г. римско-католический митрополит Викентий Ключинский обратился к А. А. Макарову с жалобой о предвзятом отношении МВД к подведомственному ему духовенству. Митрополит заявлял о том, что если ранее, «в течение долгих лет», римско-католическое духовенство обвинялось «единственно в политических преступлениях», то теперь «о политиканствующем духовенстве нигде не упоминается». Митрополит признавал, что со времени назначения его на эту должность (с 7 мая 1910 г.) духовенство наказывается только за проступки на религиозной почве. «Подобного рода дела, – писал митрополит, – решаются или судебным, или же административным порядком. По суду священники нередко оправдываются, но администрацией – никогда»⁵.

Католический иерарх обвинял МВД в том, что при расследовании дел ни объяснения ксендзов, ни мнение духовного начальства не принимались во внимание, и в результате –

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7285. Л. 50, 56.

² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47647. Л. 2.

³ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 54201. Л. 7–8.

⁴ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 37 об.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 168 об.

обвиняемые не освобождались от наказания. По утверждению митрополита, «наказание же это, какова бы ни была погрешность священника, всегда одно и то же, – увольнение от должности без срока». Отсутствие объективности в процессе расследования было, по мнению Ключинского, обусловлено тем, что «обвинительный процесс находится всецело в руках полиции и недоброжелательных сторон». Обвинительный приговор составляется самим департаментом духовных дел и определяется по ст. 17 п. 1 Т. 11, ч. 1 Свода законов Российской империи, при обращении министра к епархиальному начальнику». Согласно этой статье министр увольнял ксендза от должности, а епархиальный начальник должен был исполнить это требование¹.

Тем самым, утверждал митрополит, министерство лишает его представленного законом права повлиять на священника, помочь ему исправиться, если он в самом деле виновен².

В качестве примера одностороннего обвинительного уклона в действиях МВД по отношению к католическому духовенству митрополит назвал несколько случаев:

- ✦ минский декан В. Чечот был уволен от должности за то, что произнес ученицам женских гимназий речь о вредности смешанных браков;
- ✦ законоучитель минских гимназий ксендз Б. Павловский был отрешен от должности за одобрение проповеди Чечота в разговоре с должностным лицом;
- ✦ настоятель Ковнатского прихода Режицкого уезда Витебской губернии ксендз И. Усанис был уволен с должности настоятеля за то, что будто бы вооружал детей местных католиков против учительницы сельской школы.

Расследование, проведенное МВД по жалобе митрополита Ключинского, показало, что своей проповедью декан В. Чечот действительно внушал ученицам женских гимназий Минска, что «самый непростительный грех выходить замуж за русских православных, добавив при этом, что в случае совершения такого брака вся семья супруга, исповедующего римско-католическую веру, отлучается от церкви». Произнесение этой проповеди МВД не могло рассматривать иначе, «как стремление воспитать в католичках с раннего возраста фанатическую ненависть к православным». Была подтверждена также виновность ксендза Б. Павловского, одобрявшего публично проповедь своего декана. Выяснилось, что и ксендз Усанис виновен в разжигании национальной розни, так как «возбуждал учащихся местной сельской школы против русских»³.

Таким образом, увольнение названных духовных лиц от должности по указанию министра внутренних дел носило вполне правомерный характер. Деятельность этих ксендзов была отнесена МВД к категории «вредной для... мирного течения религиозной жизни среди местного населения», за что и последовало наказание, предусмотренное законом от 26 декабря 1905 г., включенное в ст. 17 п.1 Устава иностранных исповеданий⁴.

¹ Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т. 11, ч. 1. Ст. 17, ч. 1.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 169 об.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 170–171, 182–183; Ф. 821. Оп. 10. Д. 1074. Л. 98.

⁴ Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г.; под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 221. Следует отметить, что МВД постоянно требовало от местной администрации, чтобы расследование обвинений католического духовенства в проступках, предусмотренных ст.17 п.1 Устава иностранных исповеданий, производилось самым тщательным образом. В январе 1909 г. П. А. Столыпин предписал виленскому генерал-губернатору, чтобы в каждом отдельном случае недопустимых с государственной точки зрения проступков р-к духовенства производилось их всестороннее расследование. Материалы следствия должны были предоставляться в МВД «для окончательного суждения о проступке и наложения взыскания в вполне законном и исчерпывающем деле виде». См.: ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1909. Д. 165. Л. 1–2. Несколько позднее, 24 января 1911 г., МВД издало циркуляр № 723 о необходимости тщательного расследования обвинений религиозного характера, и в частности совращений из православия. См.: НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2071. Л. 14.

Следует отметить, что подобного рода «вредная» деятельность римско-католического духовенства наблюдалась, главным образом, в тех епархиях, в которых, по утверждению МВД, «идея служения католицизму тесно соприкасается с идеей служения полонизму». Иная ситуация складывалась в епархиях, в которых абсолютное большинство римско-католических священников либо не были этническими поляками (Тельшевская епархия), или же во главе которой стояли лица «непольского происхождения», например епископ Кесслер в епархии Тираспольской. По данным МВД, в этих епархиях не имелось «ни одного римско-католического священника, который находился бы под действием ст. 17 п. 1 Устава иностранных исповеданий»¹.

Указанные выше столь явные проявления корпоративной солидарности, призванной защитить виновных ксендзов от заслуженного наказания, ставили перед МВД непростую задачу. Следовало, не выходя за правовые границы указа о веротерпимости, принудить католическую иерархию сделать максимально прозрачной для правительства деятельность подведомственного ей духовенства. В частности, в такой сложной для повседневного административного контроля области, как катехизация детей. В записке, поданной министру внутренних дел 13 января 1912 г. февраля, римско-католические епископы, собравшиеся на совещание у Могилевского митрополита Викентия Ключинского 20 октября 1911 г., в качестве примера умаления авторитета иерархии и ограничения ее власти в епархиях, приводили циркуляр МВД от 21 сентября 1911 г., подписанный А. А. Макаровым.

В этом документе исполняющий обязанности министра указывал губернаторам, «что совместное обучение детей католиков молитвам и догматам Римско-католической церкви вне разрешенных правительством учебных заведений должно быть относимо к категории *тайного обучения* во всех случаях, когда оно имеет характер систематического преподавания. Во всех таких случаях надлежит привлекать виновных к ответственности, за исключением, впрочем, случаев так называемой катехизации, производимой самими римско-католическими священниками и при том в церквях.

Имея в виду, что этого рода обучение практикуется с давнего времени, я затрудняюсь принять ныне же меры к безусловному его прекращению. С другой стороны, я нахожу, безусловно, необходимым урегулировать такое преподавание в целях установления соответствующих правил надзора»².

Епархиальным начальникам предписывалось доставить в МВД сведения о возрасте катехизируемых детей, о языке обучения, о программе, о времени и продолжительности катехизации и о канонических основаниях, вызывающих катехизацию. Издание циркуляра вызвало резкое недовольство католического епископата. В записке, поданной А. А. Макарову, епископы, ссылаясь на Евангелие и действующее законодательство, доказывали МВД, что цель катехизации носит исключительно религиозный характер, что она заключается только в изучении молитв, главных истин веры и христианской морали. Не покупались епископы и на положительные характеристики светских катехизаторов, высоко оценивая их религиозно-нравственные качества, политическую лояльность и законопослушность. «Мы считаем долгом уверить ваше превосходительство, – говорилось в обращении, – что в катехизации допускаются лишь такие светские лица, убеждения которых, нравственность и христианские добродетели вполне гарантируют катехизацию, совершаемую под контролем и наблюдением священника, от примеси каких бы то ни было несвойственных ей явлений»³.

На этом основании епископы потребовали от А. А. Макарова незамедлительной отмены циркуляра от 21 сентября 1911 г., так как «подчиняясь указаниям министерства, как обучать истинам веры, кого, когда, мы предали бы неотъемлемые права Христовой

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 5–6.

² НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8087. Л. 2.

³ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 18.

церкви, отреклись бы от священнейших наших обязанностей, утратили бы пастырский авторитет и влияние»¹.

Насколько правдивы и убедительны были богословские и нравственные аргументы, к которым прибегли епископы для доказательства правоты своих требований к МВД, должна была показать проверка катехизаторской практики в губерниях. Для этого МВД поручило губернаторам сообщить данные о том, какой характер имеет катехизация во вверенных им губерниях и следует ли внести в эту практику какие-либо изменения.

Сведения, которые начали поступать в министерство, давали возможность сформировать иное представление о содержании катехизации, расходившееся с теми характеристиками, которые предлагал епископат. Упомянутый ранее М. П. Боярский, анализировавший вопросы полонизации белорусского населения Гродненской губернии, писал в МВД: «Могучим средством для вселения вражды к православному и ополячения белорусского народа является здесь еще конфессиональное обучение; оно выражается в том, что молодое юношество, под бдительным и непосредственным руководством ксендза, готовясь к исповеди, проходит в катехизической форме главные основания учения Католической церкви. А наряду с этим, без различия широких политических горизонтов, но в достаточно увлекательной для молодых слушателей форме, неизбежно преподается и настойчиво внушается мысль о принадлежности всякого католика к польской нации; взрослым же эта идея неукоснительно повторяется на исповеди»².

Минский губернатор Я. Е. Эрдели, выполняя распоряжение МВД, потребовал от исполнителей – уездных полицейских чиновников: «Ввиду большой важности этого вопроса в жизни Северо-Западного края... самого вдумчивого к нему отношения». В итоге был составлен документ «о характере катехизации в костелах Минской губернии», направленный в МВД 21 июня 1912 г.

В нем содержались сведения, которые явно противоречили уверениям католического епископата об исключительно вероучительном содержании этой формы начального религиозного обучения. В результате расследования выяснилось, что ксендзы в большинстве случаев привлекали для катехизации особых учителей и учительниц, не имеющих права на обучение, которые «отличаются фанатической приверженностью к католичеству и ненавистью к православной вере и всему русскому». Обучение катехизису происходило вне стен костела и попадало в категорию «тайного». По данным полиции, в период с 1906 по 1908 г. ксендзами было открыто «громадное количество таких школ» под предлогом «изучения детьми католиками катехизиса и молитв Римско-католической церкви». В действительности же обучение детей в этих школах заключалось, «главным образом, в изучении польской грамоты и преподавании истории Польши».

Данное обстоятельство, по мнению губернатора, и определяло подлинный «характер катехизации» в Минской губернии. В донесении говорилось, что «упорное нежелание ксендзов посещать народные школы для преподавания католикам Закона Божьего, если таковое производится на русском, а не на польском языке, как того хотят ксендзы, – все это свидетельствует, что римско-католическое духовенство, под предлогом сообщения детям первоначальных познаний о религии и Церкви, стремится не к укреплению религиозно-нравственных начал в среде своей паствы, а к ополячиванию местного русского населения.

С этой целью ксендзы в учителя и учительницы тайных школ берут лиц, рабски им преданных, слепо исполняющих всякое их распоряжение, и фанатиков в религиозном смысле. Иногда среди этих учителей и учительниц бывают и такие, которые на свое дело смотрят, как на великую религиозную миссию, и если им приходится понести наказание за недозволенное обучение детей, то в этом видят служение Богу и Церкви. Под влиянием ксендзов они настроены крайне враждебно ко всему русскому и к православию. Эти

¹ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 19.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 167. Л. 11–12.

же чувства ненависти к православию и России они стараются привить юношеству католиков-белорусов, внушая им любовь ко всему польскому, и полякам, якобы “страдающим” под игом русских. Поэтому дети местных католиков-русских, пройдя через такую школу, считают себя природными поляками, и понятие “католик” для них является синонимом “поляка”. К православным они относятся с фанатическим презрением. Такая в высшей степени вредная для русских интересов в здешнем крае постановка обучения молитвам и догматам Римско-католической церкви требует установления правил надзора за производством катехизации»¹.

Выводы и предложения, сделанные минским губернатором относительно содержания аспекта катехизаторской практики, по существу, лишали убедительности аргументацию католического епископата Могилевской архиепархии. Оказалось, что его настоячивые уверения об исключительно религиозном содержании катехизации не соответствовали действительности. Получалось так, что Могилевский митрополит Ключинский либо не знал о реальном положении дел в этой области, что весьма сомнительно, либо сознательно замалчивал противоправные действия своих подчиненных с целью получения уступок от МВД. Что же касается самого МВД, то сведения, предоставленные минским губернатором, лишь подтверждали необходимость продолжения политики контроля за деятельностью католического духовенства в области религиозного и светского образования, которую проводил П. А. Столыпин и его преемник А. А. Макаров.

Н. А. Маклаков, сменивший А. А. Макарова на посту министра внутренних дел в декабре 1912 г., определил задачу своего ведомства следующим образом: «Организация катехизационного обучения МВД допускается исключительно в церквях, с производством ее притом непременно самим священником. Особенное внимание МВД обращено на то, чтобы катехизация не служила целям общего обучения, не отвлекала бы тем самым детей от посещения правительственной школы и не содействовала полонизации белорусов и малороссов»².

Факты привнесения в процесс религиозного обучения юной католической паствы идеологии польского этнонационализма и русофобии существенно сужали возможности правительства идти на уступки требованиям католической иерархии. Располагая информацией о реальном положении дел на местах, МВД не имело достаточных оснований видеть в католическом епископате ответственных и надежных партнеров, способных поддерживать правопорядок и пресекать противоправную деятельность своих подчиненных. В этой ситуации министру внутренних дел А. А. Макарову, в ответ на возмущение епископов изданием циркуляра от 21 сентября 1911 г., пришлось разъяснить митрополиту Ключинскому правовые основы решений МВД: «Не ограничивая ни в чем свободы римско-католического духовенства в церкви и школе, поучать свою паству правилам веры, распоряжение это лишь обеспечивает государству неотъемлемое от него право наблюдения, наравне с общекультурным, и за духовным просвещением своих граждан»³.

Мнение министра подкреплялось еще и тем, что к этому времени в распоряжении МВД находились сведения, полученные в результате ревизии делопроизводства римско-католических духовных консисторий, осуществленной по распоряжению П. А. Столыпина в первой половине 1911 г. Материалы ревизии зафиксировали целый ряд правонарушений и негативных для МВД тенденций в деятельности католического духовенства. В частности, отмечались:

- ✎ факты устройства тайных польских школ;
- ✎ стремление римско-католического духовенства захватить в свои руки школьное образование;

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8087. Л. 23–24.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 11 об.

³ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 38.

- ✦ практика насильственной замены у русского католического населения его природного языка языком польским;
- ✦ систематическое давление на мирян духовным оружием для достижения политических целей¹.

Указанные явления и тенденции в поведении католического епископата, духовенства и мирян свидетельствовали о росте социально-политической активности и этнического самосознания в католической среде. Быстрый рост этих процессов стал возможным во многом благодаря новым правовым условиям, созданным указом о веротерпимости и Манифестом от 17 октября 1905 г.

Отвечая на вызов, брошенный католичеством, МВД начало процесс адаптации нового законодательства о веротерпимости к реалиям формирующихся государственно-конфессиональных отношений. Стимулом к ведомственному нормотворчеству послужили также ошибки правительства, не сформировавшего своевременно правовые механизмы правоприменения указа от 17 апреля 1905 г. В результате министерством была создана система ведомственных нормативных актов, устанавливающих правомерный порядок государственного регулирования отдельных сторон деятельности Католической церкви. Как и в предыдущих случаях, приоритет государства в области интерпретации положений указа позволял МВД устанавливать целесообразные с его точки зрения нормы регуляции церковно-государственных отношений, которые, в свою очередь, учитывали специфику политической опасности, которую представляло католичество для сохранения Белоруссии и Литвы в составе империи.

Не удивительно, что нормотворческая практика МВД вызвала протесты римско-католической иерархии, носившие как межведомственный, так и правовой характер. При этом епископат апеллировал к нормам указа о веротерпимости и Положению Комитета министров от 11 февраля 1905 г., которым отменялись «стесняющие свободу веры и не основанные прямо на законе административные распоряжения»².

Следует отметить, что эти претензии не только не учитывали «низовую» практику правонарушений со стороны духовенства и мирян, но и не имели под собой реальных правовых оснований, вытекающих из положений указа о веротерпимости. В конечном итоге, после проведенной правоведаческой экспертизы, они не были приняты МВД во внимание, о чем министр А. А. Макаров и сообщил митрополиту Ключинскому в феврале 1912 г.³

Попытки же епископата и духовенства выйти за рамки действовавшего законодательства о веротерпимости и подчинить его каноническому праву и реализации польских этнонациональных интересов в белорусской и малороссийской среде встречали неизменное противодействие со стороны государственных ведомств.

Вместе с тем усилия МВД и МНП, призванные обеспечить государственную интерпретацию п. 14 указа о веротерпимости, нельзя назвать вполне успешными. Они встретили достаточно сильное сопротивление со стороны иерархии, части духовенства и мирян-белорусов, которые стремились использовать открывшиеся правовые возможности для усиления польской этноцентричности костела. С их точки зрения польский язык в преподавании Закона Божьего в государственной школе должен был войти в число инструментов формирования польского самосознания католиков-белорусов наряду с дополнительным богослужением, домашней молитвой, исповедью, катехизацией и нелегальным

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 109. Л. 2; Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1911. № 19. С. 368.

² Высочайше утвержденное 11 февраля 1905 г. положение Комитета министров // Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г.; под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С.16–17.

³ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 36–39.

преподаванием в тайных школах. Борьба, развернувшаяся вокруг интерпретации п. 14 указа о веротерпимости и катехизации, была вызвана столкновением двух идентификационных механизмов – гражданского и религиозного, за которыми стояли политические и конфессиональные интересы противоборствующих сторон.

Сущность конфликта, начавшегося после указа от 17 апреля, заключалась в том, что государственная школа Российской империи, согласно законодательству, формировала в качестве первичной идентичности учащихся – гражданскую, надэтническую, российскую, а только затем уже религиозную и этническую. Католические иерархи – Эдуард фон Ропп, В. Ключинский и поддерживавшие их духовенство и миряне, наоборот, полагали, что государственная школа должна в качестве первичной формировать идентичность религиозную и этническую, а лишь только затем гражданскую, российскую.

Ожидаемое правительством от Рима решение, способное снять противоречия между государством и сторонниками доминирования польского языка в костеле и народной школе, так и не осуществилось. Папский декрет от 13 октября 1906 г., распространяя свое действие только на новообращенных католиков-великороссов, сохранял церковно-лингвистическое status-quo в Белоруссии и Литве, расширяя вместе с тем возможности для распространения католицизма в Центральной России.

Конфликт идентификационных механизмов стал для правительства еще одним подтверждением, что католичество вновь становится источником политической опасности. К этому выводу, практически реанимировавшему взгляды, характерные для М. Н. Муравьева, К. П. Победоносцева и губернской администрации Северо-Западного края, пришел и министр внутренних дел Н. А. Маклаков. С его точки зрения, законодательные инициативы правительства, направленные на модернизацию устаревшего института веротерпимости, включая указ от 17 апреля 1905 г. и законы о Католической церкви от 26 декабря 1905 г., не принесли ожидаемых результатов. Речь шла об известном разочаровании, которое испытывало правительство относительно использования католическим духовенством дарованной ему религиозной свободы.

«Все эти мероприятия, признанные в указе “делом мира и любви”, – отмечал министр, – должны были бы, казалось, служить, наряду с укреплением в католическом населении России религиозности, и развитию в нем чувства благодарности к русскому правительству. Но с самого начала осуществления новых принципов религиозной политики все усилия католического духовенства, главным образом польской национальности, были направлены к достижению своих прозелитических и национально-сепаратистских целей, и “дело мира и любви” обращено этим духовенством в оружие религиозного насилия и национальной вражды»¹.

8. Этнополитическое измерение религиозных конфликтов и противоречий

Министерство внутренних дел, пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, в апреле 1914 г. провело Совецание представителей МВД и губернаторов Северо-Западного края, на котором были разработаны меры по борьбе с полонизацией белорусского населения².

Материалы Совецания дают нам представление о том, каким образом МВД оценивало этнорелигиозную ситуацию, сложившуюся в Литве и Белоруссии накануне Первой

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 2.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 172. Л. 1–3, 61–71 об.

мировой войны. Материалы содержали описание и перечень явлений и процессов, которые вызвали особую тревогу министерства. В них, в частности, указывалось, что:

- ✦ главным орудием полонизации белорусского населения является Католическая церковь, которой пользуется польское духовенство для достижения политических целей;
- ✦ в этом отношении большое значение имеет нежелание Римской курии допустить замену польского языка в дополнительном богослужении языком русским, объясняемое «внушением высших представителей польского римско-католического духовенства»;
- ✦ использование польского языка в дополнительном богослужении влечет за собой изучение на этом языке катехизиса и преподавания Закона Божьего. У белорусов возникает необходимость изучения польского языка и создает представление о нем, как важнейшем из языков, служащих для общения с Богом;
- ✦ во всех епархиях подавляющее большинство прелатов, каноников, официалов и членов консисторий образуют лица польского происхождения;
- ✦ в римско-католических семинариях ксендзы-поляки воспитывают семинаристов в духе преданности польским политическим идеалам, препятствуя тем самым развитию у белорусов-семинаристов «русского национального самосознания»;
- ✦ этнически ангажированная и прозелитическая деятельность польских и ополяченных ксендзов, «помимо всякого рода внушений», приводит к бойкоту русских школ, запрещению смешанных браков с православными, общению с прихожанами исключительно на польском языке, участию белорусов-католиков в польских обществах;
- ✦ и наконец, в качестве основного заключения из всего вышесказанного – русская государственная власть не может относиться безразлично к денационализации «одного из русских племен»¹.

Переходя на практический уровень решения проблем борьбы с полонизацией края, Совещание предложило правительству следующую программу действий:

- ✦ замещение высших римско-католических духовных должностей лицами непольского происхождения;
- ✦ воспрещение преподавания Закона Божьего и катехизации католикам – белорусам, литовцам и латышам на польском языке;
- ✦ допущение преподавания Закона Божьего и катехизации на белорусском наречии, но лишь в том случае, если на этом же наречии будет признано возможным преподавание Закона Божьего православным;
- ✦ употребление всех усилий к тому, чтобы в белорусских римско-католических приходах сами прихожане возбуждали ходатайства о введении дополнительного богослужения на русском языке или на белорусском наречии в случае, если это наречие будет допущено при произнесении проповедей и поучений в местных православных церквях.

Предполагалось, что комплексное осуществление предложенных мер будет направлено на «развитие национального самосознания белорусов» и «предотвращение полонизации литовцев и латышей». Достижение к поставленной цели рассматривалось в двух аспектах: непосредственного правительственного воздействия на римско-католическое духовенство и путем продолжения дипломатических переговоров с Римской курией. «Но, во всяком случае, – подчеркивалось в материалах Совещания, – необходимо в этом деле избежать таких мер, которые бы могли носить насильственный характер, так как этим путем никого нельзя заставить признать себя русским»².

¹ РГИА. Ф. 821. Оп.150. Д. 167. Л. 67–69; Д. 172. Л. 70–71.

² Там же. Л. 71–73.

Принятые решения еще раз подтвердили, что правительство продолжает весьма болезненно реагировать на прозелитизм и польские политические тенденции в религиозном служении католического духовенства, усиление которых связывалось с правоприменением указа о веротерпимости. С точки зрения Совещания эта ассимиляторская практика в условиях действующих религиозных свобод стала острой политической проблемой, решение которой должно носить постепенный, эволюционный характер. Преимуществом религиозно-этнической политики МВД, осуществляемой П. А. Столыпиным, А. А. Макаровым и Н. А. Маклаковым, выразилась здесь в понимании, что ведущий критерий эффективности предпринимаемых действий – в добровольном появлении этнических предпочтений католического населения Северо-Западного края и белорусских губерний.

Новый уровень осмысления задач интеграции белорусов-католиков в состав «русской народности» и принятая на его основе программа действий свидетельствовали о политической решимости правительства продолжить курс, начатый администрацией М. Н. Муравьева и указом от 25 декабря 1869 г., в новых правовых условиях и новыми тактическими средствами. Процесс демократизации российских политических и общественных институтов, начатый указом от 17 апреля и Манифестом от 17 октября 1905 г., позволил выработать иные подходы для преодоления приверженности части белорусов к этнической Польше, сложившейся на основе сформированной костелом самоидентификации «я – католик, значит, я поляк»¹.

Вместе с тем нельзя не отметить, что предпринятая правительством актуализация вопроса о радикальной смене идентификационных механизмов костела вновь открывала путь к обострению конфликтов на религиозно-этнической почве. Несмотря на стремление правительства снизить политические риски и вероятность нарушения религиозных свобод католиков, предлагаемый им путь деполонизации костела не мог быть безболезненным для духовенства и мирян, глубоко воспринявших польскую католическую традицию. Начавшаяся Первая мировая война не позволила реализовать предлагаемый правительством проект.

И Совещание, и министр Н. А. Маклаков сходились в общей оценке того, что осуществить переход от конфронтации к сотрудничеству государства с католическим духовенством Литвы и Белоруссии так и не удалось. В этой связи указ от 17 апреля можно было оценивать, говоря современным языком, как попытку правительства в одностороннем порядке выйти из состояния церковно-государственной «холодной войны», объявив противнику о завершении конфронтации. Однако «холодная война» государства с польским католичеством, которая с разной степенью интенсивности велась после восстаний 1830–1831 и 1863–1864 гг., с изданием указа от 17 апреля 1905 г. не прекратилась. Она приняла новую эволюционную форму, так как часть иерархии и духовенства, приняв издание указа как вынужденную уступку со стороны государства, возобновили свою прозелитическую и этнополитическую активность. В этой ситуации политика правительства должна была эволюционировать в обратном направлении – от попытки сотрудничества с иерархией и духовенством к политике сдерживания католичества, не выходящей, впрочем, за правовые рамки указа о веротерпимости, Манифеста от 17 октября 1905 г. и законов от 26 декабря 1905 г.²

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д.172. Л. 74 об, 80 об.

² Подводя первые итоги правоприменения указа о веротерпимости, МВД положительно оценивало его интеграционный эффект. «Если православие не терпит ущерба от новой вероисповедной системы, то соображения государственной политики заставляют правительство относиться с тем большей осторожностью ко всякому сужению вероисповедной свободы, так как призраки религиозного гонения всегда будут использованы врагами русской государственности и Православной церкви во вред им, и всякое проявление религиозной нетерпимости, как бы незначительно оно ни было, будет отдалять столь необходимое для государственной мощи культурное сплочение иногородских окраин с центром». См.: РГИА. Ф. 821. Оп.10. Д. 267. Л. 33.

Объяснением нового политического курса правительства могут служить слова Н. А. Маклакова, сделавшего ретроспективную оценку событий, прошедших после издания указа о веротерпимости: «Мероприятия правительства, направленные на укрепление начал веротерпимости, были использованы римско-католическим духовенством для достижения двух основных целей.

Первой из них является стремление к совращению православных в католичество, наблюдавшееся первоначально только в Западной России, а в последнее время даже в центральных губерниях и в обеих столицах.

Второй целью польского римско-католического духовенства является полонизация непольских народностей, и главным образом белорусов и малороссов.

Эти стремления не только не встречают противодействия Рима, но во многих отношениях им поддерживаются. Деятельность римско-католического духовенства представляется особенно опасной для русских начал в Западной России, и состоявшееся в апреле в МВД Совещание губернаторов Северо-Западного края с высшими представителями министерства констатировало печальные факты полонизации этого края и единогласно признало необходимость борьбы с этим явлением»¹.

В свою очередь католический епископат Могилевской митрополии давал иную оценку причинам возобновления напряженных отношений с российским государством. Драматически описывая ситуацию новой «холодной войны», епископат в записке к А. А. Макарову признавал, что «события 1831 и 1863 гг. нарушили нормальное течение католической религиозной жизни, особенно в Северо-Западном и Юго-Западном крае, приостановили действие соответственных основных и вероисповедных законов и вызвали установление административного надзора. На смену закона явились административные распоряжения, призванные регулировать и определять религиозную жизнь католиков. Увеличиваясь постепенно, сменяясь, дополняясь и разъясняясь, исключительные временные административные распоряжения, ограничительные и запретительные меры, сопряженные нередко с тяжелыми взысканиями и карами, достигли крайних пределов в период с 1864–1904 гг. и, охватив собой все разветвления и проявления религиозной жизни, наложили на нее отпечаток застоя и мертвенности»².

Епископы уверяли Макарова в том, что они «с глубокой признательностью» приняли законодательные акты о религиозной свободе. По их мнению, Католическая церковь позитивно восприняла призыв государства к обновлению отношений веротерпимости, и вслед за ним также осуществила поворот от напряженности к сотрудничеству с властью. Это нашло свое выражение в том, что «в печальное время (1905–1906 гг.) смуты, волнений и общественного настроения римско-католические епархиальные начальники, ведомственное им духовенство и вверенная им паства стояли на страже закона, стойко и спокойно выполняли лежащий на них долг и, стремясь всеми силами не допустить проявлений беспорядков и бесчинств, способствовали, по отзывам местных гражданских властей, сохранению спокойствия, тишины и мира»³.

Установленный МВД после указа от 17 апреля новый правовой механизм регуляции деятельности этой «терпимой» государственной Церкви воспринимался епископатом как возвращение к прежним тенденциям к политике административных ограничений со стороны государства. Но на этот раз не имеющих под собой реальных политических оснований, как это было ранее в результате вспышек «горячей войны». «Ограничения, кары и запреты, применяемые ныне к Римско-католической церкви, не оправдываются ни

¹ РГИА. Ф. 821. Оп.150. Д. 150. Л. 14.

² ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 5.

³ Там же. Л. 7.

предыдущей, ни нынешней деятельностью епархиальных начальников, священников и паствы», – заявляли епископы А. А. Макарову¹.

Следует отметить, что представление об ухудшении правового положения католицизма после издания указа от 17 апреля 1905 г. разделялось не только епископатам Могилевской римско-католической архиепархии. Аналогичная оценка положения Римско-католической церкви в империи давалась и в брошюре «О свободе костела в России», нелегально изданной в Царстве Польском в 1912 г. В ней говорилось, что «в последние годы российское правительство заняло против костела во многих отношениях более враждебное положение, чем прежде». В целом сложившаяся после указа о веротерпимости ситуация характеризовалась в этой брошюре как «возвращение к эпохе Муравьева»².

Собственная версия причин возобновления традиций «холодной войны», возлагающая ответственность за рост напряженности между государством и Церковью на правительство, позволяла епископату и духовенству успешно разрешать противоречие, недопустимое с точки зрения МВД. То есть, с одной стороны, демонстрировать законопослушность властям, а с другой – по-прежнему настаивать на приоритете канонического права над российскими законами, формируя польские церковные традиции у своей белорусской паствы. В оценке возможностей, предоставленных новым законодательством для защиты прав и интересов Католической церкви в России, взгляды епископата и правительства оказались диаметрально противоположными.

Несовместимость оценок происходящих событий, приведших к затяжному конфликту между МВД и католическим епископатам, невольно ставит вопрос об их адекватности. МВД было уверено, что действия католического духовенства способствуют росту польского этнического сепаратизма и направлены на подрыв государственной целостности России. Но, в таком случае возникает вопрос: могла ли радикально настроенная часть католического духовенства политически угрожать целостности империи? На этот вопрос сложно ответить утвердительно.

Социальной опорой правительства в западном регионе империи традиционно являлось русское (белорусы и малороссы) православное население, составлявшее абсолютное большинство населения Литвы и Белоруссии (за исключением Виленской и Ковенской губерний). МВД вполне справедливо считало, что православие является главным препятствием на пути колонизации белорусов. Издание указа от 17 апреля 1905 г. не изменило сложившегося соотношения конфессиональных сил. Как и прежде, численное доминирование православного населения сохранялось. Следовательно, для целостности Российской империи немногочисленные радикалы-ксендзы вряд ли могли представлять реальную политическую угрозу.

Правда, существовала потенциальная опасность использования католического духовенства против России в случае военного конфликта с Австро-Венгрией. К этому времени департамент полиции МВД располагал сведениями о том, что австрийский генеральный штаб еще в 1908 г. рассматривал вопрос о национально-политической деятельности католического духовенства, направленной против России. В результате был сделан вывод о том, что «агитационная деятельность ксендзов в мирное время всегда давала лишь отрицательные результаты... Это мнение было сообщено живущему в России католическо-

¹ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 7. Несколько позже, уже в годы Первой мировой войны, в канцелярии Могилевского митрополита был подготовлен документ, который назывался «Главнейшие неотложные нужды Римско-католической церкви в Могилевской архиепархии». В нем, в частности, Церковь предлагала правительству отменить распоряжения МВД, действие которых она, на основании указа о веротерпимости, считала неправомерными. К ним относились: циркуляры от 28 ноября 1908 г., 19 марта 1911 г. и 20 сентября 1911 г. о костельном строительстве, ремонте церковных зданий и сборе денег на строительные нужды; правила 27 октября 1912 г., которые следовало отменить и восстановить действия правил 22 февраля 1906 г.; циркуляр 21 сентября 1911 г., воспрепятствовавший катехизацию детей вне костела. См.: РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 584, 632–634.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 131. Л. 93–96.

му духовенству в особых секретных указаниях епископов. Но многие ксендзы нашли в этом запрещении умаление их исторического значения и продолжали заниматься политикой. Ввиду этого в 1910 г., благодаря настояниям генерала Хатцендорфа, был издан секретный папский декрет, воспрещающий ксендзам в мирное время заниматься в России агитацией. Одновременно с этим австрийским генеральным штабом была намечена программа желательной деятельности ксендзов»¹. Разумеется, что правительство придавало значение полученной информации, но представлять себе все католическое духовенство империи в качестве «пятой колонны» австрийского генштаба оно явно не торопилось.

С другой стороны, предлагаемый епископатам путь возложения ответственности за возобновление напряженности в церковно-государственных отношениях в одностороннем порядке только на МВД трудно отнести к категории убедительных. Как известно, правительство признало, что к концу XIX в. католический фактор утратил свое значение в качестве эффективного инструмента политической мобилизации масс на борьбу за независимость Польши. Но продолжающаяся «ползучая» колонизация белорусов и малороссов с помощью костела, постепенно увеличивавшая социальный потенциал местной польской ирреденты, и многочисленные факты правонарушений со стороны католического духовенства не могли не повлиять на ответные действия правительства. Вдобавок практика односторонних уступок Риму и местному католичеству, рассчитанная на встречное движение, также не принесла ожидаемого эффекта, а только вызвала требование новых уступок в интересах этой «терпимой» Церкви.

В 1912 г. Римская курия обратилась к правительству Российской империи с дипломатической нотой, в которой содержались обвинения в нарушении принципов провозглашенной веротерпимости в отношении римско-католического духовенства. В ответ правительство через министра-резидента в Ватикане Нелидова объявило курии, что: «1. Русское правительство не сознает себя виновным в нарушении веротерпимости в отношении римско-католического исповедания. 2. Католический клерикализм систематически нарушает государственные законы, а потому правительство, защищая таковые, не может этого терпеть ни теперь, ни впредь»².

Указанные явления вновь заставляли правительство принимать ограничительные меры и проводить политику пресечения и сдерживания политически враждебных, ассимиляторских и прозелитических тенденций в действиях католических священнослужителей, не выходя на этот раз за рамки закона о веротерпимости. Впрочем, правительство не настаивало на неизменности своей политики, прогнозируя дальнейшие действия в зависимости от поведения и законопослушности католического духовенства. Н. А. Маклаков, опираясь на решения Совещания, свое видение перспектив развития отношений государства с Католической церковью сформулировал так: «Если эти меры оградят русское население от дальнейшей колонизации, и вновь назначенные епископы направят деятельность римско-католического духовенства исключительно к заботам о религиозных интересах их паствы, то, тем самым, устранятся причины, вызывающие ныне необходимость некоторых ограничений в отношении Римско-католической церкви, и тогда Ведомство не преминет принять меры к постепенной отмене таковых ограничений»³.

¹ ГАРФ. Ф.102. Оп. 243. Д. 131. Л. 27.

² ГАРФ. Ф.102. Оп. 242. Д. 131. Л. 92.

Литовская газета «Viltis» 23 ноября 1912 г. перепечатала перевод статьи из римской газеты «Italia», в которой говорилось: «Поляки превратили костелы в политические клубы... Следует ли удивляться, что русское правительство считает католиков в империи людьми, единственная цель которых – устройство под флагом религии политических и национальных скандалов. Все это оправдывает строгие мероприятия русских властей, направленных против всех католиков империи. Пока Святой Престол не выступит против панполонизма, до тех пор русское правительство будет иметь право не полагаться на Католическую церковь и поступать с ней как с антирусской партией, пользующейся католицизмом для достижения своих политических целей». Там же. Л. 90.

³ РГИА. Ф. 821. Оп.150. Д. 150. Л.15.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОВ ОТ 26 ДЕКАБРЯ 1905 г. О РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ

1. Новое законодательство о Римско-католической церкви и практика проведения крестных ходов

К моменту издания указа о веротерпимости Комитет министров уже осуществил отмену «стесняющих свободу исповедания веры административных распоряжений», согласно положению, утвержденному 11 февраля 1905 г. Одновременно МВД предприняло меры по подготовке законопроектов, призванных урегулировать отношения государства с Римско-католической церковью, что было особенно важно для католического духовенства и населения Западно-Русского края. Предложенные МВД законопроекты, о которых упоминалось выше, должен был рассмотреть и утвердить Государственный Совет. Возникла правовая пауза, когда прежние административные запреты были отменены, а призванные заменить их законы еще не приняты.

Указ о веротерпимости вызвал религиозный подъем католического населения Западно-Русского края. Набиравшая силу с весны 1903 г. волна религиозной активности находила свое выражение в желании духовенства и прихожан устраивать крестные ходы и паломничества в установленные Католической церковью дни с «прежней торжественностью». В соответствии с литургическими правилами Римско-католической церкви торжественные крестные ходы по улицам и полям должны были совершаться в день св. Марка, в праздник «Тела Господня» и поминовения всех умерших. Об обязательном исполнении этих правил говорилось в булле Папы Павла V «*Hortatur Episcopos, Vicarios, Parochos etc.*». Однако, вопреки литургическим правилам, наружные крестные ходы были запрещены циркулярами генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана в 1866 г.¹

Нарушения указанных административных запретов, начавшиеся после издания Манифеста от 26 февраля 1903 г., свидетельствовали о нарастающем нежелании епископата, духовенства и прихожан мириться с действующими ограничениями их в богослужении и внешних обрядах веры.

Об этом в январе 1905 г. от имени своих прихожан, просивших о восстановлении прежней торжественности крестных ходов, заявлял Ковенскому губернатору П. В. Верекину Тельшевский епископ Паллюлион. Настойчивость в следовании литургическим правилам своей Церкви проявил и Виленский епископ фон Ропп. Получив в начале 1904 г. отказ гродненского губернатора М. М. Осоргина в проведении крестного хода вокруг Ивановского костела Кобринского уезда, по причине якобы возможного соблазна для

---

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1866. Д. 1349. Л. 1–3, 23.

православных, епископ вновь обратился к нему после указа от 17 апреля. На этот раз епископ просил губернатора о разрешении крестного хода вокруг указанного костела, ссылаясь на циркуляр МВД от 24 марта 1905 г., в соответствии с которым предполагалось в ближайшее время допущение крестных ходов без всяких ограничений. На этот раз растерянный губернатор не мог прибегнуть к прежним доводам для отказа и обратился за решением к генерал-губернатору А. А. Фрезе¹.

Отмена административных распоряжений, регулировавших прежде порядок проведения крестных ходов, не повлекла за собой установления нового правового механизма применения указа от 17 апреля в области проведения религиозных процессов. Образовавшийся в очередной раз правовой вакуум поставил администрацию в затруднительное положение. Возникла реальная опасность вызвать религиозное недовольство католического населения, не желавшего после издания указа мириться с сохранением ограничений, ущемлявших их «свободу веры». В сложившейся ситуации местной администрации оставалось только занять позицию наблюдателя, выжидая распоряжений вышестоящих инстанций.

Виленский вице-губернатор А. С. Долгово-Сабуров вынужден был спрашивать у генерал-губернатора, как ему отнестись к тому, что настоятель Глубокского костела Буйвис возглавлял крестные ходы по местечку Глубокое. Вице-губернатора интересовало, сохраняют ли теперь не основанные на законе циркуляры главных начальников края (от 24 января и 14 февраля 1866 г., а также от 2 июля 1903 г.), в соответствии с которыми совершение наружных крестных ходов ставилось в зависимость от решения губернских властей².

Вынужден был обратиться в МВД и витебский губернатор Б. Б. Гершау-Флотов, который не знал, как поступить с настоятелем Боловского костела в Люцинском уезде ксендзом Рымовичем, который в двадцатых числах мая совершал крестные ходы из костела на местное кладбище, не испросив предварительно разрешения властей³.

Однако еще более жарким для администрации оказался июнь 1905 г. В этом месяце, 16 июня, католики отмечали праздник «Тела Господня», который на этот раз многие ксендзы, согласно литургическим правилам, хотели сопроводить крестными ходами по улицам городов и селений. Однако генерал-губернатор А. А. Фрезе, действуя в соответствии с распоряжением министра внутренних дел А. Г. Булыгина, не считал необходимым пойти навстречу желанию духовенства и верующих. О своем решении А. А. Фрезе уведомил епископа фон Роппа, который, на этот раз, не стал вступать в конфликт с генерал-губернатором и обратился к духовенству с указанием, что «крестного хода разрешить не может, так как вопрос по сему предмету находится на рассмотрении министерства»⁴.

Тем не менее, несмотря на совместный запрет светских и духовных властей, несанкционированные массовые крестные ходы по инициативе мирян и местного духовенства состоялись в Гродно, Белостоке, из Гольшан в Ошмяны, а затем в Вильно и Кальварию. Католические процессии проходили мирно, организовано, без каких-либо эксцессов. У губернских властей Гродно существовали опасения возможных столкновений католиков с православными, так как в тот же день в Белостоке и Гродно совершались православные крестные ходы в память воссоединения униатов с Православной церковью. Опасения оказались напрасными. Более того, при прохождении православного крестного хода мимо Белостокского костела по распоряжению местного декана зазвонили в колокола, желая почтить православную процессию⁵.

В этот период, когда чувства благодарности к Николаю II за издание указа о веротерпимости переживались наиболее остро, крестные ходы становились манифестациями

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 326. Л. 1–2, 4.

² Там же. Л. 32.

³ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47031. Л. 4.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 326. Л. 16.

⁵ Там же. Л. 6, 13.

политической лояльности монархии. К примеру, в Ковенской губернии в г. Видзы Новоалександровского уезда благодарные католики, совершившие с разрешения губернатора крестный ход по городу, послали телеграмму императору с выражением верноподданнических чувств. На что был получен ответ Николая II: «Искренне всех благодарю»¹.

Несанкционированные крестные ходы, совершенные по инициативе «снизу», свидетельствовали о том, что католическое духовенство и прихожане после указа от 17 апреля уже не желали соблюдать существовавшие запреты, которые пыталось сохранить МВД в ожидании утверждения Госсоветом подготовленных министерством законопроектов об изменениях в правовом положении Римско-католической церкви. Страсти были так накалены, что когда белостокский декан объявил верующим, что епископ фон Ропп запрещает проведение крестного хода, то народ, по его словам, «объявил такое недовольство и раздражение, что можно было ожидать ужасной катастрофы». В свою очередь белостокский полицмейстер, по согласованию с гродненским губернатором, объявил декану, что «во избежание разлития крови процессия должна состояться»².

Епископ фон Ропп, вынужденный согласиться с распоряжением МВД, доказывал генерал-губернатору А. А. Фрезе, что запрещение крестных ходов не рационально с политической точки зрения, так как возбуждает недовольство у католиков, законопослушных российской монархии, в то время когда реальную опасность для общественного правопорядка представляют социалисты и революционеры³.

С формальной точки зрения А. А. Фрезе вынужден был потребовать от епископа объяснений по поводу нарушений подведомственным ему духовенством предписаний генерал-губернатора и самого фон Роппа, но то, что это было простой данью форме, понимали оба. Поэтому реального конфликта между епископом и А. А. Фрезе на этой почве не возникло. Отсюда и не характерная для епископа фон Роппа модель поведения, выразившаяся в подчинении распоряжениям генерал-губернатора и А. Г. Булыгина. И римско-католическая иерархия, и администрация в это время ожидали вступления в действие законопроектов, подготовленных МВД в начале апреля 1905 г.

Начавшийся после указа от 12 декабря 1904 г. демонтаж системы административных распоряжений, действовавших в отношении католического духовенства и мирян, завершился 26 декабря 1905 г. В этот день император утвердил ряд законов, модернизировавших правовой статус Римско-католической церкви в Российской империи. В частности, были утверждены законы: «О порядке назначения, перемещения и увольнения приходского римско-католического духовенства, ректоров (регенсов), инспекторов и профессоров императорской римско-католической духовной академии и семинарий, а также регенсов и секретарей консисторий, и об установлении в законе взысканий с духовных лиц римско-католического исповедания»; «Об изменении существующего порядка отлучек духовных лиц римско-католического исповедания»; «Об отмене постановлений относительно упразднения и закрытия римско-католических монастырей в губерниях Царства Польского, Северо-Западных и Юго-Западных»; «О римско-католических крестных ходах и религиозных процессиях» и «О постановке римско-католических крестов и священных изображений»⁴.

Установленный новым законом порядок назначения на должности римско-католических духовных лиц сохранял за правительством право контроля в отношении первоначального назначения ксендзов, в форме предварительных запросов епархиальных начальников у губернской администрации. Однако перемещение и увольнение духовных лиц было всецело представлено епископам.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 326. Л. 27–28.

² Там же. Л. 24.

³ Там же. Л. 19–20.

⁴ Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г.; под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 219–228.

Законом от 26 декабря 1905 г. была отменена система надзора администрации за передвижением римско-католического духовенства, созданная после подавления польского восстания 1863 г. Увольнение этих лиц в отпуск было предоставлено епархиальным начальникам, от которых ксендзы получали бессрочные паспортные книжки. Таким образом, были отменены все прежние распоряжения, которые налагали на епархиальную власть обязанность об отлучках ксендзов предварительно запрашивать администрацию.

Законом от 26 декабря в существовавший порядок наложения административных взысканий на ксендзов были внесены существенные изменения. Во-первых, право на наложение взыскания в административном порядке предоставлялось министру внутренних дел. Отменялись прежние правила, согласно которым таким правом обладали генерал-губернаторы и губернаторы. Во-вторых, обширный перечень административных наказаний, вплоть до заключения в монастырь, был заменен правом министра предлагать епархиальным начальникам принимать соответствующие меры к прекращению «вредной» деятельности ксендза. Если епархиальные начальники не принимали, с точки зрения министра, надлежащих мер или таковые признавались недостаточными, министр имел право требовать увольнения ксендза от должности. Согласно новому закону наказания на ксендзов должны были налагаться епархиальными начальниками, по усмотрению которых устанавливалась и мера взыскания. Одновременно епископы получали право давать министру объяснения, которые могли служить основанием для оправдания обвиняемого ксендза.

Законом отменялась ст. 187 Устава иностранных исповеданий о закрытии нештатных католических монастырей, в которых число монахов уменьшится до семи человек. Отменялся также указ от 2 апреля 1866 г. о предоставлении главным начальникам Северо-Западных и Юго-Западных губерний закрывать существующие римско-католические монастыри¹.

Католическому духовенству было предоставлено право свободно совершать крестные ходы, похоронные шествия и паломничества с религиозной целью по указанию своего епархиального начальства. Необходимо было только предупредить заранее полицию о месте и времени предполагаемой процессии. Новые правила фактически уравнивали требования к проведению римско-католических крестных ходов с аналогичными требованиями к проведению православных процессий.

Было отменено действие примечания к ст. 139 Устава строительного, определявшего условия сооружения крестов и других священных изображений католиками в губерниях Виленской, Ковенской и Гродненской. Католики получили право свободно сооружать кресты и священные изображения с благочестивой целью на открытых местах. За губернаторами сохранялось право утверждать надписи на крестах и священных изображениях, за исключением текстов из Священного Писания².

Принятые законы окончательно упраздняли региональные административные ограничения и восстанавливали для всех католиков Российской империи единое правовое пространство. В Западно-Русском крае, где существовали административные ограничения религиозной жизни католиков, восстанавливалась власть закона, необходимого для формирования в Российской империи основ правового государства. Законы от 26 декабря расширили область религиозных прав для Римско-католической церкви, завершив процесс развития правового статуса этой терпимой конфессии, начатый действием указа от 12 декабря 1904 г., Положением Комитета министров от 11 февраля 1905 г., указом от 17 апреля и Манифестом от 17 октября 1905 г.

Цель издания новых законов заключалась в попытке установления бесконфликтных отношений государства с Римско-католической церковью на основе действующего права. Российская империя еще раз, в развитие положений принятого религиозного законода-

¹ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127, 164.

² Законодательные акты переходного времени 1904–1908 гг. Изд. 3-е, пересмотренное и доп. по 1 сентября 1908 г.; под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. С. 219–228.

тельства, демонстрировала Римско-католической церкви, что государство видит в этой конфессии не политического врага, как это было ранее, а лояльного партнера по поддержанию правопорядка и религиозно-этнической стабильности на его западных окраинах. Восстановление канонической власти епископата, подменяемой ранее генерал-губернаторами и губернаторами, возлагало на епископат ответственность за проступки ксендзов, которые, с точки зрения правительства, имели негативные социально-политические последствия для государства. Например, разжигание религиозной и этнической розни, посягательства на законные интересы православного населения и т. д. Предполагалось, что законы от 26 декабря будут способствовать тому, что католическое духовенство будет заниматься исключительно религиозным служением, не выходя за границы дозволенного законом.

Завершенный правительством переход на правовую основу во взаимоотношениях с Католической церковью поставил на повестку дня вопрос о правоприменении новых законов на практике. Однако, как уже отмечалось выше, наладить конструктивное сотрудничество МВД с епископатом в деле поддержания правопорядка оказалось довольно сложной задачей. Непростой оказалось и решение проблемы законопослушности духовенства и ограничения его служения исключительно религиозными рамками.

Применение новых законов на практике вызвало серьезные сложности, обусловленные политическими причинами. Мирному проведению религиозных процессий препятствовали провокации со стороны революционеров, вызывавшие трагические последствия для жизни и безопасности граждан. В Белостоке Гродненской губернии 1 июня 1906 г. еврейские боевые дружины совершили одновременно вооруженные нападения на два крестных хода, православный и католический. Среди христиан оказались раненые и искалеченные. Нападение боевиков спровоцировало еврейский погром, который удалось прекратить с помощью войск¹.

Эти события вызвали у администрации К. Ф. Кршивицкого необходимость соблюдения повышенных мер безопасности при организации христианских религиозных процессий в местностях, населенных евреями. Временный генерал-губернатор Белостока и Белостокского уезда генерал-лейтенант И. В. Богаевский вынужден был предпринять строгие меры для предупреждения возможных беспорядков при проведении религиозных процессий. В частности, было признано целесообразным не допускать одновременного следования крестных ходов – православного и католического, в связи с большим скоплением народа. Устанавливался порядок, в соответствии с которым духовенство должно было разъяснить своей пастве, что на насилие нельзя отвечать насилием и что право возмездия за попытки нападения на крестный ход принадлежит власти, а не участникам крестного хода. На духовенство возлагалась ответственность за порядок, соблюдаемый при проведении религиозной процессии².

Гродненский губернатор, обеспокоенный возможностью новых столкновений между христианским и еврейским населением, в июне того же года обратился к генерал-губернатору К. Ф. Кршивицкому. Он сообщил, что местное католическое духовенство в противовес мнению полиции настаивает на проведении крестных ходов в Каменец-Литовске и Нареве Бельского уезда, где существовала опасность возникновения еврейского погрома. Обеспокоенный К. Ф. Кршивицкий обратился к епископу фон Роппу с просьбой отложить на время религиозные процессии на юге Гродненской губернии. Епископ отклонил предложение генерал-губернатора, предупредив по телеграфу местное духовенство, что «католический обряд никогда не был и не должен быть сигналом погрома»³. Крестные ходы на этот раз прошли без инцидентов.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 338. Л. 39–40; Новое время. 1905. 28 июня.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 338. Л. 52–53.

³ Там же. Л. 13.

По данным департамента полиции МВД, события в Белостоке, во многих регионах империи, в особенности в черте еврейской оседлости, вызвали «брожение и крайне тревожное настроение, как в среде христианского населения, оскорбленного дерзким поведением евреев, так и среди сих последних, смущаемых злонамеренно распускаемыми слухами о готовящихся погромах». Для предупреждения возможных эксцессов некоторые губернаторы, получив тревожные сведения, обращались в МВД с просьбами об отмене религиозных процессий либо сами отменяли традиционные религиозные шествия. Решения об отмене крестных ходов, проводимых во имя особо чтимых событий, стали вызывать негодование христианского населения, о чем был поставлен в известность и Николай II. Учитывая опасность сложившейся ситуации, департамент полиции предлагал губернаторам прибегать к отмене христианских процессий и крестных ходов «лишь в исключительных случаях»¹.

В частности, в связи с возможностью возникновения еврейского погрома, по решению губернатора, поддержанного МВД, были отменены назначенные на 4 июня 1906 г. в Минске крестные ходы – православный и католический. Епископ Минский Михаил и католический декан К. Михалькевич согласились ограничиться религиозным шествием только вокруг соборов².

Начальник виленского охранного отделения получил информацию о том, что террористы собираются бросить бомбу во время католического крестного хода, назначенного епископом фон Роппом на 4 июня 1906 г. В связи с возможным возникновением еврейского погрома, департамент полиции предупредил губернатора, что «всякие шествия, могущие дать повод к уличным столкновениям, представляются опасными». Однако в Вильно крестный ход отменен не был. В город были вызваны войска, и администрация предприняла необходимые меры по обеспечению безопасности католической процессии. По сообщению начальника губернского охранного отделения, крестный ход прошел совершенно спокойно, «несмотря на то, что неблагонадежным элементом из евреев была предпринята попытка произвести панику в пятидесятитысячной толпе»³.

Помимо провокаций со стороны еврейских боевиков, другой проблемой для властей при проведении религиозных процессий стали попытки католического духовенства придать этим торжественным ритуальным шествиям черты антиправительственной политической демонстрации. Гродненский губернатор Ф. А. Зейн получил сведения о том, что 24 июня 1907 г. в м. Мосты из Рожанковского костела Лидского уезда Виленской губернии прибыл крестный римско-католический ход, возглавляемый ксендзом Кляммом. Процессию сопровождали около 30 всадников с лентами и флагами «национального польского цвета». Эти всадники, сообщил Ф. А. Зейн генерал-губернатору, «изображали собой якобы польскую гвардию и произвели на крестьян сильное впечатление, наводя их на мысль о возрождении польского владычества в крае». По мнению Ф. А. Зейна, упомянутое сопровождение ни имело никакого отношения к религиозной стороне дела, а сам крестный ход был использован в целях политического характера. Губернатора волновал вопрос, есть ли правовые основания для того, чтобы полиция, не препятствуя совершению крестных ходов, имела право не допускать их польскую «декоративную обстановку»⁴.

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 745. Л. 30.

² Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1991. С. 68; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 745. Л. 24.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 745. Л. 3.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 359. Л. 1. В качестве демонстрации польской идентичности религиозных процессий администрация усматривала цвета используемых в них флагов и значков. Согласно справке, подготовленной канцелярией виленского генерал-губернатора для МВД: «Комбинации цветов польского государственного герба: бело-красный и бело-малиновый, получившие в Царстве Польском... значение польских национальных цветов, с течением времени приобретают значение цветов национальных и в среде той части католического населения Западно-Русской окраины, которая под вековым влиянием польской культуры усвоила убеждения, что принадлежность к католической церкви знаменует собой и принадлежность к польской национальности». См.: ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1910. Д. 88. Л. 3.

Почти одновременно с Ф. А. Зейном за указаниями к генерал-губернатору К. Ф. Кршвицкому обратился и виленский губернатор Д. Н. Любимов, также сообщавший о попытках римско-католического духовенства губернии использовать в религиозных процессиях национальную польскую атрибутику. Особенно ярко приверженность к бывшей Речи Посполитой проявлялась при поездках епископа фон Роппа по епархии. При его появлении делались попытки установить огромные польские гербы, которые, несмотря на протесты духовенства, были немедленно сняты полицией. По мнению Д. Н. Любимова, после издания указа от 17 апреля 1905 г. администрация так и не получила указаний о пределах допустимости «внешнего оказательства римско-католического культа» в религиозных процессиях и канонических визитациях епископов. Губернатор считал необходимым запретить во время торжественных процессий особых флагов и гербов, так как все эти предметы, не имея никакого отношения к религиозному ритуалу Римско-католической церкви, «распространяются в здешнем крае католическим духовенством и поляками-националистами исключительно в видах ополячения местного белорусского населения»¹.

Попытки римско-католического духовенства использовать религиозные процессии для польских политических манифестаций вызвали тревогу К. Ф. Кршвицкого. Не считывая на содействие, он все же обратился к епископу фон Роппу с предложением устранить из католических процессий «это нежелательное явление». Следует отметить, что фон Ропп откликнулся незамедлительно. Столь спешная отзывчивость на запрос власти, не характерная для этого епископа, была продиктована, очевидно, пониманием, что чаша терпения властей уже исчерпана.

5 июля 1907 г. епископ издал циркуляр деканам Виленской епархии, в котором предписывал им «наблюдать, чтобы крестные ходы и паломничества сохранили строго религиозный характер, как по отношению к носимым знакам религиозной чести, так и песнопению». Епископ обратил внимание деканов епархии на неуместность сопровождения религиозных процессий «бандерией», т. е. группой всадников, которые придавали религиозному торжеству светский характер². Впрочем, администрация едва ли могла рассчитывать на то, что указанный циркуляр станет эффективным средством борьбы против попыток политизации религиозных процессий. То, что губернаторами именовалось демонстрацией польского национализма, фон Ропп именовал «признаком народного веселья и торжества», трактуя светский антураж процессий как политически нейтральный. Сам епископ фон Ропп не собирался придерживаться предписанных им духовенству правил, и во время объезда Волковысского уезда в середине августа 1907 г. его сопровождали всадники с польскими флагами, которые, по словам губернатора Ф. А. Зейна, «произвели весьма удручающее впечатление на православное население»³.

Поэтому проблема, о которой писали губернаторы, требовала решения по существу, с помощью вышестоящей государственной инстанции. Поиск необходимых правовых инструментов для пресечения попыток использования религиозных процессий в политических целях заставил К. Ф. Кршвицкого в середине июля 1907 г. обратиться за разъяснениями к П. А. Столыпину. Но ответ министра внутренних дел задерживался. А в это время произошли события, подстегнувшие решимость генерал-губернатора к самостоятельному административному нормотворчеству.

8 сентября 1907 г. в Вильно прибыла процессия из Ченстохова, в которой принимали участие около 800 паломников и 21 ксендз из Калишской и Келецкой губерний. По мнению виленского губернатора Д. Н. Любимова, процессия эта «по всем признакам имела характер не столько религиозного паломничества, сколько политического выступления, имевшего, по-видимому, целью примирение и объединение поляков с литовцами, ввиду возникшего в последнее время между ними разлада на почве национальной борьбы»⁴.

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 359. Л. 3–5.

² Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 15. С. 306.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 359. Л. 39.

⁴ Там же. Л. 23.

Действия участников паломничества в Вильно приобрели характер польской национальной манифестации. Паломники, прибывшие со своим оркестром, с хоругвями ремесленных цехов, пели польские гимны и раздавали жителям Вильно особые медальоны, на которых, с одной стороны, находилось изображение Ченстоховской Богоматери с польской надписью вокруг: «Мать Божия Ченстоховская, королева Польши, помогай и веди нас!» На другой стороне – изображение гербов Литвы и Польши. Щит, на котором были изображены эти гербы, опирался на саблю и ружье, а сверху венчался двумя хоругвями. На одной из них красовалась дата «1830 год», а на другой – «1863 год». Поверх гербов шла надпись: «Боже, избавь Польшу»¹.

Приезд паломников оказался неожиданным для администрации губернии. Застигнутые врасплох, губернские власти не смогли удержать паломников от демонстрации польской национальной символики и пропагандистских выступлений. Губернатор Д. Н. Любимов, указывая в донесении генерал-губернатору на «крайнюю ненормальность описанных явлений», предложил издать специальные правила, позволяющие администрации пресекать попытки проведения политических манифестаций под видом крестных ходов и религиозных процессий. Генерал-губернатор К. Ф. Кршвицкий незамедлительно отреагировал на демонстративно политическое поведение ченстоховских ксендзов и паломников и 13 сентября 1907 г. издал «Обязательное постановление» для жителей Виленской, Ковенской и Гродненской губерний. Цель постановления заключалась в том, чтобы не допускать политизации религиозных процессий. В постановлении говорилось:

1. Прибытие иногородних религиозных процессий в пределы губерний воспрещается без испрошения на то заблаговременного разрешения губернского начальства.

2. Воспрещается сопровождение процессий оркестрами музыки, без надлежащего на то разрешения.

3. Воспрещается участие в процессиях в одеяниях, не имеющих никакой связи с отпразднованием духовного торжества, равным образом воспрещается несение цеховых знамен, значков и прочих эмблем, не составляющих предметов церковно-религиозного обихода.

Виновные в нарушении настоящего обязательного постановления подвергаются в административном порядке штрафу до пятисот рублей или аресту до трех месяцев².

«Обязательное постановление», в качестве подзаконного нормативного акта, в совокупности с каноническим распоряжением епископа фон Роппа от 5 июля 1907 г. были призваны предотвратить попытки нарушения закона от 26 декабря 1905 г. «О римско-католических крестных ходах и религиозных процессиях» и адаптировать его положения к условиям Северо-Западного края.

Однако история с паломничеством из Ченстохова имела свои последствия. Узнав от К. Ф. Кршвицкого о событиях в Вильно, П. А. Столыпин пришел к неприятному для генерал-губернатора заключению: «О полной неосведомленности и недопустимой слабости действий местной администрации и полиции в Северо-Западной окраине, где охрана интересов государственных должна составлять предмет особой бдительности гражданской власти, обязанной в самом корне подавлять, хотя бы с применением силы, такого рода политические выступления ксендзов и населения, какими являются процессии, сопровождаемые указанными выше демонстрациями»³.

П. А. Столыпин уведомил Кршвицкого, что свою оценку событий в Вильно он изложит императору. Виленских ксендзов – Мокржецкого и Ковальского, принявших участие в организации паломничества и не понесших за это наказания от местной администрации, П. А. Столыпин посчитал необходимым отстранить от занимаемых должностей⁴.

¹ Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 15. С. 307.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 359. Л. 24.

³ Там же. Л. 49 об.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 75.

Уязвленный Кршивицкий не смог удержаться от встречных обвинений, упрекнув председателя Совета Министров П. А. Столыпина в необъективной оценке действий властей. Упрек в свой адрес К. Ф. Кршивицкий признавал «неосновательным». Генерал-губернатор напомнил П. А. Столыпину, что еще за два месяца до появления Ченстоховской процессии сообщал министру об отсутствии определенных указаний «о пределах допустимости внешнего оказательства римско-католического культа», действующих после объявления указа о веротерпимости, предупредив о том, что неограниченная свобода римско-католических процессий «может привести к крайне вредным последствиям». К. Ф. Кршивицкий просил тогда соответствующих разъяснений. Но, добавлял он, «таковых не последовало до настоящего времени»¹.

В завершение Кршивицкий заявил П. А. Столыпину о своем намерении обратиться по данному делу с запиской к государю, «перед коим единственно я несу ответ за мою деятельность».

Императору, выступившему в качестве верховного арбитра, пришлось указать К. Ф. Кршивицкому, что «всякие руководящие указания председателя Совета Министров, на коем лежит обязанность направления и объединения действий правительства по предметам высшего государственного управления, имеют, безусловно, обязательное значение, как для центральных, так и для местных властей, и что власти эти не вправе оспаривать таковые указания». Со своей стороны П. А. Столыпин пояснил генерал-губернатору, что «местному начальству должно быть известно, что на религиозных процессиях не может быть допущено никаких манифестаций светского и тем более политического характера и что нарушение этого правила должно требовать немедленного вмешательства и воздействия администрации»².

Вместе с тем П. А. Столыпин выказал уверенность, что «Обязательное постановление» от 13 сентября, изданное в порядке высочайшего повеления 29 января 1904 г., при своевременных действиях местных властей, «в достаточной степени ограждает интересы государственного порядка». В этой связи П. А. Столыпин «не признал ныне возможным» внесение в Государственную Думу предложения об изменении закона о религиозных процессиях от 26 декабря 1905 г.

По мнению председателя Совета Министров, действие изданного К. Ф. Кршивицким «Обязательного постановления» следует распространить и на «демонстрации политического свойства», которые могут иметь место и при визитации приходо́в католическими епископами. Обо всех нарушениях установленных правил следовало сообщать в МВД³.

Паломничество из Ченстохова в Вильно и Кальварию, вызвавшее конфликт между П. А. Столыпиным и К. Ф. Кршивицким, осталось в памяти Николая II. В феврале 1908 г., принимая виленского губернатора Д. Н. Любимова, император указал ему на нежелательность допущения в римско-католических процессиях присутствия всадников со значками и флагами. Высочайшее указание подвигло Любимова в апреле того же года выступить с инициативой дальнейшей адаптации закона от 26 декабря к реалиям западной окраины империи. Настойчивость Любимова диктовалась необходимостью совершенствования механизма адаптации нового закона в условиях непрекращающихся попыток его нарушения путем «публичного оказательства польщизны». Католические святыни Вильно являлись местом религиозного притяжения католиков Северо-Западного края, Привисленского края и белорусских губерний. Данное обстоятельство возлагало на виленского губернатора особую ответственность за соблюдение законности и порядка в городе и его окрестностях.

В преддверии наступающего летнего периода паломнической активности католиков, губернатор предложил К. Ф. Кршивицкому изданием нового распоряжения усилить от-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 359. Л. 53.

² Там же. Л. 56–57.

³ Там же. Л. 58–59 об.

ветственность католического епископата за проведение религиозных процессий, с одной стороны. С другой – в связи с «крайней затруднительностью» для полиции определять различие между религиозными эмблемами и национально-политической символикой, окончательное разрешение этих вопросов следовало предоставить в губернском городе – губернатору, в уездах – начальникам полиции. Д. Н. Любимов полагал целесообразным дополнить новое распоряжение по краю указанием относительно запрета на участие в процессиях всадников и поставить в известность о новом нормативном акте варшавского генерал-губернатора и губернаторов белорусских губерний¹.

Новое распоряжение по краю от 21 апреля 1908 г. практически дублировало основные положения «Обязательного постановления» от 13 сентября 1907 г., но регион контроля за его исполнением был значительно расширен. Уведомление о его действии относительно процессий, прибывающих в пределы Северо-Западного края, было направлено варшавскому генерал-губернатору Г. А. Скалону, известившего в свою очередь о «постановлении» местный католический епископат и варшавского обер-полицмейстера. Распоряжение К. Ф. Кршивицкого было направлено для сведения могилевского, витебского и минского губернаторов².

Несколько позже, 10 июля 1909 г., П. А. Столыпиным было принято решение о недопущении католических крестных ходов из Гродненской губернии в местности Седлецкой и Люблинской губерний, которые подлежали выделению в особую Холмскую губернию³.

Пробным камнем реализации установленных генерал-губернатором правил стало проведение католического и православного крестных ходов в Вильно. При подготовке крестных ходов выяснилось, что католический праздник «Божьего Тела», отмечаемый 12 июня, совпадал с православным праздником воссоединения унии. В прошедшем 1907 г. одновременное проведение крестных ходов по узким улицам города в связи с отсутствием должной организации шествий привело к тому, что процессии едва не столкнулись на Большой улице.

По этому поводу 3 июня было созвано особое совещание представителей администрации, католического и православного духовенства во главе с К. Ф. Кршивицким. Учитывая заявление прелата В. Фронцкевича о том, что по канонам Католической церкви не запрещается перенесение процессий в честь праздника «Божьего Тела» на следующий день, совещание решило перенести католический крестный ход с 12 на 15 июня 1908 г.

При этом генерал-губернатор обратил внимание на необходимость точного соблюдения католической стороной изданных им «обязательных постановлений» и не допущения выставления на пути следования процессии каких-либо эмблем, не имеющих религиозного значения⁴.

Решение особого совещания вызвало недовольство католического населения. По сведениям газеты «Русь», «польское коло» в Государственной Думе получило из Вильно сообщение «о новом стеснении, введенном местной администрацией в отправлении религиозных обычаев». Газета обвинила в происшедшем православное духовенство, кото-

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1908. Д. 357. Л.1–2 а об.

² Там же. Л. 6–7.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 143.

⁴ Виленский вестник. 7 июня 1908 г. Указания генерал-губернатора не могли повлиять на стойкую приверженность католического населения к польской национальной символике, используемой в религиозных процессиях. Несколько позже, в 1910 г., администрация по-прежнему отмечала «многие факты употребления местным населением национальных цветов «красно-белого» и «бело-малинового» сочетаний под самыми разными предлогами, но с определенной целью украсить торжество вышеупомянутыми цветами и придать ему, таким образом, национальный польский характер... При ежегодных процессиях в праздниках «Божьего Тела»... обыватели города старались хоть как-нибудь придать торжеству польский характер, подбирая украшения: цветы, ленты, флаги преимущественно красного и белого цветов». См.: ЛГИА. Ф. 378. Оп.1910. Д. 88. Л. 3.

рое якобы, «желая парализовать торжество поляков», обратилось с просьбой к администрации, что «оно желает устроить в этот день процессию русских по городу»¹.

Недобросовестные интерпретации событий, подобно приведенному выше примеру, усложняли усилия администрации по установлению порядка в организации и проведении религиозных процессий. Со своей стороны католическое духовенство не выказывало желания соблюдать закон от 26 декабря и порядок его исполнения как в Северо-Западном крае, так и других регионах империи.

Поэтому МВД, проанализировав практику правонарушений в этой области, 25 июля 1908 г. издало распоряжение для губернаторов, призванное усилить административный контроль за правоприменением закона. В указанном циркуляре МВД обращало внимание губернаторов на то, что «в различных местностях Российской империи католические процессии нередко принимают характер политических манифестаций, будучи сопровождаемы произнесением речей, раздачей различного рода брошюр и эмблем, музыкой, кавалькадами, несением знамен и употреблением одеяний, не имеющих религиозного значения». В этой связи МВД потребовало от губернаторов точного соблюдения закона, чтобы заявленные процессии носили подлинно религиозный характер и не представляли собой попыток к проведению антиправительственных демонстраций².

Впрочем, для администрации Северо-Западного края общероссийские указания министерства не были откровением. Губернаторы, руководившие региональными нормативными актами, имели достаточный опыт распознавания характера процессий и практики наказаний ксендзов-правонарушителей. В этом отношении 1908 г. оказался довольно «урожайным», правда, не столько политизацией религиозных процессий, сколько правонарушениями.

В июле 1908 г. за устройство крестного хода без соответствующего разрешения администрации и предупреждения полиции на 50 рублей каждый были оштрафованы ксендзы Броницкий и Янцевич – настоятели Моссарского и Удзельского костелов Дисненского уезда, а также ксендз Пласковицкий, настоятель Кемелишского костела Свенцянского уезда³.

Викарный ксендз виленского костела св. Иакова Клепацкий, вопреки действующим правилам, устроил религиозное шествие в Кальварию. Этот священник не счел нужным получить разрешение духовной консистории и не уведомил полицию о предстоящем шествии. Виленским губернатором Любимовым ксендз Клепацкий был оштрафован на 100 рублей⁴. Гродненский губернатор В. М. Борзенко в сентябре 1908 г. оштрафовал на 200 рублей ксендза Сегневичского костела Пружанского уезда Антония Салатынского за нарушение п. 2 «Обязательных постановлений» виленского генерал-губернатора⁵.

Однако полученное взыскание не остановило этого ксендза. По сведениям гродненского губернаторского жандармского управления, в июне 1909 г. «ksenдз Салатынский вместе с настоятелем Каргуз-Березского костела Стефанием Запасником, после обеда, будучи не совсем в трезвом виде, совершили крестный ход с музыкой и национальными флагами». Материалы произведенного по этому делу расследования были направлены гродненскому губернатору⁶.

Настойчивость администрации Северо-Западного края в борьбе с правонарушениями в области проведения религиозных процессий не была безрезультатной. Так, в августе 1910 г. виленский губернатор Д. Н. Любимов сообщал в МВД, что «в течение июня из

¹ Русь. 1908. 13 июня.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 171.

³ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1908. Д. 357. Л. 34.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 403. Л. 78.

⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 745. Л. 85.

разных р-к приходов Виленской губернии было совершено 11 процессий в Кальварию и 2 в июле. На устройство этих процессий по установленному порядку всякий раз испрашивается заранее мое разрешение и таковые допускаются только с соблюдением всех требований закона от 26 декабря 1905 г. и правил, изложенном в обязательном постановлении б. начальника края от 13 сентября 1907 г.»¹

Немало сложностей с правоприменением закона от 26 декабря 1905 г. «О римско-католических крестных ходах и религиозных процессиях» возникло в белорусских губерниях, входивших в состав Могилевской римско-католической архиепархии. Духовенство этой Церкви пыталось интерпретировать указанный закон так, чтобы избежать необходимого в данном случае уведомления полиции о предстоящем проведении процессии.

Упорство, с которым ряд ксендзов Минской губернии отказывались следовать нормам нового законодательства, вызывало негативную реакцию П. А. Столыпина. В сентябре 1907 г. министр внутренних дел указал прелату Денисевичу, что «ксендзы Минской губернии не исполняют закон от 26 декабря 1905 г., обязывающий р-к духовенств каждый раз заблаговременно извещать местную полицейскую власть о времени и месте предложенных к свершению крестных ходов и иных религиозных процессий». Министр потребовал от управляющего Могилевской архиепархией разъяснить подведомственному духовенству «необходимость строгого выполнения закона от 26 декабря 1905 г. о религиозных процессиях» и предупредить, что виновные «будут подвергаемы законной ответственности»².

Вскоре появились и виновные. Вот несколько курьезных случаев с настоятелем Слуцкого костела Минской губернии К. Ваньковичем, высланным впоследствии за разжигание религиозно-этнической розни и прозелитизм за пределы Минской губернии. В результате официального расследования выяснилось, что выданное бывшим полицейским урядником 23 участка Новогрудского уезда Дервизом ксендзу Ваньковичу удостоверение оказалось подложным. Ксендз, будучи в сговоре с урядником, обманул администрацию, организовав крестный ход без уведомления полиции. Затем задним числом был составлен документ о том, что будто бы в июле 1908 г. ксендз своевременно сообщил уряднику о времени и месте запланированной римско-католической процессии³.

За нарушение закона от 26 декабря 1905 г. земский начальник Слуцкого уезда оштрафовал этого ксендза на 20 рублей. Тем же земским начальником за нарушение правил организации крестных ходов в м. Ляховичи и Снов на 10 рублей был оштрафован ксендз В. Герасимович⁴.

Администрация белорусских губерний учитывала низкую эффективность такого рода наказаний, не способных воспитывать католическое духовенство в духе законопослушания. Поэтому губернаторы вынуждены были прибегать к созданию нормативных актов, позволяющих установить оперативный контроль за точным исполнением закона от 26 декабря 1905 г. и циркуляра МВД от 25 июля 1908 г.

Могилевский губернатор Д. Ф. фон Гагман обратился в МВД с просьбой о предоставлении ему права издать «обязательное постановление о недопущении политического элемента в религиозных процессиях». Необходимость такого распоряжения появилась после того, как администратор Радомльского костела ксендз Г. Будрис, в нарушение требований закона от 26 декабря 1905 г., в июне и июле 1909 г. совершил крестные ходы из с. Радомля в м. Рясну Чаусского уезда и с. Фашевку Горецкого уезда. Участники процессии демонстрировали символику, которую администрация губернии расценивала в качестве польской. МВД предоставило губернатору запрашиваемое право⁵.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 159.

² Там же. Л. 164–167.

³ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7285. Л. 87.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7494. Л. 31.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 132.

Минский губернатор Я. Е. Эрдели на основании своего циркуляра, изданного 27 августа 1908 г., запретил в июле 1909 г. проведение крестного хода в Новогрудском уезде. Мотивом для запрета стали сведения о том, что заявленная ксендзами Даревского костела процессия «должна была принять характер политической манифестации»¹.

Следует отметить, что усиление административного контроля за правоприменением закона от 26 декабря 1905 г. было вызвано не только опасениями политического характера. Несоблюдение предусмотренных законом правил могло угрожать жизни и безопасности граждан, особенно в тех случаях, когда возникала опасность разжигания межрелигиозных конфликтов, катализатором которых могли выступить религиозные процессии и действия отдельных ксендзов.

В местечке Лахва Мозырского уезда Минской губернии 8 июня 1908 г. в день освящения местной каплицы настоятель Давид-Городокского костела ксендз М. Томашевич, не желая подчиняться действующим правилам, вступил в конфликт с местным приставом, на законном основании отказавшему ему в проведении крестного хода. В ответ раздраженный ксендз Томашевич обратился к собравшимся паломникам с проповедью следующего содержания: «Что они – католики, терпели и терпят много притеснений со стороны своих врагов – русских, которые, несмотря на торжество освящения выстроенной каплицы, омрачили религиозное чувство католиков недопущением встречи своих единоверцев с крестным ходом». В заключение ксендз просил собравшихся помолиться, «чтобы Матерь Божия избавила их от таких врагов». Сведения об экстремистских заявлениях ксендза Томашевича были направлены минским губернатором Я. Е. Эрдели в МВД².

События в местечке Лахва получили всероссийскую огласку благодаря публикации газеты «Новое время». Мозырский благочинный священник Тумилович, отвечая на запрос минской духовной консистории о состоянии межконфессиональных отношений в этой местности, писал епископу Михаилу: «Фанатические речи ксендзов, обращенные к своей пастве с целью наэлектризовать последнюю против “схизматиков”-православных, не имеют вредных последствий: отношения местных католиков к православным до настоящего времени остаются прежние»³.

Если в Мозырском уезде опасность столкновения между католиками и православными, в силу местных условий, была невелика, то гораздо большая вероятность вспышки межрелигиозных конфликтов возникала в тех местностях, где отношения между верующими отличались сложностью и напряженностью.

Таким местом оказался Полоцк. В этот город ежегодно стекались тысячи православных паломников ко дню празднования памяти св. Евфросинии, княжны Полоцкой (23 мая по ст. стилю), в основанный ею монастырь. В свою очередь Католическая церковь в тот же день, 23 мая 1907 г., установила в Полоцке открытое чествование Андрея Боболи, почитаемые мощи которого находились в местном костеле⁴. С 1908 г. католическое духовенство в день памяти этого святого начало устраивать в городе крестные ходы.

Витебский губернатор Б. Б. Гершау-Флотов, в отчете императору за 1908 г., высказал предложение удалить из Полоцка мощи Андрея Боболи, мотивируя это тем, что в 1910 г. предстояло перенесение мощей преп. Евфросинии из Киево-Печерской лавры в Спасо-Ефросиньев монастырь. Губернатор предупреждал Николая II, что «одновременное ско-

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 153.

² ГАРФ. Ф.102. Оп. 236. Д. 745. Л. 82–83.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп.1. Д. 37323. Л. 220.

⁴ Андрей Боболя (Анджей Боболя; 30 ноября 1591 г. – 16 мая 1657 г.) – польский католический святой, священномученик, член ордена иезуитов. Убит казаками Богдана Хмельницкого в Иванове, современной Беларуси. В 1755 г. папа Бенедикт XIV провозгласил его мучеником. Андрей Боболя беатифицирован 30 октября 1853 г. папой Пием IX, канонизирован 17 апреля 1938 г. папой Пием XI. В 1808 г. мощи А. Боболи были перевезены из Пинска в Полоцк.

пление в таком небольшом городе, как Полоцк, несколько десятков тысяч народа, православных и католиков, уже и теперь является серьезной угрозой общественному порядку и спокойствию, ибо самое ничтожное столкновение, хотя бы на личной почве между кем-либо из паломников... при тех натянутых отношениях, какие между ними существуют, немедленно превратится во всеобщее побоище»¹.

Император, прочитав отчет, сделал пометку: «обсудить». В связи с этим при МВД было образовано Особое совещание, которое приняло предложение П. А. Столыпина об оставлении мощей А. Боболи в Полоцке. По мнению министра, предлагаемая губернатором мера «не соответствует государственным интересам», так как носит характер неправомерного «притеснения римско-католической веры». Результатом удаления из города мощей Андрея Боболи стало бы только усилением фанатизма в католических массах, что вызвало бы еще большую рознь между католическим и православным населением. П. А. Столыпин был убежден в том, что «предложенная губернатором мера послужила бы, несомненно, на пользу Католической церкви, способствуя возвеличению Андрея Боболи как святого». 23 апреля 1910 г. мнение Особого совещания было утверждено императором².

Пока шло обсуждение радикального предложения витебского губернатора, самому Гершау-Флотову необходимо было решать ответственные задачи по обеспечению в день праздника безопасности католического и православного крестных ходов. Губернатор, прибывший в Полоцк накануне шествия 23 мая 1909 г., предпринял экстренные меры безопасности. В город было стянуто 125 конных и 65 пеших стражников. По указанию губернатора, крестные ходы православных и католиков, храмы которых находились вблизи друг от друга, должны были проходить в разное время. Благодаря усилиям администрации, празднование памяти святых Евфросинии Полоцкой и Андрея Боболи, несмотря на огромное стечение народа, прошло «в полном порядке»³.

Дарованное законом от 26 декабря 1905 г. расширение свободы общественных богослужений потребовало от администрации своевременных мер по обеспечению общественной безопасности и пресечению попыток превращения религиозных процессий в политические демонстрации. Но, как и в Северо-Западном крае, администрации белорусских губерний пришлось столкнуться со сложными случаями, когда противоправные действия совершались во время епископского объезда Могилевской архиепархии.

Памятуя о польских манифестациях, в которые превращались торжественные объезды епископом фон Роппом своей епархии, МВД в 1910 г. издало распоряжение, запрещавшее придавать епископским поездкам характер исключительных празднеств. На этот раз нарушителем требований МВД оказался Могилевский епископ-суффраган Иоанн Цепляк, который в сентябре 1910 г. совершал каноническую визитацию приходов Минской губернии. По данным минского губернского жандармского управления, торжественные встречи, устраиваемые прихожанами епископу в Новогрудском уезде, «носили характер политической демонстрации».

По признанию самого епископа Цепляка: «Большое впечатление производили всегда многочисленные и усердные съезды местных помещиков-католиков, которые в Минской губернии везде поляки, а потому празднества сами по себе, будучи по существу католическими, принимали по внешности польский характер. Это, — отмечал епископ, — отражалось на физиономии всего края и не могло понравиться некоторым сферам». Содержание речей, с которыми епископ обращался к пастве, не отличалось объективностью в отношении существующих отношений веротерпимости. «Когда я вообще говорил об исключительных условиях, то, потрясенный видом людей, которые, несмотря на все, так твердо держатся своей веры, я всегда приходил в возбуждение». Слова склонного к эк-

¹ НИАБ. Ф. 1430. Оп.1. Д. 47382. Л. 43.

² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47606. Л. 25–26.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 138.

зальтации епископа нельзя было истолковать иначе, как признание того, что белорусские католики живут в условиях гонений и вынуждены отстаивать свою веру от преследований государства, что уже явно не соответствовало реальному положению дел¹.

В письме к митрополиту Ключинскому епископ утверждал: «Позволю по совести заверить Правительство, что при моем посещении католической паствы ничего антигосударственного, ни вообще ничего предосудительного совершено мной не было».

Однако чиновник особых поручений Ал. Мамантов, расследовавший по заданию МВД поведение епископа во время визитации, пришел к другому выводу. «Объяснение епископа Цепляка едва ли может быть признано вполне искренним и правдоподобным... Забота о сооружении новых костелов заставила его искать расположения местных магнатов, всегда враждебно настроенных ко всему русскому и православному и не оставляющих мечты об ополячении края и об отделении Минской губернии, как пограничной с Россией – в состав нового Королевства Польского, а потому продолжительное пребывание в их среде, очевидно, повлияло на изменение образа мыслей епископа и заставило его, в угоду польских сепаратистов, придавать своим речам тенденциозно-политическую окраску»².

Не удивительно, что визитация епископа была прервана официальным вызовом в Санкт-Петербург. Последовало расследование, в результате которого епископ Цепляк, признанный виновным в поощрении незаконных польских манифестаций, был лишен должности члена Римско-католической коллегии и связанного с этой должностью денежного содержания в размере 600 рублей. По сообщению «Нового времени», в виленской польской печати все это вызвало громкое негодование... по адресу местной русской печати, православных братств и вообще «русского национализма», невинной жертвой которого оказался епископ Цепляк³.

По данным расследования, произведенного полицией во время визитации епископа, ксендзы В. Герасимович, А. Ганич, Б. Стефанович, Л. Кавецкий, Ф. Оскерко и Юршан произносили речи «противоправительственного содержания и вредной агитации в духе польского сепаратизма» и вывешивали польские национальные флаги. Настоятель Клецкого костела Слуцкого уезда В. Герасимович решением Особого совещания МВД был выслан на три года в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции. Остальные ксендзы были наказаны денежными штрафами⁴.

Как показал опыт правоприменения закона от 26 декабря 1905 г. к религиозно-этническим условиям Западной России, часть католического духовенства, воспользовавшись расширением свободы общественных богослужений, попыталась использовать ее в политических целях. Оказалось, что традиция политизации религиозных процессов, с которой правительство после 1863 г. боролось с помощью административных запретов и наказаний, к началу XX в. была вовсе не изжита. С новыми правовыми возможностями, которые предоставлял католическому духовенству и населению закон от 26 декабря 1905 г., возникают попытки реанимации этой противоправной традиции. Учитывая политическую и социальную опасность, которую представляли неконтролируемые государством религиозные шествия, правительство и местные власти с помощью административных мер

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп.1910. Д. 88. Л. 27.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 3080. Л. 74 об, 91–93 об.

³ Новое время. 1910 г. 17 октября.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 31; НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7494. Л. 105. Несмотря на указанные факты, католический священник Ж. Леди описывает визитацию епископа Цепляка как явление исключительно религиозного характера. При этом Леди подчеркивает польскую идентичность прихожан, в то время как подавляющее большинство местных католиков составляли этнические белорусы: «По сути дела, не было иных оснований для жалоб, кроме того факта, что всюду по пути следования епископа Цепляка католики, в основном все бывшие по языку и по крови поляками, приходили в состояние радостного возбуждения». См.: *Леди Ж., священник. Архиепископ Иоанн Цепляк // Покров. Альманах российских католиков. Вып. 12. М., 2001. С. 78.*

принуждали католическое духовенство действовать в соответствии с законом. Со своей стороны часть ксендзов, в силу политических пристрастий или нежелания подчиняться нормам, которые противоречили церковной экклезиологии, не желали следовать государственным узаконениям.

Летом 1914 г. результаты этого противоборства подвел министр внутренних дел Н. А. Маклаков. Анализируя результаты правоприменения законодательства о веротерпимости, министр отмечал, что «право устройства религиозных процессий было использовано католическим духовенством для организации польских демонстраций», но, по утверждению министра, МВД были приняты необходимые меры к «устранению из них всяких политических признаков»¹.

2. Столкновения католиков и православных в связи с водружением крестов

Если выполнение закона от 26 декабря о крестных ходах вызвало ряд правонарушений со стороны католического духовенства и мирян, то к гораздо более серьезным последствиям привели споры, возникшие между православными и католиками по вопросу о постановке крестов. Провозглашенное законом от 26 декабря 1905 г. право католического населения на свободное сооружение крестов и священных изображений в своем практическом применении вызвало ряд конфликтов между православными и католиками.

В начале июня 1906 г. православные прихожане местечка Радошковичи Виленской губернии решили поставить деревянный крест на участке церковной земли, находившемся на окраине селения. Местные католики также пожелали соорудить крест на этом же месте. Опередив православных, они привезли с собой деревянный крест и начали его водружение, объясняя собравшимся православным, что тридцать лет назад здесь находился римско-католический крест. Однако православные не позволили католикам осуществить задуманное на земле, принадлежавшей их приходу. В ответ последние начали произносить угрозы и даже толкнули подошедшего священника, что вызвало взрыв негодования среди его паствы. Но священник и полицейский успокоили разгневанных прихожан, не допустив столкновения между верующими. В результате четверо католиков – инициаторов конфликта, постановлением генерал-губернатора К. Ф. Кршвицкого были подвергнуты наказанию, просидев под арестом в полиции три недели².

В Могилевской губернии инициатором конфликта между администрацией и католическим населением выступил известный нам уже ксендз В. Миржвинский, переведенный сюда из Минской губернии за прозелитизм и разжигание этнической розни. В 1906 г., будучи настоятелем Светиловичского костела, этот не в меру ревностный священник «приказал поставить на улицах м. Бельнич, напротив домов католиков, громадные черные кресты, которые стеснили движение по улицам, ввиду чего полиция обязала владельцев таковых снести их». Однако домовладельцы, под воздействием ксендза, который освятил эти кресты, отказались исполнить законное требование полиции. Вместо того чтобы выяснить вопрос у земского начальника, Миржвинский обратился с речью к католикам м. Бельнич, в которой призывал их «к насильственным действиям против полиции». В результате расследования виновные были оштрафованы, а кресты снесены.

¹ Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1911. № 10. С. 204; РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 150. Л. 4 об, 9 об.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1906. Д. 380. Л. 5.

МВД и на этот раз вынуждено было потребовать от прелата Денисевича перевести «названного священника в другой приход»¹.

Помимо конфликтов с полицией и открытых столкновений православных и католиков, случались и проявления вандализма в отношении объектов почитания христиан обеих церквей. В Гродненской губернии крестьянин-католик из деревни, соседней с Красностоцким православным монастырем, поставил на расстоянии версты от монастыря большой каменный крест с надписью на польском языке: «Мать Божия Красностоцкая, помни о нас бедных». На второй день Пасхи 1907 г. этот крест был разрушен неизвестными и надпись уничтожена². В м. Ракишках Новоалександровского уезда Ковенской губернии были разрушены все памятники и кресты на православном кладбище³.

Для католического населения м. Ивенец Минского уезда попытка самовольно установить деревянный крест на площади напротив православного храма закончилась трагично. Демонстративный жест местных католиков в форме незаконного водружения креста был обусловлен тем, что этот храм был перестроен из францисканского костела, закрытого в свое время администрацией за антиправительственную пропаганду во время восстания 1863 г.

На законное требование полиции убрать крест, поставленный 30 мая 1907 г. и освященный ксендзом Л. Щербо, местные католики ответили решительным отказом. Тогда 3 июля этого же года полицейские, по решению земского начальника, несмотря на сопротивление собравшейся толпы, перенесли крест на местное римско-католическое кладбище. Однако католики вновь повторили попытку установить крест на прежнем месте. Полиция попыталась снова изъять крест, но встретила яростное сопротивление, в нее начали швырять камнями и кольями. В результате некоторые полицейские, включая и пристава Корзунова, получили ранения. Так как агрессивность толпы (до 200 человек) возрастала, полиция вынуждена была, исчерпав все меры предупреждения, открыть стрельбу. В результате была убита шестидесятилетняя Юлия Микуцкая и еще трое женщин ранено. После выстрелов толпа разбежалась. Этот инцидент завершился изъятием у католиков креста и восстановлением в Ивенеце спокойствия и правопорядка.

Виновниками этого трагического происшествия администрация считала ксендза Л. Щербо и местного старшину-католика, «пожелавших устроить враждебную демонстрацию местному православному населению»⁴.

В частности, упомянутый ксендз отказался по просьбе местного исправника воздействовать на католиков с целью успокоения страстей, заявив при этом, что «все добывается борьбой, что борьба и жертвы необходимы для того, чтобы добиться больше прав». Ответ католического священнослужителя был скорее партийным, эсеровским, нежели словом христианского пастыря. При погребении убитой Микуцкой ксендз Щербо сказал, что «взамен снесенного полицией по решению земского начальника креста будет поставлен на том месте золотой крест». Впоследствии этот волонтаристски настроенный ксендз, провоцировавший своих прихожан на противоправные действия, по настоятельной просьбе минского губернатора Я. Е. Эрдели, направленной в МВД, был переведен на должность викарного Полтавского костела⁵.

Управляющий Могилевской римско-католической архиепископией прелат С. Денисевич обратился в МВД с просьбой о расследовании инцидента и привлечении полицейских, участвовавших в столкновении, к ответственности. Результаты расследования, проведенного департаментом полиции, выявили, что «действия чинов полиции, и в частности

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 9. Л. 162–163.

² Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 8. С. 174.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 163 об.

⁴ Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 11. С. 219.

⁵ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7374. Л. 24–25, 32.

пристава Корзунова в означенном деле, являются вполне правильными, и не возбуждающими вопроса о привлечении их к ответственности»¹.

В начале июня 1908 г. в Гродненской губернии в д. Дубровка Черновеской волости Сокольского уезда толпа католиков во главе с местным старостой перенесли старый деревянный крест, сооруженный православными много лет назад и освященный по православному обряду, в усадьбу местного католика. На месте православного креста католики поставили свой железный крест с польской надписью. Дело было передано для дознания судебному следователю. Но по распоряжению губернатора В. М. Борзенко католикам было предложено добровольно поставить православный крест на прежнее место, а католический отнести в усадьбу одного из крестьян. Одновременно они были предупреждены, что в случае невыполнения этого распоряжения кресты будут перенесены с помощью полиции. На этот раз благоразумие восторжествовало и инцидента удалось избежать. Католики подчинились губернатору, и православный крест водрузили на место. Сельский староста, руководивший толпой, был уволен от должности².

Летом 1913 г. прокурором Виленского окружного суда было возбуждено уголовное дело по обвинению помещика Ленского, ксендза Милашевского и шестерых крестьян-католиков «в поругании действием» православного креста в Минском уезде. Крестьяне «по подстрекательству Ленского и Милашевского публично с целью соблазна низвергли православный крест, находившийся рядом с Рубежевичским костелом, в усадьбе, порубили его на куски и бросили в мусор». Могилевская римско-католическая консистория не согласилась на предание ксендза Милашевского суду по делу о поругании православного креста. Однако прокуратора ввиду наличия состава преступления настояла на своем и направила дело в суд. Милашевскому, Ленскому и остальным шестерым участникам дела в мае 1914 г. были предъявлены обвинения по ст. 73 Уголовного уложения³. Во время пребывания ксендза под стражей на выручку ему пришла княгиня М. Радзивилл, которая внесла 10 000 рублей залога из личных средств, и на время следствия Милашевский был освобожден из тюрьмы⁴.

Как показала практика, отмена всех существовавших административных и правовых ограничений на постановку римско-католическим населением крестов и священных изображений в отдельных местностях привела к попыткам нарушения прав православного населения на выражение религиозных чувств. Кресты как священные объекты поклонения христиан в рассматриваемых выше инцидентах использовались католической стороной как средство межконфессиональной борьбы и этнополитической маркировки территории. В этих «низовых» попытках конфессионального реванша выразилось стремление волевым порядком утвердить свою религиозную символику там, где православное присутствие рассматривалось в качестве нетерпимого. В основе конфликтов, вызвавших столкновение между православными и католиками, проявилась и этническая неприязнь, которую испытывали верующие двух христианских церквей по отношению друг к другу. Например, православное духовенство Минской губернии отмечало в 1908 г., что «ксендзы с панями и подпанками в своем рвении окатоличить и ополячить край не ослабевают... Для видимого же показания, что здесь Польша, повсеместно водружают кресты, которыми, как своего рода маяками, пестрят все имения и перекрестки дорог»⁵.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 125. Д. 12. Л. 54.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1908. Д. 331. Л. 11.

³ *Братчик*. Ксендзовские деяния и судебные процессы по их поводу // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1914. № 11. С. 242–243.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 243. Д. 131. Л. 78 об.

⁵ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37366. Л. 116.

3. Формы проявления религиозной нетерпимости во взаимоотношениях между православными и католиками на приходском уровне

Действия правительства по формированию законодательного механизма, призванного ослабить напряженность между православными и католиками, на первых порах не принесли ожидаемых результатов. Реакцией на дарованную религиозную свободу со стороны католиков стал рост скрывааемых и явных антагонизмов в отношении к православным, продиктованный религиозными и этническими мотивами. Указ о веротерпимости и законы от 26 декабря 1905 г., расширявшие права римско-католического духовенства и мирян, не привели к устранению недовольства католической иерархии, духовенства и мирян обновленным правовым статусом своей Церкви. Она по-прежнему сохраняла положение «терпимой», как и другие, признанные законом инославные и иноверные религиозные сообщества, включая легализованных указом от 17 апреля общин старообрядцев и сектантов.

Каноническое право Римской церкви признавалось правительством постольку, поскольку оно не противоречило законам Российской империи¹. Поэтому действие отдельных норм канонического права этой Церкви было либо ограничено, либо запрещено российским законодательством. В частности, ей по-прежнему воспрещалось «свободно распространять истинную (т. е. римско-католическую) веру и приобретать себе новых чад среди еретиков, схизматиков и неверных»².

В связи с этим религиозно-этнические конфликты между католиками и православными не только не уменьшились, но в некоторых случаях приобрели еще более острый характер, новое социальное измерение и масштабы. Претерпели изменения и средства борьбы правительства с этими негативными явлениями. До принятия законов от 12 декабря 1904 г., 17 апреля и 26 декабря 1905 г. основными инструментами борьбы с противоправными проступками католического духовенства были нормы Уложения о наказаниях, каравшие за религиозные посягательства на права православия, и административные наказания, сохранившиеся после периода чрезвычайного нормотворчества второй половины 60-х гг. XIX в.

Теперь же главным инструментом борьбы с противоправными проступками ксендзов и мирян стали нормы нового уголовного и религиозного законодательства, которые в процессе правоприменения должны были доказать свою эффективность, в сравнении с прежним законодательством и практикой административного контроля и наказаний.

Новый правовой инструментарий предстояло применять для разрешения религиозно-этнических конфликтов, особенность которых заключалась в том, что в них субъектами насилия начали выступать представители терпимой Церкви и его объектами стали представители Церкви «господствующей».

Традиционно, начиная со второй половины 60-х гг. XIX в., протесты в форме правонарушений со стороны католического духовенства вызывали меры правительства по ограждению интересов господствующего православия и противодействия польскому се-

¹ Правовой статус Римско-католической церкви в Российской империи определялся: 1) Сводом Законов, 2) отдельными правительственными распоряжениями, 3) каноническим правом Римской церкви, 4) договорами русского правительства с Римской курией. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 129. Л. 1–2.

² *Белецкий А.В.* Римско-католические епархиальные семинарии: Виленская и Тельшевская. Вильна, 1887. С. 35.

партизму, проявлявшемуся в религиозной форме. В качестве непосредственного субъекта религиозного принуждения в этих конфликтах выступало государство, опосредованным же субъектом являлась господствующая Церковь, чьи эксклюзивные интересы государство защищало. Сейчас же ситуация кардинально изменилась. Государство, за исключением области смешанных браков, перестало практиковать правовые формы религиозного принуждения и административных ограничений католичества в пользу господствующей Церкви. В результате тенденции к проявлениям различных форм религиозного насилия сфокусировались в основном на горизонтальном уровне, т. е. между духовенством и верующими обеих соперничавших конфессий. В новых условиях главным источником религиозного насилия становятся мотивы, заложенные в местной католической традиции, для которой была характерна тесная связь еkkлезиологии и польского этнического национализма. В этой традиции институализированный католицизм сочетался с иррационализмом народной веры, эксклюзивная еkkлезиология с социальной престижностью, этнический национализм с проявлениями трайбализма, истовая приверженность к своей вере с архаическими формами религиозного насилия.

Подводя первые итоги действия нового религиозного законодательства, Литовская духовная консистория направила в департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД записку «О положении католиков и православных в Литовской епархии за последние 2 года», составленную в августе 1907 г. В ней давалась негативная оценка тем переменам, которые произошли за это время во взаимоотношениях православных и католиков: «Положение православного населения в Литовской епархии вследствие враждебного отношения к нему со стороны католиков является очень тяжелым. Задавшись целью, под влиянием своего фанатичного духовенства, изгнать православных русских людей якобы из “забранного края”, в видах восстановления Великой Польши “от моря до моря”, католики всячески поносят Православную церковь и ее служителей, грозят им смертью и сожжением их имущества и с дикой злобой преследуют православных прихожан».

Объектом нетерпимости католиков становилось православное духовенство, которое они пытались с помощью угроз и насилия заставить покинуть приходы. Из дел, находившихся в консистории, следовало, что «в дом священника Василишской церкви Лидского уезда была брошена бомба. Священники же церковей Долгиновской, Кривичской, Княжнинской, Речецкой и Куренецкой уже совсем было приготовились к смерти, исповедовались, пошили саваны и просили епархиальное начальство после их смерти не оставить их сирот без помощи». Консистория обвиняла местную администрацию в том, что ее действия «часто клонятся не к пользе церкви», и предупреждала департамент духовных дел о возможности повторения «кровавых месяцев 1863 г., зловещие признаки которых уже замечаются наблюдателями церковно-общественной жизни в Северо-Западном крае»¹.

Нельзя сказать, что предсказания православного духовенства имели под собой реальные политические основания. Тревоги Литовской духовной консистории были вызваны скорее отмечаемой духовенством тенденцией к небывалому после 1863 г. росту религиозного насилия по отношению к священникам и членам господствующей Церкви. Основаниями для актуализации коллективной психологической травмы, нанесенной духовенству и мирянам польским восстанием, служили сведения, поступавшие из православных приходов. 25 февраля 1907 г. к прихожанину Дуниловичской церкви Вилейского уезда Ф. Коваленку, единственному православному в д. Хролов, местные католики явились толпой, сопровождаемые сквородным боем, с целью «очищать деревню от схизматика». В результате «озверевшей от фанатизма деревенской толпой» был избит сам Ф. Коваленок и его семья².

Православный крестьянин Н. Утковский, проживавший с семьей среди католиков в д. Гуторовщина Ошмянского уезда, после издания указа от 17 апреля стал подвергаться

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 163–164 об.

² Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 7. С. 142–143.

травле со стороны односельчан, которые требовали, чтобы он принял католичество или в противном случае покинул их деревню. Так как он не соглашался, его скот травили, а посеы разоряли. 7 мая 1907 г. несколько католиков явились с палками в дом Утковского, избили самого крестьянина и его детей¹.

Настоятеля Дукштанской церкви Мейшагольской волости Вилейского уезда протоиерея Серебрянникова, 40 лет прослужившего в приходе, католики с 1905 г. начали запугивать угрозами сжечь дом, если сам он не удалится из прихода. «Протоиерей на угрозы отвечал готовностью пострадать за веру православную. Ни оскорбления претерпеваемые протоиереем при встрече с католиками, ни угрозы сжечь дом его – ничего не помогало. Но скоро угрозы получили осуществление. В 1908 г. в полночь дом протоиерея был подожжен, и обитатели его успели, в чем только были, спастись от верной гибели, потеряв все имущество»².

В этот период и в белорусских губерниях нередки были случаи религиозного насилия над совестью православных и физических расправ над теми из них, кто вызывал особое недовольство католиков своей принципиальной позицией или религиозным выбором. Весной 1906 г. крестьяне-католики д. Загорья Заславской волости Минской губернии напали на православного крестьянина той же деревни В. Куницкого и избили его за то, что он выразил протест за порчу огорода, произведенную католическим крестным ходом. Осенью того же года крестьяне-католики д. Лопарово Заславской волости Малашко и Павич избили православного крестьянина Ст. Казака за то, что он «защищал православную веру и других удерживал в православии»³.

С особой жестокостью фанатики преследовали тех односельчан, кто переходил в православие. В августе 1908 г. в Раковской церкви Минского уезда в возрасте 19 лет приняла православие одна из «девоток» местного костела Юлия Ступкевич. На новообращенную девушку немедленно начались гонения. Ее мать и соседи, принуждая ее к возвращению к прежней вере, били ее, выгоняли из дома и даже из местечка, и до тех пор преследовали ее, что Юлия вынуждена была вновь вернуться в католичество. Разъяренная толпа местных католиков ворвалась в дом священника Раковской церкви, требуя, чтобы он немедленно к ним вышел (в это время священник был в Минске). Инцидента удалось избежать, а подоспевшие стражники разогнали буйствующих фанатиков. Позже священник получил письмо с угрозой, чтобы на будущее время под страхом смерти не принимал католиков в православие⁴.

Проявлением фанатизма и нетерпимости назвал Полоцкий епископ Серафим действия католиков в Шатиловском приходе. По распоряжению местной помещицы-католички Т. Глушаниной, девотка Ева Пацевич заперла ворота Шатиловского кладбища, общего для католиков и православных, и не допустила погребения православных, несмотря на настойчивые требования священника⁵.

В декабре 1908 г. православные служащие имения «Кайково» Минского уезда обратились к губернатору Е. Я. Эрдели с жалобой на притеснения, которым они подвергались со стороны управляющего-католика Я. Вильчинского. Расследованием было выявлено, что Вильчинский действительно заставлял служащих имения работать в дни православных праздников, не позволял им ходить в церковь, заставлял соблюдать католические праздники и уговаривал служащих переходить в католичество. Материалы следствия были переданы прокурором судебному следователю для привлечения Вильчинского к уголовной ответственности⁶.

¹ Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 10. С. 211.

² Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1911. № 1. С.11.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 189 об.

⁴ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37323. Л. 221.

⁵ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47654. Л. 1–2.

⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37323. Л. 211.

Нетерпимость к православию, заложенная в местной католической традиции, принимала разнообразные формы. Нежелание терпеть рядом с собой православных «схизматиков» выливалось в порицание самой православной веры и в оскорбление святынь, почитаемых Православной церковью. Указанные преступления были предусмотрены статьями 73 и 74 Уголовного уложения. В зависимости от тяжести проступка, виновные приговаривались к каторжным работам, ссылке на поселение, заключению в крепость или аресту¹.

О преступлении, произошедшем в православном храме, сообщил депутат III Государственной Думы г. Г. Замысловский: «В Минской губернии (урочище Рожиче Мозырского уезда) католики задумали как-то охотиться на лисиц... Одна из лисиц забежала под фундамент ветхого православного храма. Тогда охотники вошли в православную церковь, пустили туда собак и в православной церкви застрелили лисицу, при этом, стреляя в лисицу, прострелили икону Божьей Матери». Суд признал виновными в кошунстве над православными святынями семерых католиков. Пятеро из них были приговорены к каторжным работам и двое к пребыванию в тюрьме. Кассированный приговор суда был утвержден Правительствующим Сенатом 31 июля 1910 г.²

В январе 1909 г. в Минском окружном суде разбиралось дело по обвинению пятерых крестьян-католиков Раковской и Заславской волостей в публичном поношении и оскорблении православной веры. Все подсудимые были признаны виновными и приговорены к различным срокам заключения: от полутора до шести месяцев³.

Кошунственное отношение к православным святыням и православной вере, проявляемое частью фанатически настроенного католического населения, находило свое выражение и в оскорбительном отношении к православному духовенству.

14 января 1907 г. в Изяславле Минской губернии во время предвыборного собрания в Государственную Думу толпа католиков жестоко избивала местного православного псаломщика. Во время избиения из толпы кричали в адрес православного духовенства: «Долгогривые спрятались, а то бы мы им кишки выпустили»⁴.

В январе 1908 г. в г. Несвиже помещик-католик Обухович, стоя на крыльце гостиницы, плюнул в лицо мирно проходящему православному священнику Чипулю. Решением губернатора Я. Е. Эрдели пан Обухович был выслан за пределы Минской губернии⁵.

В августе 1908 г. православный священник Пароменский прибыл в д. Шарнево Полоцкого уезда для разъяснения крестьянам о правилах гигиены и увещания крестьянки, совратившейся в католичество. Сельский староста-католик И. Филиппов, «препятствуя священнику вести с собравшимся народом беседу, нанес ему оскорбление словами и действием и выгнал из своего дома». Решением витебского губернатора Б. Б. Гершау-Флотова Филиппова подвергли аресту на три месяца⁶.

Психологический террор и физическое насилие, к которым прибегала католическая сторона, вызывали у православных необходимость активной защиты своих приходов и церквей. На насилие православные готовы были также ответить насилием. Взаимное противостояние сторон было чревато новыми конфликтами. В сентябре 1907 г. обер-прокурор Святейшего Синода П. Извольский сообщал министру внутренних дел П. А. Столыпину: «В одном из округов Минской губернии озлобление православных против католиков за их насилия дошло до такой степени, что духовенство этого округа особым

¹ Уголовное уложение / Свод законов Российской империи. СПб., 1916. Ст. 73–74.

² Не посягайте на православие. Обсуждение в Государственной думе 3-го созыва законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое. Вильна, 1909. С. 64; Польский катехизис или как мирными средствами завоевать Россию (2-е изд.). Варшава, 1911. С. 22.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37323. Л. 222.

⁴ Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 1. С. 7.

⁵ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 192.

⁶ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 47654. Л. 7.

актом довело до сведения епархиального начальства, что его паства готова с оружием в руках броситься на католиков и их духовенство, чтобы отомстить за причиненные им обиды и насилия»¹.

Но до вооруженных выступлений в результате усилившейся межрелигиозной вражды дело не дошло. Однако межконфессиональная напряженность в приходах продолжала сохраняться. Православное население и духовенство, испытывавшее на себе тяжесть религиозной нетерпимости со стороны католиков, негативно оценивали возможность указа о веротерпимости для достижения мирных отношений между верующими на приходском и семейном уровне. Во всяком случае православное духовенство Минской губернии было уверено, что отношения между католиками и православными после издания указа о веротерпимости заметно ухудшились. Виновными в обострении религиозных противоречий духовенство считало тех мирян, которые после указа от 17 апреля 1905 г. «стали отличаться своей фанатической ненавистью к православным». К католическому духовенству предъявлялись обвинения в разжигании межрелигиозной розни и применении «низких, мерзких и нечестных средств» к соращению православных в свою веру².

Разочарование в позитивных возможностях религиозной свободы для защиты совести православного населения Западного края от посягательств католического духовенства и мирян рельефно проявилось при обсуждении комиссией по вероисповедным вопросам III Государственной Думы законопроекта МВД «Об отношении государства к отдельным вероисповеданиям» от 20 февраля 1907 г. Законопроект предлагал всем признанным в империи вероисповеданиям... предоставить право публичного распространения своих учений среди иноверцев³. Возможность предоставления Католической церкви свободы миссионерской деятельности среди православных вызвала негативную реакцию у членов комиссии – епископа Евлогия, священника С. Соловьевича, В. Тычина и других депутатов Думы, представлявших православное население западных губерний. По мнению епископа Евлогия, в Западном крае и Холмщине свобода пропаганды католичества среди православных «недопустима», так как православие в этом регионе империи находится «в положении оборонительном»⁴.

Позиция православных депутатов нашла активную поддержку духовенства и прихожан Минской губернии. В марте–апреле 1908 г. на имя епископа Минского Михаила стали поступать «приговоры» прихожан Новогрудского уезда с протестами против предоставления католикам свободы пропаганды на территории Белоруссии. О своем неприятии религиозной свободы в форме католического прозелитизма заявили прихожане Еремичского, Сновского, Мало-Жуховичского, Ишкольдского, Березовецкого и Черниховского приходов Минской епархии. Основные тезисы упомянутых «приговоров» сводились к тому, что религиозная свобода в соращении православных является «панской политической задачей... возродить Польшу и наш белорусский край к ней присоединить». Поэтому «свободы иноверческой пропаганды и у нас в Белоруссии, и вообще в святой православной России не должно быть». По общему мнению, православные крестьяне полностью зависят от поляков-помещиков, и в случае издания закона о свободной пропаганде католичества, он «повлечет за собой окончательную гибель православия и русской народности в крае»⁵.

¹ РГИА. Ф.821. Оп.10. Д.1064. Л. 211.

² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37366. Л. 3, 16, 27–28, 42 об, 75, 125,164.

³ Сафонов А. А. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства в Российской империи в начале XX века. Тамбов, 2007. С. 202.

⁴ Журналы комиссии Государственной Думы по делам Православной церкви. Приложение к журналам № 9, 10 и 11. См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 195–196 об. По мнению депутата В. Тычина, проанализировавшего деяния Тридентского и Ватиканского соборов: «Не может быть никакого сомнения, что Римско-католическая церковь проникнута духом исключительной нетерпимости в отношении христианских церквей и обществ, в общении с ней не состоящих». См.: РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 205.

⁵ НИАБ. Ф. 136. Оп.1. Д. 37323. Л. 74–75, 77, 99, 102.

Протест против принятия Думой этого законопроекта выразило и духовенство Ново-грудского уезда. В апреле 1908 г. священники обратились к премьер-министру П. А. Столыпину и царю Николаю II, заявляя в своем прошении, что: «Под свободой совести поляки, никогда не имевшие совести от проникновения иезуитством, разумеют свободу для своего фанатизма, для религиозного самоволия, наглости, насилия, лжи, обмана и даже разнообразнейших подкупов... Мы не можем представить себе той смуты, какую внесет в жизнь нашего края религиозная и национальная борьба, неизбежно рождаемая законом о свободе совести»¹.

Свое негативное отношение к дальнейшему расширению религиозных свобод для Римско-католической церкви православные депутаты III Государственной Думы выказали и при обсуждении законопроекта МВД «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое», происходившем в конце мая – начале июня 1909 г. Депутаты – священники и миряне от западных губерний – единодушно заявляли о наступившем после издания указа о веротерпимости обострении отношений между католиками и православными. Анализируя причины религиозно-этнического противостояния в Западной России, священник А. Юрашкевич заявлял: «Мира нет, и в ближайшем будущем не будет»².

Тому, чтобы желанный религиозный мир оставался отдаленной перспективой, не в последнюю очередь способствовало продолжавшееся пропагандистское соперничество духовенства обеих конфессий. По инициативе Красностоцкого монастыря в крае продолжали распространяться «Почаевские листки» с резкой критикой папства и католичества. Распространялись также и «Листки для народа», издаваемые Виленским свято-духовским братством. В одном из таких «Листков» говорилось: «В настоящее время католики, уговаривая православных принимать латинскую веру, доказывают темному, неграмотному, простому народу, что их вера есть единая истинная вера, ведущая людей в царствие небесное. Не верьте, русские люди, лстивым речам хитрых католиков... Говорите тем православным людям, которые ради того, чтобы получить от пана кусок земли, даровое пастбище, доходное место, хороший заработок, даровой воз дров или сена, оставляют свою веру и отдают себя и своих детей в панские ручки, – говорите им, что они предатели и изменники своей веры, своему народу и своему Богу. Кто меняет православную веру на католическую, тот предает полякам своих кровных братьев, тот становится уже не русским, а католиком-поляком, который стремится “одбудовать” здесь в нашей русской земле свою “ойчизну”... Стойте дружно за свою православную веру, за общее русское дело!»³

Содержание этих листков вызывало протесты со стороны католического духовенства. Управляющий Виленской епархией прелат Михалькевич в мае 1910 г. обратился в МВД с просьбой, чтобы указанные «Листки» были изъяты из обращения. По мнению прелата, правительство должно быть заинтересовано в таком решении, «так как искажая догматы и вообще учение римско-католической веры, с помещением вызывающих выражений и оскорбительных эпитетов, раздражается население и врождается свойственное каждому человеку негодование к лицам, дерзающим задеть лелеемое религиозное чувство в такой невежественной и грубой форме»⁴.

Следует отметить, что и католическая сторона прибегала к таким методам антиправославной пропаганды, которые возбуждали острые столкновения на религиозной почве. Вот одно из сообщений православной прессы. «В одном из сел Степской волости Бобруйского уезда в 1911 г. после Пасхи вспыхнул конфликт. С воплем – «моя вера лучше» брат пошел на брата, один с колом, другой с жердью, третий с «навайкой». В этом по-

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп.1. Д. 37323. Л. 102–103.

² Не посягайте на православие. Обсуждение в Государственной думе 3-го созыва законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое. Вильна, 1909. С. 52.

³ Листок для народа. Бесплатное приложение к Вестнику Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1910. № 4.

⁴ ЛГИА. Ф. 694. Оп.1. Д. 2954. Л. 2, 71–72, 82–85, 95–96.

боище отразилась такая бездна ненависти и нетерпимости со стороны католической части населения, выражаемая вперемешку с кощунством, что возникло сразу два судебных дела – и о кощунстве, и о возбуждении в населении ненависти к православию.

При обысках у крестьян-католиков обнаружили «Листки», изданные в Австрии. Листок «Чья вера лучше – католическая и православная?» начинался с перечисления завоеваний костела в Северо-Западном крае. В нем говорилось о все новых поражениях православия, теряющего целые приходы. «Если продлится так еще несколько лет, – говорилось в этом листке, – то что же делать будут батюшки со своим попадьями?» ... В листке «Кто глава церкви у православных?» утверждалось, что православным нечего критиковать папизм за то, что в прошлом на папском престоле, случалось, сидели женщины. – «Ведь у православных главой церкви считается Император, а были времена, когда во главе этой церкви стояли две Анны, Елизавета и Екатерина»¹.

Однако массовые антикатолические настроения не были распространенными в крестьянской среде. Там, где они возникали, это была, как правило, ответная реакция православных на вызовы католического фундаментализма². В целом православное население в случаях, когда деятельность католического духовенства и мирян принимала противозаконный характер, обращалось за содействием к епархиальным архиереям или губернскому начальству.

1907 год практически завершил период наиболее острой розни между католиками и православными, сопровождавшийся человеческими жертвами, попытками захвата церковной собственности, спонтанными и организованными вспышками взаимной ненависти. Начался период, который можно назвать временем «горизонтального» противостояния, «холодной» позиционной войны, которая пришла на смену эпохе активного противоборства 1905–1907 гг.

С правовой точки зрения процессы и события происходивших в «горизонтальной» плоскости межконфессиональных отношений можно охарактеризовать как продолжение рецепции положений указа о веротерпимости, законов от 26 декабря 1905 г. и норм нового Уголовного уложения духовенством и мирянами Католической церкви к условиям Северо-Западного края и белорусских губерний. Восстановление политической стабильности в крае, наступившее после революционных потрясений 1905–1907 гг., повлекло за собой смягчения остроты религиозно-этнических противоречий. Тем не менее религиозное насилие и нетерпимость, проявляемые в разных формах на приходском и семейном уровнях, по-прежнему воспринимались и властью, и православным духовенством как социально значимая проблема. Она касалась не только нарушения норм, регулировавших деятельность института веротерпимости, но и имела также ярко выраженный политический аспект. Наряду с уголовными преступлениями религиозного характера, предусмотренными главой второй «О нарушении ограждающих веру постановлений» Уголовного уложения, в поведении части польского католического духовенства сохранялась тенденция к противоправной и политической деятельности. С преступлениями такого рода правительство должно было бороться с помощью административных мер, предоставленных министру внутренних дел законом от 26 декабря 1905 г. (ст. 17.1 Устава иностранных исповеданий), и на основе нового уголовного законодательства³.

¹ Римско-католическая церковь в России и за границей // Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1914. № 5. С. 89.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1905. Д. 393. Л. 70–71; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 399. Л. 105–106; Ф. 378. Оп. 1905. Д. 404. Л. 35–36.

³ Иерархия и духовенство Римско-католической церкви в России неоднократно выражало недовольство ст. 17.1 Устава иностранных исповеданий. В цитируемом выше документе «Главнейшие неотложные нужды Римско-католической церкви в Могилевской архиепархии» епископат просил правительство отменить действие этой статьи. С такой же просьбой обратились к правительству в октябре 1915 г. члены Государственного совета А. Мейштович, К. Скирмунт и Ст. Лопацинский. Они писали, что введение в действие ст. 17.1 Устава иностранных исповеданий «значительно ухудшило положение римско-католического духовенства». См.: РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 392. 629.

С помощью указанных средств правительству предстояло своевременно пресекать и наказывать виновных в применении религиозного насилия, с чьей бы конфессиональной стороны оно не исходило. В «низовых» православно-католических отношениях областью, где насилие над совестью и прозелитизм переплетались с этнической нетерпимостью, оставались переходы из православия в католицизм и смешанные браки между католиками и православными.

4. Религиозное принуждение в смешанных семьях

После массового перехода «упорствующих» и «колеблющихся» в католицизм в 1905 г. позитивный потенциал указа от 17 апреля продолжал реализовываться в ситуации, когда отпадения от православия приняли довольно умеренный характер. Они постепенно были поставлены под контроль губернской администрации, с обязательным увещанием в течение месяца со стороны православных священников.

Стоит отметить, что уже в этот период сугубо религиозные причины отпадения от православия отходят уже на второй план. Как свидетельствуют многочисленные рапорты священников Минской епархии, занимавшихся увещаниями тех, кто оставлял православие, превалирующими мотивами добровольного перехода в католицизм становились соображения экономического и практического характера – выгодные браки с обретением более высокого в глазах крестьян социального статуса шляхты, желание семейного мира и единства в постах и праздниках в смешанных браках католиков и православных, необходимость сосуществования с соседями католиками в одной деревне, желание получить выгодную работу у католиков и т. д.¹

О преобладании светских мотивов в решениях о переходе из православия в католичество писал виленский губернатор Д. Н. Любимов. Анализируя причины отпадений от православия в своей губернии, он писал в декабре 1909 г.: «Так, со времени издания этого закона (указа от 17 апреля 1905 г.) по настоящее время перешло в католичество в Виленской губернии около 18 тыс. человек, что составляет менее 1 % (0,94) общего населения губернии, менее 1,1 % христианского населения и 3,52 % православного. Последняя цифра не может быть характерной, так как значительно большую ее часть составляют так называемые некогда “упорствовавшие”, т. е. числившиеся лишь официально в списках православных приходов, а душой и сердцем принадлежавшие католичеству. Остальная же часть, самая незначительная, характеризует отпадения от православия по домашним, если так можно выразиться обстоятельствам: под влиянием одного из супругов католика, родителей, старших родственников и т. п.»²

Однако не все переходы из православия в католичество носили добровольный или материально мотивированный характер. Согласно сведениям священников, увещавших православных, подавших заявление губернатору о переходе в католичество, нередко в семьях, где один из супругов был православным, религиозный выбор был вынужденным. Особенно трудным было положение женщин, которых их мужья-католики силой принуждали к принятию католичества. Возможность свободного перехода из православия по-прежнему использовалась католическим духовенством и мирянами для прозелитических целей. Продолжалась практика насилия над совестью православных, вступающих в брак с католиками. По свидетельству православных священников, ксендзы, с целью предотвращения смешанных браков, требовали от католиков под угрозой отказа в венчании,

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37360. Л. 2, 4, 6, 7, 20, 37, 53, 85.

² РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1067. Л. 23.

чтобы православные обязательно переходили в католицизм. Православные, принципиально не желавшие менять веру, вынуждены были отказываться от таких браков в ущерб личным интересам¹.

Продолжалась практика, когда ксендзы, действуя по канонам своей Церкви, отказывали от исповеди и св. Причастия католикам в смешанных семьях до тех пор, пока православные члены семьи под их давлением не принимали католическую веру. По сведениям епископа Полоцкого Серафима: «Нередки случаи, когда мужья-католики подают губернатору заявления от имени своих православных жен, но без ведома и согласия последних (обыкновенно неграмотных), о желании их перейти в католицизм, в расчете, что жены примирятся со свершившимся фактом»².

Существовала практика, когда по требованию ксендзов католички отказывали православным супругам в брачном ложе до тех пор, пока последние не примут католицизм. Дело доходило до физического насилия, когда супруг-католик и его родственники силой принуждали православную жену переменить веру. Имелись факты, когда родители-католики силой заставляли детей покинуть православие. Нередко католический фанатизм, поощряемый духовенством, становился причиной тяжелых семейных трагедий³.

Священник К. Попов в статье «Мученица XX века» описывал один из случаев из своей практики: «Ольга Петровна Сапега – крестьянка Минской губернии. Консистория поручила мне, Константину Попову, увещевать ее как подавшую прошение губернатору о желании перейти в католичество. Ольга вышла замуж за католика. До “свободы” они жили мирно, хорошо, оба ходили в православную церковь, детей крестили в православии, но теперь муж потребовал, чтобы она перешла в католичество, иначе он бросит ее с детьми, ибо ксендз объявил, что если он не присоединит своей жены в католичество, то не получит Причастия. И муж грозит бросить жену.

Какое увещание я могу делать, если она нисколько не сомневается в православии и всей душой к нему привязана, а идет в католицизм, бедная, потому, что ей некуда деваться с детьми... И ждет она от меня не увещания, а защиты, помощи, чтобы я повлиял на мужа, а главным образом на ксендза. Сапега согласна даже уйти от мужа, чтобы остаться с детьми в православии, но ей нужно дать кусок хлеба. Ничего этого я не мог сделать для нее. И ушла она, бедная, заливаясь слезами. “Батюшка, – сказала она мне на уходе, – я все равно в душе моей буду православной! Бог видит мое сердце и мое притеснение”.

И сколько таких “в душе православных” русских людей перешло и переходит теперь в костел, в католичество, благодаря насилию. Десятки лиц со времени объявления свободы в 1905 г. прошли перед моими глазами, с плачем покидая свою веру... Ксендзам дела нет, веришь ли ты в душе в католицизм, или плюешь на него, будь лишь на бумаге прихожанином костела»⁴.

Священник Острошицко-Городецкой церкви Минского уезда Амфилохий Руберовский в феврале 1910 г. уведомил духовную консисторию, что его прихожанка Леонора Макейчик подала губернатору прошение о переходе в католичество. В результате увещания выяснилось, что сделала это она по принуждению со стороны мужа и его матери и что прошение о переходе из православия написал за нее ксендз Логойского костела. Но, не-

¹ НИАБ. Ф.136. Оп. 1. Д. 37360. Л. 127, 182.; Ф. 2301. Оп. 1. Д. 523. Л. 45.

² НИАБ. Ф. 1430. Оп.1. Д. 54191. Л. 32 об.

³ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 44. Л. 189–192; НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37131. Л. 4; Ф.136. Оп. 1. Д. 37225. Л.8; Ф. 136. Оп.1. Д. 37359. Л. 220; Ф.136. Оп. 1. Д. 37360. Л. 95–96, 207–211. Не посягайте на Православие. Обсуждение в Государственной думе 3-го созыва законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое. Вильна, 1909. С. 34–36, 58–60; За первый год вероисповедной свободы в России. СПб., 1907. С. 184.

⁴ Попов К., священник. Мученица XX века // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1911. № 1. С. 13–14.

смотря на насилие в семье, Л. Макейчик не желала покинуть православие и заявила священнику, что отказывается от прошения. Епископ Минский Михаил обратился к губернатору Я. Е. Эрдели с просьбой оградить Элеонору «от насилий со стороны фанатизируемого логийским ксендзом ее мужа и матери последнего». Епископ просил привлечь мужа Элеоноры и ксендза к ответственности по статьям 87, 89 и 93 Уголовного уложения. В январе 1911 г. дело было направлено судебному следователю Минского окружного суда¹.

В Могилевской губернии проживавшая в фольварке Большие Стрелки мещанка Евдокия Дробыш-Дробышевская, заявившая о намерении своем перейти из православия в р-к веру, объяснила при увещании священнику Городецкой церкви, что перейти в католичество она решила по принуждению своего мужа-католика и его родных. Супруг угрожал выгнать Евдокию из дома, так как ксендз Рогачевского костела лишил его св. Причастия до тех пор, пока жена не перейдет в католичество. Произведенное полицией расследование установило, что «Евдокия действительно совращена в католичество мужем ее Павлом Дробыш-Дробышевским и ксендзом Рогачевского костела Бернатовичем». В ноябре 1912 г. муж Евдокии и ксендз Бернатович были привлечены к судебной ответственности по ст. 83 Уголовного уложения².

В случаях насильственного присоединения в католичество в смешанных семьях, собрать доказательную базу для обвинения ксендзов представляло для судебного следователя особую сложность. Ксендзы для своей защиты ссылались на тайну исповеди, что делало практически невозможным привлечение их к уголовной ответственности.

Например, крестьянка Е. Гаврилкович-Савицкая из хутора Загорье Мозырского уезда в конце 1913 г. подала минскому губернатору заявление о переходе в католичество. Было произведено расследование, в результате которого выяснилось, что переход в католичество был вынужденным, так как настоятель Давид-Городецкий костела ксендз Бр. Келбас отказывался принимать ее мужа Ст. Гаврилковича к исповеди и св. Причастию до тех пор, пока жена не примет католичество. Ксендз по существу обвинения показания давать отказался, ссылаясь при этом на тайну исповеди³.

Следует отметить, что в процесс обострения ситуации в области смешанных браков внесло свой вклад и правительство. 2 августа 1907 г. Папа Пий X издал декрет «*Ne temere*» для предупреждения тайных и недействительных браков и упорядочения норм канонического права в области обручения и браков. Декрет вступал в силу с первого дня Пасхи 1908 г. Согласно этому каноническому документу: «Те только браки имеют значение, которые совершаются в присутствии настоятеля прихода или местного епископа, или же назначенного тем или другим священника». Параграф 2 декрета гласил: «Законы эти распространяются также на тех вышеупомянутых католиков, которые заключают обручения и вступают в браки с не католиками, крещеными и некрещеными, даже после получения разрешения от препятствий вследствие смешанных различий или разницы в обрядах»⁴.

13 сентября того же года последовало высочайшее соизволение на передачу этого декрета католическим духовным властям. Указанный канонический акт не был задержан правительством, с одной стороны, в надежде, что для епископов и ксендзов является обязательным предписанное законом признание приоритета государственного законодательства о смешанных браках над нормами канонического права. С другой – в связи с тем что декрет, важный в каноническом отношении для католического епископата и духовенства, в большинстве своих постановлений не противоречил российскому законодательству. Повинуясь этому решению, МВД передало декрет епархиальным начальникам,

¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 37391. Л. 118, 122, 126–127.

² НИАБ. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 2071. Л. 14.

³ РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 241.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1910. Д. 72. Л. 23–24.

а те, в свою очередь, подведомственному ему духовенству для исполнения. Содержание декрета было сообщено духовенством и всей католической пастве.

Однако, как показали дальнейшие события, уверенность правительства в том, что католические священники будут действовать в соответствии со своим гражданским долгом, не выдержала испытания практикой. В результате выяснилось, что «католическое духовенство Минской губернии, где смешанные браки были особенно многочисленны, уже решило, строго держась энциклики «*Ne temere*», объяснять населению, что все браки, заключенные не в костеле, недействительны: католические члены их в любой момент могут покинуть супруга и вступить в другой брак»¹.

Заведующий канцелярией виленского генерал-губернатора А. А. Станкевич в марте 1910 г. сообщил директору департамента духовных дел МВД А. Н. Харузину о возможных негативных правовых и социальных последствиях применения папского декрета «*Ne temere*» на западных окраинах империи. По его мнению, декрет мог не только расшатать устои семейной жизни в смешанных браках, но и стать «одним из новых средств к успешному окатоличению и, как неизбежному его следствию – ополячению белорусского населения»².

К этому времени на имя виленского губернатора Д. Н. Любимова начали поступать жалобы на ксендзов, которые заявляли о недействительности браков, заключаемых католиками с инославными, принуждая тем самым православных, вступающих в смешанные браки с католиками, переходить в католичество³.

30 апреля 1910 г. департамент духовных дел МВД предписал губернаторам, что содержащиеся в декрете «*Ne temere*» постановления, а именно: признание недействительными смешанных браков католиков с лицами православного или иного исповедания, допущение браков, воспрещенных гражданским законом и т. п., не могут быть приводимы в исполнение. «В случае нарушения римско-католическими духовными лицами действующих узаконений, ссылками сих лиц, в свое оправдание, на декрет «*Ne temere*» никоим образом не будет придаваемо значение оправдывающих их вину обстоятельств»⁴.

Уже в начале мая 1910 г., на основании распоряжения МВД, виленский губернатор Д. Н. Любимов издал циркуляр, в котором предписал чинам полиции: «...самым категорическим образом разъяснять неправильность указанного толкования со стороны р-к духовенства. По действующему в Российской империи закону, – разъяснял губернатор, – католики могут безвозбранно вступать в браки с православными и таковые браки, в случае отказа в благословении или в совершении их инославными духовными лицами, могут быть совершаемы в одной лишь православной церкви, причем браки эти, по точному смыслу закона, будут почитаться действительными, дети, происходящие от сих браков, законными, и имущественные брачные права незыблемыми»⁵.

Прелат К. Михалькевич, управляющий Виленской епархией, 6 октября 1910 г. обязал подведомственное ему духовенство подчиниться распоряжению МВД⁶.

Тем не менее митрополит В. Ключинский и епархиальные начальники Могилевской архиепархии обратились с жалобой к министру внутренних дел А. А. Макарову на то сложное положение, в котором оказались епископы и ксендзы после того, как император разрешил применение декрета «*Ne temere*» в России. Они указывали на противоречие между решением верховной власти и распоряжением МВД, которое запрещало применение этого декрета и предупреждало о наказании за его исполнение. Министр в этой си-

¹ Гр. К-ч. По вопросу о смешанных браках // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1910. № 6. С. 121.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1910. Д. 72. Л. 21 об.

³ Вестник Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1910. № 10. С. 211

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1910. Д. 72. Л. 31.

⁵ Виленский вестник. 1910. 9 мая.

⁶ ЛГИА. Ф. 694. Оп. 1. Д. 2912. Л. 10.

туации вынужден был напомнить епископам, что независимо от решения Римской курии о дальнейшей судьбе декрета епархиальные начальники на основании статей 3 и 49 Устава иностранных исповеданий обязаны исполнять государственные законы о смешанных браках¹.

Следует отметить, что и православное духовенство также было недовольно действующим российским законодательством, противоречащим каноническому принципу Восточной церкви о «недозволительности смешанных браков»². В связи с этим минский епархиальный миссионер К. Попов, анализируя в 1908 г. проблемы внутренней миссии, считал необходимым: «Воспретить браки православных с католиками, без принятия последними православия. Католики не венчают наших православных без присоединения их к католичеству. Почему у нас православных не исполняется это? Браки эти составляют не привлечение в лоно Церкви православной, а соращение из оной в католицизм»³.

Парадокс заключался в том, что “господствующая” Церковь в вопросе о смешанных браках не могла, в силу действующего законодательства, вернуться к требованиям своей канонической традиции. Для возвращения к нормам канонического права Православной церкви духовенство должно было уклоняться от исполнения светских законов, т. е. вести себя точно так же, как и духовенство терпимой Католической церкви. О вероятности появления подобной практики еще до издания указа от 17 апреля 1905 г. предупреждал правительство митрополит Антоний (Вадковский)⁴.

Сложившаяся практика переводов из православия в католичество в смешанных браках, свидетельствующая о победах канонического права Католической церкви над канонами господствующего православия вынудила архиепископа Минского Митрофана (Краснопольского) в 1913 г. прийти к неутешительному выводу. По мнению епископа, смешанные браки стали для католиков «главным и удобным средством соращения в свою латинскую ересь». Епископ уверял подведомственное ему духовенство, что декрет «*Ne temere*» издан именно с этой целью. В качестве практического решения проблемы удержания своей паствы епископ предлагал неправомерное решение – «объявить православному духовенству Минской епархии, что совершение так называемых смешанных браков православных с католиками мной не благословляется»⁵.

К такому же выводу пришел и Полоцкий епископ Серафим, мнение которого было доведено до сведения Николая II обер-прокурором Святейшего Синода В. К. Саблером. Епископ настаивал на том, что смешанные браки, особенно в местностях с преобладающим католическим населением, «должны быть признаны вредными для православия»⁶.

Ставшая конфликтогенной для обеих церквей практика смешанных браков систематически поставляла свидетельства о религиозном насилии, которые вызывали протесты православного духовенства и верующих, но весьма редко становились объектом судебного преследования в силу большой сложности в доказательстве преступлений такого рода. В этих случаях духовенство, провоцировавшее практику принуждения в смешанных браках, оставалось косвенным источником различных форм бытового религиозного насилия, в то время как функциональный смысл этого насилия определялся требованиями канонического права и католической экклезиологии.

¹ ЛГИА. Ф. 696. Оп. 2. Д. 360. Л. 20, 38 об.

² Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и о вероисповедании детей от сих браков происходящих. СПб., 1906. С. 508.

³ НИАБ. Ф.136. Оп.1. Д. 35812. Л. 338.

⁴ Извлечения из Особого журнала Комитета министров 25 января, 1, 8 и 15 февраля 1905 г. «О порядке выполнения пункта 6 Именного Высочайшего Указа 12 декабря 1904 г. // Журнал министерства юстиции. 1905. № 5. С. 50.

⁵ Яноўская В. Гісторыя хрысціянскай царквы на Беларусі. Мінск., 2002. С. 190.

⁶ НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 54191. Л. 31.

5. Проявления религиозной нетерпимости к православным со стороны римско-католического духовенства

Предпринятая модернизация церковно-государственных отношений не отменяла сложившуюся традиционную практику морально-политического управления католическими подданными с помощью института веротерпимости. Расширив возможности католического епископата и духовенства действовать в рамках канонического права своей Церкви, правительство прагматически рассчитывало на получение эмоциональной поддержки со стороны их многочисленной паствы, т. е. стремилось повысить эффективность традиционных механизмов управления. Вместе с тем издание новых вероисповедных законов можно рассматривать как жест правительства не только прагматического, правового, но и этического характера, как призыв к взаимному сотрудничеству на легитимной моральной основе христианства. Указанные меры преследовали и воспитательную цель – формирование правосознания и рационального поведения католического духовенства и его паствы, основанного на уважении к конфессиональным и этническим различиям и политико-правовому порядку, действовавшему в Российской империи.

Правительство, учитывая особое «качество» религиозности католиков Западного края, проявившееся в эксцессах 1905–1907 гг., рассчитывало, что в новых условиях профессиональные служители институализированного католичества перестанут, по крайней мере, возбуждать межконфессиональную конфронтацию и провоцировать всплески иррациональной, стихийной нетерпимости своей паствы в отношении православных. Однако поведение некоторых ксендзов показало, насколько условна грань между институализированным католичеством и иррационализмом народной веры. Более того, носителями и пропагандистами архаических представлений об отношении к христианам «чужой» конфессии и их вере оказывались богословски образованные священнослужители Католической церкви.

В этой ситуации у правительства не оставалось иного выбора, как с помощью правовых и административных инструментов воспрепятствовать возникновению и трансляции охлократических настроений ненависти, нетерпимости и политической конфронтации, проповедуемых для верующих с церковной кафедры. В этой связи судебные приговоры и административные наказания выносились ксендзам за открытое порицание православной веры, разжигание межнациональной розни и пропаганду польского этнонационализма.

В августе 1907 г. по обвинению в антиправительственной пропаганде, религиозной нетерпимости к православию и распространении идеологии польского этнонационализма был привлечен к суду настоятель Вавиорского прихода Лидского уезда Виленской губернии ксендз И. Сахарко. В проповедях, произнесенных им в праздничные дни в костеле с амвона, ксендз «убеждал своих прихожан в том, что России – нет, русского государства не существует, теперь свобода дарованная не государем императором, а японской войной, что в силу этой свободы теперь нужно добиваться в этом крае польской автономии, для чего крестьяне не должны платить податей, отбывать воинской и других повинностей, не исполнять законных распоряжений земского начальника, чинов полиции, которых надлежит прогонять силой и наносить им оскорбления, не исполнять русских законов и руководствоваться своими собственными законами, не посылать детей в русские школы, а православных священников прогонять, нанося им оскорбления, выбирать на должности по волостному самоуправлению лиц исключительно римско-католического вероисповедания».

В результате пропагандистских усилий этого ксендза крестьяне Мытлянской волости прекратили казенные и мирские платежи, а дети католиков перестали посещать сельскую школу, так как ксендз лишал св. Причастия тех из них, которые продолжали ходить на занятия.

Судебным расследованием, проведенным по указанию прокурора виленской судебной палаты, виновность ксендза И. Сахарко была установлена. Ему были предъявлены обвинения в преступлении, предусмотренные пунктами 1, 2, 3 ст. 129 Уголовного уложения. По решению Сената, уголовное дело ксендза было перенесено из Виленского судебного округа в Санкт-Петербургскую судебную палату¹.

В ноябре 1907 г. в местечке Шарковщина Дисненского уезда Виленской губернии настоятель Германовичского костела ксендз Ф. Будвидт, участвовавший вместе с другими ксендзами в освящении костела, произнес с амвона проповедь. В ней ксендз уверял слушателей, что «католическая вера основана Христом, назначившим преемником себе апостола Петра, и что вера православная не есть истинная вера, а только прикрывается названием православия... Знайте, детки, что православие не есть вера в Бога, а есть вера в “право” – в закон, в созданную людьми правду мирскую». Псевдобогословское обоснование религиозной несостоятельности православия, опиравшееся на авторитет ксендза, носило социально опасный характер, провоцируя неприязнь к православному населению. Поэтому в апреле 1908 г. дело ксендза Ф. Будвидта было направлено прокурором в Виленский окружной суд «с обвинительным актом по ст. 74 Уголовного уложения»².

В октябре 1908 г. Псковским окружным судом, куда для объективности рассмотрения дела был перенесен судебный процесс, присяжные заседатели признали виновным известного нам уже ксендза А. Лошакевича. Преступление ксендза заключалось в том, что «весной 1908 г. в деревне Филипенятах Ошмянского уезда Виленской губернии, публично, с целью произвести соблазн среди присутствующих крестьян, умышленно позволил себе поносить православную веру и святые мощи православных мучеников, говоря, что Православная вера не истинная, а сатаническая, что православные поклоняются не святым мощам, а идолам, волосатым чертям, и что у них, православных, вместо мощей помещены под стеклом чучела, набитые опилками»³. Суд присяжных приговорил ксендза к заключению в крепости сроком на четыре месяца.

В 1909 г. судом присяжных был осужден бывший настоятель Миорского костела Дисненского уезда ксендз Иосиф Бороздич. По сведениям МВД, этот ксендз еще в 1899 г. был изобличен в возбуждении среди прихожан Лидского прихода «фанатичной ненависти ко всему русскому и православному, вследствие чего отбыл годичный срок заключения в Гродненском францисканском монастыре». В сентябре 1906 г. ксендз Бороздич произнес в костеле проповедь, направленную «к возбуждению в местном католическом населении ненависти к правительству и православной вере». На этом основании П. А. Столыпин в ноябре 1906 г. предложил епископу фон Роппу перевести ксендза в какой-либо иной приход с исключительно католическим населением. Столыпин предупредил епископа, что в случае повторения подобных действий он, как министр внутренних дел, вынужден будет на основании закона от 26 декабря 1905 г. потребовать увольнения ксендза Бороздича от занимаемой должности⁴.

Предложение П. А. Столыпина осталось без ответа. По словам анализировавшего деятельность этого Виленского епископа А. А. Станкевича: «После издания законов от 26 декабря не было случая, чтобы епископ не оспаривал обвинения, предъявленным

¹ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 366. Л. 7–8.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1908. Д. 355. Л. 4.

³ Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1908. № 24. С. 586.

⁴ ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 338. Л. 21.

ксендзам и фактически доказанным»¹. Однако, согласно данным виленского губернатора Н. Д. Любимова, ксендз по-прежнему «всеми мерами стремится вызвать ненависть в прихожанах-католиках к живущим среди них православным». Губернатор уведомлял К. Ф. Кршивицкого, что дальнейшее пребывание ксендза настоятелем в Миорах «угрожает общественному спокойствию». Только после второго настойчивого требования П. А. Столыпина епископ фон Ропп в июне 1907 г. перевел ксендза Бороздича на должность настоятеля Субботинского костела Ошмянского уезда.

Но и это решение не остановило воинственно настроенного служителя Католической церкви, продолжавшего свою антигосударственную агитацию и разжигание религиозной и этнической ненависти к православным. По решению Особого совещания МВД, ксендз Бороздич в феврале 1908 г. был выслан в Ярославскую губернию под гласный надзор полиции на три года².

Но уже в январе 1909 г. Псковский окружной суд, куда для достижения большей беспристрастности было передано судебное разбирательство, решением присяжных, признал ксендза Бороздича виновным в преступлениях, предусмотренных ст. 73, ч. 2 ст. 74, ст. 90 и 1 ч ст. 83 Уголовного уложения. За кощунство и хулу на Православную церковь ксендз был присужден к заключению в крепости сроком на полтора года. По данным судебного расследования: «В своих речах, обращенных к прихожанам, ксендз говорил, что вера у православных выдуманная, что у человека, исповедующего православную веру, душа собачья, что оставшиеся в православии попадут в пекло, ибо вера православная фальшивая и проклятая»³.

Для отбывания срока ксендз Бороздич был направлен в Аглонский доминиканский монастырь Двинского уезда Витебской губернии. Впоследствии, оказавшись за границей, этот ксендз в ноябре 1912 г. писал из Ниццы своим коллегам в Привисленский край, что «суды, тюрьмы, изгнание и скитания разбили окончательно мое здоровье, а доктора велют подольше пожить в Ницце». И на этом основании просил у соотечественников финансовой поддержки⁴. Похоже, что свою ненависть к православию этот ксендз обратил не только в символический, но и в реальный капитал.

Всего к концу 1908 г. в Виленской губернии за совращения православных и кощунства над православной верой было предано суду 82 ксендза⁵.

В сентябре 1907 г. обер-прокурор Святейшего Синода П. Извольский обратился к министру внутренних дел П. А. Столыпину с настоятельной просьбой о переводе ксендзов К. Ваньковича, В. Герасимовича, Л. Щербо, И. Скаковича и некоторых других, как «особенно фанатичных насадителей католицизма в Минской губернии», из этой губернии в другую, с «исключительно католическим населением, где бы фанатическая деятельность их не наносила ущерба православию и русской народности и не порождала бы враждебных отношений между католическим и православным населением»⁶. Практически все указанные ксендзы, на основании закона от 26 декабря, были переведены католической епархиальной властью за пределы Минской губернии. Кроме того, ряд ксендзов был приговорен судом к различным мерам наказания за нарушение статей 93–94 Уголовного уложения⁷.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 201. Л. 12 об.

² ЛГИА. Ф. 378. Оп. 1907. Д. 338. Л. 120–121, 125.

³ Не посягайте на православие. Обсуждение в Государственной думе 3-го созыва законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое. Вильна, 1909. С. 66–67.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 242. Д. 131. Л. 74.

⁵ Не посягайте на Православие. Обсуждение в Государственной думе 3-го созыва законопроекта о переходе из одного вероисповедания в другое. Вильна, 1909. С. 66–68.

⁶ РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1064. Л. 211.

⁷ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7494. Л. 105.

Вот, например, как вел себя настоятель Вселюбского костела Новоградского уезда ксендз С. Туз. Во время пасхального богослужения 1909 г., заметив в костеле среди присутствующих православных, ксендз дерзко предложил им убраться вон, угрожая в противном случае выгнать их палками. По словам минского губернатора Я. Е. Эрдели: «Такой дикой бестактностью ксендз Туз вызвал по отношению к себе ненависть не только со стороны православного населения, но и местных католиков, глубоко возмущенных этим поступком, заставивших некоторых из них вместе с православными выйти из костела». П. А. Столыпин, действуя на основании закона от 26 декабря, предложил управляющему Могилевской архиепархией С. Денисевичу перевести ксендза Туза на должность викарного ксендза вне пределов Минской губернии. Ксендз был переведен в Полтавский костел¹.

В Минской губернии, как и в других губерниях края, противоправные проступки ксендзов, в случае, когда состав преступления подпадал под действие статей Уголовного уложения, подлежали судебному преследованию. Так в январе 1914 г. Минский окружной суд с участием присяжных рассмотрел дело о ксендзе Довгяллоиче из местечка Лельчицы Мозырского уезда, который обвинялся по 3 п. 1 части ст. 73 Уголовного уложения. Суд признал Довгяллоича виновным в кощунстве над православием и приговорил к заключению в крепости на шесть месяцев. «В порыве фанатического усердия ксендз сказал своим прихожанам, что лучше своих детей утопить в реке, чем окрестить в православную веру»².

Настоятель Каменского костела Гродненской губернии ксендз И. Фарботко, по данным департамента духовных дел МВД, являлся «крайним фанатиком», который с «ненавистью относился ко всему русскому, запрещая своим прихожанам какое-либо общение с православными». Этот же ксендз привлекался к судебной ответственности «за усиленную агитацию против русских школ». М. А. Маклаков в марте 1914 г. предложил управляющему Виленской епархией К. Михалькевичу, на основании ст. 17 1 Устава иностранных исповеданий, «принять меры к прекращению вредной деятельности ксендза Фарботко». В качестве единственной подходящей в этом отношении меры, министр внутренних дел признавал «увольнение этого ксендза от занимаемой должности»³.

О повседневности практики правонарушений со стороны римско-католического духовенства может свидетельствовать «Список дел, назначенных к слушанию в Виленской судебной палате по уголовному департаменту с участием сословных представителей». Согласно этому списку к судебной ответственности за нарушения ряда статей Уголовного уложения от 23 мая 1914 г. привлекались: настоятель Цейкинского костела И. Шопаро и ксендз С. Эйсымонт. А уже 24 мая этой же палатой рассматривались дела настоятеля Долгиновского костела А. Бешта-Боровского и ксендза А. Ганича⁴.

Пропаганда русофобии и враждебности к православию, как свидетельствуют судебные приговоры и практика принудительного перевода ксендзов за пределы Северо-Западного края и белорусских губерний, служила объективным показателем непрекращавшейся противоправной деятельности части католического духовенства среди своей паствы. Авторитетное слово христианского пастыря оказывалось в таких случаях средством «заражения» прихожан чувством ненависти к русским и православным, провоцировало рост архаических, трайбалистских настроений обособленности и нетерпимости в «низовой» католической среде. Подобное поведение католических фундаменталистов противоречило основным нравственным принципам, сложившимся в христианской традиции. В то

¹ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 5980. Л. 84, 104–105.

² *Братчик*. Ксендзовские деяния и судебные процессы по их поводу // Вестник Виленского Свято-Духовского братства. 1914. № 11. С. 241.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 244. Д. 131. Л. Б. Л. 47.

⁴ НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 8598. Л. 702.

же время акцент, делаемый на негативных характеристиках своих конфессиональных соперников, были призваны усилить религиозную идентичность своих прихожан с помощью методов противоправного характера. В этих условиях государство вынуждено было защищать принципы религиозной свободы в случаях, когда нетерпимость, инициированная католическими фундаменталистами, угрожала общественному порядку или религиозным убеждениям православных.

Механизмам социальной интеграции, основанным на гражданских, правовых отношениях, которые предлагало правительство, радикально настроенные ксендзы противопоставляли отношения более низкого, архаического порядка, основанные на конфессиональных и этнических предпочтениях.

Стремление части ксендзов заниматься прозелитизмом и отстаивать религиозную и этническую идентичность своих прихожан противоправными и предосудительными методами влекло за собой ярко выраженные антисоциальные последствия – появление и рост религиозной и этнической отчужденности среди белорусского населения, проявление фундаменталистских, агрессивных настроений, вызывающих ответную негативную реакцию у православного духовенства и его паствы. Противоправное и нравственно недопустимое поведение части католического духовенства дискредитировало представления о религиозной свободе, введенной правительством 17 апреля 1905 г. Складывалось впечатление, что модернизированный институт веротерпимости не устраивал ксендзов-фундаменталистов еще в большей степени, чем прежние вероисповедные отношения эпохи Александра II и Александра III. Освобожденные правительством от страха наказания за соращение членов «господствующей» Церкви, эти ксендзы сами провоцировали насилие над совестью православных христиан в семьях и приходах.

Когда же градус неприязни к православию и русофобия достигал критической точки, МВД и судебная система вынуждены были прибегать к расследованию проступков и вынесению различного рода наказаний. Приговоры судов и основанные на законе от 26 декабря 1905 г. административные взыскания в отношении виновных вызвали ответную реакцию. Католическая сторона расценивала правомерные действия правительства как сознательные и злонамеренные религиозные преследования ревностных исповедников католической веры. Сформированная в предыдущие десятилетия мифология религиозного мученичества пополнялась новыми персоналиями. В русле этой мифологии, наказание, последовавшее со стороны государства «схизматиков» и «москалей», воспринималось как принесение личной жертвы для блага поработенной родины – Польши или к вящей славе Католической церкви¹.

Необходимая в таких случаях организация противодействия систематическим правонарушениям со стороны ксендзов оказалась для государственных органов довольно сложной задачей. Привлекательность мифологии мученичества и религиозная сплоченность католических общин становились препятствием для расследования противоправных проступков римско-католического духовенства. В результате раскрываемость преступных деяний ксендзов была невысокой.

---

¹ Сама католическая иерархия оценивала положение Римско-католической церкви в Российской империи в категориях бесправия и угнетения. Вот как писал об этом 7 апреля 1917 г. министру юстиции Временного правительства А. Ф. Керенскому управляющий Могилевской архиепархией епископ И. Цепляк: «Долгое время самые справедливые требования католиков об освобождении их Церкви от угнетающих ее ограничений оставляемы были без внимания; долгое время религиозное их чувство было всячески оскорбляемо. Ныне мы уверены, что свобода совести, возвещенная Временным правительством, будет в полном объеме осуществлена и что, таким образом, будет и нам, католикам, предоставлена возможность верить, молиться и ведать духовными нашими делами по велениям нашей совести и по правилам нашей церкви». См.: РГИА. Ф. 826. Оп. 3. Д. 127. Л. 385, 387.

Была еще одна причина, по которой судебные и административные органы не могли эффективно бороться с пропагандой религиозной и этнической нетерпимости, распространяемой в церковной среде. Согласно католической экклесиологии личная исповедь и пастырский совет относятся к вопросам конфиденциальности и пастырского попечения. Эта область церковной практики являлась частным делом и не могла регулироваться светским законодательством о веротерпимости. Свобода конфиденциальности могла быть использована духовенством и для христианского воспитания своей паствы, и для советов, провоцирующих проявления насилия над совестью православных, росту настроений враждебности, конфессионального и этнического превосходства. Разумеется, что реально бороться с пропагандой нетерпимости к православию в сфере пастырского попечения государственные органы были не в состоянии.

Оценивая сложившуюся ситуацию в области религиозных правонарушений, Н. А. Макаков писал: «Но приходится признаться, что далеко не во всех случаях представлялось возможным воздействовать на виновных своевременно и должным образом. Главное затруднение заключается в установлении фактических данных, которые бы свидетельствовали о виновности в том или ином случае ксендзов. Не говоря уже о тайне исповеди и невозможности свидетельскими показаниями подтвердить те внушения, которые во время исповеди делают ксендзы, приходится учитывать и то обстоятельство, что католики в большинстве случаев уклоняются от дачи показаний, направленных к изобличению действий р-к священника.

Поэтому можно смело утверждать, что те, все же довольно многочисленные случаи, когда представлялось возможным подвергнуть р-к священников административной, в порядке ст. 17 1 Устава иностранных исповеданий, или судебной ответственности, составляют лишь незначительную часть случаев участия ксендзов в деятельности, направленной против православия и русской народности»¹.

---

¹ РГИА. Ф. 821. Оп.150. Д. 150. Л. 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Северо-Западном крае на протяжении нескольких десятилетий практика относительно мирного сосуществования духовенства и верующих Православной и Католической церквей претерпевала трансформации и превращалась в религиозное противостояние, напряженность и открытые конфликты.

На этой территории традиционно существовавшие отношения веротерпимости находили свое выражение в распространенной практике смешанных браков православных и католиков, в соучастии мирян в богослужениях, в проявлениях различных форм уважения к храмам и духовенству иной конфессии. К ним на смену приходили отношения скрытой и явной враждебности, нежелание терпеть существование рядом с собой верующих соперничающей конфессии. Указанные явления и процессы оказывали воздействие на формирование ментальности населяющих край этнических групп, этнического самосознания и религиозных традиций православного и католического населения.

Обе традиции – религиозной терпимости и нетерпимости с разной степенью интенсивности – влияли на религиозно-этническую ситуацию в губерниях Северо-Западного края. Установление соотношения между ними в пользу стабильности, правопорядка и религиозного мира, при сохранении политики поддержки «господствующего» православия, служили мерилем эффективности деятельности МВД и местной администрации.

Действия правительства, администрации М. Н. Муравьева и его ближайших преемников, последовавшие после восстания 1863 г., коренным образом изменили религиозно-этническое, политическое и культурное соотношение сил в крае. Правительство, учитывая претензии польского национального движения на эту территорию, ставило своей целью упрочить свои позиции среди православно-католического населения. Для реализации этого политического проекта использовались факторы и аргументы политического, исторического, религиозного, этнического и социокультурного характера.

Появление польского католичества и усиление его позиций в первой половине XIX в. раскололо этническую группу белорусов вначале по религиозному, а затем, по мере усвоения польской религиозной традиции, и по этническому принципу. Процесс религиозного формирования новой этничности в среде католического русского населения воспринимался правительством в качестве политически опасного, способного к созданию механизмов политической мобилизации прихожан для достижения целей польского ирредентизма и сепаратизма. Результатом политики системного обрусения края, осуществляемого в форме модернизации и развития интеграционных процессов, стало усиление позиций «господствующего» православия и формирование русского самосознания этнической группы белорусов. Русская этничность формировалась на основе множественной идентичности: «я – белорус, и я – русский».

Административные и правовые ограничения, наложенные на религиозную жизнь «терпимой» Католической церкви как новая религиозная, правовая и политическая реальность, не получили ментальной легитимации в сознании и поведении католического клира и мирян. Часть римско-католического духовенства, опираясь на поддержку польской шляхты и дворянства, не могла примириться с российской властью и господствующим статусом «схизматической» Православной церкви. Это духовенство сохраняло патриотическую верность исторической Речи Посполитой, приверженность польской культуре и идеологии этноконфессионального и социокультурного превосходства над православием и русской культурой. Утверждающееся господство России в Северо-Западном крае воспринималось этой группой в категориях политического, религиозно-этнического и культурного угнетения.

Учитывая скрываемые настроения основной части католического духовенства и епископата, внешне демонстрировавших свою политическую лояльность, правительство воспринимало «терпимое» католичество в качестве потенциально опасного, но необходимого религиозного института, выполняющего важные социальные функции христианского воспитания населения. Осуществляемая в империи политика сохранения религиозного, культурного и этнического многообразия ее подданных, основанная на «Основных законах» и законодательстве о веротерпимости, в Северо-Западном крае имела свои особенности. Католическое духовенство настаивало на взаимоисключающей идентичности своей белорусско-малороссийской паствы по принципу: «я – католик, значит, я – поляк». Данное обстоятельство вызвало к жизни комплекс проблем религиозного, правового и политического характера, ставших свидетельством кризисных явлений в действующем институте имперской веротерпимости.

Попытки местной администрации и православного духовенства расширить конфессиональные границы православия и «русской народности» за счет католиков привели к появлению долговременной проблемы «упорствующих в латинстве». В то же время политический проект по формированию русского самосознания белорусов-католиков в форме указа от 25 декабря 1869 г., осуществляемый с помощью верхушечных административных средств, вызвал негативную реакцию у католической иерархии духовенства и мирян, поддержанных Римской курией. В ряде костелов Минской губернии возникла еще одна группа «упорствующих», отстаивавших необходимость сохранения польского языка в дополнительном католическом богослужении. Дополнительными источниками межрелигиозной напряженности и конфликтов на территории края стали сфера народного просвещения, законодательство и административная практика обеспечения верующих костельными зданиями.

Ответной реакцией духовенства на политику системного обрусения края стали перманентные правонарушения действующего законодательства, защищающего привилегии «господствующей» Церкви, и административных распоряжений генерал-губернаторов края, принятых после восстания 1863 г.

Политизация церковно-государственных отношений, осуществляемая правительством и администрацией в нарушение норм законодательства о веротерпимости, затрагивала религиозные интересы духовенства и многочисленных слоев католического населения. Особые социальные последствия эта политизация приобретала в западном регионе, который издавна был предметом политического и религиозно-этнического спора между Россией и польским национальным движением. Поэтому проблемы веротерпимости, связанные с ограничением прав католического духовенства и верующих, нетерпимостью и религиозными конфликтами в крае, получали общегосударственный резонанс и оказывали воздействие на реформирование государственно-конфессиональных отношений в Российской империи.

Первые позитивные перемены, осуществляемые в рамках традиционного института веротерпимости, были связаны с началом правления императора Николая II. В это время принимается ряд мер по восстановлению законности в таких сферах, как ремонт и строительство костелов (указ от 10 июля 1896 г.), религиозное воспитание католиков в народной школе (указ от 25 июня 1897 г.) и языковая политика в костелах Минской губернии (высочайшие повеления от 3 апреля 1897 г. и 12 ноября 1901 г.).

Произведенная правительством частичная деполитизация сферы церковно-государственных отношений позволила разрешить ряд конфликтов и противоречий, подрывавших доверие католиков к монархии и имперскому институту веротерпимости. Однако события, последовавшие после издания Манифеста от 26 февраля 1903 г., показали, что часть католического духовенства и мирян Северо-Западного края и белорусских губерний начинает проявлять обостренное недовольство сложившейся системой административного и правового регулирования отношения этой «терпимой» Церкви с государством и «господствующим» православием.

Выбор, сделанный правительством в пользу расширения правовых границ традиционного института веротерпимости, нашел свое выражение в форме указов от 12 декабря 1904 г. и 17 апреля 1905 г.

Правительство, издавая указ о веротерпимости, отменяло одну из тех важнейших привилегий православия, которая ассоциировалась в глазах у современников с ее «господствующим» положением в государстве. Принципиальная новизна религиозно-правовой реформы заключалась в том, что «господствующая» Православная церковь лишалась права насильственно удерживать своих членов от перехода в другие вероисповедания. Упраздняя принуждение, которое было характерно для действовавшего ранее религиозного законодательства, правительство вносило тем самым сокращения в объем правовых привилегий православия.

Введение новых религиозных свобод рассматривалось правительством в качестве инструмента укрепления политической лояльности традиционно «терпимых», а также дискриминируемых ранее религиозных общин старообрядцев и сектантов к российской монархии. Законодатель рассчитывал на то, что указ станет фактором, способствующим религиозно-этнической консолидации российского общества и укреплению в нем гражданского согласия. Это была попытка правового решения проблем, вызванных нормами существовавшего ранее государственного принуждения в религиозной сфере.

По замыслу правительства, модернизация института веротерпимости в форме указа от 17 апреля 1905 г. должна была деполитизировать отношение государства к Римско-католической церкви. В этой связи предполагалось устранить причины религиозных конфликтов, вызванных принудительным удержанием в православии тех, кто желал исповедовать католичество, снять административные ограничения, наложенные на деятельность католического духовенства, расширить возможности костельного строительства и предоставить учащимся католикам право изучать Закон Божий на «природном» языке. Религиозные свободы, возникшие в рамках реформированного института веротерпимости, имели известный предел. Законодательство по-прежнему предусматривало запрет на прозелитизм. Сохранялся и ряд существенных привилегий для «господствующей» Церкви.

Указ о веротерпимости и последовавшие за ним законы от 26 декабря 1905 г. не принесли ожидаемого правительством стабилизирующего эффекта и не привели к снижению межконфессиональной напряженности. Возникли новые проблемы и противоречия, заложенные в церковно-государственных, межконфессиональных и межэтнических отношениях, сложившихся на территории Северо-Западного края. К моменту издания указа не были разработаны и утверждены правовые механизмы его применения. Поэтому реакция правительства на негативные социальные последствия исполнения указа католической стороной носила запаздывающий характер. В итоге процесс разработки механизмов применения положений нового закона для решения религиозных проблем католического населения потребовал от МВД нормотворческой деятельности, затянувшейся вплоть до времени Первой мировой войны.

Правительство, разработавшее указ от 17 апреля 1905 г., проявило проницательность в главном политическом аспекте даруемой религиозной свободы, принципиально расходясь в этом вопросе с обер-прокурором К. П. Победоносцевым. Как показали события 1905–1907 гг., местный католицизм действительно перестал быть тем политическим врагом России, каким он был в 1863 г. Учет этого основного обстоятельства при разработке указа и вызвал, в свою очередь, необходимость поиска более гибких и эффективных механизмов правовой регуляции отношений с католичеством в рамках законодательства о веротерпимости. Что же касается причин, приведших к резкому обострению религиозно-этнической ситуации в Ковенской, Виленской, Гродненской, Минской и Витебской губерниях, их перечень и содержание выглядят следующим образом.

Во-первых, правительство не смогло правильно оценить все возможные риски, связанные с миссионерским потенциалом католицизма в Северо-Западном крае, его поддержку со стороны польских землевладельцев, шляхты и сочувствовавшей им местной администрации. Не была учтена степень напряженности и глубина религиозно-этнического противостояния в регионе, о чем когда-то настойчиво предупреждал российских императоров К. П. Победоносцев. Обер-прокурор был безусловно прав в том, что к началу XX в. связь католичества с польской и литовской идентичностью усилилась, что привело

к накоплению скрытых межрелигиозных и межэтнических противоречий. В результате часть католического духовенства, включая иерархию, оказалась не готовой к восприятию свободы, как универсальной социальной ценности, и стремилась использовать ее исключительно в своих узкоконфессиональных и этнических интересах, нередко нарушая при этом правовые нормы и принципы христианской морали. Это привело на практике к различным фальсификациям в интерпретации указа и разжиганию религиозно-этнической розни по отношению к православному населению. Реализация указа по времени совпала с началом революционных потрясений на западных окраинах России, временно расшатавших государственный порядок и общественную дисциплину.

Во-вторых, часть католического духовенства ставила верность каноническому праву своей Церкви выше уважения к российскому законодательству о веротерпимости. И хотя прозелитизм среди православных по-прежнему был запрещен законом, предоставленная указом возможность покинуть «господствующую» Церковь позволила на практике продолжать незаконную прозелитическую деятельность. В основе такого поведения лежал не только правовой нигилизм, свойственный части католического духовенства, но и упрощенное понимание христианской миссии. Духовенство было убеждено, что только Римско-католическая церковь является истинной, поэтому совершенно законно и необходимо заниматься прозелитизмом среди православных христиан-схизматиков, а там, где проповедь оказывается неэффективной, следует прибегать к принудительным мерам и фальсификациям. На уровне иерархии приоритет канонического права над российским законодательством выразился в попытках установления «двоевластия» в области переходов из православия в католичество и в практике определения «природного» языка учащихся.

В-третьих, исключительная еkkлезиология Римско-католической церкви находила свое радикальное выражение в настроениях и демонстрации религиозного превосходства истинной веры над «схизматическим» православием. Дополнительным источником появления подобных массовых настроений была разница в правовых статусах обеих соперничавших церквей. Католичества как Церкви «терпимой» и православия как Церкви «господствующей». Часть духовенства и мирян стремилась компенсировать ограничения, наложенные законодательством на права их Церкви, демонстрацией своего еkkлезиологического и догматического превосходства за счет порицания авторитета православия и русской культуры. Они хотели добиться конфессионального реванша, понимаемого как восстановление исторической справедливости, и укрепить религиозные, этнические и социокультурные позиции католичества, серьезно ослабленные после 1863 г.

В-четвертых, религиозно-этническая нетерпимость к православию как воплощению «русского начала», агрессивность, проявляемая на «низовом» уровне, свидетельствовали о тенденции к охлократическому решению сложных правовых вопросов возвращения католической собственности и восстановления утраченных приходов. В свою очередь, охлократические способы решения имущественных, религиозно-правовых и языковых проблем стали результатом организованной католическим духовенством пропагандистской кампании, основанной на дискредитации православия, фальсификациях и подлогах.

В-пятых, «низовая» враждебность к православию, основанная на убеждении в превосходстве католичества, оказалась неразрывно связанной со стихийным трайбализмом, т. е. идейно и политически неоформленным польским этническим национализмом. Этот вид трайбализма содержал в себе примитивный комплекс шляхетского, социокультурного высокомерия по отношению к русским и их культуре. Наличие указанного комплекса приводило к тому, что этническая враждебность к русскому (православному) населению, усиливаемая эксклюзивной религиозной составляющей, представляла собой угрозу для целостности Российской империи. Проявление «низового» религиозно-этнического и клерикального трайбализма в поведении и настроениях части католического духовенства прихожан снижало эффективность мер, предпринимаемых администрацией для стабилизации межконфессиональных отношений в регионе.

В-шестых, столкновение между католической иерархией и правительством по вопросу определения «природного» языка преподавания католического Закона Божьего выявило противоречие в интерпретации указа от 17 апреля 1905 г. В основе этого конфликта лежали различные представления о школьных механизмах формирования этнической идентичности католиков-белорусов. Отстаиваемые правительством принципы общероссийского гражданского образования противостояли выдвигаемому епископом фон Роппом проекту создания сегрегированной системы религиозно-этнического просвещения католиков. Вопрос о «природном» языке учащихся-католиков оказался тесно связанным с богослужебной практикой костела и деятельностью тайных польских школ. Попытка правительства приостановить процессы колонизации белорусов встретили сопротивление не только со стороны иерархии, духовенства и мирян, но и Римской курии. Защита русской идентичности белорусов-католиков, предпринимаемая МВД в новых правовых условиях, вновь обострила противоречия между государством и католическим духовенством.

В-седьмых, резкий рост религиозного насилия и правонарушений со стороны католического духовенства и мирян, усилившийся после 1905 г., вызвал неизбежную реакцию правительства. Следствием этой реакции стали коррективы, которые вносились в нормативные механизмы реализации указа от 17 апреля и законов от 26 декабря 1905 г. Эти меры позволяли правительству учитывать не только религиозные интересы католического духовенства и населения, но и особенности их правосознания и поведения. Адаптация нового законодательства к региональным условиям Северо-Западного края и белорусских губерний не встретила понимания со стороны католической иерархии и духовенства. Они усматривали в действиях правительства отступление от норм указа о веротерпимости, а правовое положение Римско-католической церкви в России оценивали как несправное и угнетенное.

Существенно сократив область государственного, т. е. вертикального принуждения, применяемого для поддержания претензий православия на исключительный статус среди религиозных сообществ России, указ от 17 апреля 1905 г. упразднил тем самым важную причину, инициировавшую проявления нетерпимости как со стороны государства и «господствующей» Церкви, так и отдельных групп католического духовенства и населения. Поэтому продолжавшиеся в новых условиях проявления религиозной нетерпимости в Северо-Западном крае вызывались уже не столько административно-правовым воздействием государства, по-прежнему сохранявшего запрет на прозелитизм среди православных и преимущества православия в смешанных браках, сколько прозелитическими приемами и уровнем усвоения светского правосознания частью духовенства и паствы Римско-католической церкви. Это свидетельствовало о том, что в условиях расширения религиозной свободы основными мотивами межконфессиональных конфликтов и противоречий стали принципы нетерпимости, заложенные в самой церковной традиции, религиозной и этнической ментальности части католического духовенства и мирян, проявляемые ими в повседневной практике приходской и семейной жизни.

Негативные явления в форме религиозного насилия и нетерпимости, узкоконфессиональные и этнические интерпретации указа от 17 апреля 1905 г., нарушавшие интересы государства и «господствующей» Церкви, вынудили имперское правительство вернуться к политике частичной политизации отношений с Римско-католической церковью. Эти меры, призванные препятствовать развитию местной польской ирреденты, осуществляемой на этнической и конфессиональной основе, не поколебали решимости правительства П. А. Столыпина действовать в рамках нового религиозного законодательства. Признавая опасность, которую представлял для целостности государства польский сепаратизм, формируемый с помощью костела, МВД учитывало политические дивиденды, которые принесла правительству модернизация института веротерпимости. После гибели П. А. Столыпина правительство, несмотря на комплекс сложных проблем, вызванный введением религиозных свобод, сохраняло преемственность в области конфессиональной политики. В своих действиях правительство по-прежнему исходило из представлений, что успешное развитие процессов интеграции западных окраин империи с ее центром будет зависеть от прочности и устойчивости конфессиональной политики, основанной на принципах указа от 17 апреля 1905 г.

ЛИТЕРАТУРА

- А. Р. Историческая переписка о судьбах Православной церкви / А. Р. М., 1912.
- Аксаков, И. С. Сочинения. Т. 4 / И. С. Аксаков. М., 1886.
- Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края / сост. А. И. Миловидов. Вильна, 1913–1915.
- Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданию / сост. при Министерстве внутренних дел, в канцелярии заведующего устройством православных церквей в Западных губерниях. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1864.
- Байкова, С. М. К вопросу об участии крестьян Белоруссии в восстании 1863 г. / С. М. Байкова // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963.
- Байкова, С. М. О движущих силах восстания 1863 г. на территории Белоруссии / С. М. Байкова // Историко-социологические исследования (по материалам славянских стран). М., 1970.
- Бакаев, Ю. Н. История государственно-церковных отношений в России / Ю. Н. Бакаев. Хабаровск, 1994.
- Барсов, Т. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству Православного исповедания / Т. Барсов. СПб., 1885. Т. 1.
- Белецкий, А. Сорокалетие русской начальной школы в Северо-Западном крае России (Памяти А. П. Ширинского-Шихмагова). 2-е изд. Вильна, 1905.
- Белецкий, А. В. Краткий исторический обзор деятельности управления Виленского учебного округа в XIX столетии / А. В. Белецкий // Виленский календарь на 1904 г. Вильна, 1903.
- Белецкий, А. В. Неудавшаяся попытка дать латинскому духовенству западной России воспитание в русском духе. Сочинения Русского / А. В. Белецкий. Вильна, 1897.
- Беляева, А. В. Церковь и государство в России в начале XX в. / А. В. Беляева. Ярославль, 1999.
- Бендин, А. Ю. Модернизационный потенциал указа 17 апреля 1905 г. и риски применения его на территории Северо-Западного края / А. Ю. Бендин // Россия и революция 1917 года: опыт истории и теории: материалы Всерос. науч. конф. 12–13 ноября 2007 г. СПб., 2008.
- Бендин, А. Ю. Указ о веротерпимости и его реализация в Северо-Западном крае Российской империи (1905 г.) / А. Ю. Бендин // Вестн. РГГУ. 2009. № 17.
- Бендин, А. Ю. Феномен «упорствующих» как проблема веротерпимости в Северо-Западном крае / А. Ю. Бендин // Славяноведение. 2008. № 4.
- Бендин, А. Ю. Религиозно-этнические проблемы интерпретации указа о веротерпимости от 17 апреля 1905 г. в Северо-Западном крае Российской империи / А. Ю. Бендин // Исторические записки: международный альманах. Вып. 11 (129) / отв. ред. Б. В. Ананьич. М., 2008.
- Бердников, И. А. К вопросу о церковной дисциплине / И. А. Бердников // Православный собеседник. 1902. № 3.
- Библиофил. Русско-польские отношения. Вильна, 1897.
- Бобржинский, М. Очерк истории Польши / М. Бобржинский. СПб., 1888. Т. 2.
- Борисов, А. В. Министры внутренних дел России 1802–1917 / А. В. Борисов. СПб., 2006.
- Буткевич, Т. И. О миссии католической и протестантской / Т. И. Буткевич. Харьков, 1908.
- Буткевич, Т. И. Устройство и управление Римско-католической церкви вообще и в России в частности / Т. И. Буткевич. Харьков, 1916.
- Валуев, П. А. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел / П. А. Валуев / под ред. П. А. Зайончковского. М., 1961. Т. 1–2.
- Верховский, П. Правовое положение христианских Церквей на Западе и в России: Программа специального курса / П. Верховский. Варшава, 1911.
- Виленец, Л. О языке преподавания в народных школах С-З края / Л. Виленец. Вильна, 1912.
- Винтер, Э. Папство и царизм / Э. Винтер. М., 1964.
- Владимиров, А. П. О введении русского языка в богослужения католической и протестантской церкви в Северо-Западном крае / А. П. Владимиров // Вестн. Европы. 1981. № 2.
- Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д. А. Милютин. 1863–1864 гг. / Д. А. Милютин. М., 2003.
- Воспоминания о И. П. Корнилове. М., 1909.

Восстание в Литве и Белоруссии: 1863–1864 гг. Материалы и документы / под ред. В. Дьякова [и др.]. М., 1965.

«Всепопданнейший отчет...» виленского, гродненского и ковенского генерал-губернатора П. Д. Святополк-Мирского Николаю II / Падрыхтавалі да друку М. Біч і В. Пічукоў // Беларускі гістарычны часопіс. 1997. № 2.

Гергей, Е. История папства / Е. Гергей. М., 1996.

Горизонтов, Л. Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основание для стереотипов и автостереотипов / Л. Е. Горизонтов // Славяноведение. 2004. № 1.

Гр. К-ч. По вопросу о смешанных браках / Гр. К-ч. // Вестн. Виленского Свято-Духовского братства. 1910. № 6.

Градовский, А. Д. Исторический очерк учреждения генерал-губернаторств в России / А. Д. Градовский // Собр. соч. СПб., 1999. Т. 1.

Граф *Лелива (Тышкевич А.)*. Русско-польские отношения / Граф Лелива (А. Тышкевич). Лейпциг, 1895.

Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі / пад рэд. Н. М. Нікольскага (1772–1903 гг.). Мінск, 1940. Т. 2.

Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX– начало XX в.) / В. С. Дякин // Сб. документов. СПб., 1998.

Е. Р. Русский раскол и законодательство / Р. Е. // Вестн. Европы. 1880. № 5.

Евсевий (Орлинский), архиеп. Письма Евсевия, архиепископа Могилевского к А. В. Горскому / Евсевий (Орлинский), архиеп. // Богословский вестн. 1914. № 10–11.

Жиркевич, А. В. Сонное царство великих начинаний (К столетнему юбилею дня рождения И. П. Корнилова) / А. В. Жиркевич. Вильна, 1911.

Законоположения и правительственные распоряжения до Римско-католической церкви в России, относящиеся со времени царствования царей Петра и Иоанна Алексеевичей с 1669 по 1867 год включительно. Вильна, 1868.

Западные окраины Российской империи / под общ. ред. М. Долбилова, А. Миллера. М., 2006.

Иванцов-Платонов, А. М., свящ. О Римском католицизме и его отношении к Православию. Очерк истории, вероучения, богослужения, внутреннего устройства Римско-католической церкви и ее отношения к православному Востоку: в 2 ч. / А. М. Иванцов-Платонов, свящ. М., 1869.

Из бумаг графа М. Н. Муравьева. СПб., 1898.

Из переписки М. Н. Муравьева относительно религиозных и церковно-обрядовых вопросов Северо-Западного края (1863–1864 гг.) / публ. А. И. Миловидова // Русский архив. 1914. № 12.

Из религиозно-общественной жизни г. Минска // Миссионерское обозрение. 1906. № 2.

Извеков, Н. Д., свящ. Макарий, митрополит Московский, в его деятельности по управлению литовской епархией / Н. Д. Извеков, свящ. СПб., 1897.

Извлечение из всепопданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1880 г. СПб., 1882.

Извлечение из всепопданнейшего отчета обер-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстого по ведомству православного исповедания за 1866 г. СПб., 1867.

Иосиф (Семашко), митр. Записки Иосифа, митрополита литовского / Иосиф (Семашко), митр. СПб., 1883. Т. 1–2.

История Римско-католической Церкви в Российской империи (XVIII–XX вв.) в документах Российского государственного исторического архива. СПб.; Варшава, 1999.

История Церкви Римской. Киев, 1878.

Как отразился на православной церкви высочайший указ о свободе вероисповеданий // Миссионерское обозрение. 1906. № 1.

Кальнев, М. О молитве за умерших инославных христиан / М. Кальнев. СПб., 1906.

Канторович, Я. А. Законы о веротерпимости с приложением свода распоряжений по кассационным решениям Сената / Я. А. Канторович. СПб., 1899.

Карсавин, Л. П. Католичество / Л. П. Карсавин. Пг., 1918.

Катков, М. Н. Собрание статей по польскому вопросу / М. Н. Катков. М., 1887.

К-ий, Гр. Воспоминания о Сенчиковском / Гр. К-ий. СПб., 1910.

Киприанович, Г. Я. Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского, и воссоединение западно-русских униатов с православной церковью в 1839 г. / Г. Я. Киприанович. Вильна, 1893.

Киприанович, Г. Я. Очерк жизни и деятельности Иосифа Семашки / Г. Я. Киприанович. 2-е изд. Вильна, 1897.

Кириллов, А. Пятилетию высочайшего указа 17 апреля 1905 г. / А. Кириллов // Православный братчик. 1910. № 4.

- Колемин, Ю.* Римский духовный цезаризм перед лицом соборной Православной церкви / Ю. Колемин. СПб., 1913.
- Корвин-Милевский, И. К.* О реформе римско-католического духовенства в Северо-Западном крае / И. К. Корвин-Милевский. Вильна, 1912.
- Корнилов, И.* Стоит ли вводить русский язык в костелы западных губерний / И. Корнилов. СПб., 1897.
- Краинский, В.* О возможном разрешении католического вопроса в России / В. Краинский. Киев, 1868.
- Краинский, В.* О католицизме по католическим источникам / В. Краинский. Киев, 1873.
- Красножен, М.* К вопросу о свободе совести и о веротерпимости / М. К. Красножен. Юрьев, 1905.
- Краткая римско-католическая церковная история. Вильна, 1870.
- Крачковский, Ф. Ф.* Пятидесятилетие воссоединения западно-русских униатов с православной церковью / Ф. Ф. Крачковский. СПб., 1889.
- Кулин, В. П.* Из записок виленского старожила / В. П. Кулин // Русская старина. 1893. № 7.
- Лебедев, М. К.* К вопросу об отношении Церкви к государству (к характеристике славянофильских течений) / М. К. Лебедев // Православный собеседник. 1906. № 7.
- Лебедев, М. К.* К вопросу об отношении церкви к государству / М. Лебедев // Православный собеседник. 1906. № 1–2.
- Липранди, А. П. (А. Вольнец).* Польша и польский вопрос / А. П. Липранди (А. Вольнец). СПб., 1901.
- Лузин, А.* Церковь и ведомство православного исповедания / А. Лузин. Сергиев-Посад, 1912.
- Лысенко, Л. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII – начало XX в.) / Л. М. Лысенко. М., 2001.
- Лясковский, А. И.* Литва и Белоруссия в восстании 1863 г. (по новым архивным материалам) / А. И. Лясковский. Берлин, 1939.
- Мартыновский, А. (Востоков Авд.)* Об отношениях Римско-католической церкви к другим христианским церквям / А. Мартыновский (Востоков Авд.). СПб., 1857.
- Мельгунов, С.* Церковь и государство в России (К вопросу о свободе совести) / С. Мельгунов. М. 1907.
- Мельников, П.* Два мира. К вопросу об отделении Церкви от государства / П. Мельников. Берлин, 1907.
- Миловидов, А. И.* Деятельность графа М. Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае (1863–1865 гг.) / А. И. Миловидов // ЖМНП. 1905. № 7.
- Милютин Д. А.* Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина: 1783–1864 / Д. А. Милютин / под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2003.
- Морозов, П.* Русское дело в Литовской Руси / П. Морозов // Русский вестн. 1883. № 7.
- Муравьев М. Н.* Всеподданнейший отчет графа М. Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем (с 1 мая 1863 г. по 17 апреля 1865 г.) / М. Н. Муравьев // Русская старина. 1902. № 6.
- Муравьев, М. Н.* Записки его об управлении Северо-Западным краем и об усмирении в нем мятежа. 1863–1865 гг. / М. Н. Муравьев // Русская старина. 1882. № 11, 12. 1883. № 1–3.
- Мэнхеттен, А.* Государство Ватикан. Власть и Римская Курия / А. Мэнхеттен. М., 2002.
- Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / гал. рэд. М. П. Касцюк. Мінск, 1994. Ч. 1.
- Национальная политика России: история и современность / отв. ред. С. В. Кулешов. М., 1997.
- Никитенко, А. В.* Дневник: в 3 т. 1858–1865 / А. В. Никитенко. М., 1956.
- Никодим (Милаш).* Римская пропаганда, ее история и нынешнее состояние / Никодим (Милаш) // Странник. 1888. № 1, 2.
- Новиков, Л. П.* Метрики у православных, инославных, старообрядцев, сектантов, евреев, караимов и магометан / Л. П. Новиков; под ред. прот. Каллиста. СПб., 1907.
- Новый закон об укреплении начал веротерпимости. СПб., 1905.
- Орловский, К.* О римско-католических семинариях в России / К. Орловский. СПб., 1907.
- Павлов, А. С.* Курс церковного права / А. С. Павлов. СПб., 2002.
- Палибин, М.* Устав духовных консисторий с дополнениями и разъяснениями правительствующего Сената / М. Палибин. СПб., 1912.
- Памяти И. П. Корнилова. СПб., 1911.
- Памятная книжка виленского генерал-губернаторства / под ред. А. М. Семеновского. СПб., 1868.
- Памятная книжка Виленской губернии за 1907. Вильна, 1907.
- Победоносцев, К. П.* и его корреспонденты. Письма и записки с предисловием М. Н. Покровского. Т. 1–2 / К. П. Победоносцев. М.; Пг., 1923.
- Победоносцев, К. П.* Письма Александру III / К. П. Победоносцев. М., 1925–1926. Т. 2.
- Полиевктов, С. П.,* свящ. Цезарепапизм и православная церковь. Вып. 1: Участие государственной власти в церковных делах в современной России сравнительно с Византией / С. П. Полиевктов. М., 1912.

- Пороховицков, А. А.* Подвиг Муравьева – настольная книга правителям и правительствам / А. А. Пороховицков. СПб., 1898.
- Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной церковью западно-русских униатов. СПб., 1889.
- Распоряжения графа М. Н. Муравьева по делу народного образования в Северо-Западном крае в 1863–1865 гг. Витебск, 1898.
- Ратч, В. Ф.* Сведения о польском мятеже в Северо-Западной России / В. Ф. Ратч. Вильна, 1867. Т. 1.
- Ремнев, А. В.* Генерал-губернаторская власть в XIX столетии: К проблеме организации регионального управления Российской империи / А. В. Ремнев // Имперский строй России в региональном измерении. М., 1997.
- Римский, С. В.* Конфессиональная политика России в Западном крае и Прибалтике XIX столетия / С. В. Римский // Вопросы истории. 1998. № 3.
- Риттих, А. Ф.* Обиженный край / А. Ф. Риттих. СПб., 1911.
- Рожков, В.* Очерки по истории Римско-католической церкви / В. Рожков. М., 1998.
- Рэлігія і царква на Беларусі: энцыклапедычны даведнік / рэдкал.: Г. П. Пашкоў [і інш.]. Мінск, 2001.
- С. Л. К.* Римско-католическая церковь в России и за границей / Л. К. С. // Вестн. Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1914. № 7–8.
- Савва (Тихомиров),* архиеп. Сергиев Посад, 1901–1902. Т. 3, 4.
- Сборник документов музея графа М. Н. Муравьева / сост. А. В. Белецкий. Вильна, 1906.
- Свод постановлений, ограждающих веру и православную церковь. СПб., 1903.
- Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий, христианских и иноверных // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. 11, ч. 1.
- Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий, христианских и иноверных. Изд. 1896 г. (по продолжению 1906) // Свод законов Российской империи. СПб., б/г. Т. 11, ч. 1.
- Серафимович, А.* Правила и практика Церкви относительно присоединения к православию неправославных христиан. 2-е изд. / А. Серафимович. Кострома, 1882.
- Сергий (Серафимов).* О правилах и чинопоследованиях принятия неправославных христиан в православную церковь / Сергей (Серафимов). Кострома, 1881; Вятка, 1894; Астрахань, 1904.
- Сергий, еп. Вятский.* О правилах и чинопоследованиях принятия неправославных христиан в православную церковь. 3-е изд. / Сергей, еп. Вятский. Вятка, 1894.
- Серебренников, Н.* Устав духовных консисторий с разъяснениями святейшего Синода / Н. Серебренников. М., 1912.
- Середонин, С. М.* Исторический обзор деятельности Комитета министров. Т. 3 / С. М. Середонин. СПб., 1902.
- Сидоров, А. А.* Польское восстание 1863 г.: Исторический очерк / А. А. Сидоров. СПб., 1903.
- Слово православной правды о новейших приемах латинской пропаганды. Вильна, 1896.
- Смирнов, А. Ф.* Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии / А. Ф. Смирнов. М., 1963.
- Соколов, К.* Очерк истории и современное значение генерал-губернатора / К. Соколов // Вестн. права. 1903. № 8.
- Соколов, Н. К.* Охранение (гражданской властью) православной веры в отечестве / Н. К. Соколов // Православный собеседник. 1858. № 2.
- Сосно, В. А.* Виленский край как перекресток этнических и культурных влияний (XIX – начало XX в.) / В. А. Сосно // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995.
- Сретенский, П.* Критический анализ главных учений об отношениях между церковью и государством / П. Сретенский. М., 1878.
- Станкевич, А. А.* Очерк возникновения русских поселений на Литве / А. А. Станкевич. Вильна, 1909.
- Таляронак, С. В.* Генерал М. М. Мураўёў-Віленскі / С. В. Таляронак. Мінск, 1998.
- Татищев, С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование / С. С. Татищев. М., 1996. Т. 1–2.
- Тихомиров Л.* Вероисповедный состав России и обязательность для Русского государства исторической вероисповедной политики / Л. Тихомиров // Миссионерское обозрение. 1902. № 3.
- Тишков, В. А.* Этнология и политика: Научная публицистика / В. А. Тишков. М., 2001.
- Толбухов, Е. М.* В борьбе за русское дело (Эпизод из государственной деятельности К. П. фон Кауфмана) / Е. М. Толбухов // Исторический вестн. 1909. № 4.
- Толстой, Д. А.* Римский католицизм в России / Д. А. Толстой. СПб., 1877. Т. 2.
- Толстой, И. И.* Воспоминания министра народного просвещения 31 октября 1905 – 24 апреля 1906 г. / И. И. Толстой. М., 1997.

Троицкий, П. С. Отношение государства к церкви по воззрениям наиболее видных наших писателей и общественных деятелей / П. С. Толстой. М., 1909.

Труды съезда западнорусских православных братств, состоявшегося в г. Минске по инициативе Минского православного народного братства во имя животворящего Креста Господня. 29–31 августа 1908 г. Минск, 1908.

Труды съезда представителей западнорусских православных братств, состоявшегося в г. Вильне 2–5 августа 1909 г. Вильна, 1909.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных с разъяснениями по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената. 4-е изд. доп. СПб., 1873.

Устав духовных консисторий. СПб., 1898.

Устав иностранных исповеданий // Свод законов Российской империи. СПб., 1906. Т. 11, ч. 1.

Филевич, И. П. Польша и польский вопрос / И. П. Филевич. М., 1894.

Циркуляр по Виленскому учебному округу за 1899 год. Вильна, 1899.

Циркуляр по Виленскому учебному округу. Вильна, 1894.

Цылов, Н. И. Сборник распоряжений графа М. Н. Муравьева / Н. И. Цылов. Вильна, 1886.

Цьвікевіч, А. «Западно-руссизм»: нарысы гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цьвікевіч. Менск, 1993.

Чижевский, И. Устройство православной российской Церкви, ее учреждения и действующие узаконения по ее управлению / И. Чижевский. Харьков, 1898.

Шейнман, М. М. Ватикан и католицизм в конце XIX – начале XX в. / М. М. Шейнман. М., 1958.

Шестаков, И. А. Полвека обыкновенной жизни. Воспоминания. 1838–1881 / И. А. Шестаков. СПб., 2006.

Шилов, Д. Н. Государственные деятели Российской империи: главы высших и центральных учреждений (1802–1917) / Д. Н. Шилов. СПб., 2001.

Ширяев В. Н. Религиозные преступления. Историко-догматические очерки / В. Н. Ширяев. Ярославль, 1909.

Шлюбскі, А. Адносіны расійскага ўраду да беларускае мовы ў XIX ст. / А. Шлюбскі // Інстытут беларускай культуры. Запіскі Аддзелу гуманітарных навук. Працы клясы філэлёгіі. Менск, 1928. Кн. 2.

Штакеншнейдер, Е. А. Дневник и записки (1854–1886) / Е. А. Штакеншнейдер. М.; Л., 1934.

Шумов, С. История Ватикана: Власть и Римская курия / С. Шумов. М., 2002.

Янушкевич, П., свящ. К характеристике р-католицизма / П. Янушкевич, свящ. // Вестн. Виленского Православного Свято-Духовского братства. 1907. № 7.

1863 год на Меншчыне. Мінск, 1927.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. ФЕНОМЕН «УПОРСТВУЮЩИХ» В ЛАТИНСТВЕ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА ИНСТИТУТА ВЕРОТЕРПИМОСТИ	25
1. Конфессиональная политика виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева и его преемников	25
2. Драмы присоединения к православию: формирование сообщества «упорствующих»	34
3. Проблемы воцерковления «упорствующих» в латинстве	45
4. Сопrotивление «упорствующих» и «латинопольская» пропаганда	53
5. Мотивы и тактика религиозного противостояния «господствующей» Церкви	58
6. Меры по преодолению сопротивления «упорствующих» миссионерским усилием православного духовенства	62
7. Попытки решения проблемы «упорствующих» на государственном уровне	68
Глава II. ОБРУСЕНИЕ КОСТЕЛА КАК ПРОБЛЕМА ВЕРОТЕРПИМОСТИ	74
1. Подготовка указа от 25 декабря 1869 г. и создание механизма по его реализации	74
2. Начало реализации указа: победы и поражения правительства	84
3. Конфликт вокруг «распoлoчения» костела в Минской губернии. Позиция митрополита Гинтовта	94
4. Мотивы поведения и степень ответственности конфликтующих сторон	110
5. Достигнутый компромисс и его практические результаты	119
Глава III. ПРОБЛЕМЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ ВИЛЕНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА	129
1. Польское восстание 1863 г. и реформа народного образования в крае	129
2. Религиозный компромисс правительства и Католической церкви в народной школе: первые результаты	133
3. Церковноприходские школы в фокусе православно-католического противостояния в крае	146
4. «Тайные польские школы» и проблема «свободы веры» для католического населения	156
Глава IV. ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ И МОРАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ ВЕРОТЕРПИМОСТИ НАКАНУНЕ УКАЗА ОТ 17 АПРЕЛЯ 1905 Г.	167
1. Администрация Северо-Западного края и новые тенденции в поведении римско-католического духовенства после издания Манифеста от 26 февраля 1903 г.	167
2. Проблемы и противоречия нового политического курса П. Д. Святополк-Мирского	176
3. Манифест от 26 февраля 1903 г. и меры администрации и духовенства белорусских губерний по защите межконфессионального status quo	186
Глава V. ИДЕОЛОГИЯ И ЦЕЛИ УКАЗА ОТ 17 АПРЕЛЯ 1905 Г. «ОБ УКРЕПЛЕНИИ НАЧАЛ ВЕРОТЕРПИМОСТИ»	193
1. Подготовка к реформированию института веротерпимости. Указ от 12 декабря 1904 г.	193
2. Правовое решение проблемы религиозного принуждения	198

3. Меры Комитета министров по упразднению административного наследия в управлении Римско-католической церковью	204
4. Политико-религиозный аспект взаимоотношений между государством и Римско-католической церковью	206
5. Указ от 17 апреля 1905 г. «Об устранении стеснений в области религии и укреплении начал веротерпимости»	211
6. Риски применения указа о веротерпимости на западных окраинах Российской империи.....	215

**Глава VI. УКАЗ ОТ 17 АПРЕЛЯ 1905 г. И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИМ ЕПИСКОПАТОМ И ДУХОВЕНСТВОМ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КРАЯ И БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ** .....

1. Нормотворчество римско-католического епископата Северо-Западного края как форма исполнения нового вероисповедного закона	221
2. Подготовка и введение в действие циркуляра МВД № 4628 от 18 августа 1905 г.	227
3. Установление церковно-государственного «двоевластия» и его региональная специфика	230
4. Борьба администрации края за преодоление «двоевластия»	236
5. Проблемы применения циркуляра от 18 августа 1905 г. в белорусских губерниях	245
6. Проблемы установления государственного порядка регистрации переходов из православия в католичество в Северо-Западном крае	261

**Глава VII. МЕТАМОРФОЗЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ И РЕЛИГИОЗНАЯ
ТРАДИЦИЯ МЕСТНОГО КАТОЛИЦИЗМА** .....

1. Действие указа от 17 апреля 1905 г. в губерниях Северо-Западного края	273
2. Администрация А. А. Фрезе и проблемы соблюдения религиозного правопорядка летом и осенью 1905 г.	286
3. Указ от 17 апреля 1905 г. и проблемы установления религиозного правопорядка в белорусских губерниях	296
4. «Господствующая» Церковь и методы католической пропаганды	309

**Глава VIII. УКАЗ ОТ 17 АПРЕЛЯ 1905 г.: ПРОБЛЕМА ВОЗВРАЩЕНИЯ
КОСТЕЛОВ, КАПЛИЦ И ЦЕРКОВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ
РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ** .....

1. Попытки нелегального возвращения церковной собственности «снизу» и вызванные ими конфликты	321
2. Практика правового решения спорных вопросов о церковной собственности	330

**Глава IX. «ПРИРОДНЫЙ» ЯЗЫК УКАЗА ОТ 17 АПРЕЛЯ 1905 г. В КОНТЕКСТЕ
ПРОБЛЕМ ОБРАЗОВАНИЯ И ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ** .....

1. Попытка установления церковного «двоевластия» в области народного просвещения	344
2. Разрастание конфликта вокруг языка преподавания католического Закона Божьего в народных училищах	352
3. Русский язык в дополнительном католическом богослужении: новая попытка его введения после указа от 17 апреля 1905 г.	356
4. Увольнение епископа Эдуарда с Виленской кафедры	364
5. Продолжение борьбы за «природный» язык преподавания католического Закона Божьего	367
6. Тайное обучение: новый виток развития и реакция правительства на процесс колонизации белорусов	372
7. Противоречия между правительством и католической иерархией и духовенством по вопросам религиозного воспитания и обучения католиков	379
8. Этнополитическое измерение религиозных конфликтов и противоречий	386

Глава X. ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОВ ОТ 26 ДЕКАБРЯ 1905 г. О РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ И ПРОБЛЕМЫ РЕЛИГИОЗНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ	392
1. Новое законодательство о Римско-католической церкви и практика проведения крестных ходов.....	392
2. Столкновения католиков и православных в связи с водружением крестов.....	407
3. Формы проявления религиозной нетерпимости во взаимоотношениях между православными и католиками на приходском уровне.....	410
4. Религиозное принуждение в смешанных семьях.....	417
5. Проявления религиозной нетерпимости к православным со стороны римско-католического духовенства.....	422
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	428
ЛИТЕРАТУРА	433

На первой стороне обложки:
Паоло Учелло. Побивание камнями святого Стефана.
Фреска из кафедрального собора Сиены
(Италия, 1435 г.)

На четвертой стороне обложки:
Свод законов Российской империи.
Т. 1. СПб., 1857 г.

Научное издание

Бендин Александр Юрьевич
**ПРОБЛЕМЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ
В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
(1863–1914 гг.)**

В авторской редакции

Художник обложки *Т. Ю. Таран*
Технический редактор *Г. М. Романчук*
Корректоры *Л. С. Мануленко,*
Л. Н. Масловская, Н. П. Ракицкая
Компьютерная верстка *Т. А. Малько*

Ответственный за выпуск *А. Г. Купцова*

Подписано в печать 30.11.2010. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 35,47 + 0,32 цв. вкл.
Уч.-изд. л. 39,29 + 0,28 цв. вкл. Тираж 300 экз.
Зак.

Белорусский государственный университет.
ЛИ № 02330/0494425 от 08.04.2009.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика.
Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского
государственного университета».
ЛП № 02330/0494178 от 03.04.2009.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.